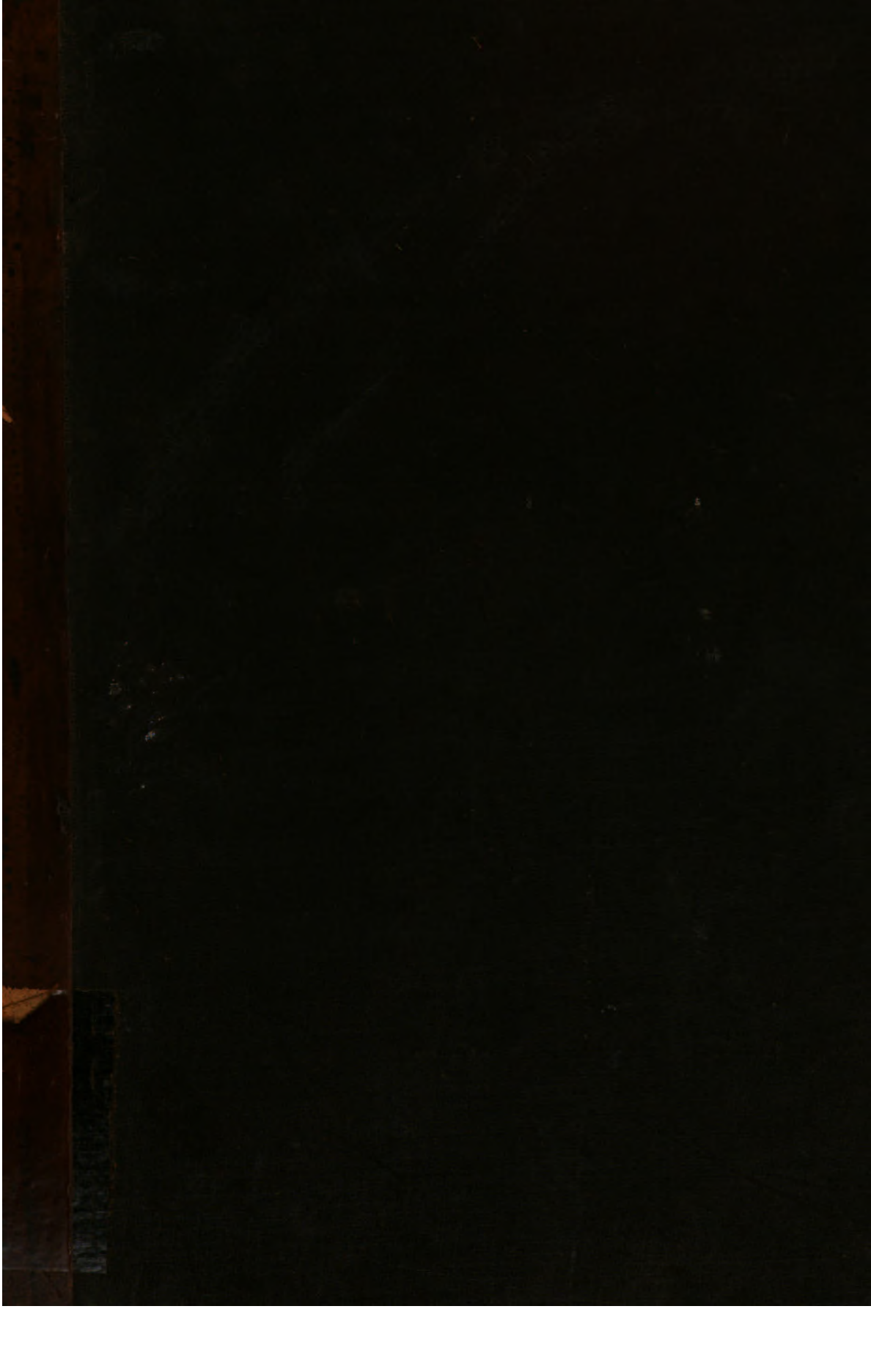
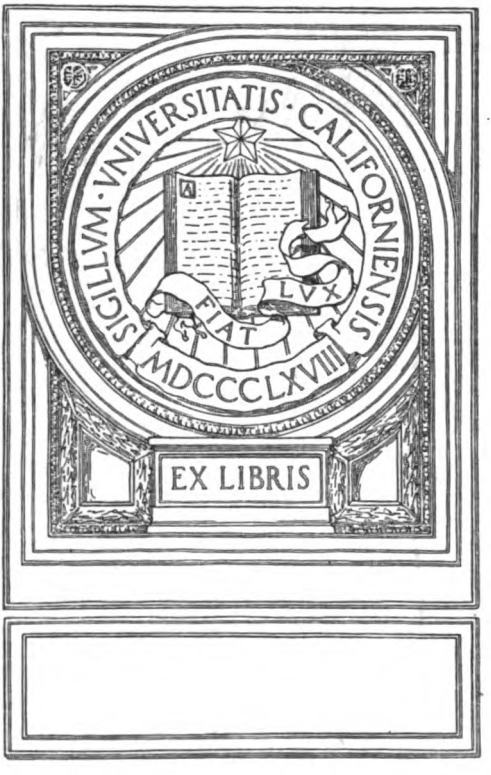


18212


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ X-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЗАПИСКИ ВРАЧА. В. Вересаева. (Продолженіе). 1
2. КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОЧАЛОВѢ. Письмо къ редактору. А. Ѳ. Кони. 38
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. СБОРЩИЦЫ КОЛОСЬЕВЪ. О. Чюминой. 46
4. РАЗСКАЗЫ. I. Концертъ. II. Венеціанскія зеркала. В. В. Голубева 49
5. АРТИСТЫ, ПУБЛИКА И ТЕАТРЪ У А. Н. ОСТРОВСКАГО (Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ XIX вѣкѣ). А. Ѳомина. (Окончаніе). . . . 65
6. СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО. Деревенскіе очерки Л. Нелидовой. (Продолженіе). 91
7. НЕУДАЧНИКЪ. (Фостэ Форландъ). Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зеньковичъ. (Продолженіе). 122
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Лекціи М. Тугана-Барановскаго. (Продолженіе). 148
9. СОКРАТЪ. (Лекція профессора Виндельбандта). Переводъ съ нѣмецкаго С. Ш—га. 166
10. У ПАШИХЪ ПРАВНУКОВЪ. Съ французскаго. Фантастическій разсказъ Ев. Фурньера, въ изложеніи Л. Давыдовой . 188
11. СИРОТА. (Изъ исторіи одной сѣренькой жизни). Повѣсть М. Альбова. (Продолженіе) 232
12. РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ. Акад. Ѳ. Н. Чернышева. 256

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Новая повѣсть г. Боборыкина «Однокурсники».—Намѣчаемые имъ типы.—Уравновѣшенные и идеалисты.—За кѣмъ побѣда въ окончательномъ итогѣ.—Памяти Лидіи Карловны Туганъ-Барановской. А. Б. 1
14. НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ. Е. Колтоновской. 10
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. О нижегородской «неблагонадежности». — Нарушеніе границы скопомъ.—Наши тюрь-

Годъ X-й. № 2-й.

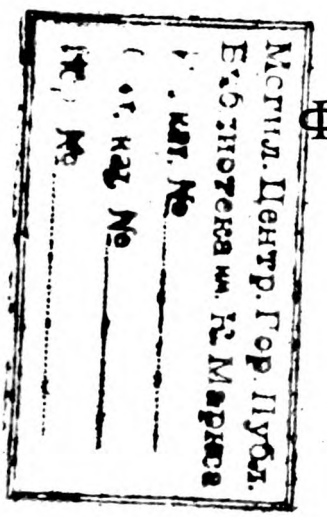
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

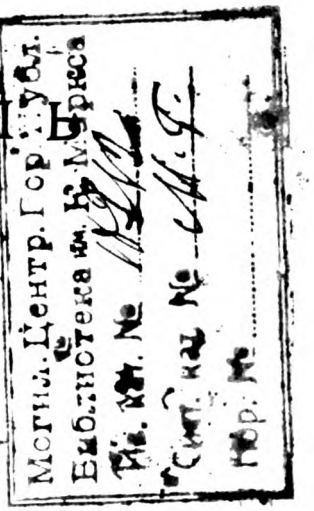
САМООБРАЗОВАНІЯ.



Могил. Центр. Гор. Публ. Библиотека им. К. Маркса
Ин. кат. №
Сист. кат. №
Гор. №

ФЕВРАЛЬ

1901 г.



Могил. Центр. Гор. Публ. Библиотека им. К. Маркса
Ин. кат. №
Сист. кат. №
Гор. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1901.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Дозволено цензурою 27-го января 1901 г. С.-Петербургъ.

АРО
М417
1901:2
МАН

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ЗАПИСКИ ВРАЧА. **В. Вересаева.** (Продолженіе).	1
2.	КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОЧАЛОВѢ. Письмо къ редактору. **А. Ѳ. Кони.**	38
3.	СТИХОТВОРЕНІЕ. СБОРЩИЦЫ КОЛОСЬЕВЪ. **О. Чюминой.**	46
4.	РАЗСКАЗЫ. I. Концертъ. II. Венеціанскія зеркала. **В. В. Голубева**	49
5.	АРТИСТЫ, ПУБЛИКА И ТЕАТРЪ У А. Н. ОСТРОВСКАГО. (Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ XIX вѣкѣ). **А. Ѳомина.** (Окончаніе). . . .	65
6.	СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО. Деревенскіе очерки **Л. Нелидовой.** (Продолженіе).	91
7.	НЕУДАЧНИКЪ. (Фостэ Форландъ). Романъ **Іонаса Ли.** Перев. съ норвежскаго **З. Зеньковичъ.** (Продолженіе).	122
8.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Лекціи **М. Тугана-Барановскаго.** (Продолженіе).	148
9.	СОКРАТЪ. (Лекція профессора **Виндельбандта**). Переводъ съ нѣмецкаго **С. Ш—га.**	166
10.	У НАШИХЪ ПРАВНУКОВЪ. Съ французскаго. Фантастическій разсказъ **Ев. Фурьера,** въ изложеніи **Л. Давыдовой** .	188
11.	СИРОТА. (Изъ исторіи одной сѣренькой жизни). Повѣсть **М. Альбова.** (Продолженіе)	232
12.	РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ. **Акад. Ѳ. Н. Чернышева**	256

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Новая повѣсть г. Боборыкина «Однокурсники».—Намѣчаемые имъ типы.—Уравновѣшенные и идеалисты.—За кѣмъ побѣда въ окончательномъ итогѣ.—Памяти Лидіи Карловны Туганъ-Барановской. **А. Б.**	1
14.	НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ. **Е. Колтоновской.**	10
15.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. О нижегородской «неблагонадежности». — Нарушеніе границы скопомъ.—Наши тюрь-	

884332

стр
мы.—Причины экономическаго упадка крестьянства по земскимъ отзывамъ.—Несчастный край.—Положеніе горнорабочихъ на югѣ Россіи.—Новая община сестеръ милосердія.—За мѣсяцъ. 14
16. **Изъ русскихъ журналовъ.** Устройство подвижныхъ школьныхъ музеевъ.—Влад. Серг. Соловьевъ.—Смѣна общественныхъ настроеній въ XIX вѣкѣ.—«Новая женщина» въ современной западно-европейской литературѣ.—Новыя вѣянія въ сценическомъ искусствѣ.—«Русскій Манчестеръ».—Возрожденіе ирландской національной борьбы. 28
17. **За границей.** Королева Викторія.—Университетскіе дебаты въ Англіи.—Австралійская федерація.—Новая школа во Франціи и общество соціальнаго воспитанія.—Арнольдъ Беклинъ. . . 37
18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Антимилиратизмъ въ Германіи.—Современный китайскій романъ.—Новый переворотъ въ промышленности 50
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ Современное состояніе вопроса объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ. Проф. **Мечникова.** Переводъ съ французскаго 54
20. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Газы аргонъ геліевой группы и періодическая система элементовъ.—Золото въ растеніяхъ. В. Агафонова.—† Потэнъ (Potain). Д-ра Левашева 68
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы—Исторія всеобщая.—Философія.—Учебныя книги.—Естествознаніе и путешествія.—Новыя книги поступившія въ редакцію. 74
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОБЕЗДОЛЕННЫЕ. Романъ Самуэля Гордона. Перев. съ англ. А. Каррикъ. (Продолженіе) 33
24. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. В. В. Рокхиля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. К. Агафонова съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рисунками и картой 37

Библиотека им.
Ин. кат. № 17212
Сист. кат. №
1901-II

ЗАПИСКИ ВРАЧА.

(*Продолженіе* *).

VI.

Я усердно работалъ въ нашей больницѣ и, руководимый старшими товарищами-врачами, понемногу пріобрѣталъ опытность.

Поскольку въ этомъ отношеніи дѣло касалось разнаго рода назначеній, то все шло легко и просто: я дѣлалъ назначенія, и, если они оказывались неразумными, старшій товарищъ указывалъ мнѣ на это, и я исправлялъ свои ошибки. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло тамъ, гдѣ приходилось усваивать извѣстные техническіе, оперативные пріемы. Однихъ указаній здѣсь мало; какъ бы мой руководитель ни былъ опытенъ, но главное все-таки я долженъ пріобрѣсти самъ; оперировать твердо и увѣренно можетъ только тотъ, кто имѣетъ навыкъ; а какъ получить этотъ навыкъ, если предварительно не оперировать — хотя бы рукою нетвердою и неувѣренною?

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ американецъ О'Двайеръ изобрѣлъ новый способъ леченія угрожающихъ съуженій гортани у дѣтей, преимущественно при крупѣ. Раньше при такихъ съуженіяхъ прибѣгали къ трахеотоміи: больному вскрывали спереди дыхательное горло и въ разрѣзъ вставляли трубку. Вмѣсто этой кровавой операціи, страшной для близкихъ больного, требующей хлороформа и ассистированія нѣсколькихъ врачей, О'Двайеръ предложилъ свой способъ, который заключается въ слѣдующемъ: операторъ вводитъ въ ротъ ребенка лѣвый указательный палецъ и захватываетъ имъ надгортанный хрящъ, а правою рукою посредствомъ особаго инструмента вводитъ по этому пальцу въ гортань ребенка металлическую трубочку съ утолщенной головкой. Трубка оставляется въ гортани; утолщенная головка ея, лежащая на гортанныхъ связкахъ, мѣшаетъ трубкѣ проскользнуть въ дыхательное горло; когда надобность минуетъ, трубка извлекается изъ

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1901 г.

гортани. Операція эта, которая называется *интубаціей*, часто достигаетъ удивительныхъ результатовъ и моментально устраняетъ удушье. Въ настоящее время она все больше вытѣсняетъ трахеотомію, которая остается только для тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаевъ, гдѣ интубація не помогаетъ.

Операція эта достигаетъ удивительныхъ результатовъ, проста и безболѣзненна, но... но лишь въ томъ случаѣ, если производится опытною рукою. Нуженъ большой навыкъ, чтобъ легко и безъ зацѣпки ввести трубочку въ больную гортань кричащаго и испуганнаго ребенка.

Въ дифтеритномъ отдѣленіи я работалъ подъ руководствомъ товарища, по фамиліи Стратоновъ. Я не одинъ десятокъ разъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ дѣлалъ интубацію, не одинъ десятокъ разъ самъ продѣлалъ ее на фантомѣ и на трупѣ. Наконецъ Стратоновъ предоставилъ мнѣ сдѣлать операцію на живомъ ребенкѣ. Это былъ мальчуганъ лѣтъ трехъ, съ пухлыми щеками и славными синими глазенками. Онъ дышалъ тяжело и хрипло, порывисто метаясь по постели, съ блѣдно-синеватымъ лицомъ, съ втягивающимися межреберьями. Его перенесли въ операціонную, положили на кушетку и забинтовали руки. Стратоновъ вставилъ ему въ ротъ расширитель, сестра милосердія держала мальчику голову. Я сталъ вводить инструментъ. Маленькая, мягкая гортань ребенка билась и прыгала подъ моимъ пальцемъ, и я никакъ не могъ въ ней оріентироваться. Наконецъ мнѣ показалось, что я нащупалъ входъ въ гортань; я началъ вводить трубку; но она уперлась концомъ во что-то и не шла дальше. Я надавилъ сильнѣе, но трубка не шла.

— Да не нажимайте, силою вы тутъ ничего не сдѣлаете,— замѣтилъ Стратоновъ.—Поднимайте рукоятку кверху и вводите совершенно безъ всякаго насилія.

Я вытащилъ интубаторъ и сталъ вводить его снова; долго тыкалъ я концомъ трубки въ гортань; наконецъ трубка вошла, и я извлекъ проводникъ. Ребенокъ,—задыхающійся, измученный,— тотчасъ же выплюнулъ трубку вмѣстѣ съ окровавленною слюною.

— Вы въ пищеводъ трубку ввели, а не въ гортань,—сказалъ Стратоновъ.—Нащупайте предварительно надгортанникъ и сильно отдавите его впередъ, фиксируйте его такимъ образомъ, и вводите трубку во время вдоха. Главное же—никакого насилія!

Красный и потный, я передохнулъ и снова приступилъ къ операціи, стараясь не смотрѣть на выпученные, страдающіе глаза ребенка. Гортань его опухла, и теперь было еще труднѣе оріентироваться. Конецъ трубки все упирался во что-то, и я никакъ не могъ побороть себя, чтобъ не попытаться преодолѣть препятствія силою.

— Нѣтъ, не могу!—наконецъ объявилъ я, нахмурившись, и вынулъ проводникъ.

Стратоновъ взялъ интубаторъ и быстро ввелъ его въ ротъ ребенка; мальчикъ забился, вытаращилъ глаза, дыханіе его на секунду остановилось; Стратоновъ нажалъ винтикъ и ловко вытащилъ проводникъ. Послышался характерный дующій шумъ дыханія черезъ трубку; ребенокъ закашлялъ, стараясь выхаркнуть трубку.

— Нѣтъ, разбойникъ, не выкашляешь! — усмѣхнулся Стратоновъ, трепля его по щекѣ.

Черезъ пять минутъ мальчикъ спокойно спалъ, дыша ровно и свободно.

Началось тяжелое время. Научиться интубировать было необходимо; между тѣмъ всѣ указанія и объясненія нисколько мнѣ не помогали, а мои предшествовавшія упражненія на фантомѣ и трупѣ оказывались очень мало приложимыми. Только недѣли черезъ полторы мнѣ въ первый разъ удалось наконецъ ввести трубку въ гортань. Но еще долго и послѣ этого, приступая къ интубаціи, я далеко не былъ увѣренъ, удастся ли она мнѣ. Иногда случалось, что, истерзавъ ребенка и истерзавшись самъ, я долженъ былъ посылать за ассистентомъ, который и вставлялъ трубку.

Все это страшно тяжело, но какъ же иначе быть? Операція такъ полезна, такъ наглядно спасаетъ жизнь... Это особенно ясно я чувствую теперь, когда все тяжелое уже осталось назади и когда я возьмусь интубировать при какихъ угодно условіяхъ. Недавно ночью, на дежурствѣ, мнѣ пришлось дѣлать интубацію пятилѣтней дѣвочкѣ; наканунѣ ей ужъ была вставлена трубочка, но черезъ сутки она выкашляла ее. Больную внесли въ операціонную, я сталъ приготовлять инструменты. Дѣвочка сидѣла на колѣняхъ у сидѣлки,—блѣдная, съ капельками пота на лбу, съ выраженіемъ той страшной тоски, какая бываетъ только у задыхающихся людей. При видѣ инструментовъ ея помутнѣвшіе глаза слабо блеснули; она сама раскрыла ротъ и сидѣла такъ, съ робкой, ожидающей надеждой слѣдя за мною. У меня сладко сжалось сердце. Быстро и легко, самъ наслаждаясь своею ловкостью, я ввелъ ей въ гортань трубку.

Дѣвочка поднялась на кушеткѣ и сѣла, жадно, всею грудью, вдыхая воздухъ; щеки ее порозовѣли, глазенки счастливо блестѣли.

— Что, легко дышать теперь?—спросилъ я.

Она молча кивнула головою.

— Ну, благодари доктора, скажи: „спасибо!“ — улыбнулась сестра милосердія, наклоняя ея голову.

— Спа-си-бо!—прошептала дѣвочка, съ тихой лаской глядя на меня изъ-подъ поднятыхъ бровей.

*

Я воротился въ дежурную, легъ спать, но заснуть долго не могъ; я, улыбаясь, смотрѣлъ въ темноту, и передо мною вставало счастливое дѣтское личико, и слышался слабый шопотъ: „спа-си-бо!..“

Да, такія минуты смягчаютъ воспоминаніе о пройденномъ пути и до нѣкоторой степени примиряютъ съ нимъ: иначе нельзя, а не было бы перваго, не было бы и второго. Но все-таки *то*-то, первые,—что имъ до чужого благополучія, купленнаго цѣною ихъ собственныхъ мукъ? А сколько такихъ мукъ, сколько загубленныхъ жизней лежитъ на пути каждаго врача! „Наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ“,—съ грустью сознается Бильротъ въ одномъ частномъ письмѣ.

Мнѣ особенно ярко вспоминается моя первая трахеотомія; это воспоминаніе кошмаромъ будетъ стоять передо мною всю жизнь. Я много разъ ассистировалъ при трахеотоміяхъ товарищамъ, много разъ самъ продѣлалъ операцію на трупѣ. Наконецъ, однажды мнѣ предоставили сдѣлать ее на живой дѣвочкѣ, которой интубація перестала помогать. Одинъ врачъ хлороформировалъ больную, другой, — Стратоновъ,—ассистировалъ мнѣ, каждую минуту готовый придти на помощь.

Съ первымъ же разрѣзомъ, который я провелъ по бѣлому, пухлому горлу дѣвочки, я почувствовалъ, что не въ силахъ подавить охватившаго меня волненія; руки мои слегка дрожали.

— Не волнуйтесь, все идетъ хорошо, — спокойно говорилъ Стратоновъ, осторожно захватывая окровавленную фасцію своимъ пинцетомъ рядомъ съ моимъ.—Крючки!.. Вотъ она щитовидная железа, отдѣлите фасцію... Тупымъ путемъ идите!.. Такъ, хорошо!..

Я наконецъ добрался зондомъ до трахеи, торопливо разрывая имъ рыхлую клѣтчатку и отстраняя черныя, набухшія вены.

— Осторожнѣе, не нажимайте такъ,—сказалъ Стратоновъ.— Вѣдь эдакъ вы всѣ кольца трахеи поломаете! Не спѣшите!

Гладкія, хрящеватыя кольца трахеи ровно двигались подъ моимъ пальцемъ вмѣстѣ съ дыханіемъ дѣвочки; я фиксировалъ трахею крючкомъ и сдѣлалъ въ ней разрѣзъ; изъ разрѣза слабо засвистѣлъ воздухъ.

— Расширитель!

Я ввелъ въ разрѣзъ расширитель... Слава Богу, сейчасъ конецъ! Но изъ-подъ расширителя не было слышно того характернаго шипящаго шума, который говоритъ о свободномъ выходѣ воздуха изъ трахеи.

— Вы мимо ввели расширитель, въ средостѣніе! — вдругъ нервно крикнулъ Стратоновъ.

Я вытащилъ расширитель и дрожащими отъ волненія руками ввелъ его вторично,—но опять не туда. Я все больше терялся.

Глубокая воронка раны то и дѣло заливалась кровью, которую сестра милосердія быстро вытирала ватнымъ шарикомъ; на днѣ воронки кровь пѣнилась отъ воздуха, выходившаго изъ разрѣзанной трахеи; сама рана была безобразная и неровная, внизу ея зіялъ ходъ, проложенный моимъ расширителемъ. Сестра милосердія стояла съ страдающимъ лицомъ, прикусивъ губу, сидѣлка, державшая ноги дѣвочки, низко опустила голову, чтобъ не видѣть...

Стратоновъ взялъ у меня расширитель и сталъ вводить его самъ. Но онъ долго не могъ найти разрѣза. Съ большимъ трудомъ ему удалось наконецъ ввести расширитель; раздался шипящій шумъ, изъ трахеи съ кашлемъ полетѣли брызги кровавой слизи. Стратоновъ ввелъ канюлю, наклонился и сталъ трубочкою высасывать изъ трахеи кровь.

— Коллега, вѣдь это нечего же объяснять, это само собою понятно,—сказалъ онъ по окончаніи операціи:—разрѣзъ нужно дѣлать въ самой серединѣ трахеи, а вы какимъ-то образомъ ухитрились сдѣлать его сбоку; и зачѣмъ вы сдѣлали такой большой разрѣзъ?

„Зачѣмъ“! На трупѣ у меня и разрѣзы были нужной длины, и лежали они точно въ серединѣ трахеи...

У оперированной образовался дифтеритъ раны. Повязку приходилось мѣнять два раза въ день, температура все время была около сорока. Въ громадной гноящейся воронкѣ раны трубка не могла держаться плотно; приходилось туго тампонировать вокругъ нея марлею, и тѣмъ не менѣе трубка держалась плохо. Перевязки дѣлалъ Стратоновъ.

Однажды, раскрывъ рану, мы увидѣли, что часть трахеи омертвѣла. Это еще больше усложнило дѣло. Лишенная опоры, трубочка теперь, при введеніи въ разрѣзъ, упиралась просвѣтомъ въ переднюю стѣнку трахеи, и дѣвочка начинала задыхаться. Стратоновъ установилъ трубочку, какъ слѣдуетъ, и сталъ тщательно обкладывать ее ватой и марлей. Дѣвочка лежала, выкативъ страдающіе глаза, отчаянно топоча ножками и стараясь вырваться изъ рукъ державшей ее сидѣлки; лицо ея косилось отъ плача, но плача не было слышно: у трахеотомированныхъ воздухъ идетъ изъ легкихъ въ трубку, минуя голосовую щель, и они не могутъ издать ни звука. Перевязка была очень болѣзненна, но сердце у дѣвочки работало слишкомъ плохо, чтобъ ее можно было хлороформировать.

Наконецъ Стратоновъ наложилъ повязку; дѣвочка сѣла; Стратоновъ испытующе взглянулъ на нее.

— Дышитъ все-таки скверно! — сказалъ онъ, нахмурившись, и снова сталъ поправлять трубочку.

Лицо дѣвочки перестало морщиться; она сидѣла спокойно и, словно задумавшись, неподвижно смотрѣла вдаль поверхъ нашихъ головъ. Вдругъ послышался какой-то странный, слабый, прерывистый трескъ... Крѣпко стиснувъ челюсти, дѣвочка скрипѣла зубами.

— Ну, Нюша, потерпи немножко, сейчасъ не будетъ больно!— страдающимъ голосомъ произнесъ Стратоновъ, нѣжно гладя ее по щекѣ.

Дѣвочка широко открытыми, неподвижными глазами смотрѣла въ дверь и продолжала быстро скрипѣть зубами; у нея все во рту трещало, какъ будто она торопливо разгрызала карамель; это былъ ужасный звукъ, мнѣ казалось, что она въ крошки разгрызла собственныя зубы, и ротъ ея полонъ кашицы изъ раздробленныхъ зубовъ...

Черезъ три дня больная умерла. Я далъ себѣ слово никогда больше не дѣлать трахеотомій.

Но чего же я этимъ достигъ? Товарищи, начавшіе работать одновременно со мною, но менѣе мягкосердечные, могутъ теперь спасти человѣку жизнь тамъ, гдѣ я стою, безпомощно опустивъ руки. Года черезъ полтора послѣ моей первой и послѣдней трахеотоміи въ нашу больницу во время моего дежурства привезли рабочаго изъ Колпина съ сифилитическимъ съуженіемъ гортани; съуженіе развивалось постепенно въ теченіе мѣсяца, и ужъ двое сутокъ больной почти совсѣмъ не могъ дышать. Исхудалый, съ торчащими вихрами рѣдкихъ волосъ, съ синевато-землистымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, схватившись руками за грудь, дыша съ тяжелымъ, хрипящимъ шумомъ. Я послалъ за товарищемъ, ассистентомъ-хирургомъ, и велѣлъ отвести больного въ операціонную.

Ассистентъ осмотрѣлъ его.

— Придется операцію сдѣлать тебѣ, горло разрѣзать,—сказалъ онъ.

— Да, да, хорошо!... Поскорѣе, ради Бога!—въ смертной тоскѣ произнесъ больной, закивавъ головою.

Пока приготовляли инструменты, больному дали вдыхать кислородъ.

— Ну, ложись!—сказалъ товарищъ.

Больной положилъ на себя широкій крестъ и, поддерживаемый служителями, полѣзъ на операціонный столъ. Пока мы мыли ему шею, онъ все время продолжалъ дышать кислородомъ. Я хотѣлъ взять у него трубку, онъ умоляюще ухватился за нее руками.

— Еще немножко, еще воздухомъ дайте подышать!—сипло прошепталъ онъ.

— Довольно, довольно! Сейчасъ тебѣ легко будетъ!—сказалъ товарищъ.—Закрой глаза.

Больной еще разъ широко перекрестился и зажмурился.

Операція производилась подъ кокаиномъ. Одинъ-другой разрѣзъ, я развелъ крючками края раны, товарищъ вскрылъ перстневидный хрящъ,—и брызги кровавой слизи съ кашлемъ полетѣли изъ разрѣза. Товарищъ ввелъ трубку и наложилъ повязку.

— Готово!—сказалъ онъ.

Больной поднялся, жадно и глубоко вбирая въ грудь воздухъ; онъ улыбался безконечно-радостною, недоумѣвающею улыбкою и въ удивленіи крутилъ головою.

— Что, братъ, ловко распатронили?—засмѣялся товарищъ.

И всѣ кругомъ смѣялись; смѣялись сестры, сидѣлки, служители... А больной попрежнему радостно-изумленно улыбался и, беззвучно шепча что-то, крутилъ головою, пораженный чуднымъ могуществомъ нашей науки.

Назавтра я зашелъ въ палату взглянуть на него. Больной встрѣтилъ меня тою же радостно-недоумѣвающею улыбкою.

— Какъ дѣла?—спросилъ я.

Онъ закивалъ головою и развелъ руками, показывая, какъ ему хорошо... Я вышелъ съ тяжелымъ чувствомъ: *я* не могъ бы спасти его; если бы не было подъ рукою товарища, больной бы погибъ.

И я думалъ: нѣтъ, вздоръ всѣ мои клятвы! Что же дѣлать? Правъ Бильротъ,—„наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ“. Другого пути нѣтъ. Нужно учиться, нечего смущаться неудачами... Но въ моихъ ушахъ раздавался скрежетъ погубленной мною дѣвочки,—и я съ отчаяніемъ чувствовалъ, что я не могу, не могу, что у меня не поднимется рука на новую операцію.

Какъ же въ данномъ случаѣ слѣдуетъ поступать? Вѣдь я не рѣшилъ вопроса,—я просто убѣжалъ отъ него. Лично я могъ это сдѣлать, но что было бы, если бы такъ поступали всѣ? Одинъ старый врачъ, завѣдующій хирургическимъ отдѣленіемъ N—ской больницы, разсказывалъ мнѣ о тѣхъ терзаніяхъ, которыя ему приходится переживать, когда онъ даетъ оперировать молодому врачу.—Нельзя не дать, нужно же и имъ учиться; но какъ могу я смотрѣть спокойно, когда онъ, того и гляди, заѣдетъ ножомъ чортъ знаетъ куда?!

И онъ отбираетъ ножъ у оператора и оканчиваетъ операцію самъ. Это очень добросовѣстно, но... но со стороны, отъ работавшихъ у него врачей, я слышалъ, что поступать въ его отдѣленіе не стоитъ: хирургъ онъ хорошій, но у него ничему не научишься. И это понятно. Хирургъ, который такъ щепетильно относится къ своимъ паціентамъ, не можетъ быть хорошимъ учителемъ. Вотъ что, напр., разсказываетъ одинъ русскій врачъ-путешественникъ о знаменитомъ Листерѣ, творцѣ антисептики: „Листеръ

слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу интересы своего больного и слишкомъ высоко ставитъ свою нравственную отвѣтственность передъ каждымъ оперируемымъ. Вотъ почему Листеръ рѣдко довѣряетъ своимъ ассистентамъ перевязку артерій, и вообще всѣ манипуляціи, касающіяся непосредственно оперируемаго, онъ выполняетъ собственноручно. Поэтому его молодые ассистенты не обладаютъ достаточною оперативною ловкостью".

Если думать только о каждомъ данномъ больномъ, то иное отношеніе къ дѣлу и невозможно. Тотъ же путешественникъ,—проф. А. С. Тауберъ,—разсказывая о нѣмецкихъ клиникахъ, замѣчаетъ: „Громадная разница въ теченіи ранъ наблюдается въ клиникахъ между ампутаціями, произведенными молодыми ассистентами, и таковыми, сдѣланными ловкой и опытной рукой профессора; первые нерѣдко ушибаютъ ткани, разминаютъ нервы, слишкомъ коротко урѣзываютъ мышцы или высоко обнажаютъ артеріальные сосуды отъ ихъ влагалищъ,—все это моменты, неблагопріятные для скораго заживленія ампутаціонной раны".

Но нужно ли приводить еще ссылки въ доказательство истины, что, не имѣя опыта, нельзя стать опытнымъ операторомъ? Гдѣ же тутъ выходъ? Съ точки зрѣнія врача можно еще примириться съ этимъ: „все равно ничего не подѣлаешь". Но когда я воображаю себя паціентомъ, ложащимся подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію,—я не могу удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ, я сознаю, что *должен*ъ быть другой выходъ во что бы то ни стало.

На одинъ изъ такихъ выходовъ указалъ еще въ тридцатыхъ годахъ извѣстный французскій физіологъ Мажанди. „Хорошій хирургъ анатомическаго театра,—говоритъ онъ,—не всегда будетъ хорошимъ госпитальнымъ хирургомъ. Онъ каждую минуту долженъ ждать тяжелыхъ ошибокъ, прежде чѣмъ пріобрѣтетъ способность оперировать съ увѣренностью. Способность эту будетъ въ состояніи дать ему только долгая практика, тогда какъ онъ долженъ былъ бы пріобрѣсти ее съ самаго начала, если бы его образованіе было лучше направлено. Больше всего въ этомъ виноватъ способъ обученія, который и до настоящаго времени практикуется въ нашихъ школахъ. Учащіеся переходятъ непосредственно отъ мертвой природы къ живой, они принуждены пріобрѣтать опытность насчетъ гуманности, насчетъ жизни себѣ подобныхъ. Господа! Прежде чѣмъ обращаться къ человѣку,—развѣ у насъ нѣтъ существъ, которыя должны имѣть въ нашихъ глазахъ меньше цѣны и на которыхъ позволительно примѣнять свои первыя попытки? Я бы хотѣлъ, чтобъ въ дополненіе къ медицинскому образованію у насъ требовалось умѣнье оперировать на живыхъ животныхъ. Кто привыкъ къ такого рода операціямъ, тотъ смѣется надъ

трудностями, передъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ".

Этотъ совѣтъ Мажанди очень легко исполнимъ; тѣмъ не менѣе и до настоящаго времени онъ нигдѣ не примѣняется. Изобрѣтая какую-либо *новую* операцію, хирургъ большею частью продѣлываетъ ее предварительно надъ животными. Но, сколько я знаю, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ обычая, чтобъ молодой хирургъ допускался къ операціи на живомъ человѣкѣ лишь послѣ того, какъ пріобрѣтетъ достаточно опытности въ упражненіяхъ надъ живыми животными. Да и гдѣ ужъ требовать этого, когда далеко не всегда операціямъ на живомъ человѣкѣ предшествуетъ достаточная подготовка даже въ операціяхъ на трупѣ. Въ тридцатыхъ годахъ хирургъ, занимавшійся анатоміей, вызывалъ пренебрежительный смѣхъ. Вотъ какъ, напр., отзывался профессоръ хирургіи Диффенбахъ о молодомъ французскомъ хирургѣ Вельпо: „это какой-то анатомическій хирургъ". „По мнѣнію Диффенбаха,—говоритъ Пироговъ,—это была самая плохая рекомендація для хирурга".

Такъ было въ тридцатыхъ годахъ,—а вотъ что сообщаетъ о современныхъ хирургахъ уже упомянутый выше проф. А. С. Тауберъ: „Въ Германіи обыкновенно молодые ассистенты хирургическихъ клиникъ учатся оперировать не на мертвомъ тѣлѣ, а на живомъ. Никто не станетъ отрицать того, что живая кровь, струящаяся подъ ударомъ ножа, или содроганіе живыхъ мышцъ во время оперированія развиваютъ въ молодомъ операторѣ смѣлость, находчивость и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ; но, съ другой стороны, я думаю, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такое упражненіе неопытной руки въ операціяхъ на живомъ—негуманно и несогласно съ задачами врача вообще".

Мнѣ думается, что только самое строгое и систематическое проведеніе въ жизнь правила, рекомендуемаго Мажанди, могло бы хоть до извѣстной степени спасти больныхъ отъ необходимости платить своею кровью и жизнью за образованіе искусныхъ хирурговъ. Но всетаки это лишь до извѣстной степени. Когда можно признать хирурга „достаточно" опытнымъ? Гдѣ для этого граница?

Въ 1873 году, на вершинѣ своей славы и опытности, Бильротъ писалъ одной своей старой знакомой: „У меня много оперированныхъ и еще больше такихъ, которыхъ предстоитъ оперировать; они занимаютъ всѣ мои мысли; изъ года въ годъ увеличивается ихъ число, бремя становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Часъ назадъ я ушелъ отъ одной славной женщины, которую я вчера оперировалъ, — страшная операція... Какимъ взглядомъ смотрѣла она на меня сегодня вечеромъ! „Останусь я жива?" Я надѣюсь, она останется жива, но наше искусство такъ несо-

вершенно! Столѣтіе все увеличивающагося знанія и опытности хотѣлъ бы я имѣть за собою,—тогда, можетъ быть, я могъ бы кое-что сдѣлать. Но такъ, какъ теперь,—успѣхи наши подвигаются довольно медленно, и то немногое, чего достигаетъ одинъ, такъ трудно передать другимъ! Получающій долженъ самое важное сдѣлать самъ".

Хирургія есть искусство, и, какъ таковое, она болѣе всего требуетъ творчества и менѣе всего мирится съ шаблономъ. Гдѣ шаблонъ, — тамъ ошибокъ нѣтъ, гдѣ творчество, — тамъ каждую минуту возможна ошибка. Долгимъ путемъ такихъ ошибокъ и промаховъ и вырабатывается мастеръ, а путь этотъ лежитъ опять-таки черезъ „горы труповъ"... Тотъ же Бильротъ молодымъ доцентомъ хирургіи писалъ своему учителю Бауму объ одномъ больномъ, которому Бильротъ произвелъ три раза въ теченіе одной недѣли насильственное вытяженіе ноги, не подозрѣвая, что головка бедра переломлена. „Дѣйствіе вытяженія на воспаленныя части оказалось, понятно, чрезвычайно гибельнымъ: наступила гангрена и смерть... Случай былъ для меня очень поучителенъ, потому что онъ, какъ и многіе другіе, научилъ меня, *чего не должно дѣлать*. Но это, разумѣется, entre nous".

Англійскій хирургъ Педжетъ разсказываетъ изъ своей практики такой случай: „У молодого человѣка я удалилъ изъ глубокихъ частей бедра опухоль; по окончаніи операціи, вокругъ бедра мною была наложена полоска липкаго пластыря, окружавшая со всѣхъ сторонъ оперированную конечность, а сверхъ пластыря для бо́льшей прочности наложена была еще повязка. На другой день вся конечность сильно опухла, а на четвертыя сутки уже развилось острое воспаленіе всей клѣтчатки, окружающей рану. Затѣмъ открылось кровотеченіе, отчего оперированный ослабѣлъ и умеръ. Прямою причиною его смерти была полоска пластыря, которая была наложена вокругъ его конечности и въ теченіе двухъ дней не снималась. Съ этой минуты, я увѣренъ, никто не видалъ болѣе, чтобы я накладывалъ пластырь вокругъ конечности иначе, какъ спирально. Какъ ни казалось малымъ это обстоятельство, тѣмъ не менѣе оно стоило жизни этому человѣку".

Яркую картину процесса выработки опытности далъ Пироговъ въ своихъ нашумѣвшихъ „Анналахъ Дерптской хирургической клиники", изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Съ откровенностью генія онъ разсказалъ въ этой „исповѣди практическаго врача" о всѣхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, которые онъ совершилъ во время завѣдыванія клиникою. То, о чемъ другіе рѣшались сообщать лишь въ частныхъ письмахъ, „entre nous",—Пироговъ, ко всеобщему смущенію и соб-

лазну, оповѣстилъ на весь міръ. Картина, нарисованная имъ, получилась потрясающая.

Да, это все ужъ совершенно неизбѣжно, и никакого выхода отсюда нѣтъ. Такъ оно и останется; передъ неизбѣжностью этого должны замолкнуть даже терзанія совѣсти. И всетаки—самъ я ни за что не согласился бы быть жертвою этой неизбѣжности, и никто изъ жертвъ не хочетъ быть жертвами... И сколько такихъ проклятыхъ вопросовъ въ этой страшной наукѣ, гдѣ шагу нельзя ступить, не натолкнувшись на живого человѣка!

VII.

Въ 1888 году бухарестскій профессоръ Петреску предложилъ лечить крупозное воспаленіе легкихъ большими (разъ въ десять больше принятыхъ) дозами наперстянки. По его многолѣтнимъ наблюденіямъ смертность при такомъ леченіи съ 20—30% понижалось до 3%, болѣзнь обрывалась и исчезала, „какъ по мановенію волшебнаго жезла“. Докладъ Петреску объ его способѣ, сдѣланный имъ въ Парижской Медицинской Академіи, обратилъ на себя общее вниманіе,—сообщенные имъ результаты дѣйствительно были поразительны. Способъ стали примѣнять другіе врачи, и въ большинствѣ случаевъ остались имъ очень довольны.

Я завѣдывалъ въ то время палатою, гдѣ лежали больные крупозною пнеймоніей. Прельщенный упомянутыми сообщеніями, я, съ согласія старшаго ординатора, рѣшилъ испробовать способъ Петреску. Только что передъ этимъ я прочелъ въ „Больничной Газетѣ Боткина“ статью д-ра Рехтзамера объ этомъ способѣ. Хотя онъ и находилъ надежды Петреску нѣсколько преувеличенными, но не отрицалъ, что нѣкоторые изъ его больныхъ выздоровѣли именно только благодаря примѣненному имъ способу Петреску; по мнѣнію автора, способъ этотъ можно бы рекомендовать, какъ послѣднее средство, въ тяжелыхъ случаяхъ у алкоголиковъ и стариковъ. „Ни въ одномъ изъ моихъ случаевъ,—прибавлялъ д-ръ Рехтзамеръ,—я не могъ констатировать смерти больного въ зависимости отъ отравленія наперстянкой“.

Въ мою палату былъ положенъ на второй день болѣзни старикъ-штукатуръ; все его правое легкое было поражено сплошь, онъ дышалъ очень часто, стоналъ и метался; жена его сообщила, что онъ съ дѣтства сильно пьетъ. Случай былъ подходящій, и я назначилъ больному наперстянку по Петреску.

Подписывая свой рецептъ, я невольно остановился,—такъ поразилъ онъ меня своею необычностью. На немъ стояло:

„Rp. Inf. fol. Digitalis ex 8,0 (!): 200,0.

DS. Черезъ часъ (!) по столовой ложкѣ“.

Это значитъ: настой двухсотъ граммовъ воды на восьми граммахъ наперстянки, а восклицательные знаки, по требованію закона, предназначены для аптекаря: высшее количество листьевъ наперстянки, которое можно въ теченіе сутокъ безъ вреда дать человѣку, опредѣляется въ 0,6 граммовъ; такъ вотъ, восклицательные знаки и увѣдомляютъ аптекаря, что, прописавъ мою чудовищную дозу, я не описался, а дѣйствовалъ вполнѣ сознательно... Я перечитывалъ свой рецептъ, — и эти восклицательные знаки смотрѣли на меня задорно и вызывающе, словно говорили: „да, давать человѣку больше шести десятыхъ грамма наперстянки нельзя, если не хочешь отравить его,—а ты назначаешь количество, въ тринадцать разъ болѣе дозволеннаго!“

Я вышелъ изъ больницы, а восклицательные знаки моего рецепта неотступно стояли передъ моими глазами. Мнѣ вспоминались слова д-ра Рехтзамера: „ни въ одномъ изъ моихъ случаевъ я не могъ констатировать смерти больного въ зависимости отъ отравленія наперстянкой“... Ну, а если на мою долю выпадетъ печальная необходимость „констатировать смерть отъ отравленія наперстянкой“,—наперстянкой, выписывая которую, я самъ ставилъ такіе краснорѣчивые восклицательные знаки?

На слѣдующій день больному стало хуже; онъ тупо смотрѣлъ на меня потускнѣвшими глазами, кончикъ его носа посинѣлъ, пульсъ былъ попрежнему частый, и появились перебои. Отчего это все,—отъ наперстянки или не смотря на нее? У больного сердце было слабое, и явленія могли обусловливаться естественнымъ процессомъ, съ которымъ наперстянка еще не успѣла справиться.

— А если это отъ наперстянки?—мелькнула у меня мысль.

Я подавилъ въ себѣ эту мысль: вѣдь ужъ многіе испытывали способъ и нашли, что онъ дѣйствуетъ хорошо. Я снова выписалъ больному наперстянку.

Черезъ два дня старикъ умеръ при все усиливавшейся сердечной слабости и оглушеніи. У воротъ больницы я встрѣтилъ его жену; она шла изъ покойницкой, низко надвинувъ платокъ на опухшіе глаза, и что-то глухо говорила себѣ подъносъ. Съ смутнымъ чувствомъ стыда и страха перечитывалъ я скорбный листъ умершаго: подробное, изо дня въ день, описаніе теченія все ухудшающейся болѣзни, рецепты, усѣянные восклицательными знаками, и въ концѣ—лаконическая приписка дежурнаго врача: „Въ два часа ночи больной скончался“... Мнѣ было странно,—въ какомъ бреду дѣйствовалъ я, назначая свое леченіе,—непровѣренное, дерзкое? Можетъ быть, старикъ все равно бы умеръ, но могу-ли я поручиться, что смерть вызвана не тѣмъ чудовищнымъ количествомъ сильно-дѣйствующей наперстянки,

которое я ввелъ въ его кровь? И это въ то время, когда для борьбы съ болѣзнью и безъ того требовались всѣ силы организма... Вскорѣ я прочелъ во „Врачѣ“ статью д-ра Рубеля, который, тщательно разобравъ свои собственные опыты, опыты Петреску, его учениковъ и сторонниковъ, неопровержимо доказалъ, что „способъ Петреску причиняетъ во многихъ случаяхъ явный, иногда даже угрожающій жизни вредъ, и можно только посовѣтовать возможно скорѣе предать его полному забвенію“.

Я рѣшилъ примѣнять впредь на своихъ больныхъ только средства, уже достаточно провѣренныя и несомнѣнныя. Чѣмъ больше я теперь знакомился съ текущею медицинскою литературою, тѣмъ все больше утверждался въ своемъ рѣшеніи. Передо мною раскрылось нѣчто ужасающее. Каждый номеръ врачебной газеты содержалъ въ себѣ сообщенія о десяткахъ новыхъ средствъ, и такъ изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; это былъ какой-то громадный, бѣшеный, безконечный потокъ, при взглядѣ на который разбѣгались глаза: новыя лекарства, новыя дозы, новые способы введенія ихъ, новыя операціи, и тутъ же—десятки и сотни... загубленныхъ человѣческихъ здоровій и жизней.

Одни изъ нововведеній, какъ пузыри пѣны на потокѣ, вскакивали и тотчасъ же лопались, оставляя за собою одинъ-другой трупъ. Такъ напр., въ 1888 году д-ръ Розенбушъ выступилъ со статьею, гдѣ горячо рекомендовалъ впрыскивать чахоточнымъ растворъ креозота въ ткань легкихъ, отъ чего, по его словамъ, самъ онъ получилъ прекрасные результаты. Д-ръ Стахевичъ попробовалъ примѣнить этотъ способъ къ двумъ своимъ больнымъ, и получилъ вотъ что: „у перваго больного кашель послѣ впрыскиванія сталъ сильнѣе, а разрушеніе верхушки праваго легкаго, въ которую было произведено впрыскиваніе, пошло гораздо быстрѣе. У другого больного послѣ впрыскиванія тотчасъ же появилась примѣсь крови къ мокротѣ, а на слѣдующій день наступило обильное кровохарканіе“... И впрыскиванія креозота исчезли со сцены.

Проф. Мерингъ, заставляя животныхъ вдыхать пенталъ, нашелъ, что вещество это представляетъ изъ себя очень хорошее усыпляющее средство. Послѣ этого д-ръ Голлендеръ испыталъ пенталъ на своихъ больныхъ и получилъ блестящіе результаты. На съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Галле, въ сентябрѣ 1891 года, онъ далъ о пенталѣ самый восторженный отзывъ. „Въ настоящее время,—заявилъ Голлендеръ,—пенталъ по вѣрности дѣйствія и по поразительно хорошему самочувствію послѣ наркоза представляетъ наилучшее обезболивающее для кратковременныхъ операцій; онъ не производитъ дурныхъ послѣдствій,

и примѣненіе его не представляетъ никакой опасности; онъ не оказываетъ никакого вреднаго дѣйствія ни на сердце, ни на дыханіе"... Широкою рукою стали испытывать пенталъ. Черезъ полгода д-ръ Геглеръ сообщилъ, что у одного крѣпкаго мужчины пенталъ вызвалъ одышку съ синюхою и въ заключеніе остановку дыханія; его удалось спасти только благодаря принятымъ энергичнымъ мѣрамъ оживленія. Черезъ два мѣсяца послѣ этого въ Ольмюцѣ умерла отъ вдыханій пентала дама, у которой собирались выдернуть зубъ. Около этого же времени „Англійскій Зубоврачебный Журналъ" сообщилъ, что послѣ вдыханій десяти капель пентала умерла 33-хъ-лѣтняя женщина, страдавшая зубною болью. Д-ръ Брейеръ чуть не потерялъ одну здоровую дѣвочку, у которой послѣ вдыханія пентала исчезли пульсъ и дыханіе. У д-ра Зика умерли отъ пентала двое,—здоровый, крѣпкій мужчина и молодая дѣвушка съ пораженіемъ тазобедреннаго сустава, но въ остальномъ крѣпкая и здоровая... Прошло всего полтора года послѣ сообщенія Голлендера. На съѣздѣ нѣмецкихъ хирурговъ проф. Гурльтъ выступилъ съ докладомъ о сравнительной смертности при различныхъ обезболивающихъ средствахъ. Опираясь на громадный статистическій матеріалъ, онъ показалъ, что въ то время, какъ эфиръ, закись азота, бромистый этилъ и хлороформъ даютъ одну смерть на тысячи и десятки тысячъ случаевъ, пенталъ даетъ одну смерть *на 199 случаевъ*. „Отъ наркоза пенталомъ,—вполнѣ основательно заключилъ проф. Гурльтъ,—по имѣющимся до сихъ поръ даннымъ слѣдуетъ *прямо предостеречь*". И пенталъ безслѣдно исчезъ изъ практики...

А кто не помнитъ побѣднаго шествія и позорнаго крушенія коховскаго туберкулина? Тысячамъ туберкулезныхъ широкою рукою впрыскивался этотъ прославленный туберкулинъ, и черезъ два года выяснилось съ несомнѣнностью, что онъ ничего не приноситъ, кромѣ вреда.

Такова была исторія тѣхъ изъ предлагавшихся новыхъ средствъ, которыя по испытаніи оказывались негодными. Судьба другихъ новыхъ средствъ была иная: они выходили изъ испытанія окрѣпшими и признанными, съ точно установленными показаніями и противупоказаніями; и все-таки путь ихъ шелъ черезъ тѣ же загубленныя здоровья и жизни людей.

Среди жителей многихъ гористыхъ мѣстностей распространена своеобразная болѣзнь,—зобъ, заключающаяся въ опуханіи лежащей надъ нижнею частью горла щитовидной железы. Въ числѣ различныхъ способовъ леченія зоба было, между прочимъ, предложено полное удаленіе всей щитовидной железы. Результаты этой операціи оказались очень хорошими: больные выписывались здоровыми, лишеніе щитовидной железы (назначеніе которой

совершенно неизвѣстно), повидимому, не вызывало никакихъ вредныхъ послѣдствій. Но вотъ въ 1883 году бернскій профессоръ Кохеръ опубликовалъ статью, гдѣ сообщилъ слѣдующее. Онъ произвелъ тридцать четыре полныхъ изсѣченія зоба и былъ очень доволенъ результатами; но однажды одинъ его знакомый врачъ разсказалъ ему, что онъ пользуетъ дѣвушку, которой девять лѣтъ назадъ Кохеръ вырѣзалъ зобъ; врачъ этотъ рекомендовалъ Кохеру посмотрѣть больную теперь. И вотъ что увидѣлъ Кохеръ. У больной была младшая сестра; девять лѣтъ назадъ обѣ онѣ были такъ похожи другъ на друга, что ихъ часто принимали одну за другую. „За эти девять лѣтъ,—разсказываетъ Кохеръ,—младшая сестра превратилась въ цвѣтущую, хорошенькую дѣвушку, оперированная же осталось маленькою и являетъ отвратительный видъ полуидіотки". Тогда Кохеръ рѣшилъ навести справки о судьбѣ всѣхъ оперированныхъ имъ зобатыхъ. Всѣ 28 человѣкъ, у которыхъ было сдѣлано лишь частичное вырѣзываніе щитовидной железы, были найдены совершенно здоровыми; изъ восемнадцати же человѣкъ, у которыхъ была вырѣзана вся железа, здоровыми оказались только двое; остальные представляли своеобразный комплексъ симптомовъ, который Кохеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „задержаніе роста, большая голова, шишковатый носъ, толстыя губы, неуклюжее тѣло, неповоротливость мысли и языка при сильной мускулатурѣ,—все это съ несомнѣнностью указываетъ на близкое родство описываемаго страданія съ идіотизмомъ и кретинизмомъ". Между тѣмъ нѣкоторымъ изъ оперированныхъ зобъ доставлялъ очень незначительныя неудобства, и операція была предпринята почти лишь съ косметическою цѣлью; а результатъ—идіотизмъ... Впослѣдствіи мнѣніе Кохера о связи указанныхъ симптомовъ съ удаленіемъ щитовидной железы вызвало возраженія, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время ни одинъ хирургъ ужъ не рѣшится произвести полнаго вылущенія щитовидной железы, если ея заболѣваніе непосредственно не грозитъ больному неминуемою смертью.

Въ 1884 году Коллеръ ввелъ во всеобщее употребленіе одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ врачебныхъ средствъ—кокаинъ, который вызываетъ прямо идеальное мѣстное обезболиваніе. Черезъ два года петербургскій профессоръ Коломнинъ, собираясь сдѣлать одной женщинѣ операцію, ввелъ ей въ прямую кишку растворъ кокаина. Вдругъ больная посинѣла, у нея появились судороги, и черезъ полчаса она умерла при явленіяхъ отравленія кокаиномъ. Проф. Коломнинъ пріѣхалъ домой, заперся у себя въ кабинетѣ и застрѣлился... Въ настоящее время, перечитывая сообщенія о кокаинѣ за первые годы послѣ его введенія, поражаешься, въ какихъ большихъ дозахъ его назначали; проф. Коломнинъ,

напр., ввелъ своей больной около полутора граммовъ кокаина; и такія дозы въ то время были не въ рѣдкость; Гуземанъ полагалъ, что смертельная доза кокаина для взрослаго человѣка должна быть „очень велика“. Горькій опытъ Коломнина и другихъ научилъ насъ, что доза эта, напротивъ, очень не велика, что нельзя вводить въ организмъ человѣка больше шести сотыхъ грамма кокаина; эта доза *въ двадцать пять разъ* меньше той, которую назначилъ своей больной несчастный Коломнинъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ проф. Кастъ предложилъ въ качествѣ прекраснаго и безвреднаго снотворнаго новое вещество,—сульфоналъ. Стали испытывать это средство другіе врачи и нашли, что сульфоналъ дѣйствительно представляетъ изъ себя „безвредное, не вызывающее никакихъ побочныхъ дѣйствій снотворное“ (д-ръ Эстрейхеръ). Но ужъ черезъ три мѣсяца послѣ появленія статьи Каста д-ръ Шмей сообщилъ, что онъ назначилъ два грамма сульфонала старику, страдавшему артеріосклерозомъ и приступами грудной жабы. „Эффектъ получился ужасный: вскорѣ послѣ пріема послѣдовалъ жесточайшій приступъ удушья, и затѣмъ всю ночь повторялись такіе же приступы съ промежутками лишь въ нѣсколько минутъ“. На основаніи этого д-ръ Шмей совѣтовалъ быть осторожнымъ съ назначеніемъ сульфонала при сердечной жабѣ и артеріосклерозѣ. Дальнѣйшія наблюденія выяснили, что съ большою осторожностью слѣдуетъ также назначать сульфоналъ при сильномъ малокровіи, эмфиземѣ легкихъ, острой меланхоліи и морфинизмѣ, что, далѣе, не совсѣмъ безопасно давать сульфоналъ долгое время непрерывно. Какою цѣною это выяснилось? За пять лѣтъ со времени введенія средства проф. Лепинъ насчиталъ въ литературѣ шестнадцать случаевъ отравленія сульфоналомъ съ смертельнымъ исходомъ...

Выводъ изъ всего этого былъ для меня ясенъ: я буду впредь употреблять только тѣ средства, которыя безусловно испытаны и не грозятъ моимъ больнымъ никакимъ вредомъ.

Года три тому назадъ я лечилъ одну учительницу, больную чахоткою. Въ то время появились извѣстія, что Робертъ Кохъ, продолжавшій работать надъ своимъ опозорившимся туберкулиномъ, усовершенствовалъ его и примѣняетъ снова. Больная обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, не подвергнуться ли ей впрыскиваніямъ этого „очищеннаго“ туберкулина.

— Подождите лучше,—отвѣтилъ я.—Пускай раньше выяснится, дѣйствительно ли онъ много лучше стараго.

Я поступилъ вполнѣ добросовѣстно. Но у меня возникъ вопросъ: на комъ же это должно выясниться? Гдѣ-то *тамъ*, за моими глазами, дѣло выяснится на тѣхъ же больныхъ, и, если средство окажется хорошимъ... я благополучно стану примѣнять

его къ своимъ больнымъ, какъ примѣняю теперь такія цѣнныя, незамѣнимыя средства, какъ кокаинъ и сульфоналъ. Но что было бы, если бы всѣ врачи смотрѣли на дѣло такъ же, какъ я?

Мы еще очень мало знаемъ человѣческій организмъ и управляющіе имъ законы. Примѣняя новое средство, врачъ можетъ заранѣе лишь съ большею или меньшею вѣроятностью предвидѣть, какъ это средство будетъ дѣйствовать; можетъ быть, оно окажется полезнымъ; но если оно и ничего не принесетъ, кромѣ вреда, то все же дивиться будетъ нечему: игра идетъ въ темную, и нужно быть готовымъ на всѣ неожиданности. До извѣстной степени возможность такихъ неожиданностей уменьшается тѣмъ, что средства предварительно испытываются на животныхъ; это громадная поддержка; но организмы животныхъ и человѣка все-таки слишкомъ различны, и безошибочно заключать отъ первыхъ ко вторымъ нельзя. И вотъ къ человѣку подходятъ только съ извѣстною *возможностью*, что примѣняемое средство поможетъ ему или не повредитъ; тутъ всегда большій или меньшій рискъ; разсчеты могутъ не оправдаться, и притомъ это не всегда сразу дѣлается очевиднымъ: клиническое наблюденіе трудно и сложно; часто бываетъ, что средство долго производитъ благопріятное впечатлѣніе, а затѣмъ оказывается, что это было лишь результатомъ самовнушенія.

Путемъ этого постояннаго и непрерывнаго риска, блуждая въ темнотѣ, ошибаясь и отрекаясь отъ своихъ заблужденій, медицина и добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидѣтельствуетъ вся исторія врачебной науки.

Въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка опухоли яичниковъ у женщинъ лечились внутренними средствами; попытки удалять опухоли оперативнымъ путемъ посредствомъ вскрытія живота (овaріотомія) кончилась такъ печально, что, пиши я свои записки полвѣка назадъ, я привелъ бы эти попытки въ видѣ примѣра непростительнаго врачебнаго экспериментированія на людяхъ. Въ то время въ Англіи жилъ молодой хирургъ Спенсеръ Уэльсъ. Ему случалось ассистировать при овaріотоміяхъ, и онъ вынесъ впечатлѣніе, что операція эта прямо неповзволительна. Вскорѣ затѣмъ ему пришлось въ качествѣ хирурга участвовать въ Крымской кампаніи; тамъ онъ видѣлъ много ранъ живота, много наблюдалъ ихъ теченіе. Воротившись въ 1856 году въ Лондонъ, Спенсеръ Уэльсъ чувствовалъ уже значительно меньшій страхъ къ такимъ ранамъ. Теперь ему казалось, что при умѣломъ оперированіи овaріотомія можетъ давать хорошіе результаты. Между тѣмъ она внушала всѣмъ такое недовѣріе, что врачи называли ее „убійственною“ операціей, а судебные прокуроры прямо заявляли о

необходимости привлекать подобныхъ операторовъ къ суду. Несмотря на это, Спенсеръ Уэльсъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ рискнуть на операцію. Случай вскорѣ представился. Уэльсъ произвелъ овaріотомію... Оперированная умерла.

„Я думаю,—разсказываетъ Спенсеръ Уэльсъ,—трудно представить себѣ положеніе болѣе обезкураживающее, чѣмъ то, въ какомъ я находился. Первая моя попытка потерпѣла полную неудачу; не только у другихъ, но и во мнѣ самомъ она усиливала опасеніе, что я иду по дорогѣ къ довольно-таки незавидной извѣстности. Рѣшительно все было противъ меня. Врачебная пресса громила операцію самымъ энергичнымъ образомъ, въ медицинскихъ обществахъ ее рѣшительно порицали люди самаго высокаго авторитета“. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ Уэльсъ продолжалъ оперировать, и все болѣе удачно. Отношеніе къ операціи мало-по-малу стало измѣняться. „Уже въ 1864 году овaріотомія была повсюду признана вполнѣ законной операціей, а еще немного спустя она была уже объявлена тріумфомъ современной хирургіи“...

Такъ разсказывалъ въ восьмидесятыхъ годахъ покрытый всемірною славою Спенсеръ Уэльсъ, одинъ изъ благодѣтелей человѣчества, благодаря операціи котораго была спасена жизнь десяткамъ тысячъ женщинъ. Кто упрекнетъ его за его смѣлость? Побѣдителя не судятъ... Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Берингъ ввелъ въ употребленіе свою противудифтерійную сыворотку, проф. Пурьежъ, указывая на ненаучность постановки его опытовъ, отмѣчалъ, между прочимъ, ту смѣлость и то „опасеніе совѣсти“, съ которыми Берингъ долженъ былъ впрыскивать дѣтямъ противоядіе дифтеріи, не зная въ точности, какія отъ этого получатся послѣдствія. Но сыворотка оказалась полезною (или, по крайней мѣрѣ, кажется пока таковою),—и Беринга можно только благодарить, и никто не спроситъ: рѣшился ли бы Берингъ подвергнуть впрыскиванію сыворотки первымъ своего собственнаго ребенка?

Когда у Пирогова подъ старость образовался ракъ верхней челюсти, лечившій его д-ръ Выводцевъ обратился къ Бильроту съ предложеніемъ сдѣлать Пирогову операцію. Бильротъ, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, не рѣшился на операцію. „Я теперь ужъ не тотъ безстрашный и смѣлый операторъ, какимъ вы меня знали въ Цюрихѣ,— писалъ онъ Выводцеву.—Теперь при показаніи къ операціи я всегда ставлю себѣ вопросъ: *допущу ли я на себѣ сдѣлать операцію, которую хочу сдѣлать на больномъ?..*“ Значитъ, раньше Бильротъ дѣлалъ на больныхъ операціи, которыхъ на себѣ не позволилъ бы сдѣлать? Конечно. Иначе мы не имѣли бы ряда тѣхъ новыхъ блестящихъ операцій, которыми мы обязаны Бильроту.

Выходъ оказывается вовсе не такимъ простымъ и яснымъ, какъ мнѣ казалось. „Употреблять только испытанное“... Пока я ставлю это правиломъ лишь для самого себя, я нахожу его хорошимъ и единственно возможнымъ; но когда я представляю себѣ, что правилу этому станутъ слѣдовать всѣ, я вижу, что такой образъ дѣйствій ведетъ не только къ гибели медицины, но и къ полнѣйшей безмыслицѣ. „Вы говорите, — писалъ недавно-умершій знаменитый французскій хирургъ Пэанъ, — вы говорите, что къ людямъ можно примѣнять только тѣ средства, которыя были предварительно испытаны на людяхъ; но вѣдь это — положеніе, опровергающее само себя; если бы, къ своему несчастію, медицина вздумала слѣдовать ему, то она осудила бы себя на самый прямолинейный эмпиризмъ, на самую догматическую традицію. Опыты на животныхъ служили бы только для спекулятивныхъ разысканій; ветеринарная медицина, конечно, извлекала бы изъ этихъ опытовъ много пользы, но медицинѣ человѣческой съ ними нечего было бы дѣлать“.

И дѣйствительно, во что бы тогда превратилась медицина? Новыхъ, еще не испытанныхъ средствъ примѣнять нельзя; отказываться отъ средствъ уже признанныхъ тоже нельзя: тотъ врачъ, который не сталъ бы лечить сифилиса ртутью, оказался бы съ этой точки зрѣнія не менѣе виновнымъ, чѣмъ тотъ, который сталъ бы лечить упомянутую болѣзнь какимъ-либо неизвѣданнымъ средствомъ; чтобы отказаться отъ стараго, нужна не меньшая дерзость, чѣмъ для того, чтобъ ввести новое; между тѣмъ исторія медицины показываетъ, что теперешняя наука наша, несмотря на всѣ ея блестящія положительныя пріобрѣтенія, все-таки больше всего, пользуясь выраженіемъ Мажанди, обогатилась именно своими потерями. И въ результатѣ получилось бы вотъ что: практическая медицина впала бы въ полное окоченѣніе вплоть до того далекаго времени, когда человѣческій организмъ будетъ совершенно познанъ наукою, и когда дѣйствіе примѣняемаго новаго средства будетъ заранѣе предвидѣться во всѣхъ его подробностяхъ. А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ люди взываютъ къ медицинѣ: „помоги же! Отчего ты такъ мало помогаешь?“

Мое положеніе оказывается въ высшей степени страннымъ. Я все время хочу лишь одного,—не вредить больному, который обращается ко мнѣ за помощью; правило это, казалось бы, настолько элементарно и обязательно, что противъ него нельзя и спорить; между тѣмъ соблюденіе его систематически обрекаетъ меня во всемъ на полную неумѣлость и полный застой. Каждую дорогу мнѣ загораживаетъ живой человѣкъ; я вижу его и поворачиваю назадъ. Душевное спокойствіе свое я этимъ, разумѣется, спасаю, но вопросъ остается по прежнему нерѣшеннымъ.

*

Такъ и съ разбираемымъ вопросомъ. Гдѣ выходъ? Гдѣ граница допустимаго? Я не знаю. А между тѣмъ именно настоящее время дѣлаетъ эти вопросы особенно настоятельными. Созданіемъ бактеріологіи закончилась великая эпоха капитальныхъ открытій въ области медицины, и наступило временное затишье. И, какъ всегда въ такія времена, голову поднимаетъ эмпирія, и практика наводняется цѣлымъ моремъ всевозможныхъ новыхъ средствъ: безъ конца и безъ перерыву предлагаются все новыя и новыя химическія вещества,—анезинъ, косапринъ, голокаинъ, кріофинъ, мидролъ, фезинъ и тысячи другихъ; больнымъ впрыскиваютъ самые разнообразные бактерійные токсины и антитоксины, вытяжки изъ всѣхъ мыслимыхъ животныхъ органовъ; изобрѣтаются различнѣйшія операціи, кровавыя и некровавыя. Можетъ быть, отъ всего этого урагана для насъ останется много цѣнныхъ средствъ; но ужасъ беретъ, когда подумаешь, какою цѣною это будетъ куплено, и жутко становится за больныхъ, которые, какъ бабочки на огонь, неудержимо, часто вопреки убѣжденію врачей, стремятся навстрѣчу этому урагану.

Однажды, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ пришлось быть у одной моей старушки-тетушки, генеральши. Она стала мнѣ разсказывать о своихъ многочисленныхъ болѣзняхъ,—сердцебіеніяхъ, боляхъ подъ ложечкой, нервныхъ тикахъ и мучительныхъ безсонницахъ.

— Мнѣ мой докторъ прописалъ отъ безсонницы новое средство... *Самое новое!* Ты его, должно быть, и не знаешь еще... Какъ его? Хло-ра-лозъ... Не хлоралъ-гидратъ, онъ дѣйствуетъ на сердце, — а этотъ совершенно безвредный; усовершенствованный хлоралъ-гидратъ.

И она принесла изящную коробочку съ облатками, прописанными ей модным докторомъ, и съ торжествомъ показала мнѣ рецептъ...

— Бѣдная ты, бѣдная!—подумалъ я.

VIII.

Отъ вопросовъ спутанныхъ и тяжелыхъ, на которые не знаешь, какъ отвѣтить, передъ которыми останавливаешься въ полной безпомощности, мнѣ приходится теперь перейти къ вопросу, на который возможенъ только одинъ, совершенно опредѣленный отвѣтъ. Здѣсь грубо и сознательно не хотятъ вѣдаться съ человѣкомъ, приносимымъ въ жертву наукѣ,—

Во имя грядущаго льется здѣсь кровь,
Здѣсь нѣтъ настоящаго,—къ чорту любовь!

Съ тяжелымъ чувствомъ приступаю я къ этой главѣ, но что дѣлать? Изъ пѣсни слова не выкинешь.

„Нѣкій д-ръ Кохъ,—читаемъ мы въ газетѣ „Врачъ",—напечаталъ брошюру: „Aerztliche Versuche an lebenden Menschen (врачебные опыты на живыхъ людяхъ)", которая, какъ нельзя лучше, будетъ содѣйствовать дальнѣйшему подрыву довѣрія и уваженія къ врачамъ со стороны неврачебной публики. Авторъ доказываетъ, будто бы „живосѣченія уже давно переступили черезъ порогъ нашихъ больницъ".—другими словами, будто бы въ современныхъ больницахъ дѣлаются опыты надъ живыми людьми, похожіе на лабораторныя живосѣченія низшихъ животныхъ... Какъ и слѣдовало ожидать, за книгу Коха не замедлили ухватиться разные фельетонисты и хроникеры общей печати. Желательно, чтобъ германскіе товарищи не оставили безъ подробнаго разъясненія ни одного изъ „фактовъ" д-ра Коха, ибо только этимъ путемъ можно уничтожить значеніе его книги" („Врачъ", 1893, стр. 906).

Я не читалъ упоминаемой брошюры и не знаю, насколько „факты" д-ра Коха заслуживаютъ тѣхъ ироническихъ ковычекъ, въ которыя ихъ помѣщаетъ редакція „Врача". Но основное положеніе Коха, къ сожалѣнію, глубоко-вѣрно,—рѣшаюсь высказать это даже подъ опасеніемъ дать пищу „разнымъ фельетонистамъ и хроникерамъ общей печати": *да, живосѣченія уже давно переступили черезъ пороги нашихъ больницъ,—да, въ современныхъ больницахъ дѣлаются опыты надъ живыми людьми, похожіе на лабораторныя живосѣченія низшихъ животныхъ...* Въ доказательство этого можно привести безконечно-длинный рядъ фактовъ, и притомъ фактовъ, которые пельзя заключить въ ковычки, потому что факты эти документально засвидѣтельствованы самими ихъ виновниками.

Въ послѣдующемъ изложеніи я по возможности точно буду указывать на первоисточники, чтобъ читатель самъ могъ провѣрить сообщаемыя мною данныя. Я ограничусь при этомъ одною лишь областью венерическихъ болѣзней; несмотря на щекотливость предмета, мнѣ приходится остановиться именно на этой области, потому что она особенно богата такого рода фактами: дѣло въ томъ, что венерическія болѣзни составляютъ спеціальный удѣлъ людей, и ни одна изъ нихъ не прививается животнымъ; поэтому многіе вопросы, которые въ другихъ отрасляхъ медицины рѣшаются животными прививками, въ венерологіи могутъ быть рѣшены только прививкою людямъ. И венерологи не остановились передъ этимъ; буквально каждый шагъ впередъ въ ихъ наукѣ запятнанъ преступленіемъ.

Существуетъ, какъ извѣстно, три венерическихъ болѣзни: гоноррея, мягкая язва и сифилисъ. Начну съ первой.

Специфическій микроорганизмъ, обусловливающій гоноррею, былъ открытъ Нейсеромъ въ 1879 году. Его образцово постав-

ленные опыты доказывали съ большою вѣроятностью, что открытый имъ „гонококкъ“ и есть специфическій возбудитель гонорреи. Но съ полною убѣдительностью доказать специфичность какого-нибудь микроорганизма возможно въ бактеріологіи только путемъ прививки: если, прививая животному чистую разводку микроорганизма, мы получаемъ извѣстную болѣзнь, то этотъ микроорганизмъ и есть возбудитель данной болѣзни. Къ сожалѣнію, ни одно изъ животныхъ, какъ мы знаемъ, не воспріимчиво къ гонорреѣ. Приходилось либо оставить открытіе подъ сомнѣніемъ, либо прибѣгнуть къ прививкамъ людямъ. Самъ Нейсеръ предпочелъ первое.

Послѣдователи его оказались не такъ щепетильны. Первымъ, привившимъ гонококка человѣку, былъ д-ръ *Максъ Бокгартъ*, ассистентъ проф. Ринекера. „Господинъ тайный совѣтникъ фонъ-Ринекеръ,—пишетъ Бокгартъ,—всегда держался того взгляда, что раскрытіе причинъ венерическихъ болѣзней можетъ быть достигнуто лишь путемъ прививокъ людямъ“.[1]). По предложенію своего патрона, Бокгартъ привилъ чистую культуру гонококка одному больному, страдавшему прогрессивнымъ параличомъ и находившемуся въ послѣдней стадіи болѣзни: у него уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ исчезла чувствительность, пролежни увеличивались съ каждымъ днемъ и въ скоромъ времени можно было ждать смертельнаго исхода. Прививка удалась, но отдѣленіе гноя было очень незначительно. Чтобъ усилить отдѣленіе, больному было дано полълитра пива. „Успѣхъ получился блестящій“,—пишетъ Бокгартъ. Гноеотдѣленіе стало очень обильнымъ... Черезъ десять дней послѣ прививки больной умеръ въ паралитическомъ припадкѣ. Вскрытіе показало, между прочимъ, острое гонорройное воспаленіе мочевого канала и пузыря съ начинающимся омертвѣніемъ послѣдняго и большое количество нарывовъ въ правой почкѣ; въ гноѣ этихъ нарывовъ найдены многочисленные гонококки [2]).

Способъ чистой разводки, употребленный Бокгартомъ, былъ очень несовершенный, и его опытъ большого научнаго значенія не имѣлъ. Первая несомнѣнно-чистая культура гонококка была получена д-ромъ *Эрнстомъ Буммомъ* [3]). Чтобъ доказать ея специфичность, Буммъ ушкомъ платиновой проволоки привилъ культуру на мочевой каналъ женщины, мочеполовые пути которой при повторномъ изслѣдованіи были найдены нормальными. Развился типическій уретритъ, потребовавшій для своего леченія шесть недѣль (о. с. p. 147). Изслѣдуя различныя особенности своихъ

---

[1]) «Beitrag zur Aetiologie des Harnröhrentrippers». *Vierteljahrschr. für Dermatol. und Syphilis.* 1883, p. 7.

[2]) *Ibid.*, pp. 7—10.

[3]) *E. Bumm*, «Der Mikroorganismus der gonorrhoischen Schleimhauterkrankungen». 2 Ausg. Wiesbaden. 1887.

разводокъ, Буммъ такимъ же образомъ привилъ гонококка еще другой женщинѣ. Результатъ получился тотъ же, что и въ первомъ случаѣ (p. 150).

Замѣтимъ, что уже болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ Неггератъ доказалъ, къ какимъ тяжелымъ и серьезнымъ послѣдствіямъ, особенно у женщинъ, ведетъ та „невинная" гоноррея, о которой невѣжды и до сихъ поръ еще говорятъ съ улыбкой; въ наукѣ на этотъ счетъ разногласій давно уже нѣтъ. Вотъ что, напр., говоритъ такой авторитетный спеціалисть по данному предмету, какъ уже упомянутый нами Нейсеръ: *„Я не колеблясь заявляю, что по своимъ послѣдствіямъ гоноррея есть болѣзнь, несравненно болѣе опасная (ungleich schlimmere), чѣмъ сифилисъ*, и думаю, что въ этомъ со мною согласятся особенно всѣ гинекологи" [1]). Впрочемъ, и самъ Буммъ въ предисловіи къ своей работѣ заявляетъ, что „гонорройное зараженіе составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ причинъ тяжелыхъ заболѣваній половыхъ органовъ" [2]),—что не помѣшало ему однако подвергнуть опасности такого заболѣванія двухъ своихъ паціентокъ. Правда, по словамъ Бумма, въ его опытахъ „были приняты всѣ (?) мѣры предосторожности противъ зараженія половыхъ органовъ", но дѣло въ томъ, что эти „всѣ" мѣры крайне ненадежны. Притомъ, къ очень тяжелымъ послѣдствіямъ можетъ повести гонорройное заболѣваніе и однихъ мочевыхъ путей.

Дальнѣйшій шагъ впередъ въ культивировкѣ гонококка былъ сдѣланъ д-ромъ *Эрнстомъ Вертгеймомъ* [3]), которому удалось получить чистую культуру на пластинкахъ. „Для вѣрнаго доказательства того,—пишетъ Вертгеймъ,—что растущія на пластинкахъ колоніи дѣйствительно представляютъ собою колоніи нейсерова гонококка, естественно, должно было сдѣлать прививку на мочевой каналъ человѣка" [4]). Вертгеймъ привилъ свои культуры четыремъ больнымъ-паралитикамъ и одному идіоту, тридцатидвухъ-лѣтнему Ш. У идіота Ш. „довольно сильное гноетеченіе" замѣчалось еще по прошествіи двухъ мѣсяцевъ со времени прививки [5]). Дальнѣйшихъ опытовъ Вертгеймъ не дѣлалъ, „за недостаткомъ въ соотвѣтственномъ матеріалѣ" [6]).

---

[1]) *Prof. Al. Neisser.* Ueber die Nothwendigkeit von Spezialkliniken für Haut—und venerische Kranke. *Klinisches Jahrbuch*, Bd. II, p. 199.

[2]) o. c. p. IV.

[3]) Предварительное сообщеніе въ *Deutsche med. Wochenschrift*, 1891, № 50 («Reinzüchtung des' Gonococcus Neisser mittels des Plattenverfahrens»). Подробная статья въ *Archiv für Gynäkologie*, Bd. 42 (1892) («Die ascendirende Gonorrhoe beim Weibe»).

[4]) *D. med. Woch.*

[5]) *Archiv*, pp. 17, 28, 33—34, 37, 39.

[6]) Замѣчу, что этотъ же Вертгеймъ два раза впрыснулъ *себѣ* подъ кожу чистыя разводки гонококковъ,—оба раза съ положительнымъ результатомъ.

Способъ Вертгейма былъ провѣренъ другими изслѣдователями. *Гебгардъ* [1]) съ успѣхомъ прививалъ культуры Вертгейма людямъ (подробностей Гебгардъ въ своей работѣ не приводитъ). Положительный результатъ дали также опыты *Карла Менге*: онъ привилъ гонококка женщинѣ, страдавшей раковымъ пузырно-влагалищнымъ свищомъ; онъ же привилъ гоноррею другой женщинѣ съ опухолью мозга, за два дня до ея смерти [2]).

На особенно широкую ногу были поставлены опыты *Фингера, Гона и Шлагенгауфера* [3]). Они сдѣлали прививки четырнадцати тяжелымъ больнымъ, большею частью страдавшимъ чахоткою и умершимъ черезъ 3—8 дней послѣ прививки. „Чрезвычайно цѣнный гистологическій матеріалъ“ доставилъ больной Ф. Д., 21 года, умершій черезъ трое сутокъ послѣ прививки. „Принимая во вниманіе, — говорятъ авторы, — кратковременность процесса, продолжавшагося всего трое сутокъ, должно удивляться интенсивности процесса, поведшаго къ такимъ глубокимъ гистологическимъ измѣненіямъ“.

Гонорреа является одною изъ самыхъ частыхъ причинъ гнойнаго воспаленія глазъ новорожденныхъ. Вопросомъ объ отношеніи гонококка къ болѣзнямъ глазъ новорожденныхъ занимались многіе изслѣдователи. *Е. Френкель* привилъ воспалительныя отдѣленія больныхъ на глаза тремъ дѣтямъ, долженствовавшимъ вскорѣ умереть. Одинъ изъ нихъ жилъ послѣ прививки еще десять дней и у него развилось типическое гнойное воспаленіе глазъ [4]). *Тишендорфъ* прививалъ гонорройное отдѣленіе больныхъ дѣвочекъ на глаза атрофическимъ дѣтямъ, у которыхъ получалось гнойное воспаленіе глазъ съ характеристическими гонококками [5]). *Кронеръ* привилъ слизисто-гнойныя, свободныя отъ гонококковъ отдѣленія беременныхъ и роженицъ на глаза шестерымъ взрослымъ слѣпцамъ (съ отрицательнымъ результатомъ) [6]).

Такова *далеко еще не полная* исторія гонорреи съ интересующей насъ точки зрѣнія. Теперь мнѣ слѣдовало бы перейти къ прививками мягкой язвы; но на нихъ я останавливаться не буду: во-первыхъ, прививки эти по своимъ послѣдствіямъ сравнительно невинны: изслѣдователь привьетъ больному язву на плечо, бедро или животъ, и черезъ недѣлю залечитъ; это вѣдь для больного

---

[1]) Der Gonococcus-Neisser auf der Platte und in Reincultur. *Berlin. klin. Woch.* 1892, № 11, p. 238.

[2]) Ein Beitrag zur Kultur des Gonococcus. *Centralblat für Gynäkologie.* 1893, № 8.

[3]) Zur Biologie des Gonococcus. *Archiv für Dermatologie und Syphilis.* Bd. 28. 1894. pp. 304—306, 317—324.

[4]) Bericht über eine bei Kindern beobachtete Endemie infectiöser Kolpitis. *Virchow's Archiv*, Bd. 99, Heft 2 (1885), pp. 263—264.

[5]) Verhandlungen der 57 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Magdeburg 1884. *Archiv für Gynäkologie*, Bd. 25. 1885. p. 114.

[6]) *ibid.* p. 113.

совершенные „пустяки", а между тѣмъ живая человѣческая кожа—„самая естественная питательная среда" для микроорганизма мягкой язвы, какъ выражается д-ръ Спичка [1]). Во-вторыхъ, прививки мягкой язвы такъ многочисленны, что описанію ихъ пришлось бы посвятить нѣсколько печатныхъ листовъ; такія прививки дѣлали Гунтеръ, Рикоръ, Ролле, Бюзене, Надо, Кюллерье, Линдвурмъ, де-Лука, Маннино, В. Бекъ, Штраусъ, Гюббенетъ, Бэренпрунгъ, Дюкрэ, Крефтингъ, Спичка и многіе, многіе др.

Перейдемъ къ сифилису. Не заходя далеко въ старину, я изложу его исторію лишь со времени знаменитаго французскаго сифилидолога Филлипа Рикора. Рикоръ разрѣшилъ многіе темные вопросы своей науки и совершенно перестроилъ все зданіе венерологіи. Но и у него, конечно, не обошлось безъ ошибокъ. Одною изъ такихъ весьма прискорбныхъ ошибокъ было утвержденіе Рикора, что сифилисъ въ своей вторичной стадіи незаразителенъ. Причиною этой ошибки было то, что Рикоръ, совершившій безчисленное количество прививокъ *венерическимъ больнымъ*, не рѣшался экспериментировать надъ здоровыми [2]). Исторіей опроверженія этой ошибки Рикора мы теперь и займемся.

Однимъ изъ первыхъ высказался за заразительность вторичныхъ явленій сифилиса дублинскій врачъ *Вилліамъ Уоллесъ* въ своихъ замѣчательныхъ „Клиническихъ лекціяхъ о венерическихъ болѣзняхъ". Лекціи эти замѣчательны по тому классическому безстыдству, съ какимъ Уоллесъ разсказываетъ о своихъ разбойничьихъ опытахъ прививки сифилиса здоровымъ людямъ. „Операцію прививки,—говоритъ онъ,—я совершаю однимъ изъ трехъ способовъ: либо я дѣлаю уколъ ланцетомъ и наношу на ранку отдѣленіе язвы или кондиломы; либо поднимаю кожицу нарывнымъ пластыремъ и покрываю обнаженную поверхность корпіей, смоченной гноемъ; либо, наконецъ, удаляю кожицу треніемъ пальца, обернутаго въ полотенце, и на обнаженную поверхность наношу гной. Результаты при всѣхъ трехъ способахъ были одинаковые" [3]).

Въ дальнѣйшихъ лекціяхъ Уоллесъ подробно разсказываетъ о прививкахъ, сдѣланныхъ имъ пяти здоровымъ людямъ, въ возрастѣ отъ 19 до 35 лѣтъ. У всѣхъ развился характерный сифилисъ [4]) „Приводимые факты,—говоритъ Уоллесъ въ двадцать

[1]) Zur Aetiologie des Schankerbubo. *Archiv für Dermat. und Syphilis.* 1894. Bd. 28, p. 32.

[2]) По этому поводу совершенно справедливо замѣчаетъ Ринекеръ: «непонятно почему Рикоръ съ такимъ безусловнымъ порицаніемъ относится къ прививкамъ здоровымъ людямъ; при массѣ его опытовъ не могло же ему остаться неизвѣстнымъ, что и прививки больнымъ не особенно рѣдко опасны для нихъ». Въ общей сложности Рикоръ совершилъ до *семисотъ* прививокъ гонорреи, мягкой язвы и сифилиса.

[3]) *W. Wallace*, «Lectures on cutaneous and venereal diseases». *The Lancet* for 1835—36. Vol. II, p. 132.

[4]) «Clinical lectures on venereal diseases». *The Lancet* for 1836—37. Vol. II, pp. 535, 536, 538, 620, 621.

второй лекціи,—составляютъ только часть, и притомъ чрезвычайно незначительную часть фактовъ, которые я былъ бы въ состояніи вамъ привести" [1]). Въ двадцать третьей лекціи онъ еще разъ повторяетъ, что изложенные имъ опыты составляютъ лишь очень небольшую часть произведенныхъ имъ. [2])

„Позволительно ли еще,— писалъ по поводу этихъ опытовъ Шнепфъ [3])—ждать болѣе убѣдительныхъ доказательствъ заразительности вторичныхъ явленій сифилиса ?Не нужно новыхъ опытовъ на здоровыхъ людяхъ: опыты Уоллеса дѣлаютъ ихъ совершенно безполезными. Дѣло рѣшено, наука не хочетъ новыхъ жертвъ; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто закрываетъ глаза передъ свѣтомъ".

Но оргія только еще начиналась...

Въ 1851 году были опубликованы „замѣчательные", „дѣлающіе эпоху" опыты *Валлера*. Вотъ какъ описываетъ онъ свои опыты:

„Первый опытъ. Дурстъ, мальчикъ 12-ти лѣтъ, № скорбнаго листа 1396, въ теченіе многихъ лѣтъ страдаетъ паршами головы. Въ остальномъ онъ совершенно здоровъ, никогда не страдалъ ни сыпью, ни золотухой. Такъ какъ по роду болѣзни ему предстояло пробыть въ больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ и такъ какъ онъ раньше не страдалъ сифилисомъ, то я призналъ его весьма годнымъ для прививки, которая и была совершена 6-го августа. На кожѣ праваго бедра были сдѣланы насѣчки, и въ свѣжія, слегка кровоточащія ранки введенъ гной, взятый съ сифилитика. Этотъ гной я втеръ шпателемъ въ ранки, затѣмъ корпіей, пропитанной тѣмъ же гноемъ, растеръ скарифицированное мѣсто и, покрывъ послѣднее этою же корпіей, наложилъ повязку"... Въ началѣ октября у ребенка появилась характерная сифилитическая сыпь [4]).

„Второй опытъ. Фридрихъ, 15 лѣтъ, № скорбнаго листа 5676, въ теченіе семи лѣтъ страдаетъ волчанкою правой щеки и подбородка. Больной до сихъ поръ еще не страдалъ сифилисомъ и такимъ образомъ годился для прививки. Она была совершена 27 іюля. Въ свѣжіе надрѣзы на лѣвомъ бедрѣ я ввелъ кровь женщины, страдавшей сифилисомъ, и затѣмъ перевязалъ ранки корпіей, пропитанной тою же кровью". Въ началѣ октября успѣхъ прививки былъ внѣ всякаго сомнѣнія [5]).

„Обоихъ больныхъ,—прибавляетъ Валлеръ,— я нарочно пока-

[1]) *ibid* p. 539.
[2]) *ibid.* p. 615.
[3]) «De la contagion des accidents consecutifs de la syphilis». *Annales des maladies de la peau et de la syphilis*, publ. par *A. Cazenave*. Vol. IV, 1851—52, p. 44.
[4]) *Waller*. «Die Contagiosität der secundären Syphilis». *Vierteljahrschr. für d. prakt. Heilkunde*. Prag. 1851. Bd. I (XXIX), pp. 124—126.
[5]) *ibid.* pp. 126—128.

залъ г. директору больницы Ридлю, всѣмъ гг. старшимъ врачамъ больницы (Бему и др.), многимъ врачамъ города, нѣсколькимъ профессорамъ (Якшу, Кубику, Оппольцеру, Дитриху и др.), почти всѣмъ госпитальнымъ врачамъ и многимъ иностраннымъ. Единогласно подтвердили всѣ правильность діагноза сифилитической сыпи и выразили готовность въ случаѣ нужды выступить свидѣтелями истинности результатовъ моихъ прививокъ."

Не правда ли, какой полный и точный... судебный протоколъ? Сообщены всѣ подробности „дѣянія", точно указаны пострадавшіе, поименно перечислены всѣ свидѣтели... Если бы прокуроры заглядывали въ эту область, то работы имъ было бы здѣсь немного.

Опыты Валлера послужили сигналомъ для повсемѣстной провѣрки вопроса о заразительности вторичнаго сифилиса.

Въ мартѣ 1852 года *проф. Ринекеръ* привилъ гной сифилитика двѣнадцатилѣтнему мальчику, лежавшему въ больницѣ вслѣдствіе неизлечимой пляски св. Витта. Черезъ мѣсяцъ на мѣстѣ прививки развилась инфильтрація и затвердѣніе. Конституціональныхъ симптомовъ въ этомъ случаѣ не послѣдовало [1]).

Въ 1855 году въ одномъ изъ засѣданій общества пфальцскихъ врачей, во время преній о заразительности вторичнаго сифилиса (по поводу опытовъ Валлера), секретарь Общества познакомилъ собраніе съ содержаніемъ сообщенія, присланнаго ему однимъ отсутствующимъ товарищемъ. „Особое стеченіе обстоятельствъ доставило упомянутому товарищу возможность, безъ нарушенія законовъ гуманности, произвести опыты по вопросу о заразительности вторичнаго сифилиса". Опыты эти заключались въ слѣдующемъ: 1) Гной плоскихъ мокнущихъ кондиломъ и отдѣленіе трещинъ одной сифилитички были привиты одиннадцати человѣкамъ, тремъ женщинамъ 17, 20 и 25 лѣтъ и восьми мужчинамъ въ возрастѣ отъ 18 до 28 лѣтъ. У всѣхъ развился сифилисъ. 2) Гной сифилитическихъ язвъ былъ привитъ тремъ женщинамъ 24, 26 и 35 лѣтъ. Всѣ три получили сифилисъ. 3) Кровью сифилитика были смазаны ножныя язвы шестерыхъ больныхъ; у троихъ развился сифилисъ. 4) Кровь сифилитика была введена въ ранки отъ кровавыхъ банокъ тремъ лицамъ. Безъ результата [2]).

Итакъ, прививка была произведена *двадцати тремъ* лицамъ, *семнадцать* изъ нихъ получили сифилисъ,—и все это оказалось возможнымъ совершить „безъ нарушенія законовъ гуманности"! Вотъ по-истинѣ удивительное „стеченіе обстоятельствъ"! Ниже

---

[1]) «Ueber die Ansteckungsfähigkeit der constitutionellen Syphilis». *Verhandlungen der phys.-medic Gesellschaft in Würzburg.* Bd. III. 1852, p. 391. Въ клиникѣ того же проф. Ринекера два врача, д-ръ Варнери изъ Лозанны и д-ръ В. Р., согласились подвергнуться прививкѣ, и оба получили сифилисъ (*ibid*).

[2]) «Auszüge aus den Protocollen des Vereines pfälzischer Aerzte vom Jahre 1855». *Aerztliches Intelligenz-Blatt,* 1856, № 35, pp. 425—426.

мы увидимъ, что подобныя „стеченія обстоятельствъ“ нерѣдки въ сифилидологіи... Кто былъ авторъ приведенныхъ опытовъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ; онъ счелъ за лучшее навсегда скрыть отъ свѣта свое позорное имя, и въ наукѣ онъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ названіемъ „Пфальцскаго Анонима“.

Все тотъ же вопросъ о заразительности вторичнаго сифилиса былъ предметомъ изслѣдованія кіевскаго профессора *Х. фонъ-Гюббенета.* Имъ были произведены, между прочимъ, слѣдующіе опыты:

1) „И. Сузиковъ, фельдшеръ, 20 лѣтъ отъ роду, подвергся въ февралѣ 1852 года прививкѣ слизистаго прыща сифилитика, находясь въ цвѣтущемъ здоровьи... Я поставилъ мушку на лѣвомъ бедрѣ и, удаливъ такимъ образомъ кожицу, шпателемъ перенесъ на обнаженное мѣсто матерію слизистыхъ прыщей и потомъ наложилъ корпію, пропитанную тѣмъ же самымъ отдѣленіемъ... На пятой недѣлѣ обнаружилась roseola на груди и животѣ. Съ этихъ поръ сифилитическое страданіе стало быстро возрастать. Я продержалъ больного въ этомъ положеніи еще цѣлую недѣлю, для того, чтобы показать его по возможности бо́льшему числу врачей и дать имъ возможность удостовѣриться въ дѣйствительности факта. Наконецъ я обратился къ ртутному леченію и больной выздоровѣлъ черезъ три мѣсяца“.

2) „Солдатъ Тимоѳей Максимовъ, отъ роду 33 лѣтъ, 13 января 1858 года поступилъ въ хирургическую клинику съ застарѣлой фистулой мочевого канала. Такъ какъ больной по всѣмъ соображеніямъ долженъ былъ пробыть въ госпиталѣ довольно долго, и времени, слѣдовательно, имѣлось въ виду достаточно для того, чтобы выждать результатъ, то мнѣ этотъ случай показался удобнымъ для опыта. Марта 14-го привита матерія, взятая съ покрытыхъ слизистыми прыщами и изъязвленныхъ миндалей солдата Нестерова... Къ 22-му мая характерная roseola... 2-го іюня начато ртутное леченіе и черезъ шесть недѣль больной выздоровѣлъ“ [1]).

„Читая эти два описанія, — говоритъ проф. В. А. Манассеинъ,—не знаешь, чему болѣе дивиться: тому ли хладнокровію, съ которымъ экспериментаторъ даетъ сифилису развиться порѣзче для большей ясности картины и „чтобы показать больного большему числу врачей“, или же той начальнической логикѣ, въ силу которой подчиненнаго можно подвергнуть тяжкой, иногда смертельной болѣзни, даже не спросивъ его согласія. Желалъ бы я знать, привилъ ли бы проф. Гюббенетъ сифилисъ своему сыну, даже если бы тотъ и согласился!“ [2]).

---

[1]) *Проф. Х. фонъ-Гюббенетъ*, «Наблюденіе и опытъ въ сифилисѣ». *Военно-Медиц. Журналъ.* Ч. 77. 1860, стр. 423–427.

[2]) «Лекціи общей терапіи». Ч. I. Спб. 1879, стр. 66.

Свою статью проф. Гюббенетъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Считаю нужнымъ замѣтить, что, произведя множество неудачныхъ опытовъ надъ больными, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что встрѣчу ту же самую неудачу въ отношеніи здоровыхъ; только на основаніи этого убѣжденія я и могъ себѣ позволить произвести эти опасные опыты". (Не будемъ ужъ говорить о томъ, что профессоръ-спеціалистъ не могъ не знать объ удачныхъ прививкахъ хотя бы Валлера; но и самимъ проф. Гюббенетомъ первая удачная прививка была произведена въ 1852 году, послѣдняя же въ 1858. Неужели и въ 1858 году профессоръ приступалъ къ прививкѣ, тоже „вполнѣ убѣжденный"?) „Обнародованіе этихъ наблюденій,—продолжаетъ Гюббенетъ,—можетъ быть, удержитъ людей даже съ такой скептической натурой, какъ и моя, отъ производства дальнѣйшихъ опытовъ, могущихъ повести къ совершенному разстройству здоровыхъ лицъ, имъ подвергающихся. Я бы еще нѣсколько успокоился относительно судьбы жертвъ, если бы опыты эти распространили въ публикѣ убѣжденіе въ заразительности вторичныхъ припадковъ... Если опыты эти помогутъ раскрыть истину въ столь важномъ дѣлѣ, то страданіемъ нѣсколькихъ лицъ человѣчество еще не очень дорого заплатитъ за истинно-полезный и практическій результатъ".

Непонятно, почему въ такомъ случаѣ проф. Гюббенетъ не привилъ сифилиса *себѣ*? Или, можетъ быть, это было бы слишкомъ „дорого" даже и для человѣчества?

Въ 1858 году французское правительство обратилось къ Парижской Медицинской Академіи за разрѣшеніемъ все еще оставшагося спорнымъ вопроса, заразителенъ ли вторичный сифилисъ. Была назначена коммиссія, и докладчикомъ этой коммиссіи выступилъ въ академіи д-ръ *Жиберъ*. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что съ цѣлью выясненія предложеннаго вопроса д-ръ *Озіасъ-Тюреннъ* привилъ отдѣленіе сифилитика двумъ взрослымъ больнымъ, страдавшимъ волчанкою, и у обоихъ развился сифилисъ. Самъ докладчикъ сдѣлалъ прививки двумъ другимъ больнымъ, также страдавшимъ волчанкою, и также въ обоихъ случаяхъ получилъ сифилисъ [1]).

Докладъ Жибера вызвалъ въ академіи бурныя и продолжительныя пренія; въ нихъ горячее участіе принялъ Рикоръ, который упрямо, несмотря на всю очевидность, отрицалъ до тѣхъ поръ заразительность вторичнаго сифилиса; въ концѣ концовъ Рикоръ былъ принужденъ сознаться, что ошибался, и присоединился къ мнѣнію о заразительности вторичнаго сифилиса.

---

[1]) *Bulletin de l'Academie imperiale de médecine*, Tome XXIV. Paris. 1858—1859 p. 888—890.

Самый сильный и авторитетный противникъ новыхъ взглядовъ былъ побѣжденъ. Но, несмотря на это, опыты, теперь ужъ даже безцѣльные, все продолжались и продолжались... Въ 1859 году *Гюено* привилъ отдѣленіе сифилитическихъ слизистыхъ бляшекъ десятилѣтнему мальчику І. Б.-Б., страдавшему паршами головы, и получилъ у него сифилисъ [1]). Въ томъ же 1859 году *проф. Бэренпрунгъ* съ успѣхомъ привилъ сифилитическій гной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ Бертѣ Б. Онъ же отдѣленіемъ твердаго шанкра привилъ сифилисъ двадцатитрехлѣтней проституткѣ Маріи Г. [2]). *Проф. Линдвурмъ* въ 1860—1861 гг. привилъ сифилисъ пяти лежавшимъ въ его больницѣ женщинамъ 18-ти, 19, 30, 45 и 71 года. Вотъ описаніе послѣдняго изъ этихъ опытовъ: „Марія Е., 71 года, въ теченіе многихъ лѣтъ страдаетъ большою, глубокою язвою лба. Обѣ лобныя пазухи вслѣдствіе разрушенія переднихъ стѣнокъ открыты; дно язвы густо покрыто грануляціями, между которыми зондъ легко доходитъ до кости, а кое-гдѣ проходитъ и въ кость... 27 мая 1861 года больной была впрыснута подъ кожу между лопатками кровь сифилитички". Больная получила сифилисъ [3]).

Какъ сообщаетъ Цейсль, д-ромъ *Рознеромъ*, по порученію проф. *Гебры*, были произведены слѣдующіе опыты: 1) „Отдѣленіе плоскаго кондилома, сидѣвшаго на груди одной кормилицы, было привито 50-лѣтнему больному, страдавшему чрезвычайно сильно развитымъ зудомъ". Сифилисъ. 2) „Гной шанкра былъ привитъ на предплечіе кормилицѣ, страдавшей пятнистымъ сифилидомъ. Уколы у этой пропитанной сифилисомъ женщины принялись и развились въ характеристическія пустулы. Гной этихъ-то послѣднихъ былъ снова привитъ одному прокаженному больному, не страдавшему прежде сифилисомъ... Эта прививка также принялась" [4]).

Докторъ *Пюшъ* привилъ на животъ больному, лежавшему въ Hôpital du Midi, отдѣленіе твердой язвы сифилитика. Прививка не удалась. Черезъ три недѣли Пюшъ привилъ этому больному отдѣленіе другого сифилитика. На этотъ разъ опытъ увѣнчался успѣхомъ: больной получилъ сифилисъ [5]).

Съ цѣлью выясненія вопроса, заражается ли сифилисомъ че-

---

[1]) «Nouveau fait d'inoculation d'accidents syphil. secondaires». *Gaz. hebdomad. de med. et de chirurgie.* 1859. № 15. Гюено за свой опытъ понесъ страшное наказаніе: Ліонскій Исправительный Трибуналъ приговорилъ его... къ *ста* франкамъ штрафа!

[2]) «Mittheilungen aus der Klinik für syphil. Kranke». *Annalen des Charité-Krankenhauses.* Bd. IX, Heft 1. 1860, p. 167—168.

[3]) «Ueber die Verchiedenheit der syphilitischen Krankheiten». *Würzburger Medicinische Zeitschrift.* 1862. Bd. III, pp. 146-148, 174.

[4]) *Германъ Цейсль*, «Руководство къ изученію общаго сифилиса». Спб. 1866, стр. 29.

[5]) *Henry Lee*, «Hunterian lectures on syphilis». *The Lancet*, 1875, vol. II, p. 122.

ловѣкъ, однажды ужъ перенесшій сифилисъ, проф. *Видаль-де-Кассиі* произвелъ слѣдующій опытъ:

„М., 37 лѣтъ отъ роду". (Перенесъ сифилисъ, поступилъ въ больницу съ параличомъ нижнихъ конечностей; раньше работалъ въ сыромятномъ заведеніи, потомъ былъ сторожемъ). „Больной началъ выздоравливать, но пожелалъ остаться еще на нѣкоторое время въ госпиталѣ, въ ожиданіи казеннаго мѣста служенія. Въ январѣ 1852 года ему было приставлено по маленькой мушкѣ на каждое бедро, вслѣдствіе недѣятельности мочевого пузыря; послѣ снятія кожицы *раны были перевязаны корпіею, пропитанною въ гноѣ, снятомъ съ слизистыхъ прыщей, которыми страдалъ другой больной*. Но отъ этой прививки не было никакихъ послѣдствій. Я предложилъ впослѣдствіи повторить этотъ опытъ. 12 апрѣля 1852 года, когда больной началъ жаловаться на трудность дыханія, ему была приставлена мушка на верхней части рукъ, которая 13 апрѣля была перевязана корпіей, пропитанной гноемъ слизистыхъ прыщей другого больного. 15 апрѣля: рана на каждой рукѣ покрылась сѣроватою перепонкою, нагноеніе очень обильно и отвратительнаго запаха; на эти раны вновь была наложена корпія, пропитанная тѣмъ же гноемъ" и т. д. [1]). Видаль очень недоволенъ щепетильностью ученыхъ, не рѣшающихся на подобные опыты. „Къ несчастью,—говоритъ онъ,—самые дѣльные изъ сифилографовъ, которые по своей логикѣ и навыку къ клиническимъ наблюденіямъ могли бы принести огромную пользу, считаютъ опытъ за средство безнравственное и пренебрегаютъ имъ" [2]).

Заразителенъ ли сифилисъ въ третичномъ періодѣ? Большинство опытовъ говоритъ за незаразительность. *Дидэ* прививалъ безъ результата здоровымъ людямъ кровь сифилитиковъ въ третичной стадіи [3]); *Фингеръ* сдѣлалъ болѣе тридцати отрицательныхъ прививокъ отдѣленіемъ гуммозныхъ язвъ и періоститовъ десяти „здоровымъ, т. е. не сифилитическимъ субъектамъ" [4]).

Цѣлый рядъ опытовъ былъ произведенъ различными изслѣдователями по вопросу о томъ, заразительны ли во вторичной стадіи сифилиса всевозможныя нормальныя и патологическія, но *не* специфическія отдѣленія больного. Такъ, *Бассэ* прививалъ гонорройный гной, взятый съ сифилитика, на кожу здороваго человѣка и получилъ отрицательный результатъ [5]). Проф. *В. М. Тарновскій* былъ счастливѣе. „Зимою 1863 года, въ Калинкинской больницѣ,—разсказываетъ онъ,—послѣ восемнадцати (!) попытокъ мнѣ удалось

---

[1]) *Проф. А. Видаль*, «О венерическихъ болѣзняхъ». Пер. съ фр. Спб. 1857, стр. 560—561.
[2]) *ibid.*, стр. 31.
[3]) *Gaz. méd. de Paris*, 1846. Цит. по Лансеро «Ученіе о сифилисѣ», стр. 607.
[4]) *E. Finger*, «Die Syphilis und die vener. Krankheiten». Wien. 1886, p. 7.
[5]) Рѣчь *Ролле* на Ліонскомъ конгрессѣ 1864 г. *Gaz. hebdomad.* 1864, p. 706.

привить женщинѣ, имѣвшей бородавчатые наросты и никогда не страдавшей сифилисомъ, слизисто-гнойное отдѣленіе другой больной" (сифилитички). Развился характерный сифилисъ [1]). Въ той же Калинкинской больницѣ проф. Тарновскій сдѣлалъ рядъ опытовъ для провѣрки утвержденія Кюллерье, что на цѣльную слизистую оболочку мягкая язва не прививается. „Мало того,— пишетъ профессоръ,—въ теченіе прошлаго 1868—1869 учебнаго года я рѣшился сдѣлать тотъ же опытъ съ отдѣляемымъ твердаго шанкра и послѣдовательныхъ явленій сифилиса. Двумъ больнымъ, никогда не имѣвшимъ сифилиса и не представлявшимъ во влагалищѣ и наружныхъ частяхъ ни малѣйшихъ ссадинъ, было введено въ рукавъ одной—отдѣляемое твердаго шанкра, другой—слизистыхъ папулъ". Сифилиса не послѣдовало [2]). Тотъ же проф. Тарновскій, испытывая предохранительную жидкость Ланглебера, произвелъ, между прочимъ, слѣдующіе два опыта: „Отдѣляемое твердаго шанкра въ одномъ случаѣ и мокнущихъ слизистыхъ папулъ въ другомъ было положено мною на внутреннюю поверхность плеча здороваго субъекта, гдѣ помощью ланцета предварительно была соскоблена кожица. Заразительная матерія оставлена въ соприкосновеніи съ обнаженнымъ мѣстомъ отъ пяти до десяти минутъ, затѣмъ послѣднее натерто предохранительною жидкостью. Въ обоихъ случаяхъ развитія сифилитическихъ явленій не послѣдовало" [3]).

Весною 1897 года проф. Тарновскій покинулъ за выслугою лѣтъ каѳедру Военно-Медицинской Академіи. Его прощальная лекція была посвящена... врачебной этикѣ. Повидимому, въ этой лекціи г-номъ профессоромъ были высказаны очень возвышенныя и благородныя мысли: молодежь устроила ему шумную овацію.

Можно ли передать сифилисъ отдѣляемымъ мягкой язвы сифилитика? Этотъ вопросъ пытался рѣшить экспериментальнымъ путемъ доцентъ (нынѣ проф. Казанскаго университета) *А. Г. Ге.* „Опытъ былъ произведенъ надъ женщиною, страдающей норвежскою проказою, никогда не имѣвшей сифилиса и *давшей на опытъ свое согласіе* (sic!)". Результатъ получился отрицательный [4]). Отрицательный результатъ дали также четыре прививки *Ригера*, произведенныя имъ въ клиникѣ Ринекера [5]). Болѣе успѣшными оказались опыты *Биденкапа*... Впрочемъ, виноватъ: опытовъ Биденкапъ не производилъ; къ нему на помощь пришло одно изъ тѣхъ волшеб-

---

[1]) *В. М. Тарновскій.* «Курсъ венерическихъ болѣзней». Спб. 1870, стр. 67.

[2]) *Ibid.*, стр. 64.

[3]) *Э. Лансеро*, «Ученіе о сифилисѣ». Пер. подъ ред. проф. *В. М. Тарновскаго*. Спб. 1876, стр. 669, примѣч. редактора.

[4]) *Дневникъ Казанскаго Общества врачей* 1881, стр. 12.

[5]) См. *Bäumler*, «Сифилисъ», въ «Руков. къ частн. патол. и терапіи» Цимсена, т. III, ч. I. Харьковъ. 1886, стр. 84,

ныхъ „стеченій обстоятельствъ“, которыя въ обыденной жизни совершенно невѣроятны, но которыя въ сифилидологіи, какъ мы уже знаемъ, иногда случаются.

„Первый случай. Дѣвушка, принятая 9 октября 1862 года съ бленнореей влагалища и мочевого канала, *изъ баловства* привила себѣ иглой шанкерный ядъ изъ искусственныхъ язвъ одной больной, которая была пользуема сифилизаціей... Образовались двѣ язвы, которыя не сопровождались конституціональнымъ сифилисомъ.“

„Второй случай. Дѣвушка съ экземой предплечій, но никогда не страдавшая венерическими пораженіями, привила себѣ *изъ шалости, подобно предыдущей больной*, 18 (восемнадцать!) шанкровъ; къ нимъ прибавилось 12 другихъ отъ пробныхъ прививаній гноемъ первоначально образовавшихся пустулъ, такъ какъ способъ ихъ происхожденія вначалѣ не былъ извѣстенъ“. Больная получила сифилисъ [1]).

Съ цѣлью рѣшенія вопроса, заразительно-ли молоко женщинъ, больныхъ сифилисомъ, *Падова* привилъ четыремъ здоровымъ кормилицамъ молоко, взятое отъ сифилитички; результатъ во всѣхъ случаяхъ получился отрицательный [2]). Этимъ-же вопросомъ занимался д-ръ *Р. Фоссъ*; онъ привилъ въ Калинкинской больницѣ молоко сифилитической женщины тремъ проституткамъ, *„давшимъ на опытъ свое согласіе“*.

Опытъ первый. Пелагея А—ва, *тринадцати* лѣтъ, крестьянка Новогородской губерніи; имѣла сифилисъ, вылечилась. 25 сентября 1875 г. ей впрыснуто въ спину молоко сифилитички. Получился только нарывъ величиною „съ небольшой кулакъ“.

Опытъ второй. Наталья К—ва, 15 лѣтъ, проституціей стала заниматься недавно. Поступила съ уретритомъ и вагинитомъ. Впрыснуто молоко сифилитички. Безъ результата.

Опытъ третій. Любовь Ю—нъ, 16 лѣтъ, проститутка; поступила въ больницу съ уретритомъ; сифилиса никогда не имѣла. 27 сентября ей впрыснутъ подъ лѣвую лопатку полный правацовскій шприцъ молока сифилитички. *Дѣвушка получила сифилисъ* [3]).

Докторъ Фоссъ, какъ и проф. Ге, увѣряетъ, что его жертвы дали на опытъ свое согласіе. Что это, насмѣшка? Самой старшей изъ дѣвушекъ было всего *шестнадцать* лѣтъ! Если согласіе даже дѣйствительно было дано, то знали ли эти дѣти, *на что* они соглашались, можно-ли было придавать какое нибудь значеніе ихъ согласію?

---

[1]) *ibid.*

[2]) *Лансеро*, стр. 614.

[3]) «Ist die Syphilis durch Milch übertragbar?» *St.-Petersburger Med. Wochenschrift.* 1876, № 23. Въ оригиналѣ всѣ три дѣвушки названы полными фамиліями.

Довольно. Я привелъ далеко не всѣ имѣющіеся въ моемъ распоряженіи факты прививки сифилиса людямъ. Но ужъ и приведенные, мнѣ кажется, съ достаточною убѣдительностью говорятъ за то, что опыты эти не представляютъ собою чего-то исключительнаго и случайнаго: они производятся систематически, о нихъ сообщаютъ спокойно, не боясь суда ни общественной совѣсти, ни своей, — сообщаютъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о кроликахъ или собакахъ. Я только приведу еще нѣсколько подобныхъ же опытовъ изъ другихъ областей медицины; хотя тамъ они сравнительно и рѣже (благодаря возможности производить опыты надъ животными), но безотносительно встрѣчаются все-таки въ слишкомъ достаточномъ количествѣ.

Изслѣдуя способы зараженія человѣка глистами, *проф. Грасси* и *д-ръ Каландруччіо* дали семилѣтнему мальчику, до тѣхъ поръ не страдавшему глистами, пилюлю съ зародышами глистовъ струнцовъ (аскаридъ); черезъ три мѣсяца у ребенка выдѣлилось 143 глиста длиною въ 18—23 ст. каждый [1]). На съѣздѣ врачей въ Галле проф. *Эпштейнъ* сообщилъ о своихъ опытахъ подобнаго же рода: зародыши глистовъ-струнцовъ онъ далъ въ пищѣ тремъ дѣтямъ, и черезъ два мѣсяца въ ихъ испражненіяхъ были уже яйца струнца [2]).

Желая ознакомиться съ измѣненіями, происходящими въ печени при сахарной болѣзни, профф. *Фрериксъ* и *Эрлихъ* вкалывали въ печень больнымъ сахарною болѣзнью троакаръ. „По удаленіи стилета въ трубкѣ троакара оказывалось нѣсколько капель крови, обыкновенно съ печеночными клѣтками, иногда же и болѣе значительный, колбасообразный кусокъ печени“ [3]).

Д-ръ *Фелейзенъ*, открывшій микроорганизмъ рожи, привилъ разводку своихъ рожистыхъ стрептококковъ 58-лѣтней старухѣ съ множественною фибросаркомою кожи. Рожа привилась. „На шестой день послѣ прививки у больной появился угрожающій упадокъ силъ, который потребовалъ примѣненія возбуждающихъ средствъ“ [4]). Послѣ этого Фелейзенъ привилъ рожу еще шести больнымъ, страдавшимъ волчанкою и разнаго рода опухолями [5]).

---

[1]) *Prof. B. Grassi.* «Trichocephalus und Ascarisentwickelung». *Centralbl. f. Bakteriol. u. Paras.* 1887. Bd. I, p. 131.

[2]) *Врачъ*, 1891. стр. 972.

[3]) *Fr. Th. v. Frerichs*, «Ueber den Diabetes». Berlin. 1884, p. 272.

[4]) *Dr. Fehleisen*, «Die Aethiologie des Erysipels». Berlin. 1883, pp. 21—23.

[5]) О. с. p. 29. Въ оправданіе своихъ опытовъ д-ръ Фелейзенъ ссылается на отмѣченное нѣкоторыми наблюдателями цѣлебное дѣйствіе рожи на злокачественныя опухоли и волчанку. Но вотъ исторія одного изъ больныхъ, которымъ Фелейзенъ привилъ рожу: «Двадцатилѣтній мужчина, послѣднія двѣнадцать лѣтъ страдаетъ волчанкою и *много разъ перенесъ рожу*». Какое основаніе имѣлъ Фелейзенъ ждать, что привитая имъ рожа исцѣлитъ больного, который ужъ много разъ безъ всякой пользы для себя перенесъ рожу? Восьмилѣтней дѣвочкѣ съ саркомою глаза, послѣ удавшейся прививки, Фелейзенъ вторично привилъ рожу, «съ цѣлью узнать, остается ли соотвѣтственный индивидуумъ послѣ перенесенной рожи на нѣкоторое время невоспріимчивымъ къ рожѣ».

Въ мартѣ 1887 года къ берлинскому хирургу *Евг. Гану* обратилась за помощью женщина съ ракомъ грудной железы. Произвести операцію было уже невозможно. „Чтобъ отказомъ отъ операціи не открыть больной безнадежность ея состоянія и чтобъ доставить ей облегченіе и успокоеніе психическимъ впечатлѣніемъ произведенной операціи", д-ръ Ганъ вырѣзалъ изъ пораженной груди кусочекъ опухоли и... привилъ его на другую, здоровую грудь своей паціентки; прививка удалась [1]). Такимъ образомъ былъ установленъ очень важный фактъ прививаемости рака. Опытъ Гана былъ впослѣдствіи съ успѣхомъ повторенъ *проф. Бергманомъ* и неизвѣстнымъ хирургомъ, анонимно приславшимъ свое сообщеніе парижскому профессору Корнилю.

Д-ръ *Н. А. Финнъ* изслѣдовалъ въ одномъ изъ кавказскихъ военныхъ госпиталей вопросъ о заразительности пятнистаго тифа. По его предложенію, ординаторъ *Артемовичъ* впрыснулъ подъ кожу семнадцати здоровымъ солдатамъ кровь больныхъ пятнистымъ тифомъ. Ни одинъ изъ привитыхъ не заболѣлъ, „только у двухъ сдѣлались простые нарывы на мѣстѣ уколовъ". Кромѣ того, двадцать восемь здоровыхъ молодыхъ солдатъ было положено д-ромъ Финномъ въ одну палату съ пятнисто-тифозными больными. Они пролежали съ больными „въ теченіе четырехъ-пяти дней, при плотно сдвинутыхъ кроватяхъ, а иногда покрывались одѣялами тифозныхъ больныхъ" [2]).

Въ декабрѣ 1887 года д-ръ *Штиклеръ* прочелъ въ Нью-Іоркской Медицинской Академіи докладъ о предохранительныхъ прививкахъ скарлатины. Онъ сдѣлалъ наблюденіе, что лица, заразившіяся отъ животныхъ копытною и другими родственными болѣзнями, по перенесеніи этихъ болѣзней становятся невосприимчивыми къ скарлатинѣ. Чтобъ провѣрить свое наблюденіе, Штиклеръ сталъ прививать дѣтямъ кровь больныхъ лошадей и содержимое пузырьковъ больныхъ коровъ. Послѣ этого онъ клалъ дѣтей на подушки, бывшія въ употребленіи у скарлатинозныхъ больныхъ, а также заставлялъ ихъ дышать воздухомъ, выдыхаемымъ этими больными; такихъ дѣтей счетомъ было двадцать; кромѣ того, двѣнадцати дѣтямъ Штиклеръ впрыснулъ подъ кожу кровь, взятую у лихорадившихъ скарлатинозныхъ больныхъ. Изъ всѣхъ этихъ дѣтей одни совсѣмъ не заболѣли скарлатиною, другіе получили скарлатину, но въ легкой формѣ; тяжелыхъ заболѣваній не было [3]).

---

[1]) *E. Hahn*, «Ueber Transplantation der carcin. Haut». *Berl. Klin. Woch.* 1888, № 21.

[2]) *Протоколы засѣд. Имп. Кавк. Мед. Об-ва* за 1878—1879 г. № 8, стр. 167. Д-ра Финнъ и Артемовичъ впрыснули кровь пятнисто-тифозныхъ больныхъ также и *себѣ*.

[3]) Реферируя докладъ Штиклера изъ одного американскаго журнала, *Centralblatt für Bacteriologie und Parasitenkunde* (Bd. IV, 1888, p. 369) замѣчаетъ: «Полученные результаты во всякомъ случаѣ достаточно важны для того, чтобъ побудить къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи».

Проф. *Робертсъ Бартоло* изъ Огіо пользовалъ больную, у которой вслѣдствіе рака черепныхъ покрововъ была обнажена задняя доля большого мозга. Профессоръ воспользовался рѣдкимъ случаемъ и продѣлалъ надъ своею паціенткою рядъ опытовъ электрическаго раздраженія мозга. Гальваническое раздраженіе твердой мозговой оболочки оказалось безболѣзненнымъ, фарадическое — вызвало сокращеніе мускуловъ на всей противуположной половинѣ тѣла. Послѣ этого „изолированная игла одного электрода была воткнута въ лѣвую долю мозга, а другой электродъ приставленъ къ твердой мозговой оболочкѣ; когда былъ замкнутъ токъ, послѣдовали мускульныя сокращенія въ правой рукѣ, ногѣ и въ лѣвыхъ глазныхъ мышцахъ, а лѣвый зрачекъ расширился. Несмотря на весьма очевидную боль, которую это доставляло больной, на лицѣ ея появилась улыбка, какъ будто это было ей очень пріятно". Тотъ же опытъ былъ повторенъ и надъ правой мозговой долей. „Когда игла входила въ вещество мозга, больная испытала острую боль въ затылкѣ. Съ цѣлью достигнуть болѣе ясно выраженныхъ реакцій, сила тока была увеличена; послѣ того, какъ токъ былъ замкнутъ, лицо больной выразило ужасъ, и она начала громко кричать; ея глаза, съ сильно расширенными зрачками, стали неподвижными, губы посинѣли, и на губахъ показалась пѣна; она потеряла сознаніе, и въ лѣвой половинѣ тѣла появились сильныя конвульсіи. Конвульсіи продолжались пять минутъ и смѣнились глубокимъ обморочнымъ состояніемъ; сознаніе воротилось къ больной черезъ двадцать минутъ послѣ начала опыта". Черезъ нѣкоторое время опытъ былъ снова повторенъ съ болѣе слабымъ токомъ, а три дня спустя „состояніе больной значительно ухудшилось. Вечеромъ явился приступъ судорогъ, продолжавшійся около пяти минутъ, послѣ этого больная впала въ глубокій обморокъ, и у нея развился полный параличъ правой стороны тѣла". Несчастная вскорѣ умерла. По мнѣнію профессора Бартоло, смерть ея послѣдовала отъ основной болѣзни [1]).

---

[1]) *British Med. Journ.* 1874, vol. I, p. 687. Реферируя это сообщеніе изъ одного американскаго изданія, цитированный журналъ выразилъ порицаніе автору за его опыты. Бартоло прислалъ въ редакцію письмо, гдѣ въ свое оправданіе ссылается на то, что больной все равно предстоялъ скорый конецъ, что она согласилась на опыты и что, по его мнѣнію, опыты эти не грозили никакою опасностью. «Я былъ вполнѣ увѣренъ,—пишетъ онъ,—что тонкія иголки электродовъ могутъ быть безъ всякаго вреда введены въ вещество мозга, но я вижу теперь, что ошибся Повторять подобные опыты, зная, насколько они вредны, было бы въ высшей степени преступно. Я могу только выразить сожалѣніе, что факты, которые, какъ я надѣялся, должны были способствовать прогрессу науки, были получены путемъ причиненія нѣкотораго вреда паціенткѣ»; (p. 727). По мнѣнію журнала, письмо это «способно обезоружить всякую дальнѣйшую критику»; редакція находитъ письмо искреннимъ, вполнѣ достойнымъ профессіи автора и даже... гуманнымъ! (p. 723). И это безъ всякой иронія.—Въ общемъ опыты Бартоло вызвали, впрочемъ, дружное негодованіе врачебной печати.

„Вотъ какъ относятся врачи къ больнымъ, ввѣряющимъ въ ихъ руки свое здоровіе!“—скажетъ иной читатель, прочитавъ эту главу. Такое заключеніе будетъ совершенно невѣрно. Сотня-другая врачей, видящихъ въ больныхъ людяхъ лишь объекты для своихъ опытовъ, не даетъ еще права клеймить цѣлое сословіе, къ которому принадлежатъ эти врачи. Параллельно можно привести ничуть не меньшее количество фактовъ, гдѣ врачи производили самые опасные опыты *надъ самими собою*. Такъ, у всѣхъ еще въ памяти опыты Петтенкофера и Эммериха, принявшихъ внутрь чистыя разводки холерныхъ бациллъ, причемъ соляная кислота желудка была предварительно нейтрализована содою. То же самое продѣлали надъ собою проф. И. И. Мечниковъ, д-ра Гастерликъ и Латапи. Сифилисъ привили себѣ д-ра Борджіони [1]), Линдеманъ [2]), Варнери [3]) и многіе, многіе другіе; молодые и здоровые, они для науки пошли на опыты, которые искалѣчили всю ихъ жизнь. Отъ сотни-другой этихъ героевъ заключать о геройствѣ врачебнаго сословія *вообще* столь же несправедливо, какъ изъ вышеприведенныхъ опытовъ надъ больными дѣлать заключеніе, что такъ относятся къ своимъ больнымъ врачи вообще.

Но что безусловно вытекаетъ изъ приведенныхъ опытовъ и чему не можетъ быть оправданія,—это то позорное равнодушіе, какое встрѣчаютъ описанныя звѣрства въ врачебной средѣ. Вѣдь приведенный мною мартирологъ больныхъ, принесенныхъ въ жертву наукѣ, добытъ мною не путемъ какихъ-нибудь тайныхъ розысковъ,—сами виновники этихъ опытовъ печатно, во всеуслышаніе сообщаютъ о нихъ! Казалось бы, опубликованіе пер-

---

[1]) 6 февраля 1862 г. проф. Пеллицціари привилъ кровь сифилитической больной д-рамъ Борджіони, Рози и Пассильи, «которые мужественно обрекли себя на опыты, несмотря на отговариванія профессора». У д-ра Борджіони прививка удалась; черезъ два мѣсяца послѣ прививки появились ночныя головныя боли, общая сыпь, опуханіе железъ; десять дней спустя первичная язва на рукѣ стала заживать; лишь тогда д-ръ Борджіони приступилъ къ ртутному леченію. (*Gaz. hebdom.*, 1862. № 22, p. 349—350).

[2]) Интересуясь различными вопросами сифилидологіи, д-ръ Линдеманъ произвелъ надъ собою слѣдующіе опыты. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ черезъ каждые пять дней онъ прививалъ себѣ на руки мягкія язвы; черезъ три мѣсяца послѣ этого онъ привилъ себѣ отдѣленіе сифилитика и получилъ сифилисъ. Черезъ семнадцать дней послѣ появленія общей высыпи папулъ Линдеманъ снова сталъ прививать себѣ мягкіе шанкры различной вредоносности. Коммиссія, назначенная Парижской Медицинской Академіей, изслѣдовала д-ра Линдемана, и вотъ какъ описываетъ она его состояніе устами своего докладчика Бэгена: «Обѣ руки (отъ плечъ до ладоней) покрыты язвами; многія язвы слились; вокругъ нихъ острое и болѣзненное воспаленіе; нагноеніе очень обильно; дно большинства язвъ сѣроватаго цвѣта; въ общности всѣ эти поврежденія, говоря языкомъ хирургіи, имѣютъ очень дурной видъ. По всему тѣлу—обильная высыпь сифилитическихъ папулъ.—Д-ръ Л. исполненъ мужества и довѣрія и выразилъ намѣреніе прибѣгнуть наконецъ къ правильному леченію своей болѣзни, ставшей уже застарѣлою и серьезною» (*Bulletin de l'Academie Nation. de médecine.* Tome XVII. Paris. 1851—1852, p.p. 879—885).

[3]) *Verhandlungen der phys. med. Gesellschaft in Würzburg.* Bd. III, 1852, p. 391. Ст. проф. Ринекера.

ваго же такого опыта должно бы сдѣлать совершенно невозможнымъ ихъ повтореніе; первый же такой экспериментаторъ долженъ бы быть съ позоромъ выброшенъ навсегда изъ врачебной среды. Но этого нѣтъ. Гордо поднявъ головы, шествуютъ эти своеобразные служители науки, не встрѣчая сколько нибудь дѣятельнаго отпора ни со стороны товарищей-врачей, ни со стороны врачебной печати. Изъ всѣхъ органовъ послѣдней мнѣ извѣстенъ только одинъ, упорно и энергично протестующій противъ каждой попытки экспериментировать надъ живыми людьми,— это русская газета „Врачъ“. Страницы ея такъ и пестрятъ замѣтками редакціи въ такомъ родѣ: „Опять непозволительные опыты!“ „Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ врачи могутъ позволять себѣ подобные опыты!“ „Не ждать же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ прокуроры взяли на себя трудъ разъяснить, гдѣ кончаются опыты позволительные и начинаются уже преступные!“ „Не пора ли врачамъ сообща возстать противъ подобныхъ опытовъ, какъ бы поучительны сами по себѣ они ни были?“.

О, да, пора, пора! Но пора ужъ и обществу перестать ждать, когда врачи наконецъ выйдутъ изъ своего бездѣйствія, и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками.

В. Вересаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОЧАЛОВѢ.

Письмо къ редактору.

Милостивый государь, Викторъ Петровичъ!

Въ статьѣ своей «Столѣтіе великаго трагика», ярко и сжато рисуя общественныя условія, жизненную обстановку и нравственные запросы, среди которыхъ исполнялъ свою *культурную* роль геніальный артистъ—П. С. Мочаловъ, вы отмѣчаете крайнюю скудость біографическихъ свѣдѣній о немъ. Просмотръ статей, появившихся по случаю дня столѣтія его рожденія (3-го ноября 1800 г.) и пятидесятилѣтія его смерти (16-го марта 1848 г.) подтверждаетъ ваше указаніе. Время, когда скончался Мочаловъ, особенно способствовало нашей обычной забывчивости о тѣхъ, «кто спать въ насъ мысли не даетъ». Лаконическія строки № 34 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1848 годъ, некрологъ въ «Московской Полицейской Газетѣ» и теплые, но небогатые фактами, отзывы «Современника» и «Пантеона»—были единственною печатною данью памяти о человѣкѣ, унесшемъ съ собою въ могилу дарованіе, потрясавшее и трогавшее зрителей до глубины души, заставлявшее ихъ понимать истинный смыслъ созданій великихъ драматурговъ. Впослѣдствіи, гораздо позднѣе, появились нѣкоторыя отрывочныя воспоминанія о Мочаловѣ, но до сихъ поръ еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для его полной и обстоятельной біографіи. Поэтому, думается мнѣ, всякій документъ, вносящій какую-либо новую, или оттѣняющій уже извѣстную черту въ личности артиста, или же рисующій отношеніе къ нему современниковъ, имѣетъ значеніе и заслуживаетъ вниманія.

Позвольте подѣлиться съ вами, а чрезъ васъ и съ читателями «Міра Божія», нѣсколькими подобными документами, почерпнутыми мною изъ архива моего отца, Ѳ. А. Кони, бывшаго долгіе годы издателемъ-редакторомъ литературно-художественныхъ журналовъ «Пантеонъ и Репертуаръ» и «Пантеонъ», въ которыхъ было обращаемо особое вниманіе на состояніе сценическаго искусства въ Россіи. Въ числѣ корреспондентовъ редактора этихъ журналовъ были, между прочимъ, извѣстный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ зоологіи Карлъ Рулье, талантливый артистъ московской сцены, пере-

водчикъ Беранжé и драматургъ Дмитрій Ленскій и страстный театралъ, другъ Мочалова, отставной гусаръ Николай Беклемишевъ († 8-го мая 1866 года), авторъ пьесъ «Жизнь за жизнь» и «Райко».

Мочаловъ скончался отъ воспаленія легкихъ въ 9 часовъ утра 16-го марта 1848 года. Вотъ что писалъ, на другой день, профессоръ Рулье редактору «Пантеона»:

«Милостивый государь
Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы намъ не приходилось молвить словца: было не о чемъ. Теперешній случай ясенъ по себѣ и не допускаетъ многихъ словъ.

Мы теперь передъ гробомъ П. С. Мочалова, нашего Мочалова!— и этого довольно, чтобы оправдать передъ вами мою просьбу.

Вчера, 16-го марта, въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ изъ Воронежа, скончался тотъ, кто даримъ насъ минутами неописуемаго счастья. Горестную вѣсть принесъ служащій въ театрѣ намъ, навѣстившимъ больного Ленскаго. Тутъ у него вылилось экспромтомъ прилагаемое стихотвореніе, которое предлагаю вамъ для употребленія по вашему усмотрѣнію; можетъ быть годно оно будетъ для «Пантеона».

Вспомнимъ, что такъ часто онъ намъ говаривалъ въ Гамлетѣ: «Человѣкъ онъ былъ», а онъ былъ человѣкъ и съ достоинствами и со слабостями его.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть
милостивый государь,
вашъ слуга
Карлъ Рулье.

17-го марта 1848 г.

P. S. Ежели Москва была несправедлива къ Мочалову, то, по крайней мѣрѣ, она послѣдовательна въ поступкахъ и будетъ несправедлива до-нельзя: мы собираемъ ему скромный памятникъ. Сочувствія тьма. Что?»

Стихотвореніе Ленскаго, о которомъ говорится въ письмѣ, не появилось, однако, въ некрологѣ Мочалова, напечатанномъ въ «Пантеонѣ» подъ заглавіемъ «Еще одного не стало». Быть можетъ, это произошло отъ того, что эти же стихи появились въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» 19-го марта 1848 г.; быть можетъ, встрѣтились какія-нибудь для ихъ напечатанія въ «Пантеонѣ» затрудненія со стороны петербургской цензуры, которая, въ это время, доходила до крайнихъ строгостей и почти невѣроятной боязливости. Архивъ моего отца содержитъ, въ этомъ отношеніи, нѣсколько очень интересныхъ документовъ. Ленскій сказалъ, по словамъ Рулье, экспромтомъ слѣдующее:

Сейчасъ я лишь узналъ о горестной потерѣ...
Не плачьте... жизнь ему другая настаетъ—
И будьте въ полной вѣрѣ:
Онъ для потомства не умретъ.

Невидимо рукою Мельпомены
Ему уже сплетенъ безсмертія вѣнецъ...
Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце русской сцены,
Какъ мощный двигатель сердецъ!..
Не плачьте, говорю: вы будете не правы,
Всѣ нашей участи завидовать должны:
На насъ отражены
Лучи его блестящей славы!..
Какой прекрасный новый міръ
Теперь душа его встрѣчаетъ!
Онъ въ небесахъ—и самъ Шекспиръ
Пришельца новаго какъ сына обнимаетъ!..
Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!..
А я, измученный, больной,
Предъ памятью его во прахѣ преклоняюсь—
И тщетно скорбною душой
Послѣднее *прости* сказать ему стараюсь!

Въ сентябрѣ 1848 года Беклемишевъ прислалъ изъ Торжка редактору «Пантеона» обширное письмо съ приложеніемъ подлиннаго письма Мочалова, писаннаго послѣднимъ съ небольшимъ за годъ до смерти, на большомъ листѣ почтовой бумаги, съ помарками и сокращеніемъ словъ.

«Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!—писалъ Беклемишевъ,—Мочалова не стало! Исчезъ дорогой перлъ, выпалъ самоцвѣтный камень изъ вѣнца драматическаго... Много лѣтъ протечетъ и все дорогой перлъ — драгоцѣнный камень никѣмъ не будетъ замѣненъ. Много у насъ есть на Руси хорошихъ актеровъ, но хоть одинъ изъ нихъ замѣнитъ-ли намъ Мочалова? Конечно, нѣтъ... Многіе изъ нихъ увлекутъ насъ своимъ талантомъ, но ни одинъ изъ нихъ не вызоветъ у насъ сочувствія; нѣкоторые изъ нихъ даже удивятъ насъ своимъ искусствомъ, но ни одинъ изъ нихъ не поразитъ насъ своимъ творчествомъ: искусство доступно многимъ, а творчество—однимъ избранникамъ неба, а много-ли такихъ избранниковъ, какъ былъ Мочаловъ? И, глядя на вѣнецъ, невольно вздохъ будетъ вырываться изъ груди, что тамъ, гдѣ нѣкогда блестѣлъ драгоцѣнный брилліантъ, тамъ все виднѣется одна пустота—да, пустота... Сколько каждый день родится людей на свѣтъ, ужели Провидѣніе не отмѣтило своимъ Божественнымъ перстомъ ни одного еще изъ новорожденныхъ и, отмѣчая, не рекло: да будетъ другой Мочаловъ! Великій Боже! Сколько грустныхъ раздумій наводитъ на душу эта мысль.

«Многіе любили Мочалова, многіе достойно понимали и цѣнили его, и потому многіе будутъ довольны, если вы, Ѳедоръ Алексѣевичъ, напечатаете его предсмертное письмо въ вашемъ «Пантеонѣ»; я говорю предсмертное потому, что Мочаловъ умеръ не 16-го марта 1848 года, а тогда, когда оставилъ сцену, а оставилъ онъ ее въ январѣ 1847 года. Письмо имъ писано ко мнѣ 29-го января, въ среду на масляницѣ, а наканунѣ онъ игралъ въ послѣдній разъ, въ утреннемъ спекта-

клѣ на Маломъ театрѣ, Морица въ драмѣ «Клара д'Обервиль». Очевидцы говорили мнѣ, что Мочаловъ въ этомъ спектаклѣ былъ вдохновенно прекрасенъ, что зрители были удивлены, поражены совокупностью его игры, что онъ съ начала до конца выдержалъ свою роль такъ, какъ никогда не выдерживалъ. Теперь только тайна разгадалась—геній Мочалова пѣлъ свою лебединую пѣснь.

«Всѣ лоскутки *) покойнаго Мочалова находятся у меня; вамъ хорошо извѣстны мои дружескія отношенія съ покойнымъ; я имѣлъ случай изучить его личность и теперь пишу біографію Мочалова, не только какъ актера, но и какъ человѣка. Надѣюсь, дадите мѣстечко въ вашемъ «Пантеонѣ» для помѣщенія моей статьи. Теперь дайте мнѣ совѣтъ: говоря о Мочаловѣ, я долженъ буду невольно коснуться близкихъ ему людей, которые имѣли ощутительное вліяніе на образъ его жизни. Конечно, эти люди, ложась тѣнью около покойника, рельефно оттѣняютъ генія художника Мочалова, но... да вѣдь вы поняли меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.

Николай Беклемишевъ.

«P. S. Ежели вы напечатаете письмо Мочалова въ вашемъ «Пантеонѣ» то я желалъ бы, чтобы и мое письмо къ вамъ было напечатано, какъ pendant къ его письму. Письмо это вамъ было написано въ маѣ мѣсяцѣ, но не послано потому, что

«Простуда, яростью пылая,
«Въ меня впилася, словно шмель...
«И я сто двадцать дней страдая,
«Не покидалъ свою постель.»

Вотъ письмо Мочалова къ Беклемишеву, дающее возможность заглянуть въ его настроеніе въ послѣдній годъ его, богатаго волненіями и горемъ, существованія и познакомиться съ его взглядомъ на трудность исполненія «Гамлета».

«Утро 23 генваря 1847 г.

Любезный другъ Николай Васильевичъ!

«Слава Богу! опять держу въ рукѣ перо; живъ, здоровъ, молодѣю, не смотря на то, что злое зеркало мнѣ говоритъ противное; да оно и не ошибается,—оно говоритъ о лицѣ; а я о душѣ, о той знакомой тебѣ душѣ, которая не можетъ дряхлѣть вмѣстѣ съ тлѣннымъ моимъ составомъ.

Мой другъ! и это не она,
Не та, которая судьбою—
Была бъ мнѣ спутницей дана!—
Опять обманутъ я мечтою!
Опять я на моемъ пути,
Опять остался сиротою;
И вѣрно мнѣ ужъ не найти
Подруги съ пламенной душою!

*) Мочаловъ называлъ свои бумаги лоскутками.

«Можетъ быть, другъ Николя, еще допишу эти стишки; ты представь себѣ отъ чего родилась мысль не терять даромъ моего ранняго утра,—эта мысль родилась отъ сумасшедшаго намѣренія признать *товарищемъ* себѣ явившуюся на сцену дѣвицу N. да! я увидѣлъ молодость, говорилъ съ ней, видѣлъ умъ,—но все затмилъ *проклятый холодъ души*. Ну! Такъ *это точно не она*! Я, мой другъ, все виноватъ и всегда правъ въ глазахъ людей, которые меня знаютъ какъ ты! а много ли такихъ?... и *одного* довольно!!!

Утро 29 генваря. Середа сырныя недѣли.

«Вчера, мой другъ, пропалъ день, ибо игралъ я въ утреннемъ спектаклѣ въ Маломъ театрѣ въ драмѣ Клара Д'Обервиль. Почему, говорю, пропалъ? Потому, что не похожъ былъ на обыкновенный день. Разумѣется, изъ театра пріѣхалъ домой усталый въ 40 минутъ 4-го часа. Въ такое позднее время я не привыкъ обѣдать, да прежде чѣмъ обѣдать надо было отдохнуть. Трубка, племянникъ, который смотрѣлъ на Жоржа изъ оркестра, да наслѣдница моя—все это помогло мнѣ отдохнуть. На вопросъ мой о трапезѣ отвѣчаютъ—у насъ блины, зернистая икра, семга и т. д... Послѣ обѣда спалъ больше 3-хъ часовъ, около полуночи уснулъ опять, а въ 4 уже сидѣлъ за самоваромъ. Теперь бьетъ шесть. Прости, добрый мой, Н. В., что пишу все, все, что подъ руку попало, или какъ говорится—что на умъ взбрело; знаю, что простишь, что тебѣ пріятно читать мои строки, изъ которыхъ видно душевное желаніе,—хоть заочно съ тобою побесѣдовать.—Не могу не сказать: ты видѣлъ меня въ Кларѣ,—но что бы ты увидѣлъ вчера! Ты меня знаешь, знаешь, что я люблю правду и такъ—смѣло говорю, что я былъ безъ сравненія хорошъ. Нынѣ я, по назначенному репертуару, не играю, и завтра—тоже; если Божіей милостью всѣ будемъ здоровы, то вотъ, что остается съиграть: утромъ въ пятницу на большомъ театрѣ: «Скопинъ-Шуйскій», вечеромъ въ субботу на большомъ театрѣ «Гамлетъ», утромъ на маломъ театрѣ въ воскресенье «Коварство и любовь».

«Теперь скажу тебѣ нѣсколько словъ объ общемъ нашемъ знакомомъ Самаринѣ или, вѣрнѣе сказать, разговоръ его со мною. «Вы думаете, Павелъ Степановичъ, что я въ полгода жительства моего въ Петербургѣ мало игралъ, такъ и скучалъ безъ дѣла? Нѣтъ, я не скучалъ, а работалъ, работу великую. Все, что только прочесть можно о Гамлетѣ, все я прочелъ и, кажется, уже готовъ совершить подвигъ, т.-е. сыграть; затрудняюсь, думая о 5 дѣйствіи, а всего досаднѣе то, что не нахожу никакихъ средствъ прекрасныя, великія мѣста этой роли исполнить непохоже на ваше исполненіе; однимъ словомъ мнѣ бы не хотѣлось быть подражателемъ; подражатель, какъ всякая копія, и цѣнится всегда какъ копія, а не какъ оригиналъ»...—Вотъ почему онъ не рѣшился. Конечно, я согласенъ, можно быть оригиналомъ, да не

въ подобномъ подвигѣ. Мое мнѣніе:—Гамлета играть... Что тебѣ сказать?—рѣшиться трудновато! Конечно, одѣться актеру въ траурный костюмъ Гамлета и прочесть, а коли сумѣется, такъ и проговорить можно, а—достаточно ли этого для того, чтобы *зритель-человѣкъ*, выходя изъ театра, сказалъ: Да! точно!—я *видѣлъ Гамлета*.

Тебя любящій и тобою любимый.

Мочаловъ».

Скептическое пророчество, содержащееся въ припискѣ къ письму Рулье, сбылось. «Тьмы сочувствія» оказалось недостаточно даже для постановки скромнаго памятника на могилѣ Мочалова, и она, повидимому, стала «поростать травой забвенія». Но насталъ, въ ноябрѣ 1855 года, пятидесятилѣтній юбилей М. С. Щепкина и Ленскій, свято хранившій память о Мочаловѣ, воспользовался случаемъ, чтобы напомнить о необходимости соорудить, наконецъ, столь давно задуманный памятникъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ, а также и о себѣ самомъ, въ письмѣ къ моему отцу изъ Москвы, отъ 8-го февраля 1856 года:

. . . . . .

«Вы желаете имѣть мою *автобіографію* и *портретъ* мой... но... скажите на милость: къ чему они? и кто будетъ ими интересоваться?.. Я самъ чувствую, что постоянно вращаясь только при здѣшнемъ театрѣ, я совсѣмъ заглохъ — и еще за-живо отпѣтъ, какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ... И въ лучшую-то пору моей жизни, въ самомъ разгарѣ моей дѣятельности, я—откровенно вамъ признаюсь—никогда не гонялся за извѣстностью, и, если писалъ для театра, такъ это потому, что пламенно любилъ театръ; а теперь, при горькомъ опытѣ и видя, какое направленіе постепенно принимаетъ теперь сценическое искусство, я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что я ужъ далеко поотсталъ отъ современныхъ требованій... Что жъ дѣлать! Истинный талантъ не всѣмъ отъ Бога дается; а съ одними водевильчиками смѣшно было-бы и думать объ автобіографіяхъ и портретахъ.

«*Мемуары о театрѣ*: о! это дѣло другое... Если Богу угодно продлить мой вѣкъ еще хоть лѣтъ на пятокъ, я непремѣнно ихъ напишу за тѣмъ чтобы чистосердечно отдать должную дань признательности и уваженія великимъ драматургамъ и артистамъ, съ которыми я имѣлъ счастіе встрѣчаться на моемъ долговременномъ пути.

. . . . . .

«Ахъ! да!.. совсѣмъ было и забылъ!.. Васъ интересуютъ стихи, которые вырвались у меня отъ души на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ М. С. Щепкина послѣ его благодарственной рѣчи къ ораторамъ и поэтамъ, достойно его прославлявшимъ. Такъ какъ въ этой рѣчи (которую я вамъ здѣсь печатную прилагаю), заслуженный юбиляръ и маститый представитель нашего высокаго искусства, такъ сказать, росписался только въ полученіи похвалъ, такъ справедливо имъ заслуженныхъ, но не упомянулъ ни слова ни о тѣхъ незабвенныхъ драматическихъ

писателяхъ, которые способствовали развитію его таланта, ни о тѣхъ приснопамятныхъ товарищахъ, которые съ нимъ такъ славно рука-объ-руку прошли свое поприще,—то я, съ какимъ-то невольнымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, *чуть-чуть было не сказалъ при всемъ собраніи*:

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Мочаловъ мнѣ какъ-то приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился,
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
«Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
«Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
«Давно ужъ въ земной я утробѣ
«Покоюсь по волѣ Христа,—
«А нѣтъ надо мною креста!
«Подъ снѣгомъ заглохла могила,
«И трудно пройти до нея!...
«Москва обо мнѣ позабыла...
«А *я* былъ любимецъ ея!»...
Итакъ, благородные гости,
Внемлите всѣ просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости!
Поставимъ ему мавзолей!
Пусть каждый, кому что угодно,
Подпишетъ по силѣ своей—
И кончимъ тогда превосходно
Мы Щепкинскій нашъ юбилей!...

«Простые, но задушевные стихи эти,—прибавляетъ Ленскій,—*составятся гласными*,, произвели, слава Богу, свое дѣйствіе: подписка теперь составляется, уже собрано до 500 рублей сер.—и наконецъ памятникъ геніальному артисту весной будетъ поставленъ на исторической его могилѣ».

Упованія Ленскаго однако не сбылись. Памятникъ былъ поставленъ не весною 1856 г., а лишь чрезъ шесть лѣтъ.

Приведенное письмо Ленскаго *выяснятъ окончательно* разногласіе въ предположеніяхъ о прочтеніи имъ этихъ стиховъ публично, на самомъ юбилеѣ Щепкина и о сборѣ тутъ же 1.000 р. с. (И. Ѳ. Горбуновъ «Русская Старина» 1880 г. № 10. и В. М—скій «Русская Мысль» 1898 г., № 3) и о томъ, что стихи эти на юбилеѣ не читались. (А. Ярцевъ «Ежегодникъ Импер. Театровъ» 1896—1897 г., приложеніе кн. 3 и В. А. Родиславскій «Антрактъ» 1864 г.).

Примите и т. д.

А. Ѳ. Кони.

СБОРЩИЦЫ КОЛОСЬЕВЪ.

(Изъ „Poèmes de Provence“ Ж. Экара).

1.

Кто съ этимъ островомъ волшебнымъ незнакомъ?
Колосья зрѣютъ тамъ, на солнышкѣ блистая,
Какъ будто озера поверхность золотая,
Растопленная вдругъ горячимъ вѣткомъ,
И кажется—волна струится за волною.
Въ ихъ шумѣ слышится намъ жизни торжество.
Великолѣпный видъ! И все же стороною,
Держась вдоль берега, ты обойди его!
Пусть свѣжестью морской тебя обвѣетъ сразу,
Бѣги отъ этихъ мѣстъ, скрывающихъ заразу,
Здѣсь испаренія порою лѣтней—ядъ,
И проникая въ кровь, они въ себѣ таятъ
Недуга страшнаго смертельные зачатки:
Не мало юныхъ силъ здѣсь губятъ лихорадки.

Красою мѣстности невольно взоръ плѣненъ,
Роскошные хлѣба́ раскинулись широко,
Надъ ними радостно сіяетъ небосклонъ;
Вотъ съ тамариндами видны побѣги дрока,
А дальше—камышей зеленыхъ длинный рядъ.
Картина свѣтлая! Но не встрѣчаетъ взглядъ
И признаковъ жилья во всей странѣ окрестной
За исключеніемъ одной сторожки тѣсной.
Зимою иногда, при свѣтѣ блѣдныхъ звѣздъ,
Тамъ земледѣльцы спятъ. Межъ золотыхъ бороздъ,
Гдѣ возвышается стѣною спѣлый колосъ,
Но гдѣ не слышится веселый птичій голосъ
И только ящерицъ порой мелькаетъ хвостъ,
Тамъ, гдѣ сирокко жжетъ, какъ пламя изъ горнила
И дышитъ полымемъ безоблачная твердь—
Какъ ядовитый злакъ, тамъ зрѣетъ злая сила,
Губительный цвѣтокъ, незримый взору: *смерть*.

2.

Спѣшите, смуглые работники съ серпами,
Покройте поле все роскошными снопами!
И вотъ они пришли съ зарею первой дня,
Но пѣсня звонкая въ поляхъ не вторитъ смѣху
И шутокъ не слыхать: видать, что дѣло къ спѣху.
Блѣдны, молчаніе суровое храня,
Они работаютъ почти безъ промежутка.
За жатвой роковой жнецамъ бываетъ жутко,
Тревога смутная растетъ у нихъ въ груди
И словно слышится имъ шепотъ позади:
— Бѣгите этихъ мѣстъ! Здѣсь я одна царица!—
Домой спѣшатъ они въ волненіи слѣпомъ,
А по уходѣ ихъ—колосьевъ вереница
Кругомъ виднѣется, не срѣзанныхъ серпомъ.

Тутъ голодъ, братъ родной зловѣщей лихорадки
Сзываетъ блѣдныхъ женъ костлявою рукою:
— Спѣшите, на поляхъ отъ жатвы есть остатки.
Самъ милосердный Богъ послалъ вамъ даръ такой.

Какъ птицы, пролетѣвъ надъ бурнымъ океаномъ,
Спускаются въ поля усталымъ караваномъ,
Влача крыло свое съ усильемъ по землѣ—
Такъ за добычею своею ежегодной
Всѣ эти женщины спѣшатъ въ большомъ числѣ,
Толпой оборванной, худою и голодной.
Здѣсь поднимаются отъ сохнущей земли
Міазмы вредныя, палящій зной ужасенъ,
Вездѣ безмолвіе и самый день безгласенъ,
Лишь смутно слышится гудѣніе вдали.
Что это? Плескъ рѣки? Волны прибрежной лепетъ?
Жужжанье мошкары? Лучей полдневныхъ трепетъ,
Гудящихъ въ воздухѣ, какъ жгучая стрѣла?
Не смѣя приподнять усталаго чела,
Плетутся женщины, колосья подбирая.
Звенитъ въ ушахъ у нихъ, и сердце замирая,
Стучитъ болѣзненно. Сверкающій шатеръ
Небесъ безжалостныхъ пылаетъ, какъ костеръ,
Но сборщицы идутъ, отчаяньемъ влекомы.
Щетина жесткая желтѣющей соломы,
Какъ будто сотни стрѣлъ, жестоко ранитъ взоръ.
Онѣ едва бредутъ усталыми шагами,

Земля по временамъ колеблется вокругъ
И кажется: она уходитъ подъ ногами...
Тѣмъ временемъ—съ жарой губительной недугъ
Опутываетъ ихъ сѣтями, какъ паукъ;
Но каждая изъ нихъ, мечтая о возвратѣ
Въ лачугу бѣдную, гдѣ слышенъ плачъ дитяти,
Дрожитъ отъ жадности, и съ потомъ на челѣ
Еще усерднѣе склоняется къ землѣ:
Ей кажется, что жизнь съ полей она срываетъ,
Но смерти ароматъ межъ тѣмъ она вдыхаетъ.

3.

Порой одна изъ нихъ съ блѣднѣющимъ лицомъ
На мѣстѣ падаетъ: убійственнымъ свинцомъ
Такъ голубь пораженъ—одинъ изъ стаи цѣлой,
Вечернею порой, когда грядою бѣлой
Надъ всей окрестностью, гдѣ воздухъ нездоровъ,
Тумана вреднаго спускается покровъ—
Товарки ищутъ ей, покорны и унылы,
Подъ тамариндами мѣстечка для могилы.
Бѣдняжка такъ худа и такъ истощена,
Что неглубокая могила ей нужна.
Когда жъ погонщикомъ окончена работа
И влажною землей засыпана она,
А лепестки цвѣтовъ, растущихъ у болота,
Кругомъ разбросаны рукой ея подругъ—
Всѣ эти женщины, тая въ сердцахъ испугъ,
Спѣшатъ къ себѣ домой, наполнивши корзины.
Страшатся лишній мигъ онѣ промедлить тамъ,
Какъ будто мертвая въ безмолвіи долины
За ними гонится съ угрозой по пятамъ.

О. Чюмина.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Квартетъ.

I.

Во дворцѣ князя Ристори замѣчалось необыкновенное оживленіе. Всѣ окна были освѣщены. Кареты и коляски то и дѣло подъѣзжали къ высокимъ, темнымъ воротамъ, надъ которыми пылалъ факелъ, воткнутый въ желѣзную петлю, высаживали сѣдоковъ и длиннымъ рядомъ выстраивались вдоль улицы. Казалось, имъ счету не было. Передъ въѣздомъ во дворецъ толпился народъ, и даже въ окнахъ сосѣднихъ домовъ мелькали зрители. Въ темной и словно забытой улицѣ, гдѣ стоялъ древній дворецъ Ристори, уже давно не видали такого множества экипажей. Вечеръ не прошелъ безъ несчастій: лошади графини Торичи понесли и опрокинули карету. Испуганная толпа разсыпалась во всѣ стороны. Два карабинера насилу остановили лошадей и водворили порядокъ.

На главной лѣстницѣ дворца, устланной пунцовымъ сукномъ, стояли слуги, неподвижные, какъ изваянія. На нихъ были ливреи, расшитыя золотомъ, старыя и тусклыя, словно взятыя изъ витрины историческаго музея. По ступенькамъ лѣстницы, опираясь на мраморныя перила и шурша длинными шлейфами, поднимались знатныя дамы съ важными и какъ будто озабоченными лицами; молодыя дѣвушки робко выступали вслѣдъ за ними; офицеры звякали шпорами, юноши во фракахъ и лакированныхъ башмакахъ то и дѣло останавливались передъ зеркалами, которыя сіяли по сторонамъ парадной галлереи. Высокій и худощавый священникъ съ хитрой улыбкой велъ подъ руку престарѣлаго, обрюзглаго и полуслѣпого герцога Монтѣцци, который страдалъ отдышкой и непрестанно сморкался въ шолковый носовой платокъ съ огромнымъ гербомъ. Онъ не любилъ высокихъ лѣстницъ.

II.

Князь Ристори давалъ музыкальный вечеръ. Посреди большого зала, въ которомъ нѣкогда Макіавелли читалъ своимъ друзьямъ отрывки изъ „Исторіи флорентійцевъ", былъ поставленъ ломберный столъ, а на немъ пюпитры съ нотами; четыре свѣчи мерцали передъ ними. Въ полумракѣ, царившемъ въ залѣ, онѣ походили на головешки, догорающія въ каминѣ сказочной величины. Хозяинъ не любилъ, когда къ музыкѣ примѣшивался свѣтъ канделябръ и лампъ... Онъ слушалъ съ закрытыми глазами. Тогда передъ нимъ возникали видѣнія: знакомыя лица, давно истлѣвшія въ землѣ, таинственно и ласково кивали ему; молодыя рѣчи, страстный шопотъ чудились ему сквозь музыку.

Онъ рѣдко приглашалъ гостей на свои вечера съ тѣхъ поръ, какъ скончался единственный сынъ, наслѣдникъ историческаго имени. Онъ избѣгалъ людей и никто не рѣшался навѣстить, провѣдать его, такъ велико было уваженіе къ сподвижнику Гарибальди, къ другу Манцони и Рикасоли. Болѣе десяти лѣтъ онъ трудился надъ исторіей своихъ предковъ. Онъ писалъ завѣщаніе князей Ристори, славный родъ которыхъ долженъ былъ пресѣчься съ его смертью. Когда хроника была окончена, изъ Рима, по приглашенію стараго князя, пріѣхалъ профессоръ-историкъ и они вмѣстѣ занялись просмотромъ семейнаго архива, а хронику дополнили примѣчаніями и ссылками на ученыя сочиненія. Дворецъ Ристори, построенный въ пятнадцатомъ вѣкѣ, по рисункамъ Филиппа Брунелеско, послѣ смерти князя долженъ былъ перейти въ распоряженіе правительства, а вмѣстѣ съ нимъ картинная галлерея, собранія рѣдкихъ монетъ и музыкальныхъ инструментовъ,—ни одна картина, ни одна драгоцѣнная скрипка не должны уйти за границу, чтобы Италія не бѣднѣла художественными произведеніями. Князь не сочувствовалъ тѣмъ измѣнникамъ, которые продавали свои дворцы и свои галлереи богатымъ иностранцамъ. Покончивъ со своимъ завѣщаніемъ и поручивъ изданіе хроники профессору изъ Рима, князь Ристори сталъ чаще появляться на улицахъ въ сопровожденіи своего чернаго пуделя, сердито ворчавшаго на прохожихъ. Весною онъ переѣзжалъ въ свою загородную виллу, которая, обнесенная стѣною вѣчно зеленыхъ растеній, возвышалась на пологомъ холмѣ, къ сѣверу отъ Флоренціи. Кругомъ, по каменнымъ уступамъ росъ виноградъ... Старикъ спускался къ нимъ каждое утро и собственными руками, не хуже опытнаго садовника, расправлялъ молодые побѣги, окапывалъ кусты и подвязывалъ кисти съ ягодами, склонившіяся къ землѣ...

III.

Въ одно прекрасное утро по городу разлетѣлись письма, пригласительные билеты. Князь Ристори звалъ своихъ друзей на квартетъ, въ которомъ знаменитый виртуозъ Кіостри игралъ первую скрипку. Прежде такіе квартеты случались довольно часто, но теперь всѣ заговорили о предстоящемъ вечерѣ. Что побудило отшельника возобновить прерванную связь съ обществомъ?

— Онъ соскучился въ своемъ уединеніи,—говорили одни.

— Онъ предчувствуетъ близкую смерть и хочетъ проститься съ нами,—возражали другіе.

Одна очень старая дама даже прослезилась по этому поводу и вспомнила о томъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ она, танцуя на маскарадѣ у князя Ристори, еще при жизни покойной княгини, поразила всѣхъ великолѣпіемъ своего костюма. Молодежь ожидала назначеннаго дня съ нетерпѣніемъ. Инымъ было странно думать, что они войдутъ въ тотъ самый дворецъ, въ которомъ,—такъ имъ казалось,—навѣки замолкла всякая жизнь.

День этотъ наконецъ насталъ.

Сѣдой и величавый маэстро ди каза *) хлопотливо занялся необходимыми приготовленіями, а князь до самаго вечера не выходилъ изъ своего кабинета, погруженный въ чтеніе.

Когда ему доложили, что все готово, и маэстро ди каза, почтительно улыбаясь и потирая руки, объявилъ, что черезъ часъ начнутъ съѣзжаться гости и не худо бы было, еслибъ il signore principe соблаговолилъ облечься во фракъ, онъ, торжественно и молча, исполнилъ волю своего слуги... Выпрямившись и пріосанясь, онъ спустился по лѣстницѣ, ярко освѣщенной канделябрами, прошелся по комнатамъ, которыхъ не видалъ онъ много, много лѣтъ. Запахомъ плѣсени пахнуло на него изъ огромныхъ каминовъ, темнѣвшихъ на подобіе открытыхъ склеповъ. Онъ старался не глядѣть на портреты, развѣшанные по стѣнамъ и представлявшіе княгиню Ристори въ молодости, его сына, его братьевъ и сестеръ... То были лица мертвецовъ. Проходя мимо зеркала, онъ ускорялъ шаги. Онъ не любилъ своей бѣлой бороды, своихъ глубокихъ морщинъ, всего своего старческаго дряхлаго вида. Такимъ ли былъ онъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Маэстро ди каза, тихо покашливая, шагалъ за нимъ и зорко, словно старая, преданная собака, ловилъ каждое движеніе его бровей, его глазъ...

Въ столовой князь круто остановился и мрачно уставился на бронзовые часы, висѣвшіе надъ шкафомъ. Стрѣлка, вмѣсто восьми

*) Майордомъ.

часовъ, показывала половину второго. Маэстро ди каза, разсыпаясь въ извиненіяхъ, поспѣшилъ ихъ завести. Князь Ристори большими шагами перешелъ въ другую комнату. И тутъ онъ не остался доволенъ: одна изъ люстръ покривилась и стеаринъ капалъ на ручку золоченаго кресла во вкусѣ Людовика XV. Испуганный маэстро ди каза едва не перекрестился при видѣ такого недосмотра.

Обойдя всѣ комнаты, князь усѣлся передъ каминомъ и велѣлъ развести огонь. Скоро затрещали пинновыя шишки, обливаясь горящею смолою, залепеталъ быстрыми язычками безпокойный огонекъ и теплые отсвѣты заиграли на строгихъ и неподвижныхъ чертахъ задумавшагося старика. О чемъ онъ думалъ? О смерти, о томъ, что скоро прекратится одинъ изъ славнѣйшихъ родовъ Италіи? Или, можетъ быть, его безпокоила мысль, что скоро весь залъ наполнится людьми, и ему придется узнавать давно невиданныя лица, отвѣчать на давно неслыханныя рѣчи, улыбаться, раскланиваться, говорить о политикѣ и о погодѣ? Онъ ближе придвинулся къ огню и уронивъ голову на грудь, забылся на минуту. Внезапно, въ сосѣднемъ залѣ послышались шаги. Старикъ насторожился. „Кто это идетъ? Не смерть ли? Ристори не боятся смерти!“ Онъ торопливо всталъ и пошелъ къ двери, навстрѣчу ей. Онъ опомнился и невольно улыбнулся, когда передъ нимъ, вмѣсто роковой развязки жизни, предсталъ молодой, застѣнчивый скрипачъ, который игралъ въ квартетѣ Кіостри на альтѣ. Старикъ потрепалъ его по плечу. Они заговорили о музыкѣ.

IV.

Тѣмъ временемъ понемногу стали съѣзжаться гости. Пріѣхала княгиня Зассо, съ пятью сыновьями и дочерью; пріѣхали графы Торичи, Біанки, Фабіоти; появился профессоръ изъ Рима, въ длинномъ сюртукѣ, съ зеленой ленточкой въ петлицѣ, и задумавшись надъ важнымъ археологическимъ вопросомъ, усѣлся въ самомъ темномъ углу зала; явился докторъ, отъ времени до времени лѣчившій хозяина отъ насморка и безсонницы; отставной генералъ Делля-Мира, живописецъ Тона, написавшій тридцать лѣтъ назадъ портретъ покойной княгини Ристори,—довольно тусклое произведеніе, которое, однако, по его мнѣнію, ни въ чемъ не уступало портретамъ Ванъ-Дейка.

Скоро сквозь общій говоръ послышались мягкіе и закончено-чистые звуки скрипки. Профессоръ Кіостри, красивый, смуглый мужчина, съ повелительнымъ взоромъ и небрежной улыбкой, настраивалъ свой Страдиваріусъ. Вокругъ него столпились дамы и кавалеры, любившіе музыку, гордившіеся знакомствомъ съ извѣст-

нымъ скрипачомъ... Изъ другого конца зала проносились глухіе звуки віолончеля; изрѣдка слышалась гамма, робко сыгранная на альтѣ. Наконецъ, артисты усѣлись вокругъ стола... Говоръ мигомъ превратился въ шопотъ. Кіостри властно глянулъ на публику и шопотъ какъ бы оборвался; онъ прижалъ смычокъ къ струнамъ—и сладостное ожиданіе обняло всѣ сердца.

Играли квартетъ A-moll Шуберта, любимый квартетъ старика Ристори. Тихо и грустно проносилась мелодія, выливаясь изъ-подъ широко-проводимаго смычка первой скрипки; другіе иструменты дружно подхватывали ее, но она царила надъ ними, покрывала ихъ своимъ прозрачнымъ, чистымъ звукомъ, то забираясь на высокую, смѣлую ноту и медленно замирая на ней, то переходя на басовую струну, которая звучала полнѣе, мягче женскаго контральто. И звуки росли, расширялись, подобные грохоту органа, торжественные, какъ церковное пѣніе. По мѣрѣ того, какъ возрастало вдохновеніе артистовъ, игра ихъ становилась шире, свободнѣе, лица настороженнѣе. Только на губахъ Кіостри трепетала легкая, словно забытая улыбка. Подъ желтыми лучами тускло горѣвшихъ свѣчей, среди полумрака, царившаго кругомъ, лица артистовъ казались достойными Рембрандтовской кисти.

Ристори слушалъ съ видомъ знатока, судьи, откинувшись въ широкомъ креслѣ, мѣрно качая головою, щурясь и строго сдвигая брови, когда одинъ изъ артистовъ недостаточно понятно выводилъ свою фразу... Онъ зналъ въ музыкѣ толкъ, а въ юности самъ отлично игралъ на скрипкѣ. Никто иной, какъ Паганини, великій, таинственный Паганини призналъ въ немъ талантъ и пожалѣлъ о томъ, что у него большія средства, и онъ не будетъ работать. Онъ въ самомъ дѣлѣ скоро бросилъ скрипку. У князя Ристори оказались другія заботы! И вдругъ со всѣхъ сторонъ на него надвинулись воспоминанія, неяснымъ туманомъ охватили его, окутали, запеленали, незримая завѣса взвилась передъ нимъ и сердце его дрогнуло.

V.

Онъ видитъ себя въ Неаполѣ, во дни похода Гарибальди. Безоблачно раскинулось надъ нимъ лазурное небо; фіолетовый дымокъ струится надъ Везувіемъ, словно надъ огромнымъ жертвенникомъ; яркою пестротою сверкаютъ на солнцѣ бѣлыя стѣны и красныя крыши домовъ, мраморные памятники, колокольни церквей; пыль вьется столбами; запасъ пороха чудится въ ней!

Съ площади Санъ-Паоло проносится смутный волнующійся говоръ, взрывы хохота, рукоплесканія, крики „eriga Garibaldi, eriga liberta“! Народъ столпился вокругъ памятниковъ Франциска

I и Карла III. Знойныя, страстныя лица, разгоряченныя виномъ, пламенныя рѣчи, порывистыя движенія, быстрые, грозные взгляды... и призракъ свободы надъ всѣмъ.

Вотъ изъ толпы выдѣляется монахъ съ рыжеватой бородой; красная рубашка гарибальдійца виднѣется изъ-подъ темной монашеской рясы. „Отецъ Гавацци", шепчетъ народъ, „что скажетъ намъ отецъ Гавацци"? И восторженный ревъ, подобный изверженію огненной горы, вдругъ потрясаетъ воздухъ и носится въ немъ, и виситъ надъ городомъ, словно грозовая туча! Монахъ медленнымъ взоромъ обводитъ толпу, скрестивъ на груди руки; потомъ съ усмѣшкой оборачивается къ памятнику Франциска I, показываетъ на него рукою... Его голосъ слышенъ, но нельзя разобрать словъ сквозь общій гулъ. Но вдругъ настала тишина... И слово за словомъ раздается отчетливая, могучая, страстная рѣчь...

„Бурбоны изгнаны! Что сталось съ этимъ надменнымъ родомъ? Эта площадь, эти памятники—все говоритъ о Бурбонахъ... Они низвергнуты навсегда. Мы начали дѣло и доведемъ его до конца... Итальянская народность создается, но она еще не создана... Надо кончить, надо совершить возрожденіе Италіи. Отъ Альповъ до Лилибеи, отъ Сициліи до Тридента мы должны быть одною семьею или ничѣмъ... Что далъ вамъ Гарибальди? Свободу, свободу, свободу! Дайте мнѣ Везувій, дайте мнѣ этотъ заливъ, эту роскошную природу, которая создала изъ Неаполя земной рай,—дайте мнѣ все это безъ свободы—и вы дадите пустыню, ночь, адъ! И дайте мнѣ пустыню, голую скалу, дайте клочокъ земли, самый дикій, безплодный, заброшенный,—дайте мнѣ его со свободой, и я изъ него сумѣю сдѣлать рай! Народъ, не имѣющій свободы, ходитъ во тьмѣ, имѣя свободу—онъ ходитъ во свѣтѣ. Благословенъ же свѣтъ и благословенъ тотъ, кто намъ принесъ его!"

Голосъ оратора вдругъ прервался. Толпа снова разразилась бушующимъ крикомъ... Но откуда вдругъ понеслись звуки скрипки? Зачѣмъ разсѣялось, растаяло видѣніе, куда дѣвалась толпа и Везувій съ его дымящейся верхушкой?.. Ристори опомнился, открылъ глаза, медленно навелъ ихъ на играющихъ... На лицѣ Кіостри все та же улыбка... Только волосы, черные какъ смоль, безпорядочно разсыпались по его лицу, которое теперь казалось блѣднымъ, и брови сомкнулись въ одну задумчивую мрачную черту...

— Онъ похожъ на Паганини, — подумалъ старикъ, но блескъ свѣчей уже начиналъ слѣпить его, и вѣки, отягченныя новымъ видѣніемъ, тихо опускались.

И вотъ въ его воспоминаніи возникъ образъ молодой женщины, обаятельной, безумно любимой! Что-то вдругъ толкнуло его въ сердце. Что за чудо! Она стоитъ передъ нимъ, какъ живая! Нѣтъ, это не видѣніе! Она не умерла, она живетъ, она дышетъ вмѣстѣ

съ нимъ! Ея глаза сіяютъ... Она слушаетъ его разсказъ объ освобожденіи Сициліи, объ изгнаніи Бурбоновъ, о храбрости гарибальдійцевъ... Она улыбается сквозь слезы, крѣпко жметъ ему руки. Онъ счастливъ, и языкъ Данте, языкъ Петрарки кажется блѣднымъ и беззвучнымъ, чтобы передать дивную повѣсть объ освобожденіи Италіи! Данте оплакивалъ паденіе своей родины, Петрарка восхвалялъ красоту и сердце Лауры, которая не принадлежала ему, а ему суждено разсказывать о томъ, что Италія объединилась, воскресла, и его Лаура, нѣтъ, сама любовь, глядитъ на него восхищенными, влажными глазами... Тутъ нужна музыка! Тутъ нуженъ языкъ боговъ...

Внезапно замолкла скрипка. Кругомъ раздались одобрительные голоса, рукоплесканія. Квартетъ былъ конченъ и артисты, раскланиваясь, встали со своихъ мѣстъ.

VI.

Князь былъ очаровательно любезенъ со своими гостями. Сколько ихъ ни было, съ каждымъ онъ перемолвился ласковымъ словомъ. Многіе нашли его помолодѣвшимъ. Гости разъѣхались во второмъ часу. Тихо и безмолвно стало во дворцѣ. Факелъ, пылавшій надъ въѣздомъ, потухъ и поднявшійся сироко развѣялъ золу. Одинъ за другимъ погасли огни въ сосѣднихъ домахъ. Глубокій сонъ охватилъ всю улицу...

Одинъ Ристори не могъ заснуть. Онъ ворочался въ своей постели съ боку на бокъ, натягивалъ одѣяло на шею, на лицо, покрывалъ имъ голову или вдругъ, почувствовавъ нестерпимую духоту, сбрасывалъ его и задыхаясь смотрѣлъ въ непроглядный безмолвный мракъ...

То ему казалось, что подъ постелью притаился воръ, то до него долетали осторожные шаги, какъ-будто раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ и приближавшіеся къ двери, и старый князь, охваченный безсильнымъ страхомъ, не замѣчалъ, что это было біеніе его собственнаго сердца... Навязчивые отрывки Шубертовскаго квартета тревожили болѣзненно настроенный слухъ.

Князь, наконецъ, зажегъ свѣчу. Ему стало легче. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потеръ виски водою, постоялъ въ раздумьи, со свѣчою въ рукѣ, передъ бронзовымъ бюстомъ Данте, который виднѣлся на каминѣ и, подойдя къ окну, отдернулъ занавѣску.

Мѣсяцъ пробивался сквозь темныя, неподвижныя тучи. Отсвѣты его золотистыми искрами дробились на поверхности рѣки, медленно и мрачно катившей свои волны; древній мостъ, застроенный домами, чернѣлъ надъ рѣкою; на другомъ берегу, надъ кры-

шами домовъ, возносилась грозная зубчатая башня синьоріи. Старый князь долго не сводилъ съ той башни задумчиваго взора. Онъ читалъ въ ней прошлое Флоренціи... Ему вспоминались войны Гвельфовъ и Гибелинновъ, изгнаніе Данте, гибель Юліана Медичи, сожженіе Савонароллы...

— Сколько крови, сколько напрасной вражды, сколько жестокой гордости и трусливаго, низкаго лицемѣрія! И неужели, думалъ князь, родъ человѣческій не оглянется назадъ, не увидитъ за собою кровавый слѣдъ и смерть, нѣмую, торжествующую смерть повсюду? Князь погрузился въ раздумье. Если когда-нибудь наступитъ вѣчная любовь, если люди станутъ братьями—зачѣмъ тогда башня синьоріи, зачѣмъ дворцы и замки, эти темницы человѣчества? Пусть рушатся дворцы и замки, пусть рушится сама башня синьоріи, а вмѣстѣ съ нею и гордое имя Ристори. Зачѣмъ оно потомству? Вѣдь родъ Ристори только одно звено той цѣпи, которая крѣпче желѣза сковала генія свободы. Князь потупилъ сѣдую голову. Онъ стиснулъ лицо обѣими руками. Внезапная свѣтлая мысль блеснула въ его головѣ. Его сердце забилось. Я искупилъ мой родъ! Я сражался за свободу, за родину! Я видѣлъ обновленіе Италіи! Народъ не станетъ проклинать послѣдняго Ристори.

Спустя мѣсяцъ умеръ старый князь. Его дворецъ сталъ собственностью государства.

II.

Венеціанскія зеркала.

I.

Патрицій Піетро Фоскари сидѣлъ въ высокомъ рѣзномъ креслѣ и, сложивъ на груди руки, казался погруженнымъ въ раздумье. Луна, между тѣмъ, глядѣла прямо въ кружевное оконце, и замѣтивъ въ углу залы деревяннаго негра со вставленными перламутровыми глазами и зубами изъ слоновой кости, обдавала его такими лучами, что бѣдный истуканъ ухмылялся и таращилъ глаза, какъ живой.

Но патрицій не замѣчалъ этого: онъ привыкъ къ венеціанской лунѣ, прекраснѣе которой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, а, главное, мысли его были заняты важнѣйшими соображеніями о судьбѣ республики.

Онъ мечталъ ссвободить ее, изгнавъ ненавистный совѣтъ десяти, умертвивъ дожа, суроваго и жестокаго старца Даніэли. Онъ

уже собралъ вокругъ себя горсть недовольныхъ: между ними были патриціи, оскорбленные верховнымъ совѣтомъ, боявшіеся за свое имущество, за свою жизнь; были священники, преслѣдовавшіе свои тайныя цѣли; мастеровые, недовольные законами, евреи и подстрекатели изъ Милана, Вероны, Флоренціи. Все было готово: оставалось только дѣйствовать.

Патриціи подошелъ къ окну. Вода тихо плескалась вокругъ столбовъ, возлѣ которыхъ качались гондолы. Серебристо-зеленые дворцы тянулись длинною цѣпью вдоль заснувшаго Canale Grande, круто поворачивая тамъ, гдѣ черною дугою перегибался мостъ Rialto. Нѣжная красота лежала на всемъ.

Но не о прелести „Адріатической Невѣсты“ думалъ Піетро Фоскари: сердце его билось часто и сильно; отуманенная усталая голова лихорадочно работала надъ новыми и новыми планами... золотая шапка дожа мерещилась ему въ пурпуровомъ сіяніи.

Осторожнымъ движеніемъ онъ досталъ изъ тайнаго углубленія стѣны небольшое золотое, украшенное сапфирами распятіе. Золото и камни сверкали при лунѣ яркимъ, загадочнымъ блескомъ. Приложивъ распятіе къ губамъ, патриціи надавилъ пальцемъ на гвоздь, вонзенный въ ноги Спасителя; изъ креста быстро и безшумно выскользнулъ короткій клинообразный кинжалъ... Патриціи крѣпко стиснулъ распятіе, которое служило рукояткой, и поднявъ руку, медленно и прямо опустилъ ее, словно поражая незримаго врага.

— А-а,—сквозь зубы прошипѣлъ онъ, закрывая глаза въ страстномъ порывѣ злобы,—ты, тутъ, Даніэли, ты истекаешь кровью! Гдѣ онъ, братъ мой? Гдѣ, проклятый старикъ? Ты его загубилъ, замучилъ за то, что онъ лучше, знатнѣе былъ тебя. Издыхай же, какъ старая кошка!..

И ясно выросъ въ его воображеніи ненавистный образъ старика, гордаго дожа. Онъ стоитъ передъ алтаремъ, сѣдой, сверкающій парчею и каменьями; вотъ вышелъ изъ сакристіи прелатъ (участникъ заговора), охваченный дымомъ кадильницъ; вотъ подымаетъ онъ высоко, высоко распятіе, чтобы благословить старца... нѣтъ! чтобы убить его...

Глаза патриція, блуждавшіе по залѣ, внезапно остановились на большомъ зеркалѣ.

Залитое фосфорическимъ блескомъ, оно отражало косыя тѣни мавританскихъ колонокъ и сердцеобразныхъ сводовъ. И вдругъ ему почудилось, будто онъ не одинъ, будто въ темнѣвшей глубинѣ залы дверь тихо, тихо пріотворилась, и шорохъ осторожныхъ шаговъ коснулся его уха. Въ его голову вонзилась страшная мысль... Что это? сбирры? Онъ кинулся къ двери. Быстрое движеніе вернуло ему прежнее спокойствіе. Ужъ не

бредъ ли это?—подумалъ онъ и, схватившись рукой за похолодѣвшій лобъ, засмѣялся. Стѣны и своды вторили ему насмѣшливымъ отзвукомъ... Это мышь, — убѣждалъ онъ себя, тогда какъ кровь стучала въ его венахъ. Въ это самое мгновеніе въ зеркалѣ, съ котораго патрицій не сводилъ глазъ, ясно обозначилась человѣческая фигура. Окутанная въ черный плащъ и поддавшись немного впередъ, она глядѣла на него сквозь черную маску. Онъ обернулся — никого! Что за колдовство! Піетро Фоскари подошелъ къ зеркалу. Призракъ, оскаливъ зубы, скользнулъ по немъ и исчезъ; патрицій различалъ только свои собственные взволнованныя черты. А, видно меня обманываетъ лихорадка,—молвилъ онъ и презрительно щелкнулъ пальцемъ по холодному стеклу.

Оно издало дребезжащій звукъ, большая трещина паукомъ разбѣжалась по немъ.

Положивъ распятіе на прежнее мѣсто, Піетро крикнулъ слугъ и приказалъ зажечь лампаду.

II.

Передъ мраморной лѣстницей дворца Фоскари, сходившей къ большому каналу, украшенной арабесками и кустами алоэ въ расписныхъ фарфоровыхъ вазахъ, у высокихъ столбовъ, исполосованныхъ золотомъ и серебромъ, увѣнчанныхъ остроконечными фонарями, вѣчно ждало нѣсколько гондолъ, длинныхъ, черныхъ, гробообразныхъ.

Въ десятомъ часу утра Піетро Фоскари сѣлъ въ одну изъ нихъ и приказалъ везти себя къ зеркальщику Ардиццино Гальби. Этотъ мастеръ только что вернулся изъ отдаленныхъ краевъ и поражалъ всѣхъ своимъ искусствомъ. Едва патрицій усѣлся въ мягкихъ, словно лебединая грудь, подушкахъ, какъ надъ нимъ раздались звучные возгласы гребцовъ; вода весело зашумѣла у него подъ самымъ ухомъ, и гондола быстрымъ, ровнымъ бѣгомъ понеслась по лучистымъ волнамъ большого канала.

Венеція нѣжилась и сіяла въ солнечномъ очарованіи утра; фасады дворцовъ вырѣзались на небѣ полувоздушными линіями, пестрѣли рубинными и янтарными стеклами узорныхъ оконъ, цвѣтами, златотканными коврами, которые, свѣсившись черезъ перила балконовъ, развѣвались подъ легкими ударами морского вѣтра. Жемчужная дымка застилала даль; рогъ изобилія, опрокинутый надъ куполомъ Доганы, искрился точно раскаленный цехинъ; сквозь дрожащую переливистую воду просвѣчивалъ малахитъ и лазурь...

Піетро щурился отъ солнца и невольно улыбался, хотя сердце его билось сильнымъ и тревожнымъ чувствомъ. Ему казалось, что

все кругомъ уже дышетъ его властью, сіяетъ его великолѣпіемъ, что нѣтъ того народа, той страны, гдѣ бы не знали о его могуществѣ... Небрежными движеніями руки отвѣчалъ онъ на поклоны знакомыхъ.

Его перегнала золоченая гондола дожа. Изъ-подъ опущенной завѣски балдахина виднѣлась рука, бѣлая, сморщенная, старческая рука, съ большимъ изумруднымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

Піетро узналъ эту руку, узналъ перстень; его красивое лицо исказилось выраженіемъ затаенной злобы и ненависти... Онъ отвернулся. Берегись, Даніэли!

Изъ подъ арки моста Ріальто внезапно показалась другая гондола, легкая, изящная, вся въ шелку и павлиныхъ перьяхъ. Мѣрно вздрагивая подъ ударами веселъ, бросая быстрые отсвѣты и прихорашиваясь словно большая гордая птица, она летѣла ему навстрѣчу.

Два гребца, смуглые торчиліане, въ бѣлыхъ атласныхъ курткахъ, въ остроконечныхъ шапкахъ, плавно запускали весла въ трепещущія волны и вновь ихъ вынимали, наклоняя станъ. Молодая женщина сидѣла въ лодкѣ. Бронзоватыя кудри отражали солнце. Легкій вуаль порхалъ вокругъ алаголифа, вокругъ точеныхъ плечъ.

Патрицій радостнымъ движеніемъ подался впередъ,—онъ ловилъ ее взоромъ. Но уже умчалась гондола и долго глядѣлъ ей вслѣдъ влюбленный патрицій. „Лита, mia bella“, шепталъ онъ, погруженный въ мечту, и задумалъ купить ей лучшее зеркало, какое только найдется въ Венеціи.

III.

Зеркальщикъ Ардиццино Гальби, обрюзглый старикъ въ черномъ таларѣ, съ почетнымъ червонцемъ на золотой цѣпи, встрѣтилъ патриція на порогѣ мастерской.

Работа шла горячая. Столяры съ вспотѣлыми лицами двигались, окруженные облаками мерцающей пыли: кто пилилъ и строгалъ дерево, кто склеивалъ готовые куски, кто вставлялъ въ рамки большія сіяющія стекла, отъ которыхъ по низкому потолку ходили и дрожали радужныя пятна... Два мальчика въ глубинѣ комнаты варили клей надъ каменною печью; пламя било изъ нея, какъ изъ пасти дракона. Въ другой комнатѣ, на высокихъ лавкахъ, передъ окнами, выходившими на узкій и темный каналъ, сидѣли художники, рѣзчики, золотильщики. Они были одѣты богато, не хуже нобилей, съ которыми знались и даже вели дружбу; кудри имѣли завитыя, брови и рѣсницы подведенныя углемъ; они

работали молча и съ завистью, прикусывая губы, посматривали на патриція: мессеръ Гальби не позволялъ имъ говорить во время работы, потому что они вѣчно спорили между собою, какъ женщины; но теперь среди общаго безмолвія слышно было, какъ скребли ножи ихъ, подобно крысамъ въ ночное время; какъ шелестѣли пушистыя кисти, пробѣгая по готовой рѣзьбѣ, покрывая ее краской, позолотой.

Въ третьей комнатѣ, наконецъ, стояли и висѣли готовыя зеркала — большія, роскошныя зеркала, изготовленіемъ которыхъ такъ славились венеціане. То былъ цѣлый замокъ съ хрустальными стѣнами, съ колоннами и сводами. Патрицій приходилъ въ восторгъ: какъ всѣ венеціане, онъ былъ влюбленъ въ роскошь; въ золото, въ самоцвѣтные каменья, жемчуга; но еще болѣе восхищался онъ своей красотой, своимъ блескомъ, своей гордой осанкой; а эти зеркала внимательнѣе рабовъ наблюдали и ловили малѣйшее его движеніе; искуснѣе любого живописца передавали каждую черту его лица, тонкаго, смуглаго, каждую прихотливую складку его великолѣпной тоги. Онъ озирался, какъ павлинъ, направо и налѣво и гладилъ, и трепалъ рукою свою черную бородку.

Одно зеркало было больше и богаче всѣхъ другихъ; оно занимало цѣлую стѣну и состояло какъ бы изъ трехъ частей, раздѣленныхъ между собою колонками; золоченое, расписное, оно было покрыто рѣзьбою, представлявшей свѣтлокудрыхъ серафимовъ и чернолицыхъ морети, губастыхъ, курчавыхъ; наверху виднѣлся крылатый левъ съ разинутой пастью; гирлянды фруктъ падали, перегибаясь, съ выступающаго карниза и отражались въ стеклѣ; тутъ и тамъ блестѣли вставленныя рѣдчайшія раковины, кусочки янтаря, яшмы, аквамарина.

Фоскари предложилъ двадцать дукатовъ.

— Клянусь буцентавромъ,—отвѣчалъ зеркальщикъ,—клянусь, что не отдамъ его за двадцать пять. Еще утромъ мнѣ предлагали за него пятнадцать золотыхъ и бочку хіосскаго вина.

И вдругъ онъ пришелъ въ негодованіе и разразился потокомъ словъ: венеціане, по его мнѣнію, были черезчуръ скупы и онъ наживалъ мало денегъ. Ему лучше жилось въ Испаніи, въ Дамаскѣ, въ Царьградѣ у султана, пока прокураторъ республики не узналъ о его мастерствѣ и не вызвалъ его. За нимъ даже выслали было сбирра, но онъ, Ардиццино Гальби, предпочелъ вернуться безъ насилія, иначе—сохрани Мадонна—его бы закололи или посадили подъ свинцовыя крыши. „Законы ревнивы, безжалостны,—вопилъ онъ, теряя всякое самообладаніе,—налоги большіе, а испаренія лагунъ безмѣрно вредятъ здоровью...“

Но Фоскари не слушалъ: кто-то, почудилось ему, глядѣлъ на него въ упоръ. Онъ поднялъ глаза и увидалъ передъ собою, въ

зеркалѣ, во всѣхъ зеркалахъ, какія только были въ комнатѣ, чернаго человѣка. Опять? Осторожно, изъ-подъ сдвинутыхъ бровей глянулъ онъ на зеркальнаго мастера. Но тотъ, видно, ничего не замѣчалъ.

— Синьоръ патрицій! — кричалъ онъ, — вы вліятельны, окажите помощь, попросите дожа... Мадонна! вѣдь всякая крыса знаетъ, что онъ вашъ другъ; попросите, чтобы мнѣ позволили уѣхать отсюда, поселиться въ другомъ городѣ.

А тѣнь въ зеркалахъ, между тѣмъ, проступала все ярче и патрицій снова уставилъ на нее свои изумленные глаза. „Да это не призракъ,— сверкнуло въ его головѣ,—это человѣкъ, да, живой человѣкъ отражается въ зеркалѣ“. Призракъ какъ будто ждалъ того: вздрогнулъ, устремился впередъ и вмигъ расплылся, растаялъ въ солнечномъ лучѣ. Исчезъ...

— Маэстро,—съ усиліемъ произнесъ патрицій,—у васъ волшебныя зеркала, я заплачу тридцать золотыхъ за это зеркало и заступлюсь за васъ передъ дожемъ, клянусь его шапкой, мы съ нимъ большіе, большіе друзья.

И патрицій вышелъ изъ комнаты, сказавъ, чтобы послали зеркало во дворецъ Литы Корделли.

IV.

Фоскари весь день не выходилъ изъ мрачнаго настроенія, овладѣвшаго его мыслями. Онъ не то, чтобы страшился чего-нибудь, но этотъ черный человѣкъ, загадочный, угрожающій, преслѣдовалъ его словно недоброе предчувствіи. „Измѣнниковъ не можетъ быть“, думалось ему, „всѣ видятъ во мнѣ избавителя, преданы тому, что я задумалъ. Но, пожалуй, кто подслушалъ и прокураторъ уже потираетъ себѣ руки отъ удовольствія, что можетъ свернуть мнѣ голову“. Не одинъ разъ блѣдный, неслышными шагами, словно кошка; крался онъ къ двери и прислушивался къ шепоту слугъ, который раздавался на лѣстницѣ. Передъ сумерками патрицій, однако, вспомнилъ о своей встрѣчѣ на Canale Grande и прояснился. Ему захотѣлось видѣть Литу и онъ потребовалъ гондолу, сказавъ, что вернется не прежде, чѣмъ наступитъ утро.

Ночь была глухая, душная. Тучи пластомъ висѣли надъ Венеціей и казалось, будто городъ тихо погружался въ неизмѣримую черную бездну. Здѣсь и тамъ плыли красноватые огоньки, отражаясь въ смоляныхъ волнахъ и освѣщая по временамъ стальной гребень проѣзжающей гондолы или смутный силуэтъ гребца. Тоскующая пѣснь гондольера разливалась надъ каналомъ въ чуткой неподвижномъ воздухѣ и какъ бы дремала въ немъ; и едва только замолкала она, другой пѣвецъ, на островѣ Кіоццо, подхватывалъ мотивъ и оба пѣли такъ поочередно.

Фоскари задремалъ... Легкій толчокъ разбудилъ его. Лодка причалила къ крыльцу небольшого дворца и гондольеры привязывали ее къ торчавшей въ темнотѣ сваѣ; на лѣстницѣ, ласково и смышленно улыбаясь, стояла древняя, беззубая и горбатая старушка со свѣтильникомъ, трепетное пламя котораго она бережно заслоняла рукой отъ налетавшихъ мотыльковъ. Фоскари пошелъ за нею по узкому, кривому корридору, по тѣсному дворику, засаженному душистыми кустами розмарина, а оттуда, поднявшись по лѣстницѣ, они вошли въ опочивальню Литы.

Одѣтая въ легкую ткань, она лежала на постели; вокругъ нея, изъ причудливыхъ филиграновыхъ курильницъ струились облака дыма, отдававшаго сильнымъ и пряным ароматомъ; малолѣтній негръ-моретъ, въ высокой бѣлой чалмѣ, сидѣлъ посреди роскошнаго ковра и, подобравъ подъ себя ноги, мелькая въ темнотѣ бѣлками выпученныхъ глазъ, гладилъ и трепалъ косматую болонскую собаченку. Когда вошелъ патрицій, моретъ удалился изъ комнаты.

Лита Корделли происходила не изъ знатнаго рода, но она была такъ богата, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ хороша, что даже патриціанки говорили о ней не иначе, какъ съ порицаніемъ и завистью. Самъ Тиціанъ находилъ ее прекрасной и даже собирался написать ея портретъ во весь ростъ, съ жемчугомъ въ волосахъ, а его другъ, Піетро Аретина, остроумный, вѣчно глумливый Аретино посылалъ ей влюбленные стихи, похожіе скорѣе на сонеты Петрарки, чѣмъ на его обычныя колкія эпиграммы. Патрицій полюбилъ ее не только за красоту; онъ благоговѣлъ передъ нею, потому что чувствовалъ, какъ она своими свѣтлыми глазами видѣла его насквозь, угадывала все—его думы и мечты.

Иногда ему казалось, что онъ слишкомъ довѣрчивъ, но близость обожаемой женщины въ одинъ мигъ разсѣевала его сомнѣнія и онъ смѣялся надъ собою.

Лита казалась обрадованной его приходомъ.

— Привѣтъ патрицію,—сказала-она медленно и плавно, какъ-бы зачарованная звукомъ собственнаго голоса.—Твое зеркало пришло какъ разъ кстати. Иначе я бы подумала, что ты отдаешь предпочтеніе герцогинѣ Леонорѣ Урбино; а я, милый другъ, тебя не забываю: каждый день хожу въ церковь минориговъ, молюсь за душу твоего невиннаго отца, твоихъ братьевъ".

— Оставь, не говори, я отомщу за нихъ,—прервалъ ее патрицій.

Лита усмѣхнулась: „а верховный совѣтъ"? Но желѣзными пальцами стиснувъ ей руку, онъ заговорилъ: его рѣчь потекла горячая, страстная, исполненная то жгучей ярости, то внезапной обольстительной красоты; въ его словахъ, въ богатыхъ сравне-

ніяхъ и образахъ чувствовалась воля сильная, несокрушимая, цѣлая буря восторженной и смѣлой силы, передъ которой блѣднѣетъ разсудокъ. Потомъ его голосъ сталъ мягче, вкрадчивѣе и наконецъ замеръ въ тихомъ влюбленномъ шепотѣ. Онъ признался во всемъ. Лита все время хранила молчаніе, но ея зрачки расширились... Она недвижно и зорко глядѣла на него, жадно ловила каждое слово, вся насторожившись, взволнованная и блѣдная.

Въ это время изъ раствореннаго окна потянуло гнилымъ и влажнымъ холодомъ; послышался плескъ на каналѣ, словно ко дворцу тихонько подъѣзжала гондола; уключина скрипнула раза два.

— Это крысы,—сказала Лита, замѣтивъ, что патрицій содрогнулся;—ты не боишься ли воровъ? Или, быть можетъ, ты ревнуешь? Успокойся, теперь я никого не принимаю, кромѣ стараго сенатора Мочениго. Мы играемъ съ нимъ въ шахматы по вечерамъ. Онъ можетъ оказаться полезнымъ тебѣ и только потому я терплю его беззубую ласку.

Но патрицій не переставалъ со страхомъ озираться. Отрывисто, въ немногихъ словахъ онъ разсказалъ про чернаго человѣка... Тогда Лита взяла его руку и увлекла къ стѣнѣ, завѣшанной пологомъ; мягкій, тяжелый шелкъ опустился быстро и неслышно передъ патриціемъ. Онъ увидѣлъ свое зеркало...

Безпокойные отблески лампаднаго свѣта струились по золоченой рамкѣ, оживляли ее; мореты на ней имѣли насмѣшливый, злорадный видъ, какъ будто глумились надъ патриціемъ; серафимы, напротивъ, глядѣли неподвижно и печально; крылатый левъ на карнизѣ, погруженный въ полумракъ, шевелилъ крыльями, словно собираясь улетѣть.

Фоскари закрылъ лицо руками... Ему становилось жутко. „Завѣсь“,—сказалъ онъ. Но Лита не послушалась; она распустила волосы и, поглядывая въ зеркало, принялась вплетать въ нихъ длинныя нити мельчайшаго жемчуга; потомъ надѣла ожерелье съ привѣшаннымъ алмазомъ, который засверкалъ на ея шеѣ, словно застывшая капля росы.

— Смотри, какъ я нарядилась для тебя, какъ я прекрасна; и ты не хочешь даже взглянуть на меня; бѣдный трусъ! Не быть тебѣ дожемъ! Поди домой, позови твою няню и скажи ей, что Фоскари боится привидѣній.

Патрицій поднялъ взоръ... Въ самомъ дѣлѣ, чего ему было бояться? Въ зеркалѣ улыбалась его милая Лита, прекрасная, божественная; пламя озаряло ея дивныя черты и отражалось въ ласковыхъ глазахъ, какъ вечернее солнце въ глубокой синѣющей лагунѣ; волоса просвѣчивали золотомъ, а на мягко-закругленномъ подбородкѣ чуть уловимымъ намекомъ обозначалась та самая

прелестная ямочка, отъ которой чуть не обезумѣлъ синьоръ Тиціано.

Патрицій бросился къ ней; опустившись на колѣна, затаивъ дыханье, онъ цѣловалъ ея руки... Онѣ были холодны, какъ ледъ.

Что-то черное мелькнуло въ зеркалѣ. И патрицій упалъ навзничь, вскрикнувъ отъ боли и напрасно силясь выдернуть граненый кинжалъ, засѣвшій въ его горлѣ; человѣкъ въ черной одеждѣ склонился надъ нимъ...

— Готовъ, хорошій ударъ!—прошепталъ онъ,—однимъ измѣнникомъ меньше. Синьора, не волнуйтесь. Вы спасли республику. Даніэли послалъ меня.

V.

Во дворцѣ герцогини Леоноры Урбино на Canale Grande былъ пиръ. Послѣ веселаго банкета гости вышли на террасу гдѣ пылали факелы и канделябры, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Только что замолкла пѣснь, сыгранная на скрипкѣ старикомъ Джіанъ Батистой, и казалось, будто всѣ еще прислушивались къ его вдохновенной игрѣ. Никто не рѣшался заговорить.

Леонора, наконецъ, прервала молчаніе:

— Высокомудрый сенаторъ,—обратилась она къ угрюмому старику, у котораго маленькіе глазки слипались отъ усталости и выпитаго вина,—скажите, неужели правда, что Фоскари раньше кончилъ жизнь, чѣмъ предполагалъ?

— Герцогиня, онъ закололъ себя въ припадкѣ ревности у ногъ своей любовницы.—Сказавъ это, старикъ состроилъ такую многозначительную улыбку, что ей бы позавидовалъ самъ Макіавелли.

Піетро Аретино подошелъ къ своему другу Тиціану.

— Слушай, — шепнулъ онъ ему на ухо,—ужъ не эту ли бѣловолосую обезьяну приревновалъ Фоскари? — Тиціанъ мечтательно улыбнулся, не сводя глазъ съ герцогини Леоноры.

— Не смотри,—продолжалъ Аретино,—увѣряю тебя, все зло отъ женщинъ. Бѣдный Фоскари! А вино-то хорошее. Клянусь Бахусомъ! Я готовъ прочесть даже отвратительные сонеты, которые сочинилъ ты своей возлюбленной, если это не чистѣйшая мальвазія! Пей, дружище!

И снова зазвучала пѣвучая скрипка Джіанъ-Батисты и звуки, мягко округляясь, уносились въ тихую ночь, мерцавшую звѣздами, и летѣли на далекую лагуну, смѣшавшись съ плескомъ волнъ.

В. В. Голубевъ.

АРТИСТЫ, ПУБЛИКА И ТЕАТРЪ У А. Н. ОСТРОВСКАГО.

(Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ XIX вѣкѣ).

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТЕАТРАЛЬНОМУ ДѢЯТЕЛЮ-АРТИСТУ А. П. ЛЕНСКОМУ.

(*Окончаніе* *).

VII.

Теперь обратимся къ вопросу, который играетъ очень важную роль въ дѣятельности каждаго человѣка, посвятившаго себя служенію какому либо дѣлу, а именно,—какова же та обстановка, въ которой живетъ и работаетъ этотъ, хотя и очень своеобразный, но, во всякомъ случаѣ, общественный дѣятель?

Внѣшняя обстановка и театральныя средства (мы не говоримъ, конечно, о казенной сценѣ), имѣющіяся въ распоряженіи этихъ дѣятелей, я полагаю, всѣмъ хорошо извѣстны. И Островскому, конечно, вполнѣ достаточно было ограничиться только нѣсколькими мимолетными замѣчаніями, относящимися къ этому вопросу. Въ комедіи «Безъ вины виноватые» Шмага приглашаетъ своихъ товарищей позавтракать, если такъ можно назвать кусокъ вареной колбасы, ломоть хлѣба и бутылку водки, и объявляетъ:

«Завтракъ для первыхъ сюжетовъ, такъ мы и пойдемъ туда, гдѣ одѣваются первые сюжеты».

И когда Миловзоровъ спрашиваетъ: «Куда же это?», то Шмага отвѣчаетъ:

«Наверхъ, на чердакъ, въ общую, гдѣ статистамъ бороды наклеиваютъ».

Прибавьте къ этому ту сцену, которая произошла съ Аркашкой, когда трагикъ Ляпуновъ швырнулъ его въ окно и Аркашка своей особой прошибъ дверь въ женскую уборную.

И вотъ еще такое описаніе антрепренеромъ Мигаевымъ (въ комедіи «Таланты и поклонники») женской уборной его лучшей актрисы красавицы, о которой онъ говоритъ:

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь, 1901 г.

«Краса, дѣйствительно, была: бывало, когда она одѣвается, такъ вся труппа подлѣ уборной, кто въ двери, кто въ щелочки. Вѣдь, у насъ уборныя прозрачныя, ажуръ устроены».

Этихъ немногихъ замѣчаній, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы совершенно отчетливо воспроизвести въ своемъ умѣ полную картину русскаго провинціальнаго театра.

И такой обстановкѣ мѣста служенія—тѣмъ храмамъ искусства, которыми обыкновенно такъ всѣ восторгаются и которые всѣхъ приводятъ въ какой-то священный трепетъ — этимъ храмамъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и домашняя обстановка.

У артистовъ она, собственно говоря, совершенно отсутствуетъ, если не считать тѣхъ рѣдкихъ, очевидно, случаевъ, когда артисту приходится на нѣсколько недѣль поселиться въ сырой и холодной конурѣ, которой онъ поневолѣ предпочитаетъ теплый, уютный и привѣтливый трактиръ.

Но артистки другое дѣло. Тѣ не могутъ обходиться безъ своего «дома», если только, конечно, онѣ не пользуются покровительствомъ какого-нибудь поклонника. И вотъ болтливая матушка одной изъ молодыхъ примадоннъ знакомитъ насъ съ «домашней обстановкой и домашнимъ бытомъ» молодой артистки, недавно только поступившей на сцену.

Домна Пантелѣевна (*кричитъ въ окно*). Зайди денька черезъ три—четыре; послѣ бенефиста всѣ тебѣ отдадимъ! А? Что? О глухой! Не слышитъ. Бенефистъ у насъ будетъ; такъ послѣ бенефиста всѣ тебѣ отдадимъ... Что долгу, что долгу! Туда рубль, сюда два... А каковъ еще сборъ будетъ, кто-жъ его знаетъ? Вотъ зимой бенефистъ брали, всего сорокъ два съ полтиной въ очистку-то вышло, да какой-то купецъ полоумный серьги бирюзовыя преподнесъ... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни двѣ уже все возьмемъ. А то и триста рублей получишь, нешто ихъ въ рукахъ удержишь; всѣ промежду пальцевъ уйдутъ, какъ вода. Нѣтъ моей Сашѣ счастья! Содержитъ себя аккуратно, ну, и нѣтъ того расположенія промежду публики: ни подарковъ какихъ особенныхъ, ничего такого, какъ прочимъ, которыя... ежели»...

И нѣсколько далѣе, уже послѣ очень даже хорошаго «бенефиста», та же заботливая маменька подводитъ итоги своей дочери-артистки:

«Сотни двѣ, а то и три, больше не останется; вотъ, ты ихъ и повертывай, какъ знаешь. Надо на нихъ все лѣто прожить. По три денежки въ день, куда хочешь, туда дѣнь».

И такая обстановка, такое положеніе дѣлъ естественно наталкиваютъ недалекую мать на очень опасныя для ея дочери размышленія:

«Смиренничай, да смиренничай, и проживешь всю жизнь такъ, ни за что, и вспомянуть будетъ нечѣмъ».

Всѣ эти факты заставляютъ задать вопросъ: какую же роль въ

судьбѣ артистовъ играютъ тѣ лица, отъ которыхъ зависитъ матеріальное положеніе артистовъ, а именно господа антрепренеры, и каково отношеніе къ артистамъ нашего общества, которому прежде всего эти артисты служатъ.

На первое можно отвѣтить, что антрепренеры играютъ только одну свою собственную наживную роль, «ведутъ свою линію», какъ сказалъ бы Аркашка. И, не смотря на все свое ничтожество и невѣжество, все-таки дѣлаютъ хорошія дѣла. У нихъ, вѣдь, на все есть свои соображенія и примѣты: вотъ, напримѣръ, антрепренеръ Мигаевъ, бывшій когда-то простымъ мальчишкой при театральномъ буфетѣ, такъ излагаетъ свои соображенія одному изъ театраловъ:

«Дѣйствительно, ваше сіятельство, я понимаю не очень много; но, вѣдь, мы судимъ... извините, ваше сіятельство, по карману,—дѣлаетъ сборы большіе, такъ и талантъ».

А еще лучше того же типичнаго русскаго провинціальнаго антрепренера характеризуетъ другой театральный завсегдатай (Бакинъ). «Вотъ охота людямъ даромъ терять краснорѣчіе, проповѣдывать Мигаеву о честности! Ужъ это очень наивно. Честность онъ давно считаетъ предразсудкомъ, и для него разницы между честнымъ и безчестнымъ поступкомъ не существуетъ, пока его не побили. А вотъ плюхи двѣ-три влетитъ, тогда онъ задумается: должно быть, молъ, я какую-нибудь мерзость сдѣлалъ, коли меня бьютъ».

Чего же можно ожидать отъ такихъ вершителей судебъ театральнаго царства?

А что касается до интересовъ публики къ театру, то прекрасную оцѣнку ей и вытекающаго изъ ея отношеній къ театру положенія артистовъ дѣлаетъ въ комедіи «Безъ вины виноватые» добродушный другъ артистовъ и особенно артистокъ Дудукинъ. Онъ говоритъ:

«Заѣдетъ труппа, напримѣръ, хоть въ нашъ городъ увеселять людей, ровно ничего не дѣлающихъ, и сядутъ какъ раки на мели. Обыватели у насъ большею частью люди солидные, тяжеловѣсные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные...»

Но относительно нравовъ и умственнаго развитія обыватели находятся еще въ самомъ первоначальномъ невѣжествѣ; о существованіи драматическаго искусства имѣютъ представленія самыя смутныя. А, вѣдь, артисты народъ не обезпеченный, «по-европейски сказать, пролетаріи, а по-русски, птицы небесныя: гдѣ посыпано крупки, тамъ и клюютъ. А гдѣ нѣтъ, тамъ и голодаютъ».

И все бы это еще ничего, и всѣ эти холода и голодъ и другія непріятности, все это могло бы еще легко измѣниться однимъ, такъ сказать, матеріальнымъ прогрессомъ.

Но, вѣдь, все зло въ томъ, что, вмѣстѣ съ этимъ безучастнымъ отношеніемъ къ театру и артистамъ, въ нашемъ обществѣ царствуетъ еще другой презрительный взглядъ на представителей сцены, который

не такъ легко искоренить изъ нравовъ русскаго человѣка, такъ какъ онъ вошелъ уже, какъ говорится, въ нашу плоть и кровь.

А кромѣ этого, нельзя не сознаться, что въ своихъ отношеніяхъ къ артистамъ внѣ театра, въ обществѣ и дома, наше общество, особенно среднее, провинціальное, чиновническое, купеческое и т. д. тоже слишкомъ далеко отъ идеала и, или спаиваетъ артистовъ и совращаетъ ихъ съ пути искусства, или сушитъ и мертвитъ живую и впечатлительную душу артиста, попавшаго въ него волей или неволей.

Прекрасной иллюстраціей для второго положенія можетъ служить разсказъ Аркашки (въ комедіи «Лѣсъ») о его жизни у своихъ родственниковъ. И, не смотря на сильный комическій характеръ этого разсказа, въ немъ слышится та скрытая, грустная нотка, которая тѣмъ сильнѣе подчеркивается, чѣмъ болѣе контрастъ между этими двумя, какъ полюсы земного шара, разъединенными членами одной и той же семьи. И ваши симпатіи, навѣрное, перейдутъ на сторону Аркашки, не смотря на всю его холопскую душу, не смотря на все его ничтожество, а никакъ не на сторону его родственниковъ, заплывшихъ жиромъ въ ихъ тупомъ, безсмысленномъ самодовольствѣ.

Счастливцевъ разсказываетъ Несчастливцеву о своемъ пребываніи у родныхъ:

«Вѣдь, и у родныхъ-то тоже не велика радость намъ, Геннадій Демьянычъ. Мы народъ вольный, гулящій — намъ трактиръ дороже всего. Я у родныхъ-то пожилъ, знаю. У меня есть дяденька, лавочникъ въ уѣздномъ городѣ, верстъ 500 отсюда, погостилъ я у него, да кабы не бѣжалъ, такъ...

Несчастливцевъ. Что же?

Счастливцевъ. Не хорошее. Да вотъ я вамъ разскажу-съ. Шлялся я безъ дѣла мѣсяца три,—надоѣло: дай, думаю, дяденьку навѣщу. Ну, и пришелъ-съ. Долго меня въ домъ не пущали, все разныя лица на крыльцо выглядывали. Наконецъ, выходитъ самъ. «Ты», говоритъ, «зачѣмъ?»—«Навѣстить», говорю, «васъ, дяденька». — «Значитъ, ты свои художества бросилъ?»—«Бросилъ», говорю. — «Ну, что же», говоритъ, «вотъ тебѣ каморка, поживи у меня, только прежде въ баню сходи». Сталъ я у нихъ жить. Встаютъ въ 4 часа, обѣдаютъ въ 10, спать ложатся въ восьмомъ часу; за обѣдомъ и за ужиномъ водки пей сколько хочешь, послѣ обѣда спать. И всѣ въ домѣ молчатъ, Геннадій Демьянычъ, точно вымерли. Дядя съ утра уйдетъ въ лавку, а тетка весь день чай пьетъ и вздыхаетъ. Взглянетъ на меня, ахнетъ и промолвитъ: «безсчастный ты человѣкъ, душѣ своей ты погубитель!» Только у насъ и разговору. «Не пора ли тебѣ, душѣ своей погубитель, ужинать; да шелъ бы ты спать».

Несчастливцевъ. Чего же тебѣ лучше?

Счастливцевъ. Оно точно-съ, я, было, поправился и толстѣть уже сталъ, да вдругъ какъ-то за обѣдомъ приходитъ въ голову мысль: не

удавиться ли мнѣ? Я, знаете ли, тряхнулъ головой, чтобъ она вышла; погодя немного, опять эта мысль, вечеромъ опять. Нѣтъ, вижу, дѣло плохо, да ночью и бѣжалъ въ окошко. Вотъ каково нашему брату у родныхъ-то».

Вы не можете не согласиться, что въ каждомъ артистѣ для насъ всѣхъ долженъ быть особенно дорогъ его вольный свободный духъ, свободный отъ всякихъ условностей, искусственныхъ стѣсненій и т. п., законовъ свѣта и приличій. Вѣдь, ни одна другая профессія, ни чиновникъ, ни педагогъ, ни врачъ, ни кто другой не сохранили этой свободы и не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ артистомъ. Поэтому тѣсныя рамки душной атмосферы нашей домашней, семейной и общественной жизни естественно являются ненавистными и противоестественными его духу и вполнѣ понятно, что Аркашка, если бы онъ только не спасся позорнымъ бѣгствомъ отъ этой райской жизни, дѣйствительно могъ бы удавиться.

А если вспомнить сцены другого рода — напримѣръ изъ комедіи «Безприданница», гдѣ разгулявшіеся самодуры-богачи въ волю потѣшаются надъ Аркашкой-Робинзономъ, превращаютъ служителя сцены въ раба своихъ прихотей и затѣмъ спаиваютъ его, а потомъ, когда онъ надоѣдаетъ и у нихъ являются другіе интересы,—бросаютъ его на произволъ судьбы и имѣютъ еще нахальство давать на дорогу совѣты въ родѣ: «Примѣняйся къ обстоятельствамъ, бѣдный другъ мой! Время просвѣщенныхъ покровителей, время меценатовъ прошло: теперь торжество буржуазіи, т.-е. теперь искусство на вѣсъ золота цѣнится, въ полномъ смыслѣ наступаетъ золотой вѣкъ. Но, уже не взыщи, подъ часъ и ваксой напоятъ, и въ бочкѣ съ горы, для собственнаго удовольствія, прокатятъ—на какого Медичиса нападешь» (к. «Безприданница»),—то неудивительно будетъ, что даже ко всему привыкшій и во всѣхъ отношеніяхъ обтерпѣвшійся, Аркашка не можетъ не разразиться послѣ этого злобнымъ восклицаніемъ:

Робинзонъ. О, варвары! Ну, попалъ я въ компанію! (ком. «Безприданница»).

Такъ было въ XVII вѣкѣ, когда какой-нибудь подъячій считалъ комедіанта хуже всего, что онъ только могъ себѣ представить, какъ, напримѣръ, у Островскаго подъячій Кочетовъ говоритъ своему пріятелю про своего сына, котораго тотъ назвалъ комедіантомъ: «Облай его, какъ хочешь, грабителемъ казны, церковнымъ татемъ, убійцею, коль Бога не боишься, коль бѣсъ въ тебѣ засѣлъ, а скоморохомъ не обзывай»; такъ и въ настоящее время артистъ оказывается какимъ-то отщепенцемъ общества, къ которому всѣ остальные члены общества относятся съ полнымъ презрѣніемъ.

У помѣщицы Гурмыжской одно только упоминаніе званія «актеръ провинціальный» заставляетъ почтеннаго помѣщика Милонова съ отвращеніемъ воскликнуть: «Ужасъ! Ужасъ! Ужасъ!»

VIII.

Между тѣмъ эти же комедіанты, актеры и артисты, презираемые обществомъ, больше способны на такіе поступки, которые въ самомъ обществѣ являются исключительными.

Съ одной стороны, дѣйствительно, благодаря постоянному общенію съ художественными идеалами, съ другой, благодаря нуждѣ и постояннымъ лишеніямъ, оскорбленіямъ и т. п. непріятностямъ, они дѣлаются особенно чутки къ чужому горю и бѣдѣ и способны на такіе подвиги дружбы, гуманности и самопожертвованія, на которые всякіе другіе дѣйствительные и почетные члены нашего общества совершенно не способны.

И Островскій отмѣтилъ нѣсколько такихъ фактовъ, въ которыхъ артистъ, въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ, является симпатичнѣйшимъ человѣкомъ.

Какъ сердечно относится Геннадій Демьянычъ къ бѣдной родственницѣ Гурмыжской, Аксюшѣ; какое дружеское участіе въ его рѣчахъ; какъ трогательна вся сцена объясненія его съ ней. Какъ самый близкій другъ говоритъ онъ ей: «Дитя мое! люби кого хочешь. На то тебѣ Богъ далъ сердце, чтобъ любить... счастье дороже денегъ».

И, глубоко потрясенный ея несчастіемъ и своимъ безсиліемъ помочь ей, онъ, въ порывѣ глубокаго горя и отчаянія, проклинаетъ себя за свое невозвратимое прошлое, которое онъ такъ хотѣлъ бы теперь передѣлать по своему, чтобы быть въ состояніи помочь несчастной сиротѣ-дѣвушкѣ.

Несчастливцевъ. «...Я вырву всѣ свои волосы. О, дитя мое! Я преступникъ! Я могъ имѣть деньги, могъ помочь тебѣ, могъ сдѣлать тебя счастливой, и я промоталъ, прожилъ ихъ безпутно; я ихъ втопталъ въ грязь вмѣстѣ со своею молодостью, съ жизнью. И вотъ, когда онѣ нужны, ихъ нѣтъ у меня. Еслибъ я зналъ, если бы я зналъ, я бы питался однимъ хлѣбомъ, я бы ходилъ въ рубищѣ и каждый рубль зашивалъ въ это рубище. Мы пьемъ, шумимъ, представляемъ пошлыя, фальшивыя страсти, хвастаемъ своимъ кабачнымъ геройствомъ, а тутъ бѣдная сестра между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!»

И, вѣдь, эти рѣчи уже не то фразерство, на которое мы сами обратили раньше вниманіе, это—искреннее раскаяніе и серьезное гуманное сочувствіе ближнему, которому Геннадій Демьянычъ не только на однихъ словахъ выражаетъ сожалѣніе и сочувствіе. Онъ, сначала, всѣми силами своими, вѣря въ способности этой дѣвушки, старается помочь ей, указавъ ей на новый путь въ ея жизни—на артистическую карьеру, а когда скупая тетка наотрѣзъ отказывается помочь ей, то Геннадій Демьянычъ, не смотря на то, что ему страстно хотѣлось сдѣлать изъ Аксюши сотоварища по искусству, несмотря на то, что у него самого за душой не было ни копѣйки, не задумывается отдать этой дѣвушкѣ

послѣднюю тысячу рублей. А, вѣдь, онъ имѣлъ большое основаніе оставить ихъ себѣ: «Признаться, не грѣхъ бы бѣднягѣ Несчастливцеву и покутить на эти деньги, не мѣшало бы ему, старому псу, и поберечь ихъ на черный день».

И его пріятель Аркашка напрасно старается удержать Геннадія Демьяныча отъ этого поступка, который долженъ погубить всѣ ихъ мечты о небольшомъ нравственномъ и физическомъ отдыхѣ отъ всѣхъ прелестей ихъ бродячей голодной жизни. Геннадія Демьяныча и это напоминаніе о своихъ собственныхъ интересахъ не удерживаетъ, и онъ поступаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ его, въ высшей степени благородная, артистическая натура.

Къ этому можно присоединить еще одно обстоятельство. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что артистамъ, между прочимъ, очень часто ставятъ въ упрекъ ихъ эгоизмъ по отношенію къ молодымъ силамъ; это конечно, бываетъ, но, развѣ вы не знаете, какъ въ наше время многіе, потрудившіеся уже много лѣтъ на своемъ вѣку, артисты любятъ своихъ учениковъ, какъ они стараются вложить въ нихъ все, что сами знаютъ, какъ интересуются школой и съ какой гордостью говорятъ о своихъ выученикахъ, оказывающихъ уже успѣхи. Островскій и это также отмѣтилъ въ своихъ комедіяхъ въ отношеніяхъ Геннадія Демьяныча къ Аксюшѣ, когда тотъ задумалъ посвятить ее въ драматическія актрисы.

Но довольно говорить объ общечеловѣческихъ чувствахъ и чертахъ характера артистовъ. Обратимъ вниманіе на ихъ отношеніе къ собственному дѣлу,—отношеніе, которое также служитъ однимъ изъ показателей характера честнаго и благороднаго.

И въ этомъ вопросѣ, принимая во вниманіе, что бо́льшая часть этихъ дѣятелей попала на театральное поприще поневолѣ или случайно, что въ числѣ ихъ, слѣдовательно, немного такихъ, которые шли по истинному призванію, можно отмѣтить очень отрадное явленіе, именно, что тѣ, которые шли на сцену въ силу искренней любви къ драматическому искусству, относятся къ дѣлу добросовѣстно, честно, расходуютъ на него всѣ свои силы и способности, и служатъ дѣйствительно дѣлу, а не лицамъ или собственной персонѣ.

Тѣ же знакомыя намъ лица, Несчастливцевъ въ комедіи «Лѣсъ», Нѣгина въ комедіи «Таланты и поклонники», Незнамовъ и Кручинина въ ко́медіи «Безъ вины виноватые», являются въ указанныхъ отношеніяхъ прекрасными, честными и преданными служителями своему дѣлу.

Вотъ напримѣръ, Несчастливцевъ. Онъ, очевидно, тяжелаго и неуживчиваго характера и слишкомъ много воображаетъ о своей игрѣ, но тѣмъ не менѣе онъ горячо любитъ свое дѣло и искренно негодуетъ, когда видитъ неуваженіе къ нему. Отправляясь на сѣверъ Руси, онъ такъ жалуется своему сотоварищу: «Со всѣми антрепренерами перессо-

рился. Неуваженіе, братецъ, интриги; искусство не цѣнятъ, все копѣечники. Хочу у васъ, на сѣверѣ, счастья попробовать».

Да и того же Аркашку онъ презираетъ главнымъ образомъ за недостаточно уважительное отношеніе его къ искусству, имѣя въ виду свою личную безграничную преданность сценѣ и будучи убѣжденъ въ правильности исполненія своихъ собственныхъ ролей.

Напримѣръ, на жалобу Счастливцева, что образованные начинаютъ перебивать комикамъ дорогу, онъ убѣжденно отвѣчаетъ:

«Отъ того, что просто паясничать то хитрость не велика. А попробуй-ка въ трагики! Вотъ и нѣтъ никого».

И онъ, по своему, совершенно правъ. И въ наши дни драматическое искусство еще не только недостаточно понимаютъ, но и недостаточно и не вполнѣ справедливо умѣютъ цѣнить, а въ тѣ времена и подавно жалобы Геннадія Демьяныча были справедливы.

А какъ увлекательны рѣчи того же Геннадія Демьяныча, когда онъ, воодушевившись, разсказываетъ о сценѣ, объ искусствѣ, о его значеніи Аксюшѣ, которую онъ хочетъ пріобщить къ лику сценическихъ дѣятелей. Эти глубоко прочувствованныя и высоко поэтическія рѣчи составляютъ одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ характеристикѣ театральнаго міра, сдѣланной Островскимъ въ его комедіяхъ.

«И тамъ» (т.-е. на сценѣ, въ театрѣ), говоритъ Несчастливцевъ Аксюшѣ, «есть горе, дитя мое; но за то есть и радости, которыхъ другіе люди не знаютъ. Зачѣмъ же даромъ изнашивать свою душу? Кто здѣсь откликнется на твое богатое чувство? Кто оцѣнитъ эти перлы, эти брильянты слезъ? Кто, кромѣ меня? А тамъ.. О! Если половину этихъ сокровищъ души ты бросишь публикѣ, театръ развалится отъ рукоплесканій. Тебя засыплютъ цвѣтами и подарками. Здѣсь на твои рыданія, на твои стоны нѣтъ отвѣта; а тамъ за одну слезу твою заплачетъ тысяча глазъ. Эхъ, сестренка! Посмотри на меня. Я—нищій, жалкій бродяга, а на сценѣ я—принцъ. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами надъ бѣдной Офеліей и люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ. А ты? Ты молода, прекрасна, у тебя огонь въ глазахъ, музыка въ разговорѣ, красота въ движеніяхъ. Ты войдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, такъ и останешься...

«Ты оживешь, сестра; первые звуки оркестра воскресятъ тебя»... (ком. «Лѣсъ».).

Развѣ на струнахъ вашего сердца не отзываются звучными, гармоничными нотами, радостными аккордами эти безъискусственныя слова, развѣ, въ каждомъ отдѣльномъ звукѣ ихъ не слышна глубокая и искренняя преданность служенія дорогому искусству?

На ряду съ этимъ примѣромъ нельзя не упомянуть и еще о другомъ примѣрѣ, не менѣе рельефномъ, и еще болѣе сильномъ по своимъ деталямъ. Я говорю о режиссерѣ Нароковѣ. Онъ представляетъ еще

большій интересъ, чѣмъ Несчастливцевъ, потому, что, во первыхъ, онъ человѣкъ образованный, а во вторыхъ, потому, что онъ, какъ режиссеръ, не можетъ быть столь одностороненъ и пристрастенъ, какъ нашъ трагикъ Геннадій Демьянычъ, признающій истиннымъ искусствомъ, кажется, только два амплуа: трагика и драматической актрисы. Конечно, такихъ идеалистовъ, каковъ Нароковъ—очень мало и было, и будетъ, но, во всякомъ случаѣ, это не фантастическій вымыселъ нашего драматурга. Вѣдь, знаемъ же мы очень многихъ, которые увлекаются живописью, музыкой, болѣе мелкими отраслями искусства, и мы не находимъ эти увлеченія странными. А, вѣдь, драматическое искусство, само по себѣ, заключаетъ въ себѣ почти всѣ другія искусства и, такимъ образомъ, не должно казаться страннымъ не только увлеченіе, но и болѣе сильная «страсть» къ нему. Я приведу цѣликомъ одну сцену, которая такъ рельефно характеризуетъ этого, довольно частаго у насъ на Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интереснаго любителя драматическаго искусства.

Простоватая Домна Пантелѣевна жалѣетъ о неудачахъ Нарокова: «Ахъ, ты, горькій! Такъ вотъ что. Значитъ, тебѣ въ этомъ театральномъ дѣлѣ счастья Богъ не далъ, что ли?»

Но Нароковъ и не ищетъ ея сожалѣнія:

«Счастья! Да я не зналъ, куда дѣвать счастье то, вотъ сколько его было»!

Домна Пантелѣевна. Отчего же ты въ упадокъ-то пришелъ? Пилъ, должно быть? Куда же твои деньги дѣвались?

Нароковъ. Никогда я не пилъ. Я всѣ свои деньги за счастье то и заплатилъ.

Домна Пантелѣевна. Да какое же такое счастье у тебя было?

Нароковъ. А такое счастье, что я дѣлалъ любимое дѣло. *(Задумчиво).* Я люблю театръ, люблю искусство, люблю артистовъ, понимаешь ты? Продалъ я свое имѣніе, денегъ получилъ много и сталъ антрепренеромъ. А? Развѣ это не счастье? Снялъ здѣшній театръ, отдѣлалъ все заново: декораціи, костюмы; собралъ хорошую труппу и зажилъ какъ въ раю..: Есть ли сборы, нѣтъ ли, я на это не смотрѣлъ, я всѣмъ платилъ большое жалованье аккуратно. Поблаженствовалъ я такъ-то, вижу, что деньги мои подъ исходъ; по окончаніи сезона, разсчиталъ всѣхъ артистовъ, сдѣлалъ имъ обѣдъ прощальный, поднесъ каждому по дорогому подарку на память обо мнѣ...

«А потомъ Гаврюшка снялъ мой театръ, а я пошелъ въ службу къ нему; платитъ онъ мнѣ небольшое жалованье да по маленьку уплачиваетъ за мое обзаведеніе... а служу я у Гаврюшки потому, что отъ театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вотъ я, человѣкъ образованный, съ тонкимъ вкусомъ, живу теперъ между грубыми людьми, которые на каждомъ шагу оскорбляютъ мое артистическое чувство».

Какъ видите, дѣйствительно, изъ «тонкихъ парфюмовъ», какъ онъ

самъ выражается, соткана душа этого чуткаго любителя-рижиссера и театрала.

Мало такихъ и тѣмъ они дороже должны быть для тѣхъ изъ насъ, кто живетъ вдали отъ облагораживающаго вліянія искусства.

Я не могу не привести еще одну рѣчь Нарокова, рѣчь, которая дополнитъ характеристику этого истиннаго, хотя порой и наивнаго, художника.

На вокзалѣ, провожая уѣзжающую изъ его труппы талантливую артистку Нѣгину, онъ провозглашаетъ тостъ:

«Александра Николаевна, первый бокалъ за вашъ талантъ! Я горжусь тѣмъ, что первый замѣтилъ его. Да и кому же здѣсь, кромѣ меня, замѣтить и оцѣнить дарованіе? Развѣ здѣсь понимаютъ искусство? Развѣ здѣсь искусство нужно? Развѣ... О, проклятіе!..

«Въ робкихъ шагахъ дебютантки, въ первомъ еще наивномъ лепетѣ, я угадалъ будущую знаменитость. У васъ есть талантъ, берегите его! растите его! Талантъ есть лучшее богатство, лучшее счастье человѣка! За вашъ талантъ! Второй бокалъ за вашу красоту! Вы не признаете за собой красоты? Нѣтъ, вы красавица. Да—гдѣ талантъ, тамъ и красота! Я всю жизнь поклонялся красотѣ и буду поклоняться ей до могилы.... За вашу красоту!..»

«Не горе, не слезы,
«Не тяжкіе сны,
«А счастія розы
«Тебѣ суждены.
«Тѣ розы прекрасны:
«То рая цвѣты.
«И вѣрь, не напрасны
«Поэта мечты.

И этотъ же чуткій знатокъ и цѣнитель искусства и его исполнителей въ одномъ изъ своихъ, полныхъ негодованія, упрековъ артистамъ дѣлаетъ очень мѣткую и самую правильную оцѣнку ихъ.

«Мука мнѣ съ вами! У всѣхъ у васъ и много лишняго, и многаго не хватаетъ... У комиковъ много лишняго комизма, а у тебя *(обращается онъ къ трагику)* лишняго трагизма; не хватаетъ у васъ граціи... граціи мѣры. А мѣра то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!»

И когда пьяный трагикъ пытается возразить ему:

«Нѣтъ, Мартынъ, я благороденъ... Ахъ, какъ я благороденъ! Одно, братъ Мартынъ, обидно, что благороденъ то я только въ пьяномъ видѣ»... *(опускаетъ голову и трагически рыдаетъ)*,—то Нароковъ можетъ только подтвердить свой горькій упрекъ: «Ну, вотъ и шутъ, ну, вотъ и шутъ»!

IX.

Что же было причиной этого «шутовства» русскихъ артистовъ? Откуда взялось это странное явленіе?

Главной причиной какъ этого шутовства, такъ и всѣхъ этихъ ненормальныхъ отношеній общества къ артистамъ и выработавшагося, вслѣдствіе этого, ненормальнаго положенія русскаго артиста, не смотря на всѣ его положительныя качества, являются, конечно, историческія условія русскаго театральнаго дѣла. Нѣкоторыя изъ этихъ условій сложились во времена давно минувшія, въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, нѣкоторыя же возникли въ XIX вѣкѣ.

Къ первымъ относится, прежде всего, самый фактъ возникновенія русскаго театра и первоначальной организаціи этого новаго на Руси учрежденія.

Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, русскому театру съ громадными усиліями удалось завоевать себѣ право на существованіе.

Для защиты этого новаго молодого дѣтища требовалось неоднократное вмѣшательство высшей власти и заступничество сильныхъ міра сего, изъ числа которыхъ только очень немногіе сочувствовали этому дѣлу и понимали значеніе его для умственнаго и нравственнаго развитія народа.

Вслѣдствіе сильнаго до конца XVII и начала XVIII вѣка духовнаго и литературнаго вліянія косной Византіи, съ ея черствыми и безжизненными догматами, съ ея отвлеченной, напыщенной литературой, у нашихъ предковъ выработались, или, точнѣе выражаясь, должны были выработаться такіе узкіе взгляды, которые не допускали въ сложившееся раньше міровоззрѣніе ничего новаго, ничего оживляющаго старину и примиряющаго ее съ новыми требованіями жизни. И старинныя воззрѣнія выказывали особенное сопротивленіе по отношенію къ двумъ факторамъ, которые развивались все болѣе и болѣе въ средѣ наименѣе доступной вліянію византійщины—въ средѣ народной. Это былъ комическій элементъ, элементъ насмѣшки и сатиры въ народной литературѣ, заключавшій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ зачатки другого фактора—драматической литературы.

Благодаря преслѣдовавшимъ за это народъ духовнымъ властямъ, мы теперь, собственно говоря, совсѣмъ почти не имѣемъ памятниковъ этого интереснаго первоначальнаго періода русской народной литературы и должны довольствоваться нѣсколькими десятками легендъ, записанныхъ Аѳанасьевымъ, и отрывочными свѣдѣніями о скоморохахъ и кукольномъ театрѣ.

Поэтому, когда подъ вліяніемъ Запада, при посредствѣ Юго-Западной Руси и въ Москвѣ начинаютъ проявляться симпатіи къ новому искусству, когда появляется первая попытка организаціи у насъ театральнаго дѣла—всѣ эти новшества встрѣчаютъ взрывъ негодованія и бурный протестъ противъ правъ на ихъ существованіе. Это вытекало изъ принциповъ и взглядовъ предшествовавшихъ временъ. Но вопреки проповѣди, вопреки постановленіямъ соборовъ (напримѣръ, извѣстнаго Стоглаваго собора въ 1551 г.), народную массу все болѣе и болѣе при-

влекалъ интересъ къ разнымъ органникамъ, гусельникамъ, скоморохамъ со всѣми ихъ бѣсовскими и погаными пѣснями и игрищами.

А въ это время, по словамъ поэтической лѣтописи Островскаго, одинъ изъ вѣрныхъ приверженцевъ византійскаго ученія—«великій мудрецъ отецъ Сильверстъ» вотъ какъ проповѣдывалъ противъ этихъ новшествъ—должно:—«Наипаче блюстися скомороховъ, гудѣльниковъ, сопѣльниковъ, глупцовъ и пѣсенъ ихъ бѣсовскихъ; грѣхъ тягчайшій сіе ибо есть» (Ком. «Комикъ XVII столѣтія»).

Эти слова, воспроизведенныя писателемъ-художникомъ, вполнѣ согласны со словами писателей-проповѣдниковъ и духовныхъ наставниковъ и законодателей русскаго народа.

Поэтому ясно можно представить себѣ, какой ужасный взрывъ негодованія и презрѣнія вызвало появленіе на Руси сначала «Шпильмановъ», а немного времени спустя и воплощеніе нѣмецкаго «гансвурста» въ видѣ русскаго «гаера».

Только «комидійно дѣйство» да духовныя драмы въ родѣ «Трехъ отроковъ въ пещи вавилонской» или комедіи «О блудномъ сынѣ» могли нѣсколько примирять, успокаивать возбужденіе противъ этихъ новыхъ пришельцевъ, которые, навѣрно, казались нашимъ предкамъ много хуже татаръ со всей ихъ азіатской жестокостью, дикостью и грубостью.

Въ комедіи «Комикъ XVII столѣтія» даже комедіантъ по призванію, по любви къ искусству, Яковъ, и тотъ не можетъ согласиться съ убѣжденіями пастора Грегори:

«Ты думалъ, dummer Junge,
Что грѣхъ тутъ есть? Не думай! Не надо.
Что я грѣху учу, сказать лишь можетъ
Кто не ученъ, совсѣмъ не штудированъ,
И глупость есть невинныя забавы
Грѣхомъ считать».

И, страстно увлекаясь новымъ искусствомъ, Яковъ все-таки по старому твердитъ:

«Толкуй себѣ: не грѣхъ. Тебѣ ужъ котати
Въ аду кипѣть, а мнѣ такъ нѣтъ охоты».

Въ эти же времена ненависти и презрѣнія къ нарождающемуся искусству появился и тотъ презрительный взглядъ на служителей этого искусства, который мѣшалъ выступать на этомъ поприщѣ людямъ, по понятіямъ того времени, порядочнымъ, честнымъ, какъ говорили тогда, и открывалъ доступъ на сцену отбросамъ общества и различной мелкотѣ, т.-е для всѣхъ, для кого никогда не существовало никакихъ законовъ приличій и очень немного законовъ нравственности.

Всѣ эти факты относятся къ самому началу жизни русскаго театра. Но и дальнѣйшее его развитіе было немного лучше. Оно шло такимъ нетвердымъ, невѣрнымъ шагомъ, какъ слабый болѣзненный ребенокъ.

Въ исторіи его первоначальнаго развитія были моменты, когда казалось, что вотъ, вотъ погибнетъ это молодое учрежденіе.

Еще въ 1736 году въ нашей, тоже еще молодой, періодической печати, въ статьѣ о значеніи театра, озаглавленной «О позорищныхъ играхъ» (въ историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчаніяхъ на С.-Петербургскія Вѣдомости), приходилось защищать театръ отъ приверженцевъ старины и доказывать, что онъ не только не противенъ благочестію, но и способствуетъ добрымъ нравамъ: «Хотя и всегда много такихъ находилося, которые всѣ комедіи и трагедіи изъ добрѣ учрежденной, изъ особливо христіанскую вѣру содержащей республіки совершенно изкоренить хотятъ; однакожь когда такія позорищныя игры по ихъ намѣренію отправляются и ничего въ себѣ не содержатъ, чтобъ вѣрѣ и честнымъ поступкамъ противно было, то сіе весьма не праведно быть кажется, ежели бы любители оныхъ такой наивной забавы лишены были, а особливо, что они не только къ увеселенію и ободренію ума, но такожде къ поощренію разума и къ отвращенію подлыхъ помышленій выдуманы и въ возращеніе приведены».

Но время и западное вліяніе брало верхъ и въ серединѣ XVIII вѣка русскій театръ становится твердой ногой на негостепріимную почву, которая къ этому времени перестала колебаться подъ нимъ.

Съ этого времени начинается новый періодъ въ исторіи русскаго театра,—періодъ, имѣвшій громаднѣйшее вліяніе на общій строй театральнаго дѣла въ Россіи. Въ эту эпоху—во вторую половину XVIII вѣка—и создались, главнымъ образомъ, всѣ существующіе почти до настоящаго времени порядки, условія, правы, обычаи и отношенія во всемъ, что касается театра и лицъ, съ нимъ связанныхъ. Этотъ періодъ совпалъ съ извѣстнымъ литературнымъ направленіемъ—ложноклассическимъ. И, какъ на характеръ будущаго взрослаго человѣка громадное вліяніе оказываетъ, безъ всякаго сознательнаго съ своей стороны желанія или воли, мамка, кормившая его еще грудным младенцемъ всего въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и передаетъ ему вмѣстѣ съ молокомъ свои недостатки, такъ и въ исторіи русскаго театра этотъ періодъ былъ періодомъ внѣшняго, посторонняго вліянія, напитавшаго, кромѣ необходимаго матеріала, и нѣкоторыми побочными, и порой нежелательными чертами.

Какое же вліяніе оказалъ этотъ періодъ и въ чемъ онъ оставилъ наиболѣе сильное вліяніе и слѣды? Тутъ намъ можно снова обратиться къ произведеніямъ Островскаго, которыя даютъ художественный матеріалъ, вполнѣ согласный съ историческими выводами.

Ложноклассицизмъ въ произведеніяхъ драматической литературы, какъ извѣстно, отличался слѣдующими чертами: неестественностью характеровъ дѣйствующихъ лицъ, преувеличеніемъ ихъ чувствъ и главныхъ чертъ ихъ характеровъ. отсутствіемъ второстепенныхъ чертъ

характера, напыщенностью и вычурностью рѣчей, высокопарными разсужденіями по поводу долга и обязанностей, проявленіемъ сильныхъ, необыкновенныхъ, страстей, борьбой этихъ страстей съ чувствомъ долга, любовью къ эффектнымъ, крикливымъ выраженіямъ и сценамъ, имѣющимъ далеко не всегда важное значеніе по отношенію къ главному содержанію пьесы, и т. д.

Отсюда и въ игру артистовъ того времени вошелъ, какъ непремѣнное условіе, общій повышенный тонъ, героическія характеристики, ходульность и натянутость—черты, которыя сильно привились къ русскимъ артистамъ вслѣдствіе того, что публика, воспитанная на ложно классическихъ пьесахъ, не могла отрѣшиться, чуть ли не до нашихъ дней, отъ этой внѣшней вычурности и всякихъ условностей въ сценическихъ характеристикахъ *). И, что особенно печально, это то, что публика сама усиленно поощряла въ артистахъ развитіе этой ходульности.

Благодаря этимъ условіямъ и создались такіе трагики, какъ Несчастливцевъ и Громиловъ съ ихъ quasi-героическими характерами.

Слѣдующія теченія въ исторіи развитія русской драмы были тоже не безъ преувеличеній и, также какъ геологическіе пласты на земной корѣ, отложились на характерѣ игры исполнителей драматическихъ произведеній, а также и на ихъ личныхъ характерахъ.

Тутъ нужно отмѣтить и сантиментализмъ, который создалъ въ драматической литературѣ слезливую мѣщанскую драму, привившую ея исполнителямъ преувеличенную чувствительность и искусственную нѣжность, примѣромъ которой могутъ служить приведенныя выше сцены Несчастливцева съ его сестрой, Гурмыжской.

Затѣмъ слѣдовалъ романтизмъ съ преувеличеніемъ въ области всего фантастическаго, таинственнаго, съ преобладаніемъ меланхолической мечтательности и нѣжной любовной страсти, примѣромъ чего могутъ служить нѣкоторыя сцены изъ комедіи «Лѣсъ» и «Безъ вины виноватые».

Исполнители драматическихъ произведеній и это все восприняли въ себя на столько, что всѣ эти вліянія и теченія сдѣлались уже отличительными характерными чертами этой, какъ бы новой, категоріи людей, образовавшихъ уже къ этому времени вмѣстѣ съ тѣмъ особенную сплоченную касту, которой всѣ чуждались въ силу стараго взгляда на актера, какъ служителя бѣсовскихъ игрищъ,—взгляда, укоренившагося благодаря вышеуказанному составу этой касты.

И вполнѣ естественно, что эта каста, благодаря своей терпимости и неразборчивости, принимала въ себя исключительно, или большею частью, тѣхъ, кого общество не терпѣло въ своей средѣ.

Благодаря послѣднему обстоятельству, въ этой замкнутой средѣ, подъ вліяніемъ особенной свободы отношеній, выработались еще

*) Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ во Франціи, сохранились до настоящаго времени такія черты даже въ игрѣ лучшихъ артистовъ

нѣкоторыя новыя привычки и обычаи, отдалившіе актеровъ еще больше отъ общества и укрѣпившіе за ними на долго дурную славу людей безпорядочныхъ и не терпимыхъ въ приличномъ обществѣ.

И этотъ взглядъ, можно сказать, держится до нашихъ дней и держится на основаніяхъ, въ значительной степени довольно справедливыхъ.

Но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что эти нравы такъ долго не измѣнялись, что косность театральной касты была, какъ бы, китайской стѣной, за которую не проникали никакія новыя вѣянія?

Главнымъ, а пожалуй, и единственнымъ обстоятельствомъ, которое могло бы объяснить это, намъ является—недостатокъ образованія и общаго развитія членовъ этой касты.

Дѣйствительно, это предположеніе подтверждается дальнѣйшими событіями.

Когда русская литература вообще, а вмѣстѣ съ ней и драматическая, вступила на новый путь—реальнаго направленія—тогда всякая утрировка какъ во внутреннемъ содержаніи, такъ и во внѣшности произведенія стала отходить въ область преданія, и ихъ мѣсто заняли жизненность и художественность.

Тогда же, за небольшими исключеніями, артисты оказались плохими исполнителями и былъ поднятъ вопросъ о художественномъ и общемъ образованіи артистовъ.

Театральныя школы, которыя давно уже существовали, но то исчезали, то влачили жалкое существованіе, были преобразованы съ тою цѣлью, чтобы онѣ дѣйствительно могли бы давать болѣе или менѣе цѣльное и художественное образованіе и хорошую практическую подготовку для будущихъ сценическихъ дѣятелей.

Но такое «новшество» старыми артистами было встрѣчено въ высшей степени недружелюбно и даже враждебно.

Посмотрите, сколько насмѣшки, злобы и презрѣнія въ рѣчахъ старшихъ богатырей русской сцены.

Когда Аркашка Счастливцевъ жалуется, что ужъ очень много на сценѣ «образованныхъ» развелось (хотя это и были пока еще только изъ чиновниковъ, изъ офицеровъ, изъ университетовъ), что всѣ на сцену лѣзутъ, и когда онъ самъ, выражая презрѣніе къ этимъ «образованнымъ», спрашиваетъ авторитетнаго мнѣнія Геннадія Демьяныча: «А, вѣдь, игры хорошей у образованныхъ нѣтъ, Геннадій Демьянычъ?» то Несчастливцевъ съ полнымъ презрѣніемъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ! Какая игра! Мякина!» и Счастливцевъ, довольный тѣмъ, что съ его мнѣніемъ согласенъ такой авторитетъ, какъ Геннадій Демьянычъ, подтверждаетъ тоже: «Канитель».

И съ этимъ Геннадій Демьянычъ соглашается: «Канитель, братецъ», и приводитъ, для подтвержденія своего мнѣнія о новыхъ пришельцахъ въ область драматическаго искусства, примѣръ, прекрасно характери-

зующій старыя требованія, предъявлявшіяся къ игрѣ артиста,—требованія, которыя были, очевидно, такими же обязательными законами хорошей драматической игры, какъ, когда-то, непремѣнными условіями хорошихъ драматическихъ произведеній были три единства—времени, мѣста и дѣйствія.

Вотъ его примѣръ:

«А какъ пьесы ставятъ, хоть бы и въ столицахъ-то. Я самъ видѣлъ: любовникъ—теноръ, резонеръ—теноръ и комикъ—теноръ; (*басомъ*) основанія-то въ пьесѣ и нѣтъ. И смотрѣть не сталъ, ушелъ» (ком. «Лѣсъ»).

Но подобныя условныя, схоластическія требованія теперь уже исчезли даже и въ провинціи, и реализмъ, покорившій литературу, все болѣе и болѣе входитъ въ игру артистовъ и заставляетъ ихъ задумываться не только надъ серьезнымъ, реальнымъ исполненіемъ самихъ ролей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ характеромъ обстановки, историческими условіями и тому подобными фактами, связанными съ исполненіемъ извѣстной роли.

Одновременно съ этими измѣненіями въ самой дѣятельности артиста произошли измѣненія и въ отношеніяхъ артистовъ къ окружающей средѣ, и въ отношеніяхъ этой среды къ нимъ.

Замкнутость этой касты исчезла, или почти исчезла, и артисты начинаютъ пользоваться уважаемымъ положеніемъ въ обществѣ.

Даже провинціальный помѣщикъ, Бодаевъ (въ комедіи «Лѣсъ») уже осмѣливается съ нѣкоторымъ интересомъ и болѣе или менѣе любезнымъ вниманіемъ привѣтствовать пока еще случайнаго гостя въ ихъ обществѣ, актера:

«Актеръ? Ахъ, чортъ его возьми! Браво, браво! Вашу руку. То-то, я слушаю, кто такъ хорошо говоритъ, благородно. Это такая рѣдкость у насъ!»

X.

Въ одномъ энциклопедическомъ лексиконѣ сказано: «Во всѣхъ странахъ театръ былъ вѣрнымъ мѣриломъ и указателемъ общественнаго просвѣщенія и духа времени».

Дѣйствительно, драматическая литература, а вмѣстѣ съ нею и театръ, служатъ признакомъ извѣстной высоты умственнаго и нравственнаго народнаго развитія, такъ какъ бо́льшая или меньшая способность къ проявленію самостоятельнаго художественнаго творче́ства болѣе всего отражается на драматической поэзіи, которая съ усиленіемъ культурной жизни народа постепенно усиливается и дѣлается все выше и выше по своимъ достоинствамъ.

Въ своихъ комедіяхъ, относящихся къ драматической поэзіи и ея воспроизводителю—театру, Островскій отмѣтилъ эту взаимную зависи-

мость и отношенія между культурой и прогрессомъ, съ одной стороны, и драмой и театромъ,—съ другой. Мы обратимся къ одной изъ его комедій: «Комикъ XVII столѣтія», признаваемой критикой однимъ изъ очень слабыхъ произведеній. По нашему же мнѣнію, эта комедія является, во-первыхъ, очень интересной по удачной попыткѣ воспроизведенія по археологическимъ памятникамъ общей характеристики русскаго стариннаго быта, а во-вторыхъ, и въ высшей степени правдивой и живой картиной, представляющей намъ въ яркихъ краскахъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ въ исторіи развитія русскаго театра.

Только чуткій художникъ, хорошо знакомый и съ бытомъ народа, и исторіей его *), могъ такъ вѣрно воспроизвести нашу отдаленную старину.

И поэтому мы воспользуемся нѣкоторыми сценами изъ этой комедіи, чтобы дополнить нашъ очеркъ театральнаго міра указаніемъ на ту роль, какую, судя по даннымъ произведеній Островскаго, театръ игралъ и долженъ играть въ развитіи общественной жизни народа.

Мы обратимъ, сначала, наше вниманіе на общую картину быта русскаго высшаго общества XVII вѣка со всѣми его забавами, потѣхами и развлеченіями, какъ ее намъ рисуетъ въ комедіи «Комикъ XVII столѣтія» извѣстный бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Онъ говоритъ своему другу, окольничему Лопухину:

«Комедію для чести Государской
Имѣть давно пора, и рѣчи нѣтъ.
Недаромъ же у прочихъ государей
При всѣхъ дворахъ она заведена.
Что можно взять, возьмемъ у иностранцевъ,
Чего нельзя—покуда подождемъ.
Абрамъ Никитичъ! Какъ ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна
Комедія? Для русскаго народа,
Для всѣхъ чиновъ и званій—отъ посадскихъ
До насъ, бояръ, не мало-ль пользы въ ней?
Не стыдъ ли намъ, не грѣхъ ли потѣшаться
Калѣчествомъ, убожествомъ людскимъ?
На дураковъ смѣемся; эко диво,
Что глупъ дуракъ! А развѣ то умнѣе:
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ
И дракою кровавой. То-ль забавы
Бояръ, думцевъ, правителей земли!

*) Мы теперь, безъ боязни упрека, смѣло можемъ сослаться на свидѣтельство П. О. Морозова, изучившаго рукописи А. Н. Островскаго, и С. В. Максимова, лично знавшаго его, что А. Н. Островскій былъ весьма основательно знакомъ съ русской исторіей и даже на столько, что съ нимъ совѣтовался такой знатокъ русской старины, какъ Костомаровъ.

А нашихъ женъ, боярынь, пированье?
Глядѣть-то срамъ. . . .
Велятъ пустить шутихъ, бабенокъ скверныхъ.
И тѣшатся безстыжимъ ихъ плясаньемъ
Съ вихляньемъ спинъ и пѣснями срамными.
И чѣмъ срамнѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ угоднѣй
Боярынямъ. И сами бы пошли,
Да совѣстно, а плечи такъ и ходятъ,
И каблуки стучатъ, и громкій хохотъ
Дебелыя колышитъ тѣлеса.
А дочери, на тѣ потѣхи глядя,
Съ младенчества дѣвичій стыдъ теряютъ,
И съ бабами, и дѣвками сѣнными
Безъ матери изрядно плящутъ.
Пора смѣнить шутовъ, шутихъ и дуръ,
Неистовства на дѣйства комедійны.
Подъячаго винятъ за пьянство; развѣ
Безъ чарки онъ, безъ хмѣльнаго питья
Найдетъ себѣ веселье. Вѣковѣчнымъ
Обычаемъ указаны ему:
По праздникамъ попойки круговыя
Съ задорными рѣчами, съ бранью, съ боемъ,
И на три дня тяжелое похмелье.
За что жъ винить его? Иныхъ пріятствъ,
Иныхъ бесѣдъ, рѣчей и обиходовъ
Не знаетъ онъ. А покажи ему
Комедію, гдѣ хитрымъ измышленьемъ
И мудростью представлены, какъ въявь,
Царей, вельможъ, великихъ полководцевъ,
Философовъ дѣла и обхожденья,
И думъ, и чувствъ извѣдавъ благородство,
Веселъемъ онъ безчинство не почтетъ.
Простой народъ, коль вѣрить иноземцамъ,
Въ комедіи не дѣйство, правду видитъ,
Живую явь: иного нахваляетъ,
Другихъ коритъ и, если не унять,
Готовъ вмѣшаться въ дѣйство» . . .

Мы полагаемъ, что если и слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, бояринъ XVII вѣка, могъ произнести такую талантливую и художественную рѣчь, которая подстать развѣ только современнымъ намъ ораторамъ, то, во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ сомнѣваться въ томъ, что въ той или другой, болѣе простой и безъискусственной формѣ, но, несомнѣнно, та же мысль и тѣ же чувства волновали Матвѣева и руководили этимъ просвѣщеннымъ, передовымъ человѣкомъ своего времени, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ наиболѣе ретивыхъ и дѣятельныхъ сторонниковъ сближенія Руси съ Западной Европой, вообще, и одинъ изъ первыхъ любителей театра, въ частности.

А представляющійся нашему художнику-драматургу идеалистомъ—первый организаторъ русскаго театра, пасторъ Яганъ (Іоганъ) Гре-

гори не даромъ, на основаніи нарисованной Матвѣевымъ картины времяпрепровожденія нашихъ предковъ, на упреки противной партіи въ томъ, что онъ отбиваетъ хлѣбъ у шутовъ и скомороховъ, совершенно справедливо говоритъ:

«Шутовъ кормить еще вамъ долго будетъ.
Какой кто умъ имѣетъ, то и смотритъ—
Комедіи одинъ, другой—медвѣдя,
Какъ пляшетъ онъ. Хорошій танецъ! Славно! (*пляшетъ, передразнивая медвѣдя*).

И, какъ мы знаемъ, эти піонеры русской драмы и русской сцены уже не могутъ довольствоваться однимъ только однообразнымъ репертуаромъ духовныхъ драмъ и комедійныхъ дѣйствъ. Они дѣлаютъ попытки внесенія въ новое дѣло такихъ элементовъ, которые, на первыхъ же порахъ, сдѣлали бы его новымъ, увлекательнымъ, заинтересовали зрителей, а не оттолкнули бы ихъ. Умный пасторъ Грегори такъ жалуется окольничему Лопухину на то обстоятельство, что ему приходится обращаться къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ:

«Что дѣлать, Негг окольничій, покуда
Своихъ смѣшныхъ мы не имѣемъ штукъ,
Изъ Кіева достали. Безъ смѣшного
Никакъ нельзя, мой господинъ, наскучитъ
Матерія одна безъ перемѣны.
Да только жаль, что нѣтъ свое, а надо
Свое писать смѣшное».

Но единомышленникъ боярина Матвѣева, окольничій Лопухинъ, совершенно вѣрно предсказываетъ:

«Не занимать; и своего напишемъ,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
Съ три короба насыплешь. Что другое,
Ужъ не взыщи, не вдругъ у насъ найдется,
А за смѣшнымъ не далеко ходить».

Это предсказаніе довольно скоро исполнилось: имена фонъ-Визина и затѣмъ Грибоѣдова, Гоголя и самого Островскаго даютъ положительный и славный отвѣтъ на это.

А далѣе, при столкновеніи съ упорными приверженцами старины, тотъ же идеалистъ, Грегори, еще подробнѣе развиваетъ свои мысли о значеніи театра:

«О, много есть написано у тѣхъ,
Которые живутъ отъ насъ подальше.
И будемъ мы писать—матерій разныхъ
Найдемъ себѣ. И всякій тамъ увидитъ
И жизнь свою, и что тихонько дѣлалъ,
И что онъ самъ одинъ съ подушкой думалъ.
А совѣсть кто свою забылъ, не знаетъ
Суда ей—онъ тамъ свой судъ найдетъ».

И когда Волынскій спрашиваетъ:

«А кто же мнѣ судьею будетъ?»

то пасторъ Грегори очень просто отвѣчаетъ:

«Комикъ».

Но гордый Волынскій не хочетъ согласиться съ этимъ:

«Ну, это, братъ, въ другихъ земляхъ ведется,
У насъ не такъ».

А Грегори все же настаиваетъ на своемъ:

«А будетъ и у васъ,
Коль есть у всѣхъ, и вамъ уйти не можно
Отъ комика. Въ душѣ у человѣка,
Въ числѣ даровъ Господнихъ, есть одинъ
Спасительный: порочное и злое
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.
Величія родной земли героевъ
Восхваливать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы».

И бояринъ Матвѣевъ торжественно заключаетъ этотъ споръ слѣдующими словами:

«Комедія въ иныхъ земляхъ ведется,
На свѣтѣ намъ не мало образцовъ,
И, стало быть, что не дурное дѣло,
Когда она угодна государямъ
Такихъ земель, которымъ свѣтъ ученья
Открытъ давно. И въ нашемъ государствѣ
Комедіи заводитъ царь великій
На пользу намъ; народъ ее полюбитъ
И добраго царя добромъ помянетъ».

Этими рѣчами Островскій какъ бы хотѣлъ показать, что театръ въ самомъ фактѣ своего существованія и съ самаго своего основанія заключаетъ въ себѣ нѣкоторые основные принципы, которые должны служить обязательными и насущными фактами его существованія.

Но, какъ мы видѣли, и изъ очерка современнаго намъ положенія артистовъ и отношенія къ нимъ общества и, какъ мы могли замѣтить, изъ приведеннаго очерка историческаго развитія русскаго театра, какъ во внутренней организаціи этого учрежденія, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ нему, остается желать еще очень и очень много.

Но неужели же мы не дождемся времени, когда господа Дулебовы не будутъ говорить, что для артистки «только честности одной—мало»? Когда господа антрепренеры не будутъ отказывать талантамъ на томъ основаніи, что артистка «гардеробу не имѣетъ хорошаго», а о самомъ талантѣ не будутъ судить только по сборамъ, когда матери артистокъ не будутъ удерживать своихъ дѣтей на сценѣ, какъ Домна Пантелѣевна, только изъ практическихъ соображеній: «Ну, вотъ еще—бросить сцену! Ты, вотъ, въ одинъ день получила, чего въ три года не выработаешь!»

Неужели Мелузовское признаніе, въ его письмѣ къ Нѣгиной, «да, милая Сапа, искусство не вздоръ, я начинаю понимать это. Сегодня въ игрѣ твоей я нашелъ такъ много теплоты и искренности, что, просто тебѣ сказать, пришелъ въ удивленіе. Я очень радъ за тебя. Это рѣдкія и дорогія качества души... душа полна черезъ край, сердце хочетъ перелиться»,—неужели эти признанія будутъ всегда только исключеніемъ?

Нѣтъ, будемъ надѣяться, что скоро настанетъ время, когда театральный міръ не будетъ для насъ, какъ выражается тотъ же Мелузовъ, «чужимъ владѣніемъ, областью безпечальнаго пребыванія, беззаботнаго времяпрепровожденія, сферой красивыхъ, веселыхъ женщинъ, сферой шампанскаго, букетовъ, дорогихъ подарковъ».

Будемъ надѣяться, что на нашихъ же глазахъ театръ сдѣлается дѣйствительно, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, общественнымъ учрежденіемъ, т.-е. такимъ учрежденіемъ, которое не только въ жизни одного, такъ называемаго «общества», но и въ жизни всего народа станетъ играть роль учрежденія, съ одной стороны, дающаго отдыхъ отъ ежедневной работы для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, а съ другой стороны, когда онъ въ то же время будетъ развивать, не добродѣтели, какъ это наивно думали въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ, а будетъ развивать и распространять въ большой народной массѣ здоровые нравственные принципы и эстетическіе вкусы, которые должны служить противовѣсомъ все болѣе и болѣе за послѣднее время усиливающейся мелочной житейской суетѣ.

Мнѣ припоминается одинъ старый, всѣмъ хорошо извѣстный учебникъ исторіи, въ которомъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ говорится о римской черни, которая была до того распущена и избалована, что требовала «хлѣба и зрѣлищъ». Этотъ кличъ «хлѣба и зрѣлищъ» считался, да и теперь считается, какимъ то символомъ высшей безнравственности и распущенности народа. Но такъ ли это?... Не слышится ли этотъ крикъ «хлѣба и зрѣлищъ» и въ настоящее время? Если вы и не слышите его изъ устъ самого народа, то вы услышите его изъ устъ нашей интеллигенціи, которая давно обратилась къ народу, давно уже «ходила въ народъ» и дѣлала разнообразныя попытки къ улучшенію его положенія и быта, часто горько ошибалась въ своихъ способахъ и мѣрахъ, за которыя, иногда, приходилось ей самой горько расплачиваться и, наконецъ, только въ самое послѣднее время напала на лучшій и вѣрный путь. Теперь она ищетъ для народа «хлѣба и зрѣлищъ»: для его физической и матеріальной жизни—«хлѣба», т.-е. работы, правъ и условій, ее обезпечивающихъ, и «зрѣлищъ» для духовной и нравственной жизни—для того, чтобы отвлекать его отъ главныхъ золъ и виновниковъ всѣхъ бѣдствій—пьянства и распущенности. И, мнѣ кажется, трудно рѣшить, которое изъ этихъ двухъ средствъ важнѣе и необходимѣе раньше. Скорѣе всего, какъ говорится, «оба

лучше», такъ какъ пока народъ самъ не почувствуетъ прелести и значенія разумныхъ развлеченій, пока его нравственный міръ не будетъ удовлетворенъ книгой и театромъ, до тѣхъ поръ онъ не отстанетъ отъ пьянства и не пойметъ своего соціальнаго положенія.

И если римское правительство и его представители баловали и портили народъ играми и зрѣлищами, то въ настоящее время, при сложной организаціи государства и при внимательномъ отношеніи интеллигентныхъ классовъ къ нуждамъ народа подобнаго баловства быть не можетъ, такъ какъ самыя театральныя зрѣлища, которыя интеллигенція устраиваетъ для народа, носятъ твердый и вѣрный просвѣтительный характеръ, не имѣющій ничего общаго съ легкомысленными, жестокими забавами безпечныхъ римлянъ. Правильная организація труда и развлеченій для народа подниметъ его нравственный міръ и дастъ ему то полное удовлетвореніе, котораго такъ жаждутъ всѣ народы. Но для этого необходимо, чтобы театръ игралъ ту же роль, какъ и школа, чтобы онъ былъ такимъ же общедоступнымъ по своему положенію въ государствѣ, какъ и школа. И, вотъ тутъ то понадобятся артисты, какъ необходимые и важные дѣятели въ организаціи средствъ для народнаго развитія. И тогда-то артисты будутъ оцѣнены, какъ лучшіе учителя. Пусть они подобно тому, какъ коробейники разносятъ книжки по деревнямъ и селамъ, пусть разносятъ они по всей Руси тѣ идеи и мысли, которыя содержатъ произведенія нашихъ драматурговъ. Это будетъ прекрасной школой для народа и лучшимъ залогомъ мира для всего человѣчества.

Островскій, несомнѣнно, сознавалъ высказываемыя нами идеи, такъ какъ во всей его дѣятельности на поприщѣ театра и драмы проглядываетъ самое горячее участіе къ судьбамъ театра, къ стремленію повысить его значеніе и стремленіе организовать народный общедоступный театръ.

Одинъ изслѣдователь *) исторіи русской литературы такъ выразился о дѣятельности Островскаго:

«Про Островскаго говорятъ, что онъ создалъ русскій театръ; но онъ сдѣлалъ неизмѣримо больше: онъ произвелъ всемірное явленіе, доведя всемірную сцену до идеальнаго совершенства, показавши намъ, чѣмъ должна она быть, чтобы вполнѣ заслуживать названіе «реальной».

Это, несомнѣнно, очень важная заслуга, но, вѣдь, онъ говоритъ исключительно о чисто литературной заслугѣ Островскаго. А, мнѣ кажется, что Островскій сдѣлалъ еще больше, чѣмъ думаетъ почтенный историкъ литературы—онъ, помимо всего этого, былъ и такимъ практическимъ общественнымъ дѣятелемъ, который въ художественныхъ образахъ указалъ своимъ слушателямъ и читателямъ всѣ наиболѣе существенные вопросы и запросы театральнаго міра въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

*) Скабичевскій—«Исторія Новѣйшей Русской литер.», стр. 427.

Правда, Островскій рисуетъ почти исключительно только то, что было; онъ бытописатель и реалистъ. И онъ самъ не даетъ никакихъ плановъ и проектовъ будущаго строя и будущей жизни, но такъ какъ жизнь сама по себѣ есть лучшій учитель, такъ какъ она фактами прошедшаго намѣчаетъ факты будущаго, то и художественныя «пьесы жизни» Островскаго, какъ мы уже выразились раньше, *) фотографически точныя, характеризуя прошедшее, указываютъ на планы будущаго.

Вѣдь, пророки, навѣрно, потому и были пророками, что они умѣли хорошо анализировать прошедшее и настоящее, умѣли чутко улавливать различныя теченія и направленія народной жизни и потому могли, конечно, строить точные планы будущаго.

И мы въ настоящее время можемъ уже подмѣтить, что, по крайней мѣрѣ въ интеллигентныхъ классахъ уже появляется серьезное сознаніе, если не важности общественной, то, во всякомъ случаѣ, необходимости служебной дѣятельности артиста, на которую указалъ Геннадій Демьянычъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Что же такое, что я актеръ? Всякій обязанъ дѣлать, что умѣетъ. Я, вѣдь, не разбойникъ, я честнымъ, тяжелымъ трудомъ добываю хлѣбъ свой. Я не милостыню пришелъ просить»...

И мы думаемъ, что теперь уже всѣ понимаютъ, что Нѣгина не потому пошла къ Великатову, что она развратна, а потому, что она даже не имѣетъ не только твердыхъ понятій, но даже ясныхъ представленій о нравственности, добрѣ и злѣ. Вѣдь, не только подобныя недалекія и слабыя артистки, но и артисты тоже колеблются между противоположными понятіями о нравственности. Незнамовъ, напримѣръ, еще спрашиваетъ:

«— Да, вѣдь, есть же разница между добромъ и зломъ?»

И его товарищъ, Шмага, отвѣчаетъ:

«— Говорятъ, есть какая-то маленькая, да не наше это дѣло».

И тутъ же прибавляетъ для успокоенія:

«— Нѣтъ, ты меня философіей не донимай. А то я затоскую такъ же, какъ и ты. Направимся-ка лучше въ «Собраніе веселыхъ друзей».

А, вѣдь, актрисы на такое успокоеніе не способны. И мать Нѣгиной также ничего не могла ей дать. Она только и умѣетъ, что «содержать дочь свою на замужней линіи», а больше она ровно ничего не понимаетъ. Хотя и ее нельзя строго осуждать. Конечно, бѣдная жена провинціальнаго музыканта не могла дать своей дочери ни достаточнаго образованія, ни воспитанія. Но это намъ также необходимо имѣть въ виду того, что такіе факты представляютъ самое обычное явленіе въ жизни артистовъ. А наивный учитель, мечтатель и идеалистъ, Мелузовъ, только что началъ учить ее, вліяніе же окружающей

---

*) «Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ А. Н. Островскаго». «Русск. Мысль» 1899 г. янв., февр. и апрѣль.

Нѣгину среды давно уже успѣло произвести на нее свое сильное растлѣвающее дѣйствіе и она уступила вліянію его, обманывая самое себя блескомъ предстоящей славы, съ одной стороны, и глупѣйшей скромностью, своего рода приличіями касты—нежеланіемъ служить укоромъ своимъ сотоварищамъ—съ другой стороны.

А, вѣдь, сознаніе и правильное толкованіе означенныхъ фактовъ совершенно устраняетъ прежній презрительный взглядъ на театральныхъ дѣятелей. И, такимъ образомъ, кажется, достаточно выяснились три основныхъ неудовлетворенныхъ вопроса, которые должны быть рѣшены въ ближайшемъ будущемъ и, понятно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это 1) матеріальная необезпеченность артистовъ и беззащитность отъ произвола антрепренеровъ, а иногда и публики, 2) отсутствіе школы, т. е. отсутствіе умственнаго и нравственнаго воспитанія, и 3) ненормальное положеніе артистовъ въ обществѣ.

Первый вопросъ уже начинаетъ понемногу разрѣшаться частичными мѣрами правительства, а артистическіе съѣзды выдвинутъ и разработаютъ его окончательно.

Что касается второго вопроса, то извѣстно, что тѣ немногія театральныя школы, которыя существуютъ въ настоящее время, понемногу совершенствуются. По этому поводу будетъ очень кстати припомнить нѣкоторыя мысли А. Н. Островскаго, которыя изложены имъ въ одной его докладной запискѣ *).

Какъ извѣстно, Островскій, будучи назначенъ директоромъ московскихъ императорскихъ театровъ, особенное вниманіе обратилъ на театральное училище и хотѣлъ организовать его такъ, чтобы оно приносило бы пользу не только императорскимъ театрамъ, но чтобы оно и вообще было центромъ драматическаго образованія. До насъ сохранилось нѣсколько черновыхъ и чистовыхъ проектовъ театральной школы, и вотъ въ одномъ изъ черновиковъ мы читаемъ:

«Своимъ недавнимъ процвѣтаніемъ московскіе императорскіе театры обязаны были преимущественно своему училищу. Стройный ансамбль, полность и изящество исполненія и возможны были при той богатой сценической техникѣ, которой обладали бывшіе ученики театральнаго училища».

И далѣе онъ указываетъ на тѣсную связь театра съ его служителями и на то, что интересы общества къ артистамъ тѣсно связаны съ интересами общества и къ самому театру.

«Равнодушіе къ актерамъ,—говоритъ онъ,—порождаетъ равнодушіе къ театру».

А, вѣдь, равнодушіе общества къ актерамъ не можетъ исчезнуть,

---

*) Мы имѣли возможность воспользоваться однимъ изъ черновиковъ объяснительной записки А. Н. Островскаго, хранящимся въ богатыхъ театральныхъ коллекціяхъ А. А. Бахрушина, которому приносимъ за это нашу благодарность.

пока они сами не подымутся по своему уровню, по крайней мѣрѣ, до высоты развитія самого общества.

И если Несчастливцевъ думаетъ, что для глубокой прочувствованной драматичной игры нужно имѣть широкую душу и глубокое чувство, то онъ, по своему слабому развитію, не можетъ, конечно, догадаться, что то же, и даже въ лучшемъ видѣ, можетъ дать серьезный психологическій анализъ, чуткое пониманіе душевныхъ явленій и умѣлое наблюденіе и воспріимчивость жизненныхъ явленій. Драматическій артистъ долженъ быть хорошимъ діагностомъ-психологомъ и, обладая, конечно, способностью передавать воспринимаемыя имъ впечатлѣнія, онъ сдѣлается не только прекраснымъ артистомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и интереснѣйшимъ членомъ общества. А это можетъ дать только хорошо развивающая человѣка школа.

И понятно, что драматическая игра Незнамова вѣрно можетъ быть называема, какъ онъ самъ говоритъ, «ремесломъ», точно такъ же, какъ и игра большей части другихъ ему подобныхъ артистовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что игра того же Незнамова превратилась бы въ «искусство», если бы у него была возможность получить хорошее артистическое образованіе.

И если талантливой Кручининой лавры ея достались не дешево, какъ она сама говоритъ, «лавры-то потомъ, а сначала горе да слезы», то опять-таки мы имѣемъ тутъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ, весьма счастливымъ для артиста, но такимъ явленіемъ, которое въ общемъ должно быть дано школой, которая должна развивать въ артистѣ чуткость и впечатлительность не посредствомъ жизненнаго горя и слезъ, а путемъ научнаго широкаго литературнаго образованія которое способствуетъ умѣнью анализировать душу человѣка.

Наконецъ, въ третьемъ вопросѣ—объ отношеніяхъ общества къ артистамъ могутъ имѣть значеніе, во-первыхъ, сами артисты, которые, поднявшись до уровня развитія остального общества, тѣмъ самымъ, конечно, сравняются съ нимъ. А затѣмъ, конечно, не менѣе важную роль должно играть и само общество, которое должно идти на встрѣчу артистамъ, а не отталкивать ихъ. Но тутъ однимъ изъ главныхъ возраженій является тяжелое обвиненіе въ томъ, что театральная среда, яко бы, очень развратна, и сліяніе съ ней можетъ дурно отразиться на общественныхъ и семейныхъ нравахъ. Но, вѣдь, трудно сказать, гдѣ больше разврата: въ нашей ли обыденной жизни, или въ театральной средѣ. Господа статистики еще не дошли до этой области, а на видъ и на взглядъ судить очень трудно, такъ какъ жизнь сценическихъ дѣятелей, хотя и проходитъ, большею частью, за кулисами, но, тѣмъ не менѣе, она всегда на виду у всѣхъ, а жизнь нашего общества, хотя и проходитъ, какъ будто, у всѣхъ на виду, однако, скрыта такой массой самыхъ разнообразныхъ кулисъ, что въ ней очень трудно что-нибудь подмѣтить и вывести на свѣтъ Божій.

Да, по правдѣ сказать, артистическая среда, сама по себѣ, въ этомъ отношеніи значительно чище и честнѣе, чѣмъ это думаютъ. И Островскій вывелъ въ своей художественной театральной лѣтописи нѣсколько нравственно чистыхъ характеровъ артистовъ, какъ-то: Кручинину, Незнамова, Нарокова, Несчастливцева. И если кто и дѣйствуетъ на нее развращающимъ образомъ, такъ это, опять-таки, главнымъ образомъ то же общество въ лицѣ театральныхъ поклонниковъ и покровителей, которые цѣнятъ и уважаютъ въ артистахъ не ихъ искусство и дѣятельность, а только или ихъ тѣло, если это касается актрисъ, или же ихъ простую, безъ всякихъ условностей, компанію, если это касается артистовъ.

Такимъ образомъ, если наше общество, понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ, и можетъ что сдѣлать для театра, такъ это, прежде всего, относиться съ полнымъ уваженіемъ къ служителямъ и служительницамъ сцены. Вѣдь они «честнымъ и тяжелымъ трудомъ добываютъ хлѣбъ свой» и, не смотря на всѣ неприглядныя условія своего существованія, не смотря на всѣ ихъ, можетъ быть, непріятныя черты характера и нравовъ, они даже и теперь приносятъ обществу громадную пользу уже тѣмъ, что хотя изрѣдка «оживляютъ заплѣсневѣвшее стоячее болото» нашей общественной и семейной жизни.

Какъ только мы приближаемся къ періоду возмужалости, то практическія соображенія, служебныя дрязги и хозяйственныя мелочи отнимаютъ у насъ большую часть жизни; книги, наука и чтеніе съ каждымъ днемъ утрачиваютъ свое еще такъ недавно могучее вліяніе. И единственнымъ средствомъ, поддерживающимъ въ насъ искру духовной жизни, является музыка, пѣніе и театръ. Послѣдній, какъ наиболѣе интересный, такъ въ наше время и наиболѣе идейный факторъ, обладающій сильнымъ средствомъ вліять на наше чувство и настроеніе, играетъ въ нашей жизни между всѣми другими отраслями искусствъ первенствующую роль.

И поэтому, я думаю, самой лучшей благодарностью какъ нашему талантливому драматургу, такъ и всей дорогой ему семьѣ артистовъ будетъ, если мы присоединимся къ словамъ театрала Дудукина, который, провозглашая тостъ за здоровье одной артистки, сказалъ:

«Такъ почтимъ же таланта, который заставляетъ насъ забывать наше обычное времяпрепровожденіе. Мы спимъ, господа, такъ будемъ же благодарны избраннымъ людямъ, которые, изрѣдка, пробуждаютъ насъ и напоминаютъ намъ о томъ идеальномъ мірѣ, о которомъ мы забыли».

А. Ѳоминъ.

Поправка. Въ статьѣ «Артисты, публика и театръ», въ январьскомъ №, слѣдуетъ исправить слѣдующія опечатки: стр. 73, строка 3-ья сверху, напечатано «члены», надо «непременные члены». Стр. 87, строка 15-ая сверху, послѣ слова «является» пропущено «для артистовъ». Стр. 89, строка 9-ая снизу, вмѣсто «неимущаго» надо «не имѣющаго».

СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

*(Продолженіе *).*

IX.

Вначалѣ мы пробовали заводить молочные скопы и продавать въ Москвѣ масло и творогъ, но пришли къ заключенію, что самый выгодный и самый простой способъ продажи цѣльнымъ молокомъ, какъ это и дѣлается у насъ теперь.

Раза два, иногда разъ въ недѣлю изъ ближайшаго заштатнаго городка пріѣзжаетъ къ намъ такъ называемый *Латышъ*, торгующій молокомъ, забираетъ все, имѣющееся на лицо, количество молока и увозитъ на продажу въ Москву. Платитъ онъ намъ зимой пятьдесятъ копѣекъ, лѣтомъ сорокъ коп., а продаетъ въ Москвѣ по рублю и дороже за ведро.

Зовутъ нашего латыша Иванъ Ивановичъ Урбинъ. Волею судебъ, и этотъ членъ хозяйственнаго персонала подобрался подъ стать остальнымъ. И въ немъ также свои дефекты и несообразности, которые сдѣлали бы его нетерпимымъ и невозможнымъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, но въ хозяйствѣ помѣщицы Коробочки не мѣшаютъ играть очень важную, чуть ли не первенствующую роль.

Иванъ Ивановичъ уже не молодой, еще бодрый, высокій стройный человѣкъ. У него правильныя, хотя нѣсколько обрюзглыя черты, живые, черные глаза и ровно ничего латышскаго въ лицѣ. Онъ очень культуренъ и вѣжливъ въ обращеніи, говоритъ съ нѣмецкимъ акцентомъ, но свободно и бойко по-русски, говоритъ по-нѣмецки и, по собственному признанію, не знаетъ латышскаго языка, потому что маленькимъ попалъ въ Московскую губернію, въ деревню, и забылъ родной языкъ.

Мы предполагаемъ, что онъ его никогда не зналъ, а назвался вмѣсто нѣмца латышемъ, когда служилъ управляющимъ въ имѣніяхъ, такъ какъ теперь вообще мода на латышей. Помѣщики

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, 1901 г.

охотно берутъ ихъ благодаря ихъ нетребовательности, дешевизнѣ и главное—трезвости. Но увы! Именно съ этой то стороны Иванъ Ивановичъ не имѣетъ въ себѣ ничего латышскаго, потому что пьетъ и нерѣдко напивается до-пьяна. Благодаря пьянству у него запутались счеты и ему отказались отпускать молоко въ нѣсколькихъ имѣніяхъ. Къ намъ онъ продолжаетъ ѣздить и расплачивается не всегда своевременно, понемногу, но все же привозитъ въ хозяйство деньги, наличныя деньги, такъ необходимые намъ рубли, и, въ концѣ концовъ, тѣмъ или инымъ способомъ бываетъ „въ разсчетѣ“.

Трудно даже представить себѣ, чѣмъ была бы жизнь въ Спасскомъ безъ пріѣздовъ Латыша. Онъ не только забираетъ молоко, но и возитъ почту, заѣзжаетъ въ библіотеку, исполняетъ всевозможныя порученія въ Москвѣ и въ городѣ, привозитъ образчики и покупаетъ „ситчики“ на платье нашимъ „спасскимъ барышнямъ“. Исполняетъ это онъ всегда весело, охотно и, къ удивленію, почти безукоризненно. Ни разу не случилось, чтобы онъ потерялъ книгу изъ библіотеки, выронилъ письмо, не довезъ какой-нибудь посылки и покупки.

Пріѣздъ Ивана Ивановича—событіе для всего населенія маленькой усадьбы. Всѣ сбѣгаются съ разныхъ сторонъ. Въ воротахъ показывается худая, достойная Донъ-Кихота высокая и длинная бѣлая лошадь и лихо подкатываетъ къ погребу.

Погребъ—сборное мѣсто, своего рода клубъ, главнымъ образомъ для женскаго населенія.

Иванъ Ивановичъ молодцовато соскакиваетъ съ телѣжки, передаетъ почту прибѣжавшей горничной, вѣжливо привѣтствуетъ всѣхъ, раскланивается на всѣ стороны, выхватываетъ изъ телѣжки желѣзный луженый кувшинъ для молока и, помахивая имъ въ одной рукѣ, бодро вступаетъ въ погребъ.

Его уже ждутъ на погребѣ бабы скотницы—„la vierge“ и „la veuve“, какъ называетъ ихъ тетушка. Одна—Ефросинья, болѣзненная, пожилая дѣвушка, другая—Евпраксея, замужняя, бывшая красавица, у которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужа-убійцу угнали въ Сибирь. Обѣ онѣ давнишнія старожилки Спасскаго. На нихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Ильичемъ зиждется все хозяйственное благосостояніе. Обѣ знаютъ свое дѣло, знаютъ себя цѣну и свысока и иронически относятся къ Латышу.

Молоко по мѣрѣ накопленія сливается въ трехведерные, желѣзные, луженые ушаты Верещагинскаго образца. Цѣлый рядъ ихъ уже выстроенъ на погребицѣ. Съ вечера каждый ушатъ бабы усердно крестятъ и покрываютъ бѣлыми полотенцами.

Иванъ Ивановичъ, какъ всегда, самъ приступаетъ къ операціи сниманія сливокъ съ ушатовъ. Рука у него дрожитъ и походка

не совсѣмъ тверда. Однако, онъ самъ поднимаетъ и несетъ черезъ весь погребъ къ телѣжкѣ мѣрное ведро, полное только что снятыхъ, густыхъ, желтыхъ сливокъ.

Бабы переглядываются между собой. Онѣ знаютъ хорошо, что чѣмъ нетверже походка и чѣмъ сильнѣе дрожь въ рукахъ, тѣмъ неудержимѣе вмѣстѣ со сливками и молокомъ будутъ литься рѣчи Ивана Ивановича. Онъ привозитъ новости изъ Москвы, изъ города, разсказываетъ о своихъ торговыхъ оборотахъ, о будущихъ хозяйственныхъ планахъ. Какъ свѣтскій человѣкъ, разговоръ свой въ видѣ вступленія онъ начинаетъ обыкновенно замѣчаніемъ относительно погоды.

— Погода сегодня хороша, а дорога плохая,—говоритъ онъ, наклоняясь и сливая дрожащей рукой густую какъ патока струю сливокъ въ кувшинъ.—Первое,—произноситъ онъ громко, отмѣчая первое взятое ведро.—Очень тяжело ѣздить по такимъ дорогамъ.

— Съ пустымъ-то возомъ не велики тягости,—иронически замѣчаетъ вдова Евпраксея, принимая ведро и подвигая новый, не снятый еще, ушатъ съ молокомъ.

— Какъ съ пустымъ! Какъ съ пустымъ!—мгновенно разгорячаясь, возражаетъ Иванъ Ивановичъ.—Вотъ у васъ молоко заберу, потомъ отъ васъ въ Сурмино поѣду.

— Въ Сурминѣ-то, можетъ быть, еще погодятъ отдавать,—слышится ироническій отвѣтъ.

— Отдадутъ. Чего имъ не отдать! Я сейчасъ на чисто расплатился. Я имъ цѣлыхъ тридцать рублэй заплатилъ, до единая копѣйка. Честное, благородное слово. Вы что думаете? Вотъ хочу въ Москвѣ свою молочную открывать, Марья Николаевна,—говоритъ онъ, обращаясь къ Машѣ за сочувствіемъ.

— Что-жъ, дай вамъ Богъ, Иванъ Ивановичъ.

— Да, надоѣло работать на другихъ, хочется самому попользоваться. Открою молочную, закажу вывѣску большую, и чтобы была написана золотыми буквами моя фамилія: *Иванъ Ивановичъ Урбинъ*. Второе,—отмѣчаетъ онъ новое снятое ведро.

— Второе,—какъ эхо повторяетъ Евпраксея и прибавляетъ отъ себя:—Закажешь ты вывѣску, какже! На вывѣску-то чай деньги нужны. А ты гдѣ ихъ возмешь?

Иванъ Ивановичъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ возраженія.

— Всѣ въ Москвѣ будутъ у меня молоко забирать, потому что я по чистой совѣсти буду торговать. Я не буду, какъ въ прочихъ мѣстахъ дѣлаютъ, молоко водой разбавлять. Я этого не люблю.

— Не любишь! Съ пьяныхъ-то глазъ какъ бы хуже чего не надѣлалъ,—слышится надъ ушатомъ дерзкій отвѣтъ.

Несмотря на мои упреки и неоднократныя замѣчанія, бабы

рѣшительно не мѣняютъ своего обращенія съ Иваномъ Ивановичемъ и относятся къ нему съ совершенной безцеремонностью. Это особенно рѣзко поражаетъ въ виду его большой внѣшней культурности. По утрамъ „въ уборку“ не только наши бабы, но даже и сами мы одѣваемся во что Богъ пошлетъ, напоминая нѣсколько плѣнныхъ французовъ въ двѣнадцатомъ году. Въ деревнѣ и вообще необходимо одѣваться такъ, чтобы не думать объ одеждѣ и не жалѣть ея, чтобы можно было спокойно идти въ ригу, на скотный дворъ, куда понадобится безъ опасенія запачкать или испортить что-нибудь.

На Иванѣ Ивановичѣ по большей части надѣтъ щеголеватый, сѣрый, по тальѣ суконный казакинъ; сверхъ него онъ накидываетъ въ дорогу черный, подбитый байкой, кожанъ.

Евпраксея въ невообразимой кацавейкѣ, въ которой живого мѣста нѣтъ отъ заплатъ и прорѣхъ, въ лаптяхъ, въ ситцевомъ старомъ платкѣ, повязанномъ все еще экономіи ради на изнанку, наливаетъ изъ ушатовъ ведро за ведромъ, снятое уже, молоко и, ничуть не скрывая, явно вслухъ подсмѣивается надъ Латышемъ.

— Вывѣску, какже! И съ буквами! Молочную... Ишь ты! Кабы ты самъ молоко-то пилъ. А то вишь чего надумалъ—торговецъ. Хвастунъ! Семое? Анъ нѣтъ врешь, осьмое ведро. Я не прошибусь небось. Это не у тебя въ молочной, я считаю. Про сливки-то знать забылъ? Осьмое это ведро,—категорически заявляетъ она, и Иванъ Ивановичъ тотчасъ же вѣжливо уступаетъ и соглашается.

Идея собственной молочной, однако, видно сильно полюбилась ему. Онъ возвращается къ ней въ каждый свой пріѣздъ, пристаетъ съ разсказами къ Машѣ, ко мнѣ, когда я бываю на погребѣ.

— Хлопотъ много. Вотъ хочу, Марья Николаевна, вѣру перемѣнить,—говоритъ онъ вздыхая и закуривая толстую папиросу, которую вынимаетъ изъ жидкаго и истрепаннаго портсигара, служащаго ему въ то же время и кошелькомъ.

— Какъ вѣру перемѣнить? Что это вы говорите, Иванъ Ивановичъ,—спрашиваетъ Маша, думая, что онъ ошибся и неудачно выразилъ свою мысль.

— Да русскую вѣру хочу принять,—не смущаясь, поясняетъ Латышъ.—Никакъ невозможно. Дорого стоитъ въ Москву ѣздить къ пастору каждый годъ. А русскій попъ дешевый и близко. Мнѣ теперь для моя молочная деньги нужны, а der liebe Gott есть вездѣ одинъ.

Несмотря на твердость послѣдняго убѣжденія, мы узнаемъ объ открытіи молочной ранѣе перемѣны вѣры.

Въ одно прекрасное утро посреди обычныхъ разговоровъ на погребѣ совершенно неожиданно для всѣхъ Иванъ Ивановичъ объявляетъ намъ, что молочная уже открыта въ Москвѣ.

— Какъ открыта! Когда? Какъ вы успѣли Иванъ Ивановичъ?

— Какже, какже, успѣлъ. Открыта,—нѣсколько смущенно и почему-то особенно ретиво, видя общее изумленіе, повторяетъ и подтверждаетъ Латышъ.—Вчерашній день открытіе. Какже, вчерашній день.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказывается, что молочная не только открыта, но что въ ней уже не одна, а даже двѣ вывѣски на двѣ улицы съ золотыми буквами. На одной стоитъ: *Иванъ Ивановичъ Урбинъ*. На другой: *Молочные продукты и скоты Урбина*.

Иванъ Ивановичъ подробно обозначаетъ мѣстность, улицу, называетъ фамилію домовладѣльца.

— Дорого приходится за квартиру платить,—съ дѣловымъ и озабоченнымъ лицомъ замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на наши поздравленія съ открытіемъ.—Маленькая квартира, двѣ комнаты, повѣрите ли—шестьсотъ рублэй серебромъ. Мѣсто, правда, дорогое, хорошее.

— Ну и что же, хорошо идетъ торговля?

— Отлично идетъ. Въ 12 часовъ въ первый день ни капля молока. Ни одна капля. Все выпили.

— У васъ значитъ въ самой молочной пьютъ молоко?—освѣдомляется съ участіемъ Маша и живо оборачивается, потому что Евфросинья—la vierge—дергаетъ ее за рукавъ.

— Ну что вы его слушаете? Никакой и молочной-то нѣтъ. Все вретъ, а вы слушаете.

На этотъ разъ послѣ отъѣзда Ивана Ивановича Маша рѣшительно вступается за Латыша и горячо споритъ съ бабами. Разсказы о молочной такъ подробны и такъ правдоподобны, что въ самомъ дѣлѣ трудно заподозрить ихъ истинность. Да и чего ради вздумалъ бы онъ насъ обманывать? И почему бы Ивану Ивановичу не завести собственную молочную?

— А потому и не завести, что пьяница. Кабы онъ не пилъ, а то винищемъ отъ него за всякій часъ разитъ. Сейчасъ-то какъ изъ полштофа, неужто не слышите? И все пустыя слова говоритъ, все хвастаетъ. Помяните тогда мое слово. Хвастунъ!

Разсказы о молочной продолжаются, между тѣмъ, въ каждый пріѣздъ съ прежнимъ одушевленіемъ. Мы подробно узнаемъ, что торгуетъ въ молочной, стоитъ за прилавкомъ бѣдная свояченица, которой Иванъ Ивановичъ такимъ образомъ оказываетъ благодѣяніе. Онъ содержитъ ее съ тремя дѣтьми, поитъ ихъ всѣхъ молокомъ, платитъ хорошее жалованье и даетъ, между прочимъ, особыя деньги на покупку шоколада для угощенія постороннихъ

маленькихъ дѣтей, когда они возвращаются изъ школы и заходятъ выпить молока въ молочную подъ вывѣской: *Иванъ Ивановичъ Урбинъ*. Настоящая маленькая идиллія.

Маша торжествуетъ и даже Евфросинья какъ будто нѣсколько сдается и спускаетъ тонъ.

— А песъ его знаетъ. Все вретъ, можетъ когда и правду скажетъ,—соглашается она, наконецъ.—Да вотъ на что же лучше! Въ Москву поѣдете, тамъ вѣрнѣе сами увидите.

Одна вдова Евпраксея не уступаетъ и твердо стоитъ на своемъ.

— И въ Москвѣ ничего не увидите, потому—видѣть нечего. Не видала я ихъ нѣшто, пьяницъ-то.

Къ удивленію, она оказывается права.

На исходѣ второго мѣсяца, при первомъ же намекѣ на поѣздку въ Москву и желаніе посѣтить молочную, Иванъ Ивановичъ съ величайшимъ хладнокровіемъ и съ тою же совершенною неожиданностью, какъ было съ открытіемъ, объявляетъ намъ, что молочная къ сожалѣнію сгорѣла „вчерашній день“. Посѣтить ее уже нельзя, невозможно. Она не существуетъ болѣе.

— Какъ сгорѣла! Не можетъ быть. А какъ же свояченица, дѣти, шоколадъ?

Неудержимый, дружный хохотъ встрѣчаетъ это изъ ряду вонъ печальное извѣстіе. Смѣются бабы, стоя за своими ушатами, смѣется и сама Маша, недавно читавшая имъ выговоръ.

— Да отчего же она у тебя сгорѣла-то, батюшка ты мой?—сквозь слезы смѣха допрашиваетъ вдова Евпраксея, закрываясь заплатаннымъ рукавомъ неизмѣнной кацавейки.

— Отчего! Черезъ пьянство. Работникъ пьяный былъ,—съ величайшимъ негодованіемъ поясняетъ, лишь въ первую минуту смутившійся было, Иванъ Ивановичъ.

— Да зачѣмъ же ты его, батюшка, пьянаго такого держалъ? Лампу расшибъ. Вонъ вѣдь какая оказія приключилась. Теперь значитъ не къ чему барышнѣ и въ Москву ѣздить, себя затруднять.

Но Иванъ Ивановичъ не сдается сразу и старается удержать позицію.

— Что-жъ, я вѣдь застраховалъ. Вотъ страхованныя деньги получу, тогда опять новую молочную заведу. Я теперь не такъ, я вдвоемъ съ братомъ заведу.

Но теперь уже подвергается сомнѣнію все, каждое заявленіе каждое слово бѣднаго Латыша. Уже не вѣрятъ не только въ молочную, страховку, но не вѣрятъ въ то, что у него есть братъ есть работникъ, другая лошадь. Работника и другой лошади дѣйствительно не оказывается и только одинъ „братъ“ все еще остается подъ сомнѣніемъ, хотя сомнѣній относительно истиннаго

характера безконечныхъ разсказовъ не можетъ уже оставаться никакихъ. Латышъ просто вретъ, фантазируетъ вслухъ безъ удержу и безъ всякой цѣли, просто по привычкѣ и неодолимой душевной потребности.

— Потому, вретъ, что невѣрный, несправедливый онъ есть человѣкъ,—объясняютъ наши бабы, уже не негодуя и не обращая вниманія на это вранье какъ на болтовню неразумнаго ребенка.

Но болтовней дѣло не ограничивается. Одно время мы не на шутку опасаемся, что придется разстаться съ Иваномъ Ивановичемъ. Даже внѣшняя культурность измѣняетъ ему. Онъ пріѣзжаетъ уже не въ сѣрой бекешѣ, а въ какомъ-то еле-запахнутомъ, старомъ кафтанишкѣ, въ которомъ зябнетъ и не можетъ согрѣться на погребѣ. Лицо у него темнѣетъ и пухнетъ, руки дрожатъ и онъ затягиваетъ плату за молоко. На всѣ замѣчанія у него одинъ отвѣтъ: онъ обвиняетъ во всемъ пьяницу брата. „Братъ Александръ“ пьетъ вино и портитъ ему всѣ его дѣла и добрыя отношенія. Онъ публично и торжественно, въ виду всего собравшагося общества, у дверей раскрытаго погреба съ ведромъ въ дрожащихъ рукахъ и дрожью въ голосѣ обращается къ отсутствующему съ увѣщаніемъ, почти съ заклинаніемъ.

— Что-же, развѣ я его не просилъ! Я его звалъ съ собой. Я ему говорилъ: прошу тебя, Александръ, не люби пить вино. Вотъ я тебя при благородной фрейлинъ буду просить: братъ, Александръ! Брось это, брось. Большой непріятность можешь себѣ получать черезъ вино.

Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ ли въ дѣйствительности или нѣтъ „братъ Александръ“, самъ Латышъ глубоко убѣжденъ въ тяжкой виновности его предъ собой и, въ силу общаго для обоихъ предмета любви, не въ состояніи уже отдѣлить его дѣйствій отъ своихъ собственныхъ.

Неожиданную защитницу для себя онъ находитъ въ лицѣ тетушки.

— Что-жъ, онъ хоть и вретъ, но вретъ все такое пріятное и хорошее. Нашъ русскій торговецъ сталъ бы, навѣрное, хвастать, что побилъ кого нибудь, или дорого сбылъ негодный товаръ. А онъ вонъ желалъ бѣдную свояченицу пристроить и маленькихъ дѣтей шоколадомъ угощать. Какъ мило придумано! Если я два раза подъ рядъ выиграю двѣсти тысячъ, я ему, пожалуй дамъ денегъ, чтобы завелъ себѣ въ самомъ дѣлѣ съ „братомъ Александромъ“ молочную. Господь съ нимъ. Пусть будетъ счастливъ человѣкъ.

У тетушки не только распредѣленъ весь главный выигрышъ, но намѣчены планы и на тотъ случай, если она два раза и даже три раза подъ рядъ выиграетъ по двѣсти тысячъ.

Къ сожалѣнію, до этого времени намъ приходится ждать полученія денегъ отъ Ивана Ивановича, и полученія эти благодаря „брату Александру“ становятся все проблематичнѣе. А деньги нужны, каждый день нужны деньги для самыхъ неотложныхъ хозяйственныхъ надобностей. Въ прежнія времена у помѣщицы Коробочки откладывались деньги по ящикамъ комодовъ „въ нестрядевые мѣшочки, въ одномъ все цѣлковики, въ другомъ полтиннички, въ третьемъ четвертачки“. Теперь цѣлковики и полтинники, съ грѣхомъ пополамъ добытые изъ дрожащихъ рукъ Ивана Ивановича, цѣликомъ переходятъ на оплату наемныхъ рукъ, безъ кототорыхъ шагу не дѣлается въ имѣніи. Въ прежнія времена, говорятъ, можно было подолгу жить въ деревнѣ безъ копѣйки. Теперь это стало невозможно, какъ и многое другое изъ прежняго.

X.

Какъ и нужно было ожидать, въ дѣлѣ домостроительства мы оказываемся не на высотѣ положенія и нашъ флигель выходитъ плохо перестроеннымъ. Не помогло гуманное отношеніе къ плотникамъ, надъ которымъ иронизировала тетушка; не помогли хорошія книжки: „Богъ правду видитъ“ и проч., которыя мы съ Машей давали имъ читать въ свободное время по вечерамъ. Въ каждомъ дѣлѣ, какъ пришлось убѣдиться печальнымъ опытомъ, въ отношеніи къ работникамъ-исполнителямъ необходимы два условія: нужно умѣть требовать, а для этого нужно знать и понимать дѣло, которое требуешь. Безъ этого требованія будутъ неосновательны, рабочіе тотчасъ замѣтятъ некомпетентность требующаго лица, и нужна уже высокая степень культуры, или большая личная добросовѣстность для того, чтобы качество работы не пострадало отъ этого.

У нашихъ плотниковъ не оказалось ни того, ни другого на лицо. Въ самомъ скоромъ времени обнаружились недостатки постройки. Въ полу появились щели, въ которыя немилосердно понесло холодомъ; рамы вышли плохо пригнанными: двери перестали затворяться и стали отходить отъ косяковъ. Все сработано было грубо „по черному“, какъ въ избѣ, и результатъ получился тотъ же, что въ избѣ: холодъ, щели, намерзшія окна съ ручьями и потоками на подоконникахъ.

Почему-то изъ глубины временъ въ умѣ сохранялось представленіе о крестьянской избѣ какъ о жилищѣ хотя и тѣсномъ правда, и не всегда опрятномъ, но за то ужъ, навѣрное, тепломъ и уютномъ въ этомъ слыслѣ. Чудовищная печь занимаетъ половину всего помѣщенія; теплоты ея, казалось бы, должно хватить

на остающееся небольшое пространство. Но, вотъ оказывается, что не хватаетъ и традиціонное представленіе русской избы — увы!—ложно и неосновательно.

Почти всѣ крестьянскія избы холодны и плохо выстроены. Накатовъ нѣтъ нигдѣ; въ полъ дуетъ такъ, что нельзя сидѣть безъ валенокъ; маленькія дѣти жмутся по лавкамъ или на полатяхъ. Громадная печь недостаточно нагрѣваетъ и согрѣться можно, лежа на самой печи, избу же приходится согрѣвать, кромѣ того, вонючей, мгновенно раскаляющейся и тотчасъ же выстывающей желѣзной печкой.

При этомъ у мужиковъ есть важное преимущество: цѣлый день, пока свѣтъ, они проводятъ на волѣ въ работѣ „кругъ дома", готовятъ дрова, возятся со скотомъ, когда возвращаются забираются на печь и рано ложатся, чтобы понапрасну не жечь керосинъ. Когда прядутъ ленъ, пряхи ради тепла собираются по нѣсколько человѣкъ въ одну избу, и только бабы - матери зябнутъ и бьются по ночамъ, укачивая простуженныхъ, больныхъ ребятишекъ.

У насъ привычки городской жизни затягиваютъ и безъ того длинные, деревенскіе, осенніе вечера. Приходится собственными средствами исправлять недочеты плотниковъ. Михаилъ Ильичъ, такой энергичный, предпріимчивый въ хозяйственныхъ дѣлахъ на волѣ, во дворѣ, въ полѣ, совершенно теряется и оказывается несостоятельнымъ въ комнатахъ. У него и руки, и пальцы какъ будто не приспособлены къ мелкимъ работамъ, къ держанію небольшихъ инструментовъ. Болѣе другихъ страдаетъ отъ дурныхъ условій, въ теченіе долгой жизни привыкшая къ совершенно другимъ условіямъ комфорта, тетушка.

— Если ужъ не можетъ самъ, такъ хоть бы за рабочими-то во время смотрѣлъ,—упрекаетъ она Ильича.—Ну да и то правду сказать, какіе нынче рабочіе! Совсѣмъ отъ рукъ отбился, избаловался народъ. Да затворяйте вы, ради Бога, эту несчастную дверь! — грустнымъ голосомъ изъ своего уголка на диванѣ говоритъ она, какъ въ порфиру кутаясь въ горностаевую старинную мантилію съ черными хвостиками на пожелтѣломъ мѣху.

У „несчастной" двери, нахмурившись, стоитъ Маша и нѣсколько разъ къ ряду пробуетъ захлопнуть ее, притягивая за скобку изо всѣхъ силъ.

Ничего не выходитъ. Дверь отскакиваетъ и изъ холодныхъ сѣней сильно дуетъ въ широкую щель.

— Разсохлась, ясное дѣло. Я вчера заложила бумажкой. Куда она дѣвалась?—спрашиваетъ тетушка.

— Ну что бумажка! Погодите, у меня идея!

Маша исчезаетъ въ свою комнату и черезъ минуту возвра-

щается съ парой бѣлыхъ, длинныхъ, лайковыхъ перчатокъ и ножницами въ рукахъ.

— Что ты хочешь дѣлать?

— А вотъ увидите. Ваша бумажка падаетъ каждую минуту, какъ только отворятъ дверь. А я вотъ у перчатокъ пальцы отрѣжу, остальное сложу, потому что кожа тонка и прибью гвоздиками сбоку на дверь. Отлично будетъ. Да вы не безпокойтесь, перчатки старыя, а танцевъ, вѣдь, не предвидится въ нашихъ краяхъ.

Тетушка собирается было что-то возразить, но не возражаетъ и молча прикладываетъ пальцы къ вискамъ, пока Маша энергично дѣйствуетъ молоткомъ, прибивая обойными гвоздиками перчатку къ двери.

Успѣхъ получается блистательный. Бѣлая лайка заполняетъ собою щель. Дверь захлопывается и уже не отходитъ отъ косяка.

Маша съ торжествующимъ лицомъ, съ расходившейся юной энергіей, не выпуская молотка, вглядывается въ блѣдное лицо въ уголкѣ дивана.

— Что, голова у васъ болитъ? Слишкомъ я настучала своимъ молоткомъ?

— Нѣтъ, не то. А вотъ боюсь, не угарно ли сегодня у насъ.

Угара нѣтъ. Это дымъ, также дѣйствующій на слабыя головы, пробивающійся во время топки печей изъ расщелившихся, плохо смазанныхъ изразцовъ.

Изразцы матушка попадья даетъ совѣтъ промазать мѣломъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Рамы на окнахъ также по ея совѣту старательно проклеиваются длинными полосами нарѣзанной бумаги.

Все это вмѣстѣ нѣсколько напоминаетъ мнѣ въ юности лѣченіе отъ всевозможныхъ болѣзней кольдъ-кремомъ и помадой. Разница только въ томъ, что въ тѣ времена кольдъ-кремъ и помада дѣйствительно помогали отъ всего, а теперь полоски и перчатки не удерживаютъ напора расходившейся, озвѣрѣлой зимней вьюги. Она гонитъ и насъ по тому же направленію, прочь отъ оконъ на середину комнатъ. И мы тоже жмемся у своихъ плохо слаженныхъ, плохо грѣющихъ печекъ, смазанныхъ яичнымъ бѣлкомъ.

Тетушка при этомъ, главнымъ образомъ, озабочена опасеніемъ того, какъ бы мы не опустились въ деревенской жизни и плохой обстановкѣ. Сама она заботливо слѣдитъ за туалетомъ и несмотря на холодный полъ, ни за что не соглашается носить валенки иначе какъ поверхъ городскихъ ботиновъ.

— А то и не замѣтишь, какъ распустишь ногу. Пожалуйста, обращайте на это вниманіе. Такъ легко испортить ногу. Не вѣкъ же мы здѣсь будемъ жить, а потомъ и захочешь — не поправишь,—озабоченно предостерегаетъ она.

А деревня все-таки одѣваетъ насъ по своему. Мы обѣ съ Машей носимъ у себя въ усадьбѣ короткіе полушубки и не нахвалимся своимъ костюмомъ. Поразительно удобный покрой! Рубль двадцать копѣекъ за фасонъ со строчкой, съ цвѣтными городочками, легко, тепло, потому что прилегаетъ близко къ тѣлу и ловко для всякаго дѣла, потому что рукава вшиты такъ, что оставляютъ полную свободу рукамъ.

Тетушка тѣмъ не менѣе неодобрительно относится къ полушубкамъ и своей фигурой въ городской длинной шубѣ, въ мѣховой шапкѣ напоминаетъ фигуру сосланнаго Меньшикова въ Березовѣ на извѣстной картинѣ Сурикова.

Пріѣзжаетъ по невообразимой дорогѣ Латышъ за молокомъ, какъ всегда воодушевленный, съ разсказами и новостями. У трактирщика въ городѣ сына посадили въ безумный домъ. А соборная дьяконица-вдова дочку замужъ отдала. Приданаго пять тысячъ деньгами, не считая прочаго.

Денегъ намъ онъ не привозитъ, но за то привозитъ письма и газеты разомъ за цѣлую недѣлю.

— А въ Москвѣ Чеховскую драму ставятъ,—говоритъ Маша, отпустивъ молоко въ долгъ, разрывая бандероль и жадно проглядывая газеты номеръ за номеромъ.

— Пишутъ, отлично идетъ... Петръ Ивановичъ лекцію читаетъ въ Историческомъ... Батюшки, и Марья Михайловна!

— Что такое?

— Тоже читаетъ. Участвуетъ въ литературномъ вечерѣ.

— Ну, нынче всѣ стали читать. Скоро слушать будетъ некому,—неодобрительно отзывается тетушка.

Чехова она, однако, любитъ и имъ интересуется.

— А какая пьеса? Вѣроятно же выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ. Можно будетъ выписать. Почитаешь намъ вслухъ тогда.

— Ну, это положимъ не все равно.

— Разумѣется, не все равно. Да что же подѣлаешь!

— Въ Москвѣ теперь фонари... Извозчики... Свѣтло на улицахъ...

Маша бросаетъ газету, сидитъ не мигая, смотритъ на лампу и молчитъ.

Тетушка перебираетъ спицами вязаніе. Кошка „Зайка“ мурлыкаетъ у меня на колѣняхъ. Самоваръ звенитъ на столѣ. Занавѣски опущены и не видно темноты. Ставень тихо плачетъ за окномъ...

Всего тяжелѣе сознаніе полной разобщенности, отрѣзанности отъ всего міра въ пору деревенской осени. Все кончено. По этимъ дорогамъ не ѣздитъ уже больше даже и пьяный Латышъ, не отважится пріѣхать самый близкій, любящій другъ. Бѣда захворать. По этимъ дорогамъ страшно безпокоить и вызывать са-

маго покладистаго земскаго доктора. Небо низко нависло, какъ бы набитыми сѣрой ватой, снѣговыми тучами. Темнѣетъ въ четыре часа. Вѣтеръ дуетъ двадцать четыре часа подърядъ и вотъ надуваетъ, наконецъ, давно жданную „погоду", то-есть снѣгъ.

— Слава Тебѣ, Христосъ! Православнымъ Господь-Батюшка путь даетъ, — набожно крестясь, говоритъ вдова Евпраксея, вглядываясь свѣтлыми, выцвѣтшими, все еще красивыми глазами въ крутящіеся въ сплошномъ бѣломъ вихрѣ, снѣговые хлопья. Они быстро устилаютъ собой всю усадьбу.

У Бога всего много. Въ одинь день прикрываются бѣлымъ пологомъ, смущавшія хозяйскія сердца, почернѣлыя отъ морозовъ озими. И еще одной тревогой меньше деревенскому жителю: покрылись снѣговыми шапками взъерошенныя, словно нечесанныя головы, соломенныя деревенскія крыши и уменьшилась возможность пожаровъ, особенно частыхъ по осени, когда топятся риги и сушится хлѣбъ и ленъ.

У крестьянъ, впрочемъ, рано кончается молотьба. Сѣютъ понемногу, рѣдко у кого хватаетъ своего хлѣба до нови.

Въ Спасскомъ еще молотятъ. Михаилъ Ильичъ, какъ истинный послѣдователь Александра Николаевича Энгельгардта не любитъ машинъ, забросилъ молотилку и оставилъ одну вѣялку, да и къ той относится какъ-то укоризненно, находя въ ней различныя несовершенства, неизбѣжныя, впрочемъ, по его мнѣнію, для машинъ.

— Ну помилуйте—скажите, человѣческими ли руками я что сдѣлаю, или же машиною!—съ глубокимъ убѣжденіемъ заявляетъ онъ, и на мое замѣчаніе, что вѣдь и машина сама сдѣлана человѣческими руками, съ неудовольствіемъ отмалчивается и отходитъ прочь.

За все время пребыванія въ здѣшнихъ краяхъ, намъ ни разу не приходилось переживать полнаго неурожая. Въ худшемъ случаѣ у крестьянъ хлѣбъ родится самъ-другъ, самъ-третей, у помѣщиковъ бываютъ и необыкновенно обильные урожаи, и ни разу ни помѣщичьи, ни крестьянскія, изрѣзанныя полосами поля не представляли той, навѣки памятной картины, какую имѣли въ 1891 году поля въ голодавшихъ въ то время губерніяхъ.

Хозяйничать можно, по мнѣнію Михаила Ильича, и онъ хозяйничаетъ. И какъ пассажиры на каждый день, на каждый отходящій поѣздъ, такъ находятся и хозяйственныя заботы и дѣла на всѣ дни и мѣсяцы и времена года. Передѣлать этихъ дѣлъ все равно нельзя ни къ какому сроку. Ихъ родитъ сама жизнь, ея—неизбывныя, ежедневно нарождающіяся требованія.

XI.

Но въ чемъ же отдыхъ и праздникъ этой трудовой жизни? Увы, не разнообразны праздничныя деревенскія впечатлѣнія! Главную роль въ нихъ играетъ все же трактиръ и водка. Среди огромнаго количества лично мнѣ знакомыхъ крестьянъ въ ближайшемъ селѣ и окрестныхъ деревняхъ я знаю наперечетъ троихъ, которые не пьютъ, двухъ среднихъ лѣтъ и одного стараго мужика. Остальные всѣ, и даже самъ Михаилъ Ильичъ, пьютъ и напиваются до-пьяна.

Торжественнѣе всего празднуются у крестьянъ не обычные наиболѣе чтимые у всѣхъ два главные годовые праздника—Рождество и Святая недѣля, а свой мѣстный, храмовой, престольный праздникъ. Празднованіе сопровождается усиленнымъ питьемъ вина, и сколько-нибудь зажиточному крестьянину не обходится меньше пятнадцати, двадцати рублей, почти полностью идущихъ на вино.

Къ празднику съѣзжаются обыкновенно родные, приходитъ на побывку молодежь, живущая въ ученіи и по мѣстамъ въ Москвѣ. При выборѣ невѣсты и жениха немаловажную роль играетъ соображеніе: будетъ ли куда ѣздить погулять на праздникъ? Въ состояніи ли будетъ хорошо принять и угостить новая родственная семья? Въ праздники же нерѣдко созываются сельскіе сходы, такъ какъ народъ свободенъ и всѣ въ сборѣ. Повышенное въ виду усиленнаго угощенія настроеніе, въ счетъ не идетъ, и на сходахъ подчасъ вершатся дѣла, которыя имѣютъ потомъ огромное вліяніе на жизнь цѣлой деревни и не на одинъ годъ.

По просьбѣ школьной учительницы, мнѣ приходится пойти на сходъ на четвертый день мѣстнаго праздника „зимней Миколы“, т.-е. Николина дня. Первый день народъ идетъ къ обѣдни и, въ обыкновенное время на половину, пустая церковь наполняется плечо къ плечу по праздничному чисто и нарядно одѣтой толпой. Бабы и дѣвки при этомъ почти всѣ въ городскихъ, модныхъ шубкахъ съ пышными рукавами, въ баскахъ съ кружевными отдѣлками, въ брошкахъ и даже въ браслетахъ. Послѣ обѣдни начинается гуляньe и три вечера подрядъ далеко разносятся звуки гармоніи, пѣсни, веселые и пьяные голоса.

На четвертый день все уже значительно затихаетъ, но среди дня, когда мы идемъ, уже въ самомъ началѣ большого, раскинувшагося по рѣкѣ и двумъ оврагамъ села, слышно доносящееся отъ трактира, гудѣніе плотной, мужской толпы. Бабъ совсѣмъ не видно. Онѣ мало показываются на сходахъ.

Стоитъ морозный, солнечный день. Посреди улицы уже успѣло намести косой, бѣлый, сверкающій, какъ сахаръ, сугробъ. Его, какъ водится, не раскидываютъ и не разметаютъ, а просто об-

ходятъ и объѣзжаютъ кругомъ. Избы загорожены всѣ, по зимнему, толстыми соломенными щитами. Изъ соломы еле выглядываютъ темными пятнами маленькія окна.

Сходъ собрался на широкомъ мѣстѣ улицы противъ церкви и училища. Уже успѣли утоптать до черноты свѣжій, выпавшій снѣгъ.

Мы съ Машей не безъ смущенія подходимъ вдвоемъ пѣшкомъ.

Ближайшіе мужики при нашемъ приближеніи встаютъ съ завалины и раскланиваются. Въ серединѣ, гдѣ гуще толпа, слышны крики, восклицанія, и намъ не сразу удается сообразить, о чемъ собственно идетъ дѣло.

— Стало быть, сейчасъ, къ примѣру сказать, двоихъ держать, двоимъ и жалованье платить?—сильно жестикулируя и картавя на р, спрашиваетъ сосѣда высокій, бѣлокурый мужикъ, хорошо знакомый мнѣ по поденщинѣ, недурной работникъ, но вздорный и взбалмошный человѣкъ. Къ тому же онъ, видимо, пьянъ, не проспался отъ прежняго, или же успѣлъ опохмѣлиться съ утра.

— А чудакъ! Да кто же безъ жалованья согласенъ будетъ служить.

— Ну что-жъ, я и говорю. Безъ жалованья не согласенъ служить, а жалованье платить—нашего согласія нѣту. А не трогъ батюшка самъ себѣ, хошь троихъ сторожей наймаетъ, да всѣмъ и платитъ. Мы запрету не будемъ полагать.

— Знамо дѣло. Пущай свои денежки платитъ. Пущай!

— У него ихъ много у батьки. Знаемъ, кажный мѣсяцъ въ городъ ѣздитъ, въ банку деньги кладетъ.

— Одного будетъ!

— Не согласны!

— Андрея жалаемъ. Говорова не жалаемъ.

— Говорова! Го-го-го!—раздается изъ толпы.

Дѣло оказывается въ слѣдующемъ: умеръ дьячекъ, крестьяне вошли въ соглашеніе съ сослуживцемъ его—вторымъ дьячкомъ, который за ничтожную прибавку къ жалованью изъявляетъ желаніе одинъ править службу за двоихъ. Батюшка же на это своего согласія не даетъ и требуетъ, по крайнѣй мѣрѣ, второго сторожа церковнаго, который бы служилъ въ церкви и помогалъ дьячку. Споръ идетъ изъ-за жалованья сорокъ рублей въ годъ, которые не соглашаются платить сторожу мужики.

— Православные!—раздается сильный, взволнованный голосъ изъ толпы.—Православные, дайте же слово сказать.

Толпа подается и въ углубленіи закрытыхъ воротъ подъ короткимъ навѣсомъ мы видимъ, прижатую къ воротамъ, высокую и худую фигуру молодого священника. Лицо у него блѣд-

ное, съ пятнами; онъ, видимо, взволнованъ и утомленъ. На немъ ватная ряса, изъ подъ которой видны сапоги и войлочная съ короткими полями шляпа на головѣ. Онъ озябъ, переступаетъ съ ноги на ногу и прячетъ голыя, красныя руки въ широкіе рукава. Переговоры, между тѣмъ, продолжаются, крики усиливаются и не приводятъ ни къ какому концу.

— Говорова!

— Говорова къ чертямъ! Поди ты...—несется изъ толпы вмѣстѣ съ болѣе крѣпкими словами и ругательствами.

— Не жалаемъ! По старому чтобы значитъ какъ было. Андрюху жалаемъ.

— Православные, я не о себѣ хлопочу. Мнѣ все одно. По старому... Да вѣдь по старому было два дьячка. Мнѣ сторожъ не надобенъ, а для храма. Андрея желаете? Андрей не соглашается служить одинъ. Одному невозможно ночь караулить и днемъ служить. Сами видите—неуправка, въ храмѣ нечистота. Не мнѣ же самому полъ мести...

— А хоша бы и тебѣ. Что-жъ такое! И подметешь. Не велика фря...—близко и громко раздается совершенно пьяный голосъ.

Батюшка слышитъ, блѣднѣетъ сильнѣй и, завидѣвъ насъ, смущенно приподнимаетъ войлочную шляпу.

Насъ раздѣляетъ живая, движущаяся стѣна. Общее гудѣніе заглушаетъ отдѣльныя слова. Возбужденныя, красныя, разгорѣвшіяся отъ мороза и вина лица поворачиваются въ нашу сторону. Почти всѣ снимаютъ шапки. Болѣе половины знакомыхъ людей, но сразу ихъ трудно и узнать. У одного на щекѣ подъ глазомъ сине-багровое, огромное пятно; у другого опухъ и совсѣмъ закрылся глазъ. У почтеннаго, сѣдобородаго старика разсѣченный шрамъ на скулѣ.

— Дядя Василій, что же это у тебя съ глазомъ-то?

Дядя Василій конфузливо закрываетъ рукавомъ половину лица.

— Да признаться сказать, не поостерегся. Въ сѣняхъ на жердину напоролся знать.

— Больно? Ты бы въ больницу съѣздилъ, показалъ.

Въ толпѣ раздается хохотъ.

— Ужо, вотъ у Сашухи полечится. Съ одного стаканчика живой рукой сниметъ, пройдетъ.

— Ребята, что-жъ въ самомъ дѣлѣ! Долго ли еще эту канитель-то тянутъ? Говорова? Его, что ли?

— Не жалаемъ!—оретъ во весь голосъ бѣлокурый, пьяный мужикъ.

— Да погоди орать-то, горластый чортъ. Ну, постой! Чу—ка...

На минуту затихаютъ голоса. Въ сторонѣ воротъ, гдѣ все

еще видна притиснутая къ воротамъ, напоминающая затравленнаго звѣря, худая фигура въ рясѣ и смятой шляпѣ, происходитъ движеніе. Слышны переговоры пониженными голосами. Повернувшіяся въ подпоясанныхъ полушубкахъ спины на минуту закрываютъ отъ насъ батюшку и затѣмъ вдругъ разомъ мѣняется звукъ и тонъ голосовъ.

— Андрюху!—оретъ-было бѣлокурый мужикъ, но его тотчасъ унимаютъ и останавливаютъ.

— А ты погоди, Семенъ, погоди. Чего зря-то орать? Ну что-жъ, эко дѣло. Ну два, такъ два.

— Что-жъ, братцы, хошь бы и Андрюшку. Нѣшто не осилимъ.

— Осилимъ.

— Молчи, Егорка! Молчи—знай. Не замай послужать православному міру вдвоемъ.

— Вдвоемъ, знамо, сподручнѣе. Храмъ Божій, какъ можно, не что иное.

— Православные! Батюшка жалуетъ на міръ на полъ ведра,— раздается отъ воротъ громко на всю толпу.

— Спасибо! Вотъ спасибо!

— Мало! Ведерко надо бы. Мало! Эй, слышь, почтенные, маловато.

— Говоровъ, твое, братъ, счастье. Кланяйся міру. Четвертную съ тебя.

Толпа подается назадъ какъ отступающая волна. Фигура въ шляпѣ у воротъ пригибается и исчезаетъ.

Въ ту же минуту откуда-то изъ середины раздается высочайшій, точно бабій фальцетъ.

— Православные, нѣшто возможно... четвертную. Пожалѣйте! Гдѣ же мнѣ ее взять. Ничего-то еще не видамши... Бутылочку съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Станови, чортъ, двѣ, да отходи къ сторонѣ.

Наступаетъ минутное затишье.

Я начинаю уже надѣяться и радоваться въ душѣ, что дѣла объ учительницѣ не будутъ поднимать на этотъ разъ, какъ вдругъ раздается громкій вопросъ.

— Насчетъ учительши-то, братцы, какъ же? Забыли? Ребята, что-жъ, когда недовольны, выходи. Сказывайте, кто что знаетъ. Что ей въ зубы-то глядѣть. Здѣсь она самая что ли?

— Нѣту. Въ городъ, слышь, укатила.

Я чувствую, что наступаетъ моя очередь и подаюсь немного впередъ.

— Ты говоришь — недовольны? Почему же вы недовольны учительницей? — спрашиваю я, обращаясь къ ближайшимъ, стоящимъ около меня, мужикамъ.

— А недовольны, сударыня, недовольны, — качая головой и разводя руками, говоритъ прямо передо мной старый, почтеннаго вида, знакомый мужикъ.

— Чѣмъ же вы собственно недовольны, дядя Макаръ? Что же развѣ она плохо учитъ ребятъ?

— Насчетъ эвтого, сударыня, не могимъ разсужденія имѣть, потому, какъ оно въ родѣ, какъ не нашего ума дѣло. А только что недовольны мужички, обижаются значитъ.

Судя по манерѣ говоритъ, я вижу, что и Макаръ не совсѣмъ въ порядкѣ, должно быть много пилъ за это время; но все же онъ сравнительно трезвый и обстоятельный мужикъ и я надѣюсь скорѣе договориться съ нимъ до чего-нибудь.

— На что же могутъ обижаться мужики? Вотъ вы вѣрно говорите, что объ этомъ дѣлѣ не можете судить, а я вамъ должна сказать, что уже шесть лѣтъ, какъ наша школа первая по экзаменамъ во всей округѣ. Вѣдь вы же должны были слышать, что наши ученики почти всѣ кончаютъ съ похвальными листами?

— Слыхать-то слыхали, сударыня, да это намъ все единственно, — начинаетъ было Макаръ, но бѣлокурый, картавый мужикъ внезапно прерываетъ его и оретъ на всю толпу, потрясая по направленію къ училищу кулакомъ.

— Корову держитъ! Корову, тебѣ говорятъ!

— Ну такъ что же въ томъ, что корову держитъ? Вѣдь она свой чередъ, пастушню платитъ?

— Платитъ. Кто за ее будетъ платить!

— Ну такъ въ чемъ же дѣло?

Макаръ нерѣшительно пожимается, очевидно, не зная, что возразить, но возраженіе находится.

— Корова стоитъ... навозъ стало быть... все такое... заборникъ, стало быть, гніетъ. Помилуйте! Нѣшто возможно?

— Ну, ужъ это совершенный вздоръ! Ей корову нельзя не держать. У нея дѣти.

— То-то что дѣти, сударыня, мы и то говоримъ, — убѣдительнымъ, тонкимъ голосомъ вступается опять Макаръ. — Все лишнее, все расходъ, — осторожно, почти вкрадчиво заявляетъ онъ.

— Извѣстно — лишнее. Одного бѣлья сколько, мытья. Опять же дрова...

— Да что же ей по вашему дѣтей побросать, что ли? Расходъ! Это ея дѣло.

— Зачѣмъ бросать. А какъ намъ, значитъ, не рука...

— А вамъ развѣ лучше было, какъ у васъ раньше бездѣтная учительница была, да съ офицерами кататься уѣзжала, а ученики одни сидѣли? — допрашиваю я. — Марья Ивановна женщина семейная, хорошая. Она вашихъ дѣтей худому не научитъ.

— Такъ-то оно такъ, да вонъ въ училищѣ полы сгноили, все чистоту соблюдаетъ. Ребятенки какъ можно, во всякомъ разѣ все сверхъ положенія идетъ, — упорно и обстоятельно, несмотря, на вино, настаиваетъ на своемъ Макаръ.

Учительница Марья Ивановна безъ преувеличиванія рѣдкій, исключительный человѣкъ. Бѣдная дѣвушка, по счастливой случайности она попала въ учительскую семинарію, окончила въ ней курсъ и стала учительствовать съ восемнадцати лѣтъ; потомъ вышла замужъ за учителя и не бросила любимаго дѣла, а продолжала его, рожая и воспитывая дѣтей, съ которыми и осталась вскорѣ вдовой, разумѣется, безъ всякихъ средствъ. Къ занятіямъ съ учениками она относится съ увлеченіемъ, принося имъ въ жертву все другое, даже тѣхъ же собственнымъ дѣтей. Она рѣшилась отдать на вскормленіе чужой женщинѣ въ деревнѣ свою маленькую дѣвочку для того, чтобы та не мѣшала ей въ занятіяхъ по школѣ.

И вотъ къ ней придирались теперь съ этими дѣтьми, съ полами, со всякимъ вздоромъ, ею недовольны мужики. И она вся зависитъ отъ нихъ, зависитъ отъ ихъ недовольства, отъ ихъ настроеній и требованій.

Я чувствую, какъ что-то начинаетъ безпокойно закипать у меня внутри, но сдерживаюсь и стараюсь говорить осторожнѣе. Главное — уяснить себѣ, въ чемъ собственно дѣло. Ученіе ведется въ школѣ такъ, что недовольными имъ быть нельзя. Есть ли это простая придирка съ тою же цѣлью, можетъ быть, какъ было давеча у батюшки, или же имѣется другая причина для недовольства, которую я не умѣю понять?

Ко мнѣ, проталкиваясь черезъ толпу, пробирается невысокаго роста нестарый еще мужикъ, поразительно напоминающій собой фигуры игрушечныхъ мужиковъ, какія продаются въ лавкахъ у Троицы на подставкахъ съ медвѣдемъ, съ арбузами на головахъ. У него красныя, будто натертыя щеки, красныя, тоже словно вымазанныя краской широкія губы и синій кафтанъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ.

Я мало знаю его, но онъ привѣтствуетъ меня, какъ знакомый, и подступаетъ такъ близко, что мнѣ невольно приходится податься назадъ.

— Дѣло-то вонъ какое выходитъ, братецъ, ты мой, — говоритъ онъ, обращаясь прямо ко мнѣ, — насчетъ пѣнія, то-есть церковнаго, не могитъ она, учительша стало быть, существовать. Къ примѣру сказать ребятенокъ-то не могитъ, стало быть, какъ слѣдовать обучать. Чтобы пѣли, значитъ, обѣдню въ церкви, какъ слѣдовать, братецъ ты мой.

Онъ говоритъ скрипучимъ, страннымъ голосомъ, точно выдав-

ливая изъ себя тоже будто какой-нибудь внутренней, игрушечной машинкой слова, но все же это первое замѣчаніе, въ которомъ есть смыслъ, и я не могу не чувствовать даже нѣкоторой его справедливости.

Пѣніе въ церкви у насъ было заведено, дѣти разъучили и пѣли обѣдню подъ руководствомъ учительницы, пока была здорова сама Марья Ивановна, но послѣ смерти мужа и младшаго ребенка она стала хирѣть, жаловаться на грудь. Докторъ запретилъ было всякія занятія, а о пѣніи не позволилъ и думать. Дѣтскій хоръ безъ руководства тотчасъ распался и въ церкви затянули дьячки. Правы были мужики, недовольные отсутствіемъ пѣнія, но не виновата же больная женщина, тутъ же среди нихъ, можетъ быть, благодаря своей работѣ на нихъ и получившая свою болѣзнь.

Вопросъ церковнаго пѣнія, какъ я замѣтила вообще, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ положеніи народныхъ учителей. Хорошихъ регента или регентшу, умѣющихъ наладить хоръ, крестьяне цѣнятъ дороже всего. Мнѣ съ отчаяніемъ жаловалась молоденькая учительница изъ сосѣдней школы на то, что въ семинаріи ее обучали всему, кромѣ того, что первое и болѣе всего другого понадобилось ей на мѣстѣ ея дѣятельности — церковнаго пѣнія. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, требованія школы и жизни совершенно не согласованы между собою.

Но у бѣдной „учительши“ на этотъ разъ нѣтъ даже и того. Марья Ивановна поетъ сама и умѣетъ наладить хоръ. Еще въ недавнее время въ церкви, въ хорѣ надрывалъ душу ея голосъ слабый и больной, прерываемый постояннымъ, тихимъ кашлемъ.

Я изо всѣхъ силъ возвышаю голосъ и горячо начинаю свою защитительную рѣчь; но съ первыхъ же словъ чувствую, что напрасно. Все напрасно. Меня не слушаютъ, какъ не слушали батюшку. Крикъ усиливается. Меня перебиваютъ на первыхъ же словахъ.

— А когда она тебѣ хороша, такъ ты и бери ее себѣ,— говоритъ мнѣ въ упоръ картавый, пьяный мужикъ.

— Что-жъ, братецъ ты мой, вѣрное дѣло, что нездорова. А то бывало пѣла.

— Какъ же, пѣла, — снисходительно подтверждаетъ другой.

— Пѣла, да вотъ, видишь ли, значитъ, пропѣла. Ужъ и жадная же, жидъ на деньги. Скупая и-и! И не ходи къ ней, лучше и не спрашивай. Не дастъ.

Да, такъ вотъ еще въ чемъ дѣло...

Мы стоимъ другъ противъ друга.

Огромная, слитнымъ гуломъ гудящая толпа съ каждой минутой становится безпокойнѣй и шумнѣй. Я смотрю на нее. Мысли

быстро, быстро бѣгутъ у меня въ головѣ. Негодованіе давно улеглось. Раздраженія не осталось и слѣда. Эти люди, этотъ народъ... Да, это нашъ народъ... Тотъ самый народъ, которому я вмѣстѣ съ другими всей душой моей, всю жизнь мою желала и готова была служить. Ну вотъ оно! Вотъ случай. Настало время. Вотъ они стоятъ передо мной безобразные, кричащіе, пьяные, готовые совершить дурное и жестокое дѣло...

Ну, и что же я?

Чувство страстной, горячей жалости охватываетъ меня, и уже не къ одной „учительшѣ", а къ этимъ самымъ полушубкамъ, къ безобразнымъ, изувѣченнымъ, жалкимъ и пьянымъ лицамъ. Ни малѣйшаго отчужденія отъ нихъ не чувствую я. Я не могла бы чувствовать того же среди какой-нибудь чужой, иностранной толпы. Здѣсь психологія ихъ мнѣ ясна. Я знаю, что творится теперь въ этихъ отуманенныхъ головахъ, знаю, сколько между ними есть такихъ, которыхъ всегда, даже и теперь, можно каждаго порознь уговорить, пристыдить...

Боже мой! Съумѣть придумать, найти общее для всѣхъ, настоящее, живое, до сердца доходящее слово. Сказать его имъ теперь, вотъ здѣсь сейчасъ, сію минуту. Смутить, образумить, воодушевить великодушнымъ порывомъ безобразную, жестокую толпу.

Молодость—пора несбыточныхъ ожиданій отъ жизни, ожиданій отъ самихъ себя, пора преувеличенія собственныхъ силъ. Въ молодости казалось, что если бы убійцы, разбойники напали, накинули бы петлю на горло и стали душить—съумѣлъ бы съ петлей на шеѣ уговоритъ ихъ не убивать, оставить, не дѣлать зла... И вотъ жизнь прошла и силы ушли... Стою я теперь—помѣщица Коробочка и молчу. Не разгорится, не охватитъ огнемъ чужія сердца скупо тлѣющій въ старомъ сердцѣ огонекъ. Нѣтъ вѣры. Нѣтъ силъ. Не находится словъ...

Но слово нашлось.

Оживленное восклицаніе неожиданно прерываетъ мои мысли.

— Дядя Макаръ, глянь! Глянько-сь!

Дядя Макаръ, разговаривавшій со мною, съ необыкновенною живостью поворачиваетъ голову.

— Новоселовскіе то ребята батюшкины знать полъ ведра починать пошли. Застанемъ ли, нѣтъ ли...

Въ самомъ дѣлѣ изъ заднихъ рядовъ отдѣлились и пошли черезъ улицу въ направленіи трактира нѣсколько мужиковъ.

Никакая сигнальная труба, ракета не могла бы оказать большаго дѣйствія. Толпа сразу разсыпалась и вытянулась вдоль улицы.

Бѣлокурый мужикъ какъ-то взвизгнулъ и бросился бѣжать.

Макаръ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, усмѣхнулся и солидно зашагалъ, махнувъ рукой.

Черезъ нѣсколько минутъ улица опустѣла. Мы остались однѣ.

Въ окно училища между горшками герани и тюлевыми занавѣсками мелькнуло знакомое, больное лицо „учительши“. Она никуда не уѣзжала и, вѣроятно, уже знала все.

XII.

Въ семейной тихо и пусто.

Рабочіе только что пообѣдали и ушли. Въ короткіе зимніе дни не отдыхаютъ послѣ обѣда.

Вдова Евпраксея стоитъ, наклонясь, спиной къ двери, въ пестрядевой юбкѣ и неизмѣнной заплатанной кацавейкѣ и моетъ ложки. Къ ней можно во всякое время привести гостя, не опасаясь воркотни, и всегда найдется горячее хлѣбово въ чугункѣ и всегда она угоститъ и накормитъ чѣмъ Богъ послалъ.

Гостья —такъ называемая „Горшковская бабушка“. Это полуслѣпая изъ сосѣдняго села Горшкова совсѣмъ уже древняя старуха; годовъ своихъ она уже давно не считаетъ и не помнитъ, но вѣроятно ей за семьдесятъ лѣтъ. Къ намъ она стала ходить послѣ смерти своего сына молодца-охотника Василія, убитаго лѣтъ пять тому назадъ. Послѣ него осталась у нея невѣстка—вдова съ двумя дѣтьми. Дѣвочка лѣтъ восьми—черноглазая и хорошенькая въ отца—водитъ бабушку по міру.

— Ты что же, баушенька, не бывала давно?—привѣтливо спрашиваетъ Евпраксея, помогая ей развязывать узлы и платки, которыми она перевязана по всѣмъ направленіямъ: платокъ на шеѣ, завязанный накрестъ на спинѣ, платокъ вмѣсто пояса, завязанный напереди, платокъ на головѣ и четвертый, которымъ подвязаны зубы поверхъ головного. Когда раскутались всѣ платки, подъ ними оказалась совсѣмъ маленькая, тщедушная старуха съ бѣлымъ выпуклымъ наростомъ на одномъ глазу.

Подобныхъ наростовъ ни разу не приходилось встрѣчать въ городахъ у достаточныхъ и даже у бѣдныхъ людей, а здѣсь они то и дѣло попадаются у всѣхъ возрастовъ, начиная отъ маленькихъ дѣтей.

Больной глазъ безобразитъ и безъ того жалкое, сморщенное лицо, но вообще старуха не жалуется на нездоровье; она говорлива и оживлена.

— Не была-то давно! Оттого не была—въ монастырь ходила, къ празднику, Богу молиться,—поясняетъ она, нащупывая руками лавку и садясь за столъ, на которомъ Евпраксея уже собираетъ обѣдъ.

— Три дня въ монастырѣ прожила, все къ обѣдни ходила. Въ церкви попъ спрашиваетъ: чья это просвирочка убившаго? Моя, говорю, батюшка.

— Сынка своего поминаешь все?

— А то какъ же! Поминаю, родимая, поминаю. Жена-то, Богъ ее знаетъ, поминаетъ ли, нѣтъ ли... А я сейчасъ просвирочку подамъ, а потомъ пойду, нищимъ ее раздѣлю. Помяни, молъ, Васильеву душу убившаго... Народу, народу въ монастырѣ!

— Много?

— Ночью,-то въ страннопріимной полегли—и скажи ты овцы безсчетныя. И не не сосчитать.

— Этому празднику Миколѣ-батюшкѣ всѣ празднуютъ,— подвигая чашку, замѣчаетъ Евпраксея.—Которые самые есть сталовѣры и тѣ празднуютъ.

— Празднуютъ, родима, празднуютъ,—подтверждаетъ, положивъ ложку и пережовывая беззубыми челюстями, старуха.—Мы то, стало-быть празднуемъ, а чужестранніе въ монастырѣ сказывали, прочіе то, слышь обижаются.

— Какъ обижаются! Кто же обижается, бабушка?—спрашиваю я.

— Да хошь бы Христово Воскресеніе. Обижается, родитель ты мой. Вѣрно. Чужестранніе люди сказывали.

— Что же они тебѣ сказывали? Разскажи.

Бабушка вообще разсказываетъ охотно. Собственно разсказъ у нея одинъ—объ убійствѣ сына Василія; но изъ монастыря она приноситъ иногда новости и разсказываетъ, пересыпая ими свою рѣчь, пока не дойдетъ до главнаго сюжета, къ которому сводятся неизмѣнно всѣ ея мысли и разсказы, вся умственная и душевная жизнь.

Я сижу и жду, пока она, ловя и не попадая со слѣпу на ложку, ѣсть, какъ лакомство, любимое блюдо—гречневую кашу. Послѣ обѣда старуха долго усердно крестится, причемъ шустрая внучка поворачиваетъ ее за плечи къ образу. Потомъ она передвигается на лавкѣ и нащупываетъ меня рукой.

— Здѣсь ты, матушка моя?

— Здѣсь, бабушка.

— Создай тебѣ Христосъ, Миколай-угодникъ милосливый. То-то вотъ и есть, родима ты моя, не праздновать, стало быть, нельзя, не полагается, а и празднуемъ—все тоже неловко будто выходитъ. Чужестранніе-то въ монастырѣ сказывали и жила бытто въ нѣкоторой сторонѣ счастливая женщина, вдова. Ну жила, Богу ли она молиться ушла, не плоше какъ вотъ я же теперь, по своимъ ли дѣламъ—только домъ заперла, остался домъ не причемъ. Послѣ того сталъ народъ примѣчать—лампадка въ дому теплится.

Сегодня горитъ лампадка, завтра горитъ лампадка... Ну и кто-жъ это хозяинъ въ дому? Что такое, молъ, никого нѣтъ, а лампадка теплится. Разыскали парня девяти годовъ, наняли въ дому ночь переночевать. Спровѣдай молъ: и кто же это лампадку зажигаетъ? Вотъ хорошо, пришелъ парень, полѣзъ на печь. Лежитъ на печи только слышитъ, приходятъ двое: Миколай-угодникъ, да Христово Воскресенье. Вотъ приходятъ, Христово Воскресенье и говоритъ: тебѣ, Миколай-угодникъ молебны служатъ и почитаютъ и по домамъ берутъ, а меня горькое Христово Воскресенье не стали почитать. Какъ встаютъ, такъ за работу берутся.

— Бабушка!—прерываю я.—Да какъ же мальчикъ-то узналъ, что это они?

— А они взошли, слышатъ, домъ-то не пустой.—Кто тутъ? А мальчикъ-то съ печи:—Ай!—Ты зачѣмъ сюда пришелъ? А онъ:-такъ и такъ, молъ, сегодня горитъ лампадка, завтра горитъ лампадка.—Много ли за ночь взялъ?—Пять рублей.—Покажи руку. Онъ протянулъ руку, а они ему это мѣсто и присмолили пять рублей. Которые грамотные разбираютъ. И вотъ этому мальчику повалила деньжа, вотъ деньжа... Черезъ его домъ богатый сталъ. Ну а, впрочемъ, притаманно-то никто не видалъ, не хочу сказать,—прибавляетъ она, трогая меня и проводя по платью рукой.

Я еще разъ повторяю вопросъ относительно личности входившихъ, но добиться отвѣта отъ старухи мудрено. Она и разсказываетъ, точно будто говоритъ сама съ собой и отвѣчаетъ не на чужіе, а на свои вопросы.

— Такъ вотъ оно дѣло-то какое, родима ты моя. Ну а поминать стало быть за всякое время поминай, это можешь. Поминаніемъ никого не обидишь, а ему на томъ свѣтѣ, упокойничку-то своему, легкость подашь черезъ свое, черезъ поминаніе. Убили вѣдь его у меня,—жалобно прибавляетъ она, помолчавъ.

— Кого, бабушка?—въ разсѣянности думая о другомъ, спрашиваю я.

— А Василія-то моего. Кузька Репьевскій его убилъ.

Я уже не одинъ разъ слышала этотъ разсказъ, но не прерываю и слушаю и на этотъ разъ.

Евпраксея убрала со стола и сѣла поодаль на лавкѣ, скрестивъ руки въ бѣлыхъ рукавахъ. Кацавейку она сняла, но на головѣ оставила большой платокъ и прислонилась головой къ стѣнѣ. И у нея свой такой же разсказъ, только у нея мужъ не убитый, а убійца самъ.

Маленькая дѣвочка находилась по дорогамъ и монастырямъ, пообѣдала и заснула на лавкѣ, тутъ же головой на бабушкиной сумкѣ, вытянувъ длинныя ножки въ чулкахъ.

Въ семейной тепло. Тараканы шуршатъ за картинкой на стѣнѣ. Старуха говоритъ спокойно, почти монотонно, словно про себя, повторяя, можетъ быть въ сотый разъ свой разсказъ, все еще смаргивая слезы на слѣпыхъ глазахъ.

— ...И пошли это, стало быть, они—мой-то Вася съ Кузьмой съ Репьевскимъ у помѣщика, у Вершинина лѣсъ валитъ. Пришли, значитъ каждый на свою полосу, а раньше-то грѣшнымъ дѣломъ въ Козлово зашли, выпили. Онъ—Василій-то мой идетъ, на лѣвой рукѣ топоръ держитъ. А Кузька-то глянулъ, и что это ему такъ померещилось, грѣху ли тутъ быть, не нашъ *) ли попуталъ, а только самъ себѣ говоритъ: вѣдь онъ меня — Василій-то быдто—убьетъ. Подошелъ къ Васѣ, да топоромъ его и прикрылъ. А онъ руками этакъ за голову схватился. „Кузька! говоритъ, за что ты меня?“ Присѣлъ на хворостокъ (хворостокъ тутъ этакій низенькій лежалъ) да руками за него и цапается. А Кузька-то (опять сказывалъ) думаетъ: встанетъ онъ—Василій—меня убьетъ. Да въ другой разъ его прикрылъ. Да, и въ другой разъ прикрылъ... Послѣ того пошелъ онъ домой въ Репьевское: я, говоритъ, человѣка убилъ... Вотъ ему и легкость за это, за его первое слово сдѣлали. Защитника московскаго нанялъ, сорокъ рублей отдалъ. Защитникъ его къ себѣ потребовалъ. „Я, говоритъ, тебя не посажу не на пять лѣтъ и не на пять дней“. Къ царю ему сейчасъ письмо написалъ: обоюдная, молъ, драка была. А судьи-то сидѣли-сидѣли, мигали-мигали, — присудили на пять мѣсяцевъ. „Что-жъ, онъ говоритъ, я и самъ радъ посидѣть. Какъ же сусѣди скажутъ: человѣка убилъ, а нисколько не посидѣлъ“. А то бы ему, матушка ты моя, на двѣнадцать лѣтъ руду копать. Да, вотъ и не бранились ничего, а велѣлъ Господь прикрыть и прикрылъ. Да, прикрылъ... Московскій какой-то защитилъ,—повторяетъ она, обтирая рукавомъ больной глазъ.

— А ты видѣла его потомъ, бабушка?

— Кого? Кузьку-то? Спустя время видѣла. Встрѣтила я его. „Кузинька, говорю, что-жъ это вамъ такъ разсудилось? — Мой грѣхъ, говоритъ, бабушка. Мой грѣхъ“... Я бы ему и покорилась; онъ бы травки когда покосилъ, да невѣстка не покоряется. — „Какъ я ему покорюсь? говоритъ. Онъ меня и то горькую сдѣлалъ“.

— Ужъ на что же горше. Его хозяйка, Кузькина-то жива?

Евпраксея внезапно срывается съ лавки, схватываетъ на окнѣ какой-то мотокъ и суетъ и ожесточенно запихиваетъ его въ ящикъ на полкѣ надъ окномъ.

— Тоже можетъ сама-то рада бы провалиться въ преисподъ-

*) Не нашъ — чертъ.

чною, не токмо что, — замѣчаетъ она и опять возвращается на мѣсто.

Старуха не слышитъ вопроса и продолжаетъ свое.

— Все бывало первое-то время его—Васинъ голосъ, бывало слышали. Идетъ бытто, да кличетъ издаля: „Аграфена! Грушка-а! Дочка милая, Сашенька!“ А теперь нѣтъ, ничего не слыхать.

— Замужъ-то она у тебя вдова не идетъ?—любопытствуетъ, повернувъ отъ стѣны голову, Евпраксея.

— Нѣ, не идетъ,—нехотя отвѣчаетъ старуха и вдругъ оживляется.—Оттого вдова замужъ не идетъ, что сынъ у ей. Мальчика обѣгаютъ. Ужъ она его и такъ, и эдакъ: „Такой ты, да распратакой! Я-бъ тебя живого въ землю закопала, да я бы тебя“... По всячески его облаетъ. А тамъ, смотришь, опять за него же возьмется: „Ванька, а Ванька! Какъ мы съ тобой, Ванька, безъ отца жить будемъ?“ По материну слову замужъ не идетъ: „твоимъ дѣтямъ, молъ, будетъ не родной отецъ, пойдетъ у васъ разнота“...

— Ну, а Кузьма-то сейчасъ живъ?

— Живъ. Въ монастырѣ чужестранніе говорили—простить его надоть, да Богу молиться за него. Живъ, какъ же, да тоже, мать, жисть-то его, сказывалъ мнѣ, не патока. Въ своей деревнѣ народъ остановится, а ему сейчасъ думается, про него говорятъ. Ребятенки съ его ребятами подъ окошкомъ играютъ, сейчасъ: „твой отецъ человѣка убилъ, видно и ты таковъ“.

— Ужъ это какъ есть, первымъ долгомъ, — замѣчаетъ Евпраксея.—На жену покоръ идетъ, а на дѣтей вдвое, его кровь.

— А все матери-то, милая моя, жальчѣй всего. Чужестранніе люди тоже сказывали: и шли этакимъ-же манеромъ парни двое, и два родные брата. Косить стало быть шли. „У меня коса востръй.—Нѣтъ, у меня востръй“. Стали помахивать, стали помахивать—одинъ одного-то и зарубилъ.

— Ахъ-ахъ! Ужли-жъ на смерть?

— На смерть. Какъ сталъ меньшой братъ помирать, мать и кличетъ: „Мать, а мать! Ты на него (на брата стало быть) не серчай. Это мы любезнымъ дѣломъ“.

— Господи батюшки! Миколай угодникъ милосливый, помилуй насъ грѣшныхъ. Эко дѣло! Эко дѣло-то!

— Да вотъ и не серчали и не ругались. Это мы, говоритъ, любезнымъ дѣломъ.

Старуха умолкаетъ и всѣ мы молчимъ.

Хорошенькая дѣвочка раскинулась на лавкѣ и тихо спитъ.

День меркнетъ. Сова кричитъ въ ветлахъ за огородомъ. На дворѣ откликается и подвываетъ собака.

Рабочіе возвращаются съ работы. Они топаютъ и отряхаются

въ сѣняхъ и, войдя, объявляютъ свѣжую новость: нашу церковь въ селѣ обокрали въ эту ночь.

Вновь назначенные сторожа угощали міръ, а ночью неизвѣстные люди подпилили желѣзную рѣшетку въ окнѣ и унесли серебряный крестъ, ризу съ образа и денегъ двѣсти рублей.

Подозрѣнія ни на кого нѣтъ. Слѣдъ ведетъ въ пустое гумно, а оттуда въ ночь снѣгомъ замело. Ходили, искали, ничего не нашли.

— На свой ликъ попущаетъ Господь,—замѣчаетъ Евпраксея.— Знать останныя живемъ времена.

XIII.

Но не все же тяжелыя и мрачныя, есть и свѣтлыя впечатлѣнія въ нашей деревенской жизни. Не было лучше елки и главное—приготовленій къ ней съ учениками школы.

Намѣреніе „высадить вонъ“ учительшу такъ и осталось намѣреніемъ. Рѣчь объ этомъ со времени схода не заводилась больше и все пошло благополучно по старому.

За нѣсколько недѣль до праздника послѣ уроковъ начались въ училищѣ репетиціи спектакля. Разъучивалась сцена изъ „Минина“ Островскаго и „Квартетъ“—передѣлка въ лицахъ басни Крылова.

Марья Ивановна, учительница, увлеклась сама не меньше дѣтей. Обладая природнымъ даромъ выразительнаго чтенія она—что еще рѣже—имѣетъ особенную способность передавать свою манеру ученикамъ. Дѣти слушаютъ и повторяютъ за ней съ точностью фонографа, отмѣчая ея интонаціи простыя, вѣрныя, поразительно-трогательныя иногда въ дѣтскихъ устахъ.

Послѣднія репетиціи происходили у насъ, въ столовой нашего флигеля.

Трое розвальней изъ Спасскаго отправлялись къ училищу въ село и возвращались набитые ребятишками, какъ грибами въ кошолкѣ, голова къ головѣ.

Всего артистовъ было восемнадцать человѣкъ. Сперва репетировали, потомъ усаживались за столы и пили чай. Послѣ чаю навязывали гостинцы для елки, золотили орѣхи, клеили, рѣзали, низали.

Намъ пришло въ голову, что именно эта часть приготовленій, утомительная для взрослыхъ, доставитъ особенно удовольствіе дѣтямъ. И мы не ошиблись. Восторгъ передъ подносами, нагруженными дешевыми и незатѣйливыми гостинцами отражался въ сіяющихъ дѣтскихъ лицахъ, въ восклицаніяхъ и разговорахъ.

— Орѣхи, орѣхи-то чудные какіе!

— Да нѣшто это орѣхи?

— Петька, глянь, еще несутъ.

— Всю, знать, Зиновьеву лавку откупили.

Представленія роскоши и обилія дальше Зиновьевской лавки не идутъ, но поразительно отношеніе къ этой роскоши. Ни разу ни одинъ изъ дѣтей впродолженіи нѣсколькихъ вечеровъ не попробовалъ потихоньку съѣсть, сунуть что-нибудь въ карманъ, сдѣлать то, въ чемъ попадаются нарядныя барыни на благотворительныхъ базарахъ и распродажахъ. Единственный предметъ, изъ-за котораго затѣвался споръ, былъ клубокъ красной шерсти для навѣшиванія гостинцевъ, который отпускался одинъ на каждый столъ. Дѣвочки то и дѣло требовали клубокъ къ себѣ. Мальчики задерживали и не отдавали.

— Давай его сюда. Нашъ клубокъ.

— Съ чего же онъ сталъ вашъ! Онъ намъ самимъ надобенъ.

— Клубочекъ мірской,—резонно положилъ ясноглазый, съ остриженной въ скобку головой, съ цѣлымъ слоемъ клею, золота и серебра на обѣихъ щекахъ и съ необычайной серьезностью въ лицѣ десятилѣтній будущій „мірской человѣкъ“. Пока онъ изображалъ Мишку въ „Квартетѣ“ и „одного изъ народа“ въ сценѣ изъ „Минина.“

Самимъ Мининымъ пришлось назначить дѣвочку—дочь учительницы, превосходно исполнявшую главную роль.

Мнѣ доводилось не разъ принимать участіе въ устройствѣ школьныхъ елокъ и школьныхъ спектаклей въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Праздники эти устраиваются по большей части широко и нарядно, по подпискѣ въ складчину, или на счетъ богатыхъ людей.

Наша елка не походила на нихъ, хотя, можетъ быть, и превосходила силою произведеннаго впечатлѣнія. Все было болѣе чѣмъ скромно, было бѣдно, не было ни декорацій, ни даже возвышенія для сцены; но все устраивалось въ здѣшнихъ краяхъ въ первый разъ. Ни взрослые, ни дѣти не видали никогда ничего подобнаго.

Главный недостатокъ былъ въ помѣщеніи.

Сначала было рѣшено устроить елку въ огромной залѣ стараго Спасскаго дома.

Бѣлая, свѣтлая, съ окнами на обѣ стороны зала, въ которой можно свободно разъѣхаться двумъ тройкамъ, была необычайно красива въ ясный, морозный день съ чудеснымъ, пышнымъ, зеленымъ деревомъ посерединѣ. Бѣда была въ дворянскомъ оскудѣніи: печи давно пришли въ ветхость, нуждались въ ремонтѣ и отопить залу не было никакой возможности. Мы надѣялись на теплый день, на жаръ отъ свѣчей, тепло отъ дыханія и скопленія народа.

Протестовала въ качествѣ практика-врача только одна пріятельница моя, энергичная, милая уже немолодая дама, пріѣхавшая въ наше захолустье съ дочерью провести съ нами Рождественскіе праздники.

Общество раздѣлилось на двѣ партіи. „Эстетики“ не слушались практическихъ совѣтовъ благоразумія и съ утра перешли въ залу съ подносами и корзинами, одѣвшись по зимнему, какъ на прогулку.

Къ удивленію, въ домѣ оказалось холоднѣе, чѣмъ на дворѣ.

— Совершенно нечему удивляться. Удивляться можетъ только помѣщица Коробочка,—съ первой же минуты начинаетъ протестовать женщина-врачъ.—Я вѣдь, кажется, раньше объясняла вамъ, почему здѣсь ничего устроить нельзя. Позвольте, да извѣстно ли вамъ, что собственно отличаетъ протопленную комнату отъ непротопленной?

— Что за вопросъ! Я думаю, теплота...

— Теплота! Количество теплоты, которое теряется путемъ усиленнаго лучеиспусканія въ холодномъ помѣщеніи. А лучеиспусканіе увеличивается съ увеличеніемъ разницы въ температурѣ тѣлъ неравномѣрно нагрѣтыхъ. Ясно это?

— Не только ясно, но и великолѣпно сказано. А только какъ они здѣсь „Минина“-то будутъ говорить, подумайте-ка. А вечеромъ, мы надѣемся, когда будутъ свѣчи и люди, лампы...

— Надежда достойная Коробочки. Да вѣдь, матушка вы моя, здѣсь семъ аршинъ вышины. Вы шутите этимъ! Каково же должно быть поглощеніе теплоты! Вы смѣетесь, а ничего смѣшнаго нѣтъ. Петтенкоферъ себѣ извѣстность составилъ этой теоріей.

— Я думаю, что овъ правъ,—со смѣхомъ кричитъ сверху Маша съ табуретки, поставленной на двухъ столахъ.—Батюшки, сейчасъ упаду! Конфекты поглощаютъ всю теплоту моихъ пальцевъ. Я отказываюсь. Нѣтъ, я больше вѣшать не могу.

— Ясное дѣло, что и слѣдовало ожидать. Послушайте да не говорите же вздору! Эстетика эстетикой, а надобно же и человѣчество пожалѣть. Изъ-за вашей эстетики мы наживемъ здѣсь сорокъ бронхитовъ, двадцать воспаленій въ легкихъ и половина ребятъ отморозитъ себѣ завтра носъ. Вы этого желаете? Я вѣдь уѣду скоро, лѣчить придется вамъ. Маша, слѣзайте-ка съ вашей вышки. Пойдемте лучше въ кухню. Я покажу вамъ, какъ дѣлать Бланшаровскій пирогъ.

— Пирогъ и тотъ ученый,—лукаво замѣчаетъ Маша, соскакивая круглыми деревенскими валенками со стола на полъ.—Брр... хуже чѣмъ на снѣгу. А все же жалко залы. Въ училищѣ не будетъ на половину такъ красиво.

Эстетики мечтали доставить своимъ гостямъ дѣйствительно

законченное художественное впечатлѣніе. Это чудесное дерево какъ въ лѣсу отъ корня до верхушки во всей красѣ своихъ пышныхъ, разубранныхъ вѣтокъ, озаренныхъ огоньками... Просторъ, резонансъ... Но 18° морозу въ деревнѣ равняется 25° въ городѣ. Не выдерживаетъ никакая эстетика.

Въ училищѣ все тотчасъ принимаетъ банальный видъ. Елку приходится обрѣзать, снять у нея верхушку и поставить ее въ уголъ ради экономіи мѣста. Потемнѣвшія деревянныя стѣны точно надвигаются со всѣхъ сторонъ.

— Вздоръ! Пустяки! Совершеннѣйшіе пустяки!—заявляетъ женщина-врачъ, „докторица", какъ ее уже всѣ называютъ здѣсь.— Дѣвицы, разговоры разговорами, а пора и къ дѣлу приступать. Ну, а вы, конечно, способны сокрушаться о срѣзанной верхушкѣ, знаю я васъ. Вотъ мы сейчасъ на ея мѣсто приспособимъ звѣзду.

Когда вечеромъ передъ этой звѣздой, засіявшей подъ потолкомъ, стройный, твердо обученный хоръ тонкихъ дѣтскихъ голосовъ запѣлъ „Рождество Твое Христе Боже нашъ" и... „насъ бо ради родися Отроча младо, превѣчный Богъ",—я все же увидала глубокое умиленіе на лицахъ слушателей и почувствовала нѣкоторое удовлетвореніе.

Спектакль не удался, несмотря на прелестную игру артистовъ. Маленькая дѣвочка—дочь учительницы, игравшая Минина, пришла къ представленію завитая, въ неснятыхъ еще папильоткахъ.

— Ночь не спала, все себѣ кудри устраивала, потому что, видите ли, на памятникѣ въ Москвѣ Мининъ кудрявый изображенъ,—со смѣхомъ разсказывала мать.

Этими кудрями должно быть и ограничилась вся иллюзія. Остальное погибло въ неописуемой тѣснотѣ и духотѣ.

Извѣстіе о затѣвавшемся диковинномъ, невиданномъ праздникѣ, благодаря ученикамъ, распространилось въ нѣсколькихъ деревняхъ. Родные—близкіе и дальніе—пожелали придти посмотрѣть. Никакими усиліями не удавалось осадить надвигавшуюся отъ дверей толпу, чтобы очистить сколько-нибудь достаточное мѣсто для представленія.

Трогательныя слова роли: „Друзья и братья, Русь Святая гибнетъ. Друзья и братья, православной вѣрѣ конечная погибель предстоитъ..." произнесенныя съ необычайно-трогательной выразительностью худенькой дѣвочкой въ мужской рубашкѣ и кафтанчикѣ, съ набѣгавшими на выпуклый, блѣдный лобъ, жидкими кудрями—пропали въ глухомъ гулѣ все прибывавшей неукротимой, любопытствующей толпы.

Не помогла докторская энергія, усилія двухъ сторожей, приставленныхъ къ дверямъ.

Народъ хлынулъ сплошной волной полушубковъ и заполонилъ все, каждый вершокъ тѣснаго помѣщенія. Была минута, когда всѣмъ намъ стало не по себѣ, жутко. Казалось, что не выдержитъ, разлетится по бревну все строеніе и только педагогическая опытность „учительши“ помогла водворить хотя нѣкоторое подобіе порядка.

— Какая жалость, что теперь ничто не поглощаетъ теплоту! Что объ этомъ думаетъ Петтенкоферъ?—поддразниваютъ барышни, обмахиваясь платочками.

Отъ тѣсноты, отъ свѣчей, отъ полушубковъ жара стоитъ невообразимая, но, несмотря ни на что, всѣ довольны и лица сіяютъ восхищеніемъ.

Гораздо больше Минина имѣлъ успѣхъ въ публикѣ „Квартетъ“. Появленіе актеровъ въ маскахъ, съ игрушечными инструментами въ рукахъ, было встрѣчено восторженно.

— Батюшки, ряженые! Петь-глянь, глянь-ка, медвѣдь. Онъ самый! Живой!

— А это же кто таковъ?

— Оселъ. Мамка, смотри. Это оселъ.

— Облезьянка! Козелъ! Играютъ! Батюшки, да какъ хорошо-то. И не узнаешь, право не узнаешь ни по чемъ. Дѣвки чьи-жъ такія будутъ?

— Я призналъ! Я призналъ! Это Машутка съ Санькой. Это парень. Ишь какъ валяютъ!

— Медвѣдь-то, Мишка какъ на скрипкѣ запаливаетъ.

— А это же кто съ птичьей-то головой? Не узнала, батюшки! Кровь свою не признала. Гришутка, ахъ ты мой родной! Да какъ хорошо, да какъ гоже-то! Ахъ вы мои голубчики бѣлые!

Содержаніе квартета среди шума врядъ ли понятно кому-нибудь кромѣ учениковъ, но восхищаетъ все вмѣстѣ: елка, освѣщеніе, ряженые, оживленіе исполнителей. Мужики поднимаютъ на руки и сажаютъ себѣ на плечи самыхъ маленькихъ дѣтей. Появляется пьяный человѣкъ. Его тотчасъ же заботливо выводятъ вонъ.

— Занятно. Какъ же не занятно-то,сударыня,—отвѣчаетъ на вопросъ немолодая уже женщина съ ребенкомъ на рукахъ.—И жили, и вѣкъ свой изжили, а этого не видали. Впервые Господь привелъ. Теперь наши ребята всю ночь не уснутъ. Всю ночь какъ есть, до бѣла утра.

Ребята одѣляютъ гостинцами, мальчиковъ въ шапки, дѣвочекъ въ фартуки.

Догораютъ свѣчи на потемнѣлыхъ вѣткахъ, народъ расходится по домамъ, но долго еще, много дней идутъ толки о елкѣ, о

ряженыхъ, а ученики въ школѣ выражаютъ желаніе готовиться и учить роли къ новому представленію.

Мы пережидаемъ толпу и идемъ своей маленькой, женской гурьбой.

Еще не поздно. Морозитъ. Долженъ быть молодой мѣсяцъ, но его не видно за тучами. Понемногу тучи расходятся и звѣзды выступаютъ одна за одной въ промежуткахъ разрывающихся облаковъ. Бѣлыя поляны нетронутыхъ, глубокихъ снѣговъ лежатъ по обѣимъ сторонамъ узкой, слабо наѣзженной дороги. Послѣ духоты легко дышетъ грудь. Всѣ молчатъ.

— Слушайте! — окликаетъ женщина-врачъ.—Если случится быть здѣсь въ будущемъ году, давайте устроимъ елку на воздухѣ, на сугробѣ посреди вашего двора. Тогда вмѣсто этой нелѣпой звѣзды, которая сегодня загоралась нѣсколько разъ—я такъ и думала, будетъ пожаръ—надъ елкой будетъ горѣть настоящая звѣзда..,

— Да... хорошо... непремѣнно... „Звѣздамъ служащіе, звѣздою учахуся“...

— Нѣтъ, не „учахуся“, а лучше теперь, что-нибудь другое... „Намъ звѣзды кроткія сіяли“... Маша помните? Вы это поете, кажется?

— Пою.

— Спойте, какъ придемъ.

— Хорошо.

— Смотрите! Смотрите! Ахъ какая ночь! Да вотъ отчего этого никто никогда не сумѣетъ нарисовать и описать?

Съ горы видно на нѣсколько верстъ кругомъ. Быстро бѣгутъ вверху оторвавшіяся, легкія облака. Тучи продвинулись всѣ къ одной сторонѣ точно одинъ исполинскій, на половинѣ неба отпахнувшійся занавѣсъ.

— Въ третій день Богъ создалъ солнце, луну и звѣзды. Смотрите! Они всѣ теперь за этимъ занавѣсомъ...

Мѣсяцъ выплылъ изъ-за занавѣса и засіялъ надъ сплошными, нетронутыми снѣгами и зажегъ алмазныя искры на снѣгахъ.

А надъ маленькимъ, жалкимъ флигелемъ съ нахлобученной снѣговой шапкой, изъ за вѣтокъ старой елки, словно опрокинувшись на самую крышу, громадными, ни для чьихъ хищническихъ рукъ недоступными брилліантами, сіяли семь звѣздъ.

Л. Нелидова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НЕУДАЧНИКЪ.

(ФОСТЭ ФОРЛАНДЪ).

Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зенковичъ.

(*Продолженіе* *).

— Ты здѣсь Бера?— воскликнулъ Фостэ вбѣжавъ въ кондитерскую.— Я увидѣлъ тебя сквозь окно.

— Мы переѣзжаемъ съ дачи сегодня,—объяснила она,—дома такъ холодно и неуютно, я и зашла обогрѣться и оттаять за чашкой шоколада.

— Съ твоего позволенія я подсяду къ тебѣ. Барышня, пожалуйста и мнѣ чашку... Я сейчасъ прямо отъ городского архитектора, понимаешь. Мнѣ приходится говорить медовыя рѣчи, извиваться угремъ, чтобы вбить имъ въ головы, какое великое будущее открывается нашему городу,—всѣ условія большого курорта на лицо! Но надо открыть имъ глаза! Прирожденная близорукость позволяетъ имъ пользоваться только привычными наѣзженными дорогами, отправлять суда черезъ Зундъ и получать по фрахтовымъ векселямъ. Надо задѣть ихъ мѣстный патріотизмъ, понимаешь, высѣкать изъ кремня искру, разжечь большой огонь въ маленькомъ городѣ!.. Но, разумѣется, они всѣ пока еще сомнѣваются въ прочности и основательности моихъ проектовъ. Для нихъ я все тотъ же безпокойный Фостэ, вернувшійся домой!

— А ты ждалъ, что они окажутся такими понятливыми,—пошутила Бера,—и тотчасъ предоставятъ свои денежки въ твое распоряженіе, по первому твоему слову?

— Совсѣмъ нѣтъ, но они повѣрятъ въ концѣ концовъ! Небольшой молъ—и курортъ готовъ, да такой, подобно которому не сыщешь и въ Европѣ! Вода свѣтла до прозрачности, тихая, спокойная безъ волненій, потому что вѣтеръ съ сѣверныхъ высотъ разыгрывается лишь далеко

*) См. «Міръ Божій» январь, № 1, 1901 г.

въ морѣ... Къ тому же имѣется чудесная, далеко уходящая въ море отмель, гдѣ мы, городскіе ребята, такъ сказать, получили крещеніе и купались въ жаркіе лѣтніе дни, въ то время, какъ волны катились на бархатистый бѣлый песокъ... А съ другой стороны заливъ у самой скалы, куда можно бросаться въ глубокую воду! Это, собственно говоря, единственно-яркія воспоминанія моего дѣтства. Оттого-то здѣсь и заключается идеалъ счастья, который я желалъ бы воплотить въ дѣйствительность. Дать усталой, больной, озабоченной душѣ пережить вновь такой волшебный лѣтній день на морѣ, да я не промѣнялъ бы этого ни на что. Тебѣ это кажется дѣтскимъ, наивнымъ?

— Совсѣмъ напротивъ, Фостэ... напротивъ...

— Да, но, ты понимаешь, у меня въ рукахъ есть и другіе аргументы?

— Ничего, кромѣ этого, Фостэ! Когда у тебя прорываются наружу твои искреннія мысли, я всегда всецѣло тебѣ сочувствую. Пусть курортъ будетъ именно тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Человѣка нельзя отдѣлять отъ его дѣла. Но я понимаю, ты такъ же, какъ и другіе... Я забылъ, что гдѣ есть провинціалы, — есть и провинціалки.

— Прости, что я посмѣялась надъ тобой, Фостэ! Садись, успокойся и поговори съ провинціалкой.

Онъ быстро шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ ужъ полвѣка море шумитъ и рокочетъ у этихъ береговъ, у этой пристани и только ждетъ человѣка, который написалъ бы палкой на пескѣ слово курортъ. Море несетъ къ намъ два лѣчебныя средства: медузъ и илъ, а горный вѣтерокъ вѣетъ смолистымъ ароматомъ хвои. У насъ здѣсь на диво собраны лѣсъ и скалы, воздухъ и море. Но пусть его вѣетъ, пусть, — только бы намъ подальше отъ всякихъ проектовъ!.. Укрѣпляющій, теплый морской воздухъ, весь городъ жадно глотаетъ его! Онъ несетъ съ собою мягкую прохладу, которая такъ и манитъ ихъ ко сну,—наполняетъ легкія своей цѣлебною солью.

— Боюсь, Фостэ, у меня голова пойдетъ кругомъ... Городъ, однако, рисуется мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— Я часто думаю, Бера, что мы оба,—да именно оба,—души, блуждающія во тьмѣ, но порой, какъ при вспышкѣ молніи, узнаемъ другъ друга, а тамъ снова принимаемся играть въ жмурки — играемъ въ дружбу!

Бера безсознательно выпрямилась на стулѣ и по лицу ея промелькнуло выраженіе испуга.

— Я помню, каждый разъ, когда я видѣлъ тебя такой, глаза горятъ, надъ бровями открытый высокій лобъ, ротъ, который въ молчаніи говоритъ такъ просто и понятно, что ты не нуждаешься въ словахъ... Вотъ твой портретъ, который запечатлѣлся въ моей памяти...

У Беры слегка дрогнули губы.

— Да, въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ рисуются тебѣ всѣ, кто во всемъ соглашается съ тобой. Такова твоя натура, Фостэ, это я хорошо знаю... Но кто сколько-нибудь усомнится?

— Знаешь, въ тебѣ, Бера, гдѣ-то въ глубинѣ, есть частица прозы, я каждый разъ наталкиваюсь на нее, — и это недостатокъ. Но онъ относится къ остальному такъ, какъ веснушки, если бы онѣ были на твоемъ красивомъ лицѣ.

— Я не обижаюсь на тебя Фостэ, но,—она улыбнулась, протягивая ему руку,—что скажешь ты о нашей старой дружбѣ?

— Дружба? Ахъ да, прости меня, Бера! Я какъ быкъ, который вѣчно рвется къ стойлу. — Онъ схватился за шляпу. — А вотъ и Кристина Торнъ съ цѣлымъ запасомъ городскихъ новостей и сплетенъ, конечно, въ надеждѣ выгрузить все это въ дружеской трескотнѣ здѣсь въ кондитерской.

— Здравствуйте, фрекенъ Торнъ! — сказалъ Фостэ, пропуская ее мимо себя, на лѣстницѣ.

— Однако, Бера, никто не заподозритъ тебя, что своимъ отношеніямъ къ своему другу protégé Фостэ ты хочешь придать иной, болѣе интимный характеръ,—шепнула Стина садясь.

— Отнюдь нѣтъ, ты совершенно права, Кристина.

— Но о тебѣ говорятъ, что ты играешь съ нимъ какъ кошка съ мышью.

— Вотъ какъ!

— Ахъ, не прикидывайся, будто ничего не знаешь. Никто лучше тебя не видитъ, что твой другъ геній, чудакъ, носится съ тысячью идей, разглагольствуетъ о нихъ, встряхивая волосами и сверкая глазами. Я сказала бы, что онъ довѣрчивъ какъ дитя, если бы вчера не видѣла своими глазами, какъ онъ становится золъ и язвителенъ, чуть кто-нибудь осмѣлится возражать его свѣтлости. Такъ было съ моимъ братомъ Іоганомъ, когда онъ замѣтилъ, что проектъ отеля съ шестью стами комнатъ слишкомъ головокружителенъ для нашего маленькаго городка.

— Ужъ и шестьсотъ!—тихо замѣтила Бера.

— Ну, во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о сотняхъ...

— Фостэ говорилъ мнѣ, насколько я помню, что его планъ разсчитанъ на сто двадцать пять комнатъ, а Мартенсъ не идетъ дальше восьмидесяти.

— Тамъ будетъ башня, для вида,—летѣла Стина дальше,—крыша для прогулокъ, какъ на югѣ! Да, но этого я не должна бы разсказывать, Іоганъ передавалъ, что Блинкенбергъ въ отчаяніи отъ этого проекта. Его отель сильно пострадаетъ. Положимъ, онъ дѣйствительно устарѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Это вы о Фостэ Форландѣ?—раздался веселый голосъ стараго судохозяина Торбенсена, который зашелъ выпить стаканъ портвейна.—

Совсѣмъ осень — сыро... Да, онъ хочетъ раздвинуть городскія стѣны до самой косы. Будетъ цѣлый новый кварталъ. Народъ будетъ ходить въ купальныхъ костюмахъ, къ тому же при электрическомъ освѣщеніи,—вотъ-съ какъ, сударыни...

Онъ бросилъ въ ихъ сторону довольный взглядъ.

Бера завязала боа.

— Ну, теперь, пожалуй, возы уже пришли, надо поторопиться. Прощай, Кристина,—сказала она и вышла.

Осень вступала въ свои права, — желтое небо, желтые листья на лѣсныхъ пригоркахъ, морозный воздухъ и клочки инея на улицахъ. Подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о былыхъ мытарствахъ, Фостэ почувствовалъ искушеніе пройтись по улицѣ. Не было ни одного дома, расположеніе и обстановку котораго онъ не зналъ бы наизусть, жизнь котораго не наблюдалъ бы изо дня въ день въ тѣ времена, когда ходилъ съ своимъ обѣденнымъ спискомъ, стоялъ и стучался у дверей, желая шмыгнуть на кухню. А эти вѣчные взгляды сыновей и дочерей,—теперь дамъ и господъ,—у которыхъ въ домѣ онъ ѣлъ селедку и молочные блины по субботамъ, или по воскресеньямъ — жаркое и пуддингъ!... Его бранили, если онъ приходилъ слишкомъ поздно, и онъ чувствовалъ себя неловко, если приходилъ рано; бывало, онъ стоялъ и ждалъ, пока позвонятъ. Застѣнчивые вопросы, стѣсненное поведеніе, неувѣренность въ себѣ, постоянная подозрительность...

Возвратившись, онъ встрѣчалъ ихъ всѣхъ, и снова у всѣхъ та же улыбка при встрѣчѣ съ нимъ.

Повидимому, униженіе или всеобщее сожалѣніе и состраданіе—вотъ его удѣлъ. Или... Фостэ разомъ повернулъ и быстро зашагалъ вверхъ по главной улицѣ къ банку... Или же онъ станетъ вождемъ—первымъ человѣкомъ, который, начавъ ни съ чѣмъ, въ концѣ-концовъ создастъ изъ городишки—большой городъ!

— Дядя Іооль,—словно подводная скала или мысъ, который трудно обойти. Онъ, вѣроятно, готовъ употребить все свое значеніе и вѣсъ, чтобы задушить дѣло. Пожалуй, ему придется и сегодня проглотить не одну пилюлю.

Фостэ торопливо постучалъ въ дверь конторы и вошелъ, не дождавшись отвѣта, Дядя Іооль сидѣлъ сгорбясь въ качалкѣ, придвинутой къ самой печкѣ: онъ теперь поправлялся отъ припадка астмы и кашля.

— Всякій разъ я прихожу въ то время, когда ты такъ мучишься, дядя!—извинился Фостэ.—Мать говоритъ, что ты непремѣнно долженъ собраться къ доктору. А то это можетъ дурно кончиться.

— Твоя мать говоритъ?—Дядя грустно покачалъ головой. — Мой опытъ говоритъ мнѣ, что если я разъ отдалъ часы въ починку, то,— онъ задохнулся, перевелъ дыханіе и продолжалъ: и если разъ обратиться къ доктору, за нимъ слѣдомъ придетъ и священникъ. Един-

ственное испытанное средство—крѣпиться, и это я дѣлаю! Ну, теперь прошло... Это такое же средство, какъ противъ бѣдности—стать богатымъ. Да, да, теперь, конечно, совсѣмъ прошло... Мятныя капли, напримѣръ, и пока человѣку помогаютъ такія простыя средства,—дѣла его еще не такъ плохи, любезный Фостэ!

Онъ всталъ и сталъ ходилъ по комнатѣ, потягиваясь и выпрямлясь.

— Повидимому, сдавъ экзаменъ на архитектора, ты спеціально посвятилъ себя тому роду построекъ, что зовутся почтеннымъ именемъ—воздушныхъ замковъ!—бросилъ онъ на ходу.

— Разныя точки зрѣнія, дядя...

— Я заранѣе зналъ, что это кончится чѣмъ-нибудь удивительнымъ... Если человѣка, у котораго и свои винты не всѣ завинчены, начнетъ развинчивать ихъ у другихъ, то...

— Я всегда считалъ, дядя, что у тебя чертовски сильная манера выражаться, и очень бы желалъ послушать, какъ ты разносишь когонибудь на общемъ собраніи.

— Но я скажу,—голосъ старика звенѣлъ,—строй, по моему, строй хоть до небесъ, но не смущай только народъ! Весь мелкій людъ здѣсь, на берегу, и тамъ, на косѣ,—всѣ они захотятъ убѣдиться, не скрыты ли въ самомъ дѣлѣ въ ихъ землѣ сокровища, которыя могутъ сдѣлать ихъ Крезами.

— Право, ужъ не досадно-ли тебѣ, что ты слишкомъ долго медлилъ укрѣпить за собой береговые участки, которые можно было получить за грошъ!

— Что? Что ты говоришь?... Я?!

— О, весь городъ знаетъ, что ты намѣренъ завѣщать все свое состояніе въ пользу какого-нибудь предпріятія или учрежденія.

— И это извѣстно всему городу?

— Да, а развѣ это не правда?

— Ну, еще бы!... Развѣ весь городъ не состоитъ моимъ должникомъ? Быть можетъ, я долженъ сію минуту отправиться въ банкъ и перевести на счетъ города все, что я имѣю!—вскричалъ дядя Іооль.

— Во всякомъ случаѣ, ты жилъ при свѣтѣ этой вѣры, дядя.

— Смѣю просить тебя, оставайся ты со своими воздушными замками и предоставь мнѣ строить и заниматься своими воздушными учрежденіями!

— Однако, дядя Іооль, все это, такъ сказать, дѣло вѣры. Можно начать думать и о большомъ городѣ.

— Да, да, да!—радостно заговорилъ дядя Іооль.—Дѣло вѣры, что же нужно еще для завершенія этого дѣла... Итакъ, курортъ готовъ?

— Да, разъ весь городъ увѣровалъ въ него,—дѣло сдѣлано, дядя.

— Поздравляю, поздравляю.. Я уже получилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія... Кланяйся твоей бѣдной матушкѣ.

— Могу тебѣ сказать, дядя, дѣло это возбудило всеобщее внима-

ніе. Ты самъ только-что упомянулъ меньшую братію съ берега и съ косы. Подумай только, сколько половинныхъ акцій и четвертушекъ сбуду я тамъ! А тамъ придутъ наши суда, вернутся домой капитаны и штурманы... Неужели ты думаешь, — ихъ трудно будетъ убѣдить, что ихъ земли и дома могутъ подняться до небывало-высокой цѣны? Ужь не думаешь-ли ты, что землевладѣльцамъ недоступна мысль, что благодаря такому курорту, ихъ городу открывается,—о чемъ прежде они не могли и мечтать,—широкое будущее, что для него возникаютъ новые источники существованія, увеличиваются шансы къ дальнѣйшему росту и процвѣтанію? А вся округа!... Неужели она откажется отъ сосѣдства съ большимъ городомъ?—горячился Фостэ.

— Да, да, да,—задыхался дядя Іоль,—именно такъ, совершенно такъ, дальше и дальше... Всегда всѣ такъ разглагольствуютъ на вѣтеръ о своихъ воздушныхъ замкахъ, пока дѣло не дошло до денегъ!.. Да, конечно, одѣнь коровѣ зеленые очки и не давай ей сѣна... Только за тѣмъ и стало, чтобы надѣть городу на носъ свои очки!

— Деньги должны придти, дядя. Разъ повѣрятъ въ удачу, пойдутъ и на рискъ...

— Да, да, да... именно такъ,—рискъ...

— За счетъ будущихъ богатствъ.

— Охо-хо-хо,—простоналъ дядя Іоль,—ну вотъ и слово нашлось—будущія богатства!

— Когда предлагается выборъ между нулемъ и золотомъ, дядя, большинство протягиваютъ руки.

— Вотъ потому-то такіе говорильныхъ дѣлъ мастера, какъ ты, и начинаютъ вбивать намъ въ голову, что они видятъ всюду вокругъ золото. Но, что, дѣйствительно, у нихъ въ рукахъ,—не хочу сказать.

— Поразительно, удивительно видѣть тебя, дядя, въ этой мертвой водѣ,—видѣть, какъ ты идешь противъ теченія. Однако, въ молодости ты поступалъ иначе, когда спекулировалъ на Тихомъ океанѣ и въ Калифорніи! Да, дядюшка, теперь ты ослабъ! Ахъ, если бы можно было вернуть прошлое, чтобы ты могъ шагнуть еще разъ! Этотъ шагъ, быть можетъ, удвоилъ бы твое состояніе!... Только нужно снова стать молодымъ, надо ловить мысль на лету, создавать самому идеи. Такимъ путемъ ты, я думаю, воздвигъ бы себѣ болѣе долговѣчный памятникъ, чѣмъ создать «заведеніе»! Ты рожденъ для глубокой воды, дядя, а все время сидѣлъ, какъ большая птица, въ крошечной клѣткѣ, считалъ да подсчитывалъ и почти забылъ, что когда-то умѣлъ летать. Прими же, дядя, участіе въ созданіи большого города, закончи постройкой большихъ домовъ для маленькихъ людей! Создай общество, мысли котораго простирались бы далеко за ближайшую шкеру!..

— Право, истинное развлеченіе смотрѣть, какъ ты выдуваешь мыльные пузыри. Но если пузырь твой лопнетъ когда онъ лопнетъ,—повторилъ онъ еще разъ, стиснувъ зубы.

— Здѣсь есть идея. Но побѣда останется за тѣмъ, кто сумѣетъ овладѣть ею. Я не стану перечислять тебѣ всѣ преимущества, которыми мы обладаемъ. Но чего я желалъ бы, дядя,—это проложить въ нашъ портъ путь туристамъ! Дѣло только за тѣмъ, чтобы оградить моломъ купальную бухту и передать предпріятіе въ руки надежнаго обезпеченнаго акціонернаго общества.

— Нынѣ акціонерныя общества растутъ, какъ грибы!—раздраженно вставилъ дядя Іооль.

— И тогда городъ пойдетъ навстрѣчу совершенно новому будущему. И мнѣ казалось, что именно такое предпріятіе способно дать удовлетвореніе такой силѣ, какъ ты, дядя, пожелай ты только стать во главѣ его и предоставь городу свое имя для гарантіи дѣла!

— Я—иниціаторъ!.. Родоначальникъ дѣла? Скажи лучше—виновникъ гибели цѣлаго города... Да сохрани меня Богъ!

— Это все демонъ стяжанія!—вспылилъ Фостэ.—Нѣтъ сомнѣнія, такія суетныя души тяготѣютъ къ болѣе низменнымъ вещамъ!

— Что, что?—Дядя Іооль слушалъ въ оба уха.

— Земля—темница, изъ которой подымаются вверхъ только свободные духомъ; это—тайна... Ты никогда не разстанешься со своими деньгами; этотъ якорь крѣпко притягиваетъ тебя къ землѣ!

— Честное слово, тебѣ-бы быть проповѣдникомъ, это хорошая дорога!...—замѣтилъ дядя Іооль въ слѣдъ Фостэ.

V.

Фостэ сидѣлъ наверху въ своей низкой мансардѣ; въ печкѣ трещалъ огонь, а по стеклу маленькаго окна лились потоки осенняго дождя.

Въ комнатѣ только и было мѣста для несоразмѣрно большого письменнаго стола. На крючкахъ за кроватью, на комодѣ и на веревкахъ по стѣнамъ висѣли, стояли и лежали тяжелые бѣлые картоны и свитки, заключавшіе въ себѣ безчисленныя выкладки, чертежи, наброски, смѣты проектированнаго купальнаго заведенія.

Онъ просиживалъ за чертежнымъ столомъ съ разсвѣта до поздняго вечера, когда приходилось работать при лампѣ.

Надо было представить точный планъ, съ точными же чертежами, разсчетами и вычисленіями...

Съ планомъ въ рукахъ спустился онъ внизъ.

— Мама, Сельви! вотъ вамъ купальня въ окончательномъ видѣ!

— Да—нѣтъ, мама, мы поговоримъ съ тобою послѣ,—нетерпѣливо замѣтила Сельви и вышла изъ комнаты.

— Агнета,—съ грустью объяснила фру Форландъ,—губитъ она молодую жизнь.

— А! она только и пишетъ о сырѣ да о попѣ, о маслѣ да ку-

рятникѣ, да о томъ, что въ этомъ ея призваніе. Послушай, мама,—если-бъ только Агнета захотѣла подождать годъ, два, пока я не проведу своего предпріятія... Напиши, телеграфируй ей,—направимъ на пробста электричество! Все-таки—не завладѣли же ею окончательно тролли въ этой сырной норѣ.

— Но я не знаю, когда она дастъ ему слово,—сказала фру Форландъ съ отчаяніемъ.—Мы не должны вмѣшиваться въ это, мой мальчикъ. Все кругомъ такъ ненадежно.

Она взялась за голову.

— Ненадежно? Конечно, рѣчь обо мнѣ! Такъ вотъ какъ вы думаете... Опять неудача! А тамъ народъ, въ ожиданіи, словно бурное море вокругъ дома...

— Нѣтъ дитя, Фалькенбергъ не считаетъ, что эта идея—безсмысленна или невозможна, но трудно создать благопріятное настроеніе, добыть денегъ!

— Полно, мама! Положись на силу, заключающуюся въ правильной и ясной мысли. Въ ней сила истины. Она побѣдитъ и прорветъ себѣ путь. Повѣрь мнѣ, много народу уже теперь на всѣ лады поворачиваютъ мою мысль, нѣтъ ли дѣйствительно въ ней золота... Однако, мама, я думаю расширить отель двумя флигелями.

— Расширить, да,—вздохнула фру Форландъ.—Онъ будетъ такъ страшно великъ для тебя, Фостэ!

— Посмотри, мама, сюда на чертежъ... Это крыло выходитъ въ переулокъ, понимаешь. Такимъ образомъ мы получимъ видъ на берегъ, дачи и холмы будутъ позади. Совсѣмъ иное будетъ впечатлѣніе отъ лѣса. Переулокъ, конечно, совсѣмъ надо передѣлать, всѣ развалины долой, совершенно долой!... Развѣ не блестящая идея, а? Что скажешь мама?

— Эхъ, что такая старуха можетъ дѣлать, говорить или думать... Съ одной стороны у меня Детлевъ, двѣ дочери, обѣ онѣ выйдутъ замужъ по своему желанію, съ другой стороны ты съ цѣлой лавиной сооруженій и плановъ! А сама я хожу съ палкой, скрючена такъ, что не могу глазъ поднять къ потолку... Что удивительнаго, если у меня иной разъ идетъ голова кругомъ,—горько улыбнулась она,—точно у птицы загнанной подъ стрѣху. Порою я думаю, мнѣ не остается ничего другого, какъ прочесть «Отче нашъ» и попробовать лечь, не пройдетъ ли все это сномъ. Что понимаю я во всѣхъ твоихъ планахъ и формулахъ, Фостэ?—Я знаю только, что я крѣпко вѣрю въ своего мальчика, чтобы ни случилось! Такова наша старушечья доля; Богъ вѣсть, кѣмъ или чѣмъ осуждены мы на это, но это предѣлъ, его же не прейдеши...

— Мама, дорогая матушка, Богъ тебя благослови!

— Да, мать, но даже и она можетъ иногда придти въ отчаяніе. Бѣдная, бѣдная моя Агнета!—неудержимо вырывалось у нея.—Лучше

бы мнѣ слышать, что она убита и уже въ землѣ. А такъ! Гордая, красивая, молодая!.. Я возстану, я возстану, возстану,—повторяла она все тише и тише.

Фостэ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ по комнатѣ.

— Слушай, мама! Еслибы она услышала отъ тебя или отъ Сельви, что мое предпріятіе имѣетъ какіе-нибудь шансы, она никогда-бы не связала себя съ трупомъ. Можетъ быть лучше, чтобы я написалъ? Повѣрь, я сумѣю показать ей товаръ лицомъ.

Фру Форландъ безпомощно посмотрѣла на него и въ раздумьи оперлась на палку.

— Да-а,—отвѣтила она,—отъ многаго въ жизни можно бы избавиться, лишь бы умѣть вѣрить. Зачѣмъ Господь въ своей мудрости вложилъ бы тебѣ эти мысли, какъ не затѣмъ, чтобы ты увѣровалъ въ нихъ, дѣйствовалъ согласно съ ними, проводилъ ихъ въ жизнь?... Вѣра, вѣра, Фостэ!.. — она покачала головой. — Да, я могу сказать, — вѣрю, что Детлевъ получитъ въ будущей блаженной жизни все, что ему не хватаетъ здѣсь. И для себя я вѣрю, что когда-нибудь я выпрямлюсь. Во время тяжелой прошлогодней болѣзни я видѣла какъ-то во снѣ, что стою въ чужой церкви, пою звонкимъ голосомъ дней моей юности, а Детлевъ дирижируетъ огромнымъ хоромъ на галлереѣ, подъ сводами... А для тебя, сынокъ, я никогда ни видѣла ничего такого удивительнаго... Только одно приняла я за предзнаменованіе: ты былъ ребенкомъ, сидѣлъ на вишневомъ деревѣ въ саду и кричалъ: мама, а я цвѣту! Быть можетъ, потому-то я и не смѣю сомнѣваться,—не смѣю. Въ послѣднее время я часто подолгу сижу и воображаю, что смотрю изъ оконъ твоего новаго отеля на холмы и шкеры въ лѣтній вечеръ, на солнце, уходящее въ море...

— Видишь, мама! ты и сама говоришь, что я расцвѣту,—и ты не ошибаешься, я чувствую это... Постой, мама, прежде всего объ Агнетѣ, вѣдь не такой ужъ разбойникъ этотъ пробстъ, не успѣетъ онъ проглотить Агнету такъ, что мы и не опомнимся. А я, будь увѣрена, сегодня же напишу ей письмо, которое развлечетъ и согрѣетъ ее,—покажетъ ей, какъ въ зеркалѣ, ее самое года черезъ два, когда она, вдова пробста, будетъ сидѣть у сырнаго тролля и безучастно глядѣть на все, что есть на свѣтѣ новаго, жизненнаго! Я покажу ей, ткну пальцемъ, что дорога ея къ алтарю заплевана троллями,—то же будетъ и съ ея фатой... О я!..

— Не мѣшайся въ это, Фостэ, говорю тебѣ. Ты не долженъ. Я не имѣю права.

— Ахъ, мама, повѣрь, этотъ чародѣй не опасенъ! Будто тебѣ не о чемъ ужъ больше и подумать, развѣ нѣтъ ничего вѣрнаго и надежнаго впереди? Сельви къ Рождеству выйдетъ замужъ за прекраснаго доктора,—умный парень, хотя и не въ моемъ вкусѣ; онъ не способенъ схватывать дѣло цѣликомъ. Онъ изъ тѣхъ вѣрныхъ, осторожныхъ по-

степеновцевъ, которые и торгуютъ въ розницу, и строютъ не спѣша, такъ что крыша садится такъ же плотно, какъ ночной колпакъ на голову!

Ему удалось вызвать улыбку на лицѣ матери.

— По его мнѣнію, я долженъ бы начать баломъ для взрослыхъ и баломъ для дѣтей! Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, дѣло въ томъ, что люди родятся разные,—одни схватываютъ предметъ цѣликомъ, другіе—вдаются въ подробности, хотя, если хочешь, они и видятъ все очень точно... Потому-то, матушка, сестра Сельви съ полнымъ успѣхомъ можетъ выходить замужъ за доктора. Онъ хорошій докторъ, и на высотѣ современнаго уровня своей спеціальности. А директоромъ будетъ Сельви!.. Хорошенькій маленькій домикъ для доктора—понимаешь? Я уже примѣтилъ около кургауза мѣстечко, съ уютнымъ отдѣльнымъ садикомъ. Сельви тамъ сѣетъ и собираетъ... Каково? Покой и довольство, цвѣты и зелень, всѣ грядки покрыты огненною геранью, намъ нужны краски, сильныя краски, чтобы сверкало! И ты сидишь тамъ на солнышкѣ и лѣчишься отъ своего ревматизма.

— Ты хочешь сдѣлать изъ меня рекламу для курорта, дай Боже, чтобы было такъ, дитя...

Вдругъ фру Форландъ сразу замолчала, прислушалась...

— Что это, точно кто-то кричитъ внизу...

— Конечно, Сельви; вѣрно она встрѣчаетъ своего доктора,—объяснилъ Фостэ,—она ничуть не скрываетъ своихъ чувствъ. Я слышалъ, какъ подъѣхала таратайка.

Фру Форландъ остановилась, прижавъ руку къ сердцу; она услышала голосъ...

Фостэ выскочилъ за дверь.

Шумъ, бѣготня, едва слышное восклицаніе Детлева, взаимные вопросы, отвѣты.

И въ комнату вошелъ Фостэ, неся высоко на рукахъ сестру Агнету:

— Вотъ, мама!..

— Ну, слава Богу, слава Богу!—слышалось время отъ времени, пока Агнета сидѣла въ спальнѣ и изливала матери душу.

— Я выѣхала вчера утромъ. Станція за станціей, и я на милю уходила все дальше отъ всего этого. Никогда, мама, не могла я подумать или повѣрить, что міръ такъ прекрасенъ, что жизнь такъ хороша, я узнала это, когда сидѣла въ жесткой почтовой телѣжкѣ и по отвратительной дорогѣ ѣхала навстрѣчу новому существованію. Нѣсколько часовъ проспала въ Кельстадѣ и на утро поѣхала снова; сначала солнце ярко свѣтило, потомъ начался ливень... Да я свободна, все осталось позади! Я сама не подозрѣвала, до какой степени это угнетало меня въ теченіе цѣлаго года... Онъ былъ такъ внимателенъ, добръ до самоотреченія, деньги и міръ никогда не были для него на первомъ планѣ! Такъ достоинъ глубокаго уваженія... А я знала, мама, какъ вамъ тя-

*

жело здѣсь, дома,—прибавила она, какъ бы про себя.—Это пришло такъ незамѣтно, само собой; въ своей безпомощности онъ далъ мнѣ понять, въ какой мѣрѣ большой пасторатъ и заброшенныя свѣтскія дѣла нуждаются въ руководствѣ. Прошелъ первый годъ. Я заинтересовалась какъ денежными дѣлами, такъ и пасторатомъ и чувствовала себя польщенной своимъ положеніемъ: я безконтрольно распоряжалась всѣмъ, какъ будто была хозяйкой... Но вотъ я получила отъ него письмо, которое онъ просилъ меня прочесть у себя въ комнатѣ. Въ немъ было столько грусти, безъ всякой задней мысли, однако. Оно дало мнѣ только предчувствіе. Прошелъ мѣсяцъ, еще одинъ и еще, и глаза мои открылись... Онъ обязанъ покойной женѣ вѣчной признательностью; но то, что онъ назвалъ бы «всепоглощающей любовью» не было его удѣломъ, только теперь чувствуетъ онъ, что глубоко и искренно захваченъ... Онъ признавался, что, быть можетъ, это старческая слабость, но все счастье его жизни въ томъ, чтобы видѣть, какъ я хозяйничаю, порхаю по дому... Долго и много боролся съ собою старикъ. Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы желать назвать меня дочерью. А безъ меня, онъ чувствовалъ, его ждетъ тяжелая, одинокая старость! Онъ молилъ о какихъ-нибудь двухъ годахъ, которые ему оставалось прожить, о капелькѣ чуднаго несказаннаго счастья, котораго онъ не зналъ ни въ юности, ни въ зрѣломъ возрастѣ. Я понимала его и, кажется, глубоко жалѣла.

— Господи! знаешь, мама, когда хоть чуточку отвѣдаешь любви и знаешь, что значитъ обмануться, я это испытала, мама... то, право, не было бы ничего удивительнаго, если бы я и старикъ, оба равно несчастные, собрали бы жалкіе остатки своего имущества, попытались что-нибудь сдѣлать изъ жизни при свѣтѣ блѣднаго солнышка, которое еще надъ нами сіяло. Онъ такъ во мнѣ нуждался, что я могла найти счастье, работая тамъ... Собственно только одна эта мысль въ тяжелыя минуты и шевелилась у меня гдѣ-то глубоко на днѣ души, но яснаго сознанія не было... Слово отказа не было еще произнесено и у него могла закрасться надежда. Я рѣшила думать до слѣдующаго года, значитъ пока наши добрыя отношенія оставались прежними.:.

— А какъ удивительно, мама, чувствовать, что ты словно солнце въ глазахъ другого хорошаго человѣка, душа его всюду слѣдитъ за тобою, куда бы ты не направился... бѣлый воротничекъ уже дѣлаетъ его счастливымъ, онъ радуется, видя тебя съ работой въ рукахъ; ты чувствуешь, что тотъ другой со слезами прислушивается къ твоему голосу, право, все это не можетъ не тронуть!

Время шло и я, кажется, привыкала къ мысли стать женою и опорою этого достойнаго человѣка. Въ письмахъ къ вамъ я стала подготовлять васъ къ возможности этого.

Жить въ качествѣ хозяйки пастората со всѣми ея сложными заботами становилось для меня все болѣе заманчивой. Я отдавалась этой мечтѣ со всѣмъ пыломъ. Пробстъ видѣлъ это и былъ счастливъ.

Миновало лѣто, настала осень. Не знаю почему, но я никогда не представляла себѣ пробста иначе, какъ въ такомъ счастливомъ настроеніи. Между нами былъ точно нѣмой уговоръ не касаться этого вопроса до осени, до ноября, когда истекаетъ срокъ, взятый мною на раздумье. Но увѣренность, что тогда я дамъ ему согласіе, точно висѣла въ воздухѣ.

Не знаю, что думала я или чувствовала, по мѣрѣ приближенія рѣшительнаго момента, но съ каждымъ днемъ и все старательнѣе писала и описывала все въ письмахъ къ вамъ, чтобы вы поняли, что здѣсь идетъ рѣчь не о томъ, чтобъ продать себя за пасторатъ! Я хотѣла, чтобы вы поняли мое счастье, и то, что оно было неподдѣльно... А когда я высказала это въ одномъ письмѣ, мнѣ все-таки казалось, что чего-то еще не хватаетъ, что вы должны знать больше, что вы никогда не будете достаточно подготовлены...

Насталъ наконецъ рѣшительный день: я должна была принести ему астру.

Я шла изъ сада, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и обтиралъ себѣ лобъ.

Стаканъ съ водой стоялъ подлѣ него на столѣ, у меня въ рукѣ была астра. Но, какъ только онъ поднялся со стула и улыбнулся мнѣ, я увидѣла, сколькихъ зубовъ у него недостаетъ, сердце во мнѣ замерло... Помню только одно—я бросила цвѣтокъ и съ крикомъ побѣжала къ себѣ.

Еще помню, что Анна помогла мнѣ уложить чемоданы, пообѣщавъ переслать остальное. Часъ спустя, я сидѣла въ телѣжкѣ, запряженной пѣгашкой съ Олэ на козлахъ, который долженъ былъ провезти меня три, четыре станціи...

Послѣ обѣда Фостэ нѣсколько разъ отрывался отъ работы, отдаваясь своимъ размышленіямъ.

«До смѣшного удивительно... Этакъ, пожалуй, выходитъ, что такая любовь можетъ уничтожить, убить человѣка, какъ муху!.. Чортъ возьми! Вся жизнь, все будущее утратитъ цѣну, погибнетъ и только потому... что нѣчто подобное ворвется въ уровновѣшенную нормальную жизнь человѣка?»..

Въ немъ происходила какая-то работа... Снова и снова возвращался онъ къ этой темѣ...

Взять его и Беру, если-бы вдругъ могло стрястись что-нибудь подобное, неужели будущее закрылось бы передъ нимъ, опустѣло, какъ опрокинутая посуда, со всѣмъ, что ему надлежитъ исполнить, погибло бы честь, имя, все!.. и только изъ-за того, что она заупрямилась... не захотѣла, сказала нѣтъ?

«А ну, Фостэ,—спросилъ онъ вдругъ самого себя,—что если ей заблагоразсудится выйти за другого? Никогда въ мірѣ не сдѣлаетъ она этого!»

Стать измѣнницей?..

Онъ неоднократно долженъ былъ раздумывать надъ этимъ.

Бера,—онъ улыбнулся и покачалъ головой,—на ея челѣ начертана любовь къ духу. Она, какъ снѣжная вершина, сіяетъ высоко надъ всѣмъ»...

— «Бера Гюллингъ! Бера Гюллингъ! — услышала Бера за собою, выходя отъ сестеръ Эвенсенъ,—не затрудняй себя такъ вопросомъ о туалетѣ. Сегодня надъ твоимъ роднымъ городомъ занялась заря новаго будущаго. Будто я спугнулъ выстрѣломъ стаю сорокъ и онѣ разлетѣлись во всѣ стороны... Однако,—онъ вынулъ изъ кармана газету и прочелъ:

«На-дняхъ, по иниціативѣ г-на Форланда, состоялось собраніе комитета, преимущественно изъ владѣльцевъ участковъ по берегу и на косѣ,—для разсмотрѣнія вопроса о возможности курорта на широкую ногу. Относительно плана этого и его осуществленія, мнѣнія, конечно, могутъ расходиться, но много значитъ уже то, что онъ имѣетъ право на обсужденіе. Подробный и всесторонній докладъ г-нъ Форландъ сдѣлаетъ на собраніи, которое предполагается въ помѣщеніи клуба завтра вечеромъ».

— Капитаны и штурманы были въ морѣ и не въ курсѣ дѣла, такъ вотъ для нихъ-то и надо начать сначала. Повторяться, однако, я не желаю, и къ возраженіямъ я долженъ быть готовъ... Видѣть передъ собою, внизу всѣ эти головы! Я испыталъ уже это двѣ недѣли тому назадъ, когда говорилъ для народа въ школѣ, на косѣ, это своего рода опьяненіе: всѣ способности такъ удивительно приподняты... Выкладываешь мысли, пускаешь слова, какъ стрѣлы!.. Сегодня ночью я долго лежалъ и все обдумывалъ свою рѣчь... въ эту ночь, вѣроятно, буду приготовляться опять... А пріятно сознавать, что здѣсь словно вѣтеръ надулъ паруса... Теперь всѣ они, Бекманъ, Антонъ Ростъ и Симонсенъ, кланяются изъ нѣдръ своихъ пальто и тулуповъ. Даже старый Сальвесенъ отечески привѣтствовалъ меня рукой и поздравилъ съ сегодняшней замѣткой! А немного спустя спросилъ съ живѣйшимъ интересомъ: «ну, а что слышно о старичкѣ?—Дядя Іооль?» И продолжалъ озабоченно: «да, во время докторъ послалъ его на югъ ради бронхита... А матушка ваша тоже не имѣетъ никакихъ извѣстій?» Теперь пріобрѣло въ высшей степени важное значеніе — больше или меньше плевалъ дядя Іооль. Ахъ, еслибъ я могъ выставить его плевальницу на площадь!

Бера улыбнулась.

— А Іоганнесъ Бекманъ, мой особенно закоренѣлый врагъ, былъ просто трогателенъ и признался мнѣ, что въ городѣ будто опустѣло въ отсутствіе стараго Іооля, такъ всѣ привыкли видѣть его по дорогѣ къ банку въ длинномъ синемъ пальто и въ плоской фуражкѣ... Мать и дядя Іооль—сводные братъ и сестра... Мы представляемся до нѣкоторой степени ихъ наслѣдниками. Въ данное время эта вѣроятность

можетъ быть мнѣ полезной... Одна и та же мысль бродитъ въ головѣ у всѣхъ. Чортъ возьми, вѣдь, не посовѣтовалъ бы онъ иначе вести это дѣло?.. Вотъ какъ все обстоитъ. Но это только подготовка, первый предупредительный выстрѣлъ. Скоро прогремитъ второй въ формѣ совершенно опредѣленнаго приглашенія къ подпискѣ на акціи. Ну ужъ тогда я представлю имъ перспективу такого будущаго, что они готовы будутъ ухватиться за него обѣими руками! Ихъ собственные холмы и шкеры съ виллами и яхтами со всѣхъ концовъ земли покажутся имъ «островами блаженныхъ». Маклеръ въ весьма осторожныхъ, но точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ сообщитъ собранію о цѣлесообразности задуманнаго. Я вижу, Бера, ты смотришь на все это, какъ на вздоръ, чепуху... Но я скажу тебѣ, здѣсь нѣтъ не малѣйшаго преувеличенія, какъ я описываю тебѣ, такъ оно и есть на дѣлѣ!.. Сильнѣе и горячѣе выразить свою вѣру въ будущее моего дѣла я уже не умѣю.

— Ахъ! Еслибы за этимъ планомъ стоялъ ты одинъ, Фостэ! Народъ могъ бы или принять твою вѣру, или нѣтъ. Это честное, открытое дѣло. Но этотъ нечистоплотный маклеръ!

— Всегда это пугало—маклеръ! Когда идешь по грязи, нечего бояться грязныхъ сапогъ.

— Вотъ ты и самъ сказалъ «грязь», Фостэ!

— Неужели ты думаешь, что тотъ, кто хочетъ провести что-нибудь въ жизнь, станетъ безпокоиться о грязныхъ брызгахъ на сапогахъ!

— Да, но я, собственно, имѣла въ виду грязь не на ботинкахъ.

— Нѣтъ, на совѣсти, конечно! А хочешь ли ты знать мнѣніе моей совѣсти относительно этого? Она не только говоритъ, но кричитъ, что если я откажусь отъ того, что вижу такъ ясно, — я не буду Фостэ Форландъ!

— Милый Фостэ! я такъ хорошо тебя знаю,—теперь ты всей душой, со страстнымъ интересомъ отдался этому плану. Но это не для тебя! нѣтъ, совсѣмъ не подходитъ... Видѣть тебя въ роли устроителя кургауза, слышать, какъ ты будешь толковать и возиться со всякими мелочами, въ которыхъ всѣ они понимаютъ гораздо больше тебя... Еще разъ, Фостэ, ты тутъ не на мѣстѣ, это противно твоей натурѣ! Можетъ быть, ты станешь наблюдать за тѣмъ, какъ подаютъ за столомъ, какъ получаютъ деньги, станешь контролировать прислугу?... Держать рѣчи по праздникамъ! Брось это, Фостэ, брось! Ахъ, если бы ты провалился завтра, я была бы такъ рада, такъ рада!—вырвалось у нея.

— Теперь я понялъ тебя, Бера!... Провалюсь я, и ты съ удовольствіемъ разскажешь о моемъ пораженіи завтра же всѣмъ, обо всемъ, какъ я подъ конецъ побѣднѣлъ, смутился, смѣшался и поспѣшно вышелъ... Я вижу тебя такой «радостной», какъ ты говоришь!... А что если ты услышишь противоположное, что этотъ Фостэ Форландъ имѣлъ вѣскіе аргументы и вечеръ остался за нимъ?!.. Но,—шепнулъ онъ ей

на ухо, прощаясь,—я въ глубинѣ души заранѣе скажу, что ты—измѣнникъ, предавшій своего друга!

Вечеромъ фру Форландъ, Сельви и Агнета собрались вмѣстѣ. Онѣ говорили почти шопотомъ и въ большой комнатѣ царила тишина.

Въ красноватомъ свѣтѣ лампы мелькала то рука, то вязанье. Настроеніе становилось все болѣе напряженнымъ: былъ уже двѣнадцатый часъ.

Фру Форландъ опустила вязанье на колѣни и прислушалась; Сельви встала и поглядѣла въ окно на освѣщенный городъ. Время отъ времени доносился издали дребезжащій звукъ одинокаго бубенчика.

Вдругъ промчались подрядъ нѣсколько саней, послышался громкій говоръ, щелканье бича.

Вѣрно помѣщики спѣшатъ домой изъ собранія. Еще пара саней протрусила мимо—Сельви подбѣжала къ дверямъ и прислушалась. Опять сани съ громко-поющимъ сѣдокомъ. И снова все стихло,—ни звука... мѣсяцъ по прежнему обливаетъ окрестность своимъ молочно-бѣлымъ свѣтомъ.

Сельви вернулась въ комнату.

— Все же когда-нибудь Фостэ вернется,—подождемъ еще, мама... Мы взбудоражили и вооружили противъ себя добрую половину города. И здѣсь Фалькенбергъ долженъ работать!—безнадежно, вырвалось у нея какъ будто въ заключеніе ея собственной мысли.

— Если-бы мы, мама, могли переѣхать въ другой городъ,—если-бы насъ не связывалъ этотъ домъ!—замѣтила Агнета.

— Бѣдный мальчикъ!...—вздохнула фру Форландъ.—Неужели опять его ждетъ разочарованіе.

На всѣхъ трехъ лицахъ все сильнѣе отражалась покорная безпросвѣтная печаль.

Агнета зажгла свѣчку, чтобы проводить мать въ спальню,—вдругъ Сельви вскочила.

Послышался стукъ сброшенныхъ галошъ и въ комнату вошелъ д-ръ Фалькенбергъ, обтирая потъ послѣ скорой ходьбы.

Фру Форландъ, не отвѣчая на поклонъ, подняла къ нему свои большіе глаза.

— Ты изъ собранія?—задыхаясь спросила Сельви.

— Да, оно окончилось. Позвольте прежде всего, фру Форландъ, сказать вамъ, что Фостэ не побитъ.

Стало совсѣмъ тихо. Глаза всѣхъ съ недовѣріемъ были устремлены на него, а по лицамъ пробѣжала тѣнь; наконецъ, Сельви промолвила съ задоромъ:

— Конечно, не могли же они его убить!

— Мнѣ пришло въ голову, что вы сидите здѣсь въ ожиданіи, и я рѣшилъ прогуляться, чтобы разсказать вамъ все. Фостэ велъ пренія по поводу устройства мола съ начальникомъ порта.

— Съ начальникомъ порта! — прервала его фру Форландъ. — Онъ позволилъ себѣ...

— Да, конечно, я понимаю вашъ вопросъ, фру Форландъ; но я въ то же время могу сказать, что сегодня я неоднократно долженъ былъ удивляться и, между прочимъ, моему зятю. Фостэ былъ оригиналенъ, своеобразенъ, пожалуй нѣсколько смущенъ...

— Скажи—*очень!*—раздался голосъ Сельви!

— Часто начиналъ съ конца...

— Да у него одна мысль обгоняетъ другую,—съ отчаяніемъ пояснила фру Форландъ,—у него столько думъ въ головѣ...

Ея лицо выражало готовность принять ударъ, выслушать самую печальную вѣсть.

— Нѣтъ, сударыня, сегодняшній вечеръ измѣнилъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Человѣкъ, который говорилъ сегодня въ собраніи, давалъ объясненія своихъ чертежей и плановъ городскимъ архитекторамъ, капитану порта, городскимъ консуламъ и сталъ поносить молодыхъ чиновниковъ,—прекрасно владѣлъ языкомъ, говорилъ ясно и разумно. Началъ онъ, правда, слегка конфузясь, стѣснялся, иногда даже терялся, но потомъ овладѣлъ собою, слова сами лились, и, наконецъ, стало ясно, что всякое возраженіе будетъ неминуемо разбито. Онъ точно выросталъ у насъ на глазахъ; я, кажется, никогда еще не видѣлъ на лицѣ человѣка выраженія такой душевной силы!... Думаю, когда мы встрѣтимся съ нимъ завтра, я не узнаю его,—пошутилъ докторъ.

— Вашъ голосъ, докторъ, сулитъ мнѣ надежду!—воскликнула фру Форландъ съ просвѣтлѣвшими глазами.

— Болтать-то онъ умѣетъ,—пробормотала Агнета.

— Но какъ, однако, судьба перемѣнчива,—продолжалъ докторъ.— Вчера они были далеко не такъ недовѣрчивы и не такъ стремились разгромить проектъ...

— Что ты говоришь!—разомъ раздалось съ трехъ сторонъ.

— Да и теперь на очереди, вѣроятно, подписка на акціи.

— Вѣроятно... О, ты не знаешь, Фалькенбергъ, что за вѣжливый народъ здѣсь, въ городѣ! — замѣтила Агнета.—Они далеко не охотно откажутъ человѣку прямо въ глаза.

— Но мое впечатлѣніе таково,—пояснилъ докторъ,—что вчерашнее собраніе дало совсѣмъ иной оборотъ общественному мнѣнію. Старый предсѣдатель, владѣлецъ эллинга Трюлеинъ, былъ глубоко возмущенъ за свой городъ и высказалъ, что до сегодняшняго дня городское благосостояніе было основано на вѣрномъ осторожномъ пониманіи дѣла. На однѣхъ надеждахъ, проектахъ и т. п. нельзя создать никакого реальнаго будущаго,—во всякомъ случаѣ въ его дѣлѣ! Тутъ поднялся Воггестедтъ съ Вольда... Удивительно, право,—размышлялъ докторъ вслухъ,—есть же такіе скрытные молчаливые субъекты. Сидятъ

они всю жизнь въ своихъ углахъ и копятъ деньги, такъ что, наконецъ, молва о ихъ состояніи выростаетъ до баснословныхъ предѣловъ. Когда такой молчаливый господинъ вдругъ подымается съ своего мѣста и громогласно заявляетъ: «Я согласенъ!», по залѣ проносится торжественное дуновеніе, словно имъ открылась новая вѣра! Эти слова дали окраску и характеръ всему вечеру! Всѣ они углубились въ чертежи и одинъ за другимъ стали просить объясненій...

— Ну, мы можемъ порадоваться, что Фостэ нашелъ себѣ выходъ; это отнюдь не пораженіе!—сказала фру Форландъ.

— Ахъ, мама, всему виной эти вѣчныя разочарованія!—загорячилась Агнета,—намъ съ тобой онъ всегда могъ вскружить голову. Это все оттого, что мы всегда и постоянно видѣли общее къ нему недовѣріе.

— Нѣтъ, если бы я серьезно сомнѣвалась въ Фостэ, мама, насъ давно бы ужъ не было здѣсь,—защищалась Сельви.

— Мое мнѣніе относительно этого дѣла, — засмѣялся докторъ, — всегда было одинаково. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы быть директоромъ большого водолѣчебнаго заведенія, но очень много противъ того, чтобы быть вовлеченнымъ въ предпріятіе, которое могло бы застрять на полдорогѣ, въ качествѣ невыполненнаго проекта.

Въ красноватомъ полусумракѣ комнаты царило какое-то особое настроеніе—результатъ всѣхъ пережитыхъ волненій.

Наконецъ, докторъ заявилъ, что Сельви должна одѣться и выйти съ нимъ погулять при лунѣ. Какъ будто и для нихъ готовилось что-то новое.

— Форландъ!... Г-нъ Форландъ!... Фостэ Форландъ!...—раздавались веселые возгласы въ комнатахъ полузаконченнаго отеля.

— Вы пришли ревизовать постройку? — крикнулъ Фостэ, показываясь въ отверстіи окна второго этажа.

— Разумѣется!—былъ отвѣтъ...—Вѣдь мой отецъ акціонеръ, мы можемъ контролировать.

— Ну, такъ взгляните на море! Я помогу вамъ подняться по лѣстницѣ; тамъ еще нѣтъ перилъ.

Протянувъ руку, онъ втащилъ одну за другой всѣхъ четырехъ наверхъ черезъ недостающую верхнюю ступеньку.

— Къ лѣту все будетъ совершенно закончено. Вотъ только не могу улучшить видъ на море, онъ вполнѣ готовъ... Нѣтъ, Кирстенъ, туда не ходи... Если передъ дверью лѣстница, такъ это потому, что балконъ еще не готовъ, и я попрошу дамъ удовольствоваться окнами... Берегите платья.

— Это насъ онъ приглашаетъ, Тона, насъ, которые у этого вида родились и выросли!

— Да, какъ будто не то же у насъ дома передъ окнами, развѣ только немножко покрасивѣе. Право, я думала, Фостэ, у тебя есть что-нибудь болѣе рѣдкостное.

— Тамъ хоть есть пароходы; это всегда нѣсколько оживляетъ...

— Да-а, нѣсколько скучновато,—согласилась Кирстенъ. — Эти пароходы, что приходятъ, останавливаются, свистятъ, гудятъ съ полчаса; на мостикѣ масса туристовъ, которые разглядываютъ насъ въ бинокли и снова уѣзжаютъ.

— Ну, ты, Лаура, вѣрно найдешь сказать что-нибудь полюбезнѣе.

— О, Лаура Грутъ изъ другого города и думаетъ, что у нихъ все самое лучшее, но...

— Шхеры, которыя стелются тамъ, дѣлаютъ горизонтъ такимъ глубокимъ, что, кажется, будто видать далеко—далеко,—сказала Лаура, которая до сихъ поръ была всецѣло погружена въ созерцаніе вида.

— Вотъ первое разумное слово, которое я слышу отъ васъ,—вырвалось у Фостэ.

— Ты забыла чаекъ, Лаура! Если бы мы могли заставить ихъ всегда парить на извѣстномъ разстояніи... О, это можно сказать все наизусть... Фостэ прекрасно изобразилъ все это въ своемъ проспектѣ нынче зимою. Тамъ поименовано все, что мы можемъ разсказать иностранцу... Но о томъ, что мы скучаемъ,—хоть плачь, и готовы бѣжать, тамъ не говорится ничего.

— Хоть бы разъ услышать, какъ мудрость глаголетъ твоими устами, Тона!—отвѣтилъ Фостэ.—Я только спрошу, почему скучаете вы, дѣвочки?... Потому что не хотите веселиться!... У меня, напримѣръ, въ данный моментъ есть чертовски хорошая идея, если бы только я могъ допустить, что на васъ въ самомъ дѣлѣ можно положиться. Могу сказать, я все время занятъ ею и, право, задача эта труднѣе, чѣмъ весь курортъ. Я какъ разъ думалъ объ этомъ, когда вы пришли. Однимъ словомъ, юное дамское поколѣніе является здѣсь весьма важнымъ звеномъ... Только не пугайтесь. Помните ли вы все, что говорилось о народномъ театрѣ въ свое время?

— Еще бы, на берегу!—воскликнули разомъ три голоса.

— Ну да, именно на берегу. Но это былъ зародышъ, зерно, положенное въ землю. Теперь идея перешла въ слѣдующую стадію... Посѣтители курорта нуждаются въ развлеченіяхъ. Вотъ мы и устроимъ маленькій частный театръ, гдѣ могли-бы соединиться пріѣзжія и мѣстныя молодыя силы; мы помѣстимъ его въ кургаузѣ, снабдимъ кулисами, коврами, скамьями, обставимъ, какъ любой лѣтній театръ... А зимою мы справимся одни.

Раздались аплодисменты:

— Устрой это, Фостэ... Сдѣлай это... А что акціонеры, а?—взоры слушателей выразили нѣкоторое недовѣріе.

— О, легкая маленькая постройка не составитъ вопроса. Трудность заключается въ томъ, чтобы добыть пьесъ, небольшихъ, короткихъ, но настоящихъ, съ огонькомъ, чтобы играющіе чувствовали удовлетво-

реніе при исполненіи ихъ, и которыя могли-бы заинтересовать публику того умственнаго уровня, на какомъ стоитъ большинство.

— Нѣтъ, что за идея!—Господи, что за идея!—снова раздались голоса.

— Но такія пьесы,—откуда—ради самого неба... Нужно имѣть кого-нибудь въ столицѣ, чтобы...

— Выписывать ихъ изъ столицы? Нѣтъ, благодарю, доставку репертуара я ужъ возьму на себя. Не стоитъ, однако, слишкомъ ломать надъ этимъ голову. Я думаю, намъ нужно что-нибудь вдохновенное, сверкающее.

— Надо только подумать о туалетахъ—проронила Тона.—Ужасно весело, Фостэ!

— Я увѣрена, что есть масса скрытыхъ талантовъ, которые такимъ путемъ могли бы...—не докончила Катинка.

— И я тоже,—горячилась Кирстенъ,—я тоже увѣрена...

— О, я хорошо знаю, что ты хочешь сказать,—вмѣшалась Тона,—твои черные глаза цыганки, о которыхъ ты такъ мечтаешь!—Я не забѣгаю такъ далеко. Но я часто думала, какъ страшно весело было бы попробовать себя въ роли субретки съ пѣніемъ,—маленькіе куплеты. Ты болталъ какъ-то о моей птичьей физіономіи.

Лаура Грутъ стояла молча, повернувшись къ нимъ профилемъ, и была похожа на бюстъ, выставленный въ отверстіи окна.

— Да,—а, вѣрно есть скрытые таланты...!—вымолвила она, своеобразно откинувъ голову и сдѣлала жестъ, который привлекъ вниманіе Фостэ.

— А что вы думаете объ этомъ проектѣ, фрэкенъ Грутъ?—спросилъ онъ.

— Я? Я только удивляюсь, какъ это люди раньше не напали на что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Вродѣ театра?—Да? это улыбается вамъ?

— Еще бы!.. вѣрнѣе сказать, я съ ума сходила по театру. У себя на рождественскихъ праздникахъ мы давали пьесу за пьесой.

— И *вы* играли?

— О, все, что только возможно при носѣ и фигурѣ, которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть прямыми или горбатыми, все отъ вѣдьмъ и колдуній до Маріи Стюартъ и ангеловъ, посѣщающихъ бѣдныя хижины,—въ живыхъ картинахъ.

— У васъ, что называется театральная маска,—отвѣтилъ Фостэ, живѣйшимъ образомъ заинтересованный.

— А что вы скажите,—онъ вскочилъ,—если мы впятеромъ положимъ теперь же основаніе тайной актерской шайкѣ?... Я дамъ пьесы, которыя вы разучите, чтобы сыграть, когда настанетъ время. А пока втихомолку мы будемъ вербовать еще тѣхъ, кто, по нашему мнѣнію, годится.

— Можно взять Ганну Бринкманъ,—настаивала Кирстенъ.

— Да, также и Фридриха Кербу и Эйнора Бергъ! Этихъ я беру на себя,—объявила Тона.

— Дина Бредеръ... Германъ Викъ,—добавила Катинка.

— Ну если взять Германа,—секрету конецъ...

— А символомъ молчанія у насъ будетъ два пальца на губахъ,—предложилъ Фостэ.—Принято?

— Да, конечно,—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Это будетъ страшно весело.

— Это что-то совсѣмъ новое!

— Совсѣмъ ново и интересно!.. Вмѣсто вѣчно одинаковаго зимняго сезона.

— Однако, милочки, мы не должны забывать о Берѣ Гюллингъ,—воскликнула Кристина среди общаго одушевленія.

— Конечно, безъ нея ничего не выйдетъ!

Лицо Фостэ разомъ вытянулось.

— Бера... Фрэкенъ Гюллингъ...?—у него появилось какое-то неопредѣленное выраженіе.—Мнѣ кажется, мы впятеромъ должны строго сохранять характеръ подпольной банды и въ высшей степени осторожно принимать того или другого, послѣ совмѣстнаго обсужденія.

— Беры не нужно?!—раздались восклицанія.—Это невозможно!

— Если мы соберемъ всѣ городскіе таланты,—продолжалъ Фостэ,—то лишимся удовольствія быть подпольной бандой! У фрекенъ Гюллингъ тьма достоинствъ, но *одного* нѣтъ, и именно—быть *тайнымъ* заговорщикомъ.—Ради Бога, mesdames, надо же намъ имѣть *кого-нибудь*, отъ кого мы будемъ хранить свою тайну. А теперь идемте всѣ вмѣстѣ вверхъ по улицѣ,—предложилъ онъ; его обуяла какая-то поспѣшность.

— Если-бъ кто-нибудь подумалъ, что мы—труппа и сопровождаемъ своего шефа!—прошептала Катинка, взглянувъ вверхъ на окно консула Риста.

— Я чувствую, это будетъ знаменательный день въ моей жизни!—сказалъ Лаура.—У васъ найдется роль для меня, г-нъ Форландъ?—тихо спросила она.

— Не одна, у меня есть двѣ, превосходныя!

— Какую-то странную робость испытываешь отъ сознанія близости силы, которая стремится къ высшимъ цѣлямъ. Я мысленно обращаюсь къ тѣмъ гигантамъ, которые клали каменья и одной рукой строили, другою творили.—Она шла прямо, твердою поступью, предоставляя любоваться своимъ профилемъ и бюстомъ.

— Остановитесь фрэкенъ Грутъ,—прервалъ ее Фостэ,—сахраните это выраженіе! Точь въ точь моя дѣвочка: она сидитъ на бочкѣ пороха и грозитъ поджечь его. У нея немножко лукавая минка, потому что она знаетъ что бочка пуста. Крайне интересный моментъ,—дѣло идетъ о томъ,

удастся ли хитрость. Теперь я понялъ ваше лицо, и могу позволить себѣ быть вашимъ руководителемъ. Вы, право,—находка — чистый кладъ! Я долженъ побольше поговорить съ вами, изучить вашу маску! Въ васъ, скажу вамъ, нашелъ я краеугольный камень для всего театральнаго предпріятія, вы двинете его впередъ! Вы будете моимъ генераломъ и мы побѣдимъ!—вырвалось у него съ восхищеніемъ.

— Мнѣ кажется, я иду рядомъ съ потокомъ, который все увлекаетъ за собой—прошептала Лаура.

— У васъ есть способность видѣть, понимать! Господь надѣлилъ васъ наружностью, которая заставляетъ подозрѣвать демоническую натуру. Лицо статуи и такой темпераментъ!

— Мы слѣпо слѣдуемъ за вождемъ,—объявила Катинка. Тона закинувъ зонтикъ за спину, вся погрузилась въ роль субретки и что-то напѣвала...

Вдругъ она приложила два пальца къ губамъ и значительно взглянула на всѣхъ. На углу показалась Бера Гюллингъ.

— Мы были на постройкѣ и инспектировали ее, Бера!—крикнула словоохотливая Кирстенъ.—Удивительно! Да ты, вѣрно, видѣла уже?

— Нѣтъ, знаешь, я ничего не понимаю въ такихъ вещахъ, пока онѣ не окончены,—отвѣтила Бера.

— Бера Гюллингъ желаетъ вполнѣ очевиднаго факта, иначе она не повѣритъ ему,—замѣтилъ Фостэ.

Ихъ взгляды встрѣтились, какъ двѣ непроницаемыя стѣны.

— Ну какъ не сказать, Бера, что комплименты сыплются дождемъ, стоитъ тебѣ появиться!

— Повѣрь, я умѣю цѣнить ихъ, Кирстенъ.

— Мы съ Берой старые знакомые, фрэкенъ Грутъ,—пояснилъ Фостэ, еще съ тѣхъ поръ, когда мы играли въ старика и старуху! И теперь все мое предпріятіе для нея пустой звукъ, вовсе не существуетъ.

— Я не знала, что ты сталъ такимъ балагуромъ, Фостэ!—холодно отвѣтила Бера.

— Мнѣ кажется, осуществленіе чего-то новаго и великаго въ родномъ городѣ должно дѣйствовать удивительно возвышающе на душу,—проговорила Лаура.—Но развѣ не общій жребій всѣхъ геніевъ шокировать тѣхъ, кто видѣлъ ихъ безпомощными и униженными...?

Бера внимательно посмотрѣла на нее.

— Способность пониманія порождается сильнымъ желаніемъ, а гдѣ ничего нѣтъ!... бросилъ вызывающе Фостэ.

— Только необыкновенныя личности могутъ будить мысль,—вставила Лаура въ раздумьи.

— Вообрази себѣ, Лаура,—воскликнула Кирстенъ,—у насъ въ городѣ всѣ считаютъ Фостэ чудакомъ. Но что изъ него должно было выйти, сказалось впервые только теперь!

— Нечего сказать, попала ты, Кирстенъ!—засмѣялся Фостэ.

— Собственно, такъ разсуждала моя старая пріятельница Бера Гюллингъ, но такъ какъ она болѣе осторожная и глубокая натура, то она проситъ, чтобы все это было сперва вполнѣ закончено.

— Сознаюсь,—сказала Бера со странной улыбкой,—я долгое время неизмѣнно думала что ты метнешь стрѣлу, куда выше кургауза или чего-нибудь подобнаго. Я, какъ ты говоришь, Фостэ, слишкомъ тяжела, мало способна мѣнять вѣру и убѣжденія, а потому, пожалуй, и до сихъ поръ еще не отказалась отъ этихъ мыслей.

— Я знаю это, знаю... это все то же. Боже мой, какъ тебѣ хочется уничтожить меня! Но тѣмъ не менѣе я долженъ огорчить тебя, предпріятіе *подвигается*, идетъ полнымъ ходомъ, и стрѣлы, о которыхъ ты говорила, во всякомъ случаѣ, достигли неба,—съ силой проговорилъ Фостэ.

— Нынче весь день только и слышишь о постройкахъ и павильонахъ, курзалахъ и развлеченіяхъ, о рекламахъ за границей, словно мы всѣ двигаемся вмѣстѣ,—закончила она и съ легкимъ кивкомъ продолжала свой путь.

Фостэ нѣсколько разъ разсѣянно обернулся назадъ, будто у него была мысль повернуть и послѣдовать за нею...

— Сила духа должна же въ чемъ-нибудь проявиться,—снова начала Лаура.

— Однако, прощайте, mesdames, дѣла, дѣла,—проговорилъ Фостэ.

— А мы опять скоро придемъ осматривать отель,— и всѣ четверо таинственно приложили два пальца къ губамъ, а зонтики скрыли военный совѣтъ.

— Стопъ, стопъ, стопъ, куда это Форландъ такъ чертовски спѣшитъ!—Старый консулъ Клюверъ палкой загородилъ ему дорогу.— Акціи-то опять поднялись! Я только что отъ маклера. Дѣло—словно снѣжный комъ. Тѣ, что покупаютъ, плачутся, что не сдѣлали этого раньше, а тѣ, что продаютъ,—смѣются и съ шикомъ кладутъ барыши въ карманъ... Я между прочимъ заходилъ къ Бекману, въ банкъ, чтобы присоединиться къ общей радости, но тамъ никого не засталъ... Но—о,—онъ заглянулъ Фостэ въ глаза,—имѣетъ ли какое-нибудь основаніе слухъ, который носится относительно дальнѣйшей подписки на акціи?

— Пока еще ничего не могу отвѣтить вамъ, консулъ Клюверъ,— достовѣрно одно, что я нуждаюсь въ деньгахъ. Оказывается, что намъ необходимъ паркъ, на европейскій ладъ, съ крытой галлереей, съ павильономъ, съ фонтанами и т. п.

— Да, да, г-нъ Форландъ, мы, старики, бредемъ, а вы, молодежь, бѣжите. Мы вѣчно запаздываемъ,—какъ вотъ и нынче я съ акціями. Да, такъ—паркъ, павильонъ и...—онъ наморщилъ лобъ, силясь при помнить остальное.

— Здравствуйте, Форландъ!—раздался голосъ коменданта порта

съ другой стороны улицы.—Могу привѣтствовать васъ отъ лица всей портовой коммиссіи плюсъ таможенный инспекторъ и дисконтеръ Экъ, и поздравить съ коммиссіей на устройство мола!

Старикъ Клюверъ по прежнему стоялъ, воткнувъ палку въ мостовую.

— Ахъ, вы—чудодѣй!—вырвалось у него.—Право же чудодѣй!—онъ поспѣшилъ откланяться.

— А propos, Форландъ,—сказалъ комендантъ, когда они двинулись дальше,—если вамъ понадобится парусная лодка, моя свободна весь этотъ мѣсяцъ. Стоитъ вамъ только послать кого-нибудь.

Фостэ время отъ времени кивалъ то въ одно окно, то въ другое, въ первомъ и во второмъ этажѣ, отвѣчая на привѣтствія. Онъ такъ хорошо зналъ всѣхъ ихъ. Только въ былыя времена онъ видѣлъ ихъ съ изнанки, и теперь впервые познакомился съ ними въ истинномъ ихъ видѣ.

Не такъ ужъ это черно!..

Немножко пониманія, нѣсколько болѣе счастливый моментъ, и они къ вамъ оборачиваются своей солнечной стороной... Бѣдные люди, они равно хотятъ *быть* счастливыми и *давать* счастье другимъ; у нихъ только не хватаетъ способности видѣть, въ чемъ дѣло, и вотъ они становятся подозрительными и боязливыми, злыми мучаютъ и терзаютъ другъ друга, словно тролли, такъ что, въ концѣ концовъ, находятъ въ этомъ наслажденіе...

— Фостэ, смотри!—послышалось сверху,—вотъ твой большой красный карандашъ, ты забылъ его вчера вечеромъ. Я брошу тебѣ его, лови!

Мина Людерсъ стояла въ открытомъ окнѣ и бросила ему карандашъ съ тою же спокойной увѣренностью, какъ бывало дѣтьми они перебрасывались мячомъ.

— Ну, а, какъ дома?—спросила мать, высовывая голову. Что Сельви?—продолжала она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Благодарю, очень хорошо...

Онъ наскоро кивнулъ, на правахъ друга, и поспѣшилъ дальше... На мосту стояли трое или четверо изъ дѣловой молодежи; они болтали, поплевывая въ воду. Іоганнесъ Бекманъ, сынъ банкира, нынѣ самъ ведущій оптовую торговлю рыбой и жиромъ, отдѣлился отъ кучки и пошелъ ему навстрѣчу, кланяясь еще издали.

— Поздравляю! Замѣчательный человѣкъ! Акціи все поднимаются... Кажется, былъ кто-то въ древности, кто правилъ побѣдной колесницей и постоянно выигрывалъ—или что-то вродѣ. Быть можетъ, онъ могъ-бы употреблять мой рыбій жиръ для смазки осей, очень ужъ тихо съ нимъ!.. А то не можешь ли ты одолжить мнѣ на минутку свою голову, Фостэ, чтобы я могъ изобрѣсти что-нибудь, потому что такіе простые способы, какъ вытапливанье жира изъ сала и тюленьяго жира, дабы спустить его за печеночный,—больше уже не удаются.

— А знаешь, что я скажу тебѣ, Фостэ,—за тебя подаютъ голоса въ члены правленія купеческаго ферейна... Тебѣ не требуется даже что-нибудь дѣлать, довольно того, что ты существуешь, дружище! Вотъ она тріумфальная-то колесница. Фактически ты намъ глава, всей молодежи, а мы единодушно согласны вводить тебя въ одну дирекцію за другой, чтобы только ты велъ за собою насъ молодыхъ, стоящихъ у городского кормила. Долой стариковъ! Для новаго времени—новые люди,—вотъ надпись на флагѣ нашей ладьи, а движетъ ею не паръ, а электричество, да-съ.

— Чортъ возьми! какъ ты воспламенился! — отвѣчалъ Фостэ. — Я всегда полагалъ, что съ тобою родился въ міръ крупный оптовщикъ.

— Надо тебѣ сказать, Фостэ, я всегда думалъ, что въ тебѣ есть нѣчто особенное! У меня, видишь ли, есть глазъ. Весь вопросъ сводился только къ тому, когда у тебя прорѣжутся рога... Знаешь,— большому кораблю—большое и плаванье! Вотъ тебѣ мой сказъ! Въ концѣ, концовъ тащиться по проторенной дорожкѣ со всѣмъ этимъ жиромъ и рыбой, терять нынче въ надеждѣ выиграть въ слѣдующемъ году,—все это не современно! Все равно что щеголять въ отцовскихъ сапогахъ; все это мертво отъ рожденія... Да!—вотъ нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ и рѣшили бросить старыя засаленныя карты и начать игру совсѣмъ по иному.

— Я, напримѣръ, открываю на свой страхъ шоколадную фабрику, а въ компаніи съ Іономъ Бергъ заведеніе газированныхъ водъ и т. п... Кромѣ того,—продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ,— мы, я и еще кое-кто, имѣемъ паи на лѣсахъ повыше города для задуманной бумажной фабрики, которая устраивается тоже на акціяхъ. Видишь— мы усердно эксплуатируемъ паръ,—электричество, хочу я сказать.

— Чортъ побери! откуда возьмете вы денегъ?—воскликнулъ Фостэ.

— Ба! было бы основаніе на чемъ строиться, — цѣнная идея, за деньгами дѣло не станетъ! Онѣ рѣкой текутъ туда, гдѣ онѣ нужны, особенно въ такія времена, какъ наши! Нужны только предпріятія, чтобы капиталъ приносилъ доходъ, который онъ *можетъ* давать, а онъ выдержитъ...

Фостэ продолжалъ путь въ праздничномъ настроеніи. Жизнь и движеніе, работа и деньги. Городъ на пути къ тому, чтобы стать однимъ изъ передовыхъ въ странѣ!

А сколько силъ, связанныхъ и скованныхъ, заключаетъ въ себѣ такой старый городишко. Онѣ лежатъ высоко-высоко, словно штабель досокъ; держатся на одной балкѣ, но стоитъ только вытащить ее...

Но, онъ вдругъ вспомнилъ, что хотѣла фру Людерсъ сказать своимъ вопросомъ о Сельви? Она вѣдь, кажется, не изъ слабенькихъ, не изъ хрупкихъ! Онъ тотчасъ же рѣшилъ идти и разспросить мать... Придя домой, онъ остановился во дворѣ поздороваться съ Детлевомъ, который дѣлалъ громадныя усилія, чтобы заставить гудѣть натянутый

шнурокъ. Забравъ его зубами и ухвативъ за оба конца, онъ хотѣлъ извлечь изъ него звуки, отъ которыхъ въ головѣ звенѣло бы. Время отъ времени онъ выпускалъ шнуръ и говорилъ «бумъ-бумъ», что служило ему камертономъ...

— А вишня-то, мама!—сказалъ Фостэ входя,—ее также хорошо ощипываютъ безъ меня, какъ и при моемъ участіи. Она имѣетъ такой несчастный видъ.

Фостэ не былъ дома уже нѣсколько дней, у него была въ городѣ контора.

— Агнета съ подругами,—пояснила фру Форландъ.

Фостэ оглядѣлся вокругъ испытующимъ взоромъ.

— Кирстенъ Торнъ и Ганна Бринкманъ, Бера и Дина Бредеръ? Все—прежнія?

— Нѣтъ, Бера не бываетъ!.. я давно уже не видѣла ея, ты вѣдь знаешь, Фостэ...

— Да, у нея негибкая, неподвижная, угловатая натура! Несогласна она со мной,—это равняется разрыву со всѣмъ нашимъ домомъ,—не только прощай Сельви и Агнета, она ни разу не навѣститъ даже тебя, мама! Я столкнулся сегодня съ нею на улицѣ, все равно, какъ, если-бы я наѣхалъ на колоду... Думай, какъ она,—и она будетъ довольна! Она отнюдь не въ состояніи понимать другого человѣка.

— Она—честная и глубокая натура,—возразила фру Форландъ,—простая и ясная, Фостэ!

— А я—такая сложная. Оттого-то мы и не терпимъ другъ друга.

— Она постоянно бываетъ у Сельви.

— Да, правда,—Сельви, Сельви? Что съ нею?

— Милый Фостэ, ты же знаешь...

— Знаю? Что?

— Что у нея будетъ ребенокъ.

— Сельви? Нѣтъ, этого я никогда...

— Ея фигура давно ужъ обнаруживала это,—добавила фру Форландъ.

— Нѣтъ, ей Богу, я ничего не замѣчалъ.—Вотъ какъ?.. у нея будетъ ребенокъ. А! семья даетъ почку, изъ которой разовьется отпрыскъ новаго поколѣнія. Удивительно—наслѣдникъ. Какъ это странно, мама!.. Мнѣ никогда и въ голову не приходило подумать въ этомъ направленіи,—началъ онъ, по своему обыкновенію посвистывая и прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Снова увидѣть себя ребенкомъ? А вѣдь, должно быть, своего рода прелесть въ этомъ,—снова услышать свой лепетъ и начать говорить, говорить съ дѣтской наивностью поразительно умныя вещи, которыя никогда не скажешь потомъ, когда мозгъ и все существо искажены и притуплены... Такъ продолжается года четыре, пять, да... Но снова пережить колотушки и ученье, всю вынужденную лесть, всю горечь, всѣ обиды и ненависть къ большимъ, когда міръ нѣжными

устами ребенка даетъ тебѣ понять, что ты—ничего болѣе, какъ въ высшей степени лишній и стѣснительный элементъ... Или видѣть въ результатѣ нѣчто подобное Детлеву!—продолжалъ онъ думать уже у себя наверху.—Пожелалъ ли бы мой отецъ выпустить его на свѣтъ?..

— Иначе говоря—результатомъ любви одинаково можетъ быть и принцъ, и нищій. Удача и неудача одинаково возможна въ этомъ мірѣ... Все зависитъ отъ счастья... Но человѣкъ хочетъ оставить послѣ себя принца, который наслѣдуетъ царство его и продолжитъ... А также и свою королеву.

— Чортъ побери человѣчество!—онъ стукнулъ по столу, выскочилъ въ дверь и на ходу сунулъ голову въ комнату матери:

— Я побѣгу къ доктору!—хочу заглянуть къ Сельви... Надѣюсь, не встрѣчу тамъ никакой Беры.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *)

Глава II.

Адамъ Смитъ.

Политическая экономія изслѣдуетъ стихійные законы, управляющіе товарнымъ хозяйствомъ. Холодный духъ разсчета вѣетъ въ суровомъ царствѣ капитала, которое изучаетъ экономическая наука. Казалось бы, если есть научная дисциплина, предметъ которой не даетъ простора фантазіи, воображенію, мечтѣ, то это политическая экономія. Какъ хозяйство является самымъ прозаическимъ изъ занятій человѣка, такъ и наука о народномъ хозяйствѣ, должна была бы, повидимому, быть самой прозаической, трезвой и сухой изъ общественныхъ наукъ.

И, однако, это не такъ. Среди великихъ экономистовъ было много людей съ творческой мечтой, истинныхъ поэтовъ въ области мысли. Тотъ, кого обыкновенно считаютъ создателемъ экономической науки,—авторъ «Богатства народовъ», Адамъ Смитъ,—быть можетъ, и не былъ художественной натурой; но, во всякомъ случаѣ, А. Смита нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ смотрѣлъ на міръ изъ-за купеческаго прилавка. Это былъ человѣкъ созерцательнаго склада ума, любившій уединеніе, замкнутый въ себѣ, мягкій, скромный и уступчивый, избѣгавшій шума большихъ городовъ и предпочитавшій мирную жизнь въ провинціальной глуши, жизнь, посвященную упорной, но спокойной умственной работѣ. Его мечтой была жизнь въ деревнѣ «Красота деревни, удовольствія деревенской жизни, обѣщаемое ею спокойствіе духа и дѣйствительно доставляемая ею независимость, всюду, гдѣ послѣдняя не стѣсняется несправедливыми законами, представляются для всѣхъ самыми заманчивыми прелестями. А какъ первоначальное назначеніе человѣка состояло въ воздѣлываніи земли, то онъ и сохранялъ, кажется, во всѣ эпохи своего существованія предрасположеніе къ этому первобытному занятію своей породы». Такъ писалъ Смитъ о деревенской жизни на склонѣ своихъ лѣтъ въ «Богатствѣ народовъ».

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, 1901 г.

Въ натурѣ Смита было что-то тихое и женственное, пассивное и боязливое. Сынъ таможеннаго чиновника (род. въ 1723 г., ум. въ 1790 г.), умершаго еще до рожденія ребенка, Смитъ выросъ подъ женскимъ вліяніемъ. Женщина играла выдающуюся роль въ его жизни; но этой женщиной была не любовница и не жена, а мать, съ которой Смитъ почти не разставался до глубокой старости. Женатъ онъ не былъ и мы ничего не знаемъ о любовныхъ увлеченіяхъ Смита. Ребенкомъ онъ былъ хилымъ и болѣзненнымъ, и уже съ раннихъ лѣтъ отличался удивительной разсѣянностью, которая дала поводъ къ столькимъ анекдотамъ впослѣдствіи, когда Смитъ сталъ знаменитостью. Одною изъ странныхъ привычекъ Смита была привычка говорить вслухъ. Въ большемъ обществѣ онъ легко робѣлъ, говорилъ путаясь и запинаясь и вообще отнюдь не производилъ блестящаго впечатлѣнія.

Долгое время Смитъ былъ профессоромъ университета въ Глазго; но преподавалъ онъ не политическую экономію — такой кафедры и не было въ глазговскомъ университетѣ. Онъ читалъ «нравственную философію», т.-е., главнымъ образомъ, этику и естественное право. Въ 1759 г. Смитъ выпустилъ свой философскій трудъ, доставившій ему громкую извѣстность—«Теорію нравственныхъ чувствъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Смитъ, совершенно добровольно, безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, оставилъ кафедру и поѣхалъ въ скромной должности домашняго наставника одного молодого аристократа во Францію, гдѣ и прожилъ болѣе двухъ лѣтъ. Во Франціи онъ познакомился, между прочимъ, съ Кенэ—главой школы такъ называемыхъ физіократовъ—и многими другими выдающимися французскими мыслителями и учеными. Черезъ два года Смитъ опять на родинѣ, но онъ уже не возвращается къ университетскому преподаванію, хотя этотъ путь оставался для него, повидимому, открытымъ. Ему было въ это время 43 года и онъ почувствовалъ, что наступило время осуществить дѣло жизни. Онъ поселяется въ томъ же маленькомъ шотландскомъ приморскомъ городкѣ, гдѣ и родился — въ Киркальди. Здѣсь, въ полномъ уединеніи, въ обществѣ старой матери и кузины, которая была немногимъ его моложе, Смитъ проводитъ болѣе 7 лѣтъ въ работѣ надъ «Изслѣдованіемъ о природѣ и причинахъ богатства народовъ».

Уединеніе Смита было такъ глубоко, что даже его ближайшій, а, быть можетъ, и единственный другъ — великій философъ Давидъ Юмъ—не зналъ, чѣмъ занятъ Смитъ. Черезъ три года послѣ возвращенія Смита изъ Франціи Юмъ пишетъ ему въ одномъ дружескомъ письмѣ: «Я хочу знать, что вы сдѣлали за это время и намѣренъ потребовать серьезнаго и полнаго отчета въ томъ, какъ вы распорядились временемъ въ своемъ уединеніи. Я положительно увѣренъ, что вы надѣлали много ошибокъ въ своихъ разсужденіяхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли несчастіе не соглашаться со мной».

Черезъ нѣсколько лѣтъ Юмъ снова пишетъ: «Я не принимаю въ оправданіе вашихъ заявленій о разстроенномъ здоровьѣ и смотрю на нихъ лишь какъ на отговорку, подсказанную лѣностью и страстью къ уединенію. Въ самомъ дѣлѣ, мой любезный Смитъ, если вы будете поддаваться недомоганіямъ подобнаго рода, то кончите тѣмъ, что совсѣмъ порвете всякія связи съ человѣческимъ обществомъ, къ великому вреду обѣихъ сторонъ».

Въ этихъ письмахъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, тонъ нѣкотораго превосходства, съ которымъ Юмъ обращается къ Смиту. Такъ можетъ говорить учитель съ любимымъ ученикомъ. И чрезвычайно характерно, что Смитъ занялъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Юму такую позицію, несмотря на то, что, какъ экономистъ, Смитъ былъ несравненно выше Юма. Труды Юма по политической экономіи не представляютъ собой ничего выдающагося и теперь забыты, между тѣмъ какъ слава Смита, какъ экономиста, нисколько не померкла съ годами.

Въ тонѣ письма Юма къ Смиту ярко сказалось различіе ихъ натуръ. Юмъ былъ энергичнымъ и безтрепетнымъ бойцомъ, настойчивымъ и упорнымъ, умѣвшимъ подчинять другихъ людей. Не удивительно, что въ дружеской связи Юма и Смита господствующая роль досталась первому.

Смитъ не обладалъ большимъ нравственнымъ мужествомъ. Незадолго передъ смертью Юмъ обратился къ Смиту съ просьбой позаботиться объ изданіи нѣкоторыхъ его сочиненій, имѣвшихъ антирелигіозный характеръ. Смитъ уклонился отъ исполненія порученія своего умиравшаго друга. Недостатокъ нравственнаго мужества отразился и на научно-философскихъ воззрѣніяхъ Смита—на его склонности къ компромиссу, на его неувѣренности въ осуществимости его собственныхъ любимыхъ идей. И тѣмъ не менѣе, Смитъ былъ благородной натурой, однимъ изъ тѣхъ «рыцарей духа святого», о которыхъ говоритъ Гейне. Истина и благо человѣчества были единственнымъ маякомъ, по которому направлялся жизненный путь Смита. Ни тщеславіе, ни жажда популярности, ни заискиваніе передъ могущественными людьми, ни классовой эгоизмъ не омрачали его мысли, оставшейся всегда чистой, какъ струя горной воды. Все, что онъ говорилъ, онъ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. Онъ не унижалъ науку до прислужничества господствующимъ классамъ, какъ это такъ часто дѣлали его послѣдователи. По возвышенности, ясности и гармоничности своего духа Смитъ напоминаетъ древнихъ мудрецовъ Эллады.

Что же представляла собой экономическая система Смита, изложенная имъ въ «Богатствѣ народовъ» (1776)? Мы постарались охарактеризовать въ I главѣ настоящей работы хозяйственное положеніе Англіи въ эпоху Смита. Система Смита явилась концентрированнымъ выраженіемъ соціальныхъ особенностей и духа своего времени, и въ

этомъ секретъ ея поразительнаго успѣха среди современниковъ и могущественнаго вліянія на умы.

Мы уже говорили, что первая половина XVIII вѣка была для Англіи, прежде всего, переходною эпохой. Старыя формы хозяйства — мелкое самостоятельное производство—уступали мѣсто новымъ—капиталистической промышленности. Обмѣнъ быстро развивался и втягивалъ въ свой круговоротъ все новыя отрасли производства. Соціальное и экономическое законодательство Англіи, сложившееся еще въ періодъ господства мелкаго производства, стѣсняло развитіе новыхъ хозяйственныхъ формъ и было неудобно какъ крупнымъ предпринимателямъ, такъ и рабочимъ. Техническія преимущества новаго хозяйственнаго строя—капиталистическаго—и, въ частности, крупнаго производства, были очевидны, но соціальныя послѣдствія этого строя еще не успѣли обнаружиться.

И вотъ, мы видимъ, что съ первыхъ же строкъ «Богатства народовъ» Смитъ настаиваетъ на важности крупнаго производства, раздѣленія труда, какъ средства увеличенія народнаго богатства. Классическій примѣръ булавочной мануфактуры является для Смита подходящей иллюстраціей колоссальнаго роста производительности труда, благодаря раздѣленію послѣдняго. Но раздѣленіе труда, въ глазахъ Смита, неразрывно связано съ обмѣномъ. «На раздѣленіе труда,—говоритъ Смитъ,—доставившее такія громадныя выгоды, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ человѣческой мудрости, предвидѣвшей то общее благосостояніе, которое будетъ вызвано имъ; оно было необходимымъ, хотя и весьма медленнымъ и постепеннымъ послѣдствіемъ извѣстнаго стремленія, свойственнаго всѣмъ людямъ, помимо какой бы то ни было, заранѣе разсчитанной, общей выгоды, стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ обмѣну одной вещи на другую вещь». Обмѣнъ представляется Смиту важнѣйшею силой, двигающей впередъ человѣческое хозяйство. «Человѣкъ непрерывно нуждается въ помощи ближнихъ, но тщетно ожидалъ бы ее исключительно отъ ихъ благорасположенія... «Дай мнѣ то, что мнѣ нужно, и ты получишь то, что нужно тебѣ»; большая часть всѣхъ, столь необходимыхъ для насъ услугъ, получается именно такимъ образомъ. Не отъ расположенія къ намъ мясника, пивовара или булочника ожидаемъ мы нашего обѣда, а отъ пристрастія ихъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Мы обращаемся не къ гуманнымъ чувствамъ ихъ, а къ эгоистическимъ; мы говоримъ имъ не о нашихъ нуждахъ, а объ ихъ выгодѣ».

Степень возможнаго раздѣленія труда ограничивается распространеніемъ обмѣна, иначе говоря—обширностью рынка. Если обмѣнъ, рынокъ, не великъ, то спеціализаціи занятій полагаются узкіе предѣлы. Въ глухой деревушкѣ каждый крестьянинъ долженъ быть и плотникомъ, и мясникомъ, и булочникомъ, такъ какъ, занимаясь только однимъ промысломъ, онъ не могъ бы себя прокормить. Въ дере-

венской лавкѣ можно найти всевозможные товары — гвозди и постное масло, деготь и ситцы, веревки и стеклянную посуду—товары, которые въ городахъ продаются въ разныхъ лавкахъ. Причина этого различія понятна: если бы деревенская лавка попробовала спеціализироваться на продажѣ гвоздей, или ситцевъ, или стеклянной посуды, то скоро должна была бы прекратить торговлю по недостатку покупателей, т.-е. по ограниченности рынка.

Итакъ, развитіе обмѣна является важнѣйшей причиной возрастающаго раздѣленія и увеличивающейся производительности труда, или, что то же, роста народнаго богатства. Отъ обмѣна и раздѣленія труда выигрываетъ не только нѣкоторая часть общества, владѣющая средствами производства, но и всѣ классы общества, безъ исключенія. «Огромное увеличеніе количества произведеній во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ, вытекающее изъ раздѣленія труда, вызываетъ въ благоустроенномъ обществѣ общее благосостояніе, разливающееся до самыхъ послѣднихъ классовъ населенія. У каждаго работника является излишекъ въ произведеніяхъ его труда...» «Между домашней утварью какого-нибудь европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина, быть можетъ, окажется меньшее различіе, чѣмъ между обстановкой послѣдняго и обстановкой какого-нибудь африканскаго короля, царствующаго надъ десятью тысячами нагихъ дикарей».

Такимъ образомъ, съ первыхъ же страницъ «Богатства народовъ» Смитъ намѣчаетъ свою основную идею. Обмѣнъ — самая великая и прогрессивная хозяйственная сила; свободная игра хозяйственныхъ интересовъ приводитъ къ наибольшему благополучію всѣхъ. Отсутствіе общаго плана и единой мысли въ хозяйственномъ строѣ, покоящемся на свободномъ обмѣнѣ, создаетъ хозяйственную гармонію, недостижимую для сознательной воли и мысли законодателя. Идеализація товарохозяйственнаго строя и признаніе его самымъ совершеннымъ типомъ человѣческаго общежитія — вотъ въ чемъ заключается, слѣдовательно, основная идея Смита.

Идея эта находилась въ связи со всѣмъ міросозерцаніемъ Смита, какъ оно выразилось не только въ «Богатствѣ народовъ», но и въ его философскомъ трудѣ «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Смитъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ эгоистической природѣ человѣка. Знаменитый авторъ «Исторіи цивилизаціи Англіи»—Бокль—высказалъ мнѣніе, что въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» Смитъ, по методологическимъ соображеніямъ, исходитъ изъ противоположнаго представленія о человѣческой природѣ, чѣмъ въ «Богатствѣ народовъ»: а именно, въ первомъ своемъ трудѣ Смитъ принимаетъ основнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности чувство симпатіи, между тѣмъ какъ во второмъ онъ кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ разсужденій о дѣйствіяхъ человѣка посылку эгоизма. Однако, мнѣніе Бокля не можетъ быть поддерживаемо. Симпатію, о которой говоритъ Смитъ въ

«Теорія нравственныхъ чувствъ», никакъ нельзя смѣшивать или даже отождествлять (какъ это дѣлаетъ Бокль) съ благожелательствомъ, любовью къ ближнимъ, готовностью жертвовать личными интересами ради интересовъ другихъ людей. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ своего философскаго труда Смитъ выражаетъ убѣжденіе, что чувство безкорыстной любви къ ближнимъ не только играетъ совершенно ничтожную роль въ жизни людей вообще, но даже и въ качествѣ стимула нравственнаго поведенія отступаетъ на задній планъ передъ другими, болѣе могущественными, мотивами. «Не нѣжное чувство гуманности, не слабая искра благожелательности, которую природа заронила въ нашу душу, даетъ намъ возможность побѣждать сильнѣйшія стремленія себялюбія: болѣе могучая сила, болѣе сильные побудительные мотивы дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ. Этой силой является разумъ, наша совѣсть, нашъ собственный зритель въ нашей душѣ, человѣкъ внутри насъ, великій судья и цѣнитель нашего поведенія. Если я хочу причинить зло другимъ людямъ, то этотъ судья возвышаетъ свой голосъ, способный заглушить сильнѣйшую страсть, и говоритъ мнѣ, что я являюсь такой же человѣческою личностью, какъ и другіе, что я не лучше другихъ и что безстыдное и слѣпое себялюбіе повлечетъ за собой возмездіе, негодованіе и презрѣніе ко мнѣ со стороны другихъ». Подъ симпатіей, на которой основывается наше нравственное чувство, Смитъ понимаетъ нашу способность воспроизводить въ своей душѣ, путемъ воображенія, чувства и ощущенія другихъ людей. Дѣлая дурной поступокъ, мы невольно представляемъ себѣ и то осужденіе, которое этотъ поступокъ долженъ встрѣтить со стороны другихъ людей. Такимъ образомъ, мы, помимо своей воли, носимъ своего судью внутри насъ — и боязнь этого внутренняго суда, а не любовь къ людямъ, является основой нравственнаго поведенія. Смитъ отнюдь не считаетъ безнравственными такія чисто эгоистическія чувства, какъ честолюбіе, стремленіе къ превосходству надъ другими людьми, къ побѣдѣ надъ соперниками, къ улучшенію своего соціальнаго положенія — при томъ, разумѣется, условіи, если это стремленіе не приводитъ къ причиненію вреда соперникамъ. Словомъ, добросовѣстная конкуренція не встрѣчаетъ никакого осужденія со стороны Смита. Вся этическая система Смита построена на признаніи эгоистическихъ побужденій главными двигателями человѣческаго поведенія.

Итакъ, человѣкъ является въ глазахъ Смита прежде всего своекорыстнымъ существомъ. Отсюда легко было придти къ мысли, что самое лучшее средство достигнуть общаго благополучія это—предоставить каждому возможно болѣе широкую свободу осуществлять свои интересы. Законодательная опека выступала въ эпоху Смита въ слишкомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, чтобы истинный другъ народа, какимъ былъ Смитъ, могъ относиться къ ней безъ недовѣрія. Смитъ зналъ, что забота объ общихъ интересахъ, объ интересахъ государственнаго могущества,

національной славѣ, развитіи отечественной промышленности и пр. и пр. такъ часто прикрывала собой эгоистическія стремленія немногихъ осуществить свои частныя выгоды въ ущербъ справедливымъ интересамъ огромнаго большинства. Ничего нѣтъ удивительнаго, что для Смита, какъ и для другихъ лучшихъ людей XVIII вѣка, свобода сдѣлалась священнымъ лозунгомъ, который заставлялъ сильнѣе всего биться ихъ сердца и переполнялъ энтузіазмомъ ихъ души. Ученіе о естественномъ правѣ давало теоретическое обоснованіе этой вѣры въ свободу. Ученіе это утверждало, что каждый человѣкъ, въ силу своей разумной природы, обладаетъ извѣстными прирожденными правами, которыя для государственной власти должны быть святыней. Единственнымъ справедливымъ обоснованіемъ государственной власти является добровольное согласіе членовъ общества на отчужденіе въ пользу государства, въ общихъ интересахъ, нѣкоторой доли той присущей разумному существу свободы, которая составляетъ естественное достояніе человѣка. Ограниченіе свободы отдѣльнаго лица допустимо лишь по стольку, поскольку этого требуетъ обезпеченіе свободы другихъ лицъ. Государство основывается или, точнѣе, должно основываться на свободномъ общественномъ договорѣ гражданъ.

Такова была доктрина естественнаго права, профессоромъ котораго былъ, между прочимъ, и Адамъ Смитъ. Однако, легко видѣть, что въ примѣненіи къ историческому государству доктрина эта могла имѣть смыслъ лишь въ качествѣ постулированія должнаго, идеала, но никакъ не въ качествѣ констатированія существующаго. Историческое государство цѣликомъ основывалось на насиліи и это прекрасно сознавалось всѣми. Конструированіе формъ политической жизни при предположеніи свободнаго договора имѣло, поэтому, лишь идеальный интересъ—оно не могло сложиться въ положительную науку о реальныхъ отношеніяхъ общежитія. По этой причинѣ, доктрина естественнаго права въ ученіи о государствѣ, несмотря на свое великое историческое значеніе въ качествѣ одного изъ могущественныхъ идейныхъ факторовъ революціи, не повела къ созданію положительной науки государственнаго права. Эта послѣдняя наука, поскольку таковая вообще существуетъ, скорѣе выросла изъ противоположной концепціи такъ называемой исторической школы права, геніальнѣйшимъ представителемъ которой былъ Савиньи.

Другое дѣло область народнаго, иначе говоря, товарнаго хозяйства. Какимъ бы стѣсненіямъ ни подвергался обмѣнъ (а стѣсненія эти въ эпоху меркантилизма были, дѣйствительно, громадны), все же въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ область свободы всегда была очень велика. Для новаго хозяйственнаго строя — капиталистическаго — быстро развивавшагося въ XVIII вѣкѣ, свобода была воздухомъ, безъ котораго жизнь невозможна. Этотъ строй былъ прямо немыслимъ безъ свободы договора, которая составляла такую недостижимую

утопію въ области государственнаго права. И потому развитіе этого строя не могло не сопровождаться ростомъ экономической свободы. Мы видѣли въ предыдущей главѣ, какъ безсильно было устарѣлое законодательство Англіи, построенное на принципѣ законодательной опеки и регламентированія хозяйственной жизни остановить распространеніе свободнаго духа капиталистическаго хозяйства, разрушавшаго исторически сложившіяся формы общежитія и лишавшаго внутренняго содержанія враждебные ему юридическіе институты, если послѣдніе номинально и оставались въ силѣ.

Итакъ, въ товарномъ хозяйствѣ свобода договора была не только теоретической предпосылкой естественнаго права, но въ значительной мѣрѣ объективной реальностью. Даже въ эпоху Смита область свободы въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ Англіи была несравненно шире области государственнаго принужденія. Поэтому, изученіе взаимныхъ отношеній частныхъ хозяйствъ, при предположеніи ихъ свободными и самоопредѣляющимися единицами, пріобрѣтало особый смыслъ и значеніе. Изъ этого изученія и возникла теорія политической экономіи.

Нѣкоторые изслѣдователи исторіи экономическихъ идей обратили въ недавнее время особое вниманіе на тѣсную связь доктрины естественнаго права съ теоретической политической экономіей. Въ важнѣйшихъ трактатахъ естественнаго права въ XVIII вѣкѣ имѣлись отдѣлы, посвященные изученію законосообразностей свободнаго товарнаго обмѣна. Уже теоретики естественнаго права—Гуго Гроній, Пуфендорфъ, Христіанъ Вольфъ и др.—выяснили нѣкоторые изъ важнѣйшихъ законовъ, управляющихъ стихійнымъ товарнымъ обращеніемъ, предоставленнымъ самому себѣ. Такъ, ученіе о цѣнѣ было однимъ изъ весьма детально разработанныхъ отдѣловъ естественнаго права; роль спроса и предложенія, какъ факторовъ цѣны, и труда, какъ регулятора среднихъ цѣнъ, была извѣстна предшественнику Смита въ Глазго по каѳедрѣ моральной философіи и естественнаго права—Гетчисону—не менѣе, чѣмъ Смиту. Вообще нельзя не согласиться съ Гасбахомъ, что «зачатки систематической теоретической политической экономіи заключены въ другой наукѣ, естественномъ правѣ. Система теоретической экономической науки постепенно развилась изъ составной части естественнаго права» (Hasbach. Untersuchungen über Adam Smith. 139).

Политическая экономія, какъ наука о законахъ, управляющихъ товарнымъ хозяйствомъ, имѣетъ, такъ сказать, два корня. Съ одной стороны она возникла изъ практическихъ нуждъ государственнаго и частнаго хозяйства. Меркантилизмъ — экономическое ученіе, господствовавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и достигнувшее особаго развитія на порогѣ новаго времени, въ XVI и XVII вѣкахъ, — былъ не столько теоріей, сколько системой практической политики своего времени. И потому трудно указать теоретико въ меркантиз-

лизма. Практики — государственные дѣятели, какъ Кромвель или Кольберъ, могутъ считаться самыми яркими выразителями меркантилизма. Развитіе денежнаго хозяйства въ связи съ ростомъ государства выдвинуло для государственной власти на первый планъ заботу о привлеченіи въ страну звонкой монеты. Меркантилизмъ и былъ системой методовъ достиженія этой цѣли. А такъ какъ всякая практика предполагаетъ какую-либо теорію, то создалась и теорія меркантилизма, признававшая звонкую монету, золото и серебро, преимущественной или даже исключительной формой народнаго богатства.

Экономическія потрясенія, финансовыя неурядицы, естественно вызываютъ попытки объясненія экономическихъ явленій ради практическихъ цѣлей. Но человѣческій разумъ, какимъ бы цѣлямъ онъ ни служилъ, все же остается самимъ собой: честная и серьезная умственная работа не можетъ не сопровождаться стремленіемъ къ познанію истины, законовъ бытія, ради ихъ самихъ, независимо ни отъ какихъ практическихъ видовъ. Поэтому, усложненіе со времени развитія денежнаго хозяйства задачъ экономической политики постепенно, хотя и медленно, вело къ созданію новой научной дисциплины—политической экономіи, вырабатывавшей теоретическіе отправные пункты практическихъ мѣропріятій, требовавшихся временемъ.

Такимъ образомъ, политическая экономія, подобно прочимъ наукамъ, выростала на почвѣ нуждъ и потребностей своего времени. Но, одновременно съ этимъ, созданіе политической экономіи шло и совсѣмъ другимъ путемъ. Если одной своей стороной экономическая наука соприкасается съ шумомъ и гамомъ уличнаго базара или биржи, то своей другой стороной политическая экономія близка къ безстрастному покою философскаго созерцанія. Экономическая наука должна была рѣшать чисто абстрактную проблему: какія формы приметъ игра человѣческихъ интересовъ, если предположить свободу этой игры? Отдѣльныя частныя хозяйства являлись какъ бы атомами товаро-хозяйственнаго міра. Психическія силы, управляющія этими атомами, предполагались извѣстными. Важнѣйшей изъ этихъ силъ можно было считать личный интересъ. Надлежало установить, путемъ чистаго умозрѣнія, каковы будутъ законы взаимодѣйствія и равновѣсія хозяйственнаго цѣлаго. Задача эта напоминала задачи механики, съ тою разницей, что мѣсто мертвыхъ частицъ матеріи и фязическихъ силъ заступали мыслящія и чувствующія личности и психическія силы.

Такая задача была достаточно грандіозна, чтобы увлечь воображеніе философа. И мы видимъ, что величайшими экономистами были именно люди съ широкими философскими интересами и съ любовью къ абстрактному мышленію. Кромѣ Рикардо, — банкира и удачнаго биржевого игрока, — среди великихъ экономистовъ нельзя указать почти никого, на своемъ личномъ опытѣ испытавшаго суету рынка, явленія котораго были предметомъ ихъ изученія. Эти люди, лучше всѣхъ дру-

гихъ понимавшіе законы такъ-называемаго «практическаго дѣла», были наиболѣе непрактичными людьми въ свѣтѣ. Самымъ яркимъ образчикомъ экономистовъ этого типа былъ, какъ видно изъ предъидущаго, тотъ, кого обыкновенно считаютъ творцомъ экономической науки—Адамъ Смитъ, философъ, совершенно равнодушный къ богатству, жившій интересами, безконечно далекими отъ какихъ бы то ни было практическихъ дѣлъ.

Итакъ, идеализація свободнаго, нерегулируемаго, стихійнаго товарнаго хозяйства непосредственно вытекала у Смита изъ его философскаго міросозерцанія, которое было, вмѣстѣ съ тѣмъ, міросозерцаніемъ вѣка. Физіократы — предшественники Смита въ области построенія экономической теоріи—стояли на почвѣ того же міросозерцанія, равно какъ и почти всѣ лучшіе умы Франціи и Англіи эпохи революціи. Центральнымъ пунктомъ этого міросозерцанія была вѣра въ свободу и вражда къ государственной опекѣ. Человѣческое общество разсматривалось не какъ исторически развившійся и выросшій организмъ, а какъ договорный союзъ автономныхъ личностей, обладающихъ прирожденными неотчуждаемыми правами. Міросозерцаніе это находилось въ самой тѣсной связи съ соціальнымъ строемъ своей эпохи. Для соціальнаго творчества XVIII вѣка время выдвинуло огромную задачу—освобожденія личности отъ государственной опеки. Борьба велась подъ знаменемъ свободы; свобода была впереди, была цѣлью, къ которой стремились, и идеализація хозяйственнаго строя, основаннаго на свободѣ договора, была неизбѣжна.

«Богатство народовъ» съ начала до конца проникнуто мыслью, что лучшее или даже единственное средство обезпечить общее благополучіе заключается въ предоставленіи каждому свободы заботиться о своихъ интересахъ. Въ концѣ II тома «Богатства народовъ» Смитъ поясняетъ, въ чемъ заключается «простая и нехитрая система естественной свободы», рекомендуемая имъ на мѣсто всевозможныхъ системъ поощренія и стѣсненія. «Всякій человѣкъ,—говоритъ Смитъ,—пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, имѣетъ безспорное право слѣдовать по пути, указанному ему его личнымъ интересомъ, и употреблять по своему усмотрѣнію свой трудъ и капиталъ... Государь освобождается совершенно черезъ это отъ обязанности, исполнить которой онъ не имѣетъ средствъ и для надлежащаго исполненія которой не хватило бы никакой человѣческой мудрости и никакихъ познаній,—обязанности руководить трудомъ людей и направлять его самымъ выгоднымъ образомъ для цѣлаго общества. При системѣ естественной свободы государю остается исполнить три обязанности, правда, важныя, но ясныя, простыя и доступныя для обыкновеннаго пониманія. Первая состоитъ въ защитѣ общества отъ всякаго насилія или нашествія со стороны другихъ независимыхъ обществъ. Вторая состоитъ въ защитѣ каждаго члена общества отъ несправедливостей и при-

тѣсненій со стороны другого члена общества, или въ установленіи справедливаго суда. Наконецъ, третья его обязанность состоитъ въ приведеніи въ исполненіе и поддержаніи общественныхъ предпріятій и нѣкоторыхъ учрежденій, которыя не могутъ быть исполнены и содержимы насчетъ одного или нѣсколькихъ людей».

Въ другомъ мѣстѣ своего труда Смитъ замѣчаетъ, что «забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ человѣка избрать именно тотъ путь, который оказывается наиболѣе выгоднымъ для общества». «Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если-бы задался такою цѣлью... Государственный человѣкъ, который принялъ-бы на себя трудъ указывать частнымъ лицамъ, какъ они должны употреблять свои капиталы, мало того, что занялся бы совершенно безполезнымъ дѣломъ, но онъ присвоилъ бы себѣ власть, которую было бы безразсудно поручить не только одному лицу, но какому бы то ни было совѣту или сенату». Подобнаго рода замѣчанія въ изобиліи разсѣяны во всѣхъ отдѣлахъ «Богатства народовъ».

Всѣмъ извѣстно, что Смитъ былъ величайшимъ защитникомъ свободы какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. На этой защитѣ и основался безпримѣрный успѣхъ «Богатства народовъ». Для огромнаго большинства своихъ читателей Смитъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ апостоломъ свободы торговли. Критика Смита направлялась, главнымъ образомъ, на систему меркантилизма и государственной опеки, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Теоретическое обоснованіе меркантилизма—мысль объ исключительной важности въ народномъ хозяйствѣ денегъ—признается Смитомъ безусловно ложнымъ. Деньги—такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары. Поэтому стремленіе меркантилистовъ къ обезпеченію выгоднаго товарнаго баланса, т.-е. такого баланса, при которомъ вывозъ товаровъ превосходитъ ввозъ, благодаря чему деньги приливаютъ въ страну—совершенно неосновательно. Наибольшая сумма богатства можетъ быть достигнута предоставленіемъ каждому полной свободы продавать и покупать по своему усмотрѣнію. Къ торговой политикѣ государства вполнѣ приложимо правило, которымъ руководствуется каждый купецъ: покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать на самомъ дорогомъ. Поэтому всякія покровительственныя пошлины, удорожающія товары, равно какъ и вывозныя преміи, поощряющія однѣ отрасли промышленности въ ущербъ другимъ, вредны для общества. Не менѣе вредны всякія стѣсненія свободы передвиженія и приложенія труда внутри страны. Каждый долженъ быть свободнымъ въ выборѣ занятія и мѣстожительства. Цеховыя привилегіи, законы объ осѣдлости, стѣснявшіе передвиженіе рабочихъ, законы объ ученичествѣ, и монополіи разнаго рода должны быть отмѣнены.

Какъ видно изъ предыдущей главы, всѣ эти требованія экономической политики были выдвинуты жизнью и заслуга Смита заключа-

лась только въ отчетливомъ формулированіи и теоретическомъ обоснованіи ихъ. Мы указывали уже, что законъ объ ученичествѣ, сохраняя свою номинальную силу, почти переставъ соблюдаться въ XVIII вѣкѣ на практикѣ; до такой степени сила вещей—иначе говоря, новыя экономическія отношенія—была противъ него. Какъ было упомянуто, англійскій парламентъ задолго до появленія «Богатства народовъ» вступилъ въ области рабочаго законодательства на новый путь, отмѣнивъ въ 1756 г. для суконнаго производства законъ о регулированіи заработной платы мировыми судьями. Вообще, вся унаслѣдованная отъ эпохи меркантилизма система регулированія промышленности внутри страны вызывала въ Англіи въ XVIII вѣкѣ недовольство общественнаго мнѣнія; система эта была выгодна немногочисленнымъ и, притомъ, падающимъ общественнымъ классамъ, и противорѣчила интересамъ растущаго класса капиталистовъ и, отчасти, рабочихъ. Система государственной опеки отмирала сама собой и держалась, въ значительной мѣрѣ, лишь въ силу соціальной инерціи; нерѣдко сохранялась только внѣшняя форма этой системы, только мертвая буква закона, въ то время, какъ его живое содержаніе давно отлетѣло. Достаточно было могущественнаго идейнаго удара, каковой былъ нанесенъ безсмертнымъ трудомъ Смита, чтобы устарѣвшее, подгнившее, почти необитаемое зданіе государственнаго регулированія промышленности и внутренней торговли Англіи рухнуло въ прахъ.

Въ области внѣшней торговли Англіи система государственной опеки была гораздо живучѣе и въ концѣ XVIII вѣка не обнаруживала никакихъ признаковъ упадка; но это еще не доказываетъ, что она, дѣйствительно, соотвѣтствовала потребностямъ англійской промышленности. Какъ бы мы ни оцѣнивали преимущества протекціонизма и свободной торговли, во всякомъ случаѣ ясно, что протекціонизмъ имѣетъ значеніе только на извѣстной стадіи развитія туземной промышленности, когда промышленность эта еще недостаточно окрѣпла, чтобы выдержать конкуренцію иностранной. Но нѣтъ никакого смысла охранять то, на что никто не нападаетъ. А въ эпоху Смита важнѣйшія отрасли англійской промышленности, стояли уже такъ высоко, что только застарѣлая боязнь иностраннаго соперничества, привычка къ государственной опекѣ, побуждали англійскихъ промышленниковъ настаивать на сохраненіи покровительственныхъ пошлинъ, которыя были для нихъ совершенно излишни. Лучшимъ доказательствомъ ненужности протекціонизма для англійской промышленности служитъ послѣдующій быстрый успѣхъ идеи свободной торговли именно среди англійскихъ промышленниковъ. Объ этомъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи, теперь же достаточно указать на то, что хотя во время А. Смита англійскій таможенный тарифъ имѣлъ болѣе запретительный характеръ, чѣмъ тарифъ какой-либо иной страны Европы не прошло и 40 лѣтъ со времени смерти Смита, какъ Англія стала во

главѣ движенія въ пользу свободной торговли и по сіе время остается единственной европейской страной, въ которой покровительственныя пошлины отсутствуютъ совершенно.

Мы уже указывали, что Смитъ занялъ вполнѣ опредѣленную позицію въ разыгрывавшейся на его глазахъ великой борьбѣ старыхъ и новыхъ формъ хозяйства, мелкаго самостоятельнаго производства и капитализма: онъ былъ всей душой на сторонѣ новаго промышленнаго строя. Благодѣтельныя послѣдствія развитія обмѣна и крупнаго производства для всѣхъ классовъ населенія кажутся А. Смиту настолько очевидными, что онъ почти не обсуждаетъ вопроса, соотвѣтствуетъ ли происходящая промышленная революція интересамъ массы населенія. Новыя формы хозяйства выше въ техническомъ отношеніи, онѣ увеличиваютъ народное богатство, и потому Смитъ безъ всякихъ колебаній становится на ихъ сторону. Распаденіе общества на три класса—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ—кажется Смиту вполнѣ естественнымъ строемъ общества, не требующимъ объясненія, хотя онъ и признаетъ, что на болѣе низшихъ ступеняхъ развитія общество не распадается на классы, и продуктъ труда принадлежитъ самому производителю, владѣющему землей и необходимыми орудіями производства. Интересы этихъ трехъ классовъ, по мнѣнію Смита, относятся очень различно къ интересу всего общества въ совокупности. А именно, доходъ землевладѣльцевъ, рента, возрастаетъ по мѣрѣ накопленія народнаго богатства; „чѣмъ общество богаче, тѣмъ больше спросъ на продукты земледѣлія, тѣмъ выше цѣна послѣднихъ, а слѣдовательно, и рента землевладѣльца. Успѣхи обрабатывающей промышленности также выгодны землевладѣльцамъ, выигрывающимъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ потребителей мануфактурныхъ издѣлій. Такимъ образомъ, землевладѣльческій классъ выигрываетъ при возрастаніи народнаго богатства и проигрываетъ при его паденіи. Интересы этого класса совпадаютъ, слѣдовательно, съ общественными.

Рабочій классъ точно также заинтересованъ въ общемъ преуспѣяніи, такъ какъ чѣмъ скорѣе накопляются капиталы, тѣмъ больше спросъ на трудъ и тѣмъ выше заработная плата; цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ Смитъ старается твердо установить свое основное положеніе, что высота заработной платы находится въ прямомъ отношеніи къ росту народнаго богатства — не къ абсолютной величинѣ богатства, а именно къ темпу его наростанія. Самыя высокія цѣны на трудъ наблюдаются не въ самыхъ богатыхъ странахъ, а въ тѣхъ, которыя болѣе всего преуспѣваютъ въ промышленности и торговлѣ, гдѣ богатство растетъ всего быстрѣе. Необычайная высота заработной платы въ Сѣверной Америкѣ объясняется именно быстрымъ ростомъ богатства этой страны. Если же богатство какой-либо страны и очень велико, но не возрастаетъ, то заработная плата не можетъ быть въ ней высока, такъ какъ увеличеніе населенія при неподвиж-

Адамъ Смитъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

номъ состояніи богатства быстро приводитъ къ переполненію рабочаго рынка, къ превышенію предложенія рабочихъ рукъ сравнительно съ требованіемъ на нихъ и къ паденію заработной платы. Еще хуже положеніе рабочаго въ тѣхъ странахъ, богатство которыхъ сокращается. Нищета и голодъ массы населенія составляютъ неизбѣжный удѣлъ такихъ странъ, такъ какъ въ нихъ спросъ на рабочія руки падаетъ значительно ниже предложенія.

Отсюда видно, что главный интересъ рабочихъ, по мнѣнію Смита, заключается въ быстромъ накопленіи богатства и капиталовъ—иными словами, интересы рабочаго класса, точно такъ же, какъ и землевладѣльческаго, вполнѣ совпадаютъ съ интересами всего общества, какъ цѣлаго. Въ другомъ положеніи, говоритъ Смитъ, находится классъ предпринимателей, капиталистовъ. Накопленіе капиталовъ, поднимающее заработную плату, стремится понизить прибыль. Прибыль на капиталъ выше всего въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ капиталовъ мало, и ниже всего въ богатыхъ странахъ, гдѣ капиталъ въ избыткѣ. Зависитъ это отъ того, что увеличеніе предложенія капиталовъ, по закону спроса и предложенія, понижаетъ плату за пользованіе капиталомъ — процентъ. Повышеніе заработной платы, увеличеніе доли рабочихъ, вызываемое ростомъ капиталовъ, не можетъ не сопровождаться сокращеніемъ прибыли, доли капиталистовъ. Поэтому интересы класса капиталистовъ не только не совпадаютъ съ интересами всего общества, но прямо противоположны имъ.

Эти соображенія Смита выясняютъ, какимъ образомъ онъ могъ быть горячимъ сторонникомъ новаго промышленнаго строя, оставаясь другомъ рабочихъ. Теоретическія убѣжденія приводили его къ выводу, что отъ успѣховъ промышленности выигрываетъ больше всего самъ рабочій.

Во всякомъ случаѣ, искренность сочувствія Смита рабочимъ классамъ не можетъ быть заподозрѣна. «Всегда,—говоритъ Смитъ,—когда законодательство вмѣшивается въ разбирательство споровъ между хозяевами и ихъ работниками, оно спрашиваетъ мнѣнія первыхъ; поэтому, когда издается постановленіе въ пользу работниковъ, оно бываетъ справедливо и благоразумно; но не всегда бываетъ такъ же, когда законодательство высказывается въ пользу хозяевъ». Ничто не вызываетъ такого негодованія Смита, какъ стѣсненіе свободы рабочаго находить себѣ заработокъ тамъ и такимъ образомъ, какъ онъ этого желаетъ. «Самое священное и неприкосновенное право собственности,—говоритъ съ глубокимъ убѣжденіемъ Смитъ,—есть право на свой собственный трудъ, потому что изъ этого права вытекаютъ всѣ прочія права собственности. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ и ловкости его рукъ; мѣшать ему употребить эту силу и ловкость такъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этой первоначальной собственностью».

Крупный капиталъ въ эпоху Смита имѣлъ очень миролюбивый видъ. Въ большинствѣ случаевъ работа продолжалась на дому у рабочаго; рабочій начиналъ и кончалъ работу, когда хотѣлъ, жилъ въ деревнѣ, сохранялъ свой клочокъ земли, хотя и работалъ не на себя, а на хозяина, На мануфактурахъ условія работы были иныя, но зато мануфактурные рабочіе получали большой заработокъ, нерѣдко бо́льшій, чѣмъ доходы мелкихъ мастеровъ. Все заставляло думать, что интересы рабочаго класса не только не требуютъ сохраненія прежняго хозяйственнаго строя, но, напротивъ, именно ради рабочихъ слѣдуетъ желать какъ можно болѣе скораго торжества капиталистическаго производства.

Единственнымъ классомъ, интересы котораго, по мнѣнію А. Смита, не совпадаютъ съ общими, является классъ капиталистовъ. Изъ «Богатства народовъ» можно привести очень много мѣстъ, гдѣ Смитъ выражаетъ свое негодованіе противъ этого класса. Вотъ, напр., какими словами онъ заканчиваетъ первую книгу своего труда. «Всякое предложеніе новаго закона, исходящее отъ этого разряда людей (капиталистовъ) должно быть встрѣчено съ крайнимъ недовѣріемъ, ибо оно исходитъ отъ класса людей, интересъ которыхъ никогда не можетъ вполнѣ совпадать съ интересами всего народонаселенія, и состоитъ, вообще въ томъ, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось имъ дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ». Въ другомъ мѣстѣ Смитъ говоритъ о молчаливой стачкѣ для пониженія заработной платы, въ которой всегда находятся хозяева. «Хозяевамъ, по меньшему числу ихъ, гораздо легче стакнуться; къ тому же, законъ дозволяетъ имъ заключать условія такого рода или, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ имъ этого, между тѣмъ какъ онъ строго преслѣдуетъ стачки рабочихъ. Мы не знаемъ парламентскихъ постановленій противъ заговора въ пользу пониженія заработной платы, но мы имѣемъ множество ихъ противъ заговоровъ, имѣющихъ цѣлью повысить ее». Членъ парламента, какъ бы ни былъ великъ его личный авторитетъ, который рискнулъ бы поддерживать какую бы то ни было мѣру, клонящуюся къ свободной торговлѣ, рисковалъ, по словамъ Смита, подвергнуться клеветѣ, личнымъ оскорбленіямъ и даже дѣйствительной опасности со стороны заинтересованныхъ промышленниковъ. Именно вслѣдствіе этой могущественной оппозиціи, у Смита вырвалось малодушное признаніе, что «надѣяться на полную свободу торговли въ Великобританіи было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать осуществленія въ ней республикъ Утопіи или Океаніи».

Въ виду этого, какую горькую иронію исторіи составляетъ тотъ непредвидѣнный Смитомъ фактъ, что его идеи сослужили службу именно классу капиталистовъ! Крупные промышленники, составлявшіе оплотъ протекціонизма въ эпоху Смита, скоро сдѣлались главной опорой движенія въ пользу свободной торговли. Промышленная революція, идей-

нымъ провозвѣстникомъ которой былъ Смитъ, совершилась, главнымъ образомъ, въ ихъ интересахъ.

Въ теоретической части системы Смита выдающуюся роль играетъ ученіе о капиталѣ; подъ послѣднимъ Смитъ разумѣетъ ту долю созданныхъ трудомъ запасовъ, которая предназначается не для собственнаго потребленія владѣльца, а для дальнѣйшаго производства. Весь общественный продуктъ распадается, по Смиту, на двѣ части: одна идетъ на возстановленіе затраченнаго на производство капитала, другая поступаетъ въ распоряженіе непроизводительныхъ классовъ общества,— собственниковъ земли и капитала, и непроизводительныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ не создаетъ новыхъ цѣнностей (чиновники, солдаты, ученые, люди либеральныхъ профессій и пр.). Та часть общественнаго продукта, которая обращается на возстановленіе капитала, поступаетъ въ распоряженіе производительныхъ рабочихъ. Распаденіе общества на производительные и непроизводительные классы соотвѣтствуетъ распаденію общественнаго продукта на капиталъ и чистый доходъ (прибыль и ренту). Чѣмъ большая доля общественнаго продукта превращается въ капиталъ, капитализируется, иначе говоря, поступаетъ въ распоряженіе производительныхъ рабочихъ, тѣмъ быстрѣе растетъ народное богатство. Доказывая несущественность торговаго баланса, (т.-е. соотношенія ввоза и вывоза товаровъ), которому меркантилисты придавали такое значеніе, Смитъ настаиваетъ на первенствующей важности въ общественной экономіи баланса между непроизводительнымъ потребленіемъ и накопленіемъ, такъ какъ именно этимъ балансомъ и опредѣляется ростъ общественнаго богатства. Поэтому Смитъ рѣшительно отвергаетъ взглядъ, согласно которому непроизводительные расходы правительства и роскошь богатыхъ людей полезны для страны въ качествѣ стимула національной промышленности.

Относительно метода Смита велось и ведется много споровъ. Несомнѣнно, что большинство теоретическихъ выводовъ Смита облечено въ дедуктивную форму, причемъ его основной посылкой является тезисъ о человѣческимъ эгоизмѣ. Послѣ сказаннаго выше ясно, что посылку эту никоимъ образомъ нельзя считать условнымъ методологическимъ допущеніемъ со стороны Смита. И въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ», и въ «Богатствѣ народовъ» Смитъ исходитъ изъ одного и того же пониманія человѣческой природы, признаваемой имъ глубоко эгоистической въ своей основѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что индукція—наблюденіе и обобщеніе фактовъ современной и исторической хозяйственной жизни—играетъ весьма видную роль во многихъ отдѣлахъ «Богатства народовъ». Правда, Смитъ не былъ «исторической» головой; онъ былъ слишкомъ проникнутъ раціонализмомъ XVIII вѣка, чтобы обладать историческимъ чутьемъ, пониманіемъ органическаго процесса общественной эволюціи. Историческія изслѣдованія Смита, занимающія значительную часть «Богатства народовъ»

несмотря на все остроуміе отдѣльныхъ выводовъ, построены, въ большинствѣ случаевъ, по заранѣе готовой схемѣ, для доказательства или иллюстраціи тѣхъ или иныхъ апріорныхъ положеній автора. Тѣмъ не менѣе, многіе выводы Смита представляютъ собой болѣе или менѣе удачныя обобщенія явленій окружавшей его хозяйственной жизни. Такъ, знаменитое ученіе Смита о выгодахъ раздѣленія труда несомнѣнно возникло изъ наблюденія надъ крупнымъ производствомъ на мануфактурахъ, распространеніе которыхъ было характернымъ фактомъ промышленной эволюціи Англіи въ эпоху Смита. Ученіе о причинахъ различія заработной платы въ разныхъ занятіяхъ также могло явиться лишь результатомъ непосредственнаго наблюденія. Ученіе о земельной рентѣ — о продуктахъ, дающихъ и не дающихъ ренту—представляетъ собой неудачную попытку обобщенія фактовъ различія ренты въ зависимости отъ различія способовъ пользованія землей. Вообще, безпристрастное изученіе «Богатства народовъ» приводитъ къ заключенію, что работа Смита не укладывается ни въ одинъ изъ методологическихъ шаблоновъ, подъ которые ее желаютъ подвести. Смитъ одинаково пользуется какъ дедукціей, такъ и индукціей, подкрѣпляя свои апріорныя положенія данными опыта и восполняя свои обобщенія дедуктивными построеніями.

Какую роль игралъ Смитъ въ исторіи политической экономіи? Въ новѣйшее время по этому вопросу устанавливается все большее согласіе. Первоначальное отношеніе къ Смиту—отношеніе неограниченнаго преклоненія или столь же категорическаго осужденія—смѣнилось теперь болѣе спокойной и безпристрастной оцѣнкой его историческаго значенія. Конечно, несправедливо мнѣніе, будто Смитъ создалъ экономическую науку. Во всѣхъ важнѣйшихъ частяхъ своей системы Смитъ имѣлъ предшественниковъ; нѣкоторые изъ нихъ даже превосходили его по силѣ мысли. Уже давно указывалось на связь ученія Смита съ работами его предшественниковъ, особенно физіократовъ — школы французскихъ экономистовъ, глава которыхъ, Кенэ, умеръ незадолго до выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ». Дѣйствительно, заслуги физіократовъ въ дѣлѣ созданія современной экономической науки громадны; по оригинальности мысли и теоретической законченности системы Кенэ стоитъ выше Смита. Кенэ принадлежитъ честь перваго теоретическаго построенія системы политической экономіи, какъ органическаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи Смитъ былъ ученикомъ Кенэ, далеко не достигнувшимъ уровня учителя. Ученіе Смита о капиталѣ также заимствовано у физіократовъ. Что касается до требованія экономической свободы, то въ этомъ отношеніи вліяніе физіократовъ на Смита не могло быть значительнымъ, такъ какъ еще раньше ихъ, въ одной рѣчи, сказанной въ 1755 г., Смитъ высказалъ это требованіе съ полной опредѣленностью и почти въ той же формѣ, какъ и въ «Богатствѣ народовъ». Во всякомъ случаѣ, система Смита уже потому

не можетъ считаться заимствованной у физіократовъ, что по самому кардинальному пункту—по вопросу объ исключительной производительности земледѣльческаго труда,—Смитъ расходится съ физіократами (хотя и по этому пункту слѣды вліянія физіократовъ ясно видны во многихъ мѣстахъ «Богатства народовъ», напр., въ разсужденіяхъ Смита о большей полезности для страны земледѣлія, чѣмъ промышленности и торговли и пр.). Система физіократовъ, при всей своей стройности и логическомъ изяществѣ, страдала кореннымъ и неустранимымъ недостаткомъ—отрицаніемъ производительности неземледѣльческаго труда. Поэтому, какъ ни блестяще были разработаны ея детали и какъ ни геніальна была ея общая конструкція, она не могла пріобрѣсти практическаго значенія и оказала могущественное вліяніе на общественную мысль лишь черезъ посредство системы Смита.

Обвиненія Смита въ неоригинальности его отдѣльныхъ выводовъ и положеній въ значительной мѣрѣ справедливы; но это нисколько не умаляетъ значенія его великаго труда. Оригинальность Смита заключалась не въ частностяхъ, а въ цѣломъ: его система является самымъ полнымъ и совершеннымъ выраженіемъ идей и стремленій его эпохи—эпохи паденія стариннаго хозяйственнаго строя, основаннаго на государственной опекѣ, и развитія капиталистическаго строя, для котораго свобода была естественной стихіей.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОКРАТЪ.

(Лекція профессора Виндельбандта).

Переводъ съ нѣмецкаго С. Ш—га.

Сократъ! Можетъ показаться страннымъ, чтобы кто-нибудь еще разъ вздумалъ говорить о немъ. Изъ всѣхъ фигуръ, выдвинутыхъ исторіей человѣческаго образованія, ни одна, пожалуй, не пользуется такой популярностью,—ни объ одной извѣстность не проникла въ такіе отдаленные уголки духовной вселенной. Сократа называли идеаломъ мудрости всѣхъ греческихъ философскихъ школъ, и не только въ литературѣ римлянъ, не только въ литературѣ европейскихъ народовъ, но также и у евреевъ, и магометанъ — повсюду, куда проникла хоть капля эллинизма, мы встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ личностью, вызывавшей всеобщее изумленіе. Даже въ поверхностномъ изложеніи такъ называемый всеобщей исторіи считаютъ нужнымъ остановиться на немъ хотя бы на одно мгновеніе, даже наиболѣе краткій историческій обзоръ удѣляетъ ему немного вниманія. Между нами нѣтъ ни одного, кто бы уже много разъ не слышалъ о немъ и кто бы хотя нѣсколько разъ о немъ не читалъ; всѣмъ извѣстно, какъ онъ жилъ, чему училъ и какъ умеръ; говорить о Сократѣ, пожалуй, даже невѣжливо.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли надѣяться сказать о немъ что либо новое? Благодаря полному любви энтузіазму его учениковъ, мы обладаемъ цѣльнымъ изображеніемъ его фигуры, причемъ это изображеніе пріобрѣтаетъ въ нѣкоторомъ родѣ стереоскопическую живость, такъ какъ два описанія, сдѣланныя Ксенофонтомъ и Платономъ съ акихъ различныхъ точекъ зрѣнія, легко сливаются въ одинъ образъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ тысячелѣтій продолжалась работа все болѣе и болѣе точнаго и яснаго изображенія этого образа: проницательность философовъ, культурно-историческое изслѣдованіе, родственныя философскія геніальности соревновали между собой въ стремленіи пролить свѣтъ познанія на эту фигуру. Сократа разсматривали съ самыхъ различныхъ сторонъ, приводили въ связь болѣе или менѣе искусственную, или естественную—съ самыми разнообразными вопросами; его

жизнь, ученіе, смерть изслѣдованы во всѣхъ направленіяхъ, ихъ значеніе толковалось самымъ различнымъ образомъ и, кажется, здѣсь не осталось ни одного неизслѣдованнаго и неосвѣщеннаго уголка. О Сократѣ накопилась почти необозримая литература; масса случайныхъ изслѣдованій, брошюръ, программъ, диссертацій, лекцій тѣснится вокругъ значительныхъ, цѣльныхъ изображеній и обширныхъ произведеній: послѣ всего этого нужно, кажется, обладать особымъ самомнѣніемъ, чтобы говорить о Сократѣ.

Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что все вышесказанное не будетъ поставлено мнѣ въ упрекъ на основаніи слѣдующаго соображенія: великія фигуры исторіи человѣчества раздѣляютъ вмѣстѣ съ великими произведеніями искусства то преимущество, что онѣ неисчерпаемы. Ихъ созерцаніе доставляетъ всегда возвышенное наслажденіе, какъ бы часто это созерцаніе ни повторялось, и я былъ бы совершенно удовлетворенъ, если бы мнѣ удалось хотя бы отчасти возбудить въ читателѣ то очарованіе, которое производила на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія, казалось бы такая трезвая и прозаичная личность Сократа, и которое она, конечно, будетъ всегда производить. Эта неисчерпаемость имѣетъ еще другое значеніе: часто бываетъ достаточно малѣйшаго измѣненія въ точкѣ зрѣнія или въ освѣщеніи, чтобы получить новыя важныя контуры фигуры, которыя до сихъ поръ еще не получались. Поэтому можно надѣяться, что новому изслѣдованію удастся открыть въ фигурѣ Сократа черту, которая неожиданно приблизитъ его къ проблемамъ современности и такимъ образомъ укажетъ въ немъ особенности, которыя связываютъ его съ его эпохой.

Съ его эпохой! Болѣе чѣмъ другой философъ Сократъ долженъ быть объясненъ въ связи съ своимъ временемъ. Мы должны перенестись въ Аѳины эпохи Пелопонесскихъ войнъ, т.-е въ эпоху, когда греческая культура, доведенная Перикломъ до высшаго пункта процвѣтанія, начинаетъ медленно клониться къ упадку, сохраняя все еще свое опьяняющее обаяніе. Аѳины, надъ которыми уже виталъ ихъ злой демонъ, еще находились въ апогеѣ своего счастья, завоеваннаго съ такимъ трудомъ собственными усиліями, Аѳины еще оставались во главѣ эллинской культуры, служа рынкомъ для міровой торговли и руководящимъ центромъ античной мысли. Со всѣхъ сторонъ стекаются сюда богатства греческой культурной жизни. Акрополь украшается произведеніями пластическихъ искусствъ и дѣлается храмомъ человѣчества— на подмосткахъ, получившихъ міровое значеніе, выступаютъ образы, созданныя Софокломъ, Эврипидомъ, Аристофаномъ—и въ открытыхъ городскихъ залахъ преподаются научныя теоріи. Это было золотое время благороднѣйшаго процвѣтанія человѣчества, время, которое отошло въ прошлое и никогда больше не вернется, сколько бы надъ нашей планетой ни повторялась смѣна дня и ночи, ненастья и солнечнаго сіянія. Въ эту эпоху въ аѳинскомъ народѣ совершается долго подго-

тавливаемый подъемъ, соціальный переворотъ первостепенной важности, имѣвшій рѣшающую роль для всей позднѣйшей культуры. Наука, созданная отдѣльными мыслителями, культивируемая въ недоступной святая-святыхъ узкихъ школьныхъ круговъ, выступаетъ на улицу, возвышаетъ свой голосъ среди шума общественной жизни и становится оружіемъ въ борьбѣ повсемѣстныхъ страстей. Теперь толпа начинаетъ прислушиваться къ ея словамъ; изумленные и ослѣпленные люди отдаются новымъ впечатлѣніямъ и безъ сопротивленія преклоняются передъ новой силой. Побуждаемые сначала любопытствомъ, потомъ наслажденіемъ, наконецъ страстнымъ интересомъ, аѳиняне начинаютъ жадно стремиться къ познанію и наукѣ—всю націю охватываетъ лихорадка образованія. Узкія до сихъ поръ ворота науки широко раскрываются: на мѣсто одинокихъ мыслителей выступаютъ публичные проповѣдники науки. Вокругъ нихъ жадно тѣснятся всѣ, кто стоитъ на на высотѣ времени и хочетъ вліять на своихъ современниковъ. Политическая рѣчь облекается въ одѣяніе научнаго доказательства, научныя теоріи становятся предметомъ обыденнаго разговора, ихъ вводятъ въ разнообразіе практической жизни.

Было бы ошибкой, конечно, полагать, что тогда въ Аѳинахъ первый сапожникъ или портной могъ разсуждать объ искусствѣ также мудро, какъ напр., теперь каждый рецензентъ; но одно остается вѣрнымъ: въ первый разъ въ исторіи мы встрѣчаемъ народъ, всѣ жизненныя отношенія котораго проникаются умственной культурой, народъ, передающій руководство общественными дѣлами превосходной умственной силѣ—однимъ словомъ, народъ, который отводитъ образованію значительную роль въ національномъ существованіи. Въ этомъ вѣчная слава Аѳинъ: ни у одного народа до аѳинянъ образованіе не становилось силой въ общественной жизни; но также нѣтъ ни одного народа послѣ аѳинянъ, который бы допустилъ, чтобы образованіе перестало быть общественной силой.

По мѣрѣ того, какъ образованіе проникало въ аѳинскій народъ, порывались корни, связывавшіе личность съ общимъ сознаніемъ; личность привыкаетъ слѣдовать собственному сужденію; явилось поколѣніе, о которомъ можно съ полнымъ правомъ сказать, что оно открыло свободу: свободу индивида, который хочетъ самъ изслѣдовать и думать, который свергаетъ съ себя авторитетъ и низвергаетъ боговъ;—индивида, который объявляетъ себя мѣриломъ всѣхъ вещей и противопоставляетъ себя, какъ самоопредѣляющій атомъ, всему свѣту. Правда, съ тѣхъ поръ этотъ процессъ не разъ повторялся въ исторіи человѣчества, такъ напр., въ тѣ столѣтія, которыя извѣстны подъ названіемъ возрожденія; далѣе, въ XVIII столѣтіи—столѣтіи просвѣщенія и революціи, и несомнѣнно, что въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи эта свобода еще не разъ будетъ открыта, но оригинальнымъ это открытіе свободы было только одинъ разъ—въ первый разъ—въ Аѳинахъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этого распространенія образованія среди всѣхъ слоевъ греческаго населенія было, такимъ образомъ, разрушеніе всѣхъ связей, приковывавшихъ индивидуальный духъ къ общему. Но этотъ процессъ въ массѣ носитъ иной характеръ, чѣмъ у отдѣльнаго мыслителя. Тотъ, кто имѣлъ силу и смѣлость идти къ истинѣ собственными путями, пріобрѣлъ въ теченіе своего изслѣдованія, разрушившаго древнія привычныя представленія, познаніе того, что существуетъ мѣрило для индивидуальнаго мышленія, господствующій надъ всѣмъ законъ, подчиненіе которому и составляетъ единственную цѣну всякаго знанія; но кто долженъ только потрясти древо познанія, для того, чтобы возращенные другими плоды упали къ нему въ ротъ, тотъ легко привыкаетъ пользоваться ими или отказываться отъ нихъ, какъ ему заблагоразсудится. Это справедливо уже по отношенію къ популяризатору, воспринимающему духовную пищу и придающему ей легко воспринимаемую форму—тѣмъ болѣе справедливо это по отношенію къ обыкновенному человѣку, который получаетъ пищу изъ рукъ популяризатора! Такъ начинаетъ распространяться въ Греціи своего рода порокъ обжорства остроуміемъ, смѣшная и порочная игра въ знаніе и образованіе. Для массы погоня за знаніемъ остается дѣломъ внѣшней моды: на мѣсто образованія здѣсь становится полузнаніе, безсмысленное повтореніе чужихъ словъ — однимъ словомъ, научное шарлатанство. Хорошій тонъ начинаетъ требовать, чтобы молодой аѳинянинъ посѣщалъ нѣкоторое время школу софиста—такъ назывались просвѣтители Греціи; тамъ онъ обучается образованному разговору и изящнымъ выраженіямъ, выучивается въ разговорѣ или рѣчи въ приличномъ мѣстѣ бросить нѣсколько научныхъ фразъ и кокетничать знаніемъ новѣйшихъ открытій. Является своего рода спортъ: споры въ банѣ, палестрѣ и симпозіонѣ о теоріяхъ и гипотезахъ философовъ, и любимымъ народнымъ развлеченіемъ въ Аѳинахъ становится зрѣлище двухъ подобныхъ философовъ, натравленныхъ другъ на друга, подобно боевымъ пѣтухамъ, при чемъ остроумный отвѣтъ и удачный полемическій оборотъ награждается громкимъ хохотомъ толпы.

Однако, за этой веселой внѣшностью скрывалась серьезная опасность: это были цвѣты, подъ которыми скрывалась пропасть. Подобные споры разрушаютъ субстанцію народнаго духа, и острая критика, которую каждый теперь научается употреблять, разлагаетъ цементъ общественнаго зданія—общія вѣрованія. Боги священной религіи выбрасываются, какъ старая ветошь, и не только блестящіе красивые боги Олимпа, въ которыхъ пѣсни Гомера вдохнули духъ жизни, но также тихіе, древніе деревянные образцы мѣстнаго и семейнаго культа, чудодѣйственная сила которыхъ когда-то возбуждала горячее религіозное чувство отцовъ—и они исчезаютъ, унося съ собой общественные нравы и порядокъ. Если нѣкоторые изъ софистовъ и стараются вновь оживить побѣднѣвшіе образы морально-аллегорической разрисовкой, то

это является лишь временнымъ этапомъ на пути разрушенія: идеалы нравственности блѣднѣютъ вмѣстѣ съ образами религіи. Сдѣлавшійся самодержавнымъ индивидъ открываетъ, что и эти истины могутъ быть оспариваемы, и что онъ слѣдуетъ естественному порядку, руководствуясь въ своихъ поступкахъ удовольствіемъ и произволомъ.

Къ этому прибавляется одно внѣшнее обстоятельство. Носители этого просвѣщенія — софисты были одновременно учителями политическаго ораторскаго искусства; въ этомъ, собственно говоря, состоитъ ихъ профессіональная дѣятельность, за которую они получали вознагражденіе. При этомъ дѣло идетъ, естественно, лишь о выработкѣ формальной ловкости: ученикъ хочетъ хорошо знать свое дѣло и умѣть отражать нападенія, чтобы въ каждый данный моментъ быть готовымъ защищать личные или партійные интересы, чтобы умѣть опровергнуть всякое возраженіе. Задача не въ томъ, чтобы переубѣдить противника, а въ томъ, чтобы его переспорить. Вѣдь всѣ человѣческія мнѣнія относительны; каждый разсматриваетъ вещи такъ, какъ ему удобно. Лишь поменьше доктринерскаго упрямства! Вещи измѣняются и мы вмѣстѣ съ ними. Такъ заканчивается столѣтіе, начавшееся могучимъ развитіемъ эллинизма, выдвинувшее на историческую арену первый просвѣщенный народъ; оно кончается временемъ безвѣрія и безпринципности. Поверхностное усвоеніе просвѣщенія повело къ настоящей оргіи отрицанія: за демократизаціей науки послѣдовала деморализація образованія, ибо общество деморализовано, разъ оно потеряло единство нравственныхъ убѣжденій, и если оно обращается къ тому или другому изъ нихъ лишь для того, чтобы послѣ грѣхопаденія прикрыть свою наготу научной мишурой.

Таково, приблизительно, было занятіе аѳинянъ, за исключеніемъ того, что вносилось городскими сплетнями и ежедневными перемѣнами внѣшней и внутренней политики; въ это время на улицахъ мірового города появляется оригинальная фигура. Посреди прекрасныхъ завитыхъ юношей, окружавшихъ на рынкѣ богато одѣтаго софиста, внезапно появляется плѣшивая голова. Эта голова принадлежитъ неуклюжей фигурѣ, которая среди разступающихся съ усмѣшкой слушателей протѣсняется къ оратору, нѣкоторое время презрительно осматриваетъ его и затѣмъ вмѣшивается въ разговоръ. Завязывается споръ. На стремительную рѣчь софиста плѣшивая фигура отвѣчаетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Внезапно раздается гомерическій смѣхъ: шутовская гримаса, подымающая еще выше его вздернутый носъ, пробѣгаетъ по лицу нарушителя спокойствія; смѣющіеся, кажется на его сторонѣ. Онъ же самъ рѣзко поворачивается, втягиваетъ еще глубже голову между широкихъ плечъ и въ припрыжку протискивается своимъ порядочнымъ брюшкомъ сквозь гогочущую толпу.

Кто этотъ человѣкъ? Его зовутъ Сократъ, и всѣ его знаютъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ забросилъ рѣзецъ, которымъ онъ

раньше работалъ, его можно видѣть вездѣ въ Аѳинахъ, гдѣ что-либо случилось. Днемъ онъ шатается по улицамъ, а вечеромъ онъ всегда тамъ, гдѣ собирается веселое общество. Онъ участвуетъ въ весельѣ вмѣстѣ со всѣми, и никто на него за это не сердится. Въ особенности, гдѣ завязывается споръ, онъ тутъ-какъ-тутъ — гроза софистовъ, изъ которыхъ никто не можетъ противъ него устоять. Но это его далеко не удовлетворяетъ: онъ болтаетъ съ первымъ встрѣчнымъ. — О чемъ? Да обо всемъ, что ему придетъ въ голову. Онъ останавливаетъ человѣка—знакомаго и незнакомаго—и не отпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не отвѣтитъ на его вопросы. Онъ не пощадилъ даже Перикла и Клеона, а Алкивіадъ, — такъ тотъ слѣпо ему довѣряетъ. — Такъ онъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ разносчиковъ мудрости, которые привлекаютъ къ себѣ богатую молодежь, обѣщаютъ научить ее всѣмъ наукамъ и ораторскому искусству и тѣмъ временемъ обираютъ ее? — Ни въ какомъ случаѣ: онъ ни разу не взялъ ни одного обола.—Значитъ, онъ богатъ и независимъ? И того нѣтъ; онъ сильно нуждается. Дома его ожидаютъ жена и ребенокъ, которые едва сводятъ концы съ концами, и г-жа Ксантипа, пожалуй, не такъ ужъ не права, когда встрѣчаетъ своего супруга не совсѣмъ привѣтливо. Но въ такомъ случаѣ, чего хочетъ тотъ человѣкъ? Можетъ быть это одинъ изъ безтолковыхъ болтуновъ, забавляющихъ толпу? Напротивъ, всѣ изумлены его умѣніемъ говорить ясно, точно и понятно. Или онъ такъ жадно ищетъ новую мудрость, что вездѣ къ ней прислушивается не желая потерять ни одного слова? Наоборотъ, онъ не видитъ въ этой мудрости ничего хорошаго и не хочетъ ничего о ней знать.—Тогда онъ знаетъ что-либо лучшее? Ничего; онъ повторяетъ всѣмъ и каждому что онъ знаетъ лишь одно, именно, что онъ ничего не знаетъ.

Чудной человѣкъ! Нужно пойти за нимъ! Смотрите, вотъ онъ стоитъ въ первомъ же переулкѣ, спокойно кивая головой передъ мастеровымъ, который работаетъ по южному обычаю на половину въ домѣ, на половину на улицѣ и отрывается отъ работы лишь для того, чтобы отвѣтить Сократу. Послѣдній спросилъ его о чемъ-то, чего онъ — Сократъ—самъ не знаетъ, и о чемъ онъ хочетъ получить совѣтъ у такого образованнаго человѣка, и честный ремесленникъ выкладываетъ предъ нимъ съ любезной готовностью всю свою ученость, которую онъ вчера или третьяго дня подслушалъ у какого-нибудь софиста. Сократъ скромно слушаетъ и благодаритъ за дружественное поученіе; но, говоритъ онъ, потому ли что онъ не привыкъ думать о такихъ трудныхъ вещахъ, или потому, что онъ что-то не дослышалъ, ему не все ясно, и онъ проситъ мастера позволенія задать ему нѣсколько вопросовъ. Мастеръ соглашается и немедленно отвѣчаетъ; однако, этотъ Сократъ, кажется, очень тугъ на соображеніе; онъ задаетъ все новые вопросы, и замѣчательное дѣло!—отвѣты становятся все нерѣшительнѣе, неувѣреннѣе, Сократъ не отступаетъ, и, наконецъ, нашъ честный мастеровой оста-

навливается въ полномъ смущеніи. «Ты правъ,—говоритъ онъ,—это нельзя согласить, такъ не можетъ быть. — Но, въ такомъ случаѣ, какъ же?—настаиваетъ Сократъ.—Въ такомъ случаѣ—да въ такомъ случаѣ я самъ не знаю.—Вотъ видишь,—восклицаетъ Сократъ,—со мной то же самое: мы оба не знаемъ!» И съ этими словами онъ бѣжитъ дальше.

Такъ вотъ каковъ смыслъ твоего постояннаго припѣва: «Я знаю, что я ничего не знаю!» Теперь мы начинаемъ тебя понимать—чудно́й ты человѣкъ! Ты прекрасно знаешь, зачѣмъ ты шатаешься по улицамъ и пристаешь къ людямъ со своими странными вопросами: ты борешься противъ ученаго шарлатанства!

Да, этотъ странный человѣкъ заглянулъ глубоко въ душу своей эпохи. Онъ знаетъ, что за наборомъ заученныхъ фразъ у самихъ учителей ничего нѣтъ, и онъ понялъ, какой вредъ приноситъ это полузнаніе, наиболѣе опасная сторона котораго состоитъ именно въ томъ, что оно считаетъ себя за полное и истинное знаніе. Поэтому онъ поставилъ себѣ задачей — разрушать у своихъ согражданъ это кажущееся знаніе, которымъ они ослѣпляли самихъ себя и другъ друга. Весь этотъ «образованный» міръ уже давно оставилъ завѣщанныя стариной представленія и вѣрованія; онъ выбросилъ за бортъ авторитетъ народныхъ традицій; но вмѣсто того личность въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ слѣдуетъ авторитету своего учителя мудрости, за которымъ она повторяетъ не менѣе не самостоятельно и еще съ бо́льшимъ непониманіемъ. Поэтому Сократъ больше всего старается показать людямъ, какъ мало они выиграли отъ такой перемѣны; поэтому-то онъ старается вездѣ, гдѣ можетъ, выставить софистовъ передъ народомъ въ смѣшномъ видѣ, запутавъ ихъ въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ съ помощью болѣе сильной діалектики, осыпая ядовитой насмѣшкой ихъ многословіе и указывая на недостаточность ихъ знанія; поэтому онъ — прекрасно понимая, куда ведутъ всѣ эти хитрыя рѣчи—является къ отдѣльнымъ согражданамъ, какъ невѣжда, какъ глупецъ, желающій поучиться, чтобы посредствомъ своихъ вопросовъ, проникающихъ въ глубину предмета, принудить человѣка изъ народа самостоятельно продумать нахватанные отрывки знанія и заставить его, въ концѣ концовъ, признаться, что онъ, собственно говоря, такъ же мало знаетъ, какъ Сократъ, который передъ этимъ открыто признался въ своемъ незнаніи.

Это знаменитое, частью ироническое, частью парадоксальное, частью педагогическое, частью догматическое признаніе въ незнаніи со стороны мудрѣйшаго изъ всѣхъ грековъ было его вызывомъ, брошеннымъ высокомѣрному псевдо-знанію. Однако, это признаніе является у Сократа не выраженіемъ отчаивающагося скептицизма и также не выраженіемъ ложно понятой скромности, но оно есть прямое и непосредственное слѣдствіе его чистаго и серьезнаго стремленія къ истинѣ.

Это серьезное стремленіе къ истинѣ возстаетъ противъ превращенія результатовъ научнаго изслѣдованія въ предметъ забавы, какъ это было у современниковъ Сократа, противъ моднаго спорта, въ который выродились разговоры и споры о новѣйшихъ научныхъ открытіяхъ; а чистота этого стремленія къ истинѣ возстала противъ легкомыслія и легковѣрія софистовъ, большинство которыхъ не были людьми науки, но лишь немного коснулись ея, которые, смотря по обстоятельствамъ, могли работать въ той или иной научной области, или же заниматься какимъ-либо инымъ ремесломъ; которыхъ интересовала не истина, но то, что кажется истиной, и прежде всего, вліяніе на толпу, какъ бы она ни была простодушна и легковѣрна. Ихъ льстивыя рѣчи возбуждаютъ у простого человѣка представленіе, что достаточно послушать софиста, чтобы воспринять всю глубину и полноту мудрости; напротивъ, Сократъ показываетъ этому человѣку всю трудность самостоятельнаго мышленія и принуждаетъ его признаться самому себѣ въ незнаніи того, что ему казалось такимъ яснымъ. Онъ сознаетъ—и пробуждаетъ это сознаніе въ другихъ, что истина не падаетъ въ раскрытый ротъ, какъ жареные голуби, но что она должна быть завоевана, подобно всѣмъ другимъ высшимъ благамъ.

Это стремленіе къ истинѣ служитъ побудительнымъ мотивомъ дѣятельности Сократа; оно же не только вытекаетъ изъ его характера, но опирается также на глубокое убѣжденіе. И въ этомъ состоитъ, собственно, положительное значеніе Сократа. Въ противоположность релятивизму софистическихъ теорій, въ противоположность ихъ безпринципности, не признающей возможности что-либо доказать, но только возможность переспорить—онъ глубоко убѣжденъ со всей силой своей геніальной натуры въ томъ, что существуетъ нѣчто, господствующее надъ всѣми индивидуальными мнѣніями,—мѣрило, съ помощью котораго каждый взглядъ долженъ быть изслѣдованъ и провѣренъ. Онъ вѣритъ въ истину и ея право на критику. Эта вѣра не нуждается въ доказательствѣ, потому что она лежитъ въ основаніи доказательства. Кто не имѣетъ этого убѣжденія, въ томъ оно можетъ быть пробуждено лишь, когда онъ размышляетъ о самомъ себѣ. Сократъ не требуетъ у своихъ согражданъ ничего другого, кромѣ этого размышленія о самихъ себѣ, и не даромъ его называли мудрѣйшимъ, на храмѣ котораго значилось: познай самого себя. Просвѣщеніе грековъ повело къ распущенности индивидуальнаго самоопредѣленія; Сократъ, напротивъ, искалъ истину, мѣрило, передъ которымъ долженъ былъ преклониться каждый индивидъ. Въ этомъ требованіи мѣры онъ настоящій грекъ; онъ сознательно вводитъ въ греческую науку тотъ же принципъ, на которомъ покоится греческое искусство.

Но эта мѣра для общаго сознанія должна быть вновь отыскана. Старая вѣра, традиціонныя представленія, изъ которыхъ она нѣкогда состояла, были разрушены, и Сократъ стоялъ на почвѣ софистиче-

скаго просвѣщенія, поскольку онъ не хотѣлъ вернуться къ представленіямъ и мнѣніямъ въ ихъ старой формѣ. Онъ стоялъ выше своихъ современниковъ лишь въ своемъ убѣжденіи, что такая мѣра существуетъ и что ее нужно честно искать. Его оригинальность заключается, именно, въ томъ, какъ онъ ищетъ истину. Онъ не поучаетъ, потому что онъ не обладаетъ истиной. Онъ не болтаетъ, потому что стремится къ истинѣ. Онъ спрашиваетъ и изслѣдуетъ, такъ какъ онъ надѣется найти истину.

Однако, его поиски за истиной находятся въ глубокой связи съ умственнымъ настроеніемъ его народа. Хаосъ мнѣній, который онъ видитъ вокругъ себя, имѣетъ въ основаніи разложеніе общественнаго сознанія, съ которымъ раньше былъ связанъ каждый отдѣльный индивидъ. Истина существуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда надъ индивидами находится нѣчто общее, чему они всѣ должны подчиняться. Искать истину можно лишь въ томъ случаѣ, когда отдѣльные индивиды сознаютъ надъ различіемъ ихъ частичныхъ мнѣній нѣчто общее, что они признаютъ всѣ. Истина есть общее мышленіе. Поэтому философія Сократа не представляетъ изъ себя продукта уединеннаго изслѣдованія и размышленія, она не представляетъ также поученій и ученій, но лишь совмѣстное исканіе и серьезный разговоръ. Необходимая форма этой философіи—діалогъ. Когда два человѣка, серьезно стремясь къ истинѣ, обмѣниваются мнѣніями, то они открываютъ по обоюдному вынужденному признанію, что существуетъ высшая необходимость, отличающаяся отъ той, которая привела каждаго въ теченіе его жизни къ извѣстнымъ мнѣніямъ. До сихъ поръ они не могли образовать другихъ представленій, чѣмъ тѣ, которыя явились необходимымъ результатомъ ихъ жизнедѣятельности; теперь, когда они требуютъ, чтобы одно и то же представленіе было обязательнымъ для нихъ обоихъ, они открываютъ, что въ противоположность этому непроизвольному сцѣпленію представленій, существуетъ одно общеобязательное правило, которому они должны подчиняться, если хотятъ отыскать истину. Эта философія, заключенная въ форму діалоговъ, пробуждаетъ сознаніе нормативнаго закона, слѣдованіе или неслѣдованіе которому должно опредѣлить цѣнность непроизвольно возникнувшихъ представленій. Кто хочетъ что-либо доказать другому или кто подчиняется доказательству, тотъ признаетъ тѣмъ самымъ норму, возвышающуюся, какъ принципъ критики, надъ индивидами и ихъ необходимымъ сцѣпленіемъ представленій. Въ совмѣстномъ исканіи люди приходятъ къ сознанію того, что признаетъ каждый изъ нихъ, если только онъ честно стремится къ истинѣ.

Безъ этой нормы нѣтъ никакой истины и никакого знанія. Поэтому у Сократа и его великихъ послѣдователей, развивавшихъ эту великую мысль, играетъ такую большую роль противорѣчіе между мнѣніемъ и знаніемъ; поэтому можно сказать, что значеніе Сократа состоитъ въ

томъ, что онъ впервые выяснилъ идею знанія. Для софистовъ существуетъ только естественный продуктъ, который проявляется въ каждомъ изъ насъ въ видѣ его безусловно необходимаго мнѣнія; для Сократа существуетъ норма, на основаніи которой опредѣляется цѣнность этого естественнаго продукта. Эту высшую необходимость, которая открывается въ спорѣ, стремящемся къ истинѣ, мы называемъ закономъ разума, и въ этомъ смыслѣ справедливо, что Сократъ впервые открылъ разумъ. Впервые и съ полнымъ сознаніемъ онъ заявилъ, что должно существовать нѣчто обязательное, находящееся надъ всѣми индивидами, и что знаніе существуетъ лишь тамъ, гдѣ это понято.

Однако, это открытіе у Сократа—не цѣльная продуманная во всѣхъ подробностяхъ теорія, но скорѣе живое убѣжденіе; его одушевляетъ вѣра въ разумъ. Онъ поэтому не изслѣдуетъ, въ чемъ состоитъ эта необходимость согласія или несогласія, посредствомъ которой разумъ оцѣниваетъ отдѣльныя индивидуальныя мнѣнія; онъ не развиваетъ логики—это сдѣлалъ впервые Аристотель—но онъ удовлетворяется тѣмъ, что показываетъ эту необходимость въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ отдѣльной проблемѣ и заставляетъ признать результатъ разговора, обусловленный этой необходимостью. Посредствомъ совмѣстнаго изслѣдованія онъ хочетъ придти къ представленію, которое долженъ признать каждый, какъ-бы различны ни были мнѣнія, съ которыми изслѣдованіе было начато. Для этой цѣли онъ прежде всего настаиваетъ на установленіи значенія словъ. Въ неточности естественнаго словоупотребленія, въ различныхъ значеніяхъ, которыя придаются словамъ и ихъ соединеніямъ, скрывается опасность непроизвольныхъ, а также намѣренныхъ ошибокъ и обмановъ, многіе—если не большая часть парадоксовъ, которыми софисты ослѣпляли и смущали своихъ современниковъ, покоится на игрѣ словъ, и многія ихъ теоріи, созданныя съ серьезнымъ намѣреніемъ, были ни чѣмъ инымъ, какъ попытками получить вѣрную мысль съ помощью недостаточно гибкаго языка. Если существуетъ одна истина, стоящая надъ индивидами, то она нуждается въ такомъ способѣ выраженія, который бы не возбуждалъ недоразумѣній у отдѣльныхъ личностей; поэтому цѣлью сократовскаго изслѣдованія является всегда знаніе, высказанное въ формѣ опредѣленія. Но если въ этомъ точно установленномъ значеніи слова содержится представленіе, съ которымъ всѣ согласны, то оно должно быть обязательнымъ для всѣхъ предметовъ, которые оно охватываетъ: субъективная всеобщность возможна лишь благодаря объективной всеобщности. Односторонность и ошибочность индивидуальныхъ мнѣній вытекаетъ, главнымъ образомъ, изъ того, что каждый вынужденъ психологическимъ процессомъ ассоціаціи обобщать свой недостаточный опытъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы противопоставить измѣнчивымъ индивидуальными представленіямъ нормальное понятіе, Сократъ прибѣгаетъ въ разговорѣ къ сравнительной индукціи.

Всѣ эти попытки сознательныхъ поисковъ прочной истины, стоящей надъ случайными взглядами, были лишь позже формулированы: у Сократа онѣ выступаютъ въ непосредственномъ примѣненіи, какъ простая схема діалога, стремящаяся къ открытію истины. Но онѣ вытекаютъ съ своего рода геніальнымъ чувствомъ такта изъ вѣры въ возможность совмѣстнаго открытія истины, и все ихъ примѣненіе есть лишь результатъ того смысла, который Сократъ придаетъ этой вѣрѣ. Для всякаго неразвитаго мышленія представленіе кажется отраженіемъ какой-либо вещи. Если поэтому надъ индивидуальными мнѣніями возвышается, какъ норма, общеобязательность разумнаго познанія, то ей должна прежде всего соотвѣтствовать реальность; такимъ образомъ, она предполагаетъ, что въ отношеніяхъ вещей господствуетъ разумъ и притомъ родственный человѣческому разуму и доступный человѣческому познанію. Высшая предпосылка познающаго разума есть реальность соизмѣримаго съ ней міроваго разума. Представленіе о подобномъ разумѣ, господствующемъ надъ міромъ, у Сократа точно также не было точнымъ знаніемъ, проникающимъ въ детали, но лишь глубокой вѣрой въ божество.

Съ этимъ у Сократа связано слѣдующее представленіе, господствующее надъ его убѣжденіями. Можно искать и найти лишь то, что въ какой-либо формѣ уже существуетъ. Всемогущій разумъ не ожидалъ насъ и нашей мудрости; онъ существуетъ, и лучшее, что мы можемъ сдѣлать,—это понять его. Мы не создаемъ ничего новаго посредствомъ нашихъ вопросовъ и отвѣтовъ доказательствъ и опроверженій, абстракцій и выводовъ; какъ формулировалъ позже Платонъ, мы лишь вспоминаемъ о томъ, что придаетъ цѣнность и значеніе всѣмъ нашимъ представленіямъ. Все наше познаніе есть лишь приближеніе къ нормѣ, находящейся надъ нами, пробужденіе въ сознаніи закона, которому мы всѣ должны подчиняться. Въ теченіе научнаго разсужденія или изслѣдованія проявляется лишь та истина, которая дремала въ каждомъ изъ насъ. Ее не нужно создавать; нужно только извлечь ее и освѣтить свѣтомъ познающаго себя сознанія. Дитя боговъ—истина—должна быть лишь рождена духомъ, который носитъ ее въ себѣ, и методъ Сократа именно и состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить яснымъ свѣтомъ сознанія первоначально уже существовавшее содержаніе духа.

Поэтому сократовское мышленіе можно назвать ищущимъ. Признаніе въ собственномъ невѣжествѣ было серьезнѣе, чѣмъ оно казалось для научнаго самомнѣнія, которое Сократъ стремился уничтожить презрительной ироніей; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ намъ удается подняться надъ заблужденіями отдѣльныхъ мнѣній и достигнуть одного изъ опредѣленій содержанія высшаго разума. Цѣлое для насъ непостижимо; мы должны примириться съ тѣмъ, что послѣдняя связь вещей остается во мракѣ, и быть довольными, если намъ удается найти

нѣсколько прочныхъ точекъ опоры, на которыхъ успокоивается нашъ разумъ.

Отсюда объясняется также направленіе и предметъ философской мысли Сократа. Въ то время, какъ болѣе ранніе греческіе мыслители, наивно вѣрившіе въ силу мысли, хотѣли проникнуть въ основаніе мірозданія, найти послѣднюю причину всѣхъ вещей и объяснить изъ нихъ весь эмпирическій міръ, Сократъ отказывается отъ натуръ-философскихъ спекуляцій не потому, чтобы онъ вмѣстѣ съ софистами полагалъ, что въ этой области никогда не можетъ быть получена истина, но потому, что онъ поставилъ своей цѣлью доказать современникамъ, что существуютъ общеобязательные взгляды, если только ихъ правильно искать, а для такой цѣли область натуръ-философіи, полная фантастическихъ гипотезъ, благопріятствуетъ менѣе всего. Ему не было никакой выгоды вмѣшиваться въ эти споры; своимъ инстиктомъ истины онъ чувствовалъ, что въ этой области жатва еще далеко не созрѣла. Къ этому присоединилось еще то, что его стремленію къ истинѣ не удовлетворяли ни искусственныя теоріи физиковъ, ни абстрактныя хитросплетенія метафизиковъ. Всѣ они создавали въ своихъ хитрыхъ построеніяхъ такія комбинаціи представленій, которыхъ, по мнѣнію Сократа, естественный человѣкъ не находилъ при размышленіи о дѣятельности своего собственнаго разума. Они дѣлали истину, тогда какъ Сократъ полагалъ, что истина уже существуетъ до всякаго размышленія и что ее нужно только найти. Они искали благо далеко отъ себя, тогда какъ Сократъ зналъ, что оно лежитъ совсѣмъ близко, внутри человѣка, если только послѣдній его хочетъ понять. Въ противоположность многознанію его современниковъ, онъ ищетъ корень истины и возобновляетъ изрѣченіе древняго мудреца: πολυμαθίη νόον οὐ διδάσκει. Убѣжденный въ томъ, что разумъ нужно искать тамъ, гдѣ всѣ люди согласны между собою, онъ обращался преимущественно къ повседневной жизни и ея кругу представленій и искалъ вмѣстѣ со своими согражданами истины въ самыхъ грубыхъ проявленіяхъ ея. Благодаря этому онъ принужденъ былъ прикоснуться къ наиболѣе горячему вопросу современности. Нигдѣ безпринципность, которую принесло съ собой просвѣщеніе, не была опаснѣе, и борьба съ ней настоятельнѣе, чѣмъ въ области нравственности. Здѣсь грозила серьезная опасность; высшія блага были подвергнуты сомнѣнію; здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимо было показать, что правильное размышленіе можетъ вернуть потерянное въ высшей формѣ. Поэтому Сократъ обратился не къ ученымъ, а къ народу, не къ отдѣльнымъ личностямъ, а ко всѣмъ и каждому; поэтому онъ говорилъ не о высокихъ и далекихъ вещахъ: не о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, не объ ихъ разстояніи отъ земли, о ихъ движеніи, но старался посредствомъ постоянно повторяющихся обсужденій вопросовъ гражданской, общественной и государственной жизни ясно установить твердыя понятія нрав-

ственнаго сужденія, которыя дремлютъ въ неразвитомъ и полусознанномъ видѣ въ душѣ каждаго, вопреки различіямъ индивидуальныхъ интересовъ, склонностей и жизненныхъ путей. Правда, каждый долженъ слѣдовать лишь собственному сужденію, какъ требовало просвѣщеніе, но глубокое убѣжденіе Сократа заключалось именно въ томъ, что если всѣ пожелаютъ въ серьезномъ обмѣнѣ своихъ мыслей и обычныхъ представленій проникнуть за поверхность, состоящую изъ самообмана и поверхностныхъ привычекъ, то они найдутъ общее ядро—нравственный разумъ. Каждый долженъ признать надъ собой, какъ норму, нравственный законъ, но онъ долженъ признать его не въ наивной преданности старинѣ, время которой прошло безвозвратно, но опираясь на собственное сужденіе; дѣло шло уже не о традиціонной, но о сознательной нравственности.

По своему объекту философія Сократа представляетъ, слѣдовательно, размышленіе объ этикѣ: понятія, которыхъ она ищетъ—это нравственныя понятія. Энергія совмѣстнаго мышленія должна развиваться, исходя изъ наиболѣе близкаго, изъ того, что болѣе всего касается каждаго человѣка. Поэтому для аѳинскаго мудреца ни одинъ предметъ не кажется слишкомъ малымъ или низменнымъ; всякая вещь можетъ дать поводъ для изслѣдованія, единственная цѣль котораго—показать согражданамъ, что они, сами того не зная, и, вопреки софистическимъ разговорамъ, признаютъ общеобязательный разумъ, опредѣляющій высшія цѣнности, что въ хаосѣ ихъ разлагающихся представленій остается при ближайшемъ разсмотрѣніи нетронутымъ высшій законъ—законъ нравственнаго разума.

Эта философія, ограниченная вопросами повседневной человѣческой жизни, производитъ впечатлѣніе чего-то прозаическаго и трезваго; но за то Сократъ, посреди лихорадочнаго увлеченія просвѣщеніемъ своей эпохи, является единственной здоровой натурой. Онъ проповѣдуетъ лишь то, въ чемъ чувствуется потребность: необходимость вспомнить о постоянномъ, общемъ, законномѣрномъ, нормальномъ. Онъ воздвигаетъ надъ индивидомъ, опьяненнымъ своимъ самодержавіемъ, новую вѣру въ надъ-индивидуальный разумъ. Въ немъ онъ вновь находитъ то, что потеряло его время—связующій авторитетъ. Просвѣщеніе софистовъ разложило мифическую форму божества, невѣріе господствовало повсюду и мнѣнія индивидовъ противорѣчили другъ другу; тогда является Сократъ и возобновляетъ господство авторитета, но онъ его находитъ не въ традиціи, а въ разумѣ, господствующемъ надъ всѣми, въ разумѣ, которому мы подчиняемся въ своемъ собственномъ независимомъ сужденіи.

Этотъ процессъ типиченъ. Первоначально въ обществѣ господствуетъ система вѣрованій, принадлежащихъ его общему сознанію и передаваемыхъ съ безконечно малыми и незамѣтными измѣненіями отъ поколѣнія къ поколѣнію; отдѣльный индивидъ, само собой разумѣется,

подчиняется этимъ вѣрованіямъ. Протестъ индивида въ естественномъ состояніи можетъ быть только практическимъ; это—акты воли и дѣйствія, при которыхъ индивидуальный, эгоистическій мотивъ беретъ перевѣсъ надъ соціальнымъ побужденіемъ. Но въ развитіи каждаго культурнаго народа наступаетъ моментъ, когда это возстаніе пріобрѣтаетъ теоретическій характеръ, когда прогрессирующая цивилизація низвергаетъ и разрушаетъ авторитетъ общаго сознанія, обычая, традиціи посредствомъ образованія независимой индивидуальности, воспитанія личной критики, расширенія сравнительнаго опыта. Тогда наступаетъ состояніе, которое Фихте въ своей философіи исторіи назвалъ состояніемъ «совершенной грѣховности», т.-е., анархія индивидовъ, не признающихъ надъ собой никакого авторитета. Сильный индивидъ въ этомъ состояніи слѣдуетъ единственно своему собственному мнѣнію, слабый же цѣпляется то за одно, то за другое мнѣніе, подслушанное имъ у сильнаго; но каждый вѣритъ въ то, что онъ представляетъ центръ міра, какъ физическаго, пространственнаго, такъ и моральнаго. Лишь собственное сужденіе служитъ компасомъ въ плаваніи по волнамъ жизни. Изъ этого необходимаго состоянія эмансипаціи индивидовъ существуетъ только одинъ путь къ болѣе совершенному состоянію—это путь указываемый нашимъ же сужденіемъ, если только мы относимся къ нему серьезно. Чѣмъ глубже индивидъ слѣдитъ за собственной мыслью, тѣмъ больше онъ сознаетъ себя связаннымъ закономъ разума, господствующимъ надъ всѣми индивидами, и тѣмъ охотнѣе онъ признаетъ, въ силу его совершенства, покоющійся въ немъ самомъ авторитетъ разума.

Переходъ отъ цѣлостности общаго сознанія къ постиженію разума посредствомъ самостоятельнаго сужденія индивида — таковъ предустановленный путь человѣческаго духа. Этотъ историческій законъ, проявляющійся par excellence у культурныхъ народовъ, наблюдается у грековъ въ прогрессѣ отъ софистовъ къ Сократу въ величественной простотѣ. Каждый другой народъ и совокупность народовъ европейской цивилизаціи повторилъ на свой манеръ это прогрессивное развитіе. И если въ настоящее время вдумчивый наблюдатель снова видитъ передъ собой хаосъ сталкивающихся и борющихся мнѣній, разложеніе наиболѣе святыхъ убѣжденій и надменность полузнанія—то это значитъ, что сократовское слово или еще не произнесено, или же что наше время еще не услышало его.

Истинный авторитетъ, которому личность можетъ подчиниться только на основаніи собственнаго сужденія, но которому она и должна подчиниться послѣ правильнаго размышленія — это авторитетъ разума. Такова основная мысль Сократа, которая даетъ ему почетное мѣсто не только въ исторіи науки, но также въ исторіи всей культуры. Въ противоположность релятивизму и индивидуализму, онъ провозгласилъ право разума. Онъ провозгласилъ его на основаніи того убѣжденія, что во всей вселенной, составляющей объектъ нашего познанія, гос-

подствуетъ этотъ формующій разумъ. И, такимъ образомъ, между нимъ и софистами впервые выступаетъ великое противорѣчіе, которое съ тѣхъ поръ въ разнообразныхъ формахъ проходитъ красной нитью черезъ всю исторію человѣческой мысли. Съ точки зрѣнія разума существуетъ только два рода міровоззрѣнія: для одного мышленіе и воля выдѣляются на темномъ безсмысленномъ фонѣ съ той же необходимостью, съ какой одинъ элементъ притягивается къ другому; мышленіе и воля есть въ нѣкоторомъ родѣ эссенція высшаго сорта изъ атомовъ, конечный продуктъ круговорота силъ, т.-е. такой же грубый фактъ, какъ все остальное; для другого міросозерцанія существуетъ непостижимый для насъ высшій смыслъ міра, къ которому приближается нашъ разумъ и воля, чтобы принять въ немъ участіе. Вождемъ этого второго міровоззрѣнія былъ Сократъ: для него разумъ—принципъ науки, потому что онъ есть принципъ вселенной. Ученіе объ идеяхъ Платона и метафизика Аристотеля, находящая свое завершеніе въ понятіи божества, представляютъ лишь послѣдовательное, логическое развитіе той вѣры, которая одушевляла Сократа; и что значатъ различія платоновской и аристотелевской системъ въ сравненіи съ общимъ для нихъ наслѣдіемъ, полученнымъ отъ Сократа, которое поставило ихъ во главѣ всей послѣдующей культуры?

Эта вѣра въ разумъ основанной Сократомъ философіи является зрѣлымъ плодомъ греческой мысли, содержащимъ въ себѣ зародышъ будущаго. Но несомнѣнно также, что на своей родинѣ, на почвѣ греческой культуры, на которой выросъ Сократъ, онъ явился чѣмъ-то чуждымъ. Новый принципъ принадлежитъ уже новому міру. Про Сократа разсказываютъ, что онъ могъ стоять цѣлыми часами неподвижный, погруженный въ свои мысли, не замѣчая окружающаго: точно также, основанная имъ наука удаляется отъ внѣшняго міра въ міръ внутренній. Мысль постигла самое себя и поднялась надъ прекраснымъ чувственнымъ міромъ, въ которомъ греческая культура нашла высшее выраженіе. Впервые былъ открытъ внутренній міръ, и умственный взоръ впервые былъ направленъ внутрь человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ гармонія эллинизма была подкопана въ самомъ основаніи. Какъ у Сократа, могучая мысль торжествуетъ надъ чувственными впечатлѣніями, точно также въ новомъ ученіи—какъ это особенно ясно у Платона—борется, прежде всего, идея о сверхъ-чувственномъ съ красотой явленій. Необходимо сбросить красивое покрывало, чтобы освободить чистый божественный образъ. Чувственный, земной, человѣческій міръ былъ признанъ несовершеннымъ, и впервые возникъ антагонизмъ двухъ міровъ, который никогда не перестанетъ занимать человѣческую мысль. Тогда какъ раньше человѣчество было замкнуто въ самомъ себѣ, теперь его важнѣйшей задачей становится приближеніе къ высшему. Но одно размышленіе не можетъ вполнѣ исполнить этой задачи; человѣкъ долженъ довѣриться божественному голосу, который

онъ слышитъ въ себѣ надъ разсудочнымъ мышленіемъ. Сократъ позналъ предѣлы «знающей добродѣтели», вотъ почему онъ руководствовался въ важныхъ и неважныхъ вопросахъ божественнымъ внушеніемъ, которое онъ называлъ своимъ «демономъ»; Платонъ выразилъ ту же самую мысль о вліяніи божественнаго начала въ одномъ изъ наиболѣе прекрасныхъ ученій, сущность котораго состоитъ въ томъ, что любовь—отъ ея самыхъ низкихъ проявленій въ формѣ страсти до высшаго восторженнаго постиженія сверхчувственнаго міра — представляетъ не что иное, какъ страстное стремленіе смертнаго къ безсмертному, временнаго къ вѣчному, человѣческаго къ божескому, — не что иное, какъ тоску духа по безконечной первопричинѣ,—ἔρως.

Если, такимъ образомъ, мы можемъ говорить о противорѣчіи между Сократомъ и сущностью эллинизма, если мы можемъ сказать, что въ духовномъ разложеніи греческой культуры сократизмъ представлялъ важный ферментъ, то для насъ было бы утѣшеніемъ, если бы мы могли въ этомъ антагонизмѣ видѣть причину извѣстнаго всѣмъ печальнаго конца Сократа, и въ немъ—мученика своей идеи. Не было недостатка въ ученыхъ, которымъ казалось, что это желаніе исполнимо, и которые видѣли въ осужденіи Сократа инстинктивную реакцію разлагающагося эллинизма противъ высшей культурной силы, шедшей ему на смѣну; эти ученые хотѣли показать, что здѣсь, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ,—герой явился борцомъ за принципъ будущаго, за высшее міровое право, и что онъ долженъ былъ, въ качествѣ такового, столкнуться съ системой этическихъ народныхъ представленій и оказаться преступникомъ передъ существующимъ правомъ и нравственностью и что, слѣдовательно, онъ долженъ былъ быть осужденъ. Процессъ Сократа казался имъ трагедіей вродѣ Антигоны. Обвиненіе говорило объ оскорбленіи государственной религіи, о проповѣди новыхъ боговъ; казалось, что Сократъ былъ осужденъ, какъ опасный противникъ древнихъ вѣрованій. Правда, онъ ихъ не разрушалъ — это было совершено до него — но онъ поставилъ на ихъ мѣсто нѣчто новое, религію будущаго--духъ и разумъ.

Само собой понятно, что процессъ Сократа можетъ быть освѣщенъ съ точки зрѣнія этого противорѣчія; но противорѣчіе это не дало рѣшающихъ, опредѣляющихъ исходъ, психологическихъ силъ. Прежде всего, Сократъ былъ обвиненъ не изъ-за этого. Но нравственное убѣжденіе въ опасности его вліянія опредѣлило его обвиненіе, но мелочные, личные мотивы. Его противники были низкими, незначительными людьми, которые хотѣли отомстить ему за оскорбленіе ихъ личнаго тщеславія. Однако, форма, въ которую они облекли свое обвиненіе, и успѣхъ, котораго они достигли благодаря этому, кажется, говоритъ въ пользу того, что здѣсь, дѣйствительно, столкнулись великія психологическія историческія силы: осудившіе его, казалось, поступили такъ благодаря нравственному возмущенію противъ его ученія. Однако, въ

этомъ отношеніи процессъ въ высшей степени сложенъ, и многое въ немъ останется для насъ на всегда непонятнымъ, потому что, вѣроятно, въ немъ играетъ роль множество личныхъ отношеній, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ «Облака» Аристофана даютъ ключъ къ этой тайнѣ; но самъ ключъ является загадкой. Кто думалъ бы обвинить великаго поэта въ желаніи оклеветать философа, который, однако, по своимъ политическимъ взглядамъ, какъ противникъ демократіи, стоялъ такъ близко къ нему, тотъ былъ бы опровергнутъ отношеніемъ Платона къ Аристофану. Тѣмъ непонятнѣе кажется, что такой выдающійся человѣкъ, какъ Аристофанъ, изображаетъ Сократа, какъ чуждаго міру звѣздочета, какъ безсовѣстнаго крючкотворца, который умѣетъ превратить все черное въ бѣлое и все бѣлое въ черное. Мы можемъ допустить, что поверхностно образованный средній аѳинянинъ могъ смѣшать Сократа съ софистами, что его считали обыкновеннымъ резонеромъ, и дѣлали отвѣтственнымъ за то, противъ чего онъ болѣе всего боролся. Но какъ объяснить, что Аристофанъ заставляетъ Сократа защищать жалкія теоріи софистовъ? Здѣсь можно найти лишь одинъ исходъ, принявъ во вниманіе характеръ комическаго драматурга. Какъ безусловный защитникъ старины, онъ убѣжденъ, что эмансипація индивида, признаніе за каждымъ права быть руководителемъ своей воли, можетъ повести только къ злу; съ этой точки зрѣнія Сократъ дѣйствительно представляется стоящимъ на одной доскѣ съ софистами, и то обстоятельство, что онъ въ самомъ независимомъ индивидѣ находитъ новый, болѣе цѣнный авторитетъ, не имѣетъ важнаго значенія. Для Аристофана, стоящаго вполнѣ на старой почвѣ, Сократъ — какъ бы онъ ни боролся противъ софистовъ — представлялся человѣкомъ, который содѣйствовалъ разложенію общаго сознанія. Сократъ сталъ — и въ этомъ заключается его величіе — на почву, на которой стояли софисты, чтобы побѣдить ихъ самихъ, такъ какъ побѣдителемъ является тотъ, кто на вновь открытомъ полѣ находитъ наиболѣе сильное оружіе. Но Аристофанъ видитъ уже въ самомъ вступленіи на эту почву, уже въ признаніи зрѣлости за индивидуальнымъ сужденіемъ вообще—порчу; онъ полагаетъ, что всякій, кто дѣлаетъ уступки новому образованію, долженъ послѣдовательно придти къ худшимъ безразсудствамъ. Онъ не вѣритъ, что на новомъ пути можетъ быть найдено нѣчто лучшее и высшее, и съ фантастической распущенностью, характеризующей античную комедію, онъ влагаетъ въ уста Сократа наиболѣе крайнія непристойности софистовъ. Можетъ быть, этотъ странный фактъ станетъ понятнѣе, если его иллюстрировать параллельнымъ фактомъ изъ современной жизни. Предположимъ, что мы имѣемъ комедію, аналогичную греческой, предположимъ, что явился значительный поэтъ въ манчестерской партіи, и предположимъ, что этотъ поэтъ въ задорной фантазіи выставилъ

князя Бисмарка, за то, что онъ хочетъ разрѣшить соціальный вопросъ посредствомъ государственной организаціи труда, какъ защитника крайнихъ соціалдемократическихъ теорій; этотъ поэтъ показалъ бы такое же пониманіе дѣла и такую же смѣлость, какъ и Аристофанъ, поставившій Сократа на одну доску съ софистами.

Если даже Аристофанъ не имѣлъ намѣренія возбуждать своихъ согражданъ противъ Сократа, несомнѣнно, что онъ ему повредилъ. Это доказываетъ платоновская апологія, въ которой онъ предостерегаетъ противъ уродливаго изображенія, сдѣланнаго комикомъ. Разсказываютъ, что Сократъ при постановкѣ пьесы былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и всталъ, чтобы можно было сравнить оригиналъ съ маской. Но толпа видѣла лишь внѣшнее сходство лба, бороды и носа: она не знала, похожи-ли черты духовной физіономіи. Въ противномъ случаѣ она освистала бы актера! Она была лишь укрѣплена въ своемъ мнѣніи, что Сократъ является признаннымъ представителемъ новаго умственнаго движенія. Другіе приходили и уходили; онъ же былъ аѳинянинъ, жилъ среди нихъ и онъ самъ заботился о томъ, чтобы всѣ его знали. И другіе софисты спорили между собой: что понимала масса въ томъ, что онъ боролся съ ними совершенно въ иномъ смыслѣ! Онъ считался за самаго яраго изъ публичныхъ спорщиковъ, потому что онъ пользовался наибольшею популярностью, — за наиболѣе опаснаго противника авторитарныхъ представленій, и когда потребовали виновника паденія религіи Аѳинъ, то онъ явился искупительной жертвой за поверхностныя теоріи философовъ и парадоксы софистовъ. По ироніи судьбы, человѣкъ, проповѣдывавшій серьезное образованіе, долженъ былъ погибнуть по обвиненію въ томъ, въ чемъ грѣшили люди полуобразованія: онъ былъ осужденъ, потому что его сочли за худшаго изъ софистовъ.

Такимъ образомъ безсмысленное обвиненіе привело къ безсмысленному результату. Въ первомъ приговорѣ, рядомъ съ различными личными отношеніями, несомнѣнно, оказало вліяніе то обстоятельство, что демократія, овладѣвшая вновь властью, хотѣла выразить свое негодованіе на нравственное, политическое и соціальное одичаніе Аѳинъ тѣмъ, что она осудила самаго популярнаго философа, котораго считали причиной этого одичанія; то обстоятельство, что Сократъ былъ извѣстенъ, какъ противникъ демократіи и другъ побѣжденной аристократіи, могло значительно содѣйствовать осужденію, особенно въ тотъ моментъ, когда въ Аѳинахъ считали аристократію отвѣтственной за ужасную неудачу пелопонезской войны.

Такимъ образомъ политическіе и соціальные интересы играли извѣстную роль въ осужденіи Сократа, рядомъ съ личными мотивами, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ. Но служили-ли они причиной смертнаго приговора? Во всякомъ случаѣ, они не были для этого достаточнымъ основаніемъ. Извѣстно, что, согласно аѳинскому судебному

устройству, — аналогично тому, какъ это дѣлается въ современномъ судѣ присяжныхъ,—сначала рѣшался утвердительно или отрицательно лишь вопросъ о виновности, и только второй приговоръ, произносимый, правда, не свѣдущими лицами, а выбранными по жребію, назначалъ въ каждомъ данномъ случаѣ наказаніе. Между двумя приговорами обвиненный долженъ былъ дать свою собственную оцѣнку; онъ въ нѣкоторомъ родѣ исповѣдывался и каялся въ своихъ грѣхахъ. Это былъ моментъ, когда подсудимый старался посредствомъ жалобъ возбудить состраданіе и посредствомъ хорошо разсчитанной лести выклянчить болѣе мягкій приговоръ у многоголоваго судьи. Извѣстно, какое парадоксальное употребленіе сдѣлалъ Сократъ изъ своего права. Соединяя вмѣстѣ всѣ извѣстія, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что судьи, которые лишь незначительнымъ большинствомъ признали виновность Сократа, были очень далеки отъ мысли о смертномъ приговорѣ. Если обвинители и стремились къ этому результату, то на врядъ-ли они сами надѣялись на успѣхъ своего дѣла. Бо́льшее, что можно было ожидать на основаніи аналогичныхъ случаевъ—это изгнаніе, и изъ предложеній друзей Сократа можно заключить, что всѣ они надѣялись, что дѣло кончится болѣе или менѣе значительнымъ штрафомъ. Но Сократъ обманулъ всѣ ожиданія. Мудрецъ презиралъ благоразуміе. Правдивость, составлявшая сущность его натуры, повела его къ смерти. Онъ не сознавалъ за собой никакой вины; онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что онъ презиралъ собственныя личныя выгоды и даже, въ ущербъ своему хозяйству, стремился къ тому, чтобы вывести своихъ согражданъ изъ хаоса ихъ представленій и воспитать въ нихъ нравственную зрѣлость. Онъ зналъ, что его работа была не безъ результатовъ, что онъ забросилъ въ сердца лучшихъ изъ своихъ современниковъ сѣмена болѣе благороднаго жизнепониманія, которое у многихъ дало ростки. И такъ какъ онъ не могъ и не хотѣлъ лгать, такъ какъ справедливость была высшимъ принципомъ его убѣжденія, то онъ объявилъ, что заслуживаетъ не наказанія, но высшей гражданской награды — публичнаго обѣда въ Пританеѣ. Лишь изъ уваженія къ формѣ—и это уже было противорѣчіемъ съ самимъ собой — согласился онъ въ заключеніе, уступая настоянію учениковъ, предложить денежный штрафъ, за который они поручались.

Не легко дать сужденіе о такомъ поведеніи Сократа. Онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, какое вліяніе оно окажетъ на его согражданъ. Такой тонкій психологъ, какъ онъ, долженъ былъ знать, что подобная рѣчь вызоветъ въ судьяхъ крайнее раздраженіе. Можетъ быть, онъ хотѣлъ раздражить ихъ и довести до крайности? Можетъ, онъ хотѣлъ умереть мученикомъ? Но зачѣмъ? Думалъ ли онъ принести этимъ пользу для своего дѣла? Если такъ, то онъ долженъ былъ бы плохо знать аѳинянъ! Или его привлекала слава въ потомствѣ? Подобная мысль никому не была болѣе чужда, чѣмъ ему. Или семидесятилѣтнему

старику надоѣла жизнь, и онъ—презирая самоубійство—хотѣлъ воспользоваться рукой палача? Но онъ былъ бы худшимъ изъ софистовъ, если бы онъ для этой цѣли сознательно и намѣренно вызвалъ смертный приговоръ.

Ни одного изъ этихъ объясненій нельзя назвать удовлетворительнымъ. Уже самый вопросъ ставится неправильно, когда изслѣдуютъ, чего *хотѣлъ* Сократъ своимъ роковымъ объявленіемъ. Для него оно не было, какъ для всякаго другого на его мѣстѣ, средствомъ для достиженія извѣстной цѣли: оно было необходимымъ выраженіемъ его природы. Не заботясь о послѣдствіяхъ, онъ поступалъ такъ, какъ требовала его природа: онъ говорилъ правду, свое убѣжденіе. Онъ полагалъ, что заслужилъ гражданскихъ почестей, и онъ требовалъ ихъ. Конечно, въ этомъ поведеніи скрывается въ слабой формѣ упрямство греческаго доктринера, который защищаетъ принципъ, оставаясь равнодушнымъ къ тому, что изъ-за этого гибнетъ міръ; есть здѣсь немного также той гордой въ себѣ добродѣтели, которую позже послѣдователи Сократа довели до каррикатурныхъ размѣровъ; тѣмъ не менѣе, безстрашіе, съ которымъ онъ въ рѣшительный моментъ счелъ недостойнымъ себя измѣнить истинѣ, остается полнымъ величія и достойнымъ изумленія. Но его судьи не догадывались о великой возвышенной борьбѣ, которая происходила въ душѣ сѣдоволосаго обвиняемаго; они чувствовали лишь, что старый противникъ демократіи высказалъ имъ—можетъ быть, болѣе, чѣмъ онъ желалъ,—свое презрѣніе. Страсти разгорѣлись; о справедливомъ изслѣдованіи дѣла больше не могло быть и рѣчи; большая часть голосовъ, объявившихъ его невиновнымъ, легко подпали вліянію враговъ, и, въ гнѣвѣ на мужественную правдивость, «создающій право» плебсъ приговорилъ самого невиннаго человѣка Аѳинъ къ смерти.

Говорятъ о трагикомедіи міровой исторіи: я знаю мало событій, къ которымъ это выраженіе болѣе подходитъ, чѣмъ къ процессу Сократа. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о великихъ духовныхъ противорѣчіяхъ между нимъ и его судьями. Рядъ личныхъ интригъ соединяются въ тенденціозный политическій процессъ, который состоитъ въ обычномъ для людей науки обвиненіи въ атеизмѣ. Большинствомъ двухъ голосовъ произносится приговоръ «виновенъ» противъ человѣка, который, именно, съ успѣхомъ борется противъ того, за что его обвиняютъ. Но, по всей вѣроятности, его ждетъ лишь легкое, чисто формальное наказаніе. Тогда обвиняемый оскорбляетъ чернь, которая его судитъ, откровеннымъ сознаніемъ своей невиновности, и, такимъ образомъ, дѣло приходитъ къ исходу, котораго никто не ожидалъ,—живая иллюстрація того, какъ глупо отдавать правосудіе въ руки безсмысленной толпѣ и игрѣ случая.

Но если весь ходъ процесса представляется громадной глупостью, то Сократъ позаботился о томъ, чтобы съ заключительнаго акта упалъ

шутовской костюмъ и чтобы онъ представилъ возвышенное зрѣлище. Нѣтъ никакого сомнѣнія также въ томъ, что для философа, при его желаніи, легко возможенъ былъ побѣгъ изъ тюрьмы. Друзья Сократа были готовы открыть ему ворота тюрьмы, случай далъ для этого необходимое время, а общественное мнѣніе Аѳинъ, очевидно, не настаивало особенно на исполненіи необдуманнаго приговора, такъ что не было принято мѣръ для отвращенія попытокъ бѣгства. Сократъ былъ въ состояніи исправить судебную ошибку аѳинскаго народа, и кто знаетъ, были ли бы сами аѳиняне имъ недовольны за это! Но Сократъ отказался отъ бѣгства. Онъ недостаточно высоко цѣнилъ свою жизнь, чтобы ради нея въ первый разъ въ жизни нарушить законъ. Сократъ боровшійся постоянно противъ анархіи, искавшій законы разума, не хотѣлъ нарушить законъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ грубо нарушалъ требованія разума. Онъ выдержалъ въ своемъ намѣреніи до послѣдняго дня.

Этотъ день оставилъ по себѣ возвышенное воспоминаніе для человѣчества: два тысячелѣтія прославляютъ его. Что особеннаго въ этомъ концѣ? Сократъ былъ не первымъ и не послѣднимъ изъ тѣхъ, кто безъ вины, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, сознавая свое право, принялъ смерть; и тысячи перешагнули эту мрачную грань такъ же неустрашимо. Почему же его смерть волнуетъ насъ такъ сильно? Мнѣ кажется, что болѣе всего въ ней поражаетъ отсутствіе какого-бы то ни было пафоса. Здѣсь нѣтъ ни трагическаго чувства мученичества, ни радости побѣднаго конца. Здѣсь нѣтъ ни страстнаго стремленія къ смерти, ни болѣзненнаго желанія избавленія. Здѣсь нѣтъ ни робости, ни страданія, ни привязанности, ни разлуки. Мы видимъ лишь спокойствіе и ясность и гордое сознаніе необходимости: «это должно быть— и это будетъ»! Много способствуетъ этому своеобразному впечатлѣнію еще та легкость, съ какой, вообще, античный человѣкъ, по сравненію съ современнымъ, разставался съ радостными привычками и дѣятельностью жизни,—а также менѣе отвратительный, безъ кроваваго устрашающаго механизма, способъ, которымъ аѳинское государство исполняло такую печальную необходимость; но главное здѣсь все-таки—въ самомъ человѣкѣ, который увѣренъ въ вѣчности, и поэтому спокойно, разсудительно приготовляется къ смерти, какъ къ одному изъ обычныхъ своихъ дѣйствій. Полный довѣрія къ божественному Провидѣнію, онъ не понимаетъ, какъ можно бояться смерти. Такъ какъ его жизнь была постоянными поисками устойчиваго и постояннаго, то онъ былъ увѣренъ, что его душа, нагруженная, подобно кораблю, драгоцѣнными сокровищами, пріобрѣтенными въ теченіе жизни, не потерпитъ крушенія въ волнахъ преходящаго, бреннаго, смертнаго. Привыкнувъ искать блага жизни внутри человѣка, онъ былъ убѣжденъ, что онъ ихъ возьметъ съ собой и пріобрѣтетъ еще новыя и высшія. Онъ живетъ разумомъ и неразуміе не пугаетъ его. Такъ проводитъ онъ послѣдній

день со своими друзьями въ дружественной бесѣдѣ, которая носитъ естественно, лишь нѣсколько болѣе серьезный и торжественный оттѣнокъ; онъ приводитъ въ порядокъ свои дѣла и, когда солнце скрывается за горизонтомъ, выпиваетъ съ праздничной торжественностью кубокъ смерти. Это—смерть человѣка, побѣдившаго время, потому что его взоръ былъ направленъ въ вѣчность; и если бы стихи, въ которыхъ Шиллеръ воспѣваетъ смерть человѣка въ полномъ расцвѣтѣ силъ, не отличались немного трагической позировкой, столь свойственной нѣмецкому поэту и столь чуждой античной жизни, то эти прекрасныя слова вполнѣ подходили бы къ смерти Сократа:

«Mit dem Geschick in hoher Einigkeit
Gelassen, eingestützt auf Gratien und Musen,
Empfängt er das Geschoss, das ihn bedroht
Mit freundlich dargebot'nem Busen
Vom sanften Bogen der Nothwendigkeit» *).

---

*) Въ полномъ единеніи съ судьбой,
Довѣрчиво опираясь на музъ и грацій,
Съ открытой грудью встрѣчаетъ онъ ударъ,
Которымъ угрожаетъ ему кроткая десница необходимости.

У НАШИХЪ ПРАВНУКОВЪ.

Съ ФРАНЦУЗСКАГО.

Фантастическій разсказъ Ев. Фурньера, въ изложеніи Л. Давыдовой.

Въ литературѣ не разъ появлялись произведенія, авторы которыхъ подъ видомъ романа рисовали идеальную картину экономическаго общественнаго строя въ отдаленномъ будущемъ. Эту цѣль преслѣдовали въ своихъ произведеніяхъ старинные авторы, Томасъ Муръ, Кампанелла и др., а изъ современныхъ—американскій авторъ Эдвардъ Беллами, въ своемъ романѣ «Looking backward» особенно ярко изобразившій стремленія и идеи, назрѣвшія въ современномъ западно европейскомъ и американскомъ обществѣ.

Къ числу такихъ же произведеній, изображающихъ идеальный будущій общественный строй, возникшій путемъ эволюціоннаго процесса, принадлежитъ и книга Е. Фурньера «Chez nos petits fils». Авторъ, подобно Беллами, рисуетъ картину тѣхъ коренныхъ перемѣнъ, которыя претерпѣло общество. И у Фурньера герой, Пьеръ Даванъ, также засыпаетъ гипнотическимъ сномъ и, подъ вліяніемъ сдѣланнаго ему внушенія, переносится мысленно въ будущій вѣкъ, становясь членомъ общества осуществившаго многія изъ тѣхъ реформъ, которыя составляютъ основу современныхъ программъ, но считаются большинствомъ почти недостижимыми. Герой романа Фурньера, Пьеръ Даванъ, вѣчно терзается сомнѣніями и проводитъ жизнь въ напрасныхъ стараніяхъ примирить въ теоріи индивидуалистическія и эгоистическія стремленія свободной человѣческой личности съ интересами общаго блага. Онъ склоняется то въ сторону своего пріятеля Фризе, яраго коллективиста, то въ сторону Лагалина, другого своего пріятеля, крайняго индивидуалиста и, какъ онъ самъ говоритъ своему доктору, дѣлаясь сторонникомъ одной теоріи, начинаетъ тотчасъ же приводить противъ нея аргументы ея противниковъ. Эта постоянная безплодная работа мысли, не дающая ему отдыха и не имѣющая исхода ни въ какой дѣятельности, подтачиваетъ его силы и истощаетъ его организмъ.

— Всѣ идеи, которыя такъ волнуютъ современное человѣчество,—говоритъ Пьеръ доктору,—и вызываютъ настоящій хаосъ въ умахъ, терзаютъ и меня, не давая мнѣ покоя. Но какъ только я хочу попы-

таться собрать ихъ въ одно гармоническое цѣлое, такъ все расползается. Я вижу со всѣхъ сторонъ противорѣчія, которыя примирить не въ силахъ... Если я буду дѣйствовать съ Фризе, то непремѣнно начну приводить противъ его ученія доводы Лагалина, а слушая этого послѣдняго, я буду дѣлать ему возраженія Фризе... Такъ всегда было, когда я увлекался какой-нибудь доктриной или модным теченіемъ. Когда я писалъ символическіе стихи, то моею настольною книгой сдѣлался Расинъ. Когда я заинтересовался буддизмомъ и каббалой, то мною непреодолимо завладѣли идеи Бюхнера и Дарвина. Прошлое и будущее, мечта и дѣйствительность, аргументы за и противъ—все это вызываетъ страшный хаосъ въ моемъ умѣ. Я знаю многое, но увы! Я совершенно не въ состояніи высказать своего мнѣнія ни о чемъ. Я не смѣю ничего говорить изъ боязни ошибиться... Что же я могу дѣлать, находясь въ такомъ состояніи?

Докторъ, совѣтовавшій своему паціенту, типичному неврастенику, избрать какую-нибудь дѣятельность, предлагаетъ ему сдѣлать пересмотръ своего умственнаго багажа, отбросить все лишнее и остановиться на какой-нибудь одной идеѣ, которую и постараться провести въ жизнь. Онъ говоритъ, что Фризе и Лагалина, фанатиковъ извѣстной идеи, спасаетъ только то, что они должны работать для своего существованія, иначе они, также какъ и Пьеръ, которому его обезпеченное положеніе позволяетъ вести праздную жизнь, сдѣлались бы жертвами своихъ идей.

— Сдѣлайте выборъ,—говоритъ докторъ Пьеру.

— Я пробовалъ, но не могу... Я не знаю, что взять и что оставить, что безполезно и что мнѣ наиболѣе дорого въ моемъ идейномъ имуществѣ.

Тогда докторъ предлагаетъ своему паціенту подвергнуться опыту гипнотическаго внушенія.

— Я загипнотизирую васъ,—говоритъ онъ,—и дамъ вамъ возможность въ гипнотическомъ снѣ мысленно прожить въ нѣсколько минутъ столько дней и недѣль, сколько вамъ заблагоразсудится. Я помогу вамъ найти тѣ звенья, которыхъ вамъ не хватаетъ, чтобы создать стройную систему будущаго на основаніи того, что вамъ извѣстно изъ прошлаго и настоящаго, и разобраться въ томъ хаосѣ идей, который приводитъ васъ въ отчаяніе. Подъ вліяніемъ внушенія вы создадите изъ элементовъ знанія, которыми вы владѣете, тотъ идеальный порядокъ, къ которому вы стремитесь, и, быть можетъ, вы найдете то, что вамъ нужно.

Пьеръ соглашается на опытъ, но предупреждаетъ доктора, что если онъ проснется съ тѣми же сомнѣніями въ душѣ, которыя терзаютъ его, и не найдетъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ въ томъ идеальномъ строѣ, куда онъ мысленно перенесется въ гипнотическомъ снѣ, то онъ лишитъ себя жизни.

Докторъ усыпляетъ его магнетическими пассами, и въ слѣдующихъ главахъ авторъ разсказываетъ то, что переживаетъ Пьеръ въ своемъ гипнотическомъ снѣ.

I.

Проснувшись въ новомъ мірѣ, Пьеръ первымъ дѣломъ нажалъ одну изъ электрическихъ кнопокъ, красующихся на стѣнѣ около его постели, и какъ по мановенію волшебнаго жезла, на окнахъ поднялись шторы и раздвинулись занавѣси. Комната озарилась свѣтомъ ранняго лѣтняго утра. На часахъ пробило 6 часовъ. Подвижной календарь подъ часами показывалъ, что наступила среда, 2 іюня 1999 года. Пьеръ быстро поднялся и отправился въ уборную, взять обычную утреннюю ванну. Сидя въ водѣ, онъ привелъ въ дѣйствіе телефонографъ и узналъ всѣ послѣднія новости. Телефонографъ сообщилъ ему, что вчерашній праздникъ служащихъ въ ассенизаціи прошелъ блистательно: молодые ассенизаторы, съ модньшъ цвѣткомъ въ петлицѣ, были очень любезными хозяевами и, благодаря имъ, торжество, на которомъ присутствовало болѣе 20.000 человѣкъ, прошло въ образцовомъ порядкѣ. Артисты оперы «Comédie Française» превзошли самихъ себя. Онъ узналъ далѣе, что портниха Сесиль де-Крэвъ-Кёръ, происходившая отъ маркизовъ того же имени, разводится со своимъ мужемъ, профессоромъ небесной механики въ Монмартрской обсерваторіи, что вчера во время представленія произошелъ пожаръ въ синема-фонографѣ въ Греннелѣ; что послѣдній день торжества въ память двухсотлѣтія смерти Бальзака былъ отпразднованъ въ Калькуттѣ съ необычайной пышностью; что директрисса департамента внѣшнихъ сношеній родила здороваго маленькаго дипломата.

Тутъ Пьеръ остановилъ механизмъ и телефонировалъ:

— Нѣтъ ли чего-нибудь касающагося меня лично?

— Есть,—отвѣчали ему.—Въ три часа вы должны присутствовать на засѣданіи 7-й секціи синдиката образованія.

— Спасибо, что напомнили. Это все?

— Нѣтъ, подождите... А, вотъ, «Пекинская газета» печатаетъ рецензію на вашу книгу о «Нравственности муравьевъ». Два столбца убористаго шрифта. Въ 7 час. получите провѣренный переводъ.

— Благодарю васъ, mademoiselle. Цѣлую ваши хорошенькія ручки.

— Статья 27-я гласитъ: «абонентовъ просятъ не разговаривать со служащими на телефонѣ о предметахъ постороннихъ».

Пьеръ услышалъ веселый смѣхъ барышни, потомъ тр... тр... и телефонъ замолкъ.

Пьеръ вышелъ изъ ванны, одѣлся съ тщательностью, которая раньше была ему незнакома, долгое время колебался при выборѣ гал-

стуха; наконецъ взялъ шляпу и трость и собрался уже уходить, какъ звонокъ снизу извѣстилъ о приходѣ гостей. Въ комнату вошла молодая дѣвушка, обыкновенно убиравшая его комнату, въ сопровожденіи другой молодой дѣвушки. Пьеръ вѣжливо поклонился и ждалъ разъясненія причины ихъ посѣщенія.

— Позвольте васъ познакомить съ Луизой Дюшармъ—сказала первая.—Если вы ничего не имѣете противъ, то съ завтрашняго дня она замѣнитъ меня при уборкѣ вашей комнаты.

— Я бы съ еще бо́льшимъ удовольствіемъ привѣтствовалъ вашу прелестную подругу, если бы знакомство съ нею не было сопряжено для меня съ разлукою съ вами.

— Надо вамъ сказать, Луиза,—смѣясь, сказала молодая дѣвушка,— что citoyen Дабанъ является воплощеніемъ галантнаго француза стараго времени.

— Могу я узнать, почему вы меня покидаете?—обратился къ ней Пьеръ.

— Потому что въ гастрономическомъ институтѣ открылось вакантное мѣсто и мнѣ удалось получить его послѣ очень труднаго экзамена.

— Поздравляю васъ, citoyenne.

— Не съ чѣмъ,—отвѣтила та, вытряхая въ окно одѣяло, въ то время какъ ея подруга вытирала пыль съ мебели.— Я должна была сдать этотъ экзаменъ. Вѣдь я провела два года въ химической школѣ.

— А что вамъ было задано на конкурсѣ?

— «Мечта Бертело». Пилюля величиной съ горошину, которая бы таяла какъ шеколадъ и могла бы служить пищей въ теченіе 24-хъ часовъ.

— И что же, вы изготовили такую пилюлю?

— Не совсѣмъ—отвѣтила Луиза.—Съ этой пилюлей можно остаться безъ пищи 24 часа, но нельзя продолжительное время питаться.

— Значитъ, изобрѣтеніе еще не доведено до конца?

— Будетъ доведено въ скоромъ времени,—увѣренно сказала Луиза.

— Бѣдное человѣчество!—воскликнулъ Пьеръ.—Неужели намъ придется отказаться отъ вкуснаго аромата кушаній, который такъ возбуждаетъ аппетитъ?

— Успокойтесь,—отвѣтила она.— Я не думаю лишать васъ этой радости. Мое изобрѣтеніе предназначается для больныхъ, которыхъ нужно искусственно поддерживать. Съ моими пилюлями они, можетъ быть, дотянутъ до глубокой старости.

Разсказывая о своемъ изобрѣтеніи, молодая дѣвушка въ то же время усердно занималась дѣломъ. Съ помощью ремней, прикрѣпленныхъ къ потолку, она приподняла матрасъ надъ постелью, и со всѣхъ сторонъ выколотила его.

— Вы, вѣроятно, недавно занимаетесь этой работой?— спросилъ Пьеръ у Луизы, которая довольно неловко справлялась со щеткой.

— Вы замѣчаете мою неловкость,—сказала она.— Не бойтесь. Я

скоро привыкну, и вамъ не придется страдать отъ моей неопытности. Я выбрала это ремесло, потому что оно занимаетъ только утро.

— Вы еще учитесь?

— Да, citoyen. Моя спеціальность—музыка. Хотите, я сыграю вамъ что-нибудь?

Не дожидаясь отвѣта, она сѣла къ роялю и угостила Пьера сонатой. Потомъ опять взялась за щетку.

— Вы очень мило играете,—сказалъ онъ искренно.

Луиза надула губки.

— Да, я недурная исполнительница, — сказала она. — Но за то я очень слаба въ композиціи. Придется, пожалуй, опять взяться за математику.

Молодая дѣвушка, убиравшая постель, вдругъ вскрикнула отъ ужаса. Пьеръ и Луиза обернулись къ ней и увидѣли, что она въ испугѣ слѣдуетъ глазами за маленькимъ паукомъ, устремлявшимся къ открытому окну. Ей, видимо, было стыдно своего ребячества.

— Это сильнѣе меня,—сказала она съ дѣланнымъ смѣхомъ.—Мнѣ случалось присутствовать въ качествѣ сидѣлки на такихъ операціяхъ, при одномъ разсказѣ о которыхъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, и вотъ... я не могу выносить вида паука.

Оказалось, что Луиза испугалась паука еще больше, чѣмъ ея подруга. Она не могла удержать слезъ и увѣряла, что сегодня ее непремѣнно ждетъ какое-нибудь горе, и что эта примѣта никогда не обманывала ее.

Видя удивленіе Пьера, она сказала, смутившись:—Я знаю это глупо, но не могу ничего съ собой подѣлать. Это—уголокъ старины, уцѣлѣвшій въ моей душѣ.

II.

Прогулявшись въ Пантэнскомъ лѣсу, гдѣ 40 лѣтъ тому назадъ деревья и кустарники замѣнили прежній лѣсъ фабричныхъ трубъ, заражавшихъ воздухъ Парижа, Пьеръ остановился въ простенькомъ ресторанѣ и спросилъ себѣ на завтракъ яицъ и молока.

Вдругъ до слуха его донесся знакомый голосъ:

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ,—гремѣлъ этотъ голосъ, очевидно принадлежавшій Лагалину.—Свобода не можетъ заключаться въ дѣйствіяхъ, регулированныхъ закономъ. Если я не могу проводить свои фантазіи до самыхъ крайнихъ предѣловъ, значитъ я не свободенъ.

Спокойный голосъ Фризе отвѣчалъ:

— Допустимъ, что такъ. Но все-таки я желалъ бы знать эти границы.

Пьеръ остановился въ недоумѣніи. Онъ смутно сознавалъ, что находится въ состояніи гипнотическаго сна, въ который его погрузилъ

докторъ, и боялся проспуться и очутиться снова между анархизмомъ Лагалина, коллективизмомъ Фризе и своими собственными сомнѣніями. Но оглянувшись, онъ увидѣлъ вѣчныхъ спорщиковъ, сидящихъ за другимъ столикомъ и мирно попивающихъ молоко. Онъ подсѣлъ къ нимъ и съ радостью убѣдился, что они нисколько не измѣнились за 100 лѣтъ и въ новомъ мірѣ остались совершенно такими же, какъ въ старомъ.

— Проведемъ сегодняшній день вмѣстѣ — предложилъ онъ имъ.— Прежде всего пойдемъ въ судъ. Я сегодня присяжный.

— Я тоже,—сказалъ Фризе, взглянувъ на свои часы.

— А я нѣтъ—заявилъ Лагалинъ,—и такъ какъ я никогда не вхожу въ зданіе суда безъ злости, то предпочитаю покинуть васъ теперь и встрѣтиться гдѣ-нибудь къ завтраку.

— Сегодняшнее дѣло будетъ очень интересное,—замѣтилъ Фризе.

— Интересныя дѣла меня больше всего бѣсятъ.

— Извѣстно, васъ всегда все бѣситъ.

— А вамъ всегда все доставляетъ удовольствіе.

Пьеръ вмѣшался въ бесѣду.

— Кого мы сегодня будемъ судить?—спросилъ онъ.—И за что?

Фризе отвѣчалъ:

— Какъ, неужели вы не знаете? Да вездѣ объ этомъ только и говорятъ. Будутъ судить Турлана... Вы съ нимъ знакомы?

— Казначея синдиката маленькихъ моторовъ?

— Да. Вы не помните этого дѣла?

— Смутно припоминаю. Онъ, кажется, неисправно велъ счеты и прокутилъ большую сумму денегъ, да?

— Вотъ именно. Лагалинъ, вѣроятно, скажетъ намъ, что Турланъ былъ совершенно правъ, допустивъ такую... свободу обращенія съ кассой синдиката.

— Не заставляйте меня говорить глупостей,— проворчалъ Лагалинъ.—Хотя, съ другой стороны, если бы у вашего синдиката не было кассы...

— Турланъ, очевидно, не былъ бы кассиромъ,—смѣясь, докончилъ Пьеръ,—и намъ не пришлось бы его сегодня судить.

— Все равно, Турланъ нашелъ бы какой-нибудь другой незаконный способъ для пріобрѣтенія денегъ, чтобы расположить къ себѣ прекрасную Помпонетту,—сказалъ Фризе.

Лагалинъ возмутился.

— Когда не будетъ больше ни кассъ, ни кассировъ, ни денегъ,— сказалъ онъ,—тогда Помпонетты волей-неволей должны будутъ безкорыстно дарить свою любовь.

— Пора въ путь, господа,—прервалъ ихъ Пьеръ.—Засѣданіе начинается въ 10 часовъ.

III.

Засѣданіе суда нѣсколько затянулось, и наши друзья поспѣшили къ завтраку на автомобилѣ, но дорогой съ ними приключилось слѣдующее происшествіе: движимый голодомъ, Пьеръ нѣсколько ускорилъ ходъ автомобиля, не переходя, однако, установленнаго правилами максимума, и, благодаря ловкости Пьера, они безъ препятствій добрались до Клюни, гдѣ имъ навстрѣчу попался старичекъ, медленно переходившій улицу. Пьеръ позвонилъ, чтобы заставить его посторониться, но старичокъ, не обращая вниманія на предупрежденіе, попалъ прямо подъ колеса автомобиля. Машина тотчасъ же остановилась, вокругъ собралась кучка любопытныхъ. Фризе и Лагалинъ подняли старичка, который, оправившись отъ перваго испуга, заявилъ, что онъ не ушибся, но потерялъ свою шляпу. Лагалинъ подползъ подъ колеса и вытащилъ оттуда какой-то сплющенный блинъ, одинъ видъ котораго возбуждалъ смѣхъ въ присутствовавшихъ. Старичокъ былъ въ отчаяніи.

— Вы не застраховали своей шляпы?—спросилъ его Пьеръ.

— Я не знаю этихъ вашихъ новыхъ обычаевъ,—пробормоталъ старичокъ, съ горестью смотря на свою раздавленную шляпу.

— Все равно, я застрахованъ отъ несчастій, которыя можетъ причинить мой автомобиль. Мы сейчасъ составимъ протоколъ и затѣмъ, если позволите, отправимся въ муниципальный магазинъ, гдѣ вамъ выдадутъ такую же точно шляпу.

Наши друзья отправились вмѣстѣ выбирать ему новую шляпу.

Черезъ нѣсколько минутъ автомобиль доставилъ ихъ въ муниципальный магазинъ на лѣвомъ берегу Сены. Они въѣхали въ огромный дворъ, напоминающій площади передъ желѣзнодорожными вокзалами. Онъ былъ переполненъ всевозможными механическими экипажами, шарабанами, повозками, трехколесными велосипедами, которые сновали взадъ и впередъ, въѣзжали и выѣзжали изъ огромныхъ воротъ и подъѣзжали къ тротуару, подъ перекрестными криками служителей, выкрикивавшихъ номера. Надъ тротуарами высились 4 этажа стеклянныхъ галлерей, полныхъ публикой, въ которой преобладали нарядные свѣтлые туалеты дамъ. На балконахъ стояло нѣсколько фланеровъ, любующихся непрерывнымъ движеніемъ экипажей. Огромные подъемныя машины непрерывно доставляли цѣлыя толпы посѣтителей въ разные этажи зданія. Стѣны галлерей были задрапированы матеріями всѣхъ оттѣнковъ, гармонически подобранныхъ; лѣстницы были убраны роскошными коврами. Галлереи давали доступъ въ залы, наполненныя всевозможными товарами, поражавшими своимъ изяществомъ и разнообразіемъ.

— Это зданіе больше собора Петра въ Римѣ,—проговорилъ старикъ.

— Признаюсь, оно зато менѣе красиво,—сказалъ Фризе.

Они поднялись на подъемной машинѣ въ четвертый этажъ, гдѣ

было отдѣленіе шляпъ. Тамъ въ большомъ залѣ были собраны огромныя количества мужскихъ шляпъ всевозможныхъ формъ и фасоновъ. Пьеръ по дорогѣ остановилъ одного приказчика, прося его помочь имъ найти шляпу, и, къ удивленію, узналъ въ молодомъ человѣкѣ своего хорошаго пріятеля, Дарли.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?—спросилъ онъ его.—Вы оставили медицину?

— Да, — отвѣчалъ Дарли. — Я не въ силахъ былъ справиться съ этой ужасной профессіей. Я жилъ въ постоянномъ волненіи. Уходя отъ больного, я все время продолжалъ о немъ думать, и страхъ, что я невѣрно поставилъ діагнозъ, мѣшалъ мнѣ у постели слѣдующаго больного. Къ концу дня у меня накапливалось столько сомнѣній, и мысль о паціентахъ такъ неотступно преслѣдовала меня, что я не могъ спать и вечеромъ опять бѣжалъ къ нимъ исправлять ошибки, сдѣланныя днемъ. Въ концѣ концовъ, я самъ расхворался и поступилъ сюда въ приказчики, чтобы этой бѣготней исправить себѣ нервы. Но мои медицинскія занятія не прошли даромъ и я съ нетерпѣніемъ жду каникулъ, чтобы заняться одной работой. Я хочу выработать болѣе гигіеническую форму шляпъ, и надѣюсь, дирекція магазина разрѣшитъ мнѣ провести нѣсколько недѣль на ея шляпныхъ фабрикахъ. Когда я основательно изучу производство шляпъ, то постараюсь ввести въ него нѣкоторыя усовершенствованія. Наши теперешнія шляпы страшно негигіеничны.

Взявъ изъ рукъ старика его раздавленную шляпу, онъ сказалъ:

— Знаете ли, citoyen, благодаря этой шляпѣ вы поддерживаете вокругъ своей головы температуру въ 45°?

Сообщеніе это, видимо, не произвело на того никакого впечатлѣнія. Молодой человѣкъ, видя его полное равнодушіе къ гигіенѣ, предоставилъ ему на выборъ огромное количество бѣлыхъ шляпъ, совершенно подобныхъ той, которая была раздавлена автомобилемъ. Старикъ скоро нашелъ себѣ подходящую по размѣру и надѣлъ на нее трехцвѣтную ленту со старой шляпы.

— Вы завтракали?—обратился Дарли къ Пьеру.—Нѣтъ? Ну, такъ сдѣлайте мнѣ удовольствіе—пойдемте всей компаніей завтракать въ нашу столовую. Вы знаете, это гордость нашего магазина. Подождите немного, я сейчасъ приду за вами.

Съ этими словами онъ исчезъ.

Старикъ съ любопытствомъ разглядывалъ окружавшія ихъ горы шляпъ. Въ это время маленькая старушка, бродившая въ толпѣ, остановилась передъ нимъ и сдѣлала ему глубокій реверансъ.

— Вотъ одна изъ немногихъ оставшихся вѣрными истинной церкви,—сказалъ старикъ.

— Вы знаете ее?—спросилъ Пьеръ.

— Да, это герцогиня Люксенбургская. Она моя сосѣдка по богадѣльнѣ Sainte-Périne.

*

— Вы слышите? — прошепталъ Лагалинъ на ухо Фризе. — Вотъ онъ, тотъ прекрасный соціальный строй, которымъ вы такъ восхищаетесь! Прежде богадѣльни предназначались для бѣдняковъ. Теперь ихъ населяютъ герцогини.

— Нужно же, чтобы престарѣлые и больные холостяки получали гдѣ-нибудь тѣ попеченія, которыя имъ необходимы.

— Согласенъ. Но зачѣмъ же допускаютъ, что нѣкоторыя богадѣльни сохраняютъ прежнія названія и клерикальную организацію исчезнувшихъ временъ?

— Какъ! — возмутился Фризе. — И это говорите вы, сторонникъ абсолютной свободы! Неужели, по вашему, мы должны были мѣшать разнымъ старичкамъ и старушкамъ исповѣдывать ту вѣру, въ которой они выросли и которая доставляетъ имъ столько радости? Евреи, протестанты, католики всѣхъ оттѣнковъ имѣютъ свои богадѣльни, гдѣ они кончаютъ жизнь въ той обстановкѣ, къ которой привыкли съ рожденія.

Дарли, вернувшійся со шляпой, повелъ всю компанію завтракать. Столовая, куда онъ привелъ ихъ, отличалась такой роскошью и красотою убранства, что Пьеръ невольно воскликнулъ:

— Поздравляю васъ, мой другъ. Вижу, вы повысились въ должности и пользуетесь столовой, предназначенной для высшаго начальства.

— Что вы тамъ толкуете о высшемъ начальствѣ, — нетерпѣливо проговорилъ Дарли. — За столомъ-то ужъ мы всѣ равны, не правда ли? Здѣсь есть обѣды на всѣ цѣны, смотря по вкусамъ и средствамъ каждаго, но сервировка и помѣщеніе общія для всѣхъ. Каждый служащій имѣетъ право придти сюда и привести своихъ гостей. Сядемъ вотъ тутъ, за отдѣльный столикъ.

Рядомъ съ ними за столиками сидѣло нѣсколько парочекъ, занятыхъ оживленнымъ разговоромъ. Дарли указалъ на нихъ своимъ спутникамъ.

— Мы только на послѣднемъ собраніи настояли, наконецъ, на допущеніи женщинъ въ общую столовую, — сказалъ онъ. — И можете себѣ представить — рѣшительнѣе всѣхъ протестовали противъ того молодые люди!

— Меня это не удивляетъ, — замѣтилъ Фризе. — Присутствіе женщинъ заставляетъ ихъ быть сдержаннѣе и осмотрительнѣе въ словахъ.

Дарли повелъ своихъ друзей къ столику, накрытому на 6 человѣкъ, и замѣтилъ, что Пьеръ раскланивается съ двумя молодыми дѣвушками, только что вошедшими въ залу. Онъ также поклонился имъ и спросилъ Пьера:

— Вы знакомы съ Розой Малонъ, моей товаркой по перчаточному отдѣлу?

— Нѣтъ, но я сегодня утромъ познакомился съ ея спутницей, артисткой и служанкой, убирающей мою комнату.

— Хотите, пригласимъ ихъ съ нами позавтракать, — предложилъ Дарли.—Мы съ Розой большіе друзья.

Молодыя дѣвушки охотно приняли предложеніе и вся компанія размѣстилась за столикомъ, гдѣ уже сидѣли старикъ и оба вѣчныхъ спорщика.

— Я думала, что вы профессоръ,—обратилась Луиза къ Пьеру.— А вы, значитъ, тоже служите здѣсь?

— Нѣтъ, я продолжаю быть профессоромъ и пришелъ сюда по приглашенію.

— Какъ и я. Я пришла навѣстить Розу, мою подругу дѣтства.

— Я очень счастливъ встрѣтиться съ вами.

— Опять любезность?

— Если хотите. Но я имѣлъ въ виду еще кое-что другое, что, вѣроятно, доставитъ удовольствіе вамъ, сохранившей въ своей душѣ уголокъ старины.

Луиза сдѣлала гримаску, которая очень шла къ ея миловидному личику.

— Какъ,—сказала она,—вы еще помните эту глупость? Нельзя сказать, чтобы это было особенно любезно съ вашей стороны.

Разговоръ ихъ велся вполголоса, между тѣмъ какъ старикъ читалъ про себя молитвы, благословляя кушанія, а Лагалинъ и Фризе спорили о томъ, должно ли государство содержать на свой счетъ художниковъ и артистовъ въ томъ случаѣ, если произведенія ихъ оказываются неудовлетворительными. Роза съ благоговѣйнымъ умиленіемъ смотрѣла на старика.

Дарли разсказалъ ей о приключеніи съ автомобилемъ. Роза не могла удержать улыбки, но еще болѣе была тронута, когда узнала, что бѣдный старичокъ живетъ въ монастырской богадѣльнѣ Sainte-Périne. Она рѣшила на дняхъ снести ему туда апельсиновъ и пирожковъ.

Лагалинъ, который съ своимъ обычнымъ аппетитомъ, отдавалъ честь превосходному завтраку, замѣтилъ Дарли:

— Недурно у васъ тутъ кормятъ. Какъ это вы добились такой щедрости отъ муниципалитета, который вообще славится своей скаредностью?

— Муниципалитетъ тутъ не при чемъ—сказалъ Дарли.—Магазинъ и его отдѣленія принадлежатъ городу, но ресторанъ нашъ. Муниципалитетъ только отдалъ намъ помѣщеніе, предоставивъ разукрасить его по своему вкусу. Вѣдь насъ здѣсь 10,000 служащихъ, вольныхъ употребить свои заработки, какъ намъ понравится. Мы сговорились выстроить этотъ красивый ресторанъ, который обошелся намъ въ нѣсколько милліоновъ. Мы не жалѣемъ объ этомъ. Наши коллеги на правомъ берегу Сены предпочли устроить у себя клубъ съ концертной залой, библіотекой, театромъ и пр. У нихъ ресторанъ на второмъ планѣ, хотя пища у нихъ такая же здоровая и вкусная какъ у насъ.

— А если среди васъ найдутся люди предпочитающіе высшія духовныя наслажденія вашему ресторану, что тогда?— спросилъ Лагалинъ.

— Они тогда перемѣнятся мѣстами съ нашими товарищами на другомъ побережьи, которые болѣе цѣнятъ нашу систему,—отвѣчалъ Дарли.—Надо сказать, впрочемъ, что мы приглашаемъ ихъ часто къ себѣ обѣдать, также какъ они зовутъ насъ къ себѣ на свои праздники. Внеся членскій взносъ, мы можемъ сдѣлаться членами ихъ клуба, въ ожиданіи того времени, когда у насъ будетъ достаточно денегъ, чтобы устроить себѣ здѣсь клубъ, попросивъ у города пристроить новое крыло къ нашему зданію. Это—его доля участія въ постройкахъ и онъ никогда въ этомъ не отказываетъ.

— Я думаю! Городъ, вѣроятно, получаетъ большіе барыши съ своихъ магазиновъ?

— Ни гроша, мой другъ!—сказалъ Фризе.—Вы забываете, что оба большихъ муниципальныхъ магазина и ихъ отдѣленія во всѣхъ кварталахъ являются только складочными мѣстами товаровъ, и управляются представителями синдикатовъ производства и синдиката приказчиковъ. Каждый синдикатъ платитъ городу только небольшую плату за право помѣщенія своихъ товаровъ въ магазинѣ.

— Развѣ городъ не платитъ жалованья приказчикамъ?—спросилъ Пьеръ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Роза.—Мы получаемъ жалованье и участіе въ прибыляхъ отъ синдиката приказчиковъ, который, какъ уже говорилъ вамъ citoyen Дарли, вмѣстѣ съ синдикатами производства принимаетъ участіе въ управленіи магазиномъ.

— Какое-же отношеніе къ магазину имѣютъ синдикаты производствъ?—спросилъ Фризе.

— Они изучаютъ вкусы публики,—отвѣчала Роза,—и стараются идти имъ навстрѣчу, не навязывая имъ своихъ вкусовъ, какъ это дѣлалось въ прежнее время, при господствѣ моды.

— Я только что видѣлъ у васъ очень красивыя вещи—замѣтилъ Пьеръ,—въ особенности въ отдѣлѣ мебели—стулья всевозможныхъ образцовъ, удивительной красоты и изящества. Вы, вѣроятно, пользуетесь работой мастеровъ современной скульптуры?

— Конечно,—отвѣчала Роза, улыбаясь,—и мы очень гордимся этимъ. Мы продаемъ не только предметы, производимые машиннымъ способомъ за очень дешевую цѣну, но исполняемъ также заказы любителей, которые хотятъ имѣть у себя художественныя вещи.

— Это прекрасно,—заявилъ Фризе.

— Вы находите?—насмѣшливо спросилъ Лагалинъ.

— Я думаю, трудно возразить что-нибудь противъ организаціи, при которой каждый можетъ за соотвѣтственную плату удовлетворить свой вкусъ къ прекрасному.

— А если у меня есть вкусъ ко всѣмъ прекраснымъ вещамъ?

— Такъ пріобрѣтите ихъ себѣ, мой другъ, если ваши средства вамъ это позволяютъ.

— А если мои средства этого не позволяютъ?

— Ну, такъ работайте, чтобы увеличить свои средства. Неужели вы хотѣли бы получить отъ общества больше того, что вы ему даете? Вотъ къ чему сводится вашъ индивидуализмъ!

— Нельзя все-таки сказать, чтобы наша общественная организація была совершенной,—замѣтила Роза.—Правда, всякій ребенокъ, при своемъ рожденіи, можетъ разсчитывать на необходимыя средства существованія и на полученіе возможности изучить какую-нибудь профессію, которая поможетъ ему заработать, сколько онъ хочетъ, сверхъ минимума, гарантируемаго ему государствомъ. Этотъ излишекъ сдѣлался теперь самой насущной нашей потребностью. Но неравные по своимъ силамъ и способностямъ, мы получаемъ и неравную заработную плату. Во всякомъ случаѣ, несмотря на бдительный контроль общества и старанія въ деталяхъ улучшить недостатки общественнаго механизма, нашъ современный строй все еще далекъ отъ того идеала, который рисовался въ будущемъ нашимъ предкамъ.

III.

Послѣ завтрака Пьеръ предложилъ всей компаніи отправиться съ нимъ въ Трокадеро гдѣ было назначено ежемѣсячное засѣданіе одной изъ секцій синдиката преподавателей. Когда они вошли, галлереи были переполнены публикой, и Пьеръ нѣкоторое время озирался кругомъ, выискивая уголокъ для своихъ друзей. Лучшія мѣста уже были заняты. Наконецъ, ему удалось хорошо помѣстить ихъ, онъ вмѣшался въ толпу своихъ коллегъ обоего пола, и подошелъ къ эстрадѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда предсѣдательскій звонокъ извѣстилъ публику объ открытіи засѣданія.

Несмотря на жаркій лѣтній день, въ залѣ царила прохлада, благодаря прекрасно устроенной вентиляціи.

Послѣ чтенія протокола предыдущаго засѣданія, предсѣдатель заявилъ, что на очереди стоитъ вопросъ о дополнительномъ вознагражденіи преподавателямъ, и далъ слово молодому человѣку съ блѣднымъ лицомъ и выразительными глазами.

Ораторъ взошелъ на трибуну среди напряженнаго молчанія публики, и безъ всякихъ фразъ приступилъ прямо къ дѣлу. Онъ говорилъ, что кромѣ опредѣленнаго жалованья, уплачиваемаго всѣмъ преподателямъ общественныхъ школъ отъ государства, нѣкорые профессора получаютъ еще добавочную плату отъ разныхъ промышленныхъ, художественныхъ и научныхъ ассоціацій, благодаря чему эти ассоціаціи оказываютъ большое вліяніе на развитіе науки въ странѣ. Онѣ стараются также проводить излюбленныхъ ими профессоровъ на разныя должно-

сти, взамѣнъ кандидатовъ, указываемыхъ мѣстными совѣтами. Самыми щедрыми, какъ и самыми заинтересованными, являются промышленныя ассоціаціи, которыя, естественно, болѣе покровительствуютъ чисто-практическимъ знаніямъ, чѣмъ отвлеченнымъ наукамъ. Отсюда слѣдуетъ, что профессора, занимающіеся чистой наукой, получаютъ въ общемъ гораздо меньшее вознагражденіе, чѣмъ профессора прикладныхъ наукъ; по мнѣнію докладчика, это можетъ въ концѣ концовъ вредно отозваться на процвѣтаніи науки—извѣстно, что прикладныя науки находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ естествознаніемъ. Когда люди будутъ преслѣдовать только опредѣленные практическіе результаты, то и эти результаты пострадаютъ отъ упадка безкорыстнаго увлеченія наукой.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ принялъ участіе и Пьеръ. Когда онъ поднялся, по залѣ пронесся шопотъ. У Луизы сердце учащенно забилось и она подумала, что во всякомъ случаѣ, будетъ согласна съ нимъ, что-бы онъ ни сказалъ.

— Я считаю,—заявилъ Пьеръ,—что преміи и награды, присуждаемыя тѣмъ изъ насъ, которые ставятъ себѣ практическія задачи при научныхъ изслѣдованіяхъ, не могутъ оказывать никакого вліянія на безкорыстное занятіе наукой. Чистая наука развивается и расширяетъ свои владѣнія благодаря матеріальному прогрессу, открытіямъ и изобрѣтеніямъ, благодаря, однимъ словомъ, обогащенію человѣческой жизни. Постоянно говорятъ о вліяніи науки на промышленный прогрессъ человѣчества. Слѣдовало-бы вспомнить также и о вліяніи этого прогресса на науку. Если бы предоставить нашихъ астрономовъ ихъ математическимъ вычисленіямъ, лишивъ ихъ могучихъ инструментовъ современной оптики, они бы недалеко ушли впередъ отъ Тихо де-Браге. Вспомните, что отъ Аристотеля до конца XVIII вѣка, философія все время топталась на одномъ мѣстѣ и ея успѣхи въ XIX и XX вѣкѣ совпали съ промышленнымъ прогрессомъ, ознаменовавшимъ эту эпоху. Поэтому, не будемъ ничего опасаться, чѣмъ больше мы дадимъ міру физиковъ, инженеровъ, гигіенистовъ, тѣмъ болѣе мы обезпечимъ человѣчеству досугъ, необходимый для занятія чистой наукой.

Публика внимательно прислушивалась къ словамъ Пьера и среди нея образовалось два лагеря: одни были за него, другіе — противъ. Среди противниковъ преобладали женщины. Когда онъ кончилъ, одна изъ нихъ попросила слова. Она выступила ярой противницей всякихъ денежныхъ премій и наградъ, доказывая, что люди науки должны безкорыстно отдаваться служенію истинѣ и что университеты и лабораторіи должны быть своего рода монастырями. Въ концѣ она внесла предложеніе, которое было принято большинствомъ собранія—а именно, чтобы бо́льшая часть премій, назначаемыхъ различными ассоціаціями за научныя открытія и изобрѣтенія, удерживалась научными секціями для обогащенія ихъ библіотекъ, лабораторій и музеевъ.

При выходѣ, дама, такъ рѣзко нападавшая на Пьера, подошла къ нему и протянула ему руку.

— Вы не сердитесь на меня?—спросила она.

— Нисколько, — отвѣтилъ онъ. — Я преклоняюсь передъ вашимъ отношеніемъ къ наукѣ и къ дѣлу воспитанія. И, въ концѣ концовъ, вы сдѣлали прекрасное предложеніе, которое всѣ мы приняли съ удовольствіемъ.

— Докажите, что вы не сердитесь и пойдемте въ мою школу, — сказала она.—Сколько разъ вы уже обѣщали мнѣ зайти, и теперь я васъ не выпущу. Если ваши друзья будутъ сопутствовать намъ, я буду очень рада, — добавила она съ легкимъ поклономъ въ сторону Луизы, Фризе и Лагалина. — Отъ шести до семи у насъ какъ разъ будутъ упражненія, которыя, можетъ быть, заинтересуютъ ихъ.

— Кто это?—вполголоса спросила Луиза у Пьера съ нѣкоторымъ волненіемъ—приглашавшая ихъ дама была удивительно красива.

— Какъ, неужели вы не знаете Терезу Фромантэнъ, знаменитую педагогическую дѣятельницу?

Луиза вспомнила, что знаменитой дѣятельницѣ, должно быть, не менѣе 45 лѣтъ, и успокоилась.

По дорогѣ Тереза разсказывала своимъ знакомымъ объ особенностяхъ устройства той школы, куда они направлялись.

— Въ школѣ у насъ нѣтъ прислуги. Какъ въ деревенскихъ школахъ сквернаго стараго времени, дѣти сами по очереди подметаютъ комнату и имъ это упражненіе доставляетъ большое удовольствіе. Они иногда покупаютъ себѣ лишнюю очередь у товарищей, взамѣнъ волчковъ и другихъ игрушекъ. Они же управляютъ зимою калориферами и лѣтомъ вентиляторами. Такимъ образомъ, они съ раннихъ лѣтъ знакомятся съ термометрами и разными механическими приспособленіями. У насъ есть мальчуганы 12 лѣтъ, которые являются уже опытными маленькими электротехниками.

— А развѣ вы не боитесь несчастныхъ случаевъ? — спросилъ Фризе, вспоминая, какими предосторожностями онъ былъ окруженъ во времена своего дѣтства.

— Серьезнаго ничего не можетъ случиться,—отвѣтила Тереза.— Вѣдь всѣ домашніе инструменты и механизмы снабжены всякими предохраняющими аппаратами. Къ тому же дѣти отлично справляются съ этой работой. Они гордятся тѣмъ, что имъ предоставляется такое отвѣтственное дѣло, и стараются не ударить лицомъ въ грязь. Мы стараемся не утомлять ихъ вниманія долгое время. Исключеніемъ является только кухня, которою увлекаются не только дѣвочки, но и многіе мальчики. У насъ есть одинъ десятилѣтній карапузъ, который, навѣрное, сдѣлается однимъ изъ извѣстнѣйшихъ поваровъ своего времени, если только, подрастая, онъ не измѣнитъ своему призванію.

— А въ какіе годы, по вашему, у дѣтей уже начинаютъ проявляться какія-нибудь опредѣленныя склонности?—спросилъ Фризе.

— Между 13 и 15 годами. Самые маленькіе, когда ихъ спрашиваютъ, всегда отвѣчаютъ, что хотятъ быть, какъ папа или мама.

— Не замѣчаете ли вы въ вашей школѣ того явленія, на которое указывалъ одинъ изъ писателей прошлаго вѣка, а именно — что дѣти всегда стремятся занять высшую профессію, чѣмъ та, которую занимали ихъ родители?

Тереза отвѣтила съ удивленіемъ:

— Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы говорите. Что вы называете высшими и низшими профессіями? Въ настоящее время эти термины не имѣютъ никакого реальнаго значенія. Профессія государственнаго секретаря по департаменту образованія, несомнѣнно, является высшей по сравненію съ профессіей надзирательницы въ école maternelle, которой приходится утирать носы малышамъ. А между тѣмъ я знаю одну прекрасную женщину, которую мы недавно избрали своей делегаткой въ департаментъ, она стала сохнуть у насъ на глазахъ, такъ это занятіе ей не по душѣ, и она все вспоминаетъ свою école maternelle. Да вотъ, возьмемъ нашу молодую спутницу,—обратилась она къ Луизѣ.— Въ ожиданіи того времени, когда она сдѣлается знаменитой артисткой, она занимаетъ должность, которая въ прежнія времена считалась далеко не почетной—должность прислуги. Впрочемъ, и въ прошломъ вѣкѣ въ Америкѣ встрѣчались молодые люди, которые служили въ отеляхъ, чтобы заработать себѣ деньги на слушаніе лекцій въ университетѣ.

Тереза провела своихъ знакомыхъ въ большой садъ, гдѣ играло около 500 дѣтей отъ 7 до 13-ти-лѣтняго возраста. Колокольчикъ извѣстилъ ихъ о приходѣ посѣтителей. Они прекратили игры и собрались вокругъ своей учительницы. Само собой разумѣется, школа была общая для мальчиковъ и дѣвочекъ, которые дѣлили между собой одни и тѣ же занятія и игры.

— Я хотѣла бы вамъ показать, какъ мы преподаемъ дѣтямъ исторію,—сказала Тереза, обращаясь къ Пьеру.—Какой классъ взять для нашего опыта?

Пьеръ наудачу указалъ на одну изъ группъ, выстроившихся передъ ними на площадкѣ.

— Прекрасно, возьмемъ классъ 13 ти-лѣтнихъ,—сказала Тереза.— 60 учениковъ этого класса распредѣлятъ между собою роли той темы, которую вы имъ зададите.

Она взяла журналъ, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ были записаны имена учениковъ даннаго класса, и спросила Пьера, какую онъ выберетъ тему. Пьеръ выбралъ эпоху великой революціи, знаменитую сцену между Мирабо и маркизомъ Дре-Брезе, и предшествующіе ей различные эпизоды въ собраніи, при дворѣ и въ народѣ.

Предложеніе его очень понравилось дѣтямъ. Тереза по жребію начала вызывать дѣйствующихъ лицъ.

— Генріетта Демуръ,—прочитала она первую фамилію.

Дѣвочка подпрыгнула отъ радости.

— Какую роль ты хочешь взять?

— Маріи-Антуанетты,—не задумываясь отвѣтила та.

Затѣмъ были распредѣлены роли Людовика XVI, Мирабо, маркиза Дре-Брезе, и др. Тѣ, кто не были вызваны, не могли скрыть своего разочарованія. Одинъ маленькій мальчикъ, не попавшій въ число актеровъ, вдругъ выступилъ впередъ и заявилъ.

— Я беру Вольтера.

Кругомъ поднялся общій смѣхъ.

— Какой ты глупый,—замѣтилъ одинъ изъ товарищей.—Въ 1789 г. Вольтера уже не было въ живыхъ.

Сконфуженный мальчикъ скрылся въ толпѣ, а вмѣсто него къ учительницѣ подошла маленькая дѣвочка, заговорившая звонкимъ голоскомъ:

— Citoyen, въ заданной вами темѣ почти нѣтъ ролей для дѣвочекъ. Не разрѣшите ли вы намъ въ этомъ сдѣлать скачокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ и представить ту сцену, когда парижскія женщины привозятъ изъ Версаля въ Парижъ короля, королеву и маленькаго дофина.

— Я буду маленькимъ дофиномъ, — вскричалъ мальчуганъ изъ группы 7-ми-лѣтнихъ, вертѣвшійся тутъ же.

Вся школа расположилась вокругъ площадки, обрамленной тѣнистыми деревьями, которая должна была изображать сцену.

Для Терезы и ея гостей дѣти принесли скамейки, которыя были поставлены подъ деревьями у самой предполагаемой сцены, что заставило одного изъ маленькихъ мальчиковъ замѣтить:

— Это какъ при Мольерѣ,—старшіе сидятъ у самой сцены.

— Въ прежнее время сказали бы: «при Людовикѣ XIV»,—сказалъ Лагалинъ.

Представленіе началось. Одинъ изъ мальчиковъ, посовѣщавшись со своими товарищами, выступилъ впередъ и разсказалъ предполагаемое раздѣленіе пьесы на дѣйствія и картины. Онъ говорилъ такъ складно и съ такой удивительной легкостью подбиралъ подходящія выраженія, что Пьеръ невольно замѣтилъ про него Терезѣ:

— Изъ этого малаго, навѣрное, выйдетъ прекрасный адвокатъ.

— Ошиблись,—отвѣтила Тереза. — Онъ въ этомъ году кончаетъ школу и поступаетъ въ художественную академію. Его мечта сдѣлаться рѣзчикомъ по дереву.

Во время представленія Пьеръ и его друзья были поражены не только легкостью импровизаціи, которая замѣчалась у маленькихъ актеровъ, но ихъ сознательнымъ отношеніемъ къ изображаемымъ историческимъ лицамъ. На каждомъ шагу, въ діалогахъ и репликахъ они обнаруживали основательное знакомство съ нравами и людьми того времени. Особенно хороша была дѣвочка, игравшая Марію-Антуанетту: она съумѣла прекрасно возсоздать образъ привлека-

тельной легкомысленной женщины, повторяющей заученныя фразы о королевскихъ прерогативахъ, и думающей въ то же время о своихъ развлеченіяхъ. Публика относилась къ представленію съ живѣйшимъ участіемъ. Когда дѣвочка, подавшая мысль о походѣ парижанокъ на Версаль, разсказывала королевѣ о страданіяхъ народа, она такъ вошла въ свою роль, что многіе плакали, и даже Пьеръ почувствовалъ себя глубоко растроганнымъ.

— Какая изъ нея будетъ замѣчательная актриса,—прошепталъ онъ.

— Вы неисправимы—замѣтила Тереза.—Это наша лучшая портниха и она разсчитываетъ сдѣлать хорошую карьеру въ этой профессіи.

IV.

На другой день утромъ Пьеръ со всѣми своими учениками отправлялся въ Гизъ, чтобы ознакомить ихъ съ учрежденіями фамилистера. Въ вагонѣ шелъ оживленный разговоръ объ учрежденіи, которое они ѣхали осматривать.

— Вы прочли ту статью о фамилистерѣ, которую я вамъ передалъ?—обратился Пьеръ къ одному изъ своихъ учениковъ, молодому японцу Сумида.

— Прочелъ и она меня чрезвычайно заинтересовала,—сказалъ японецъ.

— Эта маленькая рабочая республика въ теченіе полувѣка была какъ бы особымъ островкомъ. Годэнъ былъ, должно быть, замѣчательнымъ человѣкомъ. Понятно, что при его жизни это дѣло процвѣтало. Но удивительно то, что оно удержалось и послѣ его смерти и въ полной неприкосновенности сохранилось до момента общаго освобожденія.

— Я бы посовѣтовала вамъ, милый Сумида,—перебила его одна изъ студентокъ,—перечесть ту часть статьи о фамилистерѣ, гдѣ изложены его статуты и вы поймете причину его устойчивости. Годэнъ сдѣлалъ ихъ совершенно драконовскими: онъ принялъ всевозможныя предосторожности, чтобы въ будущемъ основной характеръ ихъ остался неприкосновеннымъ. Поэтому все созданное имъ оказалось очень прочнымъ—соціальный дворецъ съ удобными и гигіеничными квартирами для рабочихъ, кооперативные магазины, библіотека, общественныя бани, паркъ, садъ и пр. Дѣти до сихъ поръ переходятъ изъ pouponnot въ bambinot, въ тѣ часы, когда родители ихъ заняты на заводѣ.

Одинъ изъ студентовъ спросилъ:

— Значитъ и установленная Годэномъ іерархія участниковъ, членовъ общества (sociétaires) и членовъ ассоціаціи (associé) была измѣнена только въ моментъ общаго переворота?

— Да,—отвѣчалъ Пьеръ.

— Вѣроятно, ихъ къ этому принудилъ металлургическій синдикатъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ Пьеръ.—Дѣло въ томъ, что рабочіе фамилистера тогда уже сдѣлались достаточно развитыми. Можете себѣ представить, что при жизни Годэна рабочіе были такъ далеки отъ его взглядовъ, что съ недовѣріемъ относились вначалѣ къ его планамъ. Дѣло падаетъ, потому онъ и хочетъ взвалить его намъ на плечи,— говорили они. Онъ долженъ былъ съ цифрами въ рукахъ доказывать имъ, что имѣетъ въ виду только ихъ благо и что будущее ихъ и ихъ семей нисколько не пострадаетъ, если они сдѣлаются собственниками всего предпріятія.

Пьеръ хотѣлъ продолжать, но въ это время поѣздъ уже подъѣзжалъ къ Гизу и ему пришлось прервать свои объясненія.

— Не выходите еще, citoyens, — крикнулъ одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ студентамъ, собиравшимся выходить изъ вагона.

— Развѣ мы не пріѣхали на станцію Гизъ? — спросили они въ удивленіи.

— Да,—отвѣчалъ служащій.—Но васъ сейчасъ подвезутъ прямо къ фамилистеру.

— Развѣ отсюда далеко до фамилистера? — спросило нѣсколько голосовъ.

— Не болѣе трехсотъ шаговъ,—отвѣчалъ Пьеръ.—Они просто хотятъ оказать намъ вниманіе. Очевидно, они узнали про наше посѣщеніе. Это жаль,—мы будемъ нѣсколько стѣснены въ нашихъ наблюденіяхъ.

Вагонъ тронулся въ путь, движимый маленькой электрической машиной. Черезъ нѣсколько минутъ, среди зеленѣющей долины Уазы, передъ ними встали красивыя зданія фамилистера, украшенныя, по случаю ихъ пріѣзда, пестрыми флагами и тріумфальными арками.

Почетныхъ гостей повели въ центральный дворецъ, гдѣ ихъ встрѣтили представители рабочихъ синдикатовъ Гиза и члены муниципалитета, избранные кантономъ и фамилистеромъ. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись привѣтствіями, затѣмъ начался обходъ учрежденій. Ихъ повели прежде всего въ ресторанъ, гдѣ обѣдали холостые служащіе, и которымъ иногда пользовались и семьи.

— Правда ли, что у васъ всѣ женщины работаютъ въ фамилистерѣ?—спросилъ японецъ Сумида у одной изъ молодыхъ дѣвушекъ, служащихъ въ ресторанѣ.

— Нѣтъ, citoyen. У насъ въ фамилистерѣ господствуетъ тотъ-же законъ, какъ во всей республикѣ.

— Значитъ, и здѣсь женщина, выходя замужъ, обыкновенно покидаетъ свою профессію?

— Нѣтъ, вы не вѣрно понимаете этотъ законъ, — возразила молодая дѣвушка.—Конечно, бываютъ исключенія: выходя замужъ, женщина можетъ, если ей это нравится, жить на счетъ мужа. Только въ случаѣ беременности всякая женщина, замужняя и незамужняя, получаетъ пенсію, которая выдается ей до тѣхъ поръ, пока ребенокъ самъ

не начнетъ зарабатывать. Но само собою разумѣется, что женщина можетъ и отказаться отъ этой пенсіи, если она находитъ болѣе выгоднымъ для себя заниматься какой-нибудь профессіей. Такъ поступаютъ, обыкновенно, учительницы, портнихи, артистки и писательницы, трудъ которыхъ отлично оплачивается.

— Эти дневные пріюты, pouponnot и bambinot, о которыхъ я слышалъ столько разсказовъ еще въ Японіи, учреждены, значитъ, для тѣхъ дѣтей, чьи матери продолжаютъ работать и послѣ замужества?

— Вотъ именно. Я, напримѣръ, служу въ ресторанѣ, и у меня въ настоящую минуту есть маленькая дѣвочка въ школѣ, другая—въ bambinot и маленькій сынишка—въ ясляхъ. Вечеромъ мнѣ ихъ приведутъ всѣхъ домой, а въ теченіе дня мнѣ нужно будетъ нѣсколько разъ сходить въ ясли, это въ двухъ шагахъ отсюда и покормить моего ребенка грудью.

Подошедшая студентка удивилась, что ясли до сихъ поръ еще не уничтожены, въ виду того, что кормленіе дѣтей матерями сдѣлалось теперь общимъ правиломъ.

— Но, citoyenne, вы забываете, что есть матери, у которыхъ слишкомъ мало молока, какъ у меня, напримѣръ. Я прикармливаю своего мальчишку больше ради собственнаго удовольствія, чѣмъ ради его пользы,—замѣтила ея собесѣдница.—Къ тому же, есть вѣдь матери, не имѣющія призванія къ материнству. Ихъ, правда, немного, но все же онѣ существуютъ. А между тѣмъ женщины, работающія въ нашихъ педагогическихъ учрежденіяхъ, страстно любятъ свое дѣло. Но вотъ мы и пришли въ ясли. Сегодня они переполнены, потому что всѣ матери, кормящія своихъ дѣтей, пожелали присутствовать на пріемѣ гостей. Обыкновенно же здѣсь остается не болѣе 12 малышей.

Пріемъ гостей совершенно не имѣлъ оффиціальнаго характера. Студенты и студентки свободно разбрелись по фамилистеру, разговаривали съ мѣстными жителями, разспрашивая ихъ о подробностяхъ ихъ хозяйственнаго быта. Въ то время, какъ нѣсколько студентокъ задержались въ ясляхъ, любуясь здоровыми, веселыми ребятишками, Пьеръ съ другими учениками обходилъ мастерскія и осматривалъ собраніе моделей, выставленныхъ въ складѣ.

— Въ какихъ отношеніяхъ вы находитесь съ металлургическимъ синдикатомъ?—спросилъ Пьеръ у директора, который сопутствовалъ ихъ всюду.

— Совершенно въ такихъ же, какъ и всѣ остальныя металлургическіе заводы,—отвѣтилъ директоръ.—Обрабатываемые нами металлы мы получаемъ отъ центральнаго металлургическаго синдиката а уголь—отъ центральнаго синдиката французскихъ углекоповъ, а въ случаѣ надобности и отъ заграничныхъ синдикатовъ. Какъ и въ остальныхъ отрасляхъ производства, статистика точно указываетъ намъ, каковъ будетъ спросъ на наши продукты на французскомъ и на междуна-

родномъ рынкахъ. Такимъ образомъ, мы избѣгаемъ избыточнаго производства, кризисовъ и безработицы. Мы регулируемъ наше производство въ зависимости отъ потребленія. Спеціальные журналы постоянно сообщаютъ намъ о техническомъ прогрессѣ въ каждой отрасли производства и о новыхъ вкусахъ публики. Мы стараемся удовлетворить ихъ. Понятно, конкурирующіе съ нами заводы стремятся къ тому же самому. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ происходятъ временныя задержки и даже остановки производства, но послѣднія крайне рѣдки.

Конечно, въ это время рабочіе не голодаютъ, какъ бывало въ прежнія времена, но все-таки благосостояніе ихъ значительно падаетъ. Такъ, напр., когда вмѣсто прежнихъ металлическихъ печей, ввели глиняные калориферы, у насъ разразился кризисъ, котораго всѣ наши усилія не могли предотвратить. Намъ пришлось изготовлять другіе продукты вмѣсто тѣхъ, на которыхъ прежде покоилось все благосостояніе нашихъ заводовъ. Къ счастью намъ удалось пробиться, а иначе пришлось бы плохо.

— Вообще, надо сказать, что новый режимъ оказался вовсе не такъ идеаленъ, какъ это думали въ XIX столѣтіи,—сказалъ Пьеръ.— Хотя все же мы обладаемъ даровымъ транспортомъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, хлѣбомъ и молокомъ. Опытъ муниципализаціи булочныхъ оказался блестящимъ. Булочники не сдѣлались чиновниками, чего такъ боялись, и желѣзнодорожные служащіе, несмотря на служебный мундиръ, теперь, пожалуй, стали болѣе внимательны къ публикѣ, чѣмъ въ прежнія времена, когда желѣзныя дороги принадлежали частнымъ акціонернымъ компаніямъ.

— Вообще, надо замѣтить, что бюрократическій духъ мало-по-малу исчезаетъ,—сказалъ директоръ.—Но, можетъ быть, онъ только притихъ, и въ одинъ прекрасный моментъ опять воскреснетъ, когда мы менѣе всего будемъ ждать этого. Сколько людей еще требуютъ, чтобы ихъ поступки получали какую-нибудь внѣшнюю санкцію, не довольствуясь санкціей своей совѣсти!

На порогѣ въ «общественный дворецъ» ихъ вниманіе обратилъ сторожъ съ одной рукой, который привѣтствовалъ ихъ поклономъ.

— Это одинъ изъ нашихъ сочленовъ, сдѣлавшійся жертвой несчастнаго случая съ машиной,—объяснилъ имъ управляющій. Администрація разрѣшила намъ утилизировать его силы на этой работѣ. Мы поступаемъ такъ не изъ скупости, а изъ дружелюбнаго чувства по отношенію къ нашимъ бѣднымъ товарищамъ, которыхъ приводитъ въ отчаяніе сознаніе своей безполезности въ этой общинѣ, въ которой они родились и которую разсматриваютъ какъ свою вторую родину. Они продолжаютъ получать нормальную рабочую плату и участвуютъ въ прибыляхъ, потому что считаются рабочими той мастерской, въ которой получили увѣчье. Кромѣ того, они, за особое вознагражденіе,

конечно, исполняютъ такіе доступные увѣчнымъ обязанности, какъ сторожа, которые смотрятъ за дѣтьми въ саду, запрещаютъ имъ рвать цвѣты и подходить слишкомъ близко къ рѣкѣ. Всѣ подходятъ къ нимъ поболтать и около нихъ во время перерыва работъ образуется своего рода клубъ. Такъ они меньше чувствуютъ свое несчастіе.

Посѣщеніе дворца дало мало новыхъ свѣдѣній Пьеру и его ученикамъ. Пьеръ не былъ сторонникомъ такихъ огромныхъ многоэтажныхъ зданій, гдѣ люди тѣснились одни надъ другими. Онъ находилъ, что теперь, когда земля не имѣла уже той огромной цѣнности, которую она пріобрѣтала въ прежніе времена благодаря спекуляціи, и въ особенности съ тѣхъ поръ какъ разрѣшена была проблема центральнаго отопленія и освѣщенія, гораздо предпочтительнѣе были маленькіе отдѣльные домики съ садами для каждой семьи. Такія помѣщенія болѣе содѣйствовали развитію индивидуальности и мѣшали проявленіямъ стадныхъ чувствъ.

Онъ собирался сообщить эти размышленія управляющему, но въ это время вниманіе его было отвлечено нарядной толпой, отовсюду стекавшейся въ огромный залъ, гдѣ стояли по праздничному накрытые столы. Музыканты на хорахъ настраивали свои инструменты. Фамилистеръ собирался устроить настоящій пиръ въ честь пріѣхавшей учащейся молодежи.

V.

Вернувшись вечеромъ въ Парижъ, Пьеръ встрѣтилъ на улицѣ Лагалина и Луизу Дюшармъ съ отцомъ и братьями. Они разсказали ему, что въ городѣ за его отсутствіе произошла маленькая революція, устроенная спиритами и буддистами, недовольными тѣмъ, что судъ запретилъ имъ публичныя собранія. Лагалинъ, конечно, присталъ къ революціи и теперь встрѣтился Пьеру въ обществѣ одного изъ буддистовъ. Лагалинъ предложилъ всему обществу пойти поужинать въ его клубъ. Пьеръ охотно согласился. Ему хотѣлось познакомиться съ семьей Луизы, которая все больше и больше нравилась ему. Изъ его учениковъ на приглашеніе откликнулись только маленькій японецъ Сумида и citoyenne Готье, одна изъ самыхъ способныхъ студентокъ, занимавшихся соціологіей. По дорогѣ разговоръ коснулся тѣхъ новыхъ мистическихъ теченій, которыя съ такою силой проявлялись въ современномъ обществѣ.

— Человѣкъ является какъ бы изгнанникомъ въ жизни на землѣ,— задумчиво проговорилъ Пьеръ.—Поэтому онъ такъ страстно мечтаетъ о вѣчности времени и пространства.

— Вы это осуждаете?—съ безпокойствомъ спросила Луиза.

— Развѣ можно осуждать мистическія стремленія души къ вѣчности?—отвѣтилъ онъ.—Мистицизмъ народовъ прежняго времени былъ

полонъ безсилія и невѣжества. Люди стремились къ небу, чтобы забыть землю и мечтали о фантастичномъ, ибо не знали реальнаго. Теперь царитъ наука, и все-таки существуетъ великая тайна, не подчиняющаяся ея законамъ. Мы, быть можетъ, сумѣемъ уничтожить всѣ страданія, причиняемыя намъ природой, какъ намъ удается постепенно подавлять страданія, завѣщанныя намъ прежнимъ соціальнымъ строемъ; но, къ счастью, мы никогда не освободимся отъ священнаго и глубокаго ужаса, вызываемаго въ насъ тайной мірозданія.

— Это—потребность пережить себя,—сказалъ старый рабочій.

— Нѣтъ, отецъ, тутъ совсѣмъ не въ томъ дѣло, — перебила его Луиза.

— Именно въ томъ,—подтвердилъ онъ.— Не можешь себѣ представить, что тебя больше не будетъ. Хочется жить всегда. Какъ бы ни жить, лишь бы не умереть. А въ сущности, это глупо. Когда приходитъ старость, нужно собираться въ путь. То, что раньше нравилось, перестаетъ доставлять удовольствіе. Друзья одинъ за другимъ уходятъ изъ жизни. Человѣкъ устаетъ и чувствуетъ, что ему вовсе бы не хотѣлось начинать сначала. Хочется просто отдохнуть. Развѣ это не такъ?

— Нѣтъ, не такъ отецъ,—настаивала Луиза.—Даже и помимо вопроса о личномъ безсмертіи, насъ всегда будетъ мучить вопросъ о вѣчныхъ тайнахъ міра. Чѣмъ болѣе мы будемъ познавать законы, управляющіе имъ, тѣмъ болѣе эта загадка будетъ насъ преслѣдовать. Пьеръ совершенно правъ...

— Бросьте всю эту метафизику, господа,—прервалъ ее Лагалинъ.— Вотъ мы и пришли въ клубъ Кампанеллы. Пойдемте ужинать.

За ужиномъ Сумида выразилъ удивленіе по поводу широкаго развитія общественной жизни во Франціи. Я, пожалуй, единственный изъ всего общества, который не входитъ въ составъ какой-либо ассоціаціи,—замѣтилъ онъ.

— Это правда,—сказалъ Дюшармъ.—Даже я, отецъ семейства и порядочный домосѣдъ, и то состою членомъ нѣсколькихъ обществъ. Прежде всего, мой синдикатъ и клубъ моей секціи—два.

— Всякій человѣкъ состоитъ членомъ своего синдиката и клуба своей секціи,—проворчалъ Лагалинъ.—Это нечего считать.

Старый рабочій продолжалъ:

— Общество рыбной ловли удочкой—три. Общество историческихъ экскурсій—четыре. Это касается лѣтнихъ удовольствій. Зимой мои досуги дѣлятся между обществомъ чтенія классиковъ и общей ассоціаціей игроковъ въ пикетъ. Всего шесть. Мой сынъ Жанъ также состоитъ членомъ общества экскурсій и чтеній и, кромѣ того, членомъ школьной коммиссіи нашего квартала и международнаго общества спасанія на водахъ.

— Вѣроятно, когда вы выйдете въ отставку, вы прибавите еще нѣсколько обществъ къ этому списку?

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на японца.

— Отставку? Я разсчитываю получить ее только на своемъ смертномъ одрѣ,—сказалъ онъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы основали «Лигу для борьбы противъ отставки» и вначалѣ насъ было всего 12 человѣкъ. Теперь насъ 15.000 въ одномъ только Парижѣ.

— Это глубоко безнравственно!—загремѣлъ Лагалинъ.—Какъ! Неужели недостаточно того, что вы 40 лѣтъ несете ярмо изнурительнаго, притупляющаго труда; вы хотите еще и дальше гнуть свои старыя спины!

Слова Лагалина вызвали всеобщій смѣхъ.

— Скажите, пожалуйста, изъ какихъ странъ вы явились?—спросилъ Дюшармъ.—Откуда вы видите, что я страдаю подъ ярмомъ и пр.? Я добровольно и съ радостью принялъ свою долю труда. Я не считаю себя болѣе изнуреннымъ, чѣмъ вы, хотя и работалъ всю жизнь. Если бы намъ пришлось теперь помѣряться силами, вы увидѣли бы, что руки мои еще не ослабѣли. Впрочемъ, будемъ говорить на чистоту. Я не утверждаю, что могу теперь бѣгать такъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, по платформѣ и выкрикивать станціи. Но синдикатъ отвелъ мнѣ неутомительное мѣсто. Прежде молодежь, мужскую и женскую, засаживали за канцелярскую работу. Вотъ для нихъ это былъ дѣйствительно притупляющій трудъ. Развѣ не ясно, что мы, старики, должны дѣлать это дѣло? Мы съ любовью составляемъ росписанія и провѣряемъ таблицы. Мы дѣлаемся, такимъ образомъ, старыми бабушками, хозяйками нашей администраціи. Изъ окна конторы мы смотримъ на своихъ молодыхъ собратовъ, бѣгающихъ по вокзалу и напоминающихъ намъ то время, когда и мы такъ бѣгали; а имъ, въ свою очередь, наше присутствіе говоритъ о томъ, что великая желѣзнодорожная семья удержитъ ихъ при себѣ до ихъ послѣдняго издыханія... Трудъ является не наказаніемъ или тяжелымъ урокомъ, а удовольствіемъ, если только отдаться ему съ умѣренностью. Что касается меня, то я знаю, что не выдержалъ бы долго, если бы мнѣ нельзя было ходить больше въ мою контору, встрѣчать тамъ старыхъ товарищей... Въ нашей лигѣ образовалась секція, которая хочетъ просить у муниципалитета мѣстъ надзирателей въ школахъ. Вы знаете, старики и дѣти отлично уживаются вмѣстѣ. Въ нѣсколькихъ школахъ уже былъ сдѣланъ такой опытъ, и онъ отлично удался.

Пьеръ заговорилъ опять о различныхъ общественныхъ организаціяхъ, которыя, по его мнѣнію, въ будущемъ должны взять на себя всѣ функціи государства.

— Теперь эти организаціи взяли на себя бдительный контроль надъ дѣятельностью государственной машины,—говорилъ онъ.—Благодаря имъ, ни одна жалоба не можетъ остаться безъ разсмотрѣнія, ни одно нововведеніе пройти незамѣченнымъ. Они уже посылаютъ своихъ представителей и въ національный парламентъ, и въ областные совѣты, и въ кантональные муниципалитеты.

— И благодаря имъ должность министра дѣлается не нужной,—сказалъ подошедшій господинъ, вытирая себѣ лобъ платкомъ.

— Танкредъ!—воскликнулъ Пьеръ, пожимая ему руку и освобождая мѣсто около себя.

Пока Танкреду ставили приборъ, онъ сказалъ, обращаясь къ обществу:

— Мнѣ не нужно представлять вамъ министра изящныхъ искусствъ. Citoyen Танкредъ всѣмъ намъ извѣстенъ. Позвольте вамъ представить мой другъ, citoyenne Луизу Дюшармъ, артистку, любящую свое искусство.

— И заставляющую любить его, я въ этомъ увѣренъ, — любезно сказалъ министръ.

— Citoyenne Готье, студентка соціологіи.

— Въ вашемъ обществѣ, должно быть, пріятно изучать науку объ обществѣ.

Дойдя въ своихъ представленіяхъ до буддиста, Пьеръ остановился и вопросительно взглянулъ на него.

— Жюль Френуа, буддистъ,—гордо сказалъ тотъ, смотря въ лицо министру.

Тотъ не сморгнулъ и ограничился легкимъ дипломатическимъ поклономъ.

— Онъ дѣлается все болѣе и болѣе величественнымъ,—вполголоса сказала Луиза своей сосѣдкѣ.

— Надо быть справедливымъ,—отвѣтила та.—Не можетъ же онъ бросаться на шею людямъ, которыхъ считаетъ бунтовщиками.

Пьеръ продолжалъ:

— Citoyen Дюшармъ и его два сына, изъ которыхъ младшій, мой другъ, отправляется цивилизовать центральную Африку.

— Благородная задача для предпріимчивыхъ людей,—съ чувствомъ сказалъ Танкредъ.

— Citoyen Сумида... ,

— Авторъ замѣчательнаго изслѣдованія о японской мебели въ XIX вѣкѣ,—докончилъ Танкредъ, любезно раскланиваясь съ маленькимъ японцемъ.

— Наконецъ, мой старый другъ Лагалинъ.

— А мой старый врагъ,—сказалъ Танкредъ, пожимая руку Лагалину.—Все еще анархистъ?

— Какъ всегда,—отвѣтилъ Лагалинъ.

— Я тоже анархистъ,—смѣясь, сказалъ Танкредъ.

— Какъ же это вы оба анархисты и все-таки враги?—замѣтилъ Сумида.

— Мы разнымъ образомъ понимаемъ анархію,—сказалъ министръ.

— Очевидно, иначе вы не были бы анархистами,—улыбаясь вставила свое слово citoyenne Готье.

*

— Вы тоже состоите членомъ клуба Кампанеллы?—спросилъ Пьеръ у своего друга.

— Нѣтъ, но у меня здѣсь назначено rendez-vous съ однимъ изъ моихъ самыхъ ярыхъ гонителей, членомъ совѣта министерства изящныхъ искусствъ, который во что бы то ни стало хочетъ свести меня завтра въ высшую типографскую школу, и указать мнѣ тамъ на нѣкоторыя необходимыя реформы.

— Я знаю его, вашего гонителя! — воскликнулъ Лагалинъ. — Это нашъ старый Фризе.

— Именно.

— Если онъ назначилъ вамъ rendez-vous, вамъ не долго придется ждать. Фризе—сама аккуратность.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени Фризе присоединился къ обществу, но у него былъ очень взволнованный и разстроенный видъ, и первые нѣсколько минутъ онъ даже не могъ ничего отвѣтить на разспросы друзей.

— Возможно ли, что въ наше время существуютъ еще такія чудовища,—воскликнулъ онъ, наконецъ.—Что это за ужасъ!

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ Лагалинъ.—О какихъ чудовищахъ вы говорите?

— Развѣ вы ничего не слышали? Эти страшные крики! Несчастная женщина! Вѣроятно, она уже умерла теперь.

— Да кто такой? Объясните, что случилось?—заговорили со всѣхъ сторонъ.

— Я шелъ сюда на rendez-vous, назначенное Танкреду, — началъ Фризе болѣе спокойнымъ голосомъ.—По дорогѣ я обратилъ вниманіе на очень красивую дѣвушку, которая громко смѣялась, идя подъ руку со своимъ кавалеромъ. Тотъ, повидимому, былъ въ восторгѣ отъ ея веселости.

— Къ дѣлу, къ дѣлу,—нетерпѣливо перебилъ его Пьеръ.

— Вдругъ имъ загораживаетъ дорогу какой-то человѣкъ, который бросается съ ножомъ на молодую дѣвушку, крича: «Ради нея я опозорилъ себя». Конечно, вокругъ нихъ сейчасъ же собралась толпа, и я былъ въ числѣ тѣхъ, которые снесли несчастную женщину въ ближайшую аптеку.

— И знаете, кто убійца? — продолжалъ Фризе, обращаясь къ Пьеру.—Тотъ самый Турланъ, котораго мы съ вами судили, а убитая дѣвушка—Помпонетта, ради которой онъ попалъ на скамью подсудимыхъ.

Жанъ Дюшармъ быстро поднялся со своего мѣста.

— Ради Бога, citoyen,—проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ.—Скажите мнѣ, гдѣ она теперь находится.

— Право, не знаю... Въ аптекѣ на Страсбургскомъ бульварѣ вамъ скажутъ, въ какую больницу ее перенесли.

Онъ не успѣлъ докончить фразы, какъ Жанъ пустился въ путь въ сопровожденіи своего младшаго брата.

— Бѣдный мальчикъ,—со вздохомъ произнесъ старикъ Дюпармъ!— Онъ все еще любитъ ее! Мы знали ее съ самаго дѣтства. Ея отецъ былъ моимъ сосѣдомъ и старымъ товарищемъ. Веселая такая была дѣвочка, хохотушка и кокетка чуть не съ колыбели. Она отказалась выйти замужъ за Жана, понимая сама, что не создана для семейной жизни. А Жанъ все-таки любилъ ее.

— Какой злодѣй этотъ Турланъ,—замѣтилъ буддистъ.—А между тѣмъ, будьте увѣрены, что теперь присяжные оправдаютъ его.

— Очень можетъ быть,—сказалъ Пьеръ.—Теперь, когда человѣкъ все менѣе и менѣе смотритъ на женщину, какъ хищникъ и собственникъ, такого рода преступленія дѣлаются такъ рѣдки, что не представляютъ никакой опасности для общества.

— Конечно, его оправданіе не будетъ нисколько опасно для общества,—подтвердилъ Лагалинъ.—Неужели вы думаете, что онъ завтра влюбится въ новую Помпонетту и убьетъ ее, если увидитъ, что она его обманываетъ?

— Этого вопроса мы здѣсь рѣшать не можемъ,—сказалъ Пьеръ.— Это дѣло медицинской экспертизы. Если эксперты найдутъ, что Турланъ настолько нормаленъ, что отвѣчаетъ за свои поступки и сознаетъ свою вину, они будутъ ходатайствовать передъ судомъ о томъ, чтобы его оправдали.

— Вотъ это странно,—сказалъ Сумида.—Значитъ вы освобождаете отъ наказанія людей, дѣйствовавшихъ вполнѣ сознательно, и, по моему мнѣнію, именно вслѣдствіе этого-то наиболѣе виновныхъ?

— Да,—отвѣчалъ Пьеръ.—Они несутъ въ себѣ такія тяжелыя страданія, которыя не могутъ сравниться ни съ какимъ внѣшнимъ наказаніемъ. Раскаяніе все болѣе и болѣе дѣлается верховнымъ судьей преступника.

— Но человѣкъ, дѣйствующій въ умопомраченіи, не можетъ быть виновнымъ!—воскликнулъ Лагалинъ.—По какому же праву вы будете его наказывать?

— Я могъ бы вамъ отвѣтить: потому что онъ самъ не можетъ себя наказать. Но задачей суда является не наказаніе, или возмѣщеніе убытковъ. Его задача—оберегать общество отъ лицъ, ищущихъ причинить ему вредъ. Вотъ почему мы должны брать на себя заботу о невмѣняемыхъ людяхъ, которые не могутъ сами заботиться о себѣ, между тѣмъ какъ сознательныхъ преступниковъ можно предоставить суду своей совѣсти.

— Это—какая-то аристократическая теорія,—замѣтилъ старикъ Дюпармъ, качая головой.

— Да,—сказалъ Лагалинъ.—Она устанавливаетъ неравенство наказанія въ пользу сильныхъ и умныхъ, и къ ущербу слабыхъ, невмѣняемыхъ людей.

— Вы правы, — отвѣчалъ Пьеръ. — Къ чему отрицать очевидные

факты? Въ нашемъ общественномъ строѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ, которые ему предшествовали, тоже есть своя аристократія. Отъ людей, владѣвшихъ оружіемъ, власть перешла къ людямъ, владѣющимъ богатствомъ. Теперь управленіе обществомъ сосредоточено въ рукахъ людей, владѣющихъ знаніемъ. Тюрьмы сдѣлались теперь своего рода больницами. Не можемъ же мы посылать туда здоровыхъ, или, во всякомъ случаѣ, выздоровѣвшихъ людей.

VI.

Чувство взаимной симпатіи Луизы и Пьера, скоро для всѣхъ переставшее быть тайной, повело къ естественному исходу. Молодые люди объяснились и въ ближайшемъ времени должна была состояться ихъ свадьба.

Обрученіе Луизы и Пьера состоялось безъ всякой пышности. Съ волненіемъ явился Пьеръ къ Дюшарму, пославъ предварительно букетъ.

Послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій Дюшармъ, нѣсколько смущаясь, сказалъ Пьеру:

— Мы пообѣдаемъ по старинной модѣ; это вамъ не будетъ непріятно?

— А почему же это можетъ быть мнѣ непріятно? — весело спросилъ Пьеръ.

— Видите ли, это капризъ старичка, — сказалъ Дюшармъ. — Мнѣ хотѣлось вспомнить еще разъ мою молодость, мое время, когда всѣ ѣли дома супъ, приготовленный матерью. Я не хочу отзываться дурно о ресторанахъ, клубахъ и т. п., гдѣ можно найти готовый столъ на всѣ вкусы. Послѣ смерти моей жены мы послѣдовали новой модѣ. Но сегодня меня бы огорчило, еслибъ мы не могли собраться собственною семьей, вокругъ своего стола... Мнѣ будетъ казаться, что моя бѣдная Сесиль съ нами и что она радуется вашему счастью.

Пьеръ только что хотѣлъ высказать удивленіе по поводу отсутствія невѣсты, какъ она вошла въ комнату, розовая и сіяющая, въ бѣломъ передникѣ и съ руками, выпачканными въ мукѣ. Граціозно повернувшись къ жениху, она подставила ему свой лобъ для поцѣлуя.

— Я совсѣмъ позабыла, знаете ли!—вскричала она.—Будь что будетъ! Къ счастью, пришла моя кузина Гевріетта, она помогаетъ мнѣ. Никто такъ не умѣетъ сбивать яйца... Это очень мило, что вы пришли первый.

— Кузина! Гдѣ у васъ бѣлое вино?—послышался изъ кухни чей-то молодой и свѣжій голосъ, прервавшій Пьера, только что собиравшагося сказать комплиментъ своей невѣстѣ.

— Я иду!—закричала Луиза.

Она исчезла, ловко избѣжавъ у дверей столкновенія съ своимъ братомъ, который входилъ въ комнату.

— Я долженъ назвать вамъ приглашенныхъ гостей,—сказалъ, Дю-

шармъ, обращаясь къ Пьеру,—прежде чѣмъ они всѣ соберутся. Старая кузина Лаура и столь же старый супругъ ея Карминэ; имъ вдвоемъ больше полутораста лѣтъ. Они тихонько доживаютъ свой трудовой вѣкъ, безъ всякихъ приключеній, затѣмъ—ихъ дочь Анна, надзирательница больницы. Она отказалась отъ замужества, чтобы всецѣло посвятить себя своимъ больнымъ. Наконецъ, моя belle-soeur Антонина и ея дочь Генріетта, обѣ—швеи. Съ вашими двумя пріятелями Лагалиномъ и Фризе насъ будетъ одиннадцать.

— А дядя Робертъ не пріѣдетъ?

— Нѣтъ. Я забылъ сказать, что онъ извиняется. Мой братъ—это настоящій крестьянинъ старыхъ временъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и ни за что не хочетъ вылѣзать изъ своей ямы. Подумайте только, онъ всего два раза былъ въ Парижѣ въ теченіе шестидесяти лѣтъ.

Въ передней раздались звуки поцѣлуевъ. Это были кузенъ и кузина Карминэ. Дюшармъ представилъ имъ будущаго родственника.

— Самые старые являются первыми,—замѣтилъ Карминэ.—Я васъ считаю въ числѣ семейства,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Пьеру.

— Еще бы!—замѣтилъ Дюшармъ.—Вѣдь у васъ много свободнаго времени. Не хватало, чтобы вы приходили послѣдними.

— Свободное время! Какъ бы не такъ!—вскричала старушка.—Въ шесть часовъ мы еще играли въ шары въ Люксембургѣ и Карминэ непремѣнно хотѣлъ кончить партію... Въ его-то годы! Развѣ это позволительно?

— Все позволительно, что можно дѣлать,—возразилъ Карминэ, съ гордостью показывая свои мышцы.—Ужъ лучше двигать ногами и руками, чѣмъ кашлять, сидя въ углу...

Кузина Лаура поглядѣла на своего стараго супруга съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

Вошла новая посѣтительница, красиво, элегантно одѣтая молодая женщина.

— Вотъ хорошо! Я, значитъ, прихожу не послѣдняя!—воскликнула она, здороваясь со всѣми.—Мой будущій племянникъ?—спросила она, ласково взглянувъ на Пьера.

— Скорѣе вашъ младшій братъ, да и то съ трудомъ,—отвѣтилъ онъ съ поклономъ.

Она разсмѣялась, довольная тѣмъ, что отдали дань ея цвѣтущему виду.

Фризе и Лагалинъ пріѣхали вмѣстѣ. Пьеръ представилъ ихъ своей будущей роднѣ и великолѣпная Антонина, повидимому, сразу произвела сильное впечатлѣніе на анархиста, что очень не понравилось Фризе.

Наконецъ, пришла и кузина Анна подъ руку съ Луизой. Она была маленькаго роста и неопредѣленнаго возраста, но очень живая и имѣла озабоченный видъ. Пьеру она сразу понравилась.

— Предстатьте себѣ, я чуть не позабыла о времени,—сказала

она.—Это животное, докторъ Спицъ, отложилъ на сегодня одну великолѣпную операцію, которую я ни за что не хотѣла пропустить.

— О!—вскричала Луиза.—Такъ говорить о страдающихъ!..

— Что-жъ такое, дитя! Развѣ нельзя назвать великолѣпной операцію, если только она, какъ бы она ни казалась тебѣ ужасной, можетъ спасти жизнь больному.

Обѣдъ начался очень весело. Супъ всѣ нашли превосходнымъ и поздравляли Генріетту, которая краснѣла отъ удовольствія. Несмотря на заявленія врачей, супъ все-таки не исчезъ изъ меню семейныхъ обѣдовъ.

— Дочь моя, ты можешь уже идти замужъ,—замѣтила поучительнымъ тономъ Анна.

— Ужъ никакъ не ея кулинарный талантъ привлечетъ къ ней жениховъ,—возразила старая кузина.—Эти качества теперь не имѣютъ значенія, съ тѣхъ поръ, какъ система ресторанной и клубной жизни замѣнила прежнюю домашнюю жизнь.

— Но къ ней возвращаются, къ системѣ добраго стараго времени,—сказала Антонина.—И я даже опасаюсь, что женщины такимъ образомъ потеряютъ свободу, которую они пріобрѣли, освободившись отъ мелочныхъ заботъ по хозяйству.

— Ого! — вскричалъ Лагалинъ. — Реакція, значитъ, поднимаетъ голову.

— Хорошо, что къ этому возвращаются,—замѣтила серьезно Анна.

— Какъ!—вскричалъ Дюшармъ.—Вы живущая въ своей больницѣ такъ, какъ жили нѣкогда монахини въ своихъ монастыряхъ, вы одобряете домашнюю жизнь?

— Да. Если это называть реакціей, то, во всякомъ случаѣ, это реакція благотворная. Свобода женщины не подвергается тутъ никакой опасности. Если въ общинѣ индивидъ не находитъ поддержки въ какой-нибудь идеѣ или призваніи, то онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Есть люди, которые не могутъ любить всѣхъ и есть такіе, которые не могутъ жить одинокими въ жизни. Для нихъ-то и нужна семейная жизнь.

— Но вѣдь семья и такъ существуетъ. Никто не думалъ ее уничтожать,—сказалъ Лагалинъ.

— Нѣтъ семьи безъ семейнаго очага,—возразилъ Дюшармъ.

— Вы правы, кузенъ,—сказала Анна.—Я никакъ не могу понять, почему для женщины унизительно заниматься хозяйствомъ и кухней, въ то время, когда мужъ ея находится на службѣ, а дѣти учатся. Поэтому-то, какъ ни старались, а здравый смыслъ и природа взяли все-таки верхъ. Не найдется и половины женщинъ, которыя бы выйдя замужъ продолжали заниматься своею профессіей. Благодаря субсидіямъ на беременность и на воспитаніе, получаемымъ семьями, женщины въ семьѣ не находятся въ зависимости отъ своихъ мужей.

— Въ сущности,—замѣтилъ Жанъ,—замужняя женщина выпол-

няетъ общественную обязанность: она родитъ и воспитываетъ дѣтей для будущаго человѣчества.

— Разумѣется,—сказалъ Фризе.—Но не находите ли вы, что было бы лучше не такъ тѣсно привязывать дѣтей къ ихъ родителямъ.

— Ваши разсужденія достойны стараго холостяка! — вскричалъ Дюшармъ.

— Въ дѣлѣ общественнаго воспитанія въ настоящее время зашли такъ далеко, какъ только возможно,—замѣтилъ Пьеръ.—Дѣти обѣдаютъ въ школѣ, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, и этого достаточно, чтобы развить у нихъ стремленіе къ общественной жизни. Я знаю, что пробовали даже устроить для дѣтей полный интернатъ съ цѣлью развить у нихъ чувство равенства и общественности, но это предпріятіе успѣха не имѣло.

— Да, матери семействъ отвергли почти единогласно это предложеніе,—сказала Генріетта, которая принесла жаркое и усѣлась возлѣ Дюшарма, разрѣзывавшаго мясо съ гримасою усилія.

— И хорошо сдѣлали!—вскричалъ Пьеръ.—У дѣтей, подвергнутыхъ такому режиму, развились бы вовсе не общественные инстинкты, а только грубость нравовъ. Вспомните мрачные интернаты, изображенные писателями прошлаго столѣтія такими отвратительными красками!

— Вы знаете,—прибавила она,—что теперь отказались даже отъ интернатовъ для сиротъ. Сироты распредѣляются теперь по семьямъ, которыя соглашаются взять на себя заботу о нихъ за извѣстное вознагражденіе. Эта система оказалась весьма удачной.

Фризе покачалъ головой и сказалъ:

— Но такимъ образомъ вы не только поддерживаете существованіе семейнаго эгоизма, мѣшающаго распространенію альтруизма, но отвлекаете значительное количество рабочихъ рукъ отъ промышленныхъ занятій, которыя содѣйствуютъ увеличенію общественнаго богатства.

Анна вспылила.

— Неужели вы думаете, что семейный эгоизмъ не находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ соціальнымъ альтруизмомъ, о которомъ вы говорите, и,—прибавила она съ легкимъ замѣшательствомъ,—о которомъ и я могу говорить, также какъ и вы, потому что я отказалась имѣть собственную семью.

— Любить всѣхъ, это часто есть способъ не любить никого!—замѣтила со вздохомъ старая Лаура. Она не могла утѣшиться, что у нея нѣтъ внуковъ, которыхъ она могла бы баловать.

Пьеръ былъ удивленъ, что Лагалинъ не поддерживаетъ Фризе въ этомъ спорѣ, но замѣтивъ, что анархистъ увлекся разговоромъ съ прекрасною вдовушкой, онъ пересталъ удивляться. Вѣроятно и Фризе сдѣлалъ такое же замѣчаніе, потому что онъ вдругъ умолкъ и уткнулъ носъ въ свою тарелку.

— Многое возвращается изъ прошлаго,—замѣтилъ Жанъ,—возстановляется, напримѣръ, домашняя жизнь, хотя, правда, въ другой формѣ.

— Да,—сказала Луиза.—Сначала холостяки, не желающіе заботиться о своемъ домѣ и бездѣтныя семьи обращались къ услугамъ экономокъ, а затѣмъ уже матери многочисленныхъ семействъ стали прибѣгать къ ихъ помощи. Въ настоящее время нашъ синдикатъ очень великъ. Работницы, артистки, учительницы и профессора, желающія продолжать свое дѣло и по выходѣ замужъ, обращаются къ нашему синдикату, который и доставляетъ имъ хозяекъ и эти хозяйки бываютъ помощницами и даже ученицами, но не служанками тѣхъ, для кого они работаютъ.

— Ученицами?—спросила Генріетта.—А это какъ?

— Да такъ. Есть много молодыхъ дѣвушекъ, имѣющихъ призваніе къ материнскимъ обязанностямъ. И вотъ пока онѣ сами не вышли замужъ, онѣ подготовляютъ себя къ этимъ обязанностямъ въ многочисленныхъ семьяхъ, гдѣ матери продолжаютъ заниматься своею профессіей.

Генріетта захлопала въ ладоши.

— Какъ, хорошо! Запишите меня въ свой синдикатъ,—сказала она съ увлеченіемъ, не стыдясь такимъ образомъ признаться, что она мечтаетъ о почетномъ положеніи матери семейства.

— Не находите ли вы, что это противорѣчитъ идеѣ равенства?—спросила Анна своего сосѣда насмѣшливымъ тономъ.

Фризе угрюмо проговорилъ:

— Что-жъ, если такъ будетъ продолжаться, то изъ любви къ семьѣ возстановятъ и наслѣдство.

— Да оно уже возстановлено,—замѣтилъ Дюшармъ весело.—Покидая этотъ міръ, надѣюсь это не скоро случится! я разсчитываю завѣщать моимъ троимъ дѣтямъ—pardon! четыремъ, все, что имѣю. Правда, я очень бы удивился, еслибъ это превратило ихъ въ капиталистовъ.

— Ну, не все идетъ въ счетъ. Но у насъ есть артисты, писатели, ученые, изобрѣтатели получающіе громадныя деньги.

— Да,—сказалъ Пьеръ.—Среди нихъ найдется не мало такихъ, которые не проживаютъ своихъ доходовъ и оставляютъ такимъ образомъ своимъ дѣтямъ настоящее наслѣдство въ томъ смыслѣ, въ какомъ его прежде понимали.

— И все же,—продолжалъ Пьеръ,—какъ бы ни любили родители своихъ дѣтей, а, пожалуй, даже и въ силу этой любви, лишь очень немногіе изъ нихъ оставляютъ дѣтямъ въ наслѣдство болѣе или менѣе значительную сумму. Притомъ же все рѣже встрѣчаются люди, которые зарабатываютъ слишкомъ большія суммы, превышающія ихъ средства потребленія. Мало-по-малу, благодаря распространенію образованія, которое доступно теперь всѣмъ, вслѣдствіе того, что оно безплатно, устанавливается извѣстный уровень распредѣленія богатствъ между всѣми участвующими въ общей соціальной работѣ.

Онъ хотѣлъ продолжать, но подали чай и кофе и разговоръ прервался.

VII.

Луиза безъ труда убѣдила Пьера сдѣлать визитъ дядѣ Роберту, который былъ большимъ домосѣдомъ. Пьеру вообще доставляли удовольствіе поѣздки въ деревню, а тутъ его прельщала еще возможность ближе познакомиться съ крестьянами, представлявшими остатокъ старины среди окружающаго ихъ прогресса всякаго рода, къ которому они до сихъ поръ оставались совершенно нечувствительными. Молодой профессоръ надѣялся вынести изъ этой экскурсіи много интересныхъ наблюденій, которыми онъ могъ бы потомъ подѣлиться со своими учениками.

Итакъ, въ одинъ прекрасный день молодые люди отправились въ деревню, гдѣ жилъ дядя Робертъ. Мѣстность кругомъ была холмистая и покрытаа хлѣбными полями. Деревни исчезали въ зелени рощъ, окружающихъ ихъ, и по этимъ рощамъ можно было догадываться о присутствіи деревни, какъ нѣкогда по высокимъ спицамъ колокольни, на которыхъ красовался символическій гальскій пѣтухъ.

На станціи Бретелль Луиза предложила не ждать поѣзда, а отправиться пѣшкомъ въ Тартиньи. Пьеръ, любившій ходить, охотно согласился. Онъ только что собирался выразить свое удивленіе Луизѣ, что она—парижанка, такъ любитъ ходить пѣшкомъ: въ Парижѣ вообще всѣ стали очень лѣнивы, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія и облегченія способовъ сообщенія, но она предупредила его, сказавъ:

— Это всего въ двухъ километрахъ отсюда.

— О, такъ это пустяки. Идемъ.

По дорогѣ, обсаженной деревьями, имъ повстрѣчался хорошенькій журчащій ручеекъ, черезъ который былъ перекинутъ мостикъ. Пьеръ и Луиза остановились полюбоваться на него.

— Любопытно, во что превращается далѣе этотъ прелестный ручеекъ,—замѣтилъ Пьеръ.

— Въ прачешную,—отвѣчала Луиза спокойно.

— Какъ! Такъ далеко отъ деревни?

— Съ незапамятныхъ временъ такого рода прачешныя служили форумомъ для женщинъ, гдѣ они могли вдали разсуждать о своихъ дѣлахъ... Впрочемъ,—прибавила она, послѣ минуты молчанія,—можетъ быть, прачешная устроена такъ далеко отъ деревни просто потому, что въ деревнѣ не хватаетъ воды. Вы вѣдь знаете, что деревня построена на склонахъ холма.

Пьеръ поднялъ голову и увидалъ съ лѣвой стороны деревни вѣтряную мельницу, построенную такимъ образомъ, чтобы ни пропадало даромъ ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка.

— О! О!—воскликнулъ онъ.—Страна эта, повидимому, также дремала, какъ и вашъ почтенный дядюшка Робертъ.

— О нѣтъ, вы увидите. Ни деревня, ни дядя нисколько не дремали.

За поворотомъ, близъ кладбища, они замѣтили еще мельницу, на возвышеніи съ правой стороны деревни.

— Посмотрите на эти проволоки, которыя выходятъ изъ мельницы направо,—указала Луиза.

— Да, я вижу теперь, что изъ мельницы налѣво также идутъ проволоки, укрѣпленныя на столбахъ. Приношу свои извиненія Тартиньи. Очевидно, эти мельницы служатъ вовсе не для того, чтобы молоть зэрно, а для добыванія электричества. Я даже...

Въ эту минуту изъ воротъ кладбища вышелъ старикъ съ заступомъ на плечѣ. Увидѣвъ его, Луиза вскрикнула отъ радости и бросилась къ нему на шею. Онъ также ласково обнялъ ее и, замѣтивъ Пьера, сказалъ:

— Твой женихъ! Поздравляю васъ обоихъ. Вы составляете хорошую пару. Я шелъ на станцію, чтобы встрѣтить васъ.

Указавъ затѣмъ на кладбище, дядя Робертъ прибавилъ:

— Проходя мимо, я зашелъ поздороваться съ вашею бѣдною теткой и поправить ея цвѣты... Не хотите ли посмотрѣть на ея могилу? Конечно, это не совсѣмъ подходящее мѣсто для такихъ молодыхъ, какъ вы, но не мѣшаетъ иногда вспоминать и мертвыхъ, имъ это безразлично, но живымъ это все-таки бываетъ полезно.

Пьеръ, входя на кладбище, тотчасъ же обратилъ вниманіе на то, что жители Тартиньи еще не ввели у себя сожженія умершихъ, но не сказалъ ни слова. Всѣ могилы исчезали подъ массою цвѣтовъ и памятниковъ было мало, да и тѣ, которые были, отличались строгостью и простотой. Очутившись возлѣ участка, гдѣ были похоронены предки той, которая должна была теперь продолжать ихъ родъ, Пьеръ почувствовалъ съ еще большею силой связь, соединяющую будущее съ прошедшимъ. Онъ даже не могъ удержаться отъ слезъ и оплакалъ этихъ неизвѣстныхъ ему родственниковъ, переживая въ душѣ то горе, которое нѣкогда причинила ихъ смерть близкимъ имъ людямъ.

— Вы никого не найдете въ деревнѣ,—сказалъ дядя Робертъ, прерывая размышленія молодыхъ людей.—У насъ теперь мертвый сезонъ. Здѣсь производятъ только хлѣбъ и до жатвы всѣ отдыхаютъ.

— Вотъ почему мы и надѣемся на васъ,—замѣтила Луиза.

— Да, да, я буду на свадьбѣ. Ну что-жъ, довольна ты?

Онъ прибавилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:

— Но когда это будетъ? Если вы назначите свою свадьбу во время жатвы, то ужъ вамъ придется обойтись безъ меня.

— Наша свадьба будетъ черезъ двѣ недѣли,—сказалъ Пьеръ.

— Ну такъ я буду. Я надѣюсь протанцовать съ племянницей.

Луиза не смѣла признаться ему, что она не умѣетъ танцовать и что обычай танцовать на свадьбахъ уже давно исчезъ.

— Ты видишь, дѣвочка,—сказалъ старикъ, указывая на поля, простирающіяся отъ кладбища вплоть до маленькаго лѣска.—Все это нѣкогда принадлежало Дюпармамъ. Да, имъ было надъ чѣмъ поработать, нашимъ предкамъ, съ ихъ ручными плугами и серпами! Но въ

настоящее время Дюшармы разсѣялись по городамъ, а тотъ который остался одинъ, послѣ того какъ его дорогая старушка покинула его, владѣетъ теперь всѣмъ этимъ пространствомъ,—онъ показалъ кругомъ,—конечно, вмѣстѣ съ другими. Намъ не хватаетъ только участка въ 12 гектаровъ, принадлежащаго моему кузену Фэми, который непремѣнно хочетъ самъ обрабатывать его. На этой недѣлѣ соберется синдикальный совѣтъ вмѣстѣ съ кантональнымъ совѣтомъ для обсужденія этого случая. Но Фэми будетъ стоять на своемъ и законъ на его сторонѣ... Но вотъ и онъ, Фэми! Здравствуй Фэми. Ты идешь со своего поля? Что же, оно все еще стоитъ на своемъ мѣстѣ? Община не отобрала его у тебя?

Фэми шелъ тяжелыми шагами имъ навстрѣчу по боковой тропинкѣ. Услышавъ, что его зовутъ, онъ поднялъ голову и узнавъ Роберта, крикнулъ ему:

— Поди-ка посмотри, какъ мой хлѣбъ уродился! Не хуже вашего, общинники! Кантонъ долженъ будетъ купить его у меня по той же цѣнѣ.

— Надо отдать ему справедливость,—замѣтилъ дядя Робертъ молодымъ людямъ.—Земля его обработана не хуже; у него даже меньше сорныхъ травъ, въ его покосѣ, чѣмъ въ кантональныхъ поляхъ... Его упорство и желаніе доказать превосходство индивидуальнаго труда надъ ассоціированнымъ имѣли, по крайней мѣрѣ, этотъ хорошій результатъ. Но только онъ живетъ какъ звѣрь въ своемъ логовищѣ. Онъ думаетъ только о своемъ полѣ и изнуряетъ себя работой. Посмотрите на него; вѣдь ему только пятьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ ему можно смѣло дать семьдесятъ пять.

Фэми подошелъ къ Роберту и его гостямъ. Пьеръ смотрѣлъ на этого стараго упрямца безъ насмѣшки и безъ презрѣнія и не удивлялся тому, что лицо его выражало благородство. Это былъ остатокъ той расы, преданной труду, которой ея болѣе утонченные потомки именно и были обязаны тѣмъ, что могли заниматься искусствами и содѣйствовать прогрессу цивилизаціи, не заботясь о хлѣбѣ. Онъ напоминалъ Пьеру тѣхъ неизвѣстныхъ мертвецовъ, которыхъ онъ только что оплакивалъ на кладбищѣ и Пьеръ чувствовалъ свою связь съ ними. Онъ былъ благодарнымъ должникомъ и наслѣдникомъ этого стараго земледѣльца, взиравшаго на него, однако, съ полнымъ равнодушіемъ.

— Если кантонъ захочетъ поступать справедливо, — продолжалъ Фэми,—то онъ заплатитъ мнѣ за этотъ хлѣбъ дороже, чѣмъ вамъ.

— Кантонъ не поступитъ справедливо,—посмѣялся надъ нимъ дядя Робертъ.—Но тебѣ, конечно, дадутъ столько, сколько нужно, чтобы жить. Что же касается твоихъ расходовъ... Держу пари, что ты откладываешь ежегодно, по крайней мѣрѣ, по одному тысячефранковому билету.

— Развѣ можно такъ смѣяться надъ бѣдными людьми!—воскликнулъ

Фэми, задѣтый за живое.—Откладывать деньги! Но что-жъ бы я сталъ съ ними дѣлать, еслибъ даже я могъ откладывать? Вѣдь я даже не могу увеличить свое помѣстье... Во всякомъ случаѣ, это несправедливо! Отчего кантонъ не согласился закрѣпить за мною четыре добавочныхъ гектара земли, о которыхъ я просилъ; вѣдь я же въ состояніи былъ ихъ обработать! Я давалъ за нихъ хорошую цѣну. Это было бы выгодно для всѣхъ.

— Вы бы могли увеличить свои владѣнія, не спрашивая у кантона новой концессіи,—замѣтилъ Пьеръ.

— Что-жъ бы я долженъ былъ бы сдѣлать по вашему?—спросилъ Фэми съ насмѣшливымъ видомъ.—Вѣдь не могу же я растянуть землю какъ кусочекъ резинки!

— Нѣтъ,—смѣясь отвѣчалъ Пьеръ,—но вы можете засѣять ее такими продуктами, которые дадутъ лучшій урожай.

— Мой отецъ сѣялъ хлѣбъ на этихъ поляхъ, мой дѣдъ также, и всѣ мои предки вплоть до тѣхъ временъ, когда люди впервые научились воздѣлывать землю. И я буду сѣять хлѣбъ, пока не отправлюсь къ праотцамъ. Пусть другіе дѣлаютъ, что хотятъ, и я буду также дѣлать что хочу. Мнѣ нравится только такая обработка земли и я былъ бы счастливъ, еслибъ мнѣ и предоставили воздѣлывать землю въ такомъ количествѣ, въ какомъ я хочу.

— Мы и такъ производимъ слишкомъ много хлѣба,—сказалъ дядя Робертъ.

— Кто говоритъ это?—спросилъ съ живостью Фэми.

— Статистика. Объ этомъ говорили прошлый разъ въ земледѣльческомъ синдикатѣ. Потребители меньше спрашиваютъ хлѣба съ тѣхъ поръ, какъ могутъ получать въ изобиліи мясо и самыя разнообразныя овощи. Уже въ южныхъ областяхъ Франціи замѣнили культуру злаковъ разведеніемъ плодовъ, огородничествомъ и скотоводствомъ. Очень возможно, что намъ предложатъ теперь засѣивать лишь половину или треть нашей земли злаками, а вмѣсто этого, мы будемъ разводить свеклу или же кормовыя растенія.

— Пусть синдикатъ дѣлаетъ, что хочетъ. Хлѣбъ питаетъ человѣка и надо сѣять хлѣбъ.

— Дѣлай, какъ тебѣ угодно. Но только я предупреждаю тебя, что тебѣ не удастся отложить кругленькую сумму послѣ продажи твоей жатвы.

— Ба! А англичане на что?

— Они требуютъ меньше хлѣба въ этомъ году, чѣмъ въ предшествующемъ. Берегись.

Такимъ образомъ, споря, всѣ дошли до деревни. Нѣсколько женщинъ, стоявшихъ у своихъ домовъ, поклонились имъ, когда они проходили мимо. Дядя Робертъ, не останавливаясь, представлялъ имъ Луизу и Пьера. Фэми покинулъ ихъ у самой деревни.

Дядя Робертъ жилъ въ старомъ фамильномъ домѣ Дюшармовъ. Въ большихъ и высокихъ комнатахъ, куда Пьеръ и Луиза вошли съ чувствомъ благоговѣнія, стояла скудная массивная старинная мебель. Обойдя весь домъ, они вошли въ кухню, гдѣ молодая толстощекая дѣвушка кончала накрывать на столъ.

Они позавтракали на-скоро и дядя Робертъ повелъ ихъ въ садъ, которымъ онъ справедливо гордился. Но въ этомъ саду не было ни одного фруктоваго дерева и ни одного огороднаго растенія. На замѣчаніе Луизы дядя Робертъ сказалъ, что въ сосѣднихъ деревняхъ достаточно разводятъ полезныхъ растеній, такъ что ему незачѣмъ этимъ заниматься.

— Мы живемъ по-американски,—прибавилъ онъ. Въ этой деревнѣ, исключительно занимающейся культурой хлѣба, вы не найдете ни одной коровы, даже у этого стараго реакціонера Фэми. Кое кто у насъ имѣетъ лошадей, но и то для своего собственнаго удовольствія... Ахъ! то время уже далеко, когда крестьянинъ долженъ былъ своимъ собственнымъ трудомъ добывать себѣ все, что ему было нужно для существованія. Единственнымъ остаткомъ старины въ данномъ случаѣ является у насъ разведеніе свиней, которыя откармливаются нашими помоями и остатками кухонной стряпни; муниципалитетъ разводитъ ихъ для рождественскаго пира, когда, по традиціи, ѣдятъ свиное мясо.

— Какъ, у васъ нѣтъ лошадей? — воскликнулъ Пьеръ. Но какже вы, въ такомъ случаѣ, доставляете свою жатву на станцію желѣзной дороги?

— Во-первыхъ, мы молотимъ зерно на мѣстѣ. А затѣмъ, развѣ ты не замѣтилъ, что всѣ тропинки, примыкающія къ нашимъ полямъ, снабжены воздушными электрическими проволоками? Мы соединяемъ съ ними наши повозки, нагруженныя зерновымъ хлѣбомъ и безъ всякаго труда уже направляемъ ихъ къ наиболѣе близкой изъ станцій. Что же касается соломы, такъ какъ потребленіе ея значительно уменьшилось, то мы закапываемъ ее въ землю при обработкѣ полей, ускоривъ разложеніе ея посредствомъ спеціальныхъ ферментовъ. Она образуетъ превосходное удобреніе... Но мы говорили объ огородникахъ. Хотите повидать ихъ? У меня какъ разъ есть дѣло въ Пальярѣ. Это недалеко и моя лошадка доставитъ насъ туда въ полчаса.

Луиза подпрыгнула отъ радости, что она поѣдетъ въ экипажѣ, запряженномъ лошадью. Дядя Робертъ повелъ ихъ въ конюшню и представилъ имъ свою лошадку — «Гризонъ».

Скоро наши путешественники попали изъ области обработанныхъ полей въ область луговъ, гдѣ паслись безчисленныя стада. Пьеръ, однако, замѣтилъ, что многочисленные мостики, сдѣланные изъ стволовъ деревьевъ и перекинутые черезъ живописную рѣчонку, были загорожены рѣшетками.

— Разведеніе скота еще не вполнѣ соціализировано,—сказалъ дядя

Робертъ, но луга эти уступлены обществу скотоводовъ. Большинство животныхъ принадлежитъ этому обществу, но за извѣстную плату общество допускаетъ въ свои выгоны животныхъ, довѣряемыхъ ему частными лицами. Такимъ образомъ, возникаетъ весьма полезное соревнованіе относительно способовъ разведенія и откармливанія скота и, въ концѣ концовъ всѣ извлекаютъ изъ этого выгоду.

По склонамъ холма, какъ и въ долинѣ, были только пастбища, но условія почвы допускали здѣсь кромѣ того и культуру плодовыхъ деревьевъ, тогда какъ въ долинѣ росли одни только тополя, поднимавшіе свои верхушки къ небу, да ивы погружавшія свои блѣдно-желтыя вѣтви въ прозрачныя воды рѣчки.

— Тутъ вы видите второй родъ промышленности, которымъ занимаются въ Пальярѣ,—замѣтилъ дядѣ Робертъ.—На этихъ плодовыхъ деревьяхъ растутъ яблоки, которыя славятся на весь округъ. Изъ нихъ приготовляютъ сидръ, который, простоявъ въ бутылкѣ полгода, можетъ поспорить съ шампанскимъ. Но культура этихъ яблокъ не носитъ обязательнаго характера и кантонъ сдаетъ участки земли въ аренду, на одинъ годъ или на нѣсколько лѣтъ, тѣмъ, кто хочетъ заниматься другою культурой,—только право на выгоны сохраняется за обществомъ скотоводовъ.

Ни одного клочка земли не пропадало даромъ въ отгороженныхъ легкою изгородью участкахъ. Вода, посредствомъ гидравлической машины, была проведена на вершины двухъ холмовъ и распредѣлялась по всѣмъ участкамъ, гдѣ зеленѣли сотни самыхъ разнообразныхъ сортовъ овощей и ягодныхъ кустарниковъ, посаженныхъ шпалерами около грядъ.

Пьеру теперь стало понятно, что деревни пріобрѣли привлекательность, которой имъ такъ не хватало прежде. Вслѣдствіе этого прекратилось движеніе населенія изъ деревни въ города и деревнямъ перестала грозить опасность обезлюдѣнія.

— Въ прежніе времена,—сказалъ онъ—крестьянинъ питался хуже всѣхъ во Франціи. Только самыя грубыя овощи, да три или четыре сорта фруктовъ изрѣдка появлялись на его столѣ. Но теперь, благодаря развитію огородной культуры въ деревнѣ ѣдятъ не хуже, чѣмъ въ городахъ, и, это разумѣется, составляетъ прогрессъ, которымъ пренебрегать не слѣдуетъ. Кромѣ того синдикатъ привилъ крестьянамъ любовь къ обществу и крестьяне начали устраивать ассоціаціи, преслѣдующія различныя художественныя и интеллектуальныя цѣли. Теперь вы не найдете деревни, гдѣ бы не было своего музыкальнаго или пѣвческаго общества и клубовъ и ассоціацій для общественныхъ игръ, спорта и театральныхъ представленій.

— Не считая того, что благодаря ускоренію и облегченію способовъ передвиженія, мы можемъ, когда угодно, въ свободное время, ѣхать въ Парижъ и Амьенъ и не чувствовать себя тамъ чужими.

Въ этотъ моментъ Гризонъ сама остановилась.

— Ага!—вскричалъ дядя Робертъ съ удивленіемъ.—Неужели Гризонъ догадалась, что мы ѣдемъ къ Марживалю?

— Да, она знала это,—раздался веселый голосъ Марживаля. — Я издали уже распозналъ ея топотъ и спрашивалъ себя, неужели Гризонъ проскачетъ мимо дома и не остановится, чтобы поздороваться съ нами. Съ удовольствіемъ вижу, что она сохранила о насъ добрыя воспоминанія.

Толстякъ Марживаль ласково трепалъ Гризона по спинѣ, пока дядя Робертъ и его гости вылѣзали изъ экипажа.

— Вы должно быть умираете отъ жажды, друзья, наглотавшись столько пыли,—сказалъ онъ обращаясь къ пріѣхавшимъ.

Онъ повелъ своихъ гостей въ домъ, а одинъ изъ его сыновей выпрягъ Гризонъ и отвелъ ее въ конюшню.

— Я угощу васъ сидромъ первѣйшаго качества,—сказалъ онъ.

— Я боялся, что вы уже уѣхали на берегъ моря,—замѣтилъ дядя Робертъ.

— О нѣтъ! Мы никогда не уѣзжаемъ всѣ вмѣстѣ. Жена моя, съ двумя взрослыми дочерьми, находится тамъ; я же ожидаю своей очереди съ моими тремя мальчуганами, которые не даютъ мнѣ покоя, требуя, чтобы я повезъ ихъ въ Пиренеи, но, представь себѣ, самый младшій изъ нихъ вбилъ себѣ въ голову непремѣнно посѣтить Норвегію и Шотландію.

— Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго,—замѣтила Луиза.—Вы можете отправить его со школьнымъ караваномъ.

— Ахъ! не говорите этого при немъ, citoyenne,—воскликнулъ Марживаль. — Онъ будетъ безъ конца приставать ко мнѣ и не оставитъ меня въ покоѣ, пока я не соглашусь... Да вотъ и онъ, нашъ путешественникъ!—указалъ онъ на десятилѣтняго мальчугана, который несъ двѣ корзины съ бутылками сидра съ важностью настоящаго эконома.

— Вы навѣрное любите разсказы о путешествіяхъ?—спросила его Луиза.

— Да,—отвѣчалъ мальчикъ, смѣясь,—за неимѣніемъ лучшаго!

— Куда же вы хотѣли бы отправиться?

— Куда-нибудь далеко. Все равно куда, только бы куда-нибудь подальше.

— Вамъ, значитъ, не нравится здѣсь?

— Нравится, но навѣрное мнѣ понравится еще больше, послѣ того какъ я попутешествую.

— А вамъ не будетъ грустно покинуть своихъ родителей?

— Нѣтъ, потому что я знаю, что они здоровы. И притомъ по возвращеніи я бы могъ имъ разсказать о томъ, что я видѣлъ, и кромѣ того, я бы имъ часто писалъ.

Марживаль раскупорилъ сидръ. Пробка вылетѣла съ шумомъ и

свѣжая пѣнистая жидкость заискрилась въ стаканахъ. Всѣ нашли сидръ превосходнымъ. Старшій изъ сыновей, покончивъ хлопоты съ Гризонъ, пришелъ за своей долей.

— Онъ только что кончилъ курсъ въ агрономическомъ институтѣ, сказалъ про него Марживаль. — Любовь приковываетъ его къ здѣшнимъ мѣстамъ и онъ постарается примѣнить тутъ свои химическія познанія, какъ только его примутъ въ общество огородниковъ.

Рѣчь его была прервана громкимъ электрическимъ звонкомъ.

— Какъ, у васъ есть телефонъ?—спросилъ изумленно Пьеръ.

— Да, Жоржъ, другъ мой, поди поговори.

Старшій сынъ Марживаля вышелъ, но затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ снова появился.

— Citoyen Даванъ, бюро Тартиньи васъ проситъ къ аппарату,—сказалъ онъ.

Удивленный этою неожиданностью, Пьеръ пошелъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. На лицѣ Луизы промелькнула тѣнь безпокойства.

— Только бы это не были какія-нибудь дурныя вѣсти изъ Парижа,— пробормотала она.

— Да вѣдь, вы всего еще только три часа какъ оттуда уѣхали,— сказалъ дядя Робертъ,—какихъ же дурныхъ вѣстей ты ждешь оттуда?

Въ эту минуту подошелъ Пьеръ. Лицо у него у него было блѣдно и разстроено.

— Печальное событіе,—отвѣтилъ онъ на безмолвный вопросъ, обращенный къ нему присутствующими. — Citoyenne Готерошъ, министръ народнаго просвѣщенія, умерла внезапно вчера вечеромъ...

— Да развѣ утромъ вы этого не знали, до своего отъѣзда?

— Нѣтъ, я такъ торопился уѣхать, что даже не спрашивалъ о новостяхъ.

— Она была изъ числа вашихъ друзей?

— Я ее почти не знаю.

— Такъ почему же васъ такъ огорчаетъ ея смерть?

— Меня извѣщаютъ, что генеральный синдикатъ просвѣщенія указалъ на меня, какъ на замѣстителя умершей.

— Министръ! — воскликнулъ весело Марживаль. — И васъ это огорчаетъ?

— Вы можете отказаться,—сказала Луиза.

— Вы мнѣ совѣтуете это?—спросилъ Пьеръ.

— Нѣтъ, мой другъ. Власть въ наше время составляетъ обузу въ истинномъ смыслѣ этого слова; уклоняться отъ нея вы не имѣете права.

— За здоровье citoyen министра!—воскликнулъ Марживаль, наполняя стаканы.

VIII.

Засѣданіе совѣта въ это утро представляло особенную важность. На востокѣ снова началось броженіе и самые разнообразные внутренніе и внѣшніе элементы оспаривали тамъ первенство другъ у друга. Пьеръ, разбирая почту въ своемъ бюро, нашелъ записку тайнаго исполнительнаго комитета сирійскихъ демократовъ, угрожающихъ смертью измѣнникамъ. Записка подразумѣвала подъ этимъ его коллегъ и его самого и была подписана: «Le vieux de la Montagne» («Старецъ горы»).

— Хорошо!—сказалъ онъ улыбаясь.—Мы будемъ, значитъ, вести пренія подъ угрозою кинжала убійцъ. Неужели они воображаютъ, что мы готовы вызвать кровопролитіе изъ-за трехъ или четырехъ національностей, пререкающихся тамъ на берегахъ Евфрата изъ-за права первенства? Вѣроятно, и мои коллеги получили такое же предостереженіе, но думаю, что оно на нихъ также мало подѣйствовало, какъ и на меня.

Въ назначенный часъ совѣтъ былъ въ полномъ сборѣ. Президентъ, завѣдующій внѣшними сношеніями, предложилъ, въ виду важности событій, отложить до слѣдующаго засѣданія обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ.

— Сообщили ли вы муниципалитету о полученной каждымъ изъ насъ угрожающей запискѣ? — спросилъ Танкредъ голосомъ, слегка измѣненнымъ отъ волненія.

— Да,—отвѣчалъ президентъ,—но лишь для очистки совѣсти!—при этомъ онъ скептически улыбнулся и прибавилъ: — исключительно для того, чтобы муниципалитетъ не имѣлъ права обвинять насъ въ томъ, что мы скрываемъ факты, относящіеся къ вѣдѣнію полиціи.

— Но эта угроза можетъ имѣть серьезное значеніе,—настаивалъ Танкредъ. — Востокъ — страна фанатизма и тайныхъ обществъ. Эта записка, подписанная «Le vieux de la Montagne»—признаюсь откровенно—заставила меня содрогнуться.

Слова Танкреда побудили также и министра финансовъ высказать свои опасенія.

— Агитація по поводу сирійскаго вопроса ведется очень усердно,—сказалъ онъ.—Каждый вечеръ происходятъ собранія различныхъ политическихъ группъ, причемъ наибольшій успѣхъ имѣютъ, конечно, самыя зажигательныя рѣчи и резолюціи. Во французской расѣ какъ-будто просыпаются воинственныя инстинкты. Партія, желающая эксплуатировать столкновеніе между курдами и сирійцами возрастаетъ съ каждымъ днемъ и насъ пожалуй вынудятъ вмѣшаться.

— Мы воздержимся отъ этого и постараемся вразумить общественное мнѣніе,—сказалъ президентъ.—Востокъ, отъ Дуная до Инда, находится подъ протекторатомъ державъ, образовавшихъ condominium. Но, къ несчастью, у каждой изъ этихъ державъ есть свои кліенты

*

среди этого смѣшенія народовъ, раздѣленныхъ языкомъ и религіей... Мы не можемъ въ одиночку проводить свою политику въ Малой Азіи и третейскій трибуналъ немедленно призвалъ бы насъ къ порядку, а еслибъ мы не обратили на это вниманія, то намъ пришлось бы воевать со всей Европой.

— Сирійскій комитетъ, вѣроятно, и самъ не думаетъ, что онъ можетъ заставить насъ своими угрозами поступить такъ, какъ мы считаемъ опаснымъ для мира и вреднымъ для интересовъ сирійской національности,—замѣтилъ Пьеръ.

— Когда этотъ народъ привыкнетъ къ правильному труду,—сказалъ министръ промышленности,—то онъ перестанетъ воображать, что подобнаго рода вопросы рѣшаются при помощи ружей.

— У насъ, вѣдь, тоже прежде не было ни равенства, ни свободы,—прибавилъ Пьеръ,—но мы пріобрѣли все это. Пусть же сирійцы и армяне тоже достигаютъ этого. Нашъ опытъ могъ бы ихъ избавить отъ многихъ волненій.

— Также какъ нашъ промышленный и экономическій опытъ избавляетъ ихъ отъ необходимости пробираться ощупью и отъ многихъ бѣдствій, которыя пришлось испытать нашимъ предшествующимъ поколѣніямъ,—прибавилъ министръ промышленности.

— Странное дѣло!—воскликнулъ министръ финансовъ.—Вотъ уже болѣе столѣтія Европа пользуется миромъ и націи уже болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ освободились отъ бремени военныхъ вооруженій, которыя признаны теперь ненужными. Между тѣмъ, среди насъ, у нашихъ сосѣдей и во Франціи, все еще остаются не совсѣмъ потухшія головешки воинственнаго шовинизма, которыя легко могутъ запылать снова.

— Еслибъ мы собрались тутъ для философствованія, а не для того, чтобы управлять республикой, то это обстоятельство могло бы послужить для насъ богатой темой для разсужденія,—замѣтилъ Пьеръ.— Но теперь намъ остается только придумать способъ, какъ оградить себя отъ пожара, который готовъ вспыхнуть на востокѣ. Позаботимся объ увеличеніи на востокѣ числа школъ и національныхъ банковъ. Учредимъ побольше стипендій для тамошней молодежи, отправляющейся въ Европу. Пусть банкъ поощряетъ устройство фабрикъ и утилизацію плодородныхъ земель. Будемъ содѣйствовать пробужденію мусульманскихъ народностей, развивая у нихъ демократическія воззрѣнія корана.

Пренія продолжались еще нѣсколько времени, вращаясь, главнымъ образомъ, около вопроса, слѣдуетъ или нѣтъ сохранить европейскій протекторатъ на востокѣ? По мнѣнію Пьера, Сирія, предоставленная самой себѣ, неминуемо превратилась бы въ поле битвъ и начались бы взаимныя избіенія и кровопролитія.

— Намъ грозитъ серьезная агитація,—сказалъ министръ финансовъ.—Въ палатѣ будутъ сдѣланы запросы по этому поводу сегодня же и

часъ, конечно, обвинятъ въ томъ, что мы производимъ насилія надъ націей, которая желаетъ быть независимой. Сколько прекрасныхъ рѣчей будетъ произнесено по этому случаю!

— О, да,—замѣтилъ президентъ флегматично.—Но вѣдь можно также составить недурную рѣчь, взявъ для нея темой изображеніе того, что неминуемо произойдетъ, когда мы прекратимъ свой надзоръ на востокѣ. Во всякомъ случаѣ, нечего опасаться подобныхъ рѣчей. Никакія инсинуаціи теперь не страшны. То время прошло, когда дипломатія могла вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе страны, посредствомъ цѣлаго сплетенія лжи и побуждать страну къ крайностямъ. Теперь всегда есть возможность очень быстро навести справки и проконтролировать всякое свѣдѣніе, поэтому-то ложныя сообщенія становятся, къ счастью, все бо́льшею и бо́льшею рѣдкостью.

— О, конечно, палата одобрила-бы наши поступки и то, что мы не хотимъ впутываться въ сирійскія дѣла и выдавать себя за спеціальныхъ покровителей сирійской національности, которую, будто бы, угнетаютъ ея сосѣди,—замѣтилъ Танкредъ,—но, тѣмъ не менѣе, муниципалитетъ хорошо сдѣлаетъ, если усилитъ надзоръ за дѣйствіями сирійскаго комитета и его парижскихъ сочленовъ.

— Очевидно на васъ подѣйствовала угроза «Vieux de la Montagne»,—сказалъ смѣясь Пьеръ.

Засѣданіе было кончено и делегаты встали потягиваясь.

— Позавтракайте со мной,—обратился Пьеръ къ Танкреду.

— Съ удовольствіемъ. Но надо поторопиться. Теперь часъ, а въ два снова назначено засѣданіе.

— Такъ пойдемъ въ ближайшій ресторанъ.

Черезъ пять минутъ они уже входили въ столовую клуба «Automobile», членомъ котораго Пьеръ состоялъ. Не успѣли они занять мѣсто, какъ противъ нихъ за сосѣднимъ столикомъ усѣлся чрезвычайно элегантный молодой человѣкъ, съ очень смуглымъ лицомъ. Неизвѣстно почему, но это сосѣдство подѣйствовало непріятно на Пьера; онъ чувствовалъ какую-то странную неловкость, хотя молодой человѣкъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ. Онъ заказалъ себѣ завтракъ и погрузился въ чтеніе газеты.

Пьеръ всячески старался избавиться отъ ощущенія стѣсненія, которое было ему непріятно. Въ сущности въ этомъ молодомъ человѣкѣ не было ничего, чѣмъ бы можно было объяснить то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на Пьера.

Танкредъ началъ расхваливать министра внѣшнихъ сношеній и Пьеръ чувствовалъ, какъ его охватываетъ какой-то ужасъ. «Ужъ не боленъ ли я»? подумалъ онъ и невольно взглянулъ на молодого человѣка, который внимательно читалъ газету. Пьеръ понялъ въ эту минуту, что именно этотъ молодой человѣкъ былъ причиною страннаго состоянія, которое онъ испытывалъ; онъ готовъ былъ даже бѣжать изъ ресто-

рана. Ему пришло было въ голову разспросить гарсона объ этомъ незнакомцѣ, но онъ не сдѣлалъ этого изъ боязни, что гарсонъ разгадаетъ его ощущенія. Все это было до крайности нелѣпо, но по мѣрѣ того, какъ внутренній страхъ усиливался, Пьеръ терялъ способность соображенія, и слова Танкреда доносились до него словно издалека и онъ не понималъ ихъ. Вдругъ ему пришло въ голову, что членовъ клуба «Автомобиль» слишкомъ много и они не могутъ знать другъ друга въ лицо. Эта мысль выразилась у него въ словахъ, которыми онъ прервалъ рѣчь Танкреда:

— Знаете ли, мой милый, что насъ, по крайней мѣрѣ, шесть тысячъ членовъ клуба «Автомобиль»!

Танкредъ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Какія отношенія могъ имѣть анекдотъ, который онъ разсказывалъ своему коллегѣ, къ этому числу членовъ клуба?

— Точная цифра: шесть тысячъ триста двадцать два,—замѣтилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ, посмотрѣвъ поверхъ своей газеты.

Пьеръ поблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы, съ ужасомъ спрашивая себя, зачѣмъ онъ вмѣшался въ разговоръ. Страхъ, на мгновеніе оставившій его, съ новою силой охватилъ его, путая его мысли. Пьеръ сознавалъ, что становится глупымъ, а между тѣмъ Танкредъ, досказавъ свой анекдотъ, началъ хвалить его рѣчь сказанную во время засѣданія. Молодой человѣкъ бросилъ читать газету и съ жадностью прислушивался къ разговору.

— Въ сущности вы правы, — сказалъ онъ Пьеру, чувствовавшему на себѣ взглядъ незнакомца, который преслѣдовалъ его, словно кошмаръ, и наполнялъ ужасомъ его душу.—Сирійскій народъ еще не созрѣлъ для самоуправленія...

Въ этотъ моментъ Пьеръ увидалъ, что молодой человѣкъ всталъ со своего мѣста и приблизился къ нему, вынувъ изъ кармана револьверъ.

— Во всякомъ случаѣ, народъ этотъ достаточно созрѣлъ, чтобы мстить своимъ притѣснителямъ! — вскричалъ незнакомецъ громовымъ голосомъ.

Пьеръ увидалъ дуло револьвера, направленное на его грудь. Раздался слабый трескъ и онъ упалъ.

Когда Пьеръ пришелъ въ себя, то прежде всего онъ различилъ голоса своихъ пріятелей, Лагалина и Фризе, которые о чемъ-то спорили по обыкновенію. Это нѣсколько успокоило Пьера насчетъ его собственнаго состоянія.

— Ну, что мой другъ, довольны ли вы своею экскурсіей?—послышался голосъ доктора.

Пьеръ вскочилъ. Онъ теперь окончательно проснулся и увидалъ, что находится въ своемъ саду. Лагалинъ и Фризе перестали спорить и смотрѣли на него съ участіемъ, а докторъ, нагнувшись надъ нимъ,

слегка обдувалъ его лобъ, покрытый потомъ. Однако, Пьеръ все-таки не могъ сразу сообразить, что онъ проснулся отъ гипнотическаго сна.

— Сиріецъ арестованъ?—спросилъ онъ властнымъ тономъ.—Надо, чтобы онъ назвалъ своихъ сообщниковъ. Увѣдомили ли президента совѣта?

Потомъ, обратившись къ доктору, прибавилъ:

— Вамъ удалось вынуть пулю? Я страдаю!..

— Это странно,—проговорилъ докторъ и, разстегнувъ жилетъ и рубашку Пьера, вскрикнулъ отъ удивленія:

— Вотъ она—сила внушенія!

На груди Пьера виднѣлось крупное пятно, образовавшееся вслѣдствіе кровоподтека. Когда докторъ дотронулся до него рукой, то Пьеръ вскрикнулъ отъ боли.

— Вамъ приснилось, что въ васъ выстрѣлили, мой другъ.

Докторъ еще разъ подулъ ему въ лицо и прибавилъ:

— Ну вотъ, вы теперь совсѣмъ проснулись, неправда ли?

— Но... этотъ сиріецъ?

— Сиріецъ испарился, вмѣстѣ съ вашимъ сновидѣніемъ... Вы встрѣтите его въ 1999 г., если предчувствіе васъ не обманываетъ.

— Ба!—воскликнулъ Пьеръ, совершенно оправившись.—Я не очень-то тороплюсь.

— Что же, вы, повидимому, довольны вашей экскурсіей въ міръ будущаго? Мнѣ хочется разсказать вашъ случай въ медицинской газетѣ.

— Погодите, я самъ опишу его, — сказалъ Пьеръ. — Это меня позабавитъ.

— Итакъ, вы возвращаетесь къ намъ не изъ ада? — замѣтилъ докторъ.

— Но и не изъ рая.

— Я такъ и думалъ.

— Увѣрены ли вы, что все непремѣнно произойдетъ такъ, какъ вы это устроили въ своемъ воображеніи? — спросилъ Фризе своимъ медленнымъ тономъ.

— О нѣтъ,—отвѣчалъ Пьеръ.—Но я все-таки хочу это разсказать.

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬБОВА.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старый хламъ.

X.

Однообразная лента пустынной и скучной дороги, въ унылую осеннюю пору, ведущая въ какую-то туманную мглу, гдѣ нельзя разобрать, что̀ дальше, тамъ, впереди, и когда кончится эта дорога, и куда, и къ чему она должна привести?..

Таковы ученическіе годы Павла Иваныча.

Все такъ непонятно и трудно кажется ему въ этихъ книжкахъ, по которымъ онъ готовитъ уроки, но онъ знаетъ, что ему нужно учиться, потому что всѣ мальчики учатся и стараются получать хорошіе баллы... Онъ тоже старается... Но еслибъ вы знали, какъ ему это трудно,—Боже, какъ это трудно ему!

Есть такіе счастливцы, коимъ ученье дается легко, безъ стараній, и вотъ все-таки они считаются лучшими, ихъ ставятъ въ примѣръ... А онъ лѣзетъ изъ кожи, онъ знаетъ самъ про себя, что лѣзетъ изъ кожи, и все-таки, какъ ничтожны получаемые отъ того результаты!

Вся бѣда отъ того, что у него нѣтъ *своихъ словъ*, и онъ потому долженъ „зубрить“ все на память... Бывало, кажется, выучилъ. Чего еще больше? Въ головѣ отлично все помнится... А вышелъ лишь отвѣчать, открылъ, было, ротъ — и баста, ни съ мѣста!.. Да! нѣтъ, совершенно нѣтъ у него *своихъ словъ*!

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, 1901 г.

Почему онъ не такой, какъ Лубковъ, Каратаевъ, Четыркинъ, даже Скворешниковъ? Какъ они веселы, ничего не боятся, и въ гимназіи ведутъ себя будто дома!.. А онъ каждый разъ тяжело, подневольно отправляется въ классы, съ гнетущимъ сознаніемъ, что имъ не все приготовлено, и ожидаетъ, что сегодня надъ нимъ неизбѣжно стрясется бѣда... Съ первымъ звонкомъ въ корридорѣ гимназіи, послѣ коего всѣ ученики должны сидѣть по мѣстамъ, онъ начинаетъ уже замирать, и замираетъ все время отъ страха, что, вотъ-вотъ, его вызовутъ... И опять-таки, главное, это отъ того происходитъ, что у него нѣтъ *своихъ словъ*!

„О чемъ только вы думаете? Скажите мнѣ, Бога ради, о чемъ только вы думаете?!“—съ негодованіемъ допытывается отъ него „математикъ“ въ то время, какъ Елкинъ, терзаясь предсмертною мукой приговореннаго къ казни, томится у черной доски надъ рѣшеніемъ уравненія съ двумя неизвѣстными... Со всѣмъ напряженіемъ своихъ умственныхъ силъ онъ вывелъ длинную линію цифръ, все пуще и пуще про себя убѣждаясь, что въ результатѣ должна получиться безсмыслица...

Съ позоромъ возвратившись на мѣсто, онъ сидитъ нѣсколько времени въ мрачномъ отчаяніи. Но затѣмъ это чувство въ немъ притупляется, смѣняясь покорнымъ сознаніемъ, что этому такъ и суждено уже быть, что тутъ уже ровно ничего не подѣлаешь!

Утѣшительно думать, что не вѣкъ же вѣдь онъ будетъ учиться, и когда-нибудь все это кончится... Только, о Господи!—когда все это кончится?.

. . . . . .

„А вотъ же и кончилось... Вотъ и я ничего, слава Богу, какъ всѣ люди, не хуже другихъ“...—размышляетъ теперешній Павелъ Иванычъ, отрываясь на мигъ отъ минувшаго и вперяя задумчивый взоръ въ стоящій передъ нимъ на столѣ стаканъ простывшаго чаю.

Елкинъ долго и пристально созерцаетъ этотъ стаканъ, который, наконецъ, расплывается туманнымъ пятномъ, и сквозь него обрисовывается скуластая рожица, съ бойкими темными глазками и топорщащимися во всевозможныя стороны вихрами огненно-рыжихъ волосъ... Павелъ Иванычъ узнаетъ въ ней Скворешникова—не того Скворешникова, Семена Семеныча, коего нынѣ онъ знаетъ, какъ своего сослуживца, смотрителя бураго дома, а попросту Сеньку, товарища по гимназіи и закадычнаго друга...

Онъ подмигиваетъ Павлу Иванычу и говоритъ ему:

— Здравствуй.

Павелъ Иванычъ отвѣчаетъ ему безмолвнымъ пожатіемъ руки.

— Чего ты копался? Ужъ я жду, жду... Хотѣлъ ужъ одинъ уходить!

Павелъ Иванычъ сперва думаетъ было отвѣтить, что онъ немного проспалъ, но затѣмъ предпочитаетъ за лучшее оставить при себѣ свое объясненіе.

— Что же, идемъ?—спрашиваетъ снова Скворешниковъ.

— Идемъ,—отзывается Елкинъ.

Отвѣтъ его робокъ и нерѣшителенъ, вслѣдствіе чего компаньонъ быстро взглядываетъ на Павла Иваныча и замѣчаетъ подозрительнымъ тономъ:

— Ты, кажется, трусишь?

— Нѣтъ, что ты!—возражаетъ Павелъ Иванычъ, и прибавляетъ, придавъ голосу тонъ удальства:—Ну ихъ, къ чертямъ!

— Трогаемъ, значитъ!—восклицаетъ Скворешниковъ.

Разговоръ происходитъ за воротами бураго дома, гдѣ Елкина поджидаетъ Скворешниковъ. Онъ сынъ одного изъ сторожей департамента, и такъ какъ обоимъ товарищамъ лежитъ одна и та же дорога въ гимназію, то они всегда путешествуютъ вмѣстѣ. Тотъ изъ нихъ, коему случится выйти изъ дому раньше, всегда поджидаетъ другого. Эти совмѣстныя путешествія въ классы, вызванныя близкимъ сосѣдствомъ по ихъ мѣсту жительства, укрѣпили между обоими тѣсную дружбу. Они и въ гимназіи сидятъ тоже вмѣстѣ.

На улицѣ холодно, и потому оба друга спѣшатъ во всю мочь. Скворешниковъ бодро шагаетъ журавлиными своими ногами, и видно, что въ ветхомъ его пальтецѣ, изъ коего онъ давно уже выросъ, морозъ ему совсѣмъ нипочемъ. Елкинъ насилу за нимъ поспѣваетъ, то семеня мелкимъ шажкомъ, то пускаясь въ припрыжку, и все-таки зябнетъ. Онъ даже дрожитъ. Онъ дрожитъ отъ озноба и еще по одному обстоятельству, которое таитъ про себя... Онъ, дѣйствительно, просто-на-просто, труситъ...

Дѣло въ томъ, что Скворешниковъ рѣшилъ наканунѣ, что онъ намѣренъ „прогулять“ всѣ уроки... Онъ сообщилъ свой планъ Елкину и принялся его соблазнять раздѣлить съ нимъ компанію. Послѣ недолгихъ отнѣкиваній, тотъ позволилъ себя убѣдить и далъ слово Сенькѣ сопутствовать. Зачѣмъ онъ далъ слово? Чортъ знаетъ, зачѣмъ! Такъ, просто изъ одного товарищества.

Онъ находится подъ полнымъ и деспотическимъ вліяніемъ Скворешникова. Мало того, что Елкинъ любитъ Скворешникова—онъ ему подчиняется. Сенька смѣлѣе, живѣе, способнѣе Павли. Тотъ это знаетъ и охотно признаетъ надъ собою его власть. Многое, что дѣлаетъ Сенька, Елкинъ не посмѣлъ бы позволить себѣ даже въ мысляхъ. Онъ даже по временамъ на него удивляется. Хорошо или дурно тотъ дѣлаетъ—не въ этомъ вопросъ: Елкинъ не допускаетъ никакой критики съ своей стороны.

Скворешниковъ не хочетъ учиться, всѣ говорятъ, что онъ без-

надежный лѣнтяй, что нужно его исключить, и Скворешникову все это совсѣмъ нипочемъ.

— Ну, и пусть исключаютъ! Что жъ? Наплевать!—заявляетъ онъ равнодушно.

— А какъ же, Сеня, потомъ? Что же ты будешь дѣлать?— съ безпокойствомъ освѣдомляется Елкинъ.

— Ха! А я почемъ знаю? Въ солдаты пойду!

— А если будетъ война?

— Пойду на войну.

— А если убьютъ?

— Пусть и убьютъ.

Елкинъ съ уваженіемъ смотритъ на друга, ибо чувствуетъ въ эту минуту, что онъ самъ ни за что бы не пошелъ на войну.

Дружба съ Скворешниковымъ подкрѣпляется еще въ немъ ощущеніемъ прелести запретнаго плода, ибо маменька не въ состояніи слышать даже имени Сеньки. Во-первыхъ, онъ сынъ простого фельдфебеля, тогда какъ папенька Павли—надворный совѣтникъ, предъ коимъ Сенькинъ отецъ стоитъ руки по швамъ, а тотъ говоритъ ему „ты“... Это самое главное. Во-вторыхъ, всему дому извѣстно, что Сенька сорванецъ и разбойникъ, и маменька напрямки заявляетъ, что если онъ когда-нибудь свернетъ себѣ шею, то она будетъ очень довольна. Само собою разумѣется, что онъ ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ приходить въ гости къ Павлѣ, равно какъ и тотъ получилъ разъ навсегда запрещеніе знаться близко съ Скворешниковымъ. Поэтому Павля тщательно скрываетъ отъ маменьки всю горячность чувствъ своихъ къ Сенькѣ, избѣгаетъ произносить вслухъ его имя и, повидимому, совсѣмъ равнодушенъ къ его существованію на свѣтѣ... Такъ юная и робкая дѣвушка, дочь непреклонныхъ родителей, таитъ любовь свою къ избраннику сердца, съ коимъ запрещены ей свиданія...

Когда Сенька, вчера, возвращаясь вмѣстѣ домой изъ гимназіи, заявилъ Павлѣ увѣренность, что и тотъ будетъ согласенъ „прогулять“ сегодня уроки, Павля не посмѣлъ воспротивиться. Онъ тогда же созналъ про себя, что даннымъ согласіемъ готовится совершить беззаконіе. Онъ мучился этою мыслью въ теченіе цѣлаго вечера. Но разъ уже такъ рѣшено — ничего не подѣлаешь!

И вотъ онъ теперь изъ всѣхъ силъ поспѣшаетъ за Сенькой. Оба молчатъ. Скворешниковъ углубился въ свои думы, въ кои не посвящаетъ товарища. Елкинъ размышляетъ объ ожидающихъ обоихъ ихъ развлеченіяхъ.

Вчера Сенька сказалъ, что намѣренъ повести Павлю въ трактиръ... Со словомъ „трактиръ“, для него очень знакомымъ, Павля соединяетъ представленія, все-таки, нѣсколько смутныя. Онъ только

и знаетъ, что это нехорошее мѣсто, ибо тамъ напиваются. Когда папенька возвращается домой ночью пьяный, маменька всегда говоритъ, что онъ нализался въ трактирѣ... Поэтому Павля теперь уже заранѣе чувствуетъ страхъ. Къ этому, однако, примѣшивается еще любопытство. Вѣдь, все таки интересно узнать, что это за мѣсто и что они будутъ тамъ дѣлать... Отъ совокупности двухъ этихъ чувствъ, а также еще потому, что на улицѣ довольно сильный морозъ, Павля начинаетъ щелкать зубами...

— Чего ты? Замерзъ? — спрашиваетъ, скосясь на него, черезъ поднятый воротникъ кургузаго своего пальтишка, Скворешниковъ.

— Хо-лод-но... — отвѣчаетъ Павля, сквозь частую барабанную дробь, которую онъ отбиваетъ своими зубами.

— Ничего, погоди, въ трактирѣ согрѣешься, — говоритъ успокоительнымъ тономъ Скворешниковъ.

Онъ ускоряетъ шаги, и, послѣ того, какъ оба товарища прошли еще два-три дома, объявляетъ торжественно:

— Вотъ и пришли!

Они стоятъ у подъѣзда съ грязною стеклянною дверью. Надъ нимъ виднѣется вывѣска, на коей блеститъ золотыми буквами надпись „Трактиръ“.

Скворешниковъ нажимаетъ съ усиліемъ обледснѣлую дверь, которая ходитъ на блокѣ, и пролѣзаетъ въ образовавшуюся такимъ образомъ щель. Павля не отстаетъ отъ него ни на шагъ и вдругъ ощущаетъ, что очутился въ отрадномъ теплѣ.

Сквозь густое облако пара, которое они внесли съ собой съ улицы, онъ различаетъ полутемное пространство, съ длиннымъ прилавкомъ, на коемъ видны бутылки, а надъ ними брадатую фигуру мужчины въ зеленомъ передникѣ. У стѣнъ, за стѣнами, сидятъ извозчики, съ багровыми распотѣвшими рожами, и пьютъ съ блюдечка чай.

Павля испытываетъ большое смущеніе и нерѣшительно топчется, не зная, что съ собой дѣлать.

— Ну, что всталъ-то? Иди! — шепчетъ ему ободрительно Сенька.

Пройдя мимо прилавка, они поднимаются по узенькой лѣстницѣ вверхъ и минуютъ рядъ пустыхъ комнатъ съ накрытыми грязными салфетками столиками. Все это Павля видитъ словно сквозь сонъ. За то онъ явственно чувствуетъ, что здѣсь скверно пахнетъ какой-то ѣдкой смѣсью махорки и пота.

Наконецъ, оба товарища оказываются въ комнатѣ съ помѣщающимся въ ней посрединѣ огромнымъ столомъ, обитымъ зеленымъ сукномъ. Сенька объясняетъ, что это бильярдъ.

— Здравствуй, Максимъ, — привѣтствуетъ онъ длиннаго, бѣлобрысаго малаго, въ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ ситцевой, довольно грязной рубашки, и здоровается съ нимъ по-пріятельски за руку.

— Кто это? — шепотомъ освѣдомляется Елкинъ.

— Маркёръ, — тоже шепотомъ, объясняетъ Скворешниковъ.

— Это кто же съ вами будетъ? — спрашиваетъ въ свою очередь тотъ, кивая на Елкина.

— Павля, первый мой другъ, — объясняетъ Скворешниковъ.

Будучи представленъ, такимъ образомъ, бѣлобрысому парню, Елкинъ считаетъ обязательнымъ съ своей стороны тоже подать ему руку... (О, если бы видѣла все это маменька!).

— Здравствуйте, баринъ. Будьте знакомы! — говоритъ ему тотъ, сжимая Павлину руку въ своей широкой, корявой ладони, и это вѣжливое къ нему обращеніе, съ наименованіемъ „баринъ“, примиряетъ нѣсколько Павлю съ щекотливымъ его положеніемъ.

— На бильярдѣ играете? — спрашиваетъ Елкина его новый знакомецъ.

— Какое! Куда ему! — полупрезрительно отзывается Сенька, принимаясь мѣлить кончикъ кія. — Ставь пирамиду!

— На пиво будемъ играть? — спрашиваетъ бѣлобрысый субъектъ, съ грохотомъ высыпая изъ ящика кучу шаровъ и, съ помощью рамки, придавая ей видъ треугольника.

— Ну, конечно. Тридцать впередъ?

— Ой, много. За глаза будетъ двадцать.

— Ну, ну, ну! Ужъ пожалуйста! — восклицаетъ Скворешниковъ и, пустивъ съ трескомъ краснаго, разбиваетъ весь треугольникъ.

Павля садится за столикъ, въ углу билліардной, и принимается съ большимъ интересомъ слѣдить за игрою.

Оба партнера кричатъ, горячатся. Среди рѣзкаго стука шаровъ, раздаются безпрестанно, то съ той, то съ другой стороны: „по борту въ уголъ!“ „дуплетъ въ среднюю!“ „тринадцатаго рѣжу!“ — и прочія, непонятныя для него выраженія.

— Партія! — восклицаетъ торжественно бѣлобрысый субъектъ.

— Твоя, чортъ съ тобой! — соглашается съ явной досадой Скворешниковъ. — Неси пиво. Ну, а ужъ слѣдующую я тебѣ не прощу!

Появляется пара бутылокъ и три стакана. Скворешниковъ наливаетъ ихъ всѣ до краевъ и, взявъ свой стаканъ, чокается имъ съ остальными.

Павля не рѣшается пить свой стаканъ.

— Что жъ ты? — прищурившись, освѣдомляется Сенька.

— Я не... могу... Я... не знаю... — колеблется Елкинъ.

— Одинъ-то стаканъ? Эхъ, ты, размазня! — насмѣшливо восклицаетъ Скворешниковъ.

— Что жъ, одинъ-то стаканъ? Ни-ча-во! — подтверждаетъ успокоительнымъ тономъ бѣлобрысый субъектъ.

Елкинъ беретъ дрожащею рукою стаканъ и выпиваетъ его однимъ духомъ.

— Вотъ это ловко! — говоритъ съ удовольствіемъ бѣлобрысый субъектъ.

— Молодчина! — одобряетъ и Сенька.

Павля внутренно долженъ сознаться, что ему совсѣмъ нечего было бояться. Онъ располагается съ большимъ удобствомъ за столикомъ и принимается слѣдить за новою партіей. Опять раздается: „дуплетъ въ уголъ!“ „рѣжу!“ и проч.

Онъ замѣчаетъ, что выпитый имъ недавно стаканъ оказывается вновь налитымъ пивомъ. Самостоятельно, безъ посторонних уже понужденій, онъ начинаетъ прихлебывать пиво и чувствуетъ, что въ его головѣ распространяется нѣкій пріятный туманъ...

А, въ сущности, ей-Богу, вѣдь, хорошо! И Сенька отлично придумалъ, что привелъ его въ это мѣсто!.. Ну, и что жъ здѣсь такого особеннаго, чего онъ такъ трусилъ?.. И этотъ вотъ самый Максимъ — ничего... Совсѣмъ славный парень!

— Дуплетъ въ среднюю!

— Рѣжу!

XI.

— Дома? — раздается внезапно голосъ мужчины.

— Дома. Пожалуйте, — слышится отвѣтъ Клеопатры.

Дверь отворяется, и въ комнату входитъ тощій господинъ, среднихъ лѣтъ, съ копною рыжихъ волосъ и парою таковыхъ же бакенбардъ, ниспадающихъ двумя вѣерами на грудь, — словомъ, Семенъ Семенычъ Скворешниковъ, коллежскій асессоръ и смотритель бураго дома.

— Какъ поживаешь? — задаетъ вопросъ гость, поздоровавшись съ Павломъ Иванычемъ, и садится къ столу, противъ Елкина.

Онъ внимательно взглядываетъ на безмолвствующаго Павла Иваныча и ждетъ съ минуту отвѣта. Но такъ какъ Павелъ Иванычъ не нарушаетъ молчанія, то онъ достаетъ изъ бокового кармана трубку, набиваетъ ее табакомъ изъ кисета, прицѣпленнаго къ верхней пуговицѣ его пиджака, и начинаетъ методически ее зажигать. Елкинъ разсѣянно слѣдитъ за этимъ процессомъ, продолжая хранить гробовое молчаніе.

— Гм! — произноситъ Скворешниковъ и взглядываетъ опять на хозяина. Сдѣлавъ короткую паузу, онъ задаетъ новый вопросъ:

— Ты здоровъ?

— Н-н-да... ничего, — отвѣчаетъ разсѣянно Елкинъ, съ такимъ выраженіемъ, будто его насильно подняли со сна, и онъ

постепенно приходитъ въ сознаніе, соображая, зачѣмъ съ нимъ это сдѣлано и чего хотятъ отъ него...

— Скажи, пожалуйста, отчего ты пропалъ? — освѣдомляется подозрительнымъ тономъ Скворешниковъ.

— Какъ... то-есть... пропалъ?.. — переспрашиваетъ въ недоумѣніи Павелъ Иванычъ.

— Да вотъ такъ, что у меня совсѣмъ не бываешь. Что это значитъ? Занятъ дѣлами?

— Нѣтъ... Дѣлъ никакихъ...

— Все дома сидишь?

— Да... дома... сижу...

— Гм... Все вотъ такъ и сидишь?

Елкинъ, начиная слегка прозрѣвать скрытое коварство этихъ вопросовъ, молчитъ. Онъ не глядитъ на Скворешникова, созерцая разсѣянно что-то въ неопредѣленномъ пространствѣ...

Семенъ Семенычъ поднимается съ мѣста и прохаживается взадъ и впередъ; потомъ подходитъ къ Павлу Иванычу и, хлопнувъ его по плечу, вдругъ восклицаетъ:

— Не хорошо, братъ! Не хорошо, другъ любезный!

Пройдясь еще нѣсколько разъ, какъ бы стараясь сдержать себя отъ громкаго выраженія клокочущихъ въ груди его чувствъ, онъ бросается снова на стулъ и даетъ полную волю имъ разразиться...

Слова его стремительнымъ и бурнымъ потокомъ обрушиваются на Павла Иваныча. Онъ допрашиваетъ Павла Иваныча, чего онъ хочетъ достичь своимъ неподвижнымъ сидѣньемъ? Хочетъ ли онъ спятить съ ума или покончить съ собою? Зачѣмъ? Съ какой цѣлью? Кого удивить желаетъ онъ этимъ поступкомъ?..

Такъ какъ Павелъ Иванычъ не находитъ въ себѣ никакихъ возраженій на эти вопросы, то Семенъ Семенычъ, съ замѣчательной быстротой перехода изъ ѣдкаго въ патетическій тонъ, предлагаетъ ему посмотрѣться внимательно въ зеркало.

— Посмотри на себя, на что ты похожъ! Вѣдь ты боленъ! Ты еще бродишь, положимъ, но ты обязательно сляжешь! Помяни мое слово, ты сляжешь въ постель! Сейчасъ, какъ я только вошелъ, да посмотрѣлъ на тебя, — „ну, думаю, его придется лѣчить!“ Отвѣть мнѣ по правдѣ: понимаешь ли ты хоть теперь-то, о чемъ я тебѣ говорю?

— Понимаю, — отвѣчаетъ съ запинкой Павелъ Иванычъ.

— Врешь! Головою ручаюсь, что ты даже не слышалъ, о чемъ я тебѣ толковалъ. Ну, признайся, слышалъ или нѣтъ? Говори!

— Слышалъ,—отвѣчаетъ покорно Павелъ Иванычъ.

— Согласенъ со мной, что ты ведешь себя безобразно?

— Соглас...—собирается машинально отвѣтить Павелъ Иванычъ, но тотчасъ же, поправившись, продолжаетъ вопросомъ:— То-есть... скажи мнѣ... тово... чего ты отъ меня собственно хочешь?

— Чего я хочу отъ тебя?!—запальчиво восклицаетъ Скворешниковъ.—Я хочу, чтобъ ты былъ, какъ всѣ люди! Вотъ чего я хочу отъ тебя! Ну, положимъ, потеря... Я понимаю... Ты грустишь... Я уважаю твое состояніе... Такъ пора же, наконецъ, и сбросить хандру! Развѣ нужно покойникамъ, чтобы по нимъ такъ убивались?.. Уважай память умершихъ, поминай ихъ, служи панихиды... мало ли, чѣмъ еще ихъ можно почтить... Я ни слова противъ того... Только людей-то, *людей-то* зачѣмъ избѣгать?!

Семенъ Семенычъ еще нѣсколько времени продолжаетъ назидать въ этомъ духѣ Павла Иваныча и, истощивъ до тла свое краснорѣчіе, наконецъ, принимается набивать себѣ трубку. Елкинъ, безъ возраженія выслушавъ рѣчи пріятеля, печально безмолствуетъ, потупивъ въ землю глаза... Тишина... Слышно только, какъ чикаетъ маятникъ.

— Корчишь тоже хозяина!—восклицаетъ снова Скворешниковъ и насмѣшливо взглядываетъ на Павла Иваныча.

Павелъ Иванычъ испуганно поднимаетъ глаза на Семена Семеныча и не разумѣетъ, въ чемъ дѣло.

— Что жъ, ты такъ-таки и не намѣренъ меня ничѣмъ угощать?—поясняетъ Скворешниковъ.—Пріятель! Хорошъ!

— Ахъ, да, я сейчасъ... извини... — схватывается сконфуженно съ мѣста хозяинъ.—Самоваръ-то холодный... Я велю разогрѣть...

— Отвяжись ты со своимъ самоваромъ! Очень мнѣ его нужно!

— Закусить?.. Да, да! Я сейчасъ!

— Вотъ это дѣло! Наконецъ-таки догадался! И водки давай!

— Водки?—бормочетъ, въ замѣшательствѣ, Елкинъ.—Водку я... ты, вѣдь, знаешь...

— Не пьешь? Знаю отлично. Такъ *я* зато пью! Значитъ, нужно послать. Понялъ теперь?.. Нѣтъ, братъ, я вижу, придется взять тебя въ руки... Ну, что же стоишь-то?.. Нѣ-ѣтъ, нужно взять тебя въ руки!— крутитъ головою Скворешниковъ и вдругъ освѣдомляется рѣшительнымъ голосомъ:—Какъ твою кухарку зовутъ? Максимовной, кажется?

— Максимовной,—подтверждаетъ Павелъ Иванычъ.

— Максимовна!—кличетъ громко Скворешниковъ.— Поди-ка сюда на минутку!

Въ дверяхъ появляется длинная тѣнь Клеопатры.

— Вотъ что, послушай-ка, матушка, — обращается къ ней властно Скворешниковъ. — Баринъ желаетъ, чтобы ты купила намъ водки...

— Водки-и?! — переспрашиваетъ, съ нѣкоторымъ какъ бы испугомъ, Максимовна, смотря во всѣ глаза на Семена Семеныча, потомъ недоумѣло переводитъ ихъ на хозяина.

— Ну, да, водки, очищенной водки! — поясняетъ вразумительно гость.—Поняла?

Максимовна переминается молча съ одной ноги на другую, и, немного погодя, какимъ-то упавшимъ голосомъ отвѣчаетъ ему:

— Поняла...

— Ну, значитъ, отлично. Теперь скажи мнѣ, Павелъ Иванычъ, чѣмъ бы ты хотѣлъ закусить?

Хозяинъ вопросительно глядитъ на кухарку. Кухарка вопросительно глядитъ на хозяина.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, Максимовна,—обращается робко Павелъ Иванычъ,—чѣмъ бы можно намъ закусить?

— Коклетки отъ обѣда остались...—задумчиво отвѣчаетъ Максимовна.—Два огурца...

— Превосходно!—весело одобряетъ Скворешниковъ.—Только, вѣдь, этого мало... Не правда ли? Мало?—обращаетъ онъ глаза на хозяина.

— Н-н-да... Этого мало...—подтверждаетъ Павелъ Иванычъ.

— Значитъ, надо купить еще что-нибудь... Давай-ка мнѣ деньги... Сколько тутъ?.. Три рубля... Ну, вотъ, значитъ, мы сейчасъ и придумаемъ... Что ты скажешь насчетъ ветчины?

— Ветчины хорошо,—соглашается Елкинъ.

— Итакъ, Максимовна, ты купишь намъ ветчины... Фунтикъ, не больше. Довольно, вѣдь, фунта?—спрашиваетъ Семенъ Семенычъ хозяина.

— Довольно,—соглашается Елкинъ.

— Слѣдовательно, фунтъ ветчины... Ну, а какъ твое мнѣніе по части селедки?

— Хорошо бы селедку...

— Пару селедокъ!—приказываетъ Семенъ Семенычъ Максимовнѣ.—Къ нимъ лучку, маслица, уксусу... Словомъ, какъ слѣдуетъ... Ну, живо! духомъ! въ моментъ!

Максимовна быстро исчезаетъ изъ комнаты, а Скворешниковъ обращается снова къ Павлу Иванычу и продолжаетъ прежнимъ назидательнымъ тономъ:

— Нѣтъ, братъ, ужъ теперь рѣшено, что за тебя нужно приняться! Серьезно приняться!.. Чортъ знаетъ, какъ ты живешь! Хотя бы вотъ эта Максимовна... Откуда ты откопалъ такую кикимору?

Елкинъ нѣсколько опѣшенно взглядываетъ на Семена Семеныча и произноситъ съ запинкой:

— Ты это напрасно... Она почти годъ, какъ живетъ... Еще

при покойницѣ... Маменька очень ей довѣряла... Достойная женщина...

— Ну, и пусть раздостойная, чортъ ее подери, да, вѣдь, на нее страшно смотрѣть! Развѣ это прислуга? Это богадѣленка какая-то, что читать по покойникамъ ходятъ!.. Чортъ знаетъ что! Зачѣмъ она такъ одѣвается?

— Она богобоязненная, строгая женщина...—внушительнымъ тономъ возражаетъ Павелъ Иванычъ.

Семенъ Семенычъ нѣсколько времени, въ молчаніи, смотритъ насмѣшливымъ взглядомъ на Павла Иваныча, потомъ машетъ рукой („что, молъ, съ тобой толковать!“) и говоритъ съ сокрушеніемъ:

— Нѣтъ, нужно, нужно за тебя приняться какъ слѣдуетъ!

Пока Максимовна, пріобрѣвшая все, что было приказано, разставляетъ на столѣ закуску и водку, перелитую въ старый, граненый отцовскій графинъ, Скворешниковъ презрительно наблюдаетъ ее исподлобья, храня гробовое безмолвіе и изрѣдка бросая насмѣшливый взглядъ на Павла Иваныча. Въ этомъ взглядѣ очень явственно можно прочесть:

„Нѣтъ, ты посмотри, посмотри, что за кикимора!“

Послѣ того, какъ Максимовна все приготовила, и строгая фигура ея удалилась, Скворешниковъ наливаетъ двѣ рюмки и, вооружившись ближайшей, тянется съ нею, чтобы чокнуться съ Павломъ Иванычемъ...

— Будь здоровъ!—произноситъ хозяинъ.

— А ты что жъ?

— Я не буду... Ты, вѣдь, знаешь... Не пью.

— Значитъ, не будешь?

— Не буду...

Скворешниковъ молча ставитъ рюмку свою на подносъ, откидывается спиною на стулъ и объявляетъ:

— Ну, такъ и я, значитъ, не буду.

— Ну, вотъ, что же это?.. Какъ же такъ? — ошеломленно бормочетъ Павелъ Иванычъ.—Отчего жъ ты не хочешь?..

— Оттого, что одинъ я не пью,—съ суровымъ достоинствомъ произноситъ Скворешниковъ.

— Такъ и не будешь?—упавшимъ голосомъ спрашиваетъ Павелъ Иванычъ.

— Такъ и не буду,—непреклонно подтверждаетъ Скворешниковъ.

Длинная и тяжелая пауза. Семенъ Семенычъ созерцаетъ тарелки съ закусками и задумчиво жуетъ бакенбарду... Елкинъ, съ убитымъ видомъ, смотритъ пристально въ полъ, испытывая глубокое смятеніе духа... Молчаніе становится прямо мучительнымъ своею продолжительностью.

— Значитъ, ты хочешь, чтобы я съ тобой выпилъ? —подаетъ, наконецъ, голосъ Павелъ Иванычъ.

— Гм... Если ты такъ боишься, я не смѣю тебя принуждать,—холодно отвѣчаетъ Скворешниковъ.

— Хорошо... Я выпью одну...—угасшимъ голосомъ человѣка, рѣшившагося принять смертельнаго яду, объявляетъ Павелъ Иванычъ и берется дрожащею рукою за рюмку, предваряя еще разъ:— *Только одну*!

Чокнувшись съ Семеномъ Семенычемъ, онъ подноситъ рюмку къ устамъ, но Скворешниковъ внезапно его останавливаетъ:

— Погоди...

Проникновенно и важно онъ смотритъ съ минуту на Павла Иваныча и затѣмъ возглашаетъ, съ выраженіемъ глубокаго чувства:

— Царство небесное Людмилѣ Герасимовнѣ!

— Царство небесное!—повторяетъ со вздохомъ Павелъ Иванычъ.

Въ благоговѣйномъ безмолвіи оба, въ разъ, выпиваютъ по рюмкѣ и закусываютъ кусочкомъ селедки.

Пока осиротѣлый сынъ, погрузившись въ воспоминанія, вызванныя торжественнымъ тостомъ пріятеля, созерцаетъ своимъ мысленнымъ окомъ образъ покойницы, Скворешниковъ успѣваетъ наполнить опять обѣ рюмки и возвращаетъ его къ дѣйствительной жизни, возгласивъ новый тостъ:

— А теперь за твое здоровье!

Павелъ Иванычъ испытываетъ снова припадокъ жестокой душевной борьбы, которая кончается тѣмъ, что онъ берется за рюмку и залпомъ ее выпиваетъ.

Семенъ Семенычъ закуриваетъ свѣжую трубку и возобновившаяся бесѣда между пріятелями принимаетъ все болѣе и болѣе задушевный характеръ.

Въ сущности, говоритъ одинъ лишь Скворешниковъ, а Елкинъ только внимательно слушаетъ. Зато Семенъ Семенычъ говоритъ неустанно. Онъ возвращается опять къ прежней темѣ и повторяетъ еще нѣсколько разъ, что необходимо за Павла Иваныча приняться какъ слѣдуетъ и взять его въ руки.

— И я ужъ возьму! Погоди!—восклицаетъ онъ, побѣдоносно стуча кулакомъ.—Ты у меня не отвертишься! Я тебя вымуштрую! Ты у меня самъ себя не узнаешь!

Елкинъ не находитъ опять никакихъ возраженій. Увлеченный бесѣдой, онъ самъ не замѣтилъ, какъ выпилъ еще нѣсколько рюмокъ и теперь ощущаетъ, что душа его совсѣмъ размягчилась и требуетъ для себя изліянія.

— Стой!—прерываетъ онъ вдругъ рѣчь Семена Семеныча,

*

увлеченнаго потокомъ собственнаго своего краснорѣчія.—Погоди... Я хочу... сказать... одно слово...

Языкъ не совсѣмъ охотно повинуется Павлу Иванычу, но потребность подѣлиться съ пріятелемъ внезапно пришедшей ему въ голову мыслью должна быть удовлетворена непремѣнно.

— Я хочу говорить... Погоди!..—настойчиво повторяетъ Павелъ Иванычъ.

Семенъ Семенычъ немедленно останавливаетъ потокъ своего краснорѣчія и ждетъ, что дальше скажетъ Павелъ Иванычъ.

— Ты меня слушаешь?

— Ну?

— Ты знаешь, о чемъ я думалъ сейчасъ?..

Семенъ Семенычъ признается въ своемъ полнѣйшемъ невѣдѣніи и выражаетъ желаніе знать, о чемъ сейчасъ думалъ Павелъ Иванычъ.

— То-есть, нѣтъ... не сейчасъ...—продолжаетъ Павелъ Иванычъ,—а вотъ давеча... когда ты пришелъ... Знаешь, о чемъ я думалъ тогда?..

— Ну?—понуждаетъ нетерпѣливо Скворешниковъ.

— Я вспоминалъ, какъ мы съ тобой учились въ гимназіи... Помнишь, какъ ты... показалъ въ первый разъ мнѣ... трактиръ?

Скворешниковъ признается, что подобнаго факта онъ совершенно не помнитъ.

— А вотъ *я* все это помню отлично!—съ торжествомъ объявляетъ Павелъ Иванычъ.

И не смотря на то, что Семенъ Семенычъ съ негодованіемъ возражаетъ ему, что онъ терпѣть не можетъ воспоминаній о томъ, что съ нимъ было прежде, и никогда не занимается подобными глупостями, ибо это, по его мнѣнію, значитъ въ старомъ хламѣ копаться, Павелъ Иванычъ повергается вновь въ воспоминанія минувшаго. Пока онъ, безмолвно понурившись, блуждаетъ среди призраковъ отжившаго міра, Семенъ Семенычъ, овладѣвшій опять разговоромъ, ораторствуетъ на прежнюю тему. Несмотря на всю задушевность бесѣды пріятелей, оба они не совсѣмъ понимаютъ другъ друга, ибо въ то время, какъ мысли Павла Иваныча меланхолически клонятся къ картинамъ изъ прошлаго, Семенъ Семенычъ упорно стремится поднять завѣсу грядущаго.

— Стой!—прерываетъ опять его Елкинъ.

— Ну?—произноситъ нетерпѣливо Скворешниковъ.

— Помнишь ты „барабанщика“?

— Какого такого еще барабанщика?

— Француза... Дюрà... мы еще его звали: „Дыра“... въ нашей гимназіи...

— А ну тебя къ чорту, съ твоею гимназіей!—восклицаетъ гнѣвно Скворешниковъ.—Ты слушаешь, что я тебѣ говорю?

— Слушаю... Да...

— Ты понимаешь, что я тебѣ желаю добра?..

— Да... Понимаю...

— Кикимору ты долженъ прогнать! — запальчиво заявляетъ Скворешниковъ.—Все это къ чорту! Все, какъ ты раньше жилъ, къ чорту! Все нужно по новому! Ты долженъ встряхнуться! Ты долженъ... Погоди! чокнемся! выпьемъ!

Онъ чокается своей рюмкой съ рюмкой Павла Иваныча, у коего она уже, кажется, по счету, шестая... Неизвѣстно, какими судьбами каждая имъ осушенная рюмка оказывается вдругъ снова наполненной... Какъ бы то ни было, онъ выпиваетъ и эту.

Выпивъ и закусивъ съ большой торопливостью, Скворешниковъ неожиданно поднимается съ мѣста и заявляетъ желаніе осмотрѣть всю квартиру... Онъ самъ беретъ въ руки лампу и велитъ Павлу Иванычу идти впереди.

Они бродятъ изъ комнаты въ комнату, при чемъ Семенъ Семенычъ, повременамъ останавливаясь, указываетъ, какія перемѣщенія того или другого предмета слѣдуетъ сдѣлать Павлу Иванычу, ибо разъ рѣшено, что весь старый хламъ посылается къ чорту, онъ долженъ все переставить по новому.

Обойдя всѣ уголки и условившись относительно будущаго распорядка предметовъ, они возвращаются обратно въ столовую, гдѣ рюмки пріятелей оказываются снова наполненными. Дружно выпивъ и закусивъ, они возобновляютъ прерванный свой разговоръ. То-есть, опять-таки, говоритъ одинъ лишь Скворешниковъ. Онъ ораторствуетъ на прежнюю тему о томъ, что Павелъ Иванычъ отнынѣ долженъ встряхнуться и зажить, какъ всѣ люди. Напр., онъ можетъ завести у себя вечера и пріемы. Недурно, если у него будутъ иногда и картишки... Ему нужно познакомиться съ барышнями... Онъ можетъ жениться...

Все время, пока Скворешниковъ открываетъ предъ нимъ перспективы будущей жизни, Павелъ Иванычъ безмолвствуетъ. Онъ теперь уже абсолютно безмолвствуетъ, не возвращается больше къ воспоминаніямъ минувшаго и даже не совсѣмъ понимаетъ, о чемъ толкуетъ Скворешниковъ... Онъ совсѣмъ измученъ этой бесѣдой и въ головѣ у него какая-то неизобразимая каша.

Наконецъ самъ даже Скворешниковъ утомляется собственнымъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ встаетъ и прощается.

Максимовна давно уже спитъ, и Павелъ Иванычъ провожаетъ Семена Семеныча.

Дружески облобызавшись съ хозяиномъ, Скворешниковъ, въ шубѣ и въ шапкѣ, грозится въ сторону кухни, гдѣ мирно почиваетъ Максимовна, и шепчетъ на ухо Павлу Иванычу:

— А кикимору... (помни!..) кикимору отправимъ въ чертямъ!

Наконецъ, уже стоя въ дверяхъ, громко, въ видѣ послѣдняго слова, онъ заявляетъ:

— Погоди! Ты самъ себя не узнаешь!

Оставшись одинъ, Павелъ Иванычъ бредетъ, съ лампой въ рукахъ, въ свою сиротскую спальню. Поставивъ лампу на подзеркальникъ, онъ дѣлаетъ, взадъ и впередъ, нѣсколько нетвердыхъ шаговъ въ этой спальнѣ, гдѣ нужно отнынѣ, какъ и во всѣхъ другихъ комнатахъ, все переставить по новому, и медленно озираетъ ее своимъ затуманеннымъ взоромъ. Въ головѣ его тоже все затуманено и словно перевернуто совсѣмъ вверхъ ногами. Ему кажется, что онъ теперь сталъ другимъ человѣкомъ...

„С-тар-рый х-хламъ... — бормочетъ онъ вслухъ; — д-да!.. Къ ч-чорту весь с-старый х-хламъ!..“

Затѣмъ приблизившихъ къ зеркалу, онъ беретъ въ руки лампу и, производя ею цѣлый рядъ самыхъ опасныхъ движеній, старается всячески разсмотрѣть свое отраженіе. Но ему не удается никакъ увидѣть все лицо, цѣликомъ. То передъ нимъ выступаетъ багровый и раздувшійся носъ, то правый или лѣвый, вытаращенный и остекловившійся глазъ, съ самымъ дурацкимъ въ немъ выраженіемъ... Волосы его совершенно растрепались и торчатъ безобразнѣйшимъ образомъ...

„Н-нда... с-самъ... себя... не узнаешь“... — бормочетъ онъ вслухъ, вспоминая слова Семена Семеныча.

Ясное дѣло: онъ пьянъ, какъ сапожникъ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«И онъ тоже въ Аркадіи жилъ».

XII.

Не смотря на всю убѣдительность проповѣди Семена Семеныча противъ безполезности разрыванія „стараго хлама“, Павла Иваныча неодолимо тянуло къ таковому занятію и онъ, наединѣ, самъ съ собою предавался ему по цѣлымъ, длиннымъ часамъ. Скворешниковъ отнесся бы къ этому съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Онъ совсѣмъ не могъ понимать такой простой истины, что чѣмъ больнѣе, мучительнѣе то или другое воспоминаніе изъ нашего прошлаго, тѣмъ слаще кажется намъ сознаніе своего настоящаго. Елкинъ впередъ не заглядывалъ, о грядущемъ не думалъ, и что же другое оставалось дѣлать ему въ его одиночествѣ?

Еще такъ ясно и живо стоялъ въ его памяти гробъ съ трупомъ матери, что все, что оставалось тамъ, за нимъ, позади, требовало себѣ по праву прощенья. Этотъ образъ, безгласный и бездыханный, заслонялъ собою призракъ той суровой, деспотиче-

ской женщины, который выступалъ изъ мрака прошедшихъ годовъ, и въ думахъ о ней Иванъ Иванычъ не чувствовалъ въ сердцѣ ни злобы, ни горечи... Прошло—и слава Богу!

А помнитъ онъ это все такъ хорошо и такъ ясно!

Вотъ, какъ на яву, эти сверкающіе гнѣвомъ глаза на багровомъ лицѣ, и жгучая, нестерпимая боль, когда таскаютъ васъ за волосы, и шипящій, срывающійся отъ бѣшенства голосъ:

— Нѣтъ, этого мало тебѣ! Убить тебя надо, мерзавца! *Исключили!*.. А, каково? Исключили!.. Чуяло, чуяло сердце мое! Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать теперь?! А? Шкуру содрать съ тебя? А? Да говори же, говори же ты, идолъ! дьяволъ! безчувственный пень!

А онъ ничего не можетъ сказать... Онъ боится вымолвить слово, боится даже заплакать, и выноситъ жестокую боль, слишкомъ ничтожную сравнительно съ тѣмъ состояніемъ ужаса, стыда и отчаянія, предъ коимъ сама смерть кажется легче.

И затѣмъ глубокое, страшное затишье. Мать изнеможенно падаетъ въ кресло и, прижавъ къ груди обѣ руки, съ трудомъ переводитъ дыханіе. А онъ стоитъ, не чувствуя ногъ подъ собою и желая всѣмъ сердцемъ, чтобы полъ разверзся подъ нимъ и на вѣки его поглотилъ.

— Господи!!—восклицаетъ въ изступленномъ отчаяніи мать и всплескиваетъ надъ головою руками.—И зачѣмъ мы ростили, учили, заботились?!.

Голосъ ея прерывается всхлипываньемъ. Она утираетъ глаза и, горько кивая головою на Павлю, произноситъ слезливо:

— Спасибо, сынокъ... Утѣшилъ родителей...

Онъ тоже не въ силахъ уже дольше удерживаться и, заливаясь слезами, бормочетъ, съ робкой попыткой къ смягченію материнскаго гнѣва:

— Маменька... Простите меня...

Въ ту же минуту она быстро, съ искаженнымъ лицомъ, поднимается на ноги и кричитъ ему яростно:

— Вонъ!!. пока не убила!..

Онъ стремительно спасается въ свой уголокъ и, наединѣ самъ съ собою, никѣмъ не тревожимый, погружается въ состояніе тупого отчаянія.

Онъ давно уже предчувствовалъ, что его исключатъ, но онъ старался гнать отъ себя эту мысль. Это было столь страшно, что онъ не вѣрилъ даже въ сбыточность такого несчастія. Онъ молился Богу такъ горячо, съ такимъ упованіемъ, что ждалъ отъ Него несомнѣннаго чуда. Та же участь грозила и Сенькѣ, но тотъ и не думалъ „вѣшать носа на квинту“.

— Хо-хо! Еще мы это посмотримъ!..—ершился Скворешни-

ковъ, и Елкинъ невольно заражался бодростью Сеньки. Онъ такъ привыкъ ему вѣрить и на него полагаться, что считалъ его какъ бы отвѣтственнымъ за все, что съ нимъ, съ Павлей, случится.

И вотъ бѣда разразилась. И Сенька, и онъ исключены изъ гимназіи. Не помогли ни мольбы, ни обѣты, и чуда не вышло. Думая о поведеніи Сеньки, Павля припомнилъ, что Сенька не молился Богу, какъ онъ, и даже относился за это къ Павлѣ насмѣшливо... И вотъ за это Богъ покаралъ.

Углубляясь теперь въ размышленія о своихъ отношеніяхъ къ Скворешникову, Павля вспоминалъ разные непріятные случаи, въ коихъ виною былъ Сенька, и если пошло ужъ на правду, то и въ этой бѣдѣ причиной былъ онъ... Не даромъ маменька ему запрещала дружиться съ Скворешниковымъ.

И образъ закадычнаго друга, раздѣлявшаго съ нимъ вмѣстѣ позоръ изгнанія изъ гимназіи, вдругъ потускнѣлъ въ глазахъ Павли.

„А любопытно бы знать, что съ нимъ теперь?“—подумалось Павлѣ.—„Дерутъ ли его, или нѣтъ?“.

И представленіе о томъ, какъ теперь дерутъ, можетъ быть, Сеньку, не трогало Павлю. Въ мысляхъ о своемъ бывшемъ другѣ онъ чувствовалъ къ нему почти ненависть.

Пришелъ со службы отецъ и тотчасъ же былъ освѣдомленъ матерью о происшедшемъ событіи. Павля слышалъ ихъ голоса, причемъ мать кричала, обвиняя въ чемъ-то отца, а онъ что-то робко ей возражалъ... Потомъ стало тихо и его позвали обѣдать.

Обѣдали въ угрюмомъ молчаніи. Никто на него не глядѣлъ, словно онъ былъ зачумленный. Только отецъ посмотрѣлъ молча на Павлю въ то время, когда онъ садился за столъ, и тотчасъ же опустилъ въ тарелку глаза. Павля то же ни на кого не глядѣлъ, желая все время провалиться сквозь землю. Кусокъ не шолъ ему въ горло, и супъ онъ оставилъ почти что не тронутымъ.

— Что не жрешь?!—крикнула мать, когда кухарка отбирала у него полную супомъ тарелку.—У, такъ бы тебя и убила!—прошипѣла она, засверкавъ вдругъ глазами, и треснула въ лобъ его ложкой.

Павля боли совсѣмъ не почувствовалъ. Да и ничего онъ при этомъ не чувствовалъ, словно былъ деревянный.

Въ томительно жуткомъ безмолвіи прошелъ и окончился день, и когда всѣ улеглись и заснули, Павля еще долго, лежа въ постели, смотрѣлъ въ темноту, перебирая въ памяти всѣ прошлыя свои прегрѣшенія, и терзаясь раскаяніемъ, и проклиная Скворешникова, и чувствуя, что отнынѣ онъ остался одинъ во всемъ мірѣ, подобно преступнику, отдѣленному отъ общества прочихъ людей, которые могутъ и говорить, и смѣяться, и смотрѣть открыто на всѣхъ, между тѣмъ, какъ ему суждено только каяться и ждать себѣ казни...

Этотъ день навсегда запечатлѣнъ въ памяти Павли. Съ него началась новая полоса его жизни.

Ему еще оставалось пройти цѣлый рядъ униженій.

Всѣ знакомые Елкиныхъ должны были узнать о позорѣ ихъ сына.

— Вотъ онъ каковъ у насъ! Полюбуйтесь! — представляла маменька Павлю каждому гостю, и тотъ становился подробно освѣдомленнымъ о положеніи Павли, о его неохотѣ къ ученью, о томъ, какъ онъ былъ уличенъ въ посѣщеніи трактира вмѣстѣ съ Скворешниковымъ, и проч., и проч. Сокрушенное материнское сердце требовало для себя изліянія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и потому все разсказывалось безъ малѣйшей утайки. Затѣмъ вся вина обрушивалась на голову Сеньки, какъ погубителя Павли, и не было такого наказанія изъ всѣхъ перечисленныхъ въ законахъ Россійской имперіи, котораго былъ бы достоинъ, по мнѣнію маменьки, „этотъ мерзавецъ“.

— Ну, и что намъ дѣлать теперь? Что дѣлать, что дѣлать, научите вы насъ, Христа ради!!.—раздавался въ заключеніе вопль материнскаго сокрушеннаго сердца, обращаемый къ слушателю.

(Таковымъ чаще бывалъ надворный совѣтникъ Лемтюжниковъ, Павлѣ памятный изъ дней его ранняго дѣтства, подъ именемъ „толстаго гостя“. Теперь это былъ грузный, но совсѣмъ не страшный старикъ, сохранившій попрежнему необъятныя свои бакенбарды, сдѣлавшіяся совершенно сѣдыми. Тощая жена его давно умерла. Умеръ недавно и „маленькій гость“).

Если при этомъ присутствовалъ папенька, онъ лишь удрученно качалъ головою, съ выраженіемъ человѣка, который уже давно и заранѣе согласился на все.

— Н-да... объ этомъ надо подумать... — отзывался глубокомысленно слушатель и, облегчивъ себя сочувственнымъ вздохомъ, приступалъ къ разрѣшенію, по силѣ-возможности, трудной задачи.

Преступникъ, тѣмъ временемъ, старался поскорѣе улизнуть, и пока обсуждалась его дальнѣйшая участь, съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣлъ въ окошко на дворъ, машинально наблюдая происходящія тамъ передъ его глазами явленія.

Тамъ было все то же, прежнее, давно приглядѣвшееся. Вонъ Ефимъ мететъ дворъ... Вонъ идетъ, должно быть, изъ лавочки, кухарка Лемтюжникова, красивая, румяная баба, съ болтающейся на локтѣ плетеной корзинкой, откуда выглядываютъ хлѣбъ, огурцы и какіе-то свертки... Ефимъ что-то сказалъ ей... Она остановилась, что-то отвѣтила... Ефимъ опять что-то сказалъ... Та размахнулась, треснула его по спинѣ и пошла съ хохотомъ дальше, а Ефимъ смотритъ во слѣдъ ей, опершись на метлу, и тоже хохочетъ...

Господи! И съ чего обоимъ имъ весело?! И всѣмъ весело,

всѣмъ хорошо! Вонъ даже коту, что виднѣется Павлѣ тамъ, на перилахъ „галдареи", и тому хорошо... Вишь, какъ сладко блаженствуетъ онъ, развалившись на самомъ припекѣ!.. И солнышко такъ весело свѣтитъ, доставляя всѣмъ радость,—только вотъ до него одного нѣтъ этому солнышку ни малѣйшаго дѣла, ибо ему такъ же скверно, какъ въ печальныя осеннія сумерки.

XIII.

Всякая буря оканчивается всегда напослѣдокъ полнымъ затишьемъ. Такое затишье настало, наконецъ, вокругъ Павли. Маменька совершенно примолкла, покорившись неодолимой силѣ вещей. Папенька всегда стремился къ одному лишь спокойствію, не проявляя какихъ-либо своихъ отдѣльныхъ чувствъ и желаній. Павля былъ тоже спокоенъ и, въ концѣ концовъ, даже доволенъ новымъ своимъ положеніемъ. Онъ всегда ощущалъ себя хорошо, когда зналъ, что на него не обращаютъ вниманія, а теперь именно установился такой порядокъ вещей, какъ будто бы Павли совсѣмъ не существовало на свѣтѣ. Приготовленіе уроковъ, хожденіе въ классъ, еженедѣльныя предъявленія дома „свидѣтельствъ" съ отмѣтками „объ успѣхахъ и поведеніи"—все это были вещи, обращавшія на себя должную долю вниманія, заставлявшія о себѣ толковать, волноваться, и нерѣдко обрушивавшія на голову Павли свирѣпыя грозы... Теперь это навсегда прекратилось, и Павля въ домашнемъ обиходѣ родителей занялъ положеніе любого предмета изъ обстановки квартиры, въ родѣ какого-нибудь стола или кресла, который—предметъ этотъ самый—не пользуется никакимъ особливымъ вниманіемъ, пока онъ тутъ, на глазахъ, и ничему не мѣшаетъ...

Въ то же самое время онъ пользовался полной свободой дѣлать, что хочетъ.

Такъ какъ во всей квартирѣ царствовало присутствіе маменьки, то Павля старался какъ можно рѣже попадаться ей на глаза. И за исключеніемъ времени обѣда и чаепитія, она совсѣмъ его не видала. Онъ сидѣлъ у себя, въ своей узкой каморкѣ, въ родѣ каюты, и надъ чѣмъ-нибудь неслышно копался, напр., клеилъ коробочку или рамку къ картинкѣ, а не то просто, безъ всякаго дѣла, сидѣлъ и смотрѣлъ въ окошко на дворъ, наблюдая всю тамъ знакомую и приглядѣвшуюся давнымъ-давно мелочь. Онъ могъ сидѣть и смотрѣть такимъ образомъ по цѣлымъ часамъ, ни мало не чувствуя скуки, даже не думая о чемъ-либо особенномъ... Если бы кто-нибудь толкнулъ его въ это время и спросилъ неожиданно: „о чемъ ты думалъ сейчасъ?"—онъ не въ состояніи былъ бы отвѣтить, какія мысли бродили въ его головѣ.

Спать онъ могъ невозбранно, сколько влѣзетъ, что называется, и спалъ утромъ до поздняго часа, спалъ и послѣ обѣда. При этомъ онъ всегда видѣлъ разные сны, которые любилъ потомъ вспоминать, комбинируя всю ихъ сумбурную пестрядь въ извѣстной послѣдовательности, и въ концѣ концовъ достигалъ связныхъ сценъ и картинъ изъ нѣкоей особенной, фантастической жизни. Это занятіе доставляло не мало ему развлеченія.

Но болѣе всего любилъ онъ прогулки. Дома онъ находился постоянно подъ какимъ-то давленіемъ и только очутившись на улицѣ, вздыхалъ облегченно. Обыкновенно, онъ исчезалъ послѣ обѣда, норовя сдѣлать это незамѣтно отъ маменьки, хотя, если случалось ей уловить этотъ маневръ, она обращала на Павлю ровно столько вниманія, сколько на пролетѣвшую муху. Куда и зачѣмъ онъ идетъ и скоро ли вернется—все это, повидимому, было для нея вполнѣ безразлично, словно ея негоднаго сына и совсѣмъ не существовало на свѣтѣ...

Благодаря лѣтнему погожему времени, Павля могъ бродить цѣлыми часами по улицамъ. И онъ бродилъ, наслаждаясь чувствомъ независимаго своего одиночества, съ головой, полной какихъ-то неуловимыхъ и смутныхъ мечтаній, рождавшихся отъ всѣхъ впечатлѣній уличной жизни и окружавшихъ его замкнутымъ міромъ ему одному понятныхъ чувствъ и мыслей, съ которыми бродилъ онъ, зѣвая на идущихъ и ѣдущихъ, стоялъ, облокотившись на перила канавы и смотря на флотилію барокъ съ копошащимися на нихъ мужиками, сидѣлъ на скамейкѣ бульвара, слѣдя за прохожими или за тѣмъ, какъ дерутся другъ съ другомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на дорожкѣ аллеи, два воробья... И онъ былъ бы согласенъ провести такимъ образомъ хоть цѣлую жизнь!

Но лѣто кончалось и наступали дождливые осенніе дни.

— Что же, докуда онъ будетъ у насъ этакъ болтаться-то?— услышалъ разъ Павля восклицаніе маменьки.

Онъ сидѣлъ, въ это время, въ своей уединенной каморкѣ, въ любимомъ бездѣйствіи, наблюдая, какъ по стекламъ окошка сбѣгали струи дождя, и уныло думалъ о неизбѣжномъ концѣ своихъ счастливыхъ уличныхъ странствованій...

Эти слова повѣяли на него чѣмъ-то зловѣщимъ. Онъ ни разу еще не задавался вопросомъ о будущемъ, но теперь было ясно, что въ жизни его должна наступить перемѣна и что впереди ему что-то готовится...

Дѣйствительно, что-то готовилось. Онъ въ томъ убѣждался изъ таинственныхъ совѣщаній, которыя вели теперь все чаще и чаще маменька съ папенькой. Они при немъ тотчасъ же смолкали, изъ чего Павлѣ было совсѣмъ уже ясно, что именно о немъ идетъ разговоръ.

— Долженъ же генералъ войти въ наше положеніе!—волновалась, въ этихъ случаяхъ, маменька. — Говорилъ ли ты такъ, какъ я учила тебя?

— Говорилъ все, какъ слѣдуетъ...—отвѣчалъ нерѣшительно папенькинъ голосъ.

— Воображаю себѣ!.. Эхъ, взяла бы я васъ обоихъ съ сыночкомъ-то, да разложила, да хорошенечко выпорола!.. Ну, да ужъ что... Вижу, что придется мнѣ самой за это приняться!

Затѣмъ разговоръ прерывался и между супругами надолго водворялось молчаніе.

— Ну, вотъ, и вышло, какъ я говорила! — съ торжествомъ объявила разъ маменька.

Въ этотъ день она особенно тщательно мылась и чистилась и тотчасъ же послѣ обѣда нарядилась въ свое парадное платье. Потомъ она ушла изъ дому и вернулась чрезвычайно довольная. Заявила она о своемъ торжествѣ за чаемъ, въ присутствіи Павли.

— Безъ жалованья?—спросилъ папенька.

— А ты какъ полагалъ?

— Безъ жалованья-то что-жъ... Безъ жалованья-то, и самъ я знаю, не штука...—заявилъ меланхолически папенька.

— „Не штука! не штука!“—передразнила его презрительно маменька. — А что же ты-то до сихъ поръ не устроилъ? Вотъ тебѣ и „не штука!..“ Не вступись я сама, онъ бы и теперь еще мямлилъ... „Пусть, говоритъ, подастъ мнѣ прошеніе...“

Все это сообщала маменька папенькѣ, не обращая вниманія на Павлю, какъ будто это совсѣмъ до него не касалось. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ отлично, что рѣчь шла именно о его опредѣленіи на службу, которое, наконецъ, было устроено.

Послѣ чаю папенька усѣлся за столъ и принялся писать. Окончивъ, онъ подалъ Павлѣ листъ прекрасной писчей бумаги вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ написалъ, и при этомъ прибавилъ:

— Перепиши это сейчасъ какъ можно получше.

И Павля старательно принялся выводить: „Его Превосходительству“—крупно, затѣмъ, помельче: „такому-то“; ниже, подъ этимъ: „сына такого-то“, а потомъ, еще ниже, совсѣмъ уже крупно: „Прошеніе“... Затѣмъ слѣдовало: „Будучи...“ и пр.

Этотъ вечеръ Павелъ Иванычъ помнитъ такъ живо, будто онъ былъ только вчера.

Еще помнитъ онъ вотъ что.

Портной принесъ только что сшитый для него форменный вицъ-мундиръ. Павля стоитъ передъ зеркаломъ, облеченный въ обновку, и любуется на свое отраженіе. Съ зеркала смотритъ на него толстенькій юноша, съ круглыми щеками и носомъ и гладко причесанными височками свѣтлорусыхъ волосъ. Глаза у него большіе

и сѣрые, нѣсколько выпученные, губы румяныя, и надъ верхней золотится очень замѣтно рыжеватый пушокъ, который можно уже ущипнуть...

Ему было тогда уже нѣсколько болѣе шестнадцати лѣтъ.

XIV.

Ярко-оранжевый, уже не грѣющій лучъ заходящаго солнца, которое скоро исчезнетъ за крышами сосѣднихъ домовъ, упалъ на изображеніе, въ ростъ, Михаила Архангела, съ личикомъ кудрявой хорошенькой дѣвушки, съ бѣлыми крыльями, въ голубомъ чешуйчатомъ панцырѣ и зеленыхъ чулочкахъ съ щеголеватыми бантиками. Онъ наступилъ пятою на грудь поверженнаго у ногъ его красно-бураго дьявола, устремляя въ него пламенный мечъ.

Павля хорошо уже знаетъ, что когда солнечный лучъ добрался до этого пункта, т.-е до этой узенькой двери, а по церковному „сѣверныхъ вратъ“, и она запестрѣла всѣми своими яркими колерами, то, значитъ, великопостной службѣ скоро конецъ. И дѣйствительно, ангелъ и дьяволъ тихо подались во внутрь алтаря, и оттуда вышелъ маленькій, сѣденькій попикъ, направляясь къ срединѣ амвона. Онъ теперь ужъ безъ ризы, въ одной коричневой рясѣ и эпитрахили. Среди водворившейся между молящимися выжидательной тишины, слышится звукъ его медленныхъ, стариковскихъ шаговъ.

Затѣмъ раздается, раздѣльно и явственно, дребезжащій его голосокъ:

„Господи и Владыко живота моего!.. Духъ праздности... унынія... любоначалія... и празднословія... не даждь ми!“

По церкви проходитъ тотъ шорохъ, какой производитъ порывистый вѣтеръ, вздымающій въ воздухѣ сухіе осенніе листья. Это вся молящаяся толпа встаетъ на колѣни и опускается ницъ.

И вотъ конецъ утренѣ. Священникъ произноситъ „отпустъ“ и въ послѣдній разъ благословляетъ съ амвона всѣхъ здѣ предстоящихъ. Толпа, наполнявшая церковь, зашумѣла и двинулась къ выходу.

Павля уже давно стоитъ у дверей, ведущихъ въ притворъ. Онъ прижался къ стѣнѣ и наблюдаетъ выходящихъ изъ церкви, всматриваясь въ фигуры и лица. На мужчинъ онъ не обращаетъ вниманія, за то каждая женская шляпка, мелькнувшая въ движущейся мимо толпѣ, привлекаетъ моментально къ себѣ его взоры. Елкинъ выискиваетъ между ними одну. Она свѣтло-лиловая, шелковая, съ синимъ перомъ... Ея нѣтъ...

Онъ не покидаетъ своего сторожевого поста до самой послѣд-

ней минуты, т.-е. пока передъ нимъ не оказывается уже ни единой души. Онъ бросаетъ послѣдній взглядъ въ опустѣвшую внутренность церкви, гдѣ теперь лишь два сторожа тушатъ передъ мѣстными иконами свѣчи, и, наконецъ, выходитъ на улицу.

Такъ и не было вовсе сегодня свѣтло-лиловой шляпки съ синимъ перомъ! А онъ, стоя въ церкви, все время льстилъ себя смутной надеждой, что она замѣшалась гдѣ-нибудь въ этой толпѣ и онъ ее встрѣтитъ при выходѣ...

Онъ медленно бредетъ во-свояси. Солнце ушло уже за крыши и вокругъ опускается мгла все болѣе густѣющихъ сумерекъ. Въ воздухѣ стоитъ стукъ и грохотъ извозчичьихъ дрожекъ. Всего лишь нѣсколько дней, какъ мостовыя освободились отъ снѣга, и на отвыкшее отъ звуковъ улицы ухо это дѣйствуетъ положительно одуряющимъ образомъ...

Въ самомъ воздухѣ чуется что-то глубоко раздражающее... Хочется куда-то идти, идти, безъ конца, и дышать широко, всѣми легкими... Но куда идти и гдѣ такъ можно дышать?.. Некуда идти и даже совсѣмъ невозможно!

И Павля бредетъ медленно къ дому.

Вотъ онъ пришелъ. Все, какъ всегда. На столѣ шипитъ самоваръ. Маменька бренчитъ чайной посудой. Папенька, вернувшійся тоже изъ церкви, бережно прячетъ снятый съ себя черный сюртукъ въ гардеробъ, собираясь переоблачиться изъ крахмальной сорочки въ ночную. Передъ образами тускло мерцаютъ лампады.

Всѣ садятся къ столу. Всѣ молчатъ, ибо устали, да и говорить рѣшительно не о чемъ. Весь актъ чаепитія протекаетъ въ полнѣйшемъ безмолвіи. Самоваръ тихо поетъ, усугубляя царящую окрестъ великопостную скуку.

— Кто еще будетъ пить? — нарушаетъ молчаніе маменька.

— Я не буду, — отзывается папенька.

— А ты? — обращается маменька къ Павлѣ.

— И я не хочу, — отвѣчаетъ, въ свою очередь, тотъ.

— Степанида, бери самоваръ!

— О охъ, Боже мой, Боже мой! — вставая, вздыхаетъ вполголоса папенька и идетъ къ своему рабочему столу заниматься.— *„Да исправится моли-итва моя... Яко кади-ило...“* мурлыкаетъ онъ тоненькимъ голосомъ, шурша дѣловыми бумагами.

— Отчего блюдечко треснуло? У тебя оно треснуло?—сурово ведетъ діалогъ со Степанидою маменька, перемывая посуду.

— Гдѣ блюдечко треснуло? — переспрашиваетъ угрюмо кухарка.

— Вотъ гдѣ треснуло! Видишь?

— *„Воздѣяніе ру-уку моею... жертва вече-ерняя...“* Охъ,

Господи, Господи! — вздыхаетъ, въ другой комнатѣ, папенька и затѣмъ утихаетъ уже окончательно, погрузившись въ работу.

Становится тихо совсѣмъ. Слышится только, какъ ходитъ по комнатамъ, предпринявшая копотливую возню съ лампадками, маменька, да неумолчно скрипитъ перомъ папенька, согнувшись въ три погибели за своимъ рабочимъ столомъ.

Но вотъ и эти звуки затихли. Незамѣтно подкралась и ночь. Спятъ папенька съ маменькой, спитъ Степанида, при свѣтѣ горящихъ по всей квартирѣ лампадокъ.

Не спитъ только Павля. Онъ лежитъ на спинѣ, устремивъ глаза въ уголъ, гдѣ виситъ икона Спасителя. Тамъ отражаются тѣни отъ длинныхъ цѣпочекъ висячей лампадки, и мнится, что это какой-то огромный паукъ распростеръ свои лапы... По временамъ огонекъ слабо трепещетъ и вздрагиваетъ, и тогда можно подумать, что паукъ хочетъ спуститься...

А сонъ къ Павлѣ все не приходитъ, но юноша этимъ ничуть не томится. Ему такъ хорошо въ этой тишинѣ, одиночествѣ! Онъ все лежитъ, не перемѣняя своего положенія, и не сводитъ глазъ съ одной точки. А мысли плывутъ... Богъ вѣсть, о чемъ эти мысли! Можно сказать только одно, что онѣ далеки, совсѣмъ далеки отъ всей этой, окружающей его, обстановки, отъ всѣхъ этихъ стѣнъ, отъ самаго бураго дома... Онѣ витаютъ и расплываются среди какихъ-то смутныхъ, неуловимыхъ и загадочныхъ образовъ, а изъ нихъ всѣхъ яснѣе, всѣхъ ярче, выдѣляется образъ молодой женской фигуры въ свѣтло-лиловой шляпкѣ съ синимъ перомъ...

Онъ начинаетъ придумывать, отчего сегодня ея не было въ церкви. Больна? Что-нибудь ее задержало?.. Или, быть можетъ, она совсѣмъ перестала ходить сюда, въ эту церковь, и избрала другую?.. При этой догадкѣ сердце его сжимается тоскливою болью.

А что, если онъ, просто-на-просто, ее проглядѣлъ?.. Онъ вспоминаетъ, что былъ одинъ такой случай, когда толпа плотно стѣснилась въ притворѣ, и ничего нѣтъ мудренаго, что въ этой давкѣ онъ ее пропустилъ... Нѣтъ, нужно пораньше ходить и становиться ближе къ дверямъ, тогда никто не пройдетъ мимо него незамѣченнымъ... Завтра же будетъ онъ тамъ раньше всѣхъ, до начатія утрени, и встанетъ у самыхъ дверей!

Успокоенный этою мыслью, онъ, наконецъ, засыпаетъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ *).

I.

Вопросъ о фигурѣ и размѣрахъ земли съ самыхъ древнихъ временъ занималъ ученыхъ, но, несмотря на то, что въ рѣшеніи его участвовали наиболѣе выдающіеся умы, этотъ краеугольный вопросъ при трактованіи важнѣйшихъ задачъ геодезіи и астрономіи до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Если земля представляетъ сфероидъ, сжатый у полюсовъ, или, точнѣе, фигуру, близкую къ нему, которой въ новѣйшей геодезіи придается названіе геоида, то линейная величина градуса меридіана должна возрастать по направленію отъ экватора къ полюсамъ; чѣмъ больше сжатіе земли у полюсовъ, тѣмъ быстрѣе должно быть возрастаніе линейной величины градуса по направленію отъ экватора, и поэтому, имѣя точныя данныя о линейной величинѣ дуги меридіана въ разныхъ широтахъ, можно, обратно, вычислить величину сжатія земли и тѣмъ самымъ получить основы для опредѣленія ея фигуры и размѣровъ.

Со времени двухъ французскихъ экспедицій, посланныхъ Людовикомъ XV въ Перу и Лапландію и принесшихъ первыя несомнѣнныя доказательства въ пользу того, что земля представляетъ сжатіе у полюсовъ, большинство цивилизованныхъ странъ производило работы въ томъ же направленіи; но наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ этого рода было градусное измѣреніе, произведенное русскими и скандинавскими учеными отъ Дуная до Ледовитаго океана, главнымъ образомъ на средства отпущенныя Императоромъ Николаемъ I.

Тѣмъ не менѣе, всѣ числовыя величины для сжатія земли, полученныя какъ изъ данныхъ градусныхъ измѣреній, такъ и изъ наблюденій надъ качаніями маятника, не могли считаться достаточно точными. Не доставало измѣреній въ болѣе высокихъ широтахъ, гдѣ разница въ величинѣ градусовъ должна сказаться болѣе рѣзко, и проектъ такихъ измѣреній былъ предложенъ почти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ англій-

*) Рѣчь академика Θ. Н. Чернышева, читанная въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 17-го декабря 1900 г. о ходѣ работъ экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на островахъ Шпицбергена въ 1899—1900 гг.

скимъ капитаномъ Сабиномъ, убѣдившимся при личномъ посѣщеніи въ возможности проведенія сѣти тріангуляціи на островахъ Шпицбергена. Почти тридцать лѣтъ проектъ этотъ оставался безъ движенія, пока скончавшійся въ нынѣшнемъ году профессоръ Торелль не выступилъ передъ шведской академіей наукъ съ напоминаніемъ о планѣ Сабина, и не была послана рекогносцировочная экспедиція, въ составъ которой вошли Хиденіусъ и Дунеръ. Неблагопріятныя условія 1861 года не дали возможности докончить рекогносцировку, и потому въ 1864 году была послана новая экспедиція, въ которой приняли участіе Норденшельдъ и Дунеръ. Результатъ этой рекогносцировки вполнѣ убѣдилъ, что предпріятіе по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ, хотя и не лишено трудностей, но вполнѣ возможно, и что успѣхъ его зависитъ исключительно отъ средствъ экспедиціи. Таковыхъ, однако, не нашлось, и протекло еще болѣе тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ планъ шпицбергенскихъ градусныхъ измѣреній осуществился въ 1899 году.

О природѣ острововъ Шпицбергена существуетъ довольно богатая литература на шведскомъ языкѣ, но въ русской литературѣ объ этомъ архипелагѣ имѣются лишь скудныя данныя, и потому я считаю не лишнимъ познакомить вкратцѣ съ природой тѣхъ острововъ, гдѣ предположено произвести градусныя измѣренія.

Названіе «Шпицбергенъ» принадлежитъ группѣ острововъ, въ 450 морскихъ миляхъ къ сѣверу отъ Тромзе. Наиболѣе крупный изъ этихъ острововъ носитъ названіе Западнаго Шпицбергена. Этотъ островъ проливомъ Гинлопенъ отдѣленъ отъ другого значительнаго острова, носящаго названіе Нордъ-остъ-ландъ или сѣверо-восточной земли, а южнѣе обширный заливъ Стурфіордъ вдается между западнымъ Шпицбергеномъ и лежащими къ востоку землей Барентса и Станъ-фореландъ. У западнаго берега Шпицбергена тянется скалистый островъ Принца Карла, къ сѣверу же отъ Нордъ-остъ-ландъ лежитъ группа Семи острововъ, изъ которыхъ самый сѣверный находится подъ 80° 49′. Если я напомню, что Зюдъ-капъ, южная оконечность Западнаго Шпицбергена, лежитъ подъ 76° 30′ сѣв. широты, то мы получимъ, что группа острововъ Шпицбергена растянулась болѣе чѣмъ на четыре съ четвертью градуса по дугѣ меридіана.

По взглядамъ современныхъ геологовъ, занимавшихся изученіемъ геологіи сѣвера, архипелагъ Шпицбергена представляетъ сѣверо западную часть обширнаго материка, который въ недавнее время составлялъ одно цѣлое съ сѣвероиъ Европы, и остатками котораго въ настоящее время являются Медвѣжій островъ, архипелагъ Шпицбергена, земля Франца Іосифа и Новая Земля. Границы этого материка, извѣстнаго подъ названіемъ «Арктиса», отчетливо видны при разсмотрѣніи карты глубинъ сѣверной части Атлантическаго океана и Баренцова и Мурманскаго морей, гдѣ мы видимъ рѣзкое паденіе глубинъ къ западу отъ линіи, идущей отъ берега Норвегіи мимо Медвѣжьяго острова къ за-

падному берегу Шпицбергена, и относительно небольшія глубины Баренцова и Мурманскаго морей. Подобное же быстрое возрастаніе глубинъ наблюдается и къ сѣверу отъ Шпицбергена. Геологически западная граница Арктиса ясно обрисовывается полосой древнихъ складчатыхъ образованій, тянущихся отъ Гебридскихъ и Шотландскихъ острововъ черезъ западную Норвегію и Медвѣжій островъ къ западному Шпицбергену и входящихъ въ составъ обширнаго додевонскаго кряжа, который, по почину извѣстнаго геолога Зюса, принято называть цѣпью Каледонскихъ горъ.

Продолженіе цѣпи этихъ горъ вдоль запада Шпицбергена обусловливаетъ присутствіе здѣсь ландшафта чисто альпійскаго характера, состоящаго изъ параллельно вытянувшихся горныхъ хребтовъ, съ рѣзко очерченными зубчатыми гребнями (рис. 1) и отдѣльными пикообразными

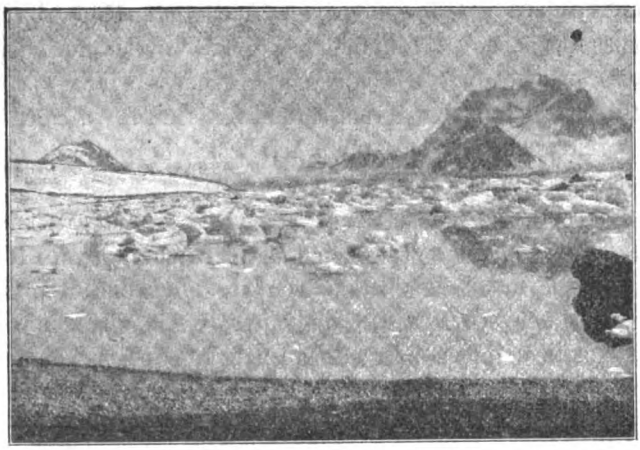


Рис. 1. Бухта Адріа и Горнзундъ-тиндъ, высшая точка южнаго Шпицбергена.

вершинами, достигающими 1.200 метровъ въ цѣпи горъ Горнзундъ-тинда и свыше 1.700 м. въ массивѣ Хиденіуса. Характеръ этого ландшафта рѣзко отличенъ отъ прилегающаго съ востока плато, все расчлененіе котораго обязано исключительно размыву (рис. 2), при абсолютныхъ высотахъ отъ 400 до 700 метровъ. На границѣ складчатыхъ образованій, представляемыхъ кристаллическими сланцами и осадками нижнесилурійскаго возраста, и прилегающаго плато можно наблюдать и осадки болѣе юнаго возраста (отъ девонскаго до третичнаго) круто приподнятыми (рис. 3) вдоль явственно выраженныхъ линій сброса, протягивающихся въ сѣверо-южномъ направленіи. Но стоитъ отодвинуться внутрь страны, и геологическая картина совершенно мѣняется: все пространство по обѣ стороны Стурфіорда и по берегамъ пролива Гинлопенъ представляетъ почти горизонтально залегающіе слои, обрывающіеся крутыми стѣнами къ морю. На долю плато приходится большая часть поверхности описы-

ваемаго архипелага, и первые открыватели его голландцы едва ли назвали бы его Шпицбергеномъ, если бы впервые попали къ нему съ востока, а не съ запада.

Таковъ скелетъ Шпицбергена, окутанный ледянымъ обширнымъ

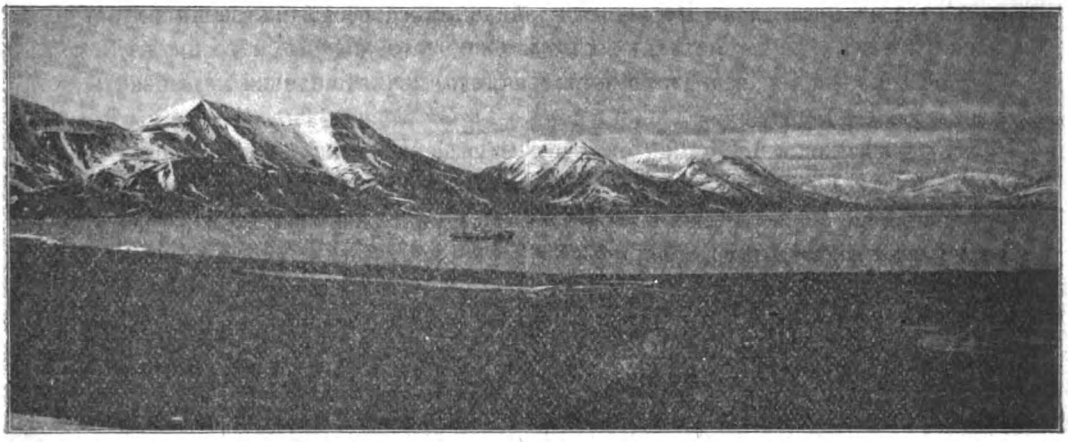


Рис. 2. Адвендъ-бай. Въ бухтѣ на якорѣ Баканъ.

покровомъ, отъ котораго спускаются ледники какъ на западную, такъ и на восточную сторону. Лишь въ средней части Западнаго Шпицбергена, между Айсфіордомъ и бухтой Агарда, отсутствуетъ сплошной покровъ льда; на всемъ же остальномъ пространствѣ, съ какой бы

Рис. 3. Хребетъ Маріи у бухты Адріа.

вершины мы ни смотрѣли внутрь острова, повсюду разстилается бѣлая пелена льда, среди котораго выступаютъ отдѣльныя вершины, на подобіе гренландскихъ нунатакъ (рис. 4). Вблизи такихъ нунатакъ находятся мѣста, самыя опасныя для путешествія по материковому льду, такъ

какъ вблизи нихъ на льду обыкновенно встрѣчается много трещинъ, достигающихъ нерѣдко свыше метра въ ширину и идущихъ вначалѣ вертикально, а затѣмъ наклонно до весьма значительной глубины. Горе путешественнику, соскользнувшему въ эту наклонную часть трещины! Подобныя же трещины встрѣчаются и на всемъ пути материковаго льда, гдѣ послѣдній при своемъ движеніи встрѣчаетъ рѣзкія неровности ложа.

Спускающіеся изъ сплошного ледяного покрова ледники круто обрываются къ морю и особенно грандіозныхъ размѣровъ достигаютъ въ восточной части Шпицбергена—въ Стурфіордѣ и проливѣ Гинлопенъ. Весь островъ Нордъ-остъ-ландъ сплошь покрытъ льдомъ, представляя одинъ изъ обширнѣйшихъ ледниковъ сѣвернаго полушарія. Нѣкоторые изъ ледниковъ Стурфіорда имѣютъ въ ширину до 20 и болѣе верстъ.

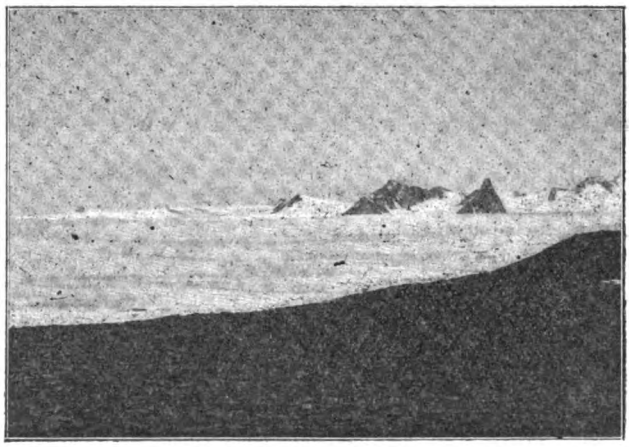


Рис. 4. Нунатаки на востокѣ отъ бухты Адріа.

иногда же представляются въ видѣ обширныхъ языковъ, уходящихъ, на подобіе полуостроковъ, въ море. Въ іюлѣ и августѣ, когда бываетъ максимальное нагрѣваніе и усиленное таяніе, громадныя глыбы льда, доходящія до нѣсколькихъ тысячъ кубическихъ метровъ, отламываются отъ края ледниковъ и затѣмъ разносятся теченіями въ видѣ айсберговъ (рис. 5). Должно, однако, замѣтить, что, несмотря на обширное современное развитіе ледяного покрова на Шпицбергенѣ, ледники его въ общемъ находятся въ періодѣ убыванія, и на многихъ изъ нихъ можно встрѣтить какъ бы отмирающія части, служащія наилучшимъ путемъ передвиженія внутрь страны, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ почти нѣтъ опасныхъ зіяющихъ трещинъ, и лишь бугристая неровная поверхность льда говоритъ о прежнемъ ихъ существованіи.

Айсберги, главная масса которыхъ находится подъ водой, слѣдуютъ въ своемъ движеніи направленіямъ теченій, и въ этомъ отношеніи ихъ движеніе существенно отличается отъ перемѣщеній морского льда или

ледяныхъ полей, которыя переносятся въ ту или другую сторону главнѣйше подъ вліяніемъ вѣтровъ.

Западная часть Шпицбергена, вдоль которой проходитъ теплое теченіе, идущее съ юга, очищается отъ льдовъ обыкновенно уже къ первымъ числамъ іюня, осенью же нѣкоторые фіорды не замерзаютъ довольно продолжительное время, и, какъ исключительное явленіе, можно привести, что Айсфіордъ зимой 1898—1899 года оставался открытымъ до первыхъ чиселъ января, а въ слѣдующемъ году русскіе зимовщики могли видѣть незамерзшимъ Горнзундъ еще въ половинѣ января. Гораздо позже очищается отъ льда восточная часть Шпицбергена—Стурфіордъ и Гинлопенъ-зундъ. Въ южной части Стурфіорда играетъ, повидимому, значительную роль теплое теченіе, идущее съ юга къ Стансъ-фореланду; но сѣверная часть Стурфіорда и Гинлопенъ-зунда

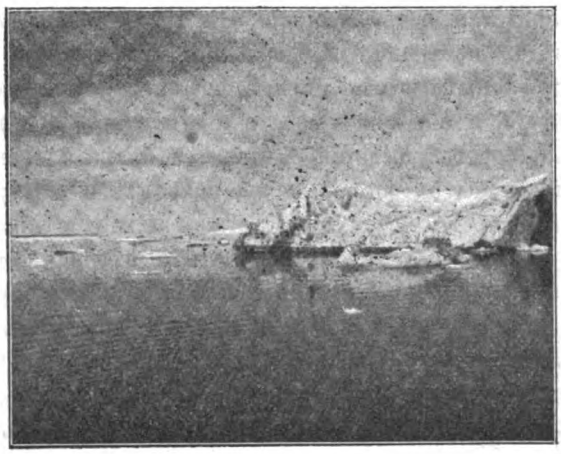


Рис. 5. Айсбергъ.

очищаются отъ льда въ зависимости отъ господствующихъ лѣтомъ вѣтровъ. Вообще они становятся вполнѣ доступны въ концѣ іюля или въ началѣ августа; но лѣтомъ 1899 года условія въ Стурфіордѣ были особенно благопріятны, и уже во второй половинѣ іюня былъ вынесенъ ледъ изъ всѣхъ бухтъ этого фіорда; напротивъ того, лѣто 1900 года было исключительно неблагопріятно, и подъ вліяніемъ непрерывно дувшихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ восточныхъ, сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ вся южная часть Стурфіорда оказалась забитой надвинувшимися массами полярныхъ льдовъ, надѣлавшихъ немало затрудненій работамъ русской экспедиціи.

Къ сѣверу отъ Шпицбергена разстилается такъ называемый полярный ледъ, относящійся къ той общей массѣ льда, который намерзаетъ въ полярномъ морѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, согласно даннымъ, добытымъ экспедиціей Нансена, слѣдуетъ общему движенію отъ сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири къ проходу между Гренлан-

діей и Шпицбергеномъ. Этотъ ледъ, представляющій преграду для плаванія судовъ, отодвигается то болѣе къ югу, то́ къ сѣверу, въ зависимости отъ вѣтровъ, и, надвигаясь на сѣверные берега Шпицбергена, дѣлаетъ ихъ совершенно недоступными. Въ рѣдкіе, впрочемъ годы обстоятельства бываютъ на столько неблагопріятны, что нельзя было во все лѣто проникнуть къ сѣверо-восточной оконечности Шпицбергена.

Для краткой характеристики той страны, гдѣ производятся градусныя измѣренія, слѣдуетъ еще упомянуть два слова о томъ, что температура въ лѣтніе мѣсяцы колеблется тамъ въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ, рѣдко поднимаясь свыше+10° С. и также рѣдко падая ниже 0°; вообще же суточныя колебанія температуры на берегу океана и въ глубинѣ фіордовъ не велики и при облачномъ небѣ зачастую не превышаютъ 1—2 градусовъ. Но за то большимъ тормазомъ для работъ представляютъ туманы. Въ такихъ широкихъ заливахъ, какъ Стурфіордъ, постоянно наблюдается, что вѣтеръ съ западнаго берега дѣлаетъ яснымъ этотъ берегъ, но наноситъ густой туманъ на берегъ восточный, и обратно — восточный вѣтеръ покрываетъ туманомъ западный берегъ. Условія становятся болѣе благопріятными по мѣрѣ движенія въ глубь фіордовъ, на покровѣ же внутренняго материковаго льда ясность воздуха зачастую держится продолжительное время, и при этомъ приходится поражаться прозрачностью воздуха, благодаря которой всѣ наши привычныя опредѣленія разстояній на глазъ оказываются меньшими въ нѣсколько разъ противъ ихъ дѣйствительныхъ величинъ.

Я не рѣшаюсь коснуться вопроса о флорѣ и фаунѣ острововъ Шпицбергена, равно какъ и бывшихъ на немъ временныхъ поселеній, такъ какъ это сильно удлинило бы мой разсказъ. Упомяну лишь, что со стороны русскихъ было сдѣлано больше всѣхъ націй попытокъ колонизировать Шпицбергенъ съ промышленными цѣлями, и еще въ первой половинѣ XIX-го столѣтія архангельскіе поморы стремились ради промысловъ на Грумандъ, называя этимъ именемъ острова Шпицбергена. При разсказахъ объ этихъ зимовкахъ невольно востаетъ въ памяти русскій богатырь—поморъ Старостинъ, проведшій, по преданію, подъ рядъ 27 зимъ на непріютномъ Грумандѣ, у входа въ Айсфіордъ.

II.

Перехожу теперь къ изложенію работъ экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ.

Читающей публикѣ извѣстно, что градусныя измѣренія на Шпицбергенѣ организованы Императорской русской и королевской шведской академіями наукъ. Выработку программы и руководство работами

экспедицій, посылаемыхъ со стороны Россіи и Швеціи, вѣдаютъ особыя Высочайше назначенныя коммиссіи, изъ которыхъ русская находится подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской академіи наукъ, во главѣ же шведской коммиссіи поставленъ шведскій кронъ-принцъ Густавъ.

На многократныхъ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ членовъ русской и шведской коммиссій была разработана широкая программа экспедиціи, которая должна внести цѣлый рядъ новыхъ данныхъ въ науку и, помимо чисто геодезическихъ и астрономическихъ работъ, должна собрать рядъ интересныхъ наблюденій надъ распредѣленіемъ силы тяжести, надъ вліяніемъ массъ породъ на отклоненіе отвѣсной линіи, произвести любопытныя изслѣдованія загадочной до сихъ поръ природы сѣверныхъ сіяній и непрерывныя метеорологическія и магнитныя наблюденія въ теченіе цѣлаго года, при условіи зимовки русскихъ и шведовъ въ различныхъ пунктахъ на Шпицбергенѣ. На этихъ совѣщаніяхъ была, между прочимъ, проектирована сѣть 22-хъ трехугольниковъ, начиная отъ острова Россъ на сѣверѣ до горы Кейльхау на югѣ Шпицбергена. Разсчитывая на исключительную прозрачность воздуха въ полярныхъ странахъ, стороны нѣкоторыхъ трехугольниковъ въ южной части Стурфіорда проектированы болѣе чѣмъ въ 130 километровъ. Въ виду того, что посланной шведами подготовительной экспедиціей 1898 года закончена рекогносцировка и поставлены тригонометрическіе сигналы только въ сѣверной части проектированной сѣти трехугольниковъ, на долю русскихъ выпала обязанность сдѣлать лѣтомъ 1899 г. подобную же рекогносцировку всего Стурфіорда. Въ виду поздняго освобожденія отъ льдовъ Стурфіорда, а также малаго знакомства съ его берегами, рекогносцировка въ этомъ фіордѣ всѣми знатоками Шпицбергена считалась за крайне трудную работу, едва-ли исполнимую въ теченіе одного лѣта.

Въ составъ экспедиціи 1899 года вошли: капитанъ генеральнаго штаба Д. Д. Сергіевскій, докторъ медицины А. А. Бунге, астрономы А. С. Васильевъ, В. В. Ахматовъ, І. І. Сикора, А. П. Ганскій и А. Д. Педашенко, физики Э. В. Штеллингъ и А. Р. Бейеръ, натуралисты А. А. Бялыницкій-Бируля, студентъ О. О. Баклундъ и механикъ Ганъ. Кромѣ того, въ составъ рекогносцировочной партіи были командированы со стороны шведской коммиссіи баронъ де-Геръ и лейтенантъ Кноррингъ. Въ распоряженіи экспедиціи находились: военный транспортъ «Бакланъ», подъ командой капитана 2-го ранга Ергомышева и «Ледоколъ 2-й» либавскаго порта подъ командой капитана Екимовича; кромѣ того, для подвоза изъ Тромзе угля для экспедиціонныхъ судовъ и другихъ грузовъ былъ зафрахтованъ на время экспедиціи шведскій пароходъ «Бетти», подъ командой Арведсона.

Для непосредственнаго руководства работами экспедиціи лѣтомъ 1896 года отправились на Шпицбергенъ члены русской коммиссіи академикъ О. А. Баклундъ и я.

13-го іюня соединенная эскадра русскихъ и шведскимъ судовъ вышла изъ Тромзе и направилась къ Шпицбергену. По первоначальному плану, русскія суда должны были идти прямо въ Стурфіордъ въ гавань Андерсона, гдѣ предполагалось устройство русской зимовки, а шведскія суда должны были стараться пройти въ одинъ изъ сѣверныхъ пунктовъ тригонометрической сѣти и выбрать тамъ мѣсто для зимовки шведскихъ ученыхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что суда экспедиціи, загруженныя постройками для зимовки, полуторагодичными запасами провіанта, инструментами и т. п., не могли взять большого количества угля, и потому вопросъ о скорѣйшемъ выборѣ мѣста для зимовки и о выгрузкѣ «Бетти», долженствовавшей затѣмъ отправиться въ Тромзё за углемъ, требовалъ возможно скораго рѣшенія. Полное отсутствіе въ южной части Стурфіорда какой бы то ни было бухты, пригодной для выгрузки построекъ, и рискъ идти къ гавани Андерсона, при малыхъ запасахъ угля и возможности встрѣтить тамъ ледъ, заставили насъ отступить отъ этого плана и основать русскую зимовку на западномъ берегу Шпицбергена — въ Горнзундѣ, куда экспедиція прибыла 16-го іюня. Какъ можно будетъ усмотрѣть изъ дальнѣйшаго разсказа, это вынужденное рѣшеніе оказалось въ высшей степени удачнымъ, такъ какъ лишь благодаря доступности Горнзунда удалось уже въ маѣ мѣсяцѣ 1900 года достигнуть русской зимовки; гавань же Андерсона во все лѣто этого года была отрѣзана поясомъ непроходимаго льда, и если бы тамъ устроилась зимовка русскихъ, то въ высшей степени сомнительной была бы возможность добраться до этой зимовки и снять прозимовавшую часть экспедиціи. Вторичная зимовка была бы почти неизбѣжной, и благопріятный ея исходъ подлежалъ бы большому сомнѣнію.

Горнзундъ, едва-ли не самый живописный фіордъ Шпицбергена, вдается внутрь острова верстъ на 15 и совершенно открытъ съ западной стороны; но въ средней его части южный берегъ образуетъ довольно обширную бухту Гоесъ, защищенную отъ западныхъ вѣтровъ далеко вытягивающимся съ юга на сѣверъ мысомъ. Со всѣхъ сторонъ къ Горнзунду подходятъ высокіе альпійскіе кряжи, съ рѣзко очерченными гребнями, вытянутыми въ сѣверо-южномъ направленіи. Между отдѣльными кряжами спускаются большіе ледники, обрывающіеся къ морю крутыми стѣнами, и только одинъ изъ нихъ, лежащій къ югу отъ бухты Гоесъ, отступилъ отъ берега на значительное разстояніе внутрь страны. Плоскій южный берегъ бухты Гоесъ покрытъ сѣтью ледниковыхъ ручьевъ, между которыми возвышаются метра на 3—4 холмы, представляющіе остатки размытаго берегового холма. На одномъ изъ такихъ холмовъ, у юго-восточной оконечности бухты, и были раскинуты постройки русскаго зимовья.

По плану же, выработанному на соединенныхъ собраніяхъ шведской и русской коммиссій, работы геодезическія должны были быть начаты съ сѣвера, отъ Семи острововъ, гдѣ уже въ 1898 году шведской ре-

когносцировочной экспедиціей были выставлены сигналы. Поэтому, «Ледоколъ 2-й», какъ только освободился отъ экспедиціонныхъ грузовъ, въ полночь 25-го іюня отправился вдоль западнаго берега Шпицбергена къ гавани Вирго, гдѣ предполагалась встрѣча съ судами шведской экспедиціи. На немъ отправились академикъ Баклундъ и геодезисты Сергіевскій, Васильевъ, Сикора, Ганскій и Ахматовъ.

Уже 26-го іюня «Ледоколъ» былъ въ гавани Вирго, у сѣверо-западной оконечности Шпицбергена, гдѣ въ домѣ Пайка, подлѣ развалинъ сарая для шара Андрэ, было найдено письмо шведской экспедиціи, изъ котораго было видно, что она лишь наканунѣ выступила на востокъ.

Задержанный густымъ туманомъ «Ледоколъ» лишь 28-го іюня могъ двинуться къ крайнему изъ Норвежскихъ острововъ. Въ проливахъ былъ замѣченъ ледъ, и академикъ Баклундъ, поднявшись на одну изъ вершинъ, увидѣлъ въ проливахъ разбитый ледъ, а на востокѣ у мыса Велькомъ оба шведскія судна «Свенскзундъ» и «Рюрикъ», двигавшіяся на западъ. Очевидно, сплошной полярный ледъ заставилъ ихъ повернуть назадъ. Миновавъ заливъ Редъ, «Ледоколъ» встрѣтился со шведскими судами въ заливѣ Бискайеръ. Оказалось, что шведы сдѣлали попытку пробиться черезъ сплошной ледъ, но были затерты: «Свенскзундъ», у котораго винтъ, засоренный льдомъ, перестали работать, рисковалъ быть выброшеннымъ на берегъ. Въ критическій моментъ онъ съ трудомъ освободился.

Уже у залива Бискайеръ встрѣченъ былъ непроходимый полярный ледъ, и стало очевиднымъ, что выжидать болѣе благопріятнаго состоянія льдовъ было бы напрасной тратой времени, сопряженной, къ тому же, съ рискомъ остаться безъ угля. Въ виду этого назрѣла мысль измѣнить первоначальный планъ геодезическихъ работъ и, въ случаѣ благопріятныхъ условій въ Стурфіордѣ, сосредоточить работы русской экспедиціи въ этомъ фіордѣ. Ледоколъ повернулъ обратно въ Горнзундъ, а шведскія суда остались выжидать благопріятнаго движенія льдовъ съ тѣмъ, чтобы идти въ заливъ Трейренбергъ и заняться тамъ измѣреніемъ базиса около горы Гекла-Гукъ.

Послѣ прихода «Ледокола» въ Горнзундъ, геодезисты наши, въ ожиданіи «Бетти» съ новыми запасами угля, занялись подготовительными работами для установленія геодезической связи между зимовкой и сѣтью трехъугольниковъ въ Стурфіордѣ. Гг. Сергіевскій и Сикора взялись за трудную задачу устройства геодезическаго пункта и производства измѣреній на высотѣ до 800 метровъ, къ востоку отъ бухты Гоесъ, а гг. Ахматовъ и Ганскій должны были исполнить такую же работу на западной горѣ. Инструменты, палатки, провіантъ и т. п. пришлось тащить по каменнымъ розсыпямъ и по льду при уклонахъ отъ 25 до 45°.

Черезъ нѣсколько дней поднялась такая буря, какая бываетъ только

въ полярныхъ странахъ. При скорости 40 метровъ въ секунду вѣтеръ рвалъ палатки у мѣста зимовки и грозилъ разметать всѣ строительные матеріалы, выгруженные на берегъ. Послѣ прихода «Бетти» изъ Тромзе повторился опять жестокій вѣтеръ, прервавшій нагрузку угля на два дня. Изъ опасенія быть выброшенными на берегъ, всѣ суда стояли подъ парами и на двухъ якоряхъ.

18 іюля спустились съ горъ геодезисты. Во время ихъ пребыванія на горахъ туманъ пронизывалъ палатки, платье и обувь. Единственнымъ способомъ сушить платье было—спать, не раздѣваясь, въ спальномъ мѣшкѣ.

19 іюля «Ледоколъ», «Баканъ» и «Бетти» тронулись въ Стурфіордъ, назначивъ общій сборный пунктъ въ гавани Андерсона.

Пока шли вышеуказанныя работы въ Горнзундѣ, рекогносцировочная партія, доставленная въ Стурфіордъ на «Баканѣ», успѣла закончить постановку сигналовъ и съемки въ южной части градусной сѣти. Въ составъ этой партіи, кромѣ меня, вошли астрономъ Педашенко, баронъ де-Геръ, лейтенантъ Кнорингъ и студентъ Баклундъ. Частыя штормовыя погоды и густые туманы сильно тормозили работы этой партіи, къ тому располагавшей для передвиженій въ морѣ лишь двумя небольшими норвежскими лодками.

21 іюля въ бухту Бетти у Зюдъ-Капа пришелъ «Баканъ» и засталъ здѣсь, какъ ранѣе было условлено, рекогносцировочную партію, а 22 іюля всѣ экспедиціонныя суда собрались въ гавань Андерсона. На общемъ совѣщаніи рѣшено было какъ можно скорѣе приступить къ геодезическимъ работамъ на мысѣ Ли и на Уолесъ-поэнтѣ, рекогносцировочная же партія раздѣлилась на двѣ, чтобы въ возможно кратчайшій срокъ закончить постановку сигналовъ въ сѣверной части Стурфіорда. 24 іюля академикъ Баклундъ ушелъ на «Бетти» въ Тромзе, а на слѣдующій день «Баканъ» и «Ледоколъ» одновременно снялись съ якоря, слѣдуя первый на мысъ Недоразумѣнія, а второй къ мысу Ли и далѣе къ Уолесъ-поэнту.

Въ тотъ же день гг. Васильевъ и Ганскій съ ихъ партіей были у сигнала мыса Ли, а на слѣдующій день и партія гг. Сергіевскаго, Сикоры и Ахматова высадилась у Уолесъ-поэнта.

Рекогносцировка по разстановкѣ остальныхъ сигналовъ въ Стурфіордѣ, не исключая и сигнала на горѣ Сванбергъ, лежащей на 40 километровъ отъ берега залива Жиневры, пошла весьма успѣшно, и уже къ 8 августа вся работа рекогносцировочной партіи могла считаться оконченной. Между прочимъ оказалось, что постановка сигнала на горѣ Бѣлой, близъ сѣверо-восточнаго угла залива Жиневры, невозможна, такъ какъ вся вершина этой горы окутана постоянно снѣжнымъ покровомъ, и что взамѣнъ ея наиболѣе пригоднымъ пунктомъ можетъ служить плато Гельвальда. Съ окончаніемъ рекогносцировки дальнѣйшій мой планъ былъ таковъ, чтобы оставить «Баканъ» для под-

держанія сообщеній между геодезистами, на «Ледоколѣ» же идти черезъ проливъ Тименъ въ Гинлопензундъ и сдѣлать попытку добраться до экспедиціи шведской, которой нужно было передать второй универсальный инструментъ, оставшійся въ рукахъ русской экспедиціи изъ за невозможности установить сообщеніе между сѣверомъ и югомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Къ сожалѣнію, аварія, приключившаяся съ «Ледоколомъ» къ югу отъ мыса Недоразумѣнія и потребовавшая помощи «Бакана», заставила меня измѣнить этотъ планъ. Оставивъ «Ледоколъ» и «Баканъ» въ гавани Андерсона и имѣя въ виду, что починка «Ледокола» должна была занять около трехъ дней, я рѣшилъ попытаться дойти до залива Трейренбергъ, мѣста зимовки шведовъ, на пароходѣ «Бетти», вторично вернувшемся изъ Тромзе.

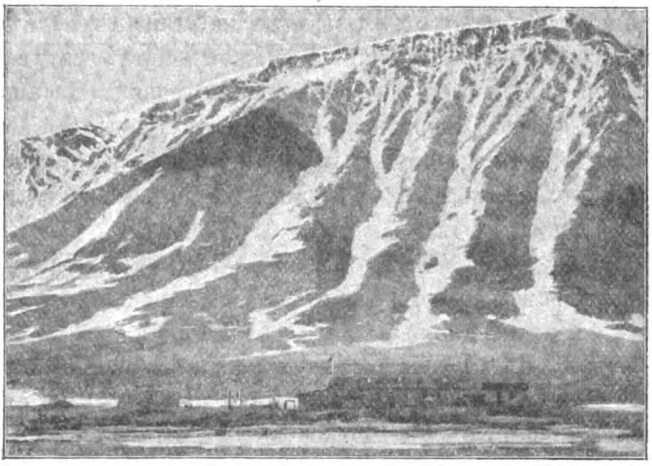


Рис. 6. Русская зимовка у подножія горы Чебышева въ Горнзундѣ.

Пригласивъ съ собою барона де-Гера, я въ ночь съ 11 на 12 августа вышелъ изъ гавани Андерсона. Безпрепятственно мы прошли проливъ Тименъ, разбитый ледъ у острововъ Вайгатъ и въ 9 ч. вечера 12 числа были на траверсѣ мыса Фаншафъ, у входа въ Ломмебай, въ 30 миляхъ отъ цѣли нашего путешествія. Тутъ мы встрѣтили поясъ настолько сплоченнаго льда, что дальнѣйшее плаваніе «Бетти», имѣвшей къ тому полный запасъ угля для зимовки и не застрахованной отъ льдовъ, сопряжено было съ большимъ рискомъ; поэтому капитанъ «Бетти» настоялъ на томъ, чтобы повернуть обратно въ Стурфіордъ.

Экспедиція оставалась въ Стурфіордѣ до 18 августа, т.-е. до того дня, какъ были закончены геодезическія работы на мысѣ Ли и Уолесъ-поэнтѣ и рекогносцировка базиса у подножія послѣдняго. Начинать работы на новыхъ пунктахъ, за позднимъ временемъ года, было рискованно, а между тѣмъ намъ предстояло еще выгрузить съ Бетти уголь для зимующихъ, а также нужно было дать время геодезистамъ на изготовленіе копій со всѣхъ журналовъ наблюденій. (Рис. 6).

19 августа вся наша эскадра прибыла въ Горнзундъ.

За время нашего отсутствія, благодаря энергіи доктора Бунге и усердію матросовъ и финскихъ мастеровъ, выросъ цѣлый поселокъ. Дома и обсерваторіи были готовы, а также установлены всѣ станціонные инструменты.

21 августа выгрузка угля на берегъ была также закончена. «Бакану» оставалось совершить послѣдній рейсъ въ Айсфіордъ, гдѣ предполагалось найти почту экспедиціи и собрать много любопытныхъ геологическихъ данныхъ. Это путешествіе заняло время по 26 августа.

28 августа было отпраздновано открытіе и освященіе русскаго поселка, которому въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Коммиссіи, дано названіе Константиновскаго, а 29 августа собрались на «Баканѣ» въ послѣдній разъ всѣ члены экспедиціи. Вечеромъ того же дня суда наши

Рис. 7. Русскіе зимовщики 1899—1900 года.

двинулись изъ бухты Гоесъ, посылая послѣднее «прости» начальнику экспедиціи капитану Сергіевскому, доктору Бунге, астрономамъ Васильеву, Сикорѣ, Ахматову, физику Бейеру, механику Гану и 12-ти матросамъ (рис. 7), которымъ предстояло до мая настоящаго года быть совершенно отрѣзанными отъ всего остального міра.

Въ общемъ, лѣтомъ 1899 года, по главному предпріятію экспедиціи—градуснымъ измѣреніямъ — кончена разстановка сѣти сигналовъ въ Стурфіордѣ, кончены геодезическія и астрономическія наблюденія на двухъ пунктахъ, наиболѣе трудныхъ въ южной части сѣти треугольниковъ, и сдѣлана рекогносцировка базиса у Уолесъ поэнта. На гг. Штеллинга и Бейера легла тяжелая работа по устройству обсерваторій метеорологической и магнитной. Благодаря чрезвычайной энергіи всѣхъ участвовавшихъ въ постройкѣ обсерваторій, удалось установить полную метеорологическую станцію 2-го разряда со дня высадки команды, а ко дню ухода нашихъ судовъ со Шпицбергена почти всѣ при-

боры магнитной и метеорологической обсерваторіи 1-го разряда были въ дѣйствіи. Установленъ на Шпицбергенѣ впервые и приведенъ въ дѣйствіе фотографическій магнитографъ. Кромѣ того, произведены были работы геологическія, топографическія и гидрографическія, значительно восполнившія скудныя свѣдѣнія о Стурфіордѣ, имѣвшіяся со времени путешествія Норденшельда и Дунера.

III.

Послѣ ухода со Шпицбергена экспедиціонныхъ судовъ жизнь на зимовкѣ вошла въ колею не сразу. Пока еще было свѣтло, надо было подвезти къ дому выгруженный на берегу уголь и построить три небольшія обсерваторіи—двѣ астрономическія и одну для наблюденій сѣверныхъ сіяній, а также небольшую пристройку для качаній маятника. Кромѣ того, построена была небольшая кузница и закрытое большое помѣщеніе для собакъ. Уже въ концѣ сентября температура спускалась до 12^0 ниже нуля, первое же сѣверное сіяніе наблюдалось 5-го сентября.

8-го октября зимовщики простились на 4 мѣсяца съ солнцемъ, съ этого дня уже не подымавшимся надъ горами, окаймляющими съ юга бухту Гоесъ. 24-го октября докторъ Бунге видѣлъ послѣднихъ птицъ.

Съ 5-го ноября установились правильныя занятія всѣхъ членовъ экспедиціи, измѣнявшіяся въ зависимости отъ погоды: при хорошей погодѣ и ясномъ небѣ—всѣ постоянно занимались астрономическими и другими наблюденіями. На время бурь, дождя и снѣговыхъ вьюгъ у каждаго изъ членовъ экспедиціи былъ свой уютный уголокъ съ письменнымъ столомъ, отъ котораго, по очереди, отрывались для производства ежечасныхъ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій. Самымъ важнымъ результатомъ занятій этого времени являются, безъ сомнѣнія, удачные фотографическіе снимки сѣвернаго сіянія и его спектровъ, сдѣланные астрофизикомъ экспедиціи І. І. Сикорой. Богатый матеріалъ, имъ полученный, требуетъ, конечно, еще тщательной обработки до окончательныхъ выводовъ; въ настоящее же время можно привести, со словъ І. І. Сикоры, слѣдующія любопытныя данныя, на основаніи ежеполучасныхъ записей формы сіяній, мѣста ихъ образованія и яркости. Сіянія, главнымъ образомъ, развивались на югѣ, востокѣ и западѣ отъ зимовки, на сѣверѣ же ихъ наблюдалось мало. На югѣ образовывались преимущественно дуги полосатаго, радіальнаго и расплывчатаго строенія, а на востокѣ и западѣ,изъ-за горъ, постоянно вырывались пучки лучей различной формы. Наибольшее количество сіяній и наибольшая ихъ интесивность наблюдалась по вечерамъ часовъ до 10—11, а послѣ полуночи сіяній было мало и вообще очень слабыхъ. На образованіе явленія несомнѣнно вліяетъ конфигурація окружающей мѣстности. За восточными и западными горами отъ бухты

Гоесъ были какіе-то очаги зарожденія сіяній: изъ-за этихъ горъ вырывались лучи, отдѣльно или въ видѣ пучковъ, образующихъ вѣеръ; выпускались драпировки, волнующіяся и съ переливами свѣтящихся мѣстъ; изъ-за одной горы за другую перебрасывались ленты или пелены; иногда же, змѣеобразно извиваясь, переливалась свѣтящая масса, причемъ въ такихъ случаяхъ въ зенитѣ порою образовывались вихри; послѣдніе, впрочемъ, появлялись и самостоятельно.

Очень красиво сіяніе типа короны, представляющееся въ видѣ тонкихъ лучей, спускающихся во всѣ стороны изъ точки вблизи зенита. Небо при такомъ сіяніи находится какъ будто подъ абажуромъ въ складкахъ изъ нѣжнаго лучистаго вещества. Часто, послѣ интенсивныхъ быстрыхъ переливовъ свѣтящейся массы, все небо принимало грязновато-сѣроватый цвѣтъ, и наблюдалось сіяніе типа разлазни. Такія сіянія наблюдались во время сильныхъ вѣтровъ. Изъ другихъ формъ обычны были сіянія типа разсѣяннаго свѣта. Слѣдуетъ также упомянуть о сіяніяхъ въ видѣ столбовъ, а также въ видѣ вспыхивающихъ и скоро потухающихъ перистыхъ облаковъ, появлявшихся въ началѣ наблюденій.

Цвѣтъ сіяній былъ обыкновенно бѣлый, съ различными едва замѣтными оттѣнками. Однажды наблюдался лучъ ярко-зеленаго цвѣта; драпировки же, змѣи и вихри иногда были трехцвѣтны (розоваго или темно-малиноваго, фіолетоваго и зеленаго цвѣтовъ), при чемъ болѣе рѣзкіе края явленія были розоваго или краснаго цвѣта, а расплывчатыя части — зеленоватаго. По нѣжности свѣтъ сіянія значительно уступаетъ свѣту солнечной короны и по яркости, вѣроятно, слабѣе; тѣмъ не менѣе, когда сіяніе захватываетъ большую часть неба, получается освѣщеніе, не уступающее лунному.

Въ концѣ октября получена была первая фотографія спектра, за которой слѣдовало еще нѣсколько снимковъ. Вслѣдствіе слабости явленія приходилось накоплять много свѣта на пластинку, и одинъ изъ лучшихъ негативовъ экспонировался — съ 4 по 26 ноября. Спектры сіяній характеризуются тремя яркими линіями и массой слабыхъ. О сходствѣ спектра сіянія со спектромъ какого-либо металла, металлоида или сложнаго тѣла І. І. Сикора затрудняется высказать что-либо опредѣленное; нѣкоторыя линіи соотвѣтствуютъ линіямъ азота, что можно, впрочемъ, предвидѣть и теоретически, если признать, что сіяніе происходитъ въ воздухѣ подъ дѣйствіемъ электромагнитной индукціи солнца.

При фотографированіи сіяній экспозиція была отъ 2 до 40 минутъ. Принято думать, что это явленіе—быстро мѣняющееся, и казалось бы, что долго экспонировать нельзя; но въ дѣйствительности сіяніе иногда держится приблизительно на одномъ мѣстѣ довольно долго, въ формѣ дуги, напримѣръ,—часами.

Здѣсь кстати замѣтить по поводу частыхъ совпаденій сѣверныхъ сіяній съ магнитными возмущеніями, наблюдавшихся уже многими из-

слѣдователями этихъ явленій. Богатый матеріалъ, собранный нашей экспедиціей, въ общемъ подтверждаетъ подобное совпаденіе; но наблюдалось не мало сѣверныхъ сіяній при отсутствіи магнитныхъ возмущеній и наоборотъ. Конечно, выясненія этого чрезвычайно интереснаго вопроса можно ждать лишь послѣ обработки всѣхъ наблюденій.

Съ наступленіемъ темноты участились и страшныя снѣжныя бури—этотъ истинный бичъ полярныхъ зимовокъ. По различнымъ атмосферическимъ явленіямъ (по виду облаковъ, по туману на сѣверо-востокѣ и т. п.) можно было предвидѣть приближеніе такой бури гораздо лучше, чѣмъ по состоянію барометра. Еще на зимовкѣ, отчасти защищенной горами, было совсѣмъ тихо, а на горизонтѣ уже замѣчалось сильное движеніе отъ востока къ западу, сопровождаемое отдаленнымъ гуломъ; затѣмъ и у самой зимовки начинали раздаваться по всѣмъ

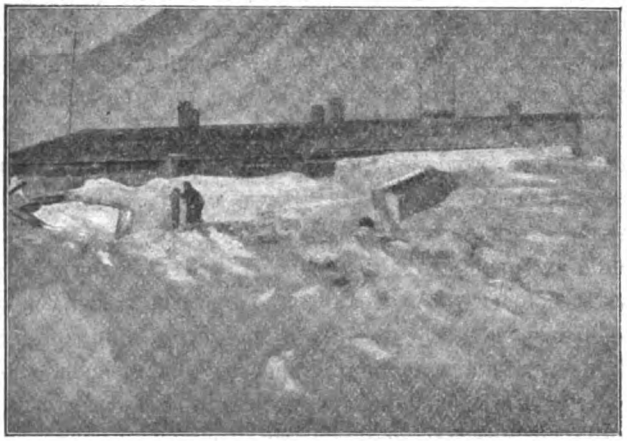


Рис. 8. Зимовка послѣ снѣжной бури.

направленіямъ завыванія вѣтра, сопровождаемыя вихрями; вѣтеръ, въ началѣ порывистый, становился болѣе постояннымъ и усиливался до скорости 20, 30, 40 метровъ въ секунду и даже болѣе. Измѣрители скорости вѣтра отказывались служить. Все кругомъ окутывалось тонкой снѣговой пылью, изъ за которой становились невидимыми самые близкіе предметы. Кругомъ стонъ и грохотъ, домъ дрожитъ, а въ окна барабанитъ твердый снѣгъ съ камнями, срываемый вѣтромъ съ окрестныхъ горъ. Все оставленное неприкрѣпленнымъ и не прибитымъ гвоздями разметывалось и отрывалось; гдѣ было какое-либо препятствіе, тамъ образовывались на подвѣтренной сторонѣ громадныя снѣговыя кучи. Около дома обыкновенно наметывало сугробы съ западной (рис. 8) стороны, такъ какъ снѣжныя бури шли съ NO и ONO. Такъ продолжалось отъ двухъ до шести дней, при чемъ вѣтеръ по временамъ затихалъ, но лишь для того, чтобы съ новой яростью задуть въ томъ же или нѣсколько измѣненномъ направленіи.

Сколько труда и энергіи надо было имѣть, чтобы при такихъ условіяхъ не прерывать наблюденій! До магнитной обсерваторіи зачастую приходилось добираться ползкомъ. Само собой разумѣется, что послѣдствіемъ такихъ бурь были частыя поврежденія инструментовъ, стоявшихъ наружу, и даже самихъ построекъ, и такія извѣстія, какъ «крыша съ термометрической будки сорвана и лежитъ шагахъ въ полутораста отъ зимовки», приходилось выслушивать нерѣдко. Но даже и въ самыя сильныя бури въ дому было тепло, и температура никогда не падала ниже + 8° С. въ теченіе ночи. Сохраненію тепла сильно помогали снѣжныя массы, скоплявшіяся около дома.

Помимо хожденія въ обсерваторію, каждый разъ, когда позволяла погода, при слабыхъ полуденныхъ сумеркахъ предпринимались прогулки въ окрестностяхъ зимовки, и одна изъ такихъ прогулокъ А. С. Васильева, натолкнувшагося 26-го ноября на бѣлаго медвѣдя, могла бы окончиться печально, такъ какъ съ г. Васильевымъ не было никакого оружія. Къ счастью, медвѣдь не бросился преслѣдовать г. Васильева, когда послѣдній побѣжалъ къ дому. Это былъ первый визитъ къ русской зимовкѣ могучаго хозяина полярныхъ странъ.

Декабрь мѣсяцъ сказался необыкновенно теплымъ. Средняя его температура была около —5° С. Нерѣдко были теплые дни съ проливнымъ дождемъ и температурой +3° С.

20-го декабря былъ второй визитъ бѣлаго медвѣдя къ зимовкѣ. Героемъ охоты оказался В. В. Ахматовъ, убившій въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія съ ревомъ несшагося на него огромнаго медвѣдя.

Вотъ какъ описываетъ докторъ Бунге это интересное событіе:

«Послѣ обѣда мы, пользуясь полуденнымъ полусвѣтомъ, совершили прогулку и только что возвратились къ своимъ занятіямъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ матросъ съ восклицаніемъ «медвѣдь на дворѣ». Нѣсколько матросовъ, бывшихъ внѣ дома за работой и безъ оружія, замѣтили медвѣдя около собачьяго помѣщенія и вбѣжали въ это помѣщеніе, спасаясь отъ звѣря. Надѣть пальто, шапку, схватить патроны и на бѣгу ружье—было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Выскочивъ изъ дому, я побѣжалъ сначала на сѣверную сторону дома, а затѣмъ повернулъ на восточную, куда падалъ свѣтъ изъ оконъ. Передо мной справа я замѣтилъ г. Ахматова, также съ ружьемъ. Шагахъ въ двадцати отъ насъ находились запасы сушеной рыбы для собакъ, складъ угля и нѣкоторыя маленькія постройки, отдѣленныя отъ дома долиной ледниковаго ручья, въ то время совершенно наполненнаго снѣгомъ. «Гдѣ же медвѣдь?»—былъ безмолвный вопросъ. Мои глаза еще не совсѣмъ привыкли къ темнотѣ, и я едва-едва сталъ кое-что различать, какъ услышалъ слова Ахматова: «Идетъ впередъ», но только что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дому, какъ слышу вновь: «идетъ». Въ то же мгновеніе я замѣтилъ громадную бѣлую массу, которая со страшнымъ ревомъ быстро двигалась на Ахматова, и я думалъ, что

Карта Шпицбергена.

сейчасъ же увижу его подъ медвѣдемъ. Раздался выстрѣлъ, и я увидѣлъ, что бѣлая масса стоитъ неподвижно передъ Ахматовымъ. Я поднялъ свое ружье, но прежде чѣмъ успѣлъ спустить курокъ, раздался второй выстрѣлъ Ахматова. Звѣрь присѣлъ, опрокинулся навзничь, опять вскочилъ, повернулъ, достигъ другого берега рѣчки и упалъ». Вскорѣ его тутъ добили. Все вышеописанное происходило въ нѣсколько секундъ. Это не была охота; какъ говоритъ Бунге, это была борьба съ темной стихійной силой. Тѣмъ не менѣе добыча оказалась очень кстати, и къ празднику Рождества экспедиціонный столъ можно было поразнообразить свѣжимъ бифштексомъ съ салатомъ изъ брусники.

Съ сочельника посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей не давали покоя: собаки постоянно лаяли, но въ темнотѣ было трудно разглядѣть врага, и члены экспедиціи были какъ бы въ осадномъ положеніи. Безъ оружія выходить изъ дому было рискованно.

Въ рождественскій сочельникъ на зимовкѣ была сожжена маленькая елка, и на длинномъ столѣ были разложены подарки для матросовъ, заготовленные благодаря заботамъ доктора Бунге. Пройдутъ многіе годы, но навѣрное воспоминаніе объ этомъ сочельникѣ останется свѣжимъ у русскихъ зимовщиковъ. Канунъ новаго года по мѣстному времени составилъ также торжество на зимовкѣ. Ровно въ полночь всѣ собрались у большаго стола, высказывая лучшія пожеланія другъ другу и мысленно посылая сердечный привѣтъ всѣмъ дорогимъ на родинѣ. За стѣнами дома бушевалъ сильный южный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ, хлеставшимъ въ окна. По истинѣ, это была не полярная новогодняя погода!

Съ началомъ 1900 года стало быстро наступать болѣе свѣтлое время. 9-го января сумерки продолжались около восьми часовъ, а 17-го января была сдѣлана попытка фотографировать на открытомъ воздухѣ, при выдержкѣ въ 10 минутъ. 20-го января можно было ограничиться выдержкой всего въ $2^1/_2$ минуты. 7-го января уже замѣтили прилетъ первыхъ птицъ (*Procellaria glacialis*).

Январь по новому стилю оказался относительно теплымъ: средняя температура была около —5° С.; 3-го, 6-го и 18-го января температура была даже выше нуля. Въ концѣ января, однако, наступили болѣе сильные морозы, и только тогда Горнзундъ окончательно покрылся льдомъ.

Медвѣди все учащали свои визиты на станцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялись и трофеи нашихъ охотниковъ. За періодъ зимовки было убито въ общей сложности 13 медвѣдей, не считая болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, скрывшихся или въ воду, или во время снѣжной метели. Предсказаніе норвежцевъ о томъ, что въ Горнзундѣ нельзя разсчитывать на медвѣжью охоту, оказалось невѣрнымъ, такъ какъ ихъ замѣчено было не менѣе 62.

1-го февраля въ первый разъ можно было обѣдать безъ лампъ, а

10-го февраля зимовщики привѣтствовали солнце, дискъ котораго поднялся надъ горами къ югу отъ поселка.

И такъ, какъ говоритъ докторъ Бунге, злая полярная ночь была побѣждена, и можно было начать подготовительныя работы къ весеннимъ путешествіямъ. Но настоящая зима наступила только въ февралѣ, при температурахъ, спускавшихся до —29° С- и при частыхъ жестокихъ буряхъ, продолжавшихся цѣлыми днями. 4 го марта наблюдалась самая низкая температура за всю зиму —31,6° С. Тѣмъ не менѣе весеннее солнце оказывало свое дѣйствіе, и подъ его свѣтлыми живительными лучами впечатлѣніе холода въ значительной степени умѣрялось.

Любопытный фактъ сообщаетъ докторъ Бунге. 20-го февраля въ деревянномъ ящикѣ, наполненномъ смѣсью песка, торфа, пепла и извести, онъ посѣялъ горохъ, бобы и чечевицу, и опытъ увѣнчался бле-

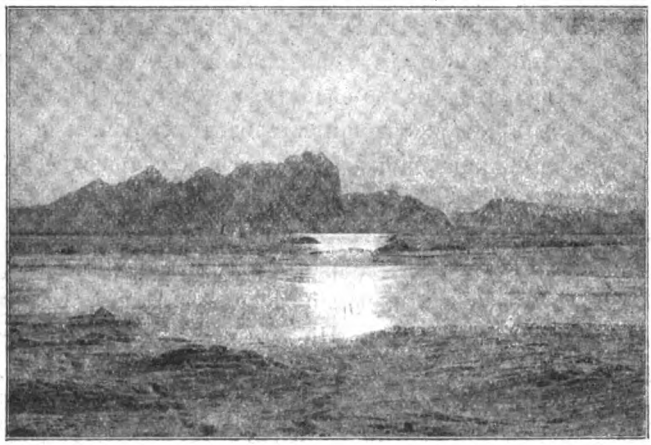


Рис. 9. Полуночное солнце въ Горнзундѣ.

стящимъ успѣхомъ. Показалась свѣтлая зелень, пышно разросшаяся весной.

8-го марта уже была заря во всю ночь; 10-го апрѣля солнце скрылось только на короткое время за вершинами, окаймляющими съ сѣвера Горнзундъ, а въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля можно было фотографировать полуночное солнце.

Со второй половины февраля начаты были рекогносцировки съ цѣлью отысканія наиболѣе удобнаго пути къ тригонометрическимъ пунктамъ на горѣ Кейльхау и на горѣ Геджехогъ, на которыхъ, согласно составленной осенью 1899 года инструкціи, должны были попытаться произвести наблюденія до прихода экспедиціонныхъ судовъ. Такія рекогносцировки пѣшкомъ, невдалекѣ отъ зимовки, дѣлались неоднократно съ конца февраля по конецъ марта. Дальнѣйшее изслѣдованіе путей возможно было лишь съ продолжительной отлучкой отъ зимовки и съ перевозкой запасовъ на собакахъ. Изъ-за сильныхъ холодовъ и силь-

ныхъ штормовъ пришлось отложить выходъ рекогносцировочныхъ партій до 31-го марта.

Составъ партій опредѣлился слѣдующимъ образомъ. Капитанъ Сергіевскій, І. І. Сикора и матросы Моршневъ и Васильевъ, имѣя нарты при девяти упряжныхъ собакахъ, должны были развѣдать путь къ сигналу на горѣ Кейльхау, а А. С. Васильевъ съ матросами Носковымъ и Фридрихсманомъ, имѣя въ распоряженіи нарты съ 8-ю собаками, поставилъ себѣ задачей отыскать путь къ сигналу на горѣ Геджехогъ. Нарты были нагружены настолько сильно, что собаки даже на равнинѣ не могли ихъ тянуть безъ помощи людей. Какъ при подъемѣ обѣихъ партій на ледникъ, лежащій къ югу отъ зимовки, такъ и на самомъ ледникѣ помогали всѣ свободные люди съ зимовки, при чемъ каждую нарту, кромѣ собакъ, тянули еще 4 матроса. Такъ добрались по лед-

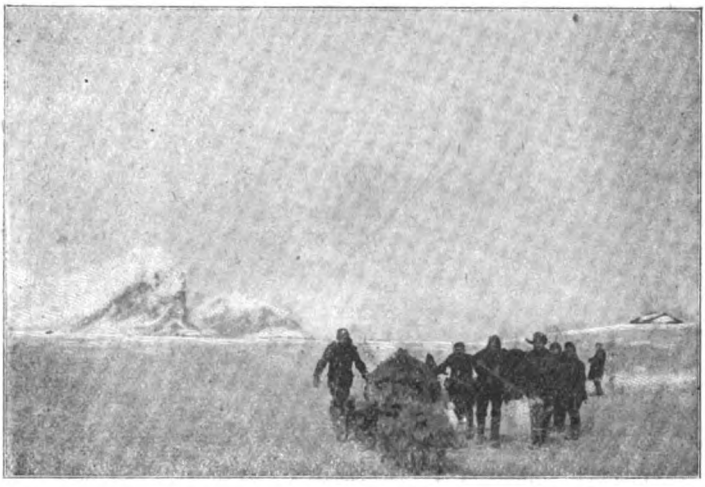


Рис. 10. Д. Д. Сергіевскій и О. О. Сикора, идущіе на гору Кейльхау

нику почти до подножія Горнзундъ-тинда. Здѣсь начинался спускъ и поворотъ пути къ югу, а потому докторъ Бунге съ помогавшими матросами вернулся обратно на зимовку. Спускъ оказался очень крутымъ, сани сильно раскатывались, тормозить ихъ было далеко не легко, и собаки настолько устали, что совершенно отказывались тащить сани. Пришлось стать на бивакъ обѣимъ партіямъ рядомъ. Полагаю, небезъинтересно ознакомиться съ тѣмъ, какъ устраивались подобные биваки среди снѣга на ледникахъ. Послѣ выбора мѣста для палатки, развязывался возъ и снимались палки, лыжи, лопаты, топоры, ломы, сумка съ походными инструментами, записными книжками и картами, чайникъ и кострюли съ сухарями; всѣ эти предметы привязывались снаружи брезента, покрывавшаго возъ. Затѣмъ снимались брезентъ и палатка. Снѣгъ подъ палаткой разгребали лишь тогда, когда верхній слой былъ рыхлый; въ противномъ случаѣ палатку ставили на поверхностномъ

слоѣ снѣга. При постановкѣ палатки ее направляли такъ, чтобы вѣтеръ дулъ въ заднюю стѣнку палатки. Обыкновенно эта стѣнка была обращена на NNO, а выходъ на SSW. Въ палатку вносили брезентъ, спальные мѣшки, наиболѣе нѣжные инструменты (камеры, хронометры, треноги), керосиновыя горѣлки и необходимый запасъ провіанта. Пока одни устраивали внутри палатку, другіе выпрягали собакъ и привязывали ихъ на цѣпочки къ санямъ, къ палкамъ и ломамъ, забитымъ въ снѣгъ, и къ толстой веревкѣ, протянутой между двумя ломами. Послѣ этого каждая собака получала по двѣ—по три сушеныхъ рыбы (трески). Все кругомъ палатки, не исключая саней, хорошенько закрѣплялось на случай шторма. Согрѣвшись чаемъ и поѣвъ консервовъ съ сухарями, путешественники забирались въ свои спальные мѣшки и засыпали. Во время пути, несмотря на то, что температура держалась отъ

Рис. 11. Партія А. С. Васильева на пути къ Геджегоху.

4 до 12° ниже нуля, никто не одѣвался слишкомъ тепло, и совершенно достаточнымъ одѣяніемъ считалась толстая фуфайка и куртка на байкѣ. При такой температурѣ наружнаго воздуха, въ палаткѣ, при варкѣ пищи на керосиновой горѣлкѣ, температура поднималась нерѣдко до + 10° С. и лишь за ночь спадала до 0°. Мнѣ незачѣмъ пояснять, что, при недостаткѣ въ водѣ, которую приходилось получать плавленіемъ снѣга и льда на керосинкѣ, и при ограниченномъ количествѣ послѣдняго, мытье рукъ и лица въ пути считалось роскошью, зачастую невозможной.

Возвращаюсь, однако, къ моему разсказу о рекогносцировкѣ. 1-го апрѣля задулъ штормъ и двигаться впередъ было невозможно. 2-го апрѣля погода поугомонилась, и обѣ партіи стали искать проходъ черезъ цѣпь Горвзундъ-тинда. Такіе перевалы были найдены: одинъ велъ на сѣверо-востокъ, и по нему отправился А. С. Васильевъ, а другой—къ юго-востоку, и его избралъ Д. Д. Сергіевскій. Такимъ образомъ, партіи

раздѣлились. Партія Д. Д. Сергіевскаго и І. І. Сикоры, осмотрѣвъ путь по леднику Бунге и спускъ его къ морю, двинулась къ возвышенностямъ, окаймляющимъ бухту Бетти съ сѣвера, и затѣмъ, хотя и не отыскала настоящей горы Кейльхау, которую трудно было распознать съ запада, имѣя въ рукахъ лишь фотографіи ея съ востока, тѣмъ не менѣе осмотрѣла съ полнымъ успѣхомъ путь къ этой горѣ и собрала матеріалъ, значительно облегчившій достиженіе горы Кейльхау при послѣдующихъ путешествіяхъ. Рекогносцировку предполагалось окончить въ 8 дней, и на этотъ срокъ были взяты съѣстные припасы. Партія Д. Д. Сергіевскаго была уже пять дней въ пути, и потому надо было подумать о возвращеніи. Съ послѣдняго бивака путешественники повернули къ морю, но спуститься съ края ледника на берегъ оказалось дѣломъ нелегкимъ. Единственный пригодный спускъ былъ очень тяжелъ. Спустившись на берегъ, было легко обогнуть южный конецъ цѣпи Горнзундъ-тинда. Собаки бѣжали по равнинѣ бойко, и къ вечеру экспедиція остановилась у ледника Бунге, не доходящаго версты двѣ до береговой черты. Съ 5-го по 7-е апрѣля пришлось тутъ простоять безъ движенія изъ-за порядочнаго шторма отъ ONO. Въ періоды, когда вѣтеръ нѣсколько стихалъ, гг. Сергіевскій и Сикора обслѣдовали подъемъ на ледникъ, не особенно легкій, такъ какъ ледникъ покрытъ трещинами, въ которыя нѣсколько разъ попадали наши изслѣдователи.

8-го апрѣля при тихой и ясной погодѣ поднялись на ледникъ и уже къ часу дня были на первомъ бивакѣ по выходѣ изъ Горнзунда. День былъ ясный, солнце нагрѣвало сильно темныя куртки, но температура воздуха была —10° и уши приходилось закрывать. Къ зимовкѣ направились между нунатаками къ озеру и здѣсь увидѣли слѣды полозьевъ, откуда можно было догадаться, что А. С. Васильевъ уже вернулся изъ своего похода. Предположеніе это, дѣйствительно, оправдалось.

Разставшись съ Д. Д. Сергіевскимъ, А. С. Васильевъ двинулся, какъ я сказалъ выше, отъ перваго бивака по сѣверному перевалу. Путь оказался трудный. Пришлось и самому Васильеву впречься въ санки. Добравшись до перевала, устали ужасно, такъ какъ, кромѣ трудностей подъема, былъ глубокій снѣгъ, въ которомъ тонули и сани, и люди. Выбравшись на одну изъ ближайшихъ возвышенностей Васильевъ имѣлъ возможность осмотрѣть окрестности и найти, какъ ему казалось, выходъ черезъ перевалъ къ леднику Горнъ. Для большей увѣренности, не взирая на вскорѣ надвинувшійся густой туманъ, Васильевъ отправился съ Носковымъ на осмотръ перевала; но только что стали съ него спускаться, какъ встрѣтили много широкихъ и глубокихъ трещинъ, блуждать среди которыхъ, а особенно въ туманѣ, было слишкомъ рискованно. Считая теперь, что болѣе удобный путь къ Геджехогу ведетъ по заливу и леднику Горнъ, Васильевъ рѣшилъ немедля вернуться на зимовку, обновить опять запасы на

8 дней и идти затѣмъ по вновь намѣченному пути. 3-го апрѣля партія Васильева по старому слѣду быстро добралась до зимовки. Облегчивъ, елико возможно, свое снаряженіе и отказавшись даже отъ шубъ, партія Васильева 4-го апрѣля вновь выступила въ дорогу по льду Горнзунда въ глубь залива Адріа. Объ этомъ полномъ сказочныхъ опасностей походѣ, я полагаю, лучше всего повѣствуетъ выписка изъ дневника Васильева.

«4-го апрѣля благополучно мы поднялись на ледникъ Горнъ, миновали его трещины, переночевали и 5-го апрѣля, въ 5 часовъ пополудни, увидѣли сигналъ Геджехогъ на одной изъ горъ, лежащихъ къ югу отъ насъ. Въ это время мы стояли уже на восточной сторонѣ Шпицбергена на большомъ глетчерѣ, спускающемся къ морю въ видѣ длиннаго ледяного полуострова, сѣвернѣе Геджехога. Движеніе впередъ къ востоку намъ преграждала широкая трещина. Впереди разстилался Стурфіордъ, покрытый сплошнымъ льдомъ, такъ что отличить, гдѣ кончается ледникъ и начинается поверхность залива, было очень трудно. Было ясно, что съ этой стороны, т.-е. со стороны Стурфіорда, намъ не подойти къ горѣ: глетчеръ тутъ усѣянъ трещинами.

«Повернули назадъ. Направленіе я держалъ ближе къ горѣ Геджехогъ, но вскорѣ попали на такое мѣсто, что проѣхать его благополучно не было возможности. Пришлось повернуть круто на сѣверъ. Я отправился впередъ на лыжахъ. Въ одномъ мѣстѣ, несмотря на мое ощупываніе палкою, матросъ Фридрихсманъ провалился и чуть не улетѣлъ въ бездну, которой и дна не видно,—зіяетъ только темная пасть, да шумитъ, чуть слышно, текущая въ глубинѣ вода. Если бы не лямка изъ веревки, которая была перекинута у матроса черезъ плечо и на которой онъ повисъ, улетѣлъ бы нашъ товарищъ въ трещину! Равнымъ образомъ, если бы сани прошли двумя вершками лѣвѣе, то нашей экскурсіи былъ бы конецъ, такъ какъ сани полетѣли бы также въ пропасть и потянули бы вмѣстѣ съ собой прошедшихъ уже впередъ собакъ и матроса Носкова. Снѣгъ, внезапно провалившійся подъ Фридрихсманомъ, открылъ часть трещины около квадратной сажени, съ нависшимъ по краямъ снѣгомъ. Замѣчательно, что одной ногой въ лыжѣ я проѣхалъ по трещинѣ и снѣгъ не рухнулъ. Подъ Богомъ ходимъ.

«Къ вечеру, наконецъ, выбрались на такое мѣсто, что дорога для развѣдокъ, повидимому, не представляетъ большихъ опасностей. Здѣсь стали бивакомъ. Впрочемъ, при старательномъ ощупываніи палкой кругомъ палатки, повсюду нашли скрытыя снѣгомъ трещины. Апрѣля 6-го и 7-го мы были окутаны густымъ туманомъ. Я дѣлалъ съ Носковымъ попытки пройти къ сигналу, но повсюду были трещины, и густой туманъ не давалъ возможности выбраться изъ нихъ и отыскать безопасную дорогу. Была уже страстная пятница. Православный народъ готовится на родинѣ встрѣтить великій праздникъ Пасхи. И моимъ

матросамъ не лежалось въ мѣшкѣ и не сидѣлось: ихъ тянуло на зимовку къ общему разговѣнію; только и было разговору, что объ этомъ. Я долженъ былъ уступить ихъ желанію, тѣмъ болѣе, что провизіи у насъ оставалось только на 4 дня. Около 5-ти часовъ вечера въ пятницу стало яснѣе, и я приказалъ сниматься въ путь къ зимовью. Направленіе взяли прямо на пикъ Маріи около бухты Адріа, который виднѣлся сквозь туманъ. Сообща мы рѣшили пройти домой въ одинъ переходъ, не останавливаясь на ночлегъ. Собаки тащили хорошо; изъ опасныхъ мѣстъ мы выбрались. Но, видно, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ $11^3/_4$ часовъ ночи мы увидѣли заливъ и... оказалось, что ледъ унесенъ и переправы по льду нѣтъ!

«Пришлось повернуть на югъ, чтобы въ концѣ-концовъ, пробравшись черезъ горы, попасть на открытый мною 2-го апрѣля перевалъ. Движеніе къ югу оказалось нелегкимъ. Спустились вначалѣ въ глубокую лощину, а затѣмъ начались трещины, масса трещинъ. Сначала мы ихъ объѣзжали, но потомъ я рѣшилъ, по возможности, переправляться черезъ нихъ, перескакивая или переходя по мостамъ, образованнымъ смерзшимся снѣгомъ. Двигались мы вдоль цѣпи горъ, параллельной цѣпямъ Савича и Чебышева. Эту цѣпь, съ общаго согласія всѣхъ членовъ экспедиціи, рѣшено назвать цѣпью Бредихина. Слѣва, километрахъ въ 6—8-ми, были также возвышенности, но иного типа; эти возвышенности предположено назвать Пулковскими. Между этими двумя горными областями поверхность была покрыта глубокимъ рыхлымъ снѣгомъ, что дѣлало дорогу еще болѣе опасной и трудной. 8-го апрѣля, въ $3^1/_2$ часа утра, совершенно усталые, мы поставили палатку; кругомъ нея вблизи оказались трещины.

«8-го, 9-го 10-го и 11-го апрѣля были труднѣйшими днями моей жизни на Шпицбергенѣ. Вмѣсто великаго праздника, на нашу долю выпалъ великій трудъ. Пришлось до изнеможенія ходить въ глубокомъ снѣгу, среди скрытыхъ снѣгомъ трещинъ, осматривать перевалы, подниматься на горы, чтобы высмотрѣть и опредѣлить путь въ совершенно неизвѣстной мѣстности. Никто здѣсь до насъ не бывалъ; подробности карты только сбивали съ толку. Не разъ прорывались недовольство и ропотъ моей команды, изнуренной большими переходами и чрезмѣрнымъ трудомъ при тягѣ воза по глубокому снѣгу то съ подъемомъ, то со спускомъ. Однажды пришлось даже прибѣгнуть къ очень рѣшительной мѣрѣ, чтобы удержать моихъ спутниковъ отъ безумнаго намѣренія бросить возъ и отправиться безо всего къ зимовью, при неизвѣстности переправы черезъ горы и самаго пути. Безъ снаряженія, въ случаѣ шторма, да и такъ отъ усталости, мы всѣ трое могли бы замерзнуть: температура все время держалась —19°. Ежедневный паёкъ пищи былъ уменьшенъ, чтобы продлить ее еще на два дня.

«Во всѣ эти дни, къ нашему счастью, была ясная погода; это давало возможность искать переходъ черезъ горы съ помощью зрѣ-

нія, а не ощупью. Цѣпь Бредихина представляетъ, особенно въ сѣверной половинѣ, длинный гребень, почти отвѣсный съ восточной стороны; вдоль этого гребня выдѣляются лишь кое-гдѣ пикообразныя вершины. Удалось разыскать, да и то по медвѣжьимъ слѣдамъ, одинъ перевалъ, гдѣ можно было перетащить возъ. Пройдя этотъ Медвѣжій перевалъ, мы встрѣтили на пути еще одинъ отрогъ и только съ великимъ трудомъ перевалили черезъ него. Пришлось вырубать ступени во льду, чтобы выбраться наверхъ по откосу градусовъ въ 70 на высоту метровъ 20-ти. Весь нашъ грузъ и собакъ мы вытянули наверхъ съ помощью веревокъ. Спускъ съ этого перевала былъ очень крутъ, но, благодаря глубокому снѣгу, вполнѣ удался.

«11-го апрѣля мы перетянулись еще черезъ одинъ перевалъ, и вечеромъ въ третій день Пасхальной недѣли прибыли на зимовку».

Д. Д. Сергіевскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «11-го апрѣля вечеромъ пріѣхалъ А. С. Васильевъ съ двумя матросами; они всѣ были въ ужасномъ видѣ и всѣ больны глазами».

Результаты этой рекогносцировки заключались въ отысканіи сигнала на Геджехогѣ, къ которому теперь можно было уже прямо отправиться для наблюденій, въ выясненіи отсутствія пути вблизи Горнзундъ-тинда и необходимости обхода цѣпи Бредихина съ юга, а также въ совершенно новыхъ топографическихъ матеріалахъ, касающихся внутреннихъ частей Шпицбергена, никѣмъ до сихъ поръ не посѣщенныхъ.

Въ слѣдующіе дни дѣятельно готовились къ продолжительной поѣздкѣ капитана Сергіевскаго и І. І. Сикоры на гору Кейльхау. Онъ бралъ провизіи болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, и, по достиженіи цѣли путешествія, долженъ былъ вернуть на зимовку сани и собакъ, необходимыхъ А. С. Васильеву для новаго похода на гору Геджехогъ.

Въ субботу, 15-го апрѣля, все было готово къ отъѣзду капитана Сергіевскаго, но изъ за снѣжнаго шторма удалось лишь 17-го выступить въ походъ. При превосходной погодѣ и при температурѣ —17° С. гг. Сергіевскій и Сикора отправились въ путь съ двумя тяжело нагруженными санками, въ сопровожденіи 6-ти матросовъ, изъ которыхъ четверо должны были возвратиться съ санями. Хронометры, завернутые въ малицу, и тѣ инструменты, которые могли понадобиться въ пути, были уложены на маленькіе санки, и эти санки везли сами гг. Сергіевскій и Сикора.

Часовъ черезъ семь послѣ ихъ выхода въ Горнзундѣ разразилась настоящая снѣжная буря съ порывами вѣтра, скорость котораго доходила до 30 метровъ въ секунду; по счастью, къ 4 часамъ утра слѣдующаго дня буря улеглась. Наши путешественники были захвачены этимъ штормомъ за подъемомъ на ледникъ, у поворота къ югу, и принуждены были стать бивакомъ. Со слѣдующаго дня установилась тихая, ясная погода, но собакамъ приходилось трудно, и нерѣдко

возы можно было протаскивать впередъ лишь по очереди. Замедленіе въ пути дало возможность исполнить топографическія работы. 20 апрѣля былъ пройденъ Гайтанденъ. Отсюда шла незнакомая дорога, но вскорѣ капитанъ Сергіевскій увидѣлъ, что въ первую рекогносцировку онъ ошибочно принялъ за Кейльхау гору, лежащую къ сѣверу отъ бухты Бетти, и различилъ настоящую гору Кейльхау, на которой былъ въ 1899 году поставленъ сигналъ. Вечеромъ 20-го путешественники были почти у подножія этой горы. Крайнее утомленіе заставило остановиться тутъ на ночлегъ. 21 апрѣля гг. Сергіевскій и Сикора сдѣлали рекогносцировку на гору Кейльхау. Поднимаясь по горѣ, они дошли до такого узкаго мѣста, что не рѣшались идти дальше, изъ опасенія свалиться направо, или, еще хуже, налѣво; сигнала тѣмъ не менѣе не видѣли. Попробовали разрыть лопатой кучу снѣга, и здѣсь нашли груду камней, которыми было обложено основаніе сигнала. Очевидно было, что сигналъ свалился. У самого сигнала поставить палатку было невозможно, и для нея было намѣчено мѣсто въ сѣдловинѣ, метровъ на 80 ниже сигнала. Для возки вещей пришлось прокопать дорогу.

24 апрѣля всѣ вещи были подняты на гору, и поставлена палатка на глубинѣ 1—2-хъ метровъ въ снѣгу. При наблюдателяхъ остались матросы Моршневъ и Баканинъ, а остальные отпущены съ собаками въ Горнзундъ.

Первыя три недѣли пребыванія нашихъ путешественниковъ на Кейльхау погода была крайне неблагопріятна. Пришлось заняться прежде всего тѣмъ, чтобы отрыть около сигнала траншею, въ которой можно было бы ходить безъ риска свалиться съ горы; затѣмъ было открыто круглое помѣщеніе для треноги инструмента. На случай, если бы А. С. Васильевъ могъ наблюдать съ Геджехога сигналъ Кейльхау, на мѣстѣ послѣдняго поставлена временная снѣговая пирамида. Поставить сигналъ изъ камня было невозможно, такъ какъ вся вершина была покрыта толстымъ слоемъ снѣга и льда. 30-го апрѣля былъ полученъ азимутъ солнца и сдѣлано наведеніе на Горнзундъ-тиндъ; наблюденія, однако, вскорѣ прервались густымъ туманомъ. Съ этого вечера до 19 мая ни разу нельзя было производить наблюденія изъ-за штормовъ, шедшихъ отъ сѣверныхъ румбовъ, и изъ-за чередовавшихся съ ними тумановъ. Температура держалась сначала около — 12°, а затѣмъ повысилась до — 5° С.

19 мая удалось получить первыя точныя наблюденія. Въ часъ пополудни разъяснило вплоть до 11 часовъ ночи. За это время были получены по нѣскольку разъ широта, время и азимутъ. Во время наблюденій при капитанѣ Сергіевскомъ дежурили часовъ по 6-ти матросы, чтобы держать надъ инструментомъ зонтъ, и нельзя не согласиться съ наблюдателемъ, что странное зрѣлище онъ представлялъ, одѣтый въ шубу, при — 10° мороза и подъ зонтомъ. 20 мая было пасмурно, и капитанъ Сергіевскій воспользовался этимъ временемъ для

рекогносцировки Зюдъ-Капа. На слѣдующій день, 21 мая, при ясной погодѣ, удалось получить, по программѣ, всю серію астрономическихъ наблюденій. 22 мая можно было наблюдать горизонтальные углы, но изъ сигналовъ была видна лишь пирамида на Геджехогѣ, между которой и Горнзундъ-тиндомъ измѣренъ уголъ.

26 мая на смѣну гг. Сергіевскаго и Сикоры прибылъ г. Ахматовъ съ извѣстіемъ, что русскія суда прибудутъ надняхъ въ Горнзундъ. Послѣ того, какъ маятники, съ которыми прибылъ г. Ахматовъ, были подняты на гору, гг. Сергіевскій и Сикора, а также матросъ Моршневъ ушли обратно въ Горнзундъ.

Вернемся теперь назадъ къ зимовкѣ, гдѣ мы оставили гг. Васильева и Ахматова въ ожиданіи собакъ послѣ доставки партіи г. Сергіевскаго на Кейльхау. Какъ мы уже знаемъ, ледъ въ Горнзундѣ 7-го числа разрыхлился и тронулся сначала понемногу, а затѣмъ все болѣе, и 20 апрѣля, при совершенно тихой погодѣ, въ бухтѣ Гоесъ льдины стали отдѣляться отъ берега и поплыли прочь. Въ тотъ же день съ ледниковъ мало-по-малу потекла вода, съ плескомъ и журчаніемъ вливаясь въ море. 26 апрѣля юго-восточный вѣтеръ угналъ послѣднія льдины. Черезъ два дня на зимовкѣ былъ поднятъ флагъ на тотъ случай, если въ Горнзундъ зайдетъ какая-либо промысловая шкуна. Вечеромъ 28 апрѣля А. С. Васильевъ съ В. В. Ахматовымъ выступили въ походъ на Геджехогъ, имѣя въ упряжкѣ всѣхъ собакъ, пришедшихъ за два дня до этого съ горы Кейльхау. Запасъ провизіи былъ болѣе, чѣмъ мѣсячный. Кромѣ нея и астрономическихъ инструментовъ, были взяты инструменты магнитные и приборъ для измѣренія глубины трещинъ на льду. Съ гг. Васильевымъ и Ахматовымъ въ путь отправились матросы Носковъ, Фридрихсманъ, Васильевъ, Дорофѣевъ, Волковъ и Груздевъ. Кромѣ тяжелыхъ двухъ саней, которыя тащили собаки и матросы, взяты были легкія сани для мелкихъ инструментовъ; въ эти сани попеременно впрягались А. С. Васильевъ и В. В. Ахматовъ.

Съ тяжелыми возами пришлось идти въ обходъ цѣпи Бредихина. Дорога была трудная вслѣдствіе выпавшаго глубокаго снѣга, а постоянные туманы, къ которымъ еще нѣсколько разъ присоединялись штормы, еще болѣе усугубляли затрудненія въ пути. Выпадало иногда столько снѣгу, что изъ-за него еле видно было палатку. Какъ бы то ни было, но на девятый день, 6 мая, путешественники наши были въ 5—6-ти километрахъ отъ Геджехога.

Погода была ненадежная: то становилось ясно, то надвигался новый туманъ. Медлить было невозможно; поэтому г. Васильевъ съ матросомъ Носковымъ отправились на розыски сигнала на Геджехогѣ. Въ туманѣ, совершенно ощупью они взошли на одну изъ вершинъ, но сигнала на ней не оказалось. Пришлось спуститься внизъ и идти на другую вершину. Сигналъ тутъ нашелся. Переходъ съ одной вершины на другую чуть не стоилъ жизни г. Васильеву. Гора, на которой стоитъ

сигналъ, имѣетъ видъ гребня. Съ сѣверной стороны ея залегаетъ ледникъ; по немъ наши путешественники и прошли къ сигналу. Подъемъ на ледникъ былъ довольно отлогій и, какъ казалось, безъ трещинъ. На всякій случай шли гуськомъ; Носковъ сзади. Вдругъ г. Васильевъ провалился совсѣмъ съ головой и лишь инстинктивно раздвинулъ руки, благодаря чему и повисъ въ разсѣлинѣ, упираясь только кистями рукъ о края трещины. Послѣдняя была настолько широка, что, раздвинувъ ноги, Васильевъ еле касался ея скользкихъ, обледенѣлыхъ стѣнъ. Матросъ Носковъ, по указаніямъ г. Васильева, подползъ съ наиболѣе безопасной стороны къ краю трещины и, вынувъ изъ руки Васильева палку и снявъ рукавицу, схватилъ его за руку. Лишь при помощи Носкова г. Васильевъ съ трудомъ выкарабкался изъ опаснаго положенія. Малѣйшее лишнее движеніе, и г. Васильевъ ри-

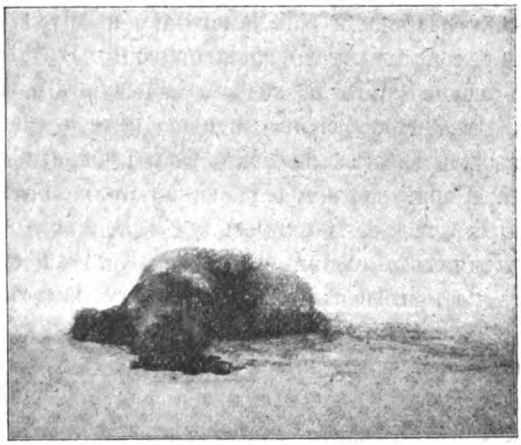


Рис. 12. Медвѣдица, убитая 18-го мая и припавшій къ ней дѣтеныш.

сковалъ полетѣть внизъ. Глубина трещины, какъ было измѣрено на слѣдующій день, оказалась 26 метровъ.

Сигналъ оказался покрытымъ слоемъ наличнаго снѣга и льда, имѣвшимъ различную толщину съ разныхъ сторонъ. Стать подлѣ него съ палаткой было рѣшительно невозможно, и необходимо было выдолбить предварительно ямы, чтобы не быть унесеннымъ во время шторма въ пропасть.

Подъемъ на гору всего снаряженія занялъ бы не менѣе шести дней, особенно при утомленной переходами командой. Между тѣмъ, по разсчету, у г. Сергіевскаго могло хватить провизіи только до 23 мая, а потому, безъ собакъ, надо было ему уже 18 мая начать обратный путь къ зимовкѣ, быть можетъ, въ то время, когда условія для окончанія начатыхъ наблюденій были бы наиболѣе благопріятны. Эти соображенія заставили гг. Васильева и Ахматова пойти по новому плану. Васильевъ долженъ былъ идти на Кейльхау и передать Сер-

гіевскому оставшіеся запасы провизіи, а Ахматовъ — отдѣлиться по дорогѣ и, елико возможно скорѣе, добраться до зимовки. Обратный путь отъ Геджехога оказался не легче перваго пути: глубокіе снѣга, штормы и туманы все время преслѣдовали путниковъ. Еще до раздѣленія ихъ на двѣ партіи вышелъ запасъ рыбы для собакъ, и пришлось начать ихъ кормить крупой. Раздѣленіе партій состоялось у подножія Гайтандена. Васильевъ съ двумя матросами и одной нартой ушелъ на Кейльхау, а при Ахматовѣ осталась другая нарта и 4 матроса. На эту партію, желая возможно болѣе провизіи завести на Кейльхау, взяты были запасы только на четыре дня; зато этой партіи достались всѣ тяжелые инструменты. Я не стану описывать всѣхъ затрудненій, встрѣченныхъ на пути обѣими партіями; скажу лишь, что Ахматову съ его людьми только 17 мая удалось добраться до зимовки, а Васильевъ, сдавъ во-время провизію Сергіевскому, прибылъ на зимовку 18 мая. По пути собакамъ пришлось сильно голодать, да и люди были недалеки отъ того же испытанія.

13 мая въ Горнзундѣ убили послѣднюю медвѣдицу, шедшую съ маленькимъ медвѣженкомъ. Вечеромъ ее замѣтили медленно приближавшеюся къ дому. Тотчасъ были заняты въ разныхъ мѣстахъ сторожевые посты и начата охота. Послѣ тяжкой борьбы, во время которой испуганная и раздраженная мать даже нападала на охотниковъ, животное, прострѣленное тринадцатью пулями, распростерлось на землѣ. Медвѣженка, припавшаго къ матери, взяли живымъ и впослѣдствіи доставили въ Петербургъ.

Періодъ весенникъ работъ окончился. Со дня на день надо было ждать прихода экспедиціонныхъ судовъ.

Акад. Чернышевъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Новая повѣсть г. Боборыкина «Однокурсники».—Намѣчаемые имъ типы.—Уравновѣшенные и идеалисты.—За кѣмъ побѣда въ окончательномъ итогѣ.—Памяти Лидіи Карловны Туганъ-Барановской.

Неутомимый г. Боборыкинъ продолжаетъ съ неослабѣвающей живостью изображать нашу общественность, отмѣчая новыя въ ней явленія и наслоенія. Въ повѣсти, начатой имъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Однокурсники» авторъ останавливается на излюбленномъ имъ типѣ новаго образованнаго купца, не оставляющаго своего коренного дѣла, и сопоставляетъ съ этимъ типомъ стараго студента, сохранившаго весь прежній идеализмъ и вѣру въ значеніе и смыслъ интеллигенціи. Они однокурсники, но этимъ только и ограничивается то общее, что ихъ связываетъ, именно—воспоминаніе объ «alma mater»—университетѣ. Уже въ первыхъ страницахъ повѣсти чувствуется какой-то холодокъ въ отношеніяхъ между молодыми людьми, которые не успѣли еще выйти за порогъ университета, какъ жизнь сразу воздвигла между ними невидимую и тѣмъ не менѣе до осязательности ясную стѣну.

Впрочемъ, старый студентъ, Заплатинъ, еще не покинулъ университета, гдѣ застрялъ благодаря одной изъ обычныхъ исторій, послѣ которой былъ водворенъ на родинѣ на опредѣленный срокъ. Мы видимъ его только что по возвращеніи изъ родныхъ палестинъ. Ему разрѣшено докончить курсъ, и это его и радуетъ, и какъ-то смущаетъ. Старая студенческая закваска въ немъ жива и сильна. Какъ ни сладокъ «дымъ отечества», но его такъ и тянетъ въ прежнія мѣста, гдѣ прошли первые годы его сознательной жизни. И старыя стѣны университетскихъ аудиторій, и юныя лица новой студенческой молодежи, и театральная галерка, мѣсто студенческихъ восторговъ,—все приводитъ на умъ былое. Но рядомъ съ этимъ онъ испытываетъ и рядъ новыхъ смущающихъ ощущеній. Опытъ жизни не прошелъ даромъ, нѣтъ прежней цѣльности бытія, когда и увлеченія наукой, и студенческая жизнь, товарищество и любовь къ искусству—все сливалось въ одно праздничное настроеніе, какое человѣкъ переживаетъ только разъ въ жизни. Въ сущности, самъ онъ мало измѣнился, и вынужденное пребываніе на родинѣ не вытравило въ немъ ни одной старой черты, не истребило ни одного стараго вѣрованія. Онъ даже радъ, что кое-что видѣлъ, кое-чему научился, не изъ книгъ, журнальныхъ статей и газетныхъ вырѣзокъ, а лицомъ къ лицу столкнувшись съ той сѣрой будничной жизнью, которая казалась раньше гдѣ-то далеко, далеко, какъ чуждый міръ, гдѣ люди и нравы—все иное, не настоящее, такъ какъ единственно настоящее—это его жизнь въ мірѣ науки, грезъ и идеаловъ. Испытаніе онъ выдержалъ съ честью, принеся въ университетъ все дорогое, что тотъ ему далъ, и грустное убѣжденіе въ оторванности своей отъ родины, отъ мѣстныхъ и всякихъ сословныхъ интересовъ. Онъ чистѣйшей воды «интеллигентъ», и «не будь онъ изъ этого «со-

словія», что бы въ немъ сидѣло? Какіе устои? Какія идеи и упованія?»— и нисколько не смущается этимъ. «Здѣсь, вотъ въ этой самой Москвѣ, куда онъ опять попалъ, какъ въ землю обѣтованную, сталъ онъ «интеллигентомъ» и останется имъ до конца дней своихъ». Онъ вѣритъ въ непреодолимую силу интеллигенціи, которая, не смотря на свою малочисленность, все подчинитъ себѣ: «Какъ человѣкъ купеческаго рода—сколько разъ онъ спрашивалъ себя,— будутъ ли «ихъ степенства» владѣть и той Москвой, которая дорога ему, а потомъ и всей русской земли,—какъ «тьерсъ-эта», какъ третій «чинъ» государства, выражаясь по нынѣшнему?.. Пускай! У нихъ капиталъ, въ ихъ рукахъ сотни тысячъ рабочихъ, они наживаютъ по пятидесяти процентовъ чистой прибыли на мануфактурахъ и оптовыхъ складахъ. Но и они уже въ выучкѣ у интеллигенціи. Вонъ тамъ, въ Замоскворѣчьи, купецъ завѣщалъ городу первое хранилище русскаго искусства, какого никто еще не собиралъ съ такой упорной любовью. А на Дѣвичьемъ полѣ цѣлый городъ выстроенъ на деньги ихъ степенствъ... И такъ пойдетъ жизнь дальше. Кубышка поступитъ на службу интеллигенціи—въ этомъ онъ, Иванъ Заплатинъ купеческій сынъ по третьей гильдіи—глубочайшимъ образомъ убѣжденъ».

Таковы мечты и думы нашего студента, а дѣйствительность заставляетъ его поступить самому на службу къ кубышкѣ, какъ увидимъ дальше. Старый и вѣчно милый типъ интеллигента-мечтателя, который никогда не потеряетъ интереса и привлекательности для насъ именно своей несокрушимой вѣрой въ силу идеальныхъ началъ жизни. Какъ безъ нихъ эта жизнь превратилась бы въ невыносимо скучную прозу, такъ и безъ этихъ носителей идеализма не стало бы тѣхъ искръ божьихъ, что и во тьмѣ свѣтятъ, направляя шаги послѣдующихъ поколѣній и заставляя видѣть за этой прозой и болѣе увлекательные горизонты. Но самихъ-то ихъ, этихъ мечтателей, жизнь не балуетъ, сокрушая вездѣ при столкновеніи съ дѣйствительностью.

Но нашъ мечтатель при первой же встрѣчѣ испытываетъ новый приливъ бодрости и надежды. Первый изъ однокурсниковъ, съ кѣмъ его сталкиваетъ судьба, оказывается уже далеко ушелъ отъ него, и пока Заплатинъ платился на родинѣ за тѣ увлеченія, за которыя вылетѣлъ изъ университета, Кантаковъ уже вступилъ въ бой съ жизнью и втянулся въ дѣла «по стачкамъ». Въ лицѣ его почтенный авторъ даетъ новую разновидность интеллигента уже не мечтателя только, но работника, энергично вносящаго въ сферу борьбы труда и капитала новое начала—защиты слабѣйшихъ. Типъ Кантакова хотя только-только намѣченъ въ первыхъ страницахъ романа, но прямо выхваченъ изъ жизни какъ явленіе въ русской общественности новое, вызванное къ жизни усложняющимися условіями нашей промышленности. Кантаковъ «спеціальность себѣ сдѣлалъ изъ фабричныхъ безпорядковъ.. Съ моей стороны--говоритъ онъ,—тутъ умысла спервоначала не было. Лихая бѣда—начало. Попалъ на зарубку и пошло! Первая моя защита въ этомъ вкусѣ подвернулась случайно. Уступилъ мнѣ ее мой принципалъ, у котораго я въ помощникахъ... Съ этого я началось. А потомъ—зима такая выдалась. Нѣсколько было «волненій», выражаясь газетнымъ жаргономъ, и все въ одномъ районѣ. Палатъ каменныхъ на такихъ процессахъ не построишь. А теперь уже и тянетъ. Жалко народъ. Да и совсѣмъ новый для меня міръ открывается». Эта любопытная фигура живого работника еще болѣе подбадриваетъ нашего мечтателя и оживляетъ надежды на доминирующую роль именно интеллигенціи. Дальнѣйшія встрѣчи съ однокурсниками, тоже начавшими самостоятельную жизнь, не умаляютъ его бодраго настроенія, хотя эти его бывшіе товарищи уже совсѣмъ иной складки.

Предъ нами представители капитала, чувствующіе прочную почву подъ собой, удовлетворенные и побѣдоносные. На стараго товарища они смотрятъ до

извѣстной степени покровительственно, хотя и не безъ уваженія къ его стойкости и убѣжденіямъ. Первый очень оригинальный типъ образованнаго капиталиста изъ старовѣровъ, сохранившаго прочную связь съ прошлымъ. Авивъ Щелоковъ былъ «сталовѣръ» убѣжденный. По родителямъ онъ принадлежалъ къ «ѳедосѣевцамъ», и отецъ звалъ его мать до самой ея смерти «посестріемъ», не «пріемля» брака, какъ таинства. Но онъ уже гимназистомъ сталъ самъ себѣ «сочинять вѣру», а студентомъ—когда Заплатинъ сошелся съ нимъ—любилъ говорить на тему «свободы совѣсти». Бросивъ университетъ, онъ принялся за отцовское дѣло и повелъ его фабрику энергичнымъ образомъ, не переставая интересоваться и болѣе высокими «матеріями».

Встрѣча съ нимъ настраиваетъ Заплатина на нѣсколько минорный тонъ. Щелоковъ подавляетъ его цѣльностью своей натуры, стойкостью и умѣньемъ сблизить теорію и практику. Онъ ничего не бросилъ изъ того, что получилъ въ наслѣдство отъ своей среды, и прибавилъ къ этому наслѣдству—науку. не дипломированную, но ту, которая была ему по душѣ, давала этой душѣ опору, и отцовское «сталовѣрье» пріобщило къ высшей «свободѣ духа». Сравнивая себя съ нимъ, Заплатинъ невольно умаляется въ своихъ глазахъ: «не слишкомъ ли онъ кичится званіемъ студента, тѣмъ, что сопричисленъ къ «лику интеллигентовъ»? Взять того же Авива. Развѣ онъ что потерялъ, что «убоялся бездны» и вышелъ съ третьяго курса? Онъ могъ бы оставаться и въ студентахъ, повременить съ государственнымъ экзаменомъ и все-таки взять ученое званіе. Не счелъ нужнымъ. Онъ очень начитанъ. По своей вѣроисповѣдной части—настоящій начетчикъ; греческаго не забылъ, и Новый Завѣтъ читаетъ каждый день въ оригиналѣ, Апокалипсисъ знаетъ чуть не наизусть. И философскія книжки любитъ читать и по-русски, и на двухъ иностранныхъ языкахъ. Ну, кончилъ бы онъ? Какая разница? Только тщеславіе свое потѣшить? Все равно, онъ на службу не пошелъ бы. На казенную службу сектантовъ не принимаютъ. Авивъ еще на второмъ курсѣ, бывало, въ аудиторіяхъ развивалъ идею, что главная порча нашей интеллигенціи—дипломы и права по службѣ, что не нужно ихъ вовсе. Тогда будетъ свободная наука, какъ свободна должна быть церковь, отдѣленная отъ государственной власти. Онъ логиченъ, какъ во всемъ, что говоритъ и дѣлаетъ». Между тѣмъ, онъ, Заплатинъ старый студентъ, порвалъ съ своей средой и не имѣетъ ни почвы подъ ногами, ни даже свободы въ своей научной работѣ. Сидитъ и теперь на шеѣ матери, въ чаяніи грошевыми уроками пробиться какъ-нибудь. А впереди что?

Всѣ эти вопросы наводятъ его на мысль, что «всему корень—экономическій бытъ, въ этомъ марксисты архи-правы». Тотъ же Щелоковъ содѣйствуетъ ему въ подысканіи экономической опоры, хотя бы и на время. Онъ сводитъ его съ третьимъ ихъ однокурсникомъ, милліонеромъ Пятовымъ, прошедшимъ полный университетскій курсъ, большимъ поклонникомъ эстетики и покровителемъ искусства. Въ лицѣ Пятова выступаетъ уже получившій гражданство въ литературѣ типъ капиталиста-мецената. Пятовъ бойко ведетъ свои милліонныя предпріятія, но не прочь прославиться и въ другой области, и какъ въ торговыхъ дѣлахъ подбираетъ ловкихъ приказчиковъ, такъ и по части искусства и науки нанимаетъ себѣ тоже подходящихъ «молодцовъ», которые по его указанію подбираютъ ему нужный матеріалъ для задуманной имъ работы по исторіи искусства. Щелоковъ ловко подводитъ ему въ нужный моментъ для этой роли Заплатина, который за пятьдесятъ рублей съ печатнаго листа долженъ ему переводить и компилировать нужныя книги. Положеніе хотя и не блестящее, успокаиваетъ его Щелоковъ, а все же обезпечивающее нашему студенту возможность дотянуть университетскій курсъ, съ чѣмъ Заплатинъ не безъ унынія соглашается, уже не вспоминая о гордой роли интеллигента, властвующаго надъ капиталомъ.

*

А впереди его, повидимому, ждетъ нѣчто, горше перваго. Явившись у себя на родинѣ дѣйствительно живой душой среди спящаго царства захолустья, Заплатинъ привлекъ къ себѣ и другую живую душу, которая не успѣла еще замереть. Имъ увлеклась молоденькая дѣвушка, только что кончившая курсъ гимназіи, и вызвала въ немъ не менѣе горячее чувство. Скоро они стали женихомъ и невѣстой, и Заплатинъ убѣдилъ отца дѣвушки отпустить ее въ Москву для высшаго образованія. Его невѣста, Надя Синицына, пріѣзжаетъ въ Москву безъ опредѣленныхъ плановъ, но съ страстной жаждой жить, стать свободной, цѣльной личностью, проявить себя вполнѣ, чтобы всѣ силы, какія спятъ въ ней пока, получили выходъ и развитіе. Эти пока еще смутныя настроенія начинаютъ отливаться въ опредѣленную форму послѣ того, какъ она побывала въ театрѣ, гдѣ давали пьесу любимаго автора, а героиня показалась ей такой родственной натурой. Ее тянетъ на сцену, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ ея жениха о полезной дѣятельности образованной женщины въ народной средѣ. Его убѣжденія ей кажутся «прямолинейными», рѣчи его такія сухія, прозаическія. Тогда какъ—«что можетъ быть лучше сцены? Гдѣ женщина можетъ такъ жить, чтобы духъ захватывало? Выше не можетъ быть наслажденія: увлекать публику. И самой забывать все, превращаться въ то лицо, которое создаешь». И тутъ же мечты о томъ, что только сценическая дѣятельность даетъ женщинѣ полную свободу, равняетъ ее съ мужчиной и даже ставитъ выше. Заплатинъ ничего не можетъ возразить и только съ грустью слушаетъ эти новыя для него въ устахъ его невѣсты рѣчи.

Какъ на зло, и высшее образованіе для Нади не удалось на первыхъ же порахъ, на курсы она опоздала, остались какіе-то «коллективные уроки», мало ее увлекающіе. Театръ между тѣмъ соблазняетъ все больше, и на помощь является все тотъ же капиталъ, въ лицѣ мецената Пятова, который при первомъ же знакомствѣ съ невѣстой своего «сотрудника», сразу поддается чарующему вліянію ея красоты. Пятовъ предлагаетъ устроить ее на театральныхъ курсахъ, и, не смотря на хмурое отношеніе Заплатина, Надя принимаетъ предложеніе. «За здоровье будущей драматической артистки!»—провозглашаетъ очарованный меценатъ.

На этомъ заканчивается напечатанная часть повѣсти, но уже достаточно выясняется общая ситуація главныхъ лицъ, и не надо быть особенно догадливымъ, чтобы предсказать ея дальнѣйшее теченіе. Злополучнаго мечтателя-идеалиста ожидаетъ рядъ горькихъ пораженій. Жизнь сложилась такъ, что побѣда не можетъ быть на его сторонѣ теперь, хотя онъ, несомнѣнно, одинъ только и стоитъ надъ этою жизнью. Пусть онъ кажется оторваннымъ отъ среды, и Щелоковъ является болѣе логичнымъ въ своемъ поведеніи и дѣятельности. Но что же, въ сущности, это за дѣятельность? Усовершенствованіе ситцеваго производства и крѣпкое стояніе за «столовѣрчество»? Значеніе, однако, имѣетъ не само производство, а то, что съ нимъ связано и что по существу самой работы Щелокова ему вполнѣ чуждо и даже враждебно. А «столовѣріе», хотя и оригинально, какъ своеобразное исканіе свободы духа, — жизненно лишь до тѣхъ поръ, пока эта свобода стѣснена со всѣхъ сторонъ и не можетъ проявить себя болѣе раціональнымъ образомъ, чѣмъ «ѳедосѣевщина», «перекувыденство» и прочее въ томъ же родѣ. Въ Щелоковѣ есть задатки къ лучшему будущему, по скольку онъ силенъ въ сопротивленіи, но дорога, по которой онъ идетъ, ведетъ въ мертвый тупикъ. О Пятовѣ даже и этого сказать нельзя. Какъ неустойчивы эти меценаты-капиталисты и маложизнеспособны, мы уже видѣли на примѣрѣ болѣе яркомъ, въ лицѣ знаменитаго Мамонтова. И это хорошо, что они такъ не прочны. Къ чему ведетъ ихъ меценатство, показалъ самъ г. Боборыкинъ въ своей «Накипи» Увлеченія Нади тоже временны, хотя и понятны и наиболѣе справедливы. По натурѣ она ближе всего къ Заплатину,

но послѣдній ничего не можетъ ей дать, что увлекло бы ее, стало содержаніемъ жизни и цѣлью, которая поглотила-бы всѣ мелкіе интересы и освѣтила путь.

Самъ Заплатинъ бредетъ по немъ, какъ въ потемкахъ, руководствуясь инстинктомъ скорѣе, чѣмъ сознаніемъ,—инстинктомъ, выработаннымъ цѣлымъ рядомъ поколѣній интеллигенціи, которыя пережили много не менѣе трудныхъ минутъ. Но никогда интеллигенція не теряла вѣрнаго пути и не попадала ни въ какую кабалу, что и составляло ея главную силу. Оторванность отъ почвы, разрывъ съ прежней средой — явленіе чисто русское, обусловленное особымъ строемъ нашей общественности, гдѣ нельзя сохранить связи съ родной средой, не поступившись тѣми или иными существенными сторонами своего идеала. Такъ было прежде, такъ оно и теперь. Но это не мѣшало и не мѣшаетъ интеллигенціи искать для себя новой, болѣе широкой опоры, и находить ее, какъ мы и видимъ на опытѣ Контакова. Онъ сталъ, хотя, по его словамъ, и случайно, на вѣрную дорогу, съ которой его не собьетъ ни торжествующій капиталъ, ни увлеченіи «самонавѣйшими» теоріями. Его дѣло живое, вызванное самою жизнью, и потому оно просто и ясно. Оно даетъ не только удовлетвореніе, но и знаніе, которое помогаетъ разбираться среди противорѣчій и теоретическихъ споровъ.

Въ разговорѣ о современной молодежи оба приходятъ къ одному, вполнѣ вѣрному заключенію. На запросъ Заплатина, что «мало утѣшительнаго въ нашей alma mater, и сверху, и снизу?»—Кантаковъ отвѣчаетъ: «Ну, другъ милый, времена, сами знаете, какія! О томъ, какъ читалось и что читалось десять и больше лѣтъ назадъ,—и я то съ товарищами знаемъ только по преданію. Это—сверху; а снизу—масса... Ничего не могу сказать про юнцовъ-первокурсниковъ... Тѣ, что послѣ васъ остались, разумѣется сквозъ фильтры прогнаны.

«— Прежде были на бѣлой, а теперь, кажется, на темно-голубой подкладкѣ?

«— Вѣрно! Ха, ха! И въ околышахъ такая же перемѣна. Прежде, чтобы воротникъ былъ самый что ни на есть темно-синій, отъ чернаго не отличишь, а теперь бирюзовый, гвардейскаго образца. Это уже никакимъ куревомъ не выкурите. И такіе кандидаты въ земскіе начальники и драгунскіе поручики не переведутся долго. Не мало и всякаго другого народа гуляетъ въ студенческой формѣ... не больно выше сортомъ этихъ рейтузниковъ. И просто баклуши бьютъ, и эстетовъ изъ себя представляютъ, и тарабарскіе стихи пишутъ. Но все это, Заплатинъ, только пѣна, изгарь, шлакъ. И даже довольно обидно за молодежь, что слишкомъ у насъ скоро обобщаютъ. Сейчасъ—выводъ: никуда негодная генерація, нынѣшніе студенты дрянь, ни идеаловъ, ни идей, ни знаній, ни хорошихъ чувствъ. Это вздоръ!

«— Еще бы!—горячо воскликнулъ Заплатинъ и встряхнулъ своими волнистыми волосами.

«— Ядро все такое же.

«— Сергѣй Павлычъ! Спасибо! Я ждалъ отъ васъ такого именно вывода. И я насмотрѣлся на всякій народъ въ три-то слишкомъ года моего студенчества. Но ядро, какъ вы говорите, должно быть то же. Не даромъ же отовсюду повысылали на родное-то пепелище. Положимъ, и тутъ разный былъ народъ. Однако... покойнѣе было кончать курсъ и пріобрѣтать права, чѣмъ отправляться въ трущобы... Инымъ—даже и безъ надежды скоро исправить свое положеніе»...

Различны, какъ видимъ, дороги выведенныхъ авторомъ однокурсниковъ, и далеко не всѣ онѣ ведутъ въ Римъ, къ обѣтованному будущему. Щелоковъ и Пятовъ идутъ широкимъ путемъ торжествующаго самодовольства, вполнѣ удовлетвореннаго современностью и ничего не желающаго отъ будущаго. Кантаковъ стоитъ на ихъ пути, какъ бы въ выжидательномъ положеніи, мало,

впрочемъ, смущая ихъ «степенства», слишкомъ довольныя, чтобы замѣчать его присутствіе на пути ихъ побѣдоноснаго шествія...

Какъ уже знаютъ читатели, журналъ нашъ понесъ невознаградимую потерю въ лицѣ Лидіи Карловны Туганъ-Барановской. Ушла изъ журнала не только значительная литературная сила, но, что гораздо важнѣе—*большой человѣкъ* въ истинномъ значеніи этого слова.

Да, эта маленькая женщина, съ веселыми кроткими глазами, всегда съ улыбкой на устахъ и шутливой, полной юмора рѣчью была однимъ изъ тѣхъ большихъ людей, значеніе которыхъ заключается въ ихъ удивительно свѣтлой личности. Дѣло ихъ жизни нельзя усчитать и взвѣсить, подведя простой итогъ тому, что они оставили, какъ реальное наслѣдье. Потому что сама ихъ жизнь является великимъ благомъ, которымъ пользуются всѣ, не замѣчая, гдѣ его источникъ. И только когда они внезапно уходятъ отъ насъ, всѣ ощущаютъ огромную пустоту, въ которой скрыта какая-то великая тайна. Тайна эта заключается въ томъ обаяніи свѣтлой личности, которое послѣдняя незамѣтно для другихъ, безъ всякаго усилія надъ собой оказываетъ на все окружающее.

Такою была и Лидія Карловна. Свѣтлая и ясная, она любила жизнь и понимала ее, и жизнь платила ей тѣмъ же, къ ней льнули люди и окружали ее постоянно. Одинокой мы не можемъ себѣ представить Лидію Карловну, которая всюду, гдѣ ей приходилось жить хотя бы временно, являлась центромъ, куда безсознательно шли всѣ и гдѣ каждый чувствовалъ себя роднымъ человѣкомъ. Привлекала именно ясность ея души, которая разгоняла мракъ зависти, злобы, борьбы и умиротворяла самыя ожесточенныя сердца. За ея столомъ сходились крайніе противники, разносившіе другъ друга въ печати и на собраніяхъ, и вели тѣ же споры, но уже мирно, какъ люди, расходящіеся въ мнѣніяхъ, но объединенные общимъ великимъ дѣломъ любви. И для каждаго она умѣла находить такую точку зрѣнія, съ которой и онъ могъ взглянуть на противника безъ озлобленія и гнѣва.

Сама она относилась ко всякому спору, къ каждому новому теченію въ области идей или общественной жизни съ величайшимъ интересомъ, не внѣшнимъ только, скользящимъ по поверхности явленія, а стремившимся заглянуть возможно глубже, охватить данный предметъ возможно шире. Это стремленіе вытекало изъ ея яснаго, большого ума, который никогда не довольствовался готовымъ шаблономъ или схемой. У нея былъ, если можно такъ выразиться, умный умъ, быстро схватывавшій суть предмета и объединявшій его съ массой другихъ явленій, между которыми она умѣла ориентироваться съ поразительной легкостью.

Кромѣ того, въ ней была сильно развита чисто русская черточка характера—юморъ, помогавшій ей видѣть слабыя стороны борцовъ разныхъ направленій. Этотъ юморъ былъ выдающейся чертой ея характера. Она никогда не относилась къ жизни трагически и въ самыя мрачныя минуты общественной жизни, или какія приходилось переживать подчасъ журналу, она вносила юмористическую жилку, которая, помимо воли, бодрила всѣхъ и оживляла. Юморъ, дѣйствительно, великая жизненная сила, и не будь его, врядъ ли русскій народъ пережилъ бы свою угрюмую исторію, такую безпросвѣтную и безрадостную. Этимъ юмористическимъ отношеніемъ къ текущимъ злобамъ и бѣдамъ Лидія Карловна поднималась сама и поднимала другихъ *надъ* жизнью, безсознательно облегчая бремя ея для окружающихъ. Юморъ не покидалъ ее даже въ минуты смертельной борьбы съ недугомъ, унесшимъ ее въ могилу. Про одного, напр., изъ врачей, лѣчившихъ ее, она говорила, что это «самый занимательный изъ гастролеровъ». Тотъ же юморъ она вносила и въ личныя

отношенія, чѣмъ просто обезоруживала самыя острыя нападки. Такъ, о ближайшемъ своемъ товарищѣ по редакціи, нерѣдка свирѣпо нападавшимъ на ея неаккуратность, она добродушно выражалась, что онъ выноситъ ее «съ адской кротостью», и тѣмъ окончательно убивала его назойливость.

Дѣло въ томъ, что она была не столько журнальный дѣятель, сколько дѣятель *общественный*. Журналъ, въ которомъ она играла такую видную роль, входилъ въ ея жизнь только какъ часть большого дѣла, какимъ для нея была общественная жизнь во всемъ ея цѣломъ. Она рвалась къ этой жизни всѣмъ своимъ существомъ, и не ея вина, если приходилось ограничивать себя тысячью маленькихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить свои недюжинныя силы на одномъ большомъ. Жить ей пришлось именно въ тѣ дни, когда для такого дѣла не стало мѣста въ русской дѣйствительности. И она бралась за все, въ чемъ видѣла хоть крупицу общественной пользы, съ утра до ночи кипѣла среди безчисленныхъ мелкихъ предпріятій и начинаній, съ которыми къ ней прибѣгали другіе. Чего-чего тутъ не было! И издательства для народа, и устройство чтеній для рабочихъ то на Шлиссельбургскомъ трактѣ, то на Путиловскомъ заводѣ, и коммиссіи и комитеты по разнымъ учрежденіямъ для школъ, и т. п., и безчисленныя собранія, гдѣ присутствіе ея казалось всѣмъ необходимымъ. Ѣздить изъ конца въ конецъ, не обращая вниманія ни на погоду, ни на здоровье, вести переговоры съ массой народа, устраивать собранія и сближать людей,—все это не такъ легко, какъ кажется, и силы незамѣтно расходовались по мелочамъ. Ея ранняя смерть въ значительной степени обусловлена этой лихорадочной работой, этой раздерганной жизнью. Ее тянули эти дѣла не потому, что въ нихъ она видѣла всю суть жизни, но въ нихъ она находила хотя часть той широкой работы, какою ей представлялся соціальный вопросъ нашего времени.

А имъ она была поглощена всегда, что выразилось, между прочимъ, и въ ея литературной работѣ. Всѣ статьи ея посвящены различнымъ сторонамъ этого вопроса, который она непрестанно изучала. Въ своихъ частыхъ поѣздкахъ заграницу она на мѣстѣ знакомилась съ развитіемъ этого вопроса на Западѣ, и сама принимала участіе тамъ, гдѣ это было доступно. Литература по соціальному вопросу не сходила съ ея стола, и если въ журналѣ только немногое появлялось отъ этой работы ея, то въ этомъ опять-таки не ея вина. Она мастерски умѣла излагать самыя трудныя проблемы и дѣлать ихъ доступными самому широкому кругу читателей.

Литературную работу она любила и охотно отдавалась ей, но она не заполняла всецѣло ея жизни. Скорѣе, она, казалось, отдыхала на ней, почему ея работа для журнала имѣла видъ работы между дѣломъ. Но это только такъ казалось, потому что ея журнальная дѣятельность составляла гармоничное цѣлое со всей ея жизнью. Она бросала перо, чтобы ѣхать на собраніе, читать для рабочихъ или присутствовать въ комитетѣ. Но то, что она уносила оттуда, она вносила въ журналъ и, взявшись опять за прерванную журнальную работу, придавала ей тотъ общественный тонъ и духъ, который привезла съ собой домой. Поэтому-то каждая ея строчка, а ихъ на протяженіи девяти лѣтъ наберется въ журналѣ многіе листы, была проникнута общественнымъ стремленіемъ. Думаемъ, даже злѣйшіе враги ея,—если бы такіе у нея были,—не могли бы попрекнуть ее, что она взяла невѣрный тонъ, сдѣлала ошибку въ общественномъ смыслѣ.

Она любила литературу по призванію. Чего только она ни читала, чего нельзя было найти на ея загроможденномъ столѣ, гдѣ въ столь любезномъ сердцу каждаго литератора безпорядкѣ перемѣшивались книги по соціологіи съ иностранными журналами, брошюры на всѣхъ языкахъ съ романами, рукописи переводовъ, которыя она выправляла, съ ея собственными работами.

Писала она легко, работа спорилась подъ ея перомъ, и что другому давалось съ великимъ трудомъ, она выполняла словно играя, постоянно отрываемая посѣтителями. Къ своей литературной работѣ она относилась болѣе, чѣмъ скромно, почти пренебрежительно. Можетъ быть, оттого, что она ей такъ легко давалась. Она была проникнута глубокимъ, почти благоговѣйнымъ уваженіемъ къ литературѣ и ставила чрезвычайно высокія требованія писателю. Это былъ рѣдкій типъ писателя, лишеннаго того литературнаго самолюбія, которое такъ любовно относится къ каждой своей строчкѣ и такъ строго—къ чужой. Никто такъ искренно не восхищался каждымъ новымъ талантомъ, не цѣнилъ такъ каждое яркое слово, свѣжую мысль, какъ Лидія Карловна, и никто не цѣнилъ себя самого такъ мало, какъ она. Большая часть ея журнальной работы осталась анонимной, а то, что подписано ея дѣвичьимъ именемъ «Л. Давыдова», подписано редакціей почти противъ воли автора. Никому неизвѣстной, кромѣ ея товарищей по дѣлу, остается ея редакціонная работа, которую она тоже дѣлала легко и свободно, незамѣтно для всѣхъ, привыкшихъ ее видѣть всегда въ обществѣ, всегда окруженной людьми. Врожденный вкусъ ко всему изящному руководилъ ею при выборѣ матеріала для журнала, и она рѣдко ошибалась при этомъ. Увлекаясь новыми теченіями въ искусствѣ и литературѣ, она съ свойственнымъ ей юморомъ мѣтко оцѣнивала всѣ крайности и пошлости, чутко улавливая каждую искреннюю нотку, новую искорку, новый талантъ. Тоже пыталась она проводить и въ журналѣ, знакомя читателей съ новыми авторами и теченіями на Западѣ.

Чего она не выносила, такъ это пошлости и мѣщанства, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Сама она была олицетвореннымъ отрицаніемъ буржуазности, что проявлялось во всемъ, начиная съ ея литературныхъ работъ и кончая домашнимъ обиходомъ и одеждой, милая небрежность которой часто служила предметомъ шутливыхъ замѣчаній со стороны товарищей и знакомыхъ. Всегда занятая интересами другихъ, она какъ-то ухитрялась забывать себя. Въ пренебреженіи къ мелочамъ житейскаго обихода, въ забвеніи себя, въ нетребовательности, въ отсутствіи какихъ-либо удобствъ проявлялась та же идеалистическая струнка, которая такъ сильно звучала въ ея духовной жизни.

Ея идеалъ былъ слишкомъ возвышенъ и съ высоты его она просто не замѣчала той массы пустяковъ, изъ которыхъ слагается вся жизнь для большинства. Она жила не *для себя*, а для той высшей цѣли, которая смутно мерещится для массы и лишь для избранныхъ натуръ представляется чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Добро и красота, правда и справедливость, любовь и прощеніе не были для нея только словами,—они наполняли ея жизнь, служили выраженіемъ ея личности въ окружающемъ ее мірѣ. Отсюда ея ничѣмъ не смущаемый оптимизмъ. Мы не помнимъ, чтобы она когда-нибудь унывала. «Духъ праздности, уныніе» былъ чуждъ ей вполнѣ. Что-бы ни случилось, она сохраняла полную свободу духа и какъ бы дѣтскую безпечность, предъ которой само насиліе оказывается безоружнымъ.

«Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю»,—великая правда этихъ словъ становилась понятной въ ея обществѣ, гдѣ замирала вражда и стихала злоба. Даже и въ журнальномъ мірѣ, гдѣ этой вражды и злобы такъ много, не думаемъ, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ, враждебно къ ней настроенный. Эту кротость она вносила всюду, сама не любила полемики и удерживала другихъ отъ избыточнаго задора. Эта кротость влекла къ ней всѣхъ обиженныхъ, гонимыхъ и озлобленныхъ, и, встрѣчая въ ея домѣ такихъ людей, которыхъ не терпѣли въ извѣстныхъ кругахъ, нѣкоторые, болѣе рьяные, обрушивались на нее съ упрекомъ. Лидія Карловна въ такихъ случаяхъ или отмалчивалась, или отшучивалась съ обычнымъ юморомъ. А въ сущности она была права, и ея терпимость была, пожалуй, болѣе дѣйствительнымъ средствомъ исправленія, чѣмъ

язвительныя рѣчи и презрѣніе другихъ. И, кто знаетъ, сколько такихъ слабыхъ и униженныхъ уходили отъ нея окрѣпшими и облагороженными! Про это ея вліяніе на людей можно сказать то же, что говоритъ Лежневъ у Тургенева про Покорскаго: «Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами...»

«Я любила... любила... любила!»—таковы были ея послѣднія слова по разсказамъ присутствовавшихъ при ея кончинѣ. Что хотѣла сказать покойная, осталось ея тайной. Но мы можемъ взять эти слова девизомъ ея жизни, такой короткой по времени и такой богатой по результатамъ. Она умерла въ тридцать лѣтъ, когда большинство только начинаетъ жить, но казалось, будто она прожила такъ долго-долго уже: такъ великъ былъ запасъ любви, накопленный ею. Она много любила, и въ этомъ была вся тайна ея обаянія. Любила людей, любила жизнь, общественную дѣятельность и шумъ борьбы, любила литературу, искусство, природу. Все служило для нея источникомъ радости, все находило отзвукъ въ этой душѣ, такой простой и такой сложной, которая неустанно трепетала въ тревожномъ стремленіи впередъ.

Кроткая, съ дѣтски ясною улыбкою и вдумчивымъ взглядомъ, всегда куда-то вдаль устремленныхъ, словно слегка затуманенныхъ глазъ, стоитъ она передъ нами на темномъ фонѣ смерти, какъ свѣтлое обѣтованіе лучшаго будущаго. Смерть, этотъ великій художникъ, любящей рукой наложила на этотъ образъ послѣднюю черту—законченности. Ибо «смерть кротка, какъ любовь, она самая кроткая форма жизни, она—чудо великой любви», какъ говоритъ Гауптманъ. Но чувство, чувство не мирится съ самимъ фактомъ. Онъ жестокъ и непонятенъ.

Та же смерть показала знавшимъ и любившимъ ее, что они ее все же мало знали. Она умирала героемъ, сохраняя до послѣдней минуты душевную ясность, находя слова ободренія для окружающихъ. Этотъ героизмъ раскрылъ имъ, сколько силъ осталось не проявленными въ дѣйствіи, сколько возможностей скрыто навсегда въ ея безвременной могилѣ.

И именно теперь, въ эти безотрадные, сѣрые будни, когда кажется, что

«грозной нѣмотой
И самый свѣтъ на вѣки пораженъ»,—

такъ болѣзненно чувствуется все значеніе этой невознаградимой утраты...

А. Б.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

20-го декабря скончалась Лидія Карловна Туганъ-Барановская... Изъ некрологовъ, помѣщенныхъ въ газетахъ, знаютъ, что это была талантливая писательница и полезная дѣятельница на общественномъ поприщѣ, и что она похищена смертью до жестокости рано, далеко не успѣвъ совершить того, что *могла*, и чего отъ нея ждали всѣ знавшіе ее лично...

Не знаю, появится ли подробная біографія покойной? Она такъ мало жила... такъ мало для этого оставила эпическаго матеріала...

Но, вѣдь, при оцѣнкѣ человѣческой жизни возможны различныя точки зрѣнія... Нельзя ея цѣнность сводить только къ количеству видимыхъ, осязательныхъ результатовъ. Часто она опредѣляется именно содержаніемъ личности человѣка, тѣми или иными свойствами его индивидуальнаго «я», а не его внѣшними проявленіями...

Если бы Лидія Карловна прожила дольше и успѣла создать въ какой-нибудь области что-нибудь законченное и опредѣленное, то, конечно, это ея созданіе говорило бы о ней краснорѣчивѣе всякихъ чужихъ словъ... Но, вѣдь, она *не успѣла!*.. Больно думать, что ея богатая и особенная, исключительная личность промелькнетъ незамѣтно для всѣхъ тѣхъ, кто не встрѣтился съ нею въ жизни.

Я не собираюсь дать подробной характеристики покойной. Мнѣ просто хочется оживить ея образъ въ памяти знавшихъ ее, увидѣть ее хоть на минуту такою, какою я ее знала и любила... показать ее, хоть немного, тѣмъ, кто ее не зналъ...

Трудно освоиться съ мыслью объ ея смерти.

Знаешь и болѣзненно чувствуешь, что ея—этой живой, обаятельной женщины, ставшей мнѣ за послѣднее время родною—нѣтъ... Но представить себѣ ея вѣчное отсутствіе, ея исчезновеніе, разрушеніе, небытіе—я не могу...

Даже тогда, идя съ другими за ея гробомъ, я ловила себя на привычномъ желаніи:

— Я это ей непремѣнно разскажу...—И въ ужасѣ застывала, взглянувъ на вѣнокъ, качавшійся на крышкѣ гроба, и вспоминала обо всемъ.

Но чрезъ минуту она опять была передо мной живая и веселая, съ своей милой, привѣтливой улыбкой на губахъ, съ звонкимъ высокимъ голосомъ и кроткими, ясными глазами. Эти пытливые, проницательные глаза глядѣли съ сочувствующимъ любопытствомъ и вновь вызывали желаніе «разсказывать», дѣлиться съ нею каждымъ мимолетнымъ впечатлѣніемъ...

— Разскажите!—звенѣлъ ея ласковый любознательный голосокъ, и сердце опять рвалось къ нему навстрѣчу.

Но тогда... какъ же? Неужели это она лежала въ гробу, среди похоронныхъ свѣчъ?..

Я издали вглядывалась въ нѣмыя, застывшія черты и думала:

«Нѣтъ. Это не она, а лишь то, что принадлежало ей. Но гдѣ же она теперь»?..

Становилось жутко отъ собственнаго вопроса, но я чувствовала увѣренность, что такое, какъ у нея, человѣческое сознаніе, достигшее высшей степени ясности и полноты, что такое, какъ у нея, утонченное человѣческое «я», не можетъ уничтожиться...

Теперь, когда припоминаешь похороны, кажется, что и въ печальныхъ лицахъ собравшихся проводить ее людей, чувствовались тѣ же тоскливые недоумѣвающіе вопросы.

— Какъ это могло случиться? Дѣйствительно ли это случилось?

Вѣроятно, всѣ продолжали мысленно видѣть ее такою, какою она всегда была: оживленною, дѣятельною, бодрою и ободряющею другихъ. И для всѣхъ ея смерть явилась неожиданностью, хотя произошла послѣ тяжелой неизлечимой болѣзни...

Мнѣ кажется, что похороны были совсѣмъ особенныя, необыкновенно соотвѣтствующія той, которую погребали: безшумныя, сдержанныя, искреннія. Вѣдь, покойница, при всей своей молодости, уже была «дѣятельницей» и на литературномъ, и на общественномъ поприщѣ, а потому можно было ждать на ея похоронахъ депутацій, звучныхъ рѣчей и нераздучной съ человѣческимъ краснорѣчіемъ лжи. Но ничего этого на похоронахъ Лидіи Карловны не было— никакой фальши и афектаціи, какъ не было ихъ и въ ней самой. Присутствующіе словно сговорились не тревожить основныхъ ея душевныхъ свойствъ— правдивости, скромности... Всякій таилъ свою скорбь про себя.

Среди провожавшихъ не было безучастныхъ лицъ. Всѣ были потрясены, взволнованы и растроганы. Каждый жалѣлъ ее по своему; каждый пришелъ къ ней *со всѣмъ лучшимъ*, что у него было въ душѣ... Не даромъ она своимъ яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ умѣла найти въ душѣ каждаго человѣка лучшую сторону!

Проводить Лидію Карловну собралось такъ же много народу, какъ окружало ее при жизни, только она уже не могла никому сказать своего привѣтливаго слова, которое у нея всегда находилось для каждаго...

Всякій разъ—тогда, въ церкви,—когда я возвращалась къ сознанію дѣйствительности, до моего слуха доносилась одна и та же настойчивая молитва объ отпущеніи ея грѣховъ, и я невольно задумывалась надъ вопросомъ: какіе же у нея могли быть «грѣхи»?

Въ самомъ дѣлѣ, какіе могли быть у нея грѣхи? Она была такъ безконечно добра... Безчисленныя мелкія общечеловѣческія слабости, побуждающія людей измѣнять себѣ, соперничать, подниматься и падать, были ей незнакомы. Она, счастливица, не вѣдала ни себялюбія, ни тщеславія, ни зависти, ни гнѣва... Въ ней, вообще, не было *зла*. Обыкновенно въ жизни встрѣчаешь добро рядомъ со зломъ. Любовь и ненависть тѣсно связаны между собою, любовь къ одному часто питается ненавистью къ другому—противоположному. Лидія Карловна съ своей кристально чистой душой *только любила*, любила мирною, свѣтлою любовью все хорошее на землѣ и ко всему дурному относилась съ поразительнымъ пониманіемъ этого дурного и снисхожденіемъ.

Нѣтъ, нѣтъ... у покойницы не могло быть «грѣховъ!»

Единственный невольный грѣхъ ея тотъ, что, любя жизнь, желая жить, она такъ мало заботилась о себѣ, такъ мало берегла себя, что, можетъ быть, сама свела себя въ преждевременную могилу...

Она любила жизнь здоровою, сознательною любовью и, что рѣдко случается, — умѣла быть счастливой... Какъ тонко разбиралась она во всемъ окружающемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ просто относилась ко всему. Казалось, будто окружающій, внѣшній міръ представлялъ для нея больше интереса, чѣмъ свой собственный, внутренній, а между тѣмъ жизнь въ этомъ послѣднемъ складывалась въ высшей степени сложно и оригинально.

Словно безсознательно предчувствуя свою раннюю смерть, она неудержимо спѣшила жить, широко открывая душу всевозможнымъ впечатлѣніямъ. Но она едва ли когда-нибудь останавливалась на мысли о смерти и игнорировала свои болѣзни.

— Это все пустяки... пройдетъ, — были ея обычныя слова, которыя она повторяла даже въ бреду, въ послѣднія минуты.

Она всегда была убѣждена, что у нея прекрасное здоровье, хотя очень часто хворала.

— Знаете, — говорила она во время своей послѣдней болѣзни,—это тѣмъ болѣе удивительно, что я всегда отличалась замѣчательнымъ здоровьемъ.

У ней было столько разнообразныхъ «спѣшныхъ» жизненныхъ интересовъ, столько богатыхъ интеллектуальныхъ силъ, что физическія немощи представлялись ей только мелкими досадными препятствіями, отъ которыхъ слѣдовало какъ можно скорѣе, отдѣлаться.

Къ людямъ у нея было совсѣмъ особенное отношеніе, — можно, пожалуй, сказать, что она *всѣхъ любила*... если понимать подъ любовью не то исключительное, пылкое и требовательное чувство, какое понимаютъ обыкновенно, а просто — широкое органическое доброжелательство. Къ каждому человѣку, кто бы онъ ни былъ, она подходила безъ всякой подозрительности и предвзятости, съ полнѣйшей готовностью узнать его, понять, и какъ бы то ни было— помочь, поддержать, защитить. Она ко всѣмъ относилась любовно и никого отъ себя не отталкивала. Поэтому у нея составился очень большой и разнообразный кругъ знакомыхъ, которые безпрестанно толпились въ ея домѣ, и каждому было около нея тепло.

Къ ней, въ самомъ дѣлѣ, могъ придти всякій, кто хотѣлъ.

Она не разъ сама добродушно говорила, смѣясь:

— Жизнь какъ-то такъ странно сложилась, что въ нашемъ домѣ, дѣйствительно, можно встрѣтить самые разнообразные элементы.

Стоило спросить ее:

— Ну, что у васъ общаго, напримѣръ, съ такимъ-то?

Она тотчасъ начинала горячо защищать его:

— Нѣтъ, нѣтъ... Онъ (или она) все-таки славный... Я люблю его за то, что онъ очень искренній; это рѣдко бываетъ...

И она торопливо принималась доказывать его «искренность».

Другой, напротивъ, привлекалъ ее «сложностью» своей натуры и т. п. Въ каждомъ что-нибудь да находилось хорошее, интересное. Если же она въ иномъ старомъ знакомомъ и не умѣла выставить привлекательныхъ или замѣтныхъ свойствъ, то обыкновенно смущенно признавалась:

— Я къ нему просто какъ-то привыкла...

Это стихійное стремленіе найти въ каждомъ человѣкѣ что-нибудь хорошее было въ ней тѣмъ болѣе трогательно, что она никогда не закрывала глазъ на человѣческіе недостатки и очень хорошо сознавала ихъ. У нея былъ необыкновенно ясный и устойчивый, какъ говорили *мужской* умъ, помогавшій ей быстро и легко разбираться въ людяхъ. Случалось слышать отъ нея изумительно мѣткія—иногда въ двухъ, трехъ словахъ—характеристики людей, которыхъ она встрѣчала всего нѣсколько разъ...

Умница... такая, проницательная умница! — всегда хотѣлось воскликнуть, слушая ее.

Можетъ быть, именно потому, что у нея самой по многимъ вопросамъ было вполнѣ опредѣленное міросозерцаніе, она такъ терпимо относилась къ взглядамъ другихъ людей. Теоретическое разногласіе не могло оттолкнуть ее отъ человѣка, если въ основѣ она находила его вполнѣ порядочнымъ. Жестокіе, без-

апелляціонные приговоры надъ людьми едва ли кому-нибудь случалось слышать изъ ея устъ.

— Такъ легко нельзя судить,—задумчиво возражала она.

Эта необыкновенная широта и терпимость, дававшая ей возможность *понять всякаго*, и привлекала къ ней такое множество людей. Въ ея маленькой столовой, въ самомъ дѣлѣ, могли встрѣчаться «друзья и враги», объединенные ея искреннимъ доброжелательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ. Можетъ быть, вблизи нея люди и сами становились нѣсколько лучше, и лучше относились другъ къ другу...

Около нея всѣмъ было тепло и хорошо, около нея нельзя было оставаться непримиримымъ пессимистомъ...

Никто не умѣлъ такъ, какъ она — сердечно, осторожно и деликатно—выразить другому сочувствіе, часто даже безъ словъ, и такъ глубоко понять душу другого...

— Отчего, голубчикъ, у васъ такое печальное лицо? Что у васъ случилось?— бывало допрашивала она.

Видя, что не хочется говорить о себѣ, она тотчасъ вовлекала въ какой-нибудь интересный разговоръ и высказывала въ немъ столько неуловимой теплоты, столько вниманія, что на душѣ сразу становилось свѣтлѣе.

Въ разговорахъ она любила касаться самыхъ разнообразныхъ темъ, чаще всего психологическихъ, и иногда жарко спорила. Предметомъ спора часто являлась современная семья и семейныя отношенія. Она защищала семью отъ нападокъ съ несвойственною ей горячностью, какъ нѣчто лично для нея дорогое и важное.

Цѣльная, гармоническая натура Лидіи Карловы сказывалась не только въ личной жизни и отношеніяхъ съ людьми, но и въ общественной дѣятельности. Она съ готовностью шла на встрѣчу всякому полезному дѣлу, какъ бы незначительно оно ни было, и дѣятельно въ немъ работала, но никогда не преувеличивала ни самого дѣла, ни своей работы. «Малыя дѣла» всегда оставались для нея *малыми*...

Къ сожалѣнію, и къ своимъ литературнымъ работамъ, она тоже относилась какъ къ малымъ дѣламъ. Она не придавала значенія своему несомнѣнному литературному дарованію. Она работала легко, быстро и много, но словно— *между прочимъ*. Она нѣсколько иронически относилась къ себѣ, какъ литератору и, въ противность большинству женщинъ писательницъ, съ иронической усмѣшкой повторяла обычную фразу «мы женщины писательницы». А между тѣмъ ея богатая, оригинальная индивидуальность могла бы вполнѣ проявиться только въ литературѣ, которую она всей душой любила.

Рѣдкія душевныя качества Лидіи Карловны: ея тонкая деликатность и полное отсутствіе эгоизма—особенно ярко сказались во время ея послѣдней болѣзни. Она заботилась о своихъ близкихъ гораздо больше, чѣмъ о себѣ, и была какъ-то особенно кротка и трогательна...

— Мнѣ просто совѣстно, что всѣ со мной такъ ужасно возятся!—былъ ея обычный припѣвъ въ отвѣтъ на всякую оказанную ей услугу.

Два съ половиной мѣсяца лежанья—въ сущности говоря, нестерпимаго для ея живой, подвижной натуры—нисколько не измѣнили ея спокойнаго жизнерадостнаго характера. Она по прежнему всѣмъ интересовалась и всѣхъ хотѣла видѣть. Ясность мысли не покидала ее даже при температурѣ выше 39°, и она съ живостью поддерживала самые разнообразные разговоры.

Она долго была убѣждена, что непремѣнно поправится, удивлялась, что болѣзнь такъ затянулась, и строила всевозможные планы на будущее. Но затѣмъ мысль о возможности иного исхода стала, повидимому, посѣщать ее все чаще и чаще. Она гнала ее отъ себя и тщательно скрывала ее отъ своихъ

близкихъ. Только протяжные, прерывистые вздохи, полные тоски и какого-то особеннаго жгучаго и безсильнаго нетерпѣнія, выдавали ея настроеніе.

Когда ее спрашивали, о чемъ она вздыхаетъ, она неизмѣнно отвѣчала:

— Такъ... безъ причины,—и обыкновенно отворачивалась къ стѣнѣ.

Въ началѣ болѣзни она всегда говорила: «Когда я поправлюсь».. А затѣмъ она стала уже говорить: «*Если* я поправлюсь...»

Она почти все время была въ сознаніи и по обыкновенію вѣрна себѣ. За три часа, на вопросъ о здоровьи она отвѣтила «отлично»... За три часа до смерти уговаривала сестру милосердія пойти отдохнуть послѣ безсонной ночи.

Да... *такою* она была...

Теперь все кончено. Ни слезы, ни печаль, ни любовь не помогутъ...

Имѣвшіе счастье знать ее лично *никогда* ея не забудутъ.

Е. Колтоновская.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

О нижегородской «неблагонадежности». Подъ такимъ заглавіемъ г. Влад. Корол. помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» письмо, трактующее инцидентъ въ нижегородскомъ обществѣ распространенія начальнаго образованія, въ совѣтѣ котораго по адресу одного изъ членовъ общества брошено было обвиненіе въ неблагонадежности. Къ тому, что было въ печати выяснено раньше относительно этого инцидента (см. «Нижегородск. Лист.», «Сѣверн. Кур.» и «Русск. Вѣдом.»), ничего новаго г. Корол. не добавляетъ. Напротивъ, стремленіе его смягчить значеніе поступка г. Садовня (предсѣдателя совѣта общества), пытавшагося свести самый фактъ доброхотнаго сыска къ обыденному случаю частной бесѣды, съ одной стороны, а съ другой—упреки его по адресу потерпѣвшаго «въ нѣсколько излишней нервности», придаютъ даже не совсѣмъ вѣрную окраску извѣстнымъ уже фактамъ. Но тѣмъ не менѣе мы воспроизводимъ здѣсь письмо г. Влад. Корол. цѣликомъ, такъ какъ въ общемъ оно даетъ талантливую и яркую характеристику обывательскаго усердія въ отношеніи къ «благимъ надеждамъ».

«По первоначальнымъ газетнымъ извѣстіямъ—пишетъ г. Корол.—въ одномъ изъ засѣданій совѣта названнаго общества членомъ этого совѣта С. А. Брызгаловымъ было сдѣлано заявленіе о «неблагонадежности» другого члена общества, Н. А. С—ва. (Нужно замѣтить, что г. Брызгаловъ, директоръ народныхъ училищъ, въ совѣтѣ состоитъ не по должности, а по выборамъ, какъ и всѣ другіе). Этотъ, можетъ быть, и не безпримѣрный, но, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени прискорбный фактъ подалъ поводъ къ оживленнымъ комментаріямъ, причемъ, постепенно наростая въ процессѣ обсужденія, фактъ принялъ въ окончательныхъ редакціяхъ такой видъ, какъ будто «совѣтъ общества занимался *публично* обсужденіемъ степени благонадежности одного изъ членовъ» этого общества.

«Тогда, какъ извѣстно, предсѣдатель совѣта нижегородскаго общества распространенія начальнаго образованія г. Садовень обратился въ «Русскія Вѣдомости» (№ 277-й) съ письмомъ, въ которомъ утверждалъ категорически, что совѣтъ названнаго общества, состоящій подъ его предсѣдательствомъ, никогда

обсужденіемъ подобнаго вопроса не занимался и онъ, какъ предсѣдатель, никогда бы такого обсужденія не допустилъ. Г. С—въ дѣйствительно отказался спустя четыре мѣсяца послѣ избранія отъ званія члена коммиссіи по организаціи народныхъ чтеній, но поводомъ къ такому отказу послужилъ, по мнѣнію г. Садовеня, «частный разговоръ», а не публичное обсужденіе въ совѣтѣ вопроса о благонадежности г. С—ва.

«Это заявленіе должно было успокоить всѣхъ, кому фактъ въ его первоначальномъ видѣ казался—вполнѣ основательно—чрезвычайно некрасивой страницей въ дѣятельности просвѣтительнаго учрежденія, ничего общаго съ полицейскимъ сыскомъ не имѣющаго. Къ сожалѣнію, въ № 282 «Русскихъ Вѣдомостей» вскорѣ же появилось письмо, подписанное иниціалами Н. А. С—въ, въ которомъ послѣдній, заявляя, что рѣчь идетъ именно о немъ и что именно его избраніе «подало поводъ къ неумѣстному заявленіюг. Брызгалова»,—категорически подтверждаетъ «полную справедливость» первоначальнаго извѣстія.

«Такимъ образомъ въ печати мы получили два діаметрально противоположныхъ заявленія о прискорбномъ инцидентѣ: согласно одному—вопросъ о благонадежности г. С—ва въ совѣтѣ не ставился, согласно другому—наоборотъ, это прискорбное явленіе имѣло мѣсто.

«Это, понятно, вызвало нѣкоторое недоумѣніе и въ публикѣ, и въ прессѣ, успѣвшей перепечатать первоначальное извѣстіе въ значительномъ количествѣ органовъ. Послѣ этого вопросъ какъ-то стушевался, и это, по моему мнѣнію, чрезвычайно характерно,—самый фактъ остался въ какомъ то двусмысленномъ туманѣ, а совѣтъ Общества и г. С—въ обоюдно оставили другъ-друга въ «подозрѣніи»...

«Между тѣмъ инцидентъ имѣлъ продолженіе. Для выясненіи истины г. С—въ предложилъ (какъ тоже извѣстно изъ газетъ) третейское разбирательство Г. Садовень на это не согласился и предпочелъ перенести дѣло на судъ самого Общества. Послѣднее поручило ревизіонной коммиссіи разсмотрѣть, между прочимъ, и этотъ вопросъ.

«4-го ноября состоялось общее собраніе, на которомъ читался докладъ коммиссіи *). На собраніи присутствовалъ и Н. А. Скворцовъ (изъ-за котораго, какъ оказалось, разгорѣлся весь инцидентъ), и оно было очень бурно. Ревизіонная коммиссія выяснила, что «въ засѣданіи совѣта вопросъ дѣйствительно не обсуждался». Такимъ образомъ, г. Садовень въ своемъ опроверженіи говорилъ правду, и г. Скворцовъ не имѣлъ основанія подтверждать «полную справедливость первоначальныхъ сообщеній» (сдѣланныхъ, впрочемъ, не имъ). Г. Садовень получилъ удовлетвореніе, а г. Скворцовъ—порицаніе. И однако... ревизіонная же коммиссія все-таки признала, что заявленіе о благонадежности было сдѣлано и притомъ такъ, что его слышали «нѣкоторые члены совѣта». А г. Скворцовъ добавляетъ:—и ни для кого въ Нижнемъ это не тайна,—что это заявленіе, которое «слышали нѣкоторыя члены совѣта» (гдѣ же оно было сдѣлано?) вышло за предѣлы «совѣта», между членами котораго велись это разговоры, и пошло гулять по городу. Пишущему эти строки да и многимъ изъ читателей хорошо извѣстно, что такое засѣданіе подобныхъ «совѣтовъ». Люди собираются у кого нибудь и говорятъ за стаканомъ чая, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ. Гдѣ тутъ начинается засѣданіе и когда оно кончается,—сказать, разумѣется, невозможно. Весьма понятно, что если «нѣкоторые члены слышали заявленіе г. Брызгалова» въ такомъ маленькомъ собраніи, то они совершенно добросовѣстно могли передать г. С—ву слова говорившаго какъ заявленіе въ совѣтѣ объ его «неблагонадежности», и тогда г. Скворцовъ могъ, пожалуй, вполнѣ добросовѣстно настаивать на своемъ...

---

*) См. Нижегор. Листокъ, № 305.

«Неблагонадежность» есть слово чисто русское, выработанное нѣкоторыми особенностями русской жизни. Этимологически оно означаетъ, что на человѣка нѣтъ основаній возлагать «благія надежды». Само собою разумѣется, что, во-первыхъ, никогда столь неуловимо тонкая характеристика не можетъ быть установлена вполнѣ точно, а во-вторыхъ, даже точно установленный отрицательный признакъ (отсутствіе основаній для благихъ надеждъ) недостаточенъ для того, чтобы лишать человѣка огня, воды или драгоцѣннаго права прочитать съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой трижды процензурованную брошюру, разрѣшенную для народныхъ чтеній... Къ сожалѣнію, практика придаетъ порой и этому понятію, и его послѣдствіямъ слишкомъ распространенное толкованіе. Мы не будемъ здѣсь касаться всѣхъ сторонъ этого любопытнаго явленія, скажемъ только, что если установленіе отсутствія «благихъ надеждъ» ставитъ порой въ крайнее затрудненіе даже полицію, то вмѣшательство въ это дѣло добровольцевъ изъ обывателей уже совершенно его запутываетъ. Между тѣмъ, говоря вообще, русскій человѣкъ часто идетъ въ этомъ случаѣ навстрѣчу усиліямъ компетентныхъ учрежденій съ такой стремительностью, которая порой ставитъ въ крайнія затрудненія даже эти учрежденія.

«Не могу не вспомнить нѣкоторыхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ томъ же Нижнемъ во время моего въ немъ пребыванія. Одна дама (къ тому же больная) была заподозрѣна въ «неподачѣ благихъ надеждъ», и вслѣдствіе этого... ей отказали подрядъ двѣ квартирныхъ хозяйки. Когда это случилось и на третьей квартирѣ, то ея близкіе знакомые обратились къ мѣстному полицеймейстеру, объяснивъ ему, что вѣдь это уже принимаетъ для г-жи NN размѣры настоящей катастрофы. Тогда къ послѣдней квартирной хозяйкѣ былъ командированъ любезный полицейскій офицеръ, который ко многимъ функціямъ своей должности былъ вынужденъ прибавить еще одну и въ теченіе нѣкотораго времени съ краснорѣчіемъ Демосѳена убѣждалъ хозяйку, что г-жа NN имѣетъ право жить подъ кровомъ, какъ всѣ люди, и что сама квартирная хозяйка отъ этого никоимъ образомъ пострадать не можетъ...

«Въ другой разъ, по аналогичному до извѣстной степени поводу, я имѣлъ разговоръ въ томъ же Нижнемъ съ однимъ генераломъ, весьма компетентнымъ въ этого рода вопросахъ. При этомъ даже этотъ испытанный генералъ съ чувствомъ, близкимъ къ отчаянію, говорилъ объ излишней готовности нѣкоторой части провинціальнаго общества принимать съ своей стороны доброхотное участіе въ сужденіи о «благихъ надеждахъ» и отсутствіи оныхъ... Въ результатѣ получалась куча болѣе или менѣе ложныхъ и главное—совершенно безтолковыхъ доносовъ, съ которыми, однако, приходилось разбираться...

«Но если такимъ образомъ обывательское усердіе этого рода доставляетъ затрудненіе даже начальству, то неудобства его для лицъ, имѣвшихъ несчастіе привлечь на себя вниманіе такого—добровольца неисчислимы. И, главное, во сто кратъ лучше навлечь на себя обвиненіе въ воровствѣ, убійствѣ, конокрадствѣ или явномъ прелюбодѣяніи, чѣмъ это тонкое, неуловимое, но тѣмъ болѣе ядовитое подозрѣніе въ неосновательности по отношенію къ данному субъекту «благихъ надеждъ»...

«Данный случай является превосходной иллюстраціей къ цѣлой категоріи подобныхъ явленій. Говорятъ, одинъ неосторожный человѣкъ броситъ въ воду камень, а сотня осторожныхъ его не вытащитъ. Господинъ Брызгаловъ дѣлаетъ въ какомъ-то полузасѣданіи полузаявленіе о какой-то неуловимой полупреступности г. Скворцова,—заявленіе, которое слышитъ, скажемъ, полусоставъ совѣта и вотъ... по городу начинается полушопотъ о г. Скворцовѣ... О немъ начинаютъ говорить, что это человѣкъ, который... который лишенъ права даже прочитать съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой трижды процензурованную для народныхъ чтеній брошюрку. Я совершенно понимаю, что при такихъ

обстоятельствахъ можно испытать ощущеніе близкое къ тому, что народъ называетъ «смертной тоской», и понимаю также усилія г. Скворцова вывести это шипящее полуобвиненіе на свѣтъ Божій... Ибо молчаливо признать себя лишеннымъ права даже прочитать въ залѣ народныхъ чтеній трижды цензурованную брошюрку... Господи Боже! Какія же права послѣ этого могутъ быть признаны за такимъ человѣкомъ и не слѣдуетъ ли бѣжать отъ него сломя голову, какъ только онъ раскроетъ ротъ, чтобы сказать что-нибудь уже отъ себя лично, безъ предварительной цензуры.

«Теперь слѣдуетъ считать вполнѣ установленнымъ, что «степень благонадежности» г. Скворцова въ совѣтѣ (да еще публично!) «не обсуждалась», а было что-то другое, за что нельзя возлагать отвѣтственность на весь составъ совѣта просвѣтительнаго общества. Очень можетъ быть также, что г. Скворцовъ дѣйствовалъ слишкомъ нервно и не совсѣмъ послѣдовательно. Нужно, однако принять въ соображеніе положеніе г. Скворцова, которому было сообщено о «заявленіи» г. Брызгалова, какъ о сдѣланномъ именно въ совѣтѣ... По моему мнѣнію, здѣсь просто оставалось... поблагодарить г. Брызгалова, заварившаго всю эту кашу, и «заключить инцидентъ», такъ какъ вся остальная кутерьма явилась естественнымъ послѣдствіемъ первоначальнаго факта, чего-то хотя и неоффиціальнаго, но все же нехорошаго и ненужнаго.

«Какъ видно изъ отчета о собраніи нижегородскаго общества распространенія народнаго образованія («Ниж. Листокъ» № 305), одинъ изъ членовъ ревизіонной коммиссіи нѣсколько разъ приглашалъ собраніе «не вентилировать этотъ вопросъ». Выраженіе очень мѣтко, но мнѣ кажется только, что подобные вопросы, указывающіе на довольно глубокую язву провинціальной жизни, какъ-разъ нуждаются въ самой тщательной «вентиляціи», и въ этомъ смыслѣ даже нѣсколько излишняя нервность г. Скворцова, въ концѣ концовъ, принесла свою долю пользы...»

Нарушеніе границы скопомъ. Нѣкто г. Т-въ, бывшій, по его словамъ, очевидцемъ случая переселенія армянъ изъ турецкихъ владѣній въ Россію, разсказываетъ въ «Новомъ Времени» такіе факты.

«Какъ на турецкой, такъ и на персидской границѣ, въ виду воинственнаго характера туземцевъ и частыхъ убійствъ, пограничной стражѣ вмѣнено въ обязанность во всѣхъ случаяхъ, когда нарушители границы являются скопомъ, употреблять оружіе, не справляясь съ тѣмъ, вооружены ли они или безоружны. Въ этихъ случаяхъ солдаты, видя приближающуюся къ границѣ толпу, троекратно окликаютъ ее и, если она не останавливается, открываютъ стрѣльбу. Правило это хорошо извѣстно всѣмъ приграничнымъ жителямъ и казалось бы должно служить надежнымъ препятствіемъ къ нарушенію нашей территоріи, но на практикѣ выходитъ нѣсколько иначе и армяне-бѣглецы цѣлыми сотнями благополучно переходятъ границу въ любомъ ея пунктѣ. Дѣлается это обыкновенно такъ. Среди бѣлаго дня большая толпа армянъ подходитъ къ противоположному берегу р. Араксъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся броды, всегда имъ прекрасно извѣстные и начинаютъ переправляться, причемъ впереди идутъ женщины съ младенцами на рукахъ и дѣти.

«Напрасно находящіеся на русскомъ берегу пограничные солдаты кричатъ толпѣ: «Явашъ, явашъ!» (стой), напрасно продѣлываютъ угрожающіе жесты ружьемъ, дѣлая видъ, что будутъ стрѣлять, толпа идетъ себѣ впередъ, причемъ женщины подымаютъ раздирающій душу вопль, протягиваютъ впередъ младенцевъ, мужчины предусмотрительно прячутся за ихъ спинами и тоже отчаянно вопятъ, ударяя кулаками въ грудь и торопливо творятъ крестное знаменіе. Что дѣлать солдатамъ? Придерживаясь строго буквы закона, они могутъ стрѣлять и будь на ихъ мѣстѣ англичане или нѣмцы, тѣ такъ бы и

поступили и самымъ хладнокровнымъ образомъ на законномъ основаніи начали бы разстрѣливать дѣтей и женщинъ, что, можетъ быть, въ видахъ высшей политики было бы, пожалуй, и благоразумно, и навѣрно въ значительной степени упростило бы вопросъ объ армянскомъ переселеніи, съ которымъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ тщетно бьются русскіе дипломаты. Но русская душа на такое дѣло не способна. «Вармяне», такъ солдаты называютъ армянъ, прекрасно это знаютъ. Наши солдаты не только не стрѣляютъ по бѣглецамъ, но, приведя на постъ, поятъ ихъ чаемъ и одѣляютъ хлѣбомъ, урывая его отъ себя. Иные идутъ еще дальше и жертвуютъ изъ своего скуднаго гардероба рубахи, порты и старыя выслужившія срокъ шинелишки. Я былъ свидѣтелемъ, какъ солдатъ хохолъ, самъ очень бѣдный, отдалъ свою единственную теплую старенькую фуфайку полуголой старухѣ «вармянкѣ» и на вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, добродушно отвѣчалъ: «Вона, ваше б—діе, зовсимъ смирзла».

Такимъ образомъ, русскій солдатъ, не будучи въ состояніи убивать ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей и беззащитныхъ женщинъ, пропускаетъ армянъ черезъ границу, явно нарушая требованія службы. Таковы факты. Но угодливый прислужникъ Суворина г. Т—въ, только что разсказавъ о добромъ сердцѣ русскихъ солдатъ, непосредственно отсюда заключаетъ (!), что попустителями «армянскаго нашествія» являются «мелкія административныя сошки, армяне по преимуществу». Дальнѣйшій «выводъ» г. Т—ва понятенъ самъ собою: «Пока на Закавказьѣ всѣ уѣздные начальники, пристава, судебные слѣдователи, мировые судьи и проч. не будутъ люди русскіе, армяне будутъ дѣлать все, что имъ угодно, не взирая ни на какія циркуляры и предписанія изъ Петербурга».

Наши тюрьмы. Съ отмѣною ссылки, вопросъ объ устройствѣ существующихъ у насъ мѣстъ заключенія пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенный интересъ. Любопытно поэтому заглянуть въ Александровскую центральную тюрьму, тѣмъ болѣе, что она, по словамъ «Восточнаго Обозрѣнія», представляетъ собою «явленіе настолько экстраординарное, насколько и отрадное, будучи оазисомъ среди большинства сибирскихъ тюремъ». Тюрьма эта находится въ с. Александровскомъ, Иркутскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Тельма.

«Внутри тюрьма ежедневно провѣтривается и выкуривается антисептическимъ составомъ. Желѣзныхъ оковъ на ногахъ и бритыхъ головъ въ Александровской тюрьмѣ нѣтъ. Они выведены здѣсь изъ употребленія, также какъ выведена розга. Опытъ показалъ, что отмѣна этихъ непремѣнныхъ аттрибутовъ нашихъ тюремъ нисколько не повліяла въ дурную сторону на дисциплину заключенныхъ. Моральная же сторона дѣла, несомнѣнно выиграла отъ этого. Смѣхъ и всякія развлеченія здѣсь не такъ строго возбраняются, какъ въ другихъ тюрьмахъ; устройствомъ стройнаго оркестра и хора изъ самихъ заключенныхъ достаточно ясно доказана отсталость прежняго взгляда на этотъ предметъ. Оркестръ, дирижеромъ котораго состоитъ молодой арестантъ, упражняется въ зданіи чайной-читальни. Слушая и видя предъ собою чисто одѣтыхъ, въ бѣлыхъ курткахъ музыкантовъ, не догадываешься вовсе, что это отбывающіе наказаніе преступники. Всматриваясь въ ихъ лица, непредубѣжденный человѣкъ не найдетъ ломброзовскихъ типовъ. Заключенные, занимавшіеся раньше ремесломъ или проявившіе способности въ какомъ-нибудь ремеслѣ, работаютъ въ небольшихъ мастерскихъ, состоящихъ изъ отдѣленій: столярнаго, токарнаго, слесарнаго и сапожнаго. Дѣти арестантовъ здѣсь же обучаются ремесламъ. Зданіе мастерскихъ, правда, довольно ветхое и само устройство ихъ оставляетъ желать лучшаго, но виною этому не администрація тюрьмы, которая давно уже желала бы улучшить это дѣло, а отсутствіе средствъ.

«Школа для дѣтей заключенныхъ имѣетъ большой, свѣтлый, чистый классъ,

которому могли бы позавидовать не только школы деревень, но и многія школы провинціальныхъ городовъ. Въ смежныхъ со школою комнатахъ содержатся на счетъ тюрьмы дѣти арестантовъ, находящихся въ особенно бѣдственныхъ условіяхъ, матеріальныхъ и семейныхъ. Скромныя кроватки и постель, состоящая изъ соломеннаго тюфяка, холщевой подушки и перешитаго изъ арестанской шинели, одѣяла, свидѣтельствуетъ о своей связи съ тюрьмой. Но это непріятное на первый разъ впечатлѣніе для глаза вполнѣ искупается чистотой и порядкомъ, въ которыхъ все это содержится».

Газета увѣряетъ, что свѣжему сытному обѣду для содержащихся здѣсь дѣтей могли бы даже позавидовать многіе школьники городскихъ и сельскихъ училищъ.

Но это дѣйствительно «оазисъ» среди множества нашихъ тюремъ, гдѣ прежде всего бросается въ глаза излишняя, никому ненужная жестокость по отношенію къ заключеннымъ. Вотъ, напримѣръ, фактъ, напоминающій главу «Любимцы каторги» изъ извѣстныхъ очерковъ г. Мельшина. Авторъ очерковъ разсказываетъ, какъ арестанты завели въ тюрьмѣ двухъ пѣтуховъ, приручили и вскормили ихъ, удѣляя своимъ «любимцамъ» лучшую часть тюремной пищи. «Любимцы», однако, были безжалостно отняты, причемъ арестантъ собственнымъ тѣломъ защищалъ одного изъ нихъ въ то время, когда надзиратели ловили пѣтуха, чтобы отрубить ему голову.

«Въ больницѣ Томской пересыльной тюрьмы,—разсказываетъ «Сибирская Жизнь»,—больные арестанты гдѣ-то достали котенка и выкормили его; котенокъ сталъ всеобщимъ любимцемъ, и вотъ эта любовь, по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, не понравилась тюремному надзирателю. Послѣдній возненавидѣлъ котенка. По праву власть имущаго, надзиратель однажды схватилъ котенка и бросилъ его къ потолку; животное упало на полъ при дружномъ негодованіи больныхъ. Они не дали надзирателю второй разъ продѣлать со своимъ любимцемъ жестокую «шутку» и, стараясь прятать котенка, вылѣчили его послѣ паденія, такъ что черезъ нѣкоторое время животное снова развлекало больныхъ и, надо сказать правду, котенокъ былъ единственной утѣхой въ монотонной, подавляющей жизни больныхъ. Надзиратель же по прежнему продолжалъ ненавидѣть котенка и часто мучилъ его на глазахъ присутствующихъ. Трудно, конечно, рѣшить, что болѣе всего нравилось надзирателю: нравился ли ему жалобный стонъ животнаго, или надзиратель любилъ издѣваться надъ безсильной злобой больныхъ и наслаждался этимъ безсиліемъ... Наконецъ, надзирателю, видимо, надоѣла забава съ котенкомъ и онъ рѣшился доставить себѣ болѣе сильное наслажденіе... На дняхъ надзиратель, въ присутствіи больныхъ, посадилъ котенка на желѣзную печь и продержалъ его на ней до тѣхъ поръ, пока... операція достигла цѣли: обгорѣлаго котенка пришлось вышвырнуть на дворъ...

«Арестанты были взбѣшены. Одинъ изъ нихъ бросился на изверга со скамейкой, но .. надзирателей много...

«Мы опустимъ занавѣсъ надъ этой возмутительной картиной и предоставимъ читателю самому разобраться въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя вызываетъ этотъ фактъ. Быть можетъ, и гг. психологи призадумаются надъ этой картиной, но намъ кажется, что и простой смертный безъ долгихъ думъ скажетъ, что человѣкъ—звѣрь, какой бы властью вы его ни облекали, не вызоветъ въ своихъ подчиненныхъ иного чувства, кромѣ чувства отвращенія, а возбуждать это чувство въ людяхъ, уже униженныхъ и оскорбленныхъ,—въ людяхъ съ болѣзненой духовной дѣятельностью и инстинктами, по меньшей мѣрѣ, вредно и безнравственно» ..

---

*

Причины экономическаго упадка крестьянства по земскимъ отзывамъ. Въ таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней очередной сессіи вновь разсмотрѣнъ, по словамъ «Крымскаго Вѣстника», общій вопросъ о шаткости экономическаго положенія крестьянскаго населенія, выражающейся въ томъ, что оно не въ силахъ выйти собственными средствами изъ затрудненій, вызванныхъ неурожаемъ. Вопросъ оставленъ открытымъ, такъ какъ, по странному заявленію губернской земской управы, «у насъ не было за 2 года представлено по этому вопросу доклада». Совершенно справедливо замѣтилъ въ собраніи гласный А. В. Новиковъ, что при такихъ условіяхъ десятки лѣтъ придется ждать разрѣшенія важныхъ экономическихъ вопросовъ. Непонятнымъ явилось такое отношеніе управы къ своему дѣлу еще потому, что отъ всѣхъ уѣздныхъ земствъ получились довольно подробные отвѣты на вопросъ о причинахъ экономическаго упадка крестьянства. *Ѳеодосійское земство* полагаетъ, что причины эти сводятся къ тяжести натуральныхъ повинностей различныхъ наименованій и къ непримѣнимости существующихъ юридическихъ формъ и положеній къ простому быту мѣстныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ. «При отбываніи натуральныхъ повинностей весьма часто имѣютъ мѣсто требованія незаконныя и исполняемыя лишь потому, что административнымъ лицамъ предоставлено безконтрольное право наказывать за непослушаніе арестомъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ всякій предпочтетъ аресту исполненіе незаконнаго требованія. Итакъ, одна изъ лучшихъ гарантій благосостоянія — законность, а худшій его врагъ—произволъ; если же законность связана съ формализмомъ, то послѣдній крайне пагубенъ».

Перекопское земство видитъ причину экономическаго упадка населенія въ отсутствіи грамотности, спеціальныхъ знаній по обработкѣ земли и недостаточности надѣловъ. «Устраненіе причинъ упадка, по мнѣнію перекопскаго земства, является не легкою задачею и мѣры для того должны быть направлены къ распространенію среди крестьянскаго населенія грамотности, поднятію общаго уровня умственнаго развитія, открытію дешеваго кредита, распространенію сельскохозяйственныхъ знаній и кустарныхъ промысловъ, съ цѣлью предоставленія въ зимнее время заработка населенію».

Евпаторійское земство видитъ все зло въ нераціональной эксплуатаціи земли, вызванной отчасти и малоземельемъ.

Бердянское земство замѣтило, что въ общемъ благосостоянію крестьянства мѣшаетъ: 1) недостаточное еще распространеніе грамотности среди народа и неразвитость его, вслѣдствіе чего многія хозяйственныя улучшенія воспринимаются недостаточно быстро; 2) малоземелье; 3) стѣсненіе дѣятельности крестьянскихъ обществъ административной опекой, и 4) покровительственная система, принятая въ русской экономической политикѣ и обусловливающая чрезмѣрную дороговизну многихъ предметовъ хозяйственнаго и домашняго обихода.

Остальныя земства высказались почти въ томъ же смыслѣ.

Несомнѣнное существованіе экономическаго упадка крестьянскаго населенія Таврической губерніи съ особенною силою еще сказывается въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ предъ г. губернаторомъ крестьянъ мелитопольскаго, днѣпровскаго и бердянскаго уѣздовъ о переселеніи, главнымъ мотивомъ котораго они выставляютъ малоземелье и совершенную невозможность при такихъ условіяхъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Несчастный край. «Сибирская Жизнь» рисуетъ печальную картину вымиранія Колымскаго края, населеніе котораго еще недавно, лѣтъ 30 тому назадъ, отличалось своей зажиточностью; рыбы было много, скотоводство находилось въ хорошемъ состояніи, не мало было хозяйствъ, гдѣ было отъ 100 до 500 головъ

скота: лошади не объѣзжались до 6—8 травъ и ходили въ табунахъ, такъ какъ за излишкомъ ихъ, въ нихъ не было надобности. Скота лишь не было въ Нижне-Колымскомъ районѣ, гдѣ рабочій скотъ составляютъ собаки. Колымскій край славился обиліемъ разнаго рода пушного звѣря, и оттуда вывозилось пушнины приблизительно на 200 верховыхъ лошадяхъ, т.-е. приблизительно 1.000 пудовъ. Большое подспорье давали прилетающіе на лѣто гуси и другія птицы, которыхъ колымчане ловили десятками тысячъ. Не мало убивали дикихъ оленей и лосей.

Въ данное время Колымскій край поражаетъ своею бѣдностью, нищетою.

Это обѣдненіе края началось съ 1869 г., когда появилась сибирская язва, не покидающая Колымскій край и до сего времени; особенно сильное распространеніе этого несчастія было въ первые годы: нерѣдко изъ 100 скотинъ въ хозяйствѣ не оставалось ни одной, у колымскаго купца, напримѣръ, Бережнова изъ 300 головъ лошадей осталось лишь 12 головъ, а прочія погибли въ 3 дня. Въ данное время большимъ богачомъ считается обладатель 30—60 штукъ скота, но такихъ счастливцевъ врядъ ли можно насчитать 15—20 человѣкъ во всемъ Колымскомъ краѣ, неимѣющихъ же вовсе ни лошади, ни коровы очень много—почти половина населенія.

Въ это тяжелое время для населенія стали къ тому же встрѣчаться препятствія и въ путевомъ отношеніи: по тракту пропалъ скотъ а тутъ еще выпалъ такой снѣгъ, какого не помнили колымчане. Затруднился ввозъ товаровъ изъ Якутска и поднялась страшная дороговизна на предметы первой необходимости. Не были доставлены въ Колымскъ матеріалы, нужные для неводовъ,—и вотъ стало падать рыболовство, главный промыселъ края.

Разъ началось обѣдненіе населенія, оно естественнымъ ходомъ событій все болѣе и болѣе прогрессировало, а тутъ въ 1883 г. Колымскій край посѣтило новое бѣдствіе: при вскрытіи рѣки было такое наводненіе, что потопило чуть-чуть не весь округъ. Людямъ пришлось спасаться на горныхъ хребтахъ, бросая все свое хозяйство и имущество. Въ одномъ только городѣ Средне-Колымскѣ было снесено водою 25 домовъ—половина города—со всѣмъ имуществомъ. Правда, исправникъ г. Когаровскій выхлопоталъ пострадавшимъ вспомоществованіе отъ правительства, но эта помощь не помогла вознаградить всѣ убытки а главное—задолженное населеніе роздало это пособіе купцамъ и разнаго рода заимодавцамъ и не обзавелось никакимъ имуществомъ.

Въ 1885 г. на Колымскій край обрушилось новое несчастіе: оспа, опустошившая весь округъ. Цѣлыя мѣстности, напр. по рѣкѣ Анюю, вымерли окончательно; изъ семействъ, состоявшихъ изъ 6—8 душъ, въ лучшемъ случаѣ осталось въ живыхъ 2—3 человѣка, а то и вовсе всѣ померли. Тутъ какъ разъ начали все болѣе и болѣе подвозить въ Колымскъ поселенцовъ, тяжело ложившихся на населеніе: за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—6 человѣкъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ, всѣ они до настоящаго времени живутъ на счетъ общества, предъявляя къ нему довольно таки нескромныя требованія, и колымчане, пожалуй, правы, говоря въ одномъ изъ ходатайствъ о прекращеніи ссылки въ ихъ край, что «ссылка не ссыльнымъ служитъ наказаніемъ, а намъ, мѣстнымъ жителямъ».

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ чисто экономическаго характера слѣдуетъ присовокупить, что существовавшая съ давнихъ временъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ проказа въ послѣдніе годы стала распространяться по всему округу. Нынѣ оффиціально признанныхъ прокаженныхъ насчитывается до 30 человѣкъ, а сколько есть еще «состоящихъ въ подозрѣніи?» Сифилисъ свилъ себѣ прочное гнѣздо; населеніе почти поголовно сифилизировано. Неудивительно, что при такихъ экономическихъ и санитарныхъ, а стало быть и моральныхъ условіяхъ населеніе края вырождается и умираетъ: не мало можно встрѣтить полупо-

мѣшанныхъ и идіотовъ, есть общества, гдѣ нѣтъ вовсе рождаемости: юкагирскій родъ Востряковыхъ, напр., вотъ уже 16 лѣтъ какъ не имѣетъ вовсе малолѣтокъ; 16 лѣтъ тамъ не было рождаемости.

Обрадовались было колымчане въ 1895 г., когда открыло торговлю Приамурское товарищество, гдѣ товары были значительно дешевле прежняго; но радость эта была далеко не основательна: прежде всего въ лавкѣ товарищества не было матеріаловъ для неводовъ и сѣтей, и пришлось колымчанамъ неводить старыми, никуда негодными неводами. Кромѣ того, купленныя въ лавкѣ товарищества ситцы, сарпинки и т. п. послѣ первой же стирки вовсе расползались. Къ тому же у колымчанъ денегъ нѣтъ, и не было, а товарищество въ кредитъ не торговало. Пріучило это товарищество правда особенно женскій полъ къ конфектамъ, ананасамъ и разнаго рода побрякушкамъ, но отъ этого врядъ ли будетъ какая-либо польза населенію.

Въ концѣ концовъ, въ послѣдній годъ существованія лавки товарищества приказчикъ ея возвысилъ цѣны на все до прежнихъ размѣровъ.

Благодаря изложеннымъ условіямъ, рыбный промыселъ годъ отъ году падаетъ, и колымчане рѣдкую весну не голодаютъ, а бываетъ и такъ, что за отсутствіемъ хорошихъ рыболовныхъ снастей, по мѣстамъ голодаютъ съ самой осени. Пушнина, дикіе олени и лоси отдалились, такъ какъ ежегодные лѣсные пожары опустошаютъ лѣса. Нынѣ не вылавливаютъ и четвертой доли того, что прежде ловили.

Въ данное время колымское населеніе дошло до такой нищеты, которая трудно поддается описанію. Не говоря уже объ улусахъ, въ самомъ городѣ немало семействъ, у которыхъ одежда—ничто иное какъ рубище, а маленькія дѣти совершенно нагія ютятся на заднемъ оронѣ (нара), теплая одежда изъ конской, телячьей, рѣдко оленьей шкуры—одна на всю семью, такъ что если хозяинъ уйдетъ за чѣмъ-либо изъ дома, то жена и дѣти въ сорокаградусный морозъ идутъ въ лѣсъ за дровами или за водой въ лѣтней одеждѣ, состоящей изъ дыряваго рубища.

Пища этихъ бѣдняковъ состоитъ изъ протухшей рыбы въ маломъ количествѣ, да и той подчасъ не бываетъ; тогда идетъ въ пищу древесная болонь или кипяченая вода безъ всякой приправы. И этотъ голодный оборванный, зачастую изъѣденный сифилисомъ колымчанинъ работаетъ и лѣтомъ во время лова, и зимою, какъ волъ, чтобы только не умереть отъ голода и холода. По истинѣ иногда приходится удивляться, какъ и чѣмъ можетъ жить этотъ несчастный, и откуда берутся у него силы для труда?

За исключеніемъ увѣчныхъ, слѣпыхъ и вовсе не способныхъ къ труду бѣдняки эти несутъ еще общественныя и казенныя повинности. При малочисленности населенія, денежныя продуктивныя и натуральныя повинности колымскаго улуса доходятъ до 17000 рублей, если всѣ ихъ переложить на деньги.

Положеніе горнорабочихъ на югѣ Россіи. Между различными трудами, поступившими для ознакомленія членовъ XXV съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, общее вниманіе обратилъ на себя докладъ правительственной коммиссіи, изслѣдовавшей положеніе рабочаго вопроса на югѣ Россіи, полученный совѣтомъ съѣзда отъ горнаго департамента.

Изъ этого доклада видно, что наиболѣе слабую сторону горнопромышленныхъ предпріятій юга Россіи въ вопросѣ о рабочихъ, представляютъ, по словамъ «Спб. Вѣд.», жалкія помѣщенія ихъ, причемъ наименѣе неудовлетворительны помѣщенія при горныхъ заводахъ, затѣмъ слѣдуютъ желѣзные рудники и, наконецъ, каменноугольные рудники, на послѣднихъ хуже другихъ, въ южной горной области, тѣ помѣщенія для рабочихъ, которыя находятся при болѣе старыхъ рудникахъ.

Своеобразный и удивительно антигигіеничный типъ этихъ жилищъ-землянокъ, распространенъ больше въ южной части и менѣе въ юго-восточной.

Кромѣ землянокъ, совершенно неудовлетворительны жилища для семейныхъ рабочихъ—въ видѣ такъ называемыхъ «каютокъ» (надземныхъ зданій изъ тонкихъ досокъ, безъ потолковъ и половъ), а для безсемейныхъ—въ видѣ казармъ-сараевъ, съ недостаточнымъ свѣтомъ, безъ потолка и половъ.

Соединеніе въ этихъ казармахъ спальни со столовою, а иногда и съ кухнею, отсутствіе умывальниковъ, несъемныя нары безъ раздѣленій между мѣстами, несоотвѣтствіе кубическаго содержанія воздуха въ помѣщеніяхъ числу живущихъ въ нихъ рабочихъ, отсутствіе иногда отхожихъ мѣстъ (напримѣръ, на одномъ рудникѣ—для цѣлой колоніи съ тысячью (!) рабочихъ) все это, по мнѣнію комиссіи, явленія, которыя необходимо устранить.

Что касается врачебной части, то она, по свидѣтельству комиссіи, болѣе удовлетворительно поставлена какъ на рудникахъ, такъ и на заводахъ, хотя встрѣчаются на заводахъ больницы,—недостаточныя по величинѣ или неудовлетворительно устроенныя и обставленныя.

Бани для рабочихъ хотя устроены почти вездѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ устроены настолько далеко отъ жилищъ, что рабочіе рѣдко ихъ посѣщаютъ.

По поводу устройства для рабочихъ чтеній и воскресныхъ школъ комиссія находитъ, что этотъ вопросъ требуетъ реформъ, въ смыслѣ измѣненія существующаго крайне сложнаго порядка ихъ разрѣшенія.

Соблюденіе существующихъ законовъ о документальной сторонѣ отношеній между рабочими и нанимателями, по мнѣнію комиссіи, оставляетъ желать многаго. Небрежное занесеніе въ разсчетныя книжки неустановленнаго образца, неуказаніе въ спискѣ рабочихъ ихъ возраста, неаккуратное занесеніе въ книгу штрафного капитала поступившихъ взысканій,—все это явленіе довольно частое. Взысканія съ рабочихъ, налагаемыя хозяиномъ, нерѣдко превышаютъ установленныя закономъ и самыми промышленниками нормы. Расплата горнопромышленныхъ конторъ съ рабочими совершается, вообще говоря, правильно. Относительно вычетовъ изъ заработка рабочихъ при расплатѣ комиссія хотя и не нашла какихъ-либо злоупотребленій, но обнаружила не мало формальныхъ нарушеній закона. Такъ, продажа продуктовъ рабочимъ въ кредитъ съ расплатою черезъ контору, изъ лавокъ обществъ потребителей обыкновенно не подчиняется на югѣ таксѣ, утверждаемой окружнымъ инженеромъ. Между тѣмъ, какъ разъяснено министерствомъ финансовъ, такая продажа, разъ она производится въ кредитъ съ вычетомъ изъ заработка, нуждается въ регулированіи таксою, утверждаемой инспекціею. Такое разъясненіе очень важно по существу вопроса, такъ какъ хотя въ потребительныхъ обществахъ участвуютъ сами рабочіе, но обыкновенно въ числѣ меньшемъ, чѣмъ служащіе горнопромышленника, причемъ возможны случаи, когда управленіе дѣлами общества попадаетъ въ руки небольшого числа лицъ, ведущихъ дѣло не въ интересѣ рабочихъ, а въ своихъ личныхъ интересахъ.

Не совсѣмъ правильными нашла комиссія производимые на нѣкоторыхъ промыслахъ вычеты въ опредѣленномъ размѣрѣ (1 проц. и болѣе) на построеніе храма, на его украшеніе, на причтъ и т. п., что приводитъ къ насильственному удержанію части заработка, вопреки желанію рабочаго, какъ, напримѣръ съ магометанина и еврея на христіанскую церковь, съ католика на православный храмъ и т. п.

Вотъ въ краткихъ и главныхъ чертахъ выводы правительственной комиссіи по изслѣдованію быта чернорабочихъ на югѣ Россіи.

Новая община сестеръ милосердія. Въ С.-Петербургѣ возникла новая община сестеръ милосердія Краснаго Креста имени генералъ-адъютанта Михаила Петровича фонъ-Кауфмана. Существеннымъ отличіемъ этой новой общины отъ другихъ ей аналогичныхъ учрежденій является болѣе широкая учебная программа, требующая предварительной подготовки. Поэтому въ общину принимаются дѣвицы и женщины всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, *окончившія курсъ средне-учебнаго заведенія*, либо выдержавшія испытаніе соотвѣтствующаго курса, не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ. Курсъ обученія, практическаго и теоретическаго, длится два года, причемъ первые три мѣсяца поступившая числится испытуемой ученицей, а по истеченіи этого срока, по представленію настоятельницы, главнаго врача и духовника общины и съ утвержденія предсѣдательницы, принимается въ сестры-ученицы. Сестра-ученица ежегодно пользуется свободнымъ мѣсяцемъ въ теченіе лѣта. Сестры-ученицы, поступающія въ общину, принимаются въ нее въ качествѣ: а) платныхъ ученицъ, съ годовымъ взносомъ, за содержаніе, обученіе и обмундированіе, въ размѣрѣ 250 руб. ежегодно; б) стипендіатокъ комитета, обязанныхъ, по окончаніи обученія, оставаться въ распоряженіи комитета въ теченіе 5 лѣтъ, и в) полустипендіатокъ, уплачивающихъ ежегодно по 100 руб. и обязанныхъ, по окончаніи курса, пробыть въ распоряженіи комитета 3 года. По окончаніи курса обученія, сестра-ученица, желающая остаться въ распоряженіи Комитета, удостоивается званія сестры Краснаго Креста и получаетъ право носить знакъ Краснаго Креста на передникѣ. Поступивъ въ распоряженіе комитета, она либо остается въ общинѣ, либо командируетя въ другія учрежденія, или къ частнымъ лицамъ по усмотрѣнію правленія, причемъ она получаетъ 60 р. обмундировочныхъ и содержаніе, которое, начиная съ 15 р., постепенно доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ, при пищевомъ довольствіи и квартирѣ.

Въ основаніе теоретической медицинской подготовки сестеръ въ новой общинѣ входитъ ознакомленіе ихъ въ общихъ чертахъ съ слѣдующими подготовительными знаніями.

1) Устройство нормальнаго человѣка и отправленіе главныхъ его органовъ (анатомія и физіологія).

2) Наиболѣе важныя болѣзни внутреннихъ органовъ.

3) Наружныя болѣзни и поврежденія (хирургія).

4) Дѣйствіе и приготовленіе нѣкоторыхъ лѣчебныхъ средствъ (фармакологія и рецептура).

5) Основныя данныя гигіены и санитаріи.

Чисто медицинскія свѣдѣнія должны быть изучаемы, говорится въ программѣ въ такомъ лишь объемѣ, чтобы сестра милосердія сознательно относилась въ припадкамъ, сопровождающимъ наичаще встрѣчающіяся болѣзни, понимала бы предписанія врача и сумѣла бы принять всѣ мѣры первой помощи до прибытія врача. Теоретическое преподаваніе должно касаться только сути болѣзненныхъ процессовъ, останавливаясь по преимуществу на практическихъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ уходу и помощи сестры.

Такимъ образомъ, обученіе должно носить болѣе всего характеръ прикладной гигіены, причемъ желательно обставить теоретическія бесѣды по возможности демонстративно, а также производить возможно часто репетиціи, спрашивая ученицъ о пройденномъ и видѣнномъ. Что же касается практическихъ занятій у постели больного, то ученицы должны быть допускаемы къ больнымъ съ самаго начала поступленія, занимаясь, подъ руководствомъ врача и старшей сестры, послѣдовательно въ хирургическомъ, внутреннемъ и дѣтскомъ отдѣленіяхъ.

Правленіе комитета общины помѣщается въ С. Петербургѣ, Кирочная, 18.

За мѣсяцъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1901 г., г. министръ финансовъ, останавливаясь на отрицательномъ значеніи для Россіи совершающихся на Дальнемъ Востокѣ событій, замѣчаетъ, что размѣры причиненныхъ ими странѣ убытковъ сейчасъ, конечно, трудно опредѣлить, «но о серьезности ихъ можно судить по тому, что они выразились въ отвлеченіи рабочаго населенія отъ производительныхъ занятій, въ пріостановкѣ промышленной дѣятельности, въ измѣненіи нормальныхъ условій торговли и т. д. Наконецъ, къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ событій на Дальнемъ Востокѣ нельзя не отнести до нѣкоторой степени и затрудненій въ области денежнаго рынка».

Насколько застой въ промышленной дѣятельности страны связанъ съ событіями на Дальнемъ Востокѣ и насколько онъ находится въ зависимости отъ другихъ, болѣе общихъ причинъ, здѣсь говорить не мѣсто. Но фактъ тотъ, что газеты почти ежедневно приносятъ вѣсти о новыхъ и новыхъ затрудненіяхъ въ сферѣ нашей промышленной дѣятельности. Фабричное производство, на всемъ пространствѣ Россіи, рѣзко и быстро сокращается. Въ Костромской губерніи многія фабрики распустили треть, а то и половину рабочихъ; тоже самое сообщаютъ изъ Московскаго и Шуйско-Ивановскаго фабричныхъ районовъ. Этому обстоятельству въ послѣднемъ районѣ приписываютъ увеличившееся въ настоящее время число случаевъ воровства и грабежей, такъ что мѣстная администрація представляетъ, по слухамъ, проектъ о новомъ институтѣ стражниковъ и объ увеличеніи числа урядниковъ. По приблизительной смѣтѣ новый институтъ будетъ стоить 800.000 руб. ежегоднаго расхода.

Съ юга идутъ извѣстія о бѣдствіяхъ, какія испытываетъ, вслѣдствіе послѣдняго неурожая, населеніе, въ значительной степени ослабленное предыдущими недородами. Одинъ изъ сотрудниковъ «Одесскаго Листка» рисуетъ картину крайне бѣдственнаго положенія, въ какомъ находятся жители Елизаветградскаго уѣзда. Наступившіе неожиданно холода явились для нихъ новымъ и весьма тяжелымъ бѣдствіемъ.

«У нихъ положительно нѣтъ топлива. Пожгли, чтобы обогрѣть хату, скамьи, кадушки, и теперь не на чемъ сѣсть. Продали подушки, рядна. Семья Никиты Чернявскаго живетъ въ погребѣ, вѣрнѣе, въ ямѣ. Хата его года 2 назадъ развалилась. Онъ сталъ строить новую, поселившись на время постройки въ наемной комнатѣ, Но тутъ, какъ гроза, разразились неурожаи. Начатую постройку пришлось пріостановить, за наемную квартиру нечѣмъ было платить, и семья перешла въ яму. Яма—величиной 3 аршина въ квадратѣ. И здѣсь 7 душъ. Лежитъ больная дѣвочка 14 лѣтъ въ жару, у нея пухнутъ ноги и руки. Хозяинъ разбираетъ старое деревянное колесо отъ телѣги, чтобы протопить яму при посредствѣ своеобразной печки, слѣпить которую могли только два такихъ отчаянныхъ работника, какъ голодъ и желаніе спасти дѣтвору. Среди дѣтей седьмой по счету—это 14-лѣтній сирота, принятый изъ жалости бѣднякомъ, обремененнымъ такой огромной семьей, у которой все состояніе—яма-погребъ...

— Есть, что ѣсть?—спрашиваютъ дамы.

— Ничего,—обычный отвѣтъ, произносимый грустно, печально, мрачно и въ то же время по-дѣтски робко, стыдливо.

«Вялый, измученный, апатичный видъ этого человѣка вамъ порука въ томъ, что его слова—истина».

Не лучше положеніе дѣлъ и въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. По словамъ одесскихъ газетъ, наличныя средства уѣзднаго продовольственнаго капитала исчерпаны. Губернская управа ассигновала и отпустила всего 10 тыс. руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала, а теперь получено изъ остатковъ имперскаго капитала отъ прошлогодняго асигнованія 24 тыс. руб. Такимъ образомъ имѣется

34 тыс. руб., а нужда до того велика, что земство возбудило ходатайство объ отпускѣ изъ имперскаго капитала 250 тыс. руб., для продовольствія населенія Оргѣевскаго уѣзда еще въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. Первая помощь оказана 50 тысячамъ человѣкъ, а въ управу не перестаютъ поступать новые списки нуждающихся, число которыхъ растетъ не по днямъ. а по часамъ. Въ своей рѣчи къ губернскому земскому собранію бессарабскій губернаторъ, какъ извѣстно, высказалъ, что надѣяться на пособіе изъ имперскаго капитала нечего, а потому предложилъ собранію довольствоваться мѣстными средствами. Но такъ какъ этихъ мѣстныхъ средствъ нѣтъ, то собраніе не нашло возможнымъ послѣдовать данному совѣту и рѣшило возбудить ходатайство о выдачѣ субсидіи изъ имперскаго капитала. Селяне выносятъ уже на базаръ для продажи свой домашній скарбъ,— то, что особенно цѣнно: ковры, скатерти, салфетки и пр. Есть села, гдѣ вы не найдете, пожалуй, ни одной головы домашняго скота. Правда, въ данный моментъ люди не умираютъ съ голоду, потому что нуждающимся выдаютъ по 1 фунту кукурузы на душу въ день; но когда окончится выдача кукурузы, будетъ плохо.

Органы сибирской печати переполнены сообщеніями о бѣдствіяхъ, которыя причинилъ населенію почти повсемѣстный тамъ недородъ хлѣбовъ и травъ. Еще съ лѣта населеніе стало усиленно продавать свой рабочій скотъ и въ виду предстоящаго неурожая закупать хлѣбъ, но рѣзко измѣнившіяся поэтому цѣны на скотъ, страшно упавшій въ цѣнѣ, и на хлѣбъ, сильно вздорожавшій, сдѣлали эту печальную финансовую операцію совершенно безполезной въ смыслѣ облегченія острой нужды.

На юго-востокѣ Россіи злобой дня являются обнаруженные тамъ случаи остро-заразныхъ заболѣваній, вызвавшихъ командировку туда по высочайшему повелѣнію его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Изъ послѣднихъ свѣдѣній, опубликованныхъ отъ имени комиссіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою, отмѣтимъ слѣдующія:

I. Въ селѣ Владиміровкѣ (Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи) къ 29-му декабря минувшаго года было съ начала эпидеміи 25 заболѣваній, изъ нихъ 16 окончились смертью и 2 выздоровленіемъ. На лицо оставалось 7 больныхъ, на благополучный исходъ болѣзни которыхъ имѣлись достаточныя указанія. Съ 16-го декабря новыхъ заболѣваній въ означенномъ селѣ не было и его высочество, считая эпидемію прекратившеюся, 7-го сего января, по окончаніи дезинфекціи зараженныхъ домовъ, сдѣлалъ распоряженіе о снятіи установленнаго вокругъ помянутаго села оцѣпленія.

II. Въ трехъ урочищахъ близъ деревни Таловки (въ сорока верстахъ отъ станціи Александровъ-Гай Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи) въ Киргизской степи съ 9-го по 27-е декабря было 61 заболѣваніе, изъ коихъ 44 со смертнымъ исходомъ 4-го января его высочество прибылъ изъ Царицына въ Александровъ-Гай и тотчасъ же приступилъ къ осмотру оцѣпленія жителями сосѣднихъ мѣстъ киргизскихъ урочищъ Текебай-Тубекъ и Мереке. Убѣдившись лично, что населеніе несетъ свои сторожевыя обязанности безукоризненно и относится съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ принимаемымъ мѣрамъ, его высочество направилъ на мѣсто необходимый дополнительный врачебный персоналъ и лѣчебныя, а также дезинфекціонныя средства. Болѣзнь въ Текебай-Тубекѣ и Мерекѣ еще продолжается; 6-го января заболѣли вновь 3, которые и умерли. Принцъ Александръ Петровичъ предполагаетъ затѣмъ проѣхать для личной повѣрки оцѣпленія въ урочище Каракуга, близъ станицы Слами хинской, хотя съ 3-го января новыхъ заболѣваній въ означенномъ поселеніи не было, и съ появленія своего эпидемія унесла въ немъ всего 7 жертвъ.

Независимо сего его высочество призналъ необходимымъ произвести подроб

ный санитарный осмотръ Киргизской степи, устьевъ Волги и сѣвернаго побережья Каспійскаго моря.

Всѣ ярмарки въ Астраханской губерніи воспрещены, впредь до особаго распоряженія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано оффиціальное сообщеніе о *безпорядкахъ*, имѣвшихъ мѣсто *въ Кіевскомъ университетѣ*. Броженіе среди студентовъ началось еще въ октябрѣ прошлаго года по поводу временной замѣны одного преподавателя другимъ и пріостановилось въ концѣ мѣсяца съ прекращеніемъ лекцій нежелательнаго студентамъ профессора. Затѣмъ 13-го ноября броженіе возобновилось, причемъ поводомъ къ этому послужилъ студенческій судъ надъ товарищемъ за совершенный имъ на улицѣ предосудительный проступокъ, оглашенный въ печати. Два дня къ ряду въ университетѣ происходили сходки, собиравшія приблизительно по 700 студентовъ. Въ результатѣ правленіемъ университета четыре главныхъ участника безпорядковъ приговорены были 2-го декабря къ карцеру отъ 5-ти до двухъ дней. Двое изъ приговоренныхъ, однако, рѣшительно отказались подчиниться наложенному взысканію, были уволены изъ университета, и волненія среди студентовъ возобновилось съ новою силою. Организовано было нѣсколько сходокъ, изъ которыхъ одна, наиболѣе многолюдная, повлекла за собою вмѣшательство административныхъ и военныхъ властей. На сходкѣ этой студентами поставлены были слѣдующія требованія: 1) чтобы наказаніе карцеромъ не примѣнялось въ Кіевскомъ университетѣ, 2) чтобы оба уволенные товарища были приняты обратно въ университетъ, и 3) если эти требованія не будутъ исполнены, сходка постановила устроить въ январѣ всеобщую обструкцію. Участники сходки были переписаны и распущены по домамъ. Всѣхъ переписанныхъ оказалось 396 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ студентъ другого университета, два вольнослушателя и одно лицо, уже окончившее университетскій курсъ. Въ виду этого, министръ народнаго просвѣщенія телеграммой отъ 8-го декабря предложилъ попечителю кіевскаго учебнаго округа примѣнить къ участникамъ сходки 7-го декабря высочайше утвержденныя 29-го іюня 1899 года временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыхъ изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ. Образованное на основаніи приведеннаго закона особое совѣщаніе, изъ представителей министерствъ народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, посвятило разсмотрѣнію дѣла 15 засѣданій въ теченіе времени съ 11-го по 31-е декабря включительно, опросило всѣхъ явившихся по вызову участниковъ безпорядковъ 7-го декабря, выслушало письменныя показанія не явившихся и, обсудивъ поведеніе каждаго участника въ связи съ выяснившимися обстоятельствами дѣла, большинствомъ голосовъ опредѣлило: признать всѣхъ студентовъ университета св. Владиміра, участвовавшихъ въ сходкѣ 7-го декабря, виновными и подлежащими удаленію изъ университета и зачисленію въ военную службу на разные сроки: двухъ студентовъ—на 3 года, пятерыхъ студентовъ—на 2 года, всѣхъ остальныхъ со включеніемъ студента другого университета, въ числѣ 385-ти человѣкъ,—на 1 годъ и представить о семъ министру народнаго просвѣщенія. Разсмотрѣвъ представленные протоколы и опредѣленія особаго совѣщанія вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ документами, руководствуясь статьей 6-й временныхъ правилъ 29-го іюня 1899 года, министръ народнаго просвѣщенія постановилъ по настоящему дѣлу слѣдующее окончательное рѣшеніе: 1) опредѣленіе особаго совѣщанія относительно двухъ студентовъ первой категоріи и пяти студентовъ второй категоріи утвердить; 2) опредѣленіе особаго совѣщанія относительно 176-ти студентовъ третьей категоріи, какъ принимавшихъ дѣятельное участіе въ безпорядкахъ 7-го декабря или кромѣ участія въ сихъ послѣднихъ замѣченныхъ въ ранѣе бывшихъ безпорядкахъ, утвердить; 3) опредѣленіе же

особаго совѣщанія относительно 209-ти студентовъ той же третьей категоріи, какъ изобличенныхъ лишь въ присутствіи на сходкѣ 7-го декабря и не замѣченныхъ въ прежнихъ безпорядкахъ, отмѣнить, подвергнувъ этихъ студентовъ выговору со внесеніемъ въ штрафной журналъ, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ въ теченіе университетскаго курса и предупрежденіемъ, что въ случаѣ новаго участія въ безпорядкахъ настоящая ихъ виновность будетъ служить обстоятельствомъ, отягощающимъ ихъ вину.

Изъ русскихъ журналовъ.

Устройство подвижныхъ школьныхъ музеевъ. *Г-жа О. К—ская* («Русская Мысль», декабрь) даетъ цѣлый рядъ практическихъ указаній относительно организаціи школьныхъ музеевъ на основаніи собственнаго опыта по устройству подобнаго музея въ Можайскомъ уѣздѣ. Цѣлью этого рода музеевъ является, какъ извѣстно, желаніе обставить наглядными педагогическими пособіями, коллекціями, таблицами, картинами и т. п. школьное преподаваніе окрестнаго района. Образцами подобныхъ учрежденій могутъ служить—Петербургскій музей постоянной комиссіи по техническому образованію Имп. рус. техн. общ., основанный въ 1892 г., и Московскій музей, возникшій въ 1893 г. при бывшемъ Московскомъ комитетѣ грамотности и приспособленный, главнымъ образомъ, для потребностей воскресныхъ школъ. Петербургскій музей стоилъ десятки тысячъ рублей и потому представляетъ изъ себя замѣчательное собраніе по богатству отдѣловъ и коллекцій; вслѣдствіе этого онъ обслуживаетъ не только низшія и среднія, но и высшія учебныя заведенія. Московскій музей гораздо скромнѣе по своему составу, но по систематичности и цѣлесообразности подбора онъ является незамѣнимымъ руководителемъ для всѣхъ подобныхъ начинаній. Въ основу его системы положена мысль—подобрать наглядныя пособія къ наиболѣе употребительнымъ книгамъ для чтенія и преподаванія въ низшей школѣ. По типу Московскаго музея и былъ устроенъ въ 1898 г. Можайскій музей. Ради этого кружкомъ лицъ была собрана небольшая сумма денегъ, которая съ субсидіями отъ земства составила 250 рублей, и съ этими скромными средствами удалось положить начало учрежденію; въ настоящее время, т.-е. годъ спустя, инвентарь его представляетъ изъ себя цѣнность въ 600 рублей. Музей существуетъ прежде всего для удовлетворенія потребностей земскихъ школъ Можайскаго уѣзда, но учебныя пособія выдаются также школамъ сосѣднихъ уѣздовъ и учебнымъ заведеніямъ другихъ вѣдомствъ; предметы отпускаются на срокъ отъ одного дня до двухъ недѣль, по истеченіи которыхъ они возвращаются въ музей. За девять мѣсяцевъ учебнаго сезона было произведено 264 выдачи, на которыя приходится 1.154 отдѣльныхъ предмета. Число училищъ, пользовавшихся музеемъ, за это время достигло 36, изъ нихъ 29 земскихъ школъ. Наибольшимъ спросомъ пользовался отдѣлъ по естествознанію, куда входитъ, кромѣ зоологіи и ботаники, также сельское хозяйство; всего менѣе требованій было по отдѣламъ физики и технологіи. Большимъ подспорьемъ и дополненіемъ къ учебнымъ картинамъ и таблицамъ служатъ иллюстраціи, взятыя изъ «Нивы» и изъ другихъ журналовъ и систематически подобранныя. Такъ, къ одной изъ таблицъ Мейнгольда съ изображеніемъ губки на днѣ моря приложена была иллюстрація, вырѣзанная изъ стараго журнала, «Ловля губокъ», эта иллюстрація была раскрашена домашнимъ способомъ; такимъ образомъ, передъ глазами школьниковъ прошла наглядная исторія губки. Раскрашиваніе журнальныхъ иллюстрацій альбуминными красками производится очень удачно; эти краски легко ложатся на бумагу, и работа съ ними доступна каждому,

нужно только пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ въ сочетаніи цвѣтовъ. Пособіями музея пользуются не только школы, но также и руководители народныхъ чтеній. Примѣръ музея можайскаго земства вызвалъ подражанія: по крайней мѣрѣ поступило уже нѣсколько обращеній за справками объ его организаціи со стороны сосѣднихъ земствъ. Очень отрадно констатировать эти успѣхи наглядности въ нашей педогогической практикѣ. Нечего и говорить о той важности, которую имѣютъ конкретныя, образныя параллели при усвоеніи отвлеченнаго курса. Но намъ хотѣлось бы видѣть въ нашихъ начальныхъ школахъ такую систему преподаванія; въ которой наглядные предметы не были бы только пособіями, второстепеннымъ педагогическимъ средствомъ, облегчающимъ и оживляющимъ прохожденіе программы. Мы мечтали бы о такой организаціи начальнаго преподаванія, въ которой эти наглядные матеріалы были бы положены въ основу системы, служили бы отправнымъ пунктомъ обученія, на подобіе американскихъ школъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы, конечно, перестроить весь методъ преподаванія, не внушать ребенку сразу непонятныхъ отвлеченныхъ опредѣленій, но исходить отъ простого и конкретнаго къ отвлеченному, широко пользуясь при этомъ всякими техническими средствами, вести ученика путемъ постепенной самостоятельной работы, шагъ за шагомъ, отъ простѣйшихъ наглядныхъ элементовъ знанія къ болѣе сложнымъ, не сообщая ничего готоваго, но съ помощью наводящихъ вопросовъ заставляя учениковъ самихъ добираться до обобщеній и ихъ формулировки. При такомъ способѣ преподаванія усвоеніе учебнаго матеріала давалось бы гораздо легче и ложилось бы твердо, прочно, и при этомъ попутно развивалось бы одно изъ высшихъ свойствъ человѣка — самодѣятельность. Само собой разумѣется, что о подобномъ всеобщемъ переворотѣ въ нашемъ преподаваніи пока можно только мечтать, но единичные опыты примѣненія американскихъ методовъ въ начальномъ преподаваніи являются вполнѣ возможными, и мы готовы настойчиво ихъ рекомендовать.

Влад. Серг. Соловьевъ. *Г. В. Спасовичъ* («Вѣстникъ Европы», январь) даетъ характеристику Вл. С. Соловьева, какъ публициста. Между прочимъ, авторъ выражаетъ неудовольствіе по поводу тѣхъ отзывовъ, какіе появились въ нашей печати о личности и дѣятельности Соловьева: образъ холоднаго мыслителя-диллетанта, совмѣщавшаго въ своихъ воззрѣніяхъ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ противорѣчій, уравновѣшеннаго оптимиста, никогда не болѣвшаго муками страстнаго исканія истины,—этотъ образъ, по мнѣнію г. Спасовича, обнаруживаетъ въ авторахъ непониманіе покойнаго философа и желаніе умалить его значеніе. (Авторъ, очевидно, разумѣетъ статью г. Андреевича въ «Жизни» за октябрь). Послѣ такого предупрежденія, совершенно естественно, читатель разсчитываетъ найти въ очеркѣ г. Спасовича, такъ сказать, контръ-характеристику Соловьева, разбивающую возводимыя на него напраслины съ полною авторитетностью лица, близко знавшаго и хорошо понимавшаго покойнаго. Однако, ничего подобнаго въ очеркѣ не находимъ: въ немъ нѣтъ ни одного прямого отвѣта на тѣ сужденія о Соловьевѣ, которыя г. Спасовичу кажутся обвиненіями. Только разъ г. Спасовичъ пытается защитить философа отъ подозрѣній въ неуязвимомъ оптимизмѣ. Именно, подъ самый конецъ жизни (1898 г.) Соловьевъ напечаталъ статью «Жизненная драма Платона», въ которой онъ изобразилъ, «какъ этотъ горячо имъ любимый философъ потрясенъ былъ казнью праведника Сократа, какъ онъ помышлялъ о самоубійствѣ, какъ онъ искалъ выхода изъ міра чувственныхъ призраковъ въ другой, идеальный космосъ, гдѣ правда живетъ, наконецъ, какъ онъ отступился отъ своихъ юношескихъ идеаловъ и въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ узаконивалъ, какъ реформаторъ, главныя язвы духовной жизни древней: рабство, дѣленіе людей на эллиновъ и варваровъ, и войну, какъ нормальное состояніе людей. Многимъ могла придти та мысль, не происходила ли въ душѣ Соловьева въ послѣднее

время драма, нѣсколько напоминающая платоновскую? Онъ ни во что не извѣрился, ни отъ чего, что считалъ добромъ, не отступился, но не терзало ли его душу жесточайшее сомнѣніе? Былъ ли онъ всегда такой жизнерадостный, свободный отъ душевныхъ мукъ и колебаній человѣкъ, какимъ его стараются изобразить критики, желающіе умалить его значеніе?»

Собственно, задача очерка г. Спасовича заключается въ изображеніи общей схемы публицистическихъ воззрѣній Соловьева. Основною цѣлью его стремленій было объединить восточное и западное христіанство, но не на основѣ православія, которое слишкомъ тѣсно срослось съ національными и государственными формами, но на основѣ католичества, которое свободно и отъ національныхъ и отъ политическихъ ограниченій. Само собой разумѣется, что эта теократическая утопія и все ея построеніе безусловно чужды нашему времени. Но преслѣдуя свои цѣли, Соловьевъ попутно нападаетъ на общихъ враговъ и такимъ образомъ становится временнымъ и случайнымъ союзникомъ передовой группы нашего общества. Такъ, онъ блистательно разбилъ и разметалъ славянофильскій лагерь, разрывши въ его нѣдрахъ тотъ мусоръ національнаго и религіозной нетерпимости, который былъ прикрытъ всякаго рода искуственными прикрасами. Тезисъ религіозной свободы былъ поставленъ имъ не самостоятельно, а лишь какъ необходимое звено въ его теократической комбинаціи,—съ цѣлью освободить русское религіозное сознаніе отъ національнаго обособленія, поставить на вселенскую точку зрѣнія и тѣмъ подготовить религіозное объединеніе. Такъ же попутно касается онъ польскаго вопроса, но въ рѣшеніи его совершенно не совпадаетъ съ мнѣніями и взглядами прогрессивныхъ круговъ. Умиротвореніе польскаго вопроса, по его мнѣнію, можетъ состояться никакъ не на соціальной и не на государственной, но только на религіозной почвѣ. Изъ этого видимъ, какъ случайно это частичное совпаденіе воззрѣній Соловьева съ тѣми или другими общественными группами, и какъ всякія попытки провести болѣе глубокую партійную солидарность немедленно обрушиваются. Былъ еще моментъ, когда мысль Соловьева близко коснулась одной изъ крупныхъ злобъ дня, именно голода 1891—1892 гг. Въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, онъ разбираетъ всѣ мѣры, предлагаемыя противъ стихійнаго бѣдствія, и доказываетъ ихъ недостаточность, затѣмъ призываетъ общество бросить междоусобную борьбу и травлю и объединиться на высокопатріотическомъ дѣлѣ, дѣятельной любви и помощи бѣдствующимъ. Но въ этой нравственной проповѣди опять зазвучали чуждыя и даже дикія теоріи — всѣ экономическія неурядицы Соловьевъ считалъ возможнымъ устранить одною доброю волею. Итакъ, весь кругъ воззрѣній Соловьева въ цѣломъ является далекимъ нашему времени, воскрешеніемъ отжившихъ, омертвѣвшихъ теорій и стремленій. Да и въ самой манерѣ трактованія этихъ безжизненныхъ сюжетовъ проступаютъ архаическія черты, часто напоминающія схоластика стараго времени. Серьезныя разсужденія о первомъ, второмъ Римѣ и логическая неизбѣжность третьяго Рима—все это вводится не какъ простая фигура, а какъ живой, полный внутренняго смысла, символъ; затѣмъ чисто внѣшняя діалектическая связь мыслей, искусственная симметричность понятій и образовъ, играющая роль аргумента, какъ въ какой-нибудь старинной риторической проповѣди,—все это, вопреки г. Спасовичу, дорисовываетъ образъ философа-богослова, съ спокойнымъ, созерцательнымъ умомъ и діалектическимъ краснорѣчіемъ, но безъ той пламенной цѣльности убѣжденія и той вдохновенной силы слова, которыя одни могли бы оправдать взятую имъ на себя миссію пророка и проповѣдника.

Смѣна общественныхъ настроеній въ XIX вѣкѣ. Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» «Вѣстника Европы» въ общихъ чертахъ намѣчается исторія нашего общественнаго развитія за XIX вѣкъ. Въ началѣ вѣка изъ

общей массы, индефферентно относившейся къ общественнымъ вопросамъ и консервативно настроенной, начали мало-по-малу выдѣляться отдѣльныя группы, сначала объединявшіяся по профессіямъ — литераторы, врачи, художники и т. п., а позднѣе, по направленію. Среди отдѣльныхъ сословій, купечества, народа, духовенства, вслѣдствіе распространенія грамотности, то же начинаетъ происходить дифференціація. Послѣ 1812 г., благодаря широкому вліянію Западной Европы, начинаютъ вырисовываться и обособляться идейныя теченія. Самой элементарной формой ихъ является противоположность между ревнителями просвѣщенія и обскурантами; затѣмъ слагаются болѣе опредѣленные кружки западниковъ и славянофиловъ, дальнѣйшая эволюція ведетъ уже къ распаденію западниковъ на болѣе умѣренныхъ и болѣе крайнихъ (Грановскій и Герценъ). Въ шестидесятые годы напряженная реформаціонная работа примиряетъ на время враждебныя партіи, затѣмъ онѣ расходятся еще рѣзче, дробятся, выдѣляютъ ихъ себя новыя группы, и такъ идетъ вплоть до нашего времени. Въ этомъ сложномъ процессѣ авторъ отмѣчаетъ только двѣ черты. Во первыхъ, возрожденіе охранительной печати. Вначалѣ она была, дѣйствительно, «охранительной», ибо Катковъ стоялъ за совершившіяся реформы, не отрицая ни одной изъ нихъ; позднѣе онъ переходитъ къ нападенію и «къ началу восьмидесятыхъ годовъ не осталось ни одной великой реформы, противъ которой не высказался бы Катковъ. Его завѣтамъ неуклонно слѣдуютъ его преемники, хотя отъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ уцѣлѣло весьма немного». Второе наблюденіе заключается въ томъ, что различіе между общественными теченіями подчеркивается у насъ гораздо рѣзче, чѣмъ сходство, «и споръ, непріязненный и ожесточенный, происходитъ сплошь и рядомъ между возможными союзниками. Цѣлесообразнѣе, думается намъ, былъ бы иной способъ дѣйствій. Есть, конечно, демаркаціонныя линіи, переступить которыя хотя бы на время, было бы равносильно измѣнѣ; но есть и другія, по обѣ стороны которыхъ, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго пункта, можно идти рука объ руку, ни отъ чего не отказываясь и не отрекаясь... На встрѣчу молодымъ поколѣніямъ должны пойти старшія, умудренныя продолжительнымъ, почти полу-вѣковымъ опытомъ. Они должны понять, что явленія, повторяющіяся чуть не изъ года въ годъ, имѣютъ глубоко лежащую причину, неустранимую внѣшнимъ воздѣйствіемъ, даже самымъ энергичнымъ». Нельзя не согласиться съ обозрѣвателемъ, что каковы бы ни были теоретическія разногласія указанныхъ имъ общественныхъ группъ, безспорно имѣется почва, на которой возможно и желательно ихъ взаимное сближеніе. Прибавимъ, что въ послѣднее время призывы къ подобному сближенію все чаще слышатся изъ самыхъ разнообразныхъ лагерей: правда, что и настоящее время даетъ къ тому гораздо большую не только психологическую, но и теоретическую возможность.

«Новая женщина» въ современной западно-европейской литературѣ. Г-жа *Л. Украинка* въ статьѣ «Новыя перспективы и старыя тѣни» (Жизнь, декабрь) касается типа «новой женщины», какъ онъ вырисовывается въ современной западно-европейской, преимущественно французской, беллетристикѣ. Прежде всего авторъ находитъ нужнымъ мотивировать, почему изъ всѣхъ литературъ онъ заинтересовался французской разработкой темы и объясняетъ это спеціальной ролью Франціи въ дѣлѣ распространенія идей: идеи, давно бродившія въ мірѣ, вдругъ въ какой-нибудь моментъ сосредоточиваются какъ въ фокусѣ во Франціи, разгораются яркимъ пламенемъ и, преображенныя, переработанныя, вновь расходятся по всему міру. Въ послѣднее время такой круговоротъ произошелъ съ женскимъ вопросомъ: французская литература заинтересовалась феминистическими темами, комбинировала ихъ на всѣ лады, и хотя не высказала никакого новаго слова, но сумѣла, какъ всегда, придать эффектную и увлекательную оболочку старымъ идеямъ и привлечь къ себѣ всеобщій

интересъ. А между тѣмъ по отношенію къ женскому движенію какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ французская литература идетъ далеко позади другихъ литературъ. Французскій беллетристъ почти не знаетъ середины между униженіемъ и возвеличеніемъ женщины. Въ старое время женщину то преслѣдовали насмѣшками, то превозносили въ сладкихъ мадригалахъ, но стоило ей только сдѣлать шагъ за предѣлы тѣсно очерченнаго круга, какъ немедленно раздавались окрики «назадъ»! Идеальнымъ выставлялся образъ сентиментально-кроткой, пассивно-добродѣтельной женщины весь XVII и XVIII вѣкъ вплоть до поры романтизма, когда, въ поискахъ за необычайнымъ, стали обращаться или къ востоку, или къ среднимъ вѣкамъ, а изъ окружающей дѣйствительности признавали только гризетку или куртизанку. Провозвѣстница женской эмансипаціи Жоржъ Зандъ провозглашала права только исключительной, высшей женщины, между-тѣмъ одновременно съ ней Стендаль защищалъ права обыкновенной, средней женщины и требовалъ для нея серьезнаго образованія и самостоятельнаго положенія. Однако, реальное развитіе женскаго вопроса шло по болѣе узкому, одностороннему руслу, именно, по пути завоеванія права на свободную любовь. У Бальзака вопросъ этотъ вылился въ болѣе упрощенную форму—защиты адюльтера, а у Дюма-сына—свободы развода. Дюма признавалъ также право женщинъ на занятіе политикой и наукой, но только какъ возмѣщеніе неудачъ семейной жизни, или изъ борьбы съ мужчинами, имъ въ «отместку». Вообще теорія Дюма была лишена жизнеспособности по самой постановкѣ вопроса, которую можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: «Или дайте намъ,—говоритъ онъ отъ лица женщинъ,—любовь, уваженіе, покровительство, правильную семью, или дайте намъ то, что вы сохранили только для себя—свободу». Послѣдующая французская литература съ нѣкоторыми варіантами разрабатывала тѣ же мотивы. Въ послѣдніе годы на Францію нахлынулъ съ разныхъ сторонъ цѣлый потокъ иностранныхъ произведеній. Англійская, скандинавская, русская литература съ опредѣленными типами новой, свободной и самостоятельной женщины вновь возродила интересъ къ женскому вопросу. Но иностранные романы сыграли роль чисто механическаго возбудителя: въ рѣшеніе вопроса они не внесли почти ничего новаго; французскіе романисты схватили старую нить и опять сосредоточились на вопросѣ о бракѣ. Марсель Прево («Vierges fortes») изображаетъ фигуры «сильныхъ дѣвъ», пришедшихъ къ заключенію, что въ любви женщина всегда раба, и потому отказавшихся отъ любви во имя педагогической дѣятельности. Но одна изъ нихъ (Lèa) не могла вмѣстить строгаго феминистическаго режима (она вышла замужъ и умерла отъ чахотки), другая (Frédèrique) въ концѣ концовъ терзается угрызеніями совѣсти и сомнѣніями въ томъ, точно ли достижимъ на землѣ идеалъ «сильной дѣвы». И братья Рони въ своемъ романѣ «Неукротимая» также искусственно ставятъ вопросъ: или замужество и материнство, или свобода и самостоятельность; и, конечно, приходятъ къ тому выводу, что замужество и материнство есть истинное призваніе женщины. Поль Маргеритъ въ своемъ романѣ «Новыя женщины» смутилъ французское общество и породилъ много толковъ и споровъ, заставивъ свою героиню отказать жениху изъ-за его грязнаго прошлаго. Находили, что молодой дѣвушкѣ не пристало провѣрять прошлую жизнь своего жениха; находили, что она воспитана черезчуръ по-американски, что она заражена бьернштерновскимъ ригоризмомъ и т. п. Бурже въ послѣднихъ своихъ разсказахъ «Семейныя драмы» возвращается къ доброму старому времени и восхваляетъ благодѣтельность «стараго французскаго предразсудка» о повиновеніи волѣ родителей въ вопросѣ о бракѣ. По поводу послѣдняго женскаго конгреса въ Парижѣ повсюду въ печати раздавались упреки по адресу конгрессистокъ, что онѣ слишкомъ занялись правами буржуазной женщины и совсѣмъ забыли работницу. Хотя многія изъ правъ, за которыя борется французская буржуазная жен-

щина, одинаково касаются и работницы, напр., право получать плату за свою работу самой, безъ посредства мужа, право требовать для своего незаконнаго ребенка помощи отъ отца и т. п., но, тѣмъ не менѣе, упрекъ справедливъ, такъ какъ французскія женщины не вводятъ сознательно въ свою программу заботъ о женщинѣ рабочаго класса, ограничиваясь по отношенію къ ней только чисто благотворительными попеченіями. Между тѣмъ какъ сравнительно однообразно трактовался женскій вопросъ во французской литературѣ, въ другихъ европейскихъ литературахъ онъ дѣлалъ далекіе скачки и въ ту и другую сторону. Въ Германіи талантливая писательница Елена Белау въ своемъ новомъ романѣ «Полузвѣрь» объявила, что женщина должна стремиться не къ равенству съ мужчиной—тогда она только перестанетъ быть «полузвѣремъ», а къ тому, чтобы создать изъ себя высшій «сверхъ-человѣческій» типъ, недоступный мужчинѣ. Вообще вѣра въ способность женщины къ высшему совершенству въ сравненіи съ мужчиной привилась болѣе всего въ Германіи: повидимому, она есть тамъ непосредственное наслѣдіе культа «вѣчно-женственнаго» (das Ewig-weibliche), которому положилъ основаніе Гете. При опредѣленіи понятія «вѣчно-женственнаго», большинство сходится въ томъ, что это есть материнское чувство, свойственное женщинѣ всѣхъ возрастовъ и состояній, и обращенное не непремѣнно къ дѣтямъ. «Новая» нѣмецкая женщина и занимается культивированіемъ этого чувства. Она «ничего не дѣлаетъ иначе, какъ изъ чувства долга, самопожертвованія, всегда съ трагическимъ видомъ героини-жертвы; всѣ студентки, женщины-врачи, учительницы феминистскихъ романовъ не имѣютъ ничего общаго со своими собратами по профессіи изъ мужчинъ, такъ какъ эти собраты просто штудируютъ, лѣчатъ, учатъ, безъ всякой задней мысли, тогда какъ женщины «борются за идею», какъ прозелиты, какъ апостолы, какъ мученицы, наконецъ». Скачокъ въ противоположную сторону, отрицанія за женщиной какой бы то ни было способности къ совершенству и даже признанія ее тормазомъ развитія, сдѣланъ скандинавскимъ писателемъ Стриндбергомъ, за которымъ пошли и нѣкоторые изъ французовъ (Анатоль Франсъ, Пьеръ Луисъ). Отъ этихъ боевыхъ феминистскихъ или антифеминистскихъ романовъ обратимся къ романамъ чисто психологическимъ, которые развиваютъ мопасановскій тезисъ *различія* психическаго склада мужчины и женщины, независимо отъ того, кто выше и ниже. Эта тема перешла изъ французской въ нѣмецкую литературу и привела къ противоположнымъ рѣшеніямъ. Оптимисты, вродѣ Маріи Яничекъ, видятъ въ этомъ различіи залогъ разносторонности прогресса, пессимисты же, вродѣ Ансельма Гейне (псевдонимъ женщины), напротивъ, въ этой несоизмѣримости психическаго міра мужчины и женщины видятъ «вавилонское проклятіе», мѣшающее взаимному пониманію и обусловливающее вѣчное роковое одиночество мужчины и женщины, соединенныхъ въ одну чету желѣзнымъ закономъ природы». Въ заключеніе, авторъ сравниваетъ результаты «борьбы за освобожденіе», поскольку они отражаются въ беллетристикѣ. «Въ Англіи и Норвегіи новая женщина является въ большинствѣ случаевъ торжествующей побѣдительницей, въ Германіи—или побѣжденной, или заплатившей слишкомъ дорого за свою побѣду, во Франціи же она занимаетъ, въ концѣ концовъ, фальшивое положеніе полуосвобожденной».

Новыя вѣянія въ сценическомъ искусствѣ. Г. *С. Глаголь* («Жизнь») въ живой и интересной статьѣ старается объяснить тайну необычайнаго успѣха Художественнаго театра въ Москвѣ и характеризуетъ то новое, чѣмъ отличается постановка драматическихъ представленій въ этомъ театрѣ, сравнительно съ другими. Перебирая свои воспоминанія о наиболѣе яркихъ сценахъ, видѣнныхъ имъ въ Художественномъ театрѣ, авторъ находитъ, что эти сцены произвели впечатлѣніе не игрою актеровъ, не отдѣльными сильными моментами, а общимъ, цѣльнымъ, захватывающимъ *настроеніемъ*. Настроеніе, какъ психическое со-

стояніе, есть «безсознательно возникающее въ насъ предрасположеніе къ воспріятію впечатлѣній какого-либо однороднаго характера». Если вы мрачно настроены, вы проходите мимо веселыхъ, бодрящихъ впечатлѣній и живо воспринимаете все, что отвѣчаетъ вашему настроенію—грустныя извѣстія, мрачныя мысли, тяжелыя воспоминанія и т. п. Но то или другое настроеніе можно вызывать и намѣренно, подбирая однородныя впечатлѣнія, комбинируя ихъ въ томъ или другомъ порядкѣ, заботясь о гармоническомъ ихъ сочетаніи, и при этихъ условіяхъ можетъ получиться не только опредѣленно окрашенное, но весьма интенсивное настроеніе. Если при открытіи занавѣса въ театрѣ привести зрителя въ извѣстное необходимое автору настроеніе, то въ немъ создается такимъ образомъ предрасположеніе къ особенно яркому воспріятію извѣстнаго рода впечатлѣній. При этомъ подготовленномъ душевномъ состояніи всякій соотвѣтствующій драматическій моментъ воспринимается съ особенною силою. Передача настроенія теперь все болѣе входитъ въ задачу искусства вообще, а въ послѣднее время стала проникать и въ драму. Если мы будемъ сравнивать новыя пьесы, напр., Гауптмана, или Чехова съ прежними, то найдемъ, что обычныхъ традиціонныхъ мѣрокъ къ нимъ прилагать нельзя. «Единства дѣйствія», рѣзкихъ очертаній, закругленности, законченности мы въ нихъ не найдемъ, но за то найдемъ «единство настроенія». Очевидно, что и воспроизводить эти пьесы на сценѣ надо особымъ способомъ. Разлитое въ пьесѣ настроеніе надо выразить на сценѣ ярко, цѣльно, заразить имъ читателя, и тогда пьеса получитъ и величайшій смыслъ, и произведетъ сильное впечатлѣніе. Художественный театръ именно такъ и понялъ свои задачи и блестяще ихъ выполнилъ. Какими же средствами достигаетъ Художественный театръ этихъ результатовъ? Главное средство—это, несомнѣнно полная централизація всего происходящаго на сценѣ. Драматическое представленіе есть рядъ смѣняющихся картинъ, которыя должны произвести на зрителя извѣстное цѣльное впечатлѣніе. Очевидно, что только одно лицо, одинъ художникъ можетъ объединить разнообразные элементы драмы, настроить подъ одинъ общій тонъ различныя артистическія силы, принимающія участіе въ драмѣ, и создать изъ представленія единое и гармоничное цѣлое. Само собою разумѣется, что режиссеръ долженъ быть выдающимся художникомъ, не принуждающимъ къ той или иной игрѣ, но умѣющимъ вдохнуть въ каждаго исполнителя живое пониманіе роли. Онъ долженъ все принять во вниманіе—и декораціи, и костюмы, все согласить между собою, ради достиженія единаго сценическаго эффекта. Всѣ эти качества, по мнѣнію автора, дѣйствительно соединяетъ въ себѣ режиссеръ Художественнаго театра г. Станиславскій. Отдѣльные частные пріемы въ передачѣ настроенія состоятъ, напр., въ соблюденіи стиля въ декораціяхъ, въ костюмахъ; или, напр., при постановкѣ «Ганеле» (тоже г. Станиславскимъ, но не въ Художественномъ театрѣ) въ сценѣ смерти дѣвочки тусклая лампочка освѣщаетъ только постель, оставляя всю остальную сцену въ полутьмѣ; въ этой полутьмѣ выдѣляется мало-по-малу еще болѣе темная тѣнь и медленно приближается къ умирающей; отъ этой тѣни поднимаются два черныхъ огромныхъ крыла и въ моментъ смерти опускаются надъ умирающимъ ребенкомъ. А чтобы изобразить привидѣнія, режиссеръ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ въ полумракѣ беззвучно появиться изъ разныхъ угловъ на сцену и непрерывно качаться изъ стороны въ сторону. Вся картина точно колеблется передъ вами и дѣйствительно получается жуткое впечатлѣніе какого-то бреда, чего-то не реальнаго. Или, напр., художественная нѣмая сцена въ «Дядѣ Ванѣ», производящая гнетущее впечатлѣніе и состоящая только въ томъ, что слышно, какъ щелкаютъ счеты да сверчокъ чирикаетъ за печкой. Не будемъ передавать другихъ пріемовъ, хотя есть между ними необыкновенно удачные по простотѣ и изобрѣтательности. Авторъ не хочетъ сказать, что въ Художественномъ театрѣ сдѣлано все, что нужно и можно: онъ отмѣчаетъ только вѣрное

направленіе, принятое дирекціей, но въ этомъ направленіи предстоитъ еще масса работы. Постановка сценическаго дѣла въ Художественномъ театрѣ объясняетъ, почему пьесы, которыя даются тамъ съ шумнымъ успѣхомъ, терпѣли фіаско на казенныхъ сценахъ, напр. «Чайка» Чехова. Казенныя сцены, обладающія крупными артистическими дарованіями, но лишенныя художественной цѣльности исполненія, хорошо приспособлены для воспроизведенія бытовой драмы и комедіи съ яркими опредѣленными типами, но имъ совсѣмъ не по силамъ представленіе новыхъ драмъ не дѣйствія, а настроенія.

«Русскій Манчестеръ». Г. *В. Дадоновъ* («Русское Богатство», декабрь) сообщаетъ свои наблюденія надъ гор. Иваново-Вознесенскомъ, однимъ изъ главныхъ центровъ нашей мануфактурной промышленности. Въ описаніи автора прежде всего поражаетъ примитивность житейскихъ условій въ этомъ захолустномъ цѣнтрѣ. Богатый городъ съ 55 тысячами жителей, милліонерами-фабрикантами и массою служащихъ, лишенъ какой бы то ни было культурной внѣшности: плохо вымощенныя и даже совсѣмъ немощенныя улицы, безъ тротуаровъ, до послѣдней степени загрязненная фабричными отбросами рѣка, распространяющая удушливое зловоніе, невѣроятная скученность жилья рабочихъ, помѣщающихся въ небольшой комнатѣ числомъ отъ 10 до 20 человѣкъ; при этомъ ни палатей, ни нар не имѣется, изъ экономіи мѣста всѣ спятъ на полу сплошнымъ пластомъ Распредѣленіе статей въ бюджетѣ рабочаго указываетъ на необычайно низкій уровень потребностей: расходы на квартиру и пищу (состоящую, главнымъ образомъ, изъ чая съ хлѣбомъ) составляютъ меньше половины общей суммы расходовъ; если же переведемъ это на абсолютныя цифры, то, принимая во вниманіе крайне низкій размѣръ заработной платы, получимъ такой минимумъ житейскихъ потребностей, который составляетъ развѣ $^1/_3$—$^1/_5$ нормы расходовъ на жилище и продовольствіе англійскаго и американскаго рабочаго. Главныя траты въ бюджетѣ вознесенскаго фабричнаго идутъ на одежду и водку. Несоразмѣрный расходъ на одежду является въ этихъ случаяхъ не столько щегольствомъ, сколько стремленіемъ поднять свое соціальное положеніе. Что же касается до неумѣреннаго потребленія водки, то это объясняется, повидимому, исключительно мѣстными условіями. Пьянство въ Иваново-Вознесенскѣ до нѣкоторой степени введено въ систему. Издавна установился на тамошнихъ фабрикахъ обычай «могарычей», по которому всякій вновь вступающій рабочій обязанъ угостить товарищей; размѣръ обложенія колеблется отъ 2 до 7 р. На обязательности такого угощенія, вопреки протестамъ, настаиваютъ старые рабочіе, прозванные за свое ненасытное вымогательство «глотами». Этотъ обычай опаиванія является страшнымъ зломъ, невольно вовлекая въ пьянство массы рабочихъ. Рабочій день равняется $11^1/_2$ часамъ, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ принятъ и 9-ти-часовой день, но безъ перерывовъ, а такой непрерывный трудъ, по отзыву компетентныхъ лицъ, дѣйствуетъ губительнѣе на здоровье, чѣмъ даже болѣе длинный рабочій день, но съ нѣсколькими перерывами. Въ Иваново-Вознесенскѣ имѣется 5 народныхъ библіотекъ-читаленъ съ 8.000 томовъ книгъ. Изъ 35-ти тысячнаго рабочаго населенія только 2.000 являются постоянными читателями библіотекъ; если вычислить отношеніе читающихъ къ общей суммѣ грамотныхъ, то это составитъ—1 читателя на 10 грамотныхъ. Прекрасной публичной библіотекой рабочіе совсѣмъ не пользуются, ихъ удерживаетъ плата 20 к. въ мѣсяцъ за чтеніе. Народный театръ общества трезвости, несмотря на вполнѣ удовлетворительную постановку и низкія цѣны мѣстъ, очень мало посѣщается рабочими: едва-ли одинъ рабочій приходится на десятокъ «чистой» публики. Ни вечернихъ, ни воскресныхъ классовъ, за недостаткомъ помѣщенія, нѣтъ. Итакъ, съ точки зрѣнія умственной культуры, иваново-вознесенскій рабочій является чрезвычайно отсталымъ. Но въ составѣ рабочаго класса особенно выдѣляется жалкая, безпомощная и безправная

группа полукрестьянъ—полурабочихъ, набирающаяся изъ окрестныхъ крестьянъ, работающихъ на фабрикѣ и не покидающихъ деревни и своего надѣла. «Какую бы вопіющую несправедливость ни учинила фабричная администрація: убавитъ-ли заработную плату, наложитъ-ли несообразные штрафы, допуститъ-ли кулачную расправу,—рабочіе изъ окрестныхъ деревень всегда молчатъ и дѣлаютъ видъ, что они всѣмъ довольны». Понятно, что крестьянинъ, привязанный къ своему участку, съ котораго онъ притомъ не можетъ прокормиться, попадаетъ въ полную экономическую зависимость отъ сосѣдняго работодателя—фабриканта. Между тѣмъ, пришлые рабочіе, ничѣмъ не связанные съ данной мѣстностью, отличаются гораздо большей самостоятельностью, импонируютъ фабричной администраціи и при всѣхъ протестахъ, домогательствахъ и возмущеніяхъ являются первыми и главными участниками. Этотъ подвижной рабочій людъ, представляющій изъ себя профессіональный классъ фабричныхъ рабочихъ, отличается и гораздо болѣе развитыми умственными интересами. Въ заключеніе авторъ выражаетъ недоумѣніе, почему въ Иваново-Вознесенскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ фабричныхъ городовъ, гдѣ на фабричной работѣ воспиталось нѣсколько послѣдовательныхъ поколѣній, мы встрѣчаемъ такъ мало образовательныхъ стремленій среди рабочихъ и такое полное отсутствіе солидарности въ ихъ средѣ. Читателю тоже остается недоумѣвать по этому поводу, ибо авторъ не сообщилъ ему даже самыхъ элементарныхъ данныхъ, которыя хотя сколько-нибудь могли бы навести на рѣшеніе вопроса: онъ ни слова не сказалъ о положеніи школьнаго дѣла въ Иваново-Вознесенскѣ. Если же рѣшенія вопроса слѣдуетъ искать не въ этомъ пунктѣ, то вообще трудно его искать въ томъ матеріалѣ, который даетъ авторъ: онъ недостаточно индивидуализировалъ и недостаточно углубилъ свои мѣстныя наблюденія.

Возрожденіе ирландской національной борьбы. *Г. Діонео* («Русское Богатство») посвящаетъ свою корреспонденцію современному положенію ирландскаго вопроса. Послѣ Парнелля ирландская партія распалась на нѣсколько фракцій, жестоко полемизировавшихъ другъ съ другомъ. Разрозненныя силы были собраны вновь «ирландской соединенной лигой», воспользовавшейся биллемъ о самоуправленіи, создавшимъ множество мѣстныхъ органовъ въ городахъ и деревняхъ Ирландіи. Лига, во главѣ которой сталъ Вилліамъ О'Брайянъ, оперлась на эту организацію и такимъ образомъ пріобрѣла чисто народный характеръ; она опять выдвинула вопросъ о землѣ и о борьбѣ съ лэндлордизмомъ. Послѣдніе выборы доставили лигѣ торжество: всѣ выставленные ею кандидаты попали въ парламентъ и, слѣдовательно, ирландская парламентская партія стала выразительницей мнѣнія лиги. Этой партіи предстоитъ играть первенствующую роль въ новомъ парламентѣ, такъ какъ остальныя партіи и торійская и оппозиція—отличаются довольно пестрымъ составомъ и не имѣютъ ни твердой программы, ни смѣлыхъ вождей. Какъ извѣстно, вся земля въ Ирландіи принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые, по большей части, живутъ въ Англіи, а управленіе своими обширными ирландскими помѣстьями поручаютъ особому агенту, котораго снабжаютъ большими полномочіями. Обыкновенно эти земли сдаются въ аренду фермерамъ за очень высокую плату. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе дробятся земельные участки, и теперь есть масса семействъ, живущихъ только земледѣліемъ и имѣющихъ ничтожный клочокъ земли, меньше чѣмъ въ одинъ акръ (акръ — менѣе полъ-десятины), причемъ арендная плата за такой клочекъ непомѣрно высока—отъ 4 до 8 ф. ст. (отъ 38 до 76 р.). Само собою разумѣется, что фермеры сплошь и рядомъ не въ состояніи платить такой суммы, вслѣдствіе чего ихъ изгоняютъ съ земли и обращаютъ ее подъ пастбища; въ результатѣ происходитъ прогрессивное обѣднѣніе фермеровъ, доводящее многія семейства до крайней степени нужды. Тяжелое положеніе страны вызывало и бурныя вспышки, и упорную борьбу, но

всѣ вырванныя отъ англійскаго правительства уступки сводились къ полумѣрамъ. Тогда ирландская лига приняла радикальное рѣшеніе добиваться экспропріаціи земли. Она объявила, что единственное спасеніе Ирландіи заключается въ уничтоженіи лэндлордизма и въ принудительномъ выкупѣ земли. Англійская патріотическая печать просмотрѣла возникновеніе и ростъ этого національнаго движенія: она не вѣрила въ возможность объединенія ирландскихъ націоналистовъ, разрывавшихъ другъ друга въ мелочной борьбѣ. Между тѣмъ, по требованію лиги, враждовавшія ирландскія группы въ парламентѣ соединились, лига быстро завоевала себѣ приверженцевъ всюду, даже среди членовъ министерства, такъ, парламентскій секретарь при министерствѣ промышленности Рессель выступилъ въ недавней знаменитой своей рѣчи защитникомъ принудительнаго выкупа земли. Тогда консервативная печать забила тревогу и стала требовать энергичныхъ репрессивныхъ мѣръ—прежде всего запрещенія ирландской соединенной лиги, которую она отожествляла съ «планомъ кампаніи». Между тѣмъ, «планъ кампаніи» былъ направленъ спеціально противъ высокой арендной платы; это былъ организованный отказъ фермеровъ вносить полную арендную плату; въ случаѣ несогласія лэндлорда принять уменьшенную арендную плату, фермеры обращали эти суммы въ спеціальный фондъ для поддержки изгнанныхъ и бѣдствующихъ своихъ собратьевъ. Хотя «планъ кампаніи» былъ, несомнѣнно, грознымъ революціоннымъ средствомъ, но имѣлъ гораздо болѣе узкій и частный характеръ, вдобавокъ, онъ скоро пересталъ дѣйствовать, ибо Парнель высказался противъ него. Лига, съ одной стороны, ставитъ себѣ гораздо болѣе широкія задачи, съ другой — она обнимаетъ всю страну. Серьезность начинающейся борьбы почувствовалась недавно при преслѣдованіи одного митинга. Въ минувшемъ декабрѣ былъ назначенъ большой митингъ въ Уикло близъ Дублина. Ораторы и публика, собравшіеся на митингъ, узнали, что онъ запрещенъ, и нашли залъ, гдѣ онъ долженъ былъ состояться, запертымъ. Тогда они перешли въ ратушу. Совѣты графствъ теперь всюду въ Ирландіи превращаются въ филіальныя отдѣленія лиги. Но такъ какъ полиція караулила парадныя двери ратуши, то ораторы незамѣтно оставили залъ и удалились за три версты, гдѣ состоялся громадный митингъ подъ открытымъ небомъ. Полицейскіе на велосипедахъ разосланы были выслѣживать, гдѣ происходитъ митингъ. Митингъ уже подходилъ къ концу, когда полиція подоспѣла и начала его разгонять. Произошло столкновеніе, во время котораго было ранено тридцать человѣкъ. Авторъ видитъ во всемъ этомъ предвѣстіе важныхъ политическихъ событій въ Ирландіи.

За границей.

Королева Викторія. Начало новаго вѣка въ Англіи ознаменовалось перемѣною царствованія. Королева Викторія, занимавшая англійскій престолъ въ теченіе почти 64 лѣтъ, умерла 9-го января этого года и ей наслѣдовалъ ея сынъ, принцъ Уэльскій, получающій титулъ короля на шестидесятомъ году своей жизни.

Итакъ, «the longest Reign» (самое долгое царствованіе), какъ называли англичане царствованіе королевы Викторіи, пришло къ концу съ наступленіемъ новаго вѣка. Когда въ 1897 г. Англія готовилась праздновать 60-ти лѣтній юбилей царствованія королевы Викторіи, то были приготовлены двѣ карты: одна изображала владѣнія Англіи въ моментъ вступленія на престолъ 18-ти-лѣтней принцессы, другая—ко времени празднованія ея шестидесятилѣтняго юбилея. Эти двѣ карты служили наглядным доказательствомъ, какъ возросли за это

время колоніальныя владѣнія Англіи и какъ усилилось ея могущество. Англичане съ гордостью смотрѣли на нихъ. Но такой же приливъ гордости они должны были чувствовать и при взглядѣ на сравнительныя, таблицы, приготовленныя для этого юбилея и указывавшія развитіе народонаселенія за этотъ промежутокъ времени, техники, промышленности, торговли, народнаго образованія, рабочей организаціи, законодательства и т. д. Царствованіе королевы Викторіи занимаетъ, дѣйствительно, такой обширный періодъ въ исторіи, что въ это время страна могла пережить и переиспытать очень многое и далеко подвинуться впередъ по пути прогресса. Притомъ же «викторіанская эра» въ Англіи изобиловала выдающимися людьми на всѣхъ поприщахъ современной англійской жизни. Литература, наука, искусство достигли своего высшаго развитія въ царствованіе Викторіи. Королева была современницей Дарвина, Уоллеса, Листера, Вильяма Морриса, Рескина, Максвеля, Фарэдея, Джемса и Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Гёксли, Тиндаля, Маколея, Диккенса, Текерея, Карлейля, Кингелея и мн. др. Одно перечисленіе этихъ именъ уже указываетъ, что царствованіе королевы Викторіи дѣйствительно было блестящимъ въ этомъ отношеніи. Оно было богато также и знаменитыми политическими дѣятелями; достаточно назвать Пальмерстона, Пиля, Дизраэли и Гладстона.

Когда родилась королева Викторія, то царствованіе ея дѣда Георга III-го, длившееся тоже около 60-ти лѣтъ, приближалось къ концу. Викторія была единственною дочерью герцога Кентскаго, четвертаго сына Георга III, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей и твердостью своего характера, а также тѣмъ, что онъ былъ большимъ поклонникомъ Роберта Оуэна. Но, къ несчастью, герцогъ умеръ слишкомъ рано. Воспитаніе маленькой Викторіи было всецѣло предоставлено ея матери, герцогинѣ Кентской, которая, какъ разсказываютъ, избѣгала придворной жизни и не любила ея, такъ что маленькая принцесса, къ счастью для нея, росла вдали отъ придворныхъ интригъ и шума. Но когда она выросла, то дядя ея Вильгельмъ IV, послѣ котораго она должна была наслѣдовать престолъ, въ случаѣ, если бы онъ умеръ бездѣтнымъ, очень сердился на то, что ея мать старалась держать ее вдали отъ двора, нравы котораго оставляли желать многаго. Однажды онъ даже высказалъ ей свое неудовольствіе и притомъ въ такой рѣзкой формѣ, что молодая принцесса расплакалась, а мать ея тотчасъ же поторопилась уѣхать.

20-го іюня 1837 г. скончался Вильгельмъ IV. Въ пять часовъ утра архіепископъ Кэнтерберійскій и главный камергеръ двора явились въ Кенсингтонскій дворецъ, гдѣ жила принцесса Викторія. Они едва достучались, такъ какъ всѣ во дворцѣ спали. Наконецъ, ихъ впустили и привели въ пріемную, гдѣ ихъ оставили. Они объявили, что должны непремѣнно сейчасъ же видѣть принцессу. Послѣ долгихъ ожиданій, когда они уже начали терять терпѣніе, къ нимъ явилась, наконецъ, горничная принцессы и объявила, что принцесса такъ сладко спитъ, что будить ее жалко. Но когда они стали требовать настоятельно, чтобы разбудили принцессу и даже объявили, что «должны говорить съ королевой», то служанка удалилась, пораженна изумленіемъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ вышла молодая принцессая совершенно заспанная, съ распущенными волосами, въ наскоро накинутой блузѣ на плечи и въ туфляхъ на босу ногу. Ей было тогда 18 лѣтъ. Съ этой минуты она стала королевой.

Когда Викторія вступила на престолъ, то въ Англіи далеко не все было спокойно. Тогда уже наступалъ періодъ глубокихъ внутреннихъ перемѣнъ, попостепенно измѣнившихъ старинный аристократическій строй Англіи и придавшій ему демократическій характеръ. Начиналось знаменитое чартистское движеніе, которое въ концѣ концовъ приняло характеръ открытаго возстанія и было подавлено мѣрами строгости. Молодая королева, конечно, не могла вмѣшиваться непосредственно въ политическія распри, которыя тогда были очень значительны

между вигами и торіями, но ее все-таки заподозрѣвали въ склонности къ вигамъ и поэтому аристократическая олигархія, управлявшая дѣлами государства, припоминая демократическія идеи отца королевы, отнеслась къ ней вначалѣ очень недоброжелательно.

Ко времени вступленія королевы Викторіи на престолъ престижъ королевской власти сильно упалъ въ Англіи, благодаря нравамъ, которые господствовали при дворѣ ея предшественниковъ, а также ихъ скандальному поведенію и постоянному антиконституціонному вмѣшательству въ управленіе дѣлами государства. Народъ ненавидѣлъ ихъ и дѣло даже дошло до того, что во время французской революціи толпа однажды выставила передъ дворцомъ короля Георга III нѣкоторое подобіе гильотины. «У этого короля,—говоритъ «Daily News» въ статьѣ, посвященной памяти королевы Викторіи,—существовали всѣ недостатки за исключеніемъ лицемѣрія. Вильгельмъ IV былъ добродушный, хотя и вспыльчивый старикъ, онъ былъ склоненъ къ выпивкѣ, но все-таки тѣ, кто хорошо зналъ его, какъ, напр., герцогъ Веллингтонскій и лордъ Грей, питали къ нему уваженіе. Однако, если бы ему наслѣдовалъ на престолъ, король Ганноверскій, то монархія въ Англіи вѣроятно бы стала жертвою народной ненависти и презрѣнія. Но ее спасла молоденькая 18-ти-лѣтняя дѣвушка, сумѣвшая снова внушить англійскому народу уваженіе и преданность своему главѣ».

Конечно, прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ измѣнилось отношеніе англійскаго общества къ королевской власти. Въ 1837 г., когда королева Викторія вступила на престолъ, въ англійскомъ обществѣ было даже въ модѣ выдавать себя за республиканца, это считалось хорошимъ тономъ. Кромѣ того, постоянное вмѣшательство королевской власти въ политическую жизнь страны, представляющее явное нарушеніе конституціи и вызывавшее вѣчныя затрудненія и столкновенія съ парламентомъ, способствовало распространенію революціонныхъ идей въ Англіи, не только въ народѣ, но и въ высшихъ классахъ общества. Въ чартистскомъ движеніи участвовала аристократія; однимъ изъ главарей этого движенія былъ, напр., Эрастъ Джонсъ, крестнымъ отцомъ котораго былъ король ганноверскій.

Однако, и позднѣе въ Англіи нѣсколько разъ возникало революціонное движеніе, хотя и довольно слабое. Въ семидесятыхъ годахъ однимъ изъ вождей республиканцевъ въ Англіи былъ сэръ Чарльзъ Далько, который, ребенкомъ, не разъ сиживалъ на колѣняхъ королевы Викторіи, очень любившей его отца.

Но престолъ королевы Викторіи стоялъ прочно и ни разу не поколебался, несмотря на огромныя перемѣны, которыя совершались въ ея царствованіе, и на ростъ демократіи. Ея семейныя добродѣтели и нравственный образъ жизни, составлявшій такую противоположность съ жизнью ея предшественниковъ, ея строго конституціонное поведеніе и тактъ, ея глубокая и искренняя скорбь послѣ смерти ея супруга снискали ей мало-по-малу любовь и уваженіе всѣхъ слоевъ англійскаго народа, видѣвшаго до сихъ поръ въ своихъ правителяхъ только олицетвореніе всѣхъ недостатковъ и пороковъ.

Воздерживаясь отъ антиконституціоннаго вмѣшательства въ дѣла государства, королева Викторія, однако, никогда не отказывалась отъ прерогативъ своего сана, но только пользовалась ими въ предѣлахъ, установленныхъ государственнымъ устройствомъ Великобританіи. Единственный только разъ, и то въ началѣ ея царствованія, у нея было личное столкновеніе съ министерствомъ, извѣстное подъ именемъ «bedchamber women Question». Черезъ два года послѣ ея восшествія на престолъ наступилъ первый министерскій кризисъ. Министерство Мельбурна пало, что было ей очень непріятно, такъ какъ лордъ Мельбурнъ былъ ея другомъ, и она не постѣснялись высказать это вполнѣ откровенно Роберту Пилю, которому предложила сформировать новый кабинетъ. Пиль, однако, не обратилъ вниманія на эти сѣтованія молодой дѣвушки.

но когда онъ замѣтилъ ей, что среди ея приближенныхъ дамъ находится много такихъ, которыя принадлежатъ къ другому политическому лагерю, чѣмъ его министерство, т.-е. къ лагерю виговъ, и потребовалъ, чтобы она уволила ихъ, то она наотрѣзъ отказалась исполнить это требованіе. Въ свою очередь Пиль отказался сформировать кабинетъ и результатомъ этого столкновенія было возвращеніе прежняго министерства къ власти.

Въ 1840 г. въ торжественномъ засѣданіи парламента было возвѣщено о предстоящемъ бракосочетаніи королевы съ принцомъ Альбертомъ Кобургъ-готскимъ, это былъ настоящій бракъ по любви. Молодой принцъ Альбертъ былъ нѣсколькими мѣсяцами моложе королевы, которой тогда только что минуло 20 лѣтъ, но они давно уже питали другъ къ другу глубокую привязанность, съ того момента какъ познакомились, за четыре года до свадьбы, откладывавшейся по причинѣ молодости принца.

Не мало затрудненій пришлось вынести юной королевѣ, избравшей себѣ супруга по сердцу. Англійская аристократія крайне недоброжелательно отнеслась къ этому выбору. Самое положеніе мужа королевы, но *не короля*, было обставлено массою затрудненій всякаго рода. Прежде всего возникъ вопросъ о рангахъ. Королевѣ очень хотѣлось, чтобы ея супругъ былъ пэромъ королевства, но когда поднятъ былъ вопросъ объ этомъ, то англійскіе пэры самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились и даже самъ принцъ Альбертъ просилъ королеву не настаивать на этомъ, затѣмъ другое затрудненіе возникло изъ-за вопроса о мѣстѣ, которое долженъ будетъ занимать принцъ Альбертъ на придворныхъ церемоніяхъ. Королева желала, чтобы первое мѣсто послѣ нея было предоставлено ему, но и тутъ она натолкнулась на весьма рѣшительный протестъ со стороны короля ганноверскаго, возражавшаго противъ такого распоряженія отъ имени королевской семьи, и герцога Веллингтонскаго, говорившаго отъ имени англійской аристократіи. Очень непріятны были королевѣ также жаркія пренія, которыя происходили въ англійскомъ парламентѣ по поводу того, что многіе изъ близкихъ родныхъ принца Альберта перешли въ католицизмъ и, наконецъ, по поводу цивильнаго листа принца. Королева требовала, чтобы ему было назначено содержаніе въ 1.250.000 ф. стерл., но и тутъ потерпѣла неудачу. Радикальные депутаты предлагали сократить эту цифру до 525.000 ф. стерл., а тори до 750.000 и послѣдніе одержали побѣду. Что же удивительнаго, что королева очень была огорчена всѣми этими пререканіями и поэтому была очень блѣдна и взволнована 10-го февраля 1840 г. во время церемоніи бракосочетанія.

Однако, этотъ брачный союзъ, начавшійся среди массы всякихъ непріятностей и препятствій, былъ очень счастливъ. Семейная жизнь короля и королевы была образцовой и никакая злая клевета не коснулась ни одного изъ нихъ. Принцъ Альбертъ былъ серьезнымъ, сдержаннымъ и на видъ крайне холоднымъ человѣкомъ и поэтому не пользовался популярностью при дворѣ. Ему приписывали большое вліяніе на королеву, которая всегда слушалась его совѣтовъ, но такъ какъ эти совѣты были разумны и сводились къ тому, чтобы удержать королеву отъ нарушенія поставленныхъ ей англійскою конституціею границъ, то англійская печать единогласно ставитъ это принцу въ большую заслугу. Онъ умеръ въ 1861 г. отъ тифа и это было страшнымъ ударомъ для королевы, нѣжно любившей его. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ королева Викторія избѣгала всякихъ собраній и вела уединенный образъ жизни, такъ что ея первому министру стоило подчасъ не малаго труда заставить ее нарушить свое затворничество, когда этого требовали ея государственныя обязанности.

Со смертью принца Альберта начинается вторая половина царствованія королевы Викторіи. На политической сценѣ выступили тогда два министра: Гладстонъ и Дизраэли. Королева Викторія не любила Гладстона, хотя во многихъ

случаяхъ она честно и добросовѣстно поддерживала его, въ особенности въ первое время его управленія министерствомъ. Гладстонъ не нравился королевѣ Викторіи своею рѣзкою откровенностью, которая часто ей бывала непріятна, и своими демократическими затѣями. Всего этого она никогда не могла ему простить. Что же касается Дизраэли, то она долгое время относилась къ нему подозрительно, но онъ сумѣлъ побѣдить ея недовѣріе и выступилъ въ качествѣ защитника ея правъ противъ Гладстона, причемъ, ловко пользуясь ея слабостями, онъ старался развить въ ней королевскую гордость и добиться для нея титула «императрицы Индіи». Но надо сказать правду, что онъ дѣйствительно искусно избавлялъ королеву отъ многихъ затрудненій и предупреждалъ столкновенія, которыя могли возникнуть у нея съ народомъ. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлался ей необходимъ и окончательно подчинилъ ее своему вліянію. Когда онъ умеръ, то королева Викторія оплакала его самыми горячими и искренними слезами. Что касается другихъ министровъ, то, по всей вѣроятности, они всѣ были ей безразличны.

Англійскій народъ всегда относился къ королевѣ Викторіи съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ съ ея воцареніемъ дворъ пересталъ возмущать общество своимъ скандальнымъ поведеніемъ и тамъ, наоборотъ, начали процвѣтать добродѣтели, образцомъ которыхъ служило королевское семейство. Въ самомъ началѣ царствованія королевы Викторіи аристократія была противъ нея и ее поддерживали радикалы и ирландцы. Затѣмъ это измѣнилось; радикалы и ирландцы стали ея противниками и англійская аристократія взяла ее подъ свою защиту. Мелкая и крупная буржуазія—вся была на ея сторонѣ. Однако, всякіе недоброжелательные разговоры и выходки по ея адресу со стороны недовольныхъ партій, прекратились совершенно ко времени ея пятидесятилѣтняго юбилея и послѣдніе годы она видѣла только одно полное уваженіе и почтеніе со всѣхъ сторонъ. Оба ея юбилея были ея настоящимъ апофеозомъ и окруженная своими внуками и правнуками, она мирно отошла въ вѣчность.

Одна изъ англійскихъ газетъ, однако, сказала, что смерть ея была ускорена южно-африканскою войной и даже назвала ее жертвою этой войны. Дѣйствительно, какъ говорятъ, послѣдніе мѣсяцы ея жизни были омрачены этою печальною войною и даже незадолго до смерти она непремѣнно хотѣла видѣть лорда Робертса и узнать отъ него лично о положеніи вещей. Говорятъ, что то, что онъ сказалъ ей, было очень неутѣшительно. Но нельзя взваливать отвѣтственность за эту войну на королеву Викторію; она также мало виновна въ ней, какъ и во многихъ другихъ, болѣе славныхъ и блестящихъ событіяхъ, ознаменовавшихъ исторію ея царствованія. Надо помнить государственное устройство Англіи, поставившее извѣстныя границы королевской власти, которыя королева Викторія не переступала никогда.

Отъ брака королевы Викторіи съ принцемъ Альбертомъ родилось девять человѣкъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ она занималась очень усердно, такъ какъ была такая же нѣжная мать, какъ и супруга. Королеву Викторію въ шутку было принято титуловать «бабушкою Европы», такъ какъ она породнилась съ большинствомъ царствующихъ домовъ въ Европѣ. Она оставила послѣ себя потомство изъ 73 человѣкъ; 6 ея собственныхъ дѣтей, 31 внукъ и 36 правнуковъ. Но въ теченіе своей долгой жизни она похоронила очень многихъ изъ своей родни и, между прочимъ, девять внуковъ, изъ которыхъ трое были уже взрослыми людьми.

Какъ относились къ королевѣ крайнія партіи, доказываетъ слѣдующая выдержка изъ статьи, напечатанной въ одной изъ радикальныхъ газетъ по случаю ея шестидесятилѣтняго юбилея въ 1897 г. «Демократія, въ періодъ шестидесятилѣтняго царствованія королевы Викторіи, сдѣлала громадные успѣхи и демократическія идеи глубоко проникли въ англійскую общественную жизнь, но,

тѣмъ не менѣе, англійскій престолъ стоитъ теперь, въ 1897 г., прочнѣе, чѣмъ въ 1837 г. Нельзя не видѣть въ этомъ результатовъ разумной сдержанности, которую обнаруживала королева Викторія въ своихъ отношеніяхъ къ внутренней политикѣ государства, а также нежеланія англійскаго народа, довольнаго ея царствованіемъ, прибѣгать къ экспериментамъ и «дѣлать скачокъ въ темноту».

Къ характеристикѣ покойной королевы слѣдуетъ еще прибавить, что она 70-ти лѣтъ отъ роду принялась изучать индустанскій языкъ и свободно объяснялась на немъ. Она была поклонницею музыки и въ молодости обладала недурнымъ голосомъ, но больше всего она любила литературу и ея собственная библіотека, которою она очень гордилась, состояла изъ 120.000 томовъ. Королева и сама любила писать и даже издала цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «Leaves from the journal of our Life in the Highlands» (листки отъ дневника во время пребыванія въ Шотландіи), которая была переведена на четыре языка. Дневникъ начинается съ 1842 г. описаніемъ поѣздки королевы съ ея мужемъ на шотландскія озера и каждая страница ея проникнута горячею любовью, которую питала молодая королева къ своему супругу. Эта преданная любовь была также одною изъ причинъ, возбуждавшихъ участіе и любовь народа къ королевѣ Викторіи, хотя въ англійской аристократіи и посмѣивались все-таки порою надъ ея семейными добродѣтелями и надъ огромнымъ количествомъ дѣтей, которыя у нея родились въ теченіе 21 года ея супружеской жизни.

Новый король, бывшій принцъ Уэльскій, старшій сынъ королевы, поздно начинаетъ свое царствованіе и притомъ въ такой моментъ, когда политическій горизонтъ заволокло довольно грозными тучами. Никто не ждетъ, конечно, особенныхъ измѣненій въ англійской политикѣ, но тѣмъ не менѣе перемѣна царствованія не можетъ остаться все-таки безъ всякаго вліянія на эту политику. Несмотря на то, что новый король вступаетъ на престолъ въ довольно-таки почтенномъ возрастѣ, въ политическомъ отношеніи онъ совершенно неизвѣстенъ своему народу. До сихъ поръ онъ держался вдали отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ и какъ будто даже нисколько не интересовался политикой. Неизвѣстно также, любитъ ли онъ науки и искусства, такъ какъ онъ ничѣмъ особеннымъ не выражалъ своего пристрастія къ нимъ. Но за то съ достовѣрностью извѣстно, что онъ любитъ спортъ, что онъ знатокъ и страстный любитель лошадей и конюшни его славятся по всей Англіи. Двѣ его лошади взяли даже призъ на скачкахъ въ Дерби, но... въ Англіи не мало найдется людей, которые ставятъ ему это въ вину, также какъ и его любовь къ развлеченіямъ, къ азартнымъ играмъ и т. п. Но за то всѣ согласны, что трудно себѣ представить болѣе пріятнаго собесѣдника, болѣе пріятнаго джентльмена, чѣмъ принцъ Уэльскій, пользовавшійся репутаціей «законодателя модъ». Онъ — озобрѣтатель знаменитаго «смокинга» и разныхъ другихъ одѣяній, всевозможнаго вида рубашекъ съ высокими и низкими воротниками, ботинокъ и т. д. Принцъ Уэльскій, какъ гласитъ молва, одѣвается «лучше всѣхъ въ Европѣ» и если вѣрить разсказамъ, то онъ ежемѣсячно заказываетъ себѣ 20 паръ новаго платья. Его любимый портной, знаменитый мистеръ Пуль, конечно, живетъ какъ самый богатѣйшій вельможа, даетъ тончайшіе обѣды, имѣетъ собственныя яхты и т. п. Про него ходитъ множество анекдотовъ и между, прочимъ разсказываютъ, что мечтою всей его жизни было хоть одинъ разъ быть приглашеннымъ къ обѣду своего высокопоставленнаго кліента. Объ этомъ узналъ принцъ Уэльскій и пожелалъ доставить это невинное удовольствіе своему «милому Пулю». Можно себѣ представить, какъ былъ счастливъ Пуль, когда получилъ приглашеніе. Послѣ обѣда принцъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Ну что, милый Пуль, нравится вамъ у меня?» — «О великолѣпно!—воскликнулъ Пуль.—Только немного смѣшанное общество...» — «Ну, не могу же я пригла-

шать къ своему столу только однихъ портныхъ»—возразилъ на это принцъ Уэльскій.

Такого рода разсказы и репутація яраго спортсмена, охотника, законодателя модъ и веселаго собесѣдника, предшествуютъ появленію принца Уэльскаго въ его новой и отвѣтственной роли. Какъ отразятся всѣ эти качества на европейской политикѣ—покажетъ будущее.

Университетскіе дебаты въ Англіи. Англійская молодежь уже со студенческой скамьи пріучается къ парламентской жизни и парламентскимъ пріемамъ. Съ этою цѣлью въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ устраиваются спеціальныя собранія членовъ студенческихъ союзовъ. Собранія эти происходятъ въ обширной залѣ, нарочно приспособленной для такихъ цѣлей и напоминающей своимъ устройствомъ залу англійскаго парламента. Такія же скамьи, хоры для публики и возвышенное сѣдалище для президента—однимъ словомъ, каждый, кто въ первый разъ попадетъ въ эту залу, тотчасъ же сообразитъ для чего она предназначается. Разъ въ недѣлю въ этой залѣ собираются студенты и организуются пренія. Предсѣдатель торжественно открываетъ собраніе и объявляетъ тему, затѣмъ выступаютъ ораторы; одни защищаютъ предложенную предсѣдателемъ резолюцію, другіе высказываются противъ нея. Пренія затягиваются иногда далеко за полночь и, въ концѣ концовъ, голосованіе рѣшаетъ вопросъ, находится ли большинство на сторонѣ резолюціи или нѣтъ. На другой день послѣ такого засѣданія въ мѣстномъ листкѣ появляется самый подробный отчетъ о немъ и читателямъ предоставляется судить о томъ, какъ происходили пренія.

Темы для преній, конечно, большею частью носятъ политическій характеръ, но не всегда. Случается, что на сцену выступаютъ разные соціальные, историческіе и литературные вопросы; даже иной разъ возникаютъ пренія по вопросамъ спорта! Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что вообще нѣтъ ни одного вопроса англійской современной жизни, который бы не былъ предметомъ университетскихъ дебатовъ. Разумѣется, въ данную минуту на первый планъ выдвигаются вопросы, относящіеся къ правительственной политикѣ Англіи въ Трансваалѣ и въ восточной Азіи. Положеніе Англіи въ европейскомъ концертѣ также нѣсколько разъ уже служило предметомъ обсужденія, причемъ на послѣднемъ засѣданіи кембриджскаго парламента большинство высказалось въ пользу усиленія сухопутныхъ войскъ и союза съ Америкой.

Кэмбриджскіе студенты очень рѣшительно высказываются также въ пользу дарованія женщинамъ права голоса. Въ другихъ вопросахъ кэмбриджскій парламентъ не выказываетъ такого либерализма. Такъ, напримѣръ, огромное большинство высказалось противъ преобразованія палаты лордовъ, политики рабочихъ союзовъ и популяризаціи знаній. Но за то такое же большинство выразило порицаніе торгашескому духу, который слишкомъ сильно господствуетъ теперь въ политикѣ соединеннаго королевства.

Корреспондентъ одной нѣмецкой газеты, побывавшій на одномъ изъ такихъ засѣданій въ Кэмбриджѣ, разсказываетъ, что оно было посвящено Сесилю Родсу. Пренія были очень оживленныя, такъ какъ въ предложенной резолюціи Сесиль Родсъ обвинялся въ вѣроломствѣ, непостоянствѣ и недобросовѣстномъ поведеніи въ финансовыхъ дѣлахъ. Одинъ изъ ораторовъ, защищавшихъ Сесиля Родса отъ такого рода нападеній, проявилъ недюжинное краснорѣчіе и искусство. Родсъ, по его словамъ, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ самаго искренняго и глубокаго убѣжденія, что англосаксонская культура—лучшая въ мірѣ; отсюда возникло стремленіе Родса насадить ее въ южной Африкѣ. Онъ сдѣлалъ благодѣяніе белуанамъ, мамонамъ и матебаламъ, подчинивъ ихъ, хотя и насильственнымъ образомъ, высшей англосаксонской культурѣ и избавивъ ихъ такимъ пу-

темъ отъ подчиненія низшей культурѣ—голландской. Противъ обвиненія Родса въ недобросовѣстности ораторъ указываетъ на всѣмъ извѣстные факты, что Родсъ никогда не старался выгораживать себя и откровенно сознавался во всѣхъ своихъ поступкахъ, убѣжденный въ своей правотѣ, точно также онъ никогда не стремился къ обогащенію ради личныхъ выгодъ. Онъ—настоящій фанатикъ идеи великой англосаксонской федераціи южной Африки и единственное пятно на его характерѣ ораторъ видитъ лишь въ томъ, что онъ питаетъ отвращеніе къ женщинамъ! Не смотря, однако, на все ораторское искусство защитниковъ Родса, собраніе вотировало порицаніе его образа дѣйствій въ южной Африкѣ.

Въ Оксфордѣ, гдѣ также происходили дебаты по поводу Родса, студенты большинствомъ трехъ голосовъ вотировали довѣріе къ его дѣйствіямъ, хотя ораторы изощряли свое краснорѣчіе, обвиняя его въ разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ и его защитникамъ пришлось очень искусно лавировать между этими обвиненіями, выгораживая Родса по мѣрѣ силъ и умѣнья. Обвинители особенно настаивали на его финансовыхъ операціяхъ, а защитники доказывали, что онъ думалъ только о пользѣ страны и ея обогащеніи и никогда не любилъ деньги для денегъ. Очевидно, оксфордское студенчество болѣе расположено въ пользу Сесиля Родса, нежели кэмбриджское и поэтому дебаты кончились для него благопріятно.

Англійское общество очень интересуется этими студенческими дебатами и отчеты, печатающіеся о нихъ въ мѣстныхъ газетахъ, читаются не въ одномъ только Оксфордѣ или Кэмбриджѣ. Подобныя упражненія, конечно, вырабатываютъ у молодежи политическіе взгляды и пониманіе современныхъ условій политической жизни и вступая въ парламентъ они уже болѣе или менѣе подготовлены къ предстоящей имъ парламентской дѣятельности.

Корреспондентъ нѣмецкой газеты пишетъ по этому поводу: «Я былъ глубоко пораженъ искусствомъ молодыхъ ораторовъ, особенно тѣмъ, какъ они ловко парировали удары своихъ противниковъ. Рѣчь каждаго изъ нихъ производила впечатлѣніе обдуманности и основательнаго знакомства съ вопросомъ, который служилъ предметомъ преній. Студенты, уроженцы колоній, южной Африки, Индіи и Канады, выступали въ качествѣ оппонентовъ защитникамъ политики Сесиля Родса и свои возраженія подкрѣпляли своими личными наблюденіями и опытомъ. Особенно мнѣ понравилась рѣчь одного уроженца Бомбея, который горячо порицалъ поведеніе англичанъ относительно чернокожихъ и туземцевъ и на основаніи личныхъ наблюденій доказывалъ безчеловѣчность такой политики, основывающейся на попраніи права туземцевъ во имя высшихъ идеаловъ культуры. Онъ горячо вступался за «меньшую братію» и отъ его рѣчи вѣяло такимъ здоровымъ энтузіазмомъ молодости, такимъ идеализмомъ, такою вѣрою во всякое будущее своей націи, что я невольно подумалъ: «Счастлива страна, воспитывающая такую молодежь! Въ ней столько жизненной силы, что ей нечего опасаться никакихъ кризисовъ!» Даже рѣчи, сказанныя въ защиту финансовой политики Родса, не проникнутыя матеріализмомъ, производили все-таки хорошее и свѣжее впечатлѣніе. Правда, ораторы придавали очень большее значеніе матеріальнымъ благамъ, но съ другой стороны видно, что они не отдѣляютъ матеріальнаго благосостоянія отъ культурнаго развитія страны въ высшемъ смыслѣ и только признаютъ ихъ одинаково необходимыми для величія своего отечества...

«Я вышелъ изъ залы засѣданія, искренно убѣжденный, что все то, что я видѣлъ и слышалъ, имѣетъ глубокій смыслъ и что всѣ эти пренія—не простая забава, а имѣютъ огромное образовательное значеніе и Оксфордъ и Кэмбриджъ дѣйствительно являются школою для государственныхъ дѣятелей Англіи».

Австралійская федерація. Въ далекой Австраліи первый день новаго столѣтія ознаменовался великимъ торжествомъ. Въ этотъ день оффиціально начала свое существованіе объединенная Австралія, шесть колоній которой составляютъ теперь федерацію, управляемую единою конституціей. Австралійцы давно уже стремились къ этому, но вначалѣ въ Англіи крайне недоброжелательно относились къ австралійскому сепаратизму и только послѣднія событія, преимущественно южно-африканская война, заставили англичанъ взглянуть на это дѣло съ другой точки зрѣнія.

Такъ или иначе, но австралійцы, конечно, въ правѣ будутъ считать днемъ своего совершеннолѣтія 1-ое января 1901 года. Съ новымъ столѣтіемъ народилось и новое государство. Никогда еще австралійскія колоніи не переживали такого торжества. Съ тою традиціонною пышностью и торжественностью, которыми обыкновенно англичане окружаютъ всѣ свои оффиціальныя празднества, былъ прочтенъ королевскій манифестъ въ Сиднеѣ и австралійская федерація съ этого момента начала свое существованіе. Нечего и говорить, что населеніе новаго государства достойнымъ образомъ отпраздновало этотъ день, тѣмъ болѣе, что съ того времени какъ Кукъ объявилъ сто лѣтъ тому назадъ Австралію великобританскимъ владѣніемъ, австралійцамъ ни разу еще не представлялось случая къ такому празднеству, въ которомъ бы принимали участіе всѣ колоніи, сразу. Въ дальнѣйшихъ телеграммахъ изъ Сиднея, помѣщенныхъ въ англійскихъ газетахъ, описываются 5.000 процессій, банкеты и разнаго рода увеселенія, организованныя по этому поводу. Около милліона человѣкъ принимали участіе въ этомъ торжествѣ и такая толпа еще ни разу не собиралась вмѣстѣ въ австралійскихъ колоніяхъ.

Англійская печать привѣтствуетъ появленіе «новаго народа» въ нѣдрахъ Британской имперіи въ первый день новаго столѣтія. Это день рожденія австралійской федераціи, но австралійскій народъ до появленія на свѣтъ федеральной конституціи представлялъ уже значительную единицу. Экономическая дѣятельность его достигала тогда уже большого развитія и онъ доказалъ Европѣ не только свою жизнеспособность, но и свою смѣлость своими соціальными экспериментами, вступая, не колеблясь, на новый путь, не стѣсняемый никакими традиціями. Конечно, федеральный режимъ ничего не измѣнитъ въ этомъ отношеніи, главное же, матеріальное измѣненіе, которое внесетъ федеральная конституція, будетъ заключаться въ томъ, что исчезнутъ протекціонистскія загородки, которыми окружала себя каждая колонія до сихъ поръ; теперь всѣ онѣ составляютъ таможенную лигу, къ которой, вѣроятно, примкнетъ и Новая Зеландія.

Объединенная Австралія не замедлитъ оказать извѣстное вліяніе и на имперскую политику. Австралійцы уже дали почуствовать англичанамъ свою настойчивость въ то время, когда въ метрополіи обсуждалась ихъ конституція. Они добились всего, чего хотѣли и теперь Австралія имѣетъ всѣ атрибуты независимаго государства: у нея есть свое знамя, представляющее нѣкоторыя измѣненія британскаго флага, и существуютъ уже зачатки арміи и флота. Мало этого: Австралія можетъ ввести какой ей угодно таможенный тарифъ на англійскіе продукты и Англіи придется вести съ нею переговоры совершенно такъ же, какъ со всякою чужеземною страною, чтобы добиться отъ нея какихъ-либо таможенныхъ преимуществъ. Но изъ этого еще рано выводить заключеніе, что Австралія хочетъ совершенно отдѣлиться отъ Британской имперіи. Правда, узы, которые связываютъ Австралію съ Англіею, кажутся весьма слабыми, но въ дѣйствительности они очень прочны, такъ какъ оба народа соединяетъ общность происхожденія. Въ этомъ, пожалуй, заключается одна изъ главныхъ силъ Англіи, дозволяющихъ ей реализировать то, что на первый взглядъ представляется совершенно парадоксальнымъ—прочное единеніе независимыхъ государствъ, причемъ объединяющая

власть воплощается въ личности главы государства, имѣющей чисто декоративное значеніе. Но одно общее чувство связываетъ всѣхъ разбросанныхъ по разнымъ частямъ свѣта членовъ Британской имперіи—это горделивое сознаніе своей принадлежности къ одной великой англосаксонской семьѣ.

Новая школа во Франціи и общество соціальнаго воспитанія. Около двухъ лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ появилась книга подъ любопытнымъ заглавіемъ: «Въ чемъ заключается превосходство англосаксонцевъ». Авторъ этой книги Демоленъ доказывалъ, что превосходство англосаксонской расы надъ другими расами заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ школьномъ и домашнемъ воспитаніи, физическомъ, нравственномъ и интеллектуальномъ. Книга, конечно, вызвала сенсацію и много толковъ въ печати о необходимости школьной реформы. Переходя отъ теоріи къ практикѣ Демоленъ, вслѣдъ затѣмъ, написалъ новую книгу: «L'Ecole nouvelle»», въ которой сообщалъ объ открытіи новой французской школы, въ основу которой будутъ заложены методы и принципы нѣкоторыхъ англійскихъ школъ. Онъ говорилъ въ своей книгѣ, что недостаточно ввести реформы, въ системѣ обученія, необходимо произвести такія же реформы и въ школьномъ режимѣ и даже въ семейномъ воспитаніи. Демоленъ объявилъ, что онъ сдѣлаетъ опытъ осуществить свои идеи въ своей новой школѣ «Ecole des Roches», объ открытіи которой онъ увѣдомлялъ своихъ читателей. Недавно сотрудникъ одной большой парижской газеты посѣтилъ эту школу, находящуюся въ трехъ километрахъ отъ Вернейля, въ Эрскомъ департаментѣ (Eure), по линіи Жанвиль, и сообщилъ о ней весьма любопытныя свѣдѣнія. О результатахъ опыта говорить еще рано, потому что школа существуетъ не полныхъ два года и высшіе классы еще не устроены, но въ школу постоянно присылаются запросы изъ разныхъ мѣстъ и низшіе классы переполнены, такъ что пришлось значительно увеличить помѣщеніе.

Общество, во главѣ котораго стоитъ Демоленъ, купило сначала маленькій замокъ Des Roches съ 40 гектарами земли. Но вскорѣ помѣщенія въ замкѣ оказалось недостаточно. На разстояніи трехсотъ метровъ отъ замка выстроили прекрасное и большое зданіе, предназначающееся для дѣтей старшаго возраста, а затѣмъ пришлось построить отдѣльный домъ для классовъ, съ огромною центральною залой, часовней и маленькою театральною сценой. Теперь и этого недостаточно и строятъ новые дома, такъ что вскорѣ вся эта мѣстность представитъ маленькій школьный городокъ. Но организаторы школы твердо придерживаются принципа избѣгать скученности, казарменнаго вида и т. п. Всѣ домики, гдѣ помѣщаются ученики, имѣютъ необыкновенно веселый привѣтливый видъ. Они выстроены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и поэтому изобилуютъ воздухомъ и свѣтомъ. Живущіе въ домѣ составляютъ семью. Хозяйствомъ завѣдуетъ женщина; профессора и ученики имѣютъ свои отдѣльныя спальни или дортуары, но обѣдаютъ вмѣстѣ въ общей залѣ, не имѣющей, однако, казеннаго вида столовыхъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«Я видѣлъ профессоровъ и учениковъ, — разсказываетъ французскій журналистъ,—я разговаривалъ съ ними, завтракалъ съ ними за однимъ столомъ и присутствовалъ при ихъ играхъ. Я осмотрѣлъ все помѣщеніе, отъ погреба до чердака и вернулся въ полномъ восторгѣ какъ отъ матеріальнаго устройства школы, такъ и отъ ея физическаго и нравственнаго режима и метода обученія».

«Мы стремимся воспитать людей изъ нашихъ учениковъ въ возможно скоромъ времени,—сказалъ мнѣ Демоленъ.—Мы не хотимъ выпускать въ жизнь юношей, которые, въ сущности, ничто иное, какъ взрослые дѣти. Очень часто семейное воспитаніе наноситъ первый вредъ ребенку, заглушая въ немъ всякое свободное проявленіе его воли, такъ какъ молчаніе, покорность и непо-

движность часто считаются доказательствомъ хорошаго воспитанія. Мы же доставляемъ ребенку полную свободу, поскольку это совмѣстимо съ приличнымъ поведеніемъ. Мы хотимъ воспитать сильныхъ, здоровыхъ и выносливыхъ людей, у которыхъ былъ бы очень развитъ духъ иниціативы и всѣ необходимыя качества для жизненной борьбы. Девизъ нашей школы: «Bien armés pour la vie» (хорошо вооруженные для жизни) и мы стараемся, чтобы онъ не былъ пустымъ звукомъ».

Дѣйствительно Демоленъ заботится о томъ, чтобы его ученики не имѣли недостатка ни въ воздухѣ, ни въ физическихъ упражненіяхъ, чтобы пища у нихъ была хорошая и они спали достаточно. Онъ пріучаетъ ихъ къ перемѣнамъ температуры, къ непогодѣ и закаляетъ ихъ организмъ, дѣлая ихъ менѣе воспріимчивыми къ простудѣ. Утромъ, покинувъ постель, они отправляются подъ душъ и второй душъ принимаютъ въ четыре часа послѣ игры въ мячъ. Дѣти въ извѣстныхъ границахъ пользуются полною свободою, могутъ ходить куда угодно съ непокрытою головою. Дортуары не отапливаются и на ночь открываются форточки, но классы, залы и корридоры всѣ отапливаются, за то вентиляція въ нихъ превосходная и воздуху много. Все утро посвящено занятіямъ и ученики перемѣняютъ классъ каждый часъ. Послѣ завтрака, они работаютъ въ саду, въ столярныхъ мастерскихъ и играютъ въ мячъ, и такъ до четырехъ часовъ. Послѣ этого они опять возвращаются въ свои классы, обѣдаютъ и затѣмъ, пользуются своимъ свободнымъ временемъ какъ хотятъ, до того, пока ложатся спать.

Исходя изъ того принципа, что знаніе живыхъ языковъ, полезнѣе знанія латыни и греческаго, директоръ школы обращаетъ особенное вниманіе на преподаваніе англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Эти языки преподаютъ во всѣхъ классахъ, а латынь и греческій, только начиная съ третьяго класса. Во время рекреацій всегда разговариваютъ на иностранномъ языкѣ, а за обѣдомъ, за однимъ столомъ, гдѣ предсѣдательствуетъ англійскій учитель, говорятъ только по-англійски, а за другимъ, только по-нѣмецки, такъ какъ тамъ сидитъ нѣмецкій учитель. За каждую сдѣланную ошибку ученикъ уплачиваетъ по одному су и изъ такихъ штрафовъ образуется фондъ, который поступаетъ въ распоряженіе учениковъ.

Что касается греческаго и латыни, то эти языки преподаются совсѣмъ иначе, чѣмъ въ прочихъ классическихъ школахъ. «Мы имѣемъ дерзость думать, что мы можемъ научить нашихъ учениковъ латыни и греческому языку въ одинъ годъ,—сказалъ Демоленъ. Съ этою цѣлью мы обращаемся съ этими мертвыми языками, какъ съ живыми. Дѣти учатъ слова и затѣмъ съ ними разговариваютъ по-гречески и по-латыни, они дѣлаютъ переводы, читаютъ и имъ стараются разъяснить, въ чемъ заключается красота языка и стиля. Успѣхи, сдѣланные нашими учениками въ такой короткій срокъ, указываютъ, до какой степени безполезно заставлять ихъ корпѣть надъ латынью и греческимъ въ теченіе стольких лѣтъ! Взамѣнъ этого мы преподаемъ имъ математику, естественныя науки, а въ высшихъ классахъ они будутъ обучаться земледѣлію и сельскому хозяйству, счетоводству и коммерческимъ наукамъ, вмѣстѣ съ коммерческою географіею».

Журналистъ посѣтилъ классы и нашелъ, что методъ преподаванія въ Ecole des Roches также совсѣмъ особенный. Никакой учительской каѳедры въ классахъ не существуетъ. Учитель переходитъ отъ одного ученика къ другому, разъясняетъ, спрашиваетъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ ученики поняли то, что онъ говоритъ. Почти всѣ уроки приготовляются въ классѣ, а не послѣ класса. Наказанія примѣняются рѣдко, да и то все наказаніе заключается лишь въ томъ, что ученикъ долженъ просидѣть въ теченіе десяти минутъ во

время рекреаціи. Впрочемъ, ученики сами заботятся о томъ, чтобы не навлечь на себя такого взысканія.

Демоленъ смѣло примѣнилъ свои идеи на практикѣ и вступилъ на новый путь, порвавъ съ прежними педагогическими традиціями. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже будетъ имѣть право, опираясь на результаты своего опыта, говорить о полной несостоятельности общепринятой педагогической системы и о необходимости ея полнаго преобразованія. Во всякомъ случаѣ, судя по началу, его «школѣ двадцатаго столѣтія» можно предсказать успѣхъ.

Въ Парижѣ происходило недавно очень многолюдное собраніе членовъ общества соціальнаго воспитанія (Société pour l'éducation sociale). На послѣднемъ конгрессѣ общества постановлено было устраивать періодически собранія для того, чтобы поддерживать постоянныя сношенія между членами общества во Франціи и за границей и объединить ихъ всѣхъ въ общей работѣ. Дѣйствительно это первое собраніе, состоявшееся послѣ конгресса, происходившаго въ октябрѣ, носило объединяющій характеръ, такъ какъ въ залѣ собрались представители самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ условій. Тутъ были профессора, учителя, промышленники, рантьеры, рабочіе, артисты и т. д. И всѣ оживленно бесѣдовали между собою, пока президентъ общества Леонъ Буржуа не объявилъ собраніе открытымъ.

Въ своей рѣчи Леонъ Буржуа предложилъ собранію прежде всего установить способъ дѣйствія для реализаціи тѣхъ идей, которыя должны быть основой всякой соціальной организаціи. Средствами для распространенія въ массѣ правильныхъ понятій и укрѣпленія принципа солидарности, Буржуа считаетъ преподаваніе, печать и искусство. Кромѣ того онъ предложилъ собранію учредить секцію практическихъ примѣненій, на обязанности которой должно быть изысканіе способовъ болѣе правильной организаціи труда и устраненія кризисовъ, парализующихъ дѣятельность рабочихъ.

Съ большимъ жаромъ Буржуа говорилъ о человѣческой солидарности и о томъ, что сознаніе этой солидарности развивается путемъ воспитанія въ душѣ человѣка, поэтому, соціальное воспитаніе имѣетъ громадное значеніе. Художники, артисты и писатели, сдѣлавшіеся членами общества, могутъ оказать ему въ этомъ отношеніи громадную услугу. Въ ихъ рукахъ заключается могущественное средство дѣйствовать на душу человѣка. Пусть же они соединятъ свои усилія въ одномъ общемъ стремленіи къ идеалу, т. е. такимъ соціальнымъ условіямъ, которыя были бы одинаковы для всѣхъ.

Послѣ преній, вызванныхъ рѣчью Буржуа, собраніе вотировало резолюцію относительно учрежденія трехъ секцій, которыя должны раздѣлить между собою работу общества. Періодическая печать, литература и искусства составляютъ первую секцію, делегатомъ которой выбраны Жофруа, Феликсъ Альканъ и Тьебо. Дѣятельность этой секціи будетъ заключаться въ распространеніи здравыхъ соціальныхъ понятій, въ созданіи общаго соціальнаго идеала, путемъ печати и литературы и въ развитіи здоровыхъ и высшихъ эмоцій въ душѣ человѣка посредствомъ произведеній искусства. Вторая секція будетъ дѣйствовать посредствомъ устройства курсовъ и чтеній. Делегатами ея избраны Бюиссонъ, Дарлю и Шарль Жидъ. Къ третьей относится все, что касается организаціи труда, помощи и страхованія рабочихъ. Эта секція самая многочисленная, такъ какъ въ нее избрали двойное число делегатовъ, служащихъ представителями самыхъ различныхъ элементовъ общества. «Постараемся произвести переворотъ въ умахъ—сказалъ Буржуа въ заключительной рѣчи.—Заставимъ всѣхъ желать и стремиться только къ справедливости и тогда наша задача будетъ выполнена!»

Арнольдъ Бэклинъ *). Искусство лишилось одного изъ своихъ замѣчательныхъ представителей: 16-го (3-го) января въ маленькомъ живописномъ городкѣ Фіезоле въ окрестностяхъ Флоренціи, умеръ на 73-мъ году своей жизни знаменитый художникъ Арнольдъ Бэклинъ. Онъ давно уже страдалъ болѣзнью сердца, но его крѣпкій организмъ долго боролся съ болѣзненными припадками и не поддавался имъ.

Бэклинъ родился въ Базелѣ 16-го октября 1827 года. Родители его были зажиточные купцы, но разорились и въ теченіе долгихъ лѣтъ Бэклину пришлось терпѣть лишенія и по временамъ тяжелую нужду. Кончивъ курсъ въ Базельской классической гимназіи, онъ отправился въ Дюссельдорфъ, гдѣ и получилъ первое художественное образованіе, а оттуда въ Мюнхенъ. Но всю жизнь Бэклинъ постоянно кочевалъ съ мѣста на мѣсто, отчасти изъ любви къ свободѣ и независимости, отчасти по необходимости, такъ какъ нигдѣ ему не удавалось устроиться такъ, чтобы жить безбѣдно, особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ женился на красивой римлянкѣ, до того ревнивой, что она никогда не позволяла ему прибѣгать къ какимъ-либо другимъ моделямъ, кромѣ нея самой, такъ что всѣ женскія фигуры на своихъ картинахъ онъ всегда рисовалъ съ нея.

Бэклинъ поселился во Флоренціи въ 1876 г. и проживъ девять лѣтъ, опять уѣхалъ въ Цюрихъ, откуда вернулся во Флоренцію въ 1892 г. и уже больше не выѣзжалъ оттуда. Почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни Бэклинъ терпѣлъ нужду, такъ какъ репутація его какъ замѣчательнаго художника, установилась сравнительно недавно, лѣтъ 16—17 тому назадъ. Ранѣе этого времени картинъ его не признавали; онъ поражалъ смѣлостью своего замысла, своимъ художественнымъ размахомъ и удивительнымъ колоритомъ своихъ картинъ, художественная критика относилась къ нему скептически и картины его оставались непроданными. Между тѣмъ, жить было нужно и Бэклинъ былъ очень счастливъ, когда одинъ молодой продавецъ картинъ въ Берлинѣ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ обязывался поставлять этому продавцу ежегодно извѣстное число картинъ за извѣстную опредѣленную сумму. Такой договоръ, конечно, ставилъ художника въ очень тяжкія условія для работы, но отчасти этому мы обязаны, что Бэклинъ оставилъ послѣ себя такую массу кроизведеній. Надо впрочемъ сказать, что продавецъ картинъ, заключившій такой договоръ съ Бэклинымъ и такъ эксплуатировавшій его, былъ убѣжденнымъ поклонникомъ его таланта, хотя онъ долго не рѣшался выставлять картинъ Бэклина въ своемъ магазинѣ, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы ихъ осмѣяли.

Замѣчательно то, что Бэклинъ, повидимому не интересовавшійся ничѣмъ кромѣ своего искусства, съ юныхъ лѣтъ мечталъ объ изобрѣтеніи летательнаго аппарата. Эту мечту онъ не оставилъ и въ зрѣломъ возрастѣ и нѣсколько разъ пробовалъ осуществить ее. Его проектъ летательнаго аппарата былъ даже подвергнутъ испытанію въ берлинскомъ генеральномъ штабѣ. Въ Берлинѣ Бэклинъ случайно познакомился съ Гельмгольцемъ и, конечно, тотчасъ же принялся разговаривать съ нимъ о своей идеѣ и излагать теорію своего летательнаго аппарата. Гельмгольцъ изъ вѣжливости слушалъ его со вниманіемъ, но, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, это стоило ему не малаго труда, такъ какъ все, что говорилъ Бэклинъ, казалось ему до такой степени дѣтски наивнымъ, ненаучнымъ. Но художникъ все-таки заинтересовалъ его и придя домой Гельмгольцъ попробовалъ провѣрить его теорію научнымъ образомъ. Къ величайшему изумленію, научный анализъ подтвердилъ толкованія Бэклина и его теорію летанія.

Однако, все-таки идея Бэклина потерпѣла неудачу, когда онъ вздумалъ

*) О Бекликѣ см. «Міръ Божій», 1899 г., апрѣль, ст. «Арнольдъ Беклинъ».

осуществить на практикѣ, а главное поглотила массу денегъ, которыхъ вообще у художника было немного, и Бэклину пришлось бросить сооруженіе летательныхъ аппаратовъ, которыя «не хотятъ летать», и усиленно начать работать кистью.

Въ настоящее время существуетъ уже цѣлая литература о Бэклинѣ, а картины его разсѣяны по различнымъ частнымъ коллекціямъ, художественнымъ музеямъ и картиннымъ галлереямъ. Сколько онъ оставилъ послѣ себя произведеній, въ точности неизвѣстно. Насчитываютъ до трехсотъ картинъ самаго разнообразнаго содержанія: миѳологическіе сюжеты, морскіе пейзажи, ландшафты, аллегоріи, картины символическаго содержанія, портреты, веселые и серьезныя сюжеты, все это воспроизводилось его кистью. Онъ былъ не только живописцемъ, но и скульпторомъ и даже въ началѣ своей карьеры колебался чему отдать свое предпочтеніе, скульптурѣ или живописи. Вообще онъ отличался удивительною многосторонностью не только своего таланта, но и знаній. Онъ много читалъ и обладалъ удивительною памятью и всегда говорилъ, что художникъ долженъ быть всесторонне образованнымъ человѣкомъ, такъ какъ только тогда онъ будетъ настоящимъ творцомъ, а не простымъ подражателемъ природы. Бэклинъ именно и былъ такимъ творцомъ, обогатившимъ міръ совершенно новыми взглядами на искусство.

Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько неоконченныхъ картинъ, изъ которыхъ самая замѣчательная «Чума» и новое продолженіе его знаменитой «Игры волнъ». Уже совсѣмъ больной, онъ говорилъ окружающимъ: «Ахъ, у меня еще такъ много картинъ въ головѣ!..» Но онъ ихъ не успѣлъ передать полотну.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Антимилиратизмъ въ Германіи.—Современный китайскій романъ.— Новый переворотъ въ промышленности.

Милитаризмъ, доведенный до крайности въ своемъ отечествѣ—Германіи, конечно, долженъ былъ вызвать противоположное движеніе. Антимилитаризмъ, какъ говоритъ Луи Форе въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Revues des Revues», гораздо болѣе развитъ въ Германіи, нежели во Франціи и породилъ даже цѣлую спеціальную литературу. Рядомъ съ изданіями разныхъ ассоціацій мира, весьма умѣренными по формѣ, существуетъ множество книгъ и брошюръ, часто поражающихъ смѣлостью своихъ нападокъ на злоупотребленія милитаризма, и притомъ вышедшихъ изъ подъ пера философовъ, публицистовъ, политиковъ, а иногда просто обыкновенныхъ гражданъ, недовольныхъ порядкомъ вещей. Конечно, большинство этихъ произведеній преслѣдуется, конфискуется и уничтожается германскими властями, но это не мѣшаетъ имъ расти какъ грибы и распространяться повсюду. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ, по словамъ Луи Форе, прекрасно написанная книга «Der Militarismus im deutschen Reich». Авторъ ея подписался «нѣмецкимъ историкомъ», но это никто иной какъ профессоръ Квидде изъ Мюнхенскаго университета, издавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣлавшій столько шуму знаменитый сатирическій памфлетъ «Калигула». Но въ своемъ новомъ трудѣ профессоръ Квидде воздержался отъ всякаго полемическаго задора, рѣзкости и увлеченія и обсуждаетъ вопросъ о милитаризмѣ, какъ безпристрастный философъ и ученый.

По его словамъ, германскій милитаризмъ тѣмъ особенно непріятенъ культурнымъ классамъ, что онъ допускаетъ систематическое и незаконное вмѣшательство военныхъ въ гражданскую жизнь народа. Благодаря престижу мундира, очень часто военные назначаются на такія должности, для которыхъ они

совершенно не годятся. При закладкѣ зданія новаго рейхстага гражданскіе классы были совершенно отодвинуты на задній планъ военными, а президентъ рейхстага Левецовъ долженъ былъ нарядиться для этой цѣли въ мундиръ офицера территоріальной арміи. Гражданское общество справедливо сочло себя обиженнымъ такимъ попраніемъ своихъ правъ и даже самые благонамѣренные люди были недовольны. Конечно, антимилитаристы въ Германіи не замедлили воспользоваться этимъ инцидентомъ, чтобы еще разъ подчеркнуть эту скромную, чтобы не сказать больше, роль, которую играли депутаты рейхстага во время этой церемоніи. Одинъ изъ депутатовъ даже воскликнулъ при этомъ: «Право можно подумать, что офицеры явились на закладку своего клуба, а никакъ не рейхстага. Депутаты тутъ являются какою-то «пятою спицей въ колесницѣ». Милитаризмъ поглотилъ все пространство».

Вотъ это явное злоупотребленіе своими правами, постоянное воспѣваніе милитаризма и внѣдреніе его во всѣ области гражданской жизни и были причиною развитія антимилитаризма въ Германіи, Германскій пролетаріатъ ненавидитъ милитаризмъ, но не вслѣдствіе идеи всемірной справедливости и братства, во имя которой дѣйствуютъ различныя ассоціаціи мира, а по причинѣ тѣхъ непріятностей, которыя доставляетъ ему духъ милитаризма на каждомъ шагу его жизни. Въ казармахъ, во время обязательной службы, онъ терпитъ всевозможныя притѣсненія и дурное обращеніе. Когда въ 1891 г. саксонскій принцъ издалъ свой знаменитый приказъ, разоблачающій порядки германской арміи и ужасающее обращеніе, которое терпятъ солдаты, то въ Германіи это возбудило страшный шумъ. Печать кипѣла негодованіемъ, въ особенности тѣ газеты, которыя отлично знали всѣ эти факты и раньше, но только теперь стали возмущаться и кричать о нихъ. Но было бы напрасно думать, что послѣ этого подобнаго рода случаи дурного обращенія, на которые указываетъ принцъ саксонскій, сдѣлались невозможными въ германской арміи. Въ антимилитаристской литературѣ постоянно выводятся на свѣжую воду все новые и новые факты, и ненависть къ милитаризму растетъ и развивается въ самыхъ нѣдрахъ германскаго народа.

Въ томъ же номерѣ «Revue des Revues» напечатана статья о современномъ китайскомъ романѣ. Написать исторію этого романа очень трудно, такъ какъ матеріалы очень разбросаны и не существуетъ никакого указателя китайской беллетристической литературы. Ученый же китаецъ, по словамъ автора статьи о китайскомъ романѣ, считаетъ для себя постыднымъ читать легкомысленныя произведенія и потому отъ него нельзя ожидать никакихъ свѣдѣній о современной китайской беллетристикѣ. А между тѣмъ по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что китайская романическая литература довольно обильна. Единственнымъ указателемъ въ этомъ отношеніи, могущимъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія, служитъ «указатель запрещенныхъ романовъ», помѣщенный въ «Notes on Chinese Litterature» (by Wylie). Въ этомъ спискѣ заключается не болѣе не менѣе какъ 137 произведеній, подвергшихся запрещенію. Нѣкоторые изъ этихъ романовъ въ Китаѣ считаются произведеніями генія, таковы, напримѣръ: «Исторія трехъ королевствъ», «Экскурсія на Западъ», «Сонъ въ красной комнатѣ», «Исторія апоѳеоза духовъ» и многіе другіе. Всѣ эти шедервы беллетристической китайской литературы раздѣляются на три разряда, романы историческіе, романы миѳическіе и романы сентиментальные. Къ первому разряду принадлежитъ «Исторія трехъ королевствъ» (Jan Kuo Tzu), считающаяся самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ произведеній этого рода. Авторъ этого романа Ло-Куанъ-Чунгъ не написалъ ничего другого, но этимъ произведеніемъ, въ которомъ онъ соединяетъ историческую правду съ полетомъ своей фантазіи, стяжалъ себѣ безсмертное имя. Китайцы считаютъ его произведеніе образцомъ

*

стиля. Большинство описываемыхъ въ этомъ произведеніи событій и лицъ существовали въ дѣйствительности. Этотъ романъ авторъ называетъ «Иліадой» китайцевъ; въ немъ обрисовывается мудрость и героизмъ, высшая стратегія и сила духа народа.

Къ второму типу романовъ, миѳическому, принадлежитъ «Апоѳеозъ духовъ» и «Экскурсія на Западъ». Этотъ родъ литературы очень распространенъ въ Китаѣ и составляетъ главный источникъ китайскаго фольклора. Третій, сентиментальный родъ, представляетъ описаніе любовной интриги, весьма сложной и переполненной всякаго рода стратагемами, измѣнами, неожиданными приключеніями, недоразумѣніями и т. п. Все это представляетъ вмѣстѣ такую путаницу, такой хаосъ, въ которомъ можно разобраться только съ превеликимъ трудомъ. Но китайская современная литература уже многое заимствовала у европейской и ея послѣднія произведенія проникнуты самымъ грубымъ реализмомъ и порнографіей, отъ которыхъ она раньше была совершенно свободна.

Въ американскомъ журналѣ «World's Work» напечатана статья о новомъ промышленномъ переворотѣ, который начался къ концу XIX столѣтія и долженъ совершиться въ XX вѣкѣ. Въ прошломъ столѣтіи огромный переворотъ въ промышленности произвело открытіе паровыхъ двигателей и результатомъ этого явились громадныя фабрики и переполненіе городовъ сельскимъ населеніемъ. Въ началѣ же XX вѣка наступаетъ въ промышленности новый переворотъ, знаменующій иное отношеніе къ человѣческой рабочей силѣ. Машинное производство продолжаетъ совершенствоваться и открываются все новые источники двигательной силы, но теперь уже мало-по-малу приходятъ къ убѣжденію, что человѣкъ представляетъ изъ себя самую лучшую и тонкую машину, работа которой можетъ быть очень производительной и можетъ совершенствоваться до безконечности. Но для того, чтобы извлечь наибольшія выгоды изъ человѣческаго труда, нужно, чтобы этотъ трудъ былъ обставленъ наилучшими условіями. Моралисты давно уже проповѣдуютъ это и изданные разными правительствами фабричные законы имѣютъ именно это въ виду. Мало-по-малу и сами работодатели начинаютъ проникаться сознаніемъ, что забота о рабочихъ и улучшеніе ихъ быта не только нужны во имя высшихъ принциповъ нравственности и политическихъ соображеній, но и прямо выгодны для нихъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ американскими фабрикантами, органы американскихъ капиталистовъ въ настоящее время постоянно говорятъ о тѣхъ важныхъ коммерческихъ преимуществахъ, которыя доставляютъ хорошее обращеніе съ рабочими и довѣріе къ нимъ. Рабочій, получающій хорошую плату и обставленный лучшими условіями жизни, чѣмъ его товарищи на другой фабрикѣ, всегда будетъ работать лучше. Въ Англіи также начинаютъ постепенно проникаться сознаніемъ, что прямая выгода фабриканта заключается въ томъ, чтобы хорошо обращаться со своими рабочими, такъ какъ нерадѣніе о нихъ часто ведетъ къ банкротству. Авторъ статьи предвидитъ въ двадцатомъ вѣкѣ очень важныя соціальныя перемѣны въ этомъ направленіи, такъ какъ, по его мнѣнію, даже введеніе машиннаго производства не могло произвести столь большихъ измѣненій, какія вызоветъ примѣненіе гуманныхъ принциповъ къ фабричному дѣлу.

Воззрѣнія эти подтверждаются нѣкоторыми фактами изъ американской фабричной жизни. Около тридцати фабрикъ въ Кливилэндѣ, Питсбургѣ, Дайтонѣ и Огіо ввели у себя различныя улучшенія быта своихъ рабочихъ. На одной изъ фабрикъ Кливилэндѣ, для того, чтобы рабочіе не ходили домой завтракать, устроена для нихъ прекрасная столовая и недавно открыта библіотека. Другіе заводы послѣдовали этому примѣру и на одномъ изъ нихъ рабочіе даже получаютъ даромъ чай и кофе и только за остальное должны платить. Надсмотр-

щики и управляющіе завтракаютъ вмѣстѣ съ рабочими, зачастую туда же приходятъ и хозяева фабрикъ и это способствуетъ сближенію между рабочими и работодателями. Одна изъ американскихъ промышленныхъ компаній въ Кливилэндѣ предлагаетъ даже премію за лучшій проектъ, касающійся улучшенія быта рабочихъ.

Въ Дайтонѣ прилагаются большія старанія къ тому, чтобы сдѣлать даже наружный видъ фабрики болѣе привлекательнымъ и съ этою цѣлью мастерскія окружены цвѣтниками, виноградниками и т. п., а передъ заводомъ разстилается прекрасный зеленый лугъ. Фабричныя зданія также улучшаются и внѣшній видъ ихъ уже не такой угрюмый, какъ прежде. Въ мастерскихъ продѣланы большія окна, пропускающія много свѣта и всѣ зданія выкрашены въ свѣтлую краску. Рабочіе пользуются безплатно ваннами и лѣкарствами. Рабочіе часы сокращены для мужчинъ до $9^1/_2$ часовъ, а для женщинъ до 8 ч., несмотря на это производительность даже повысилась за послѣднее время.

Въ южномъ лондонскомъ округѣ, въ одномъ фабричномъ предмѣстьи, извѣстномъ подъ названіемъ «Hidertown», былъ сдѣланъ замѣчательный опытъ. Населеніе этого предмѣстья принадлежитъ къ самымъ бѣднѣйшимъ классамъ и ютилось до сихъ поръ въ самыхъ невозможныхъ лачужкахъ. Конечно, едва имѣя необходимое, обитатели этихъ лачужекъ не заботились о томъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе привлекательными для житья; когда мѣстность эта была переименована въ «South Park», то предложены были преміи, доходящіе до 250 долларовъ въ годъ за лучшее устройство садиковъ, дворовъ и исправленіе домовъ, въ которыхъ жили рабочіе. Чтобы заинтересовать рабочихъ въ этихъ улучшеніяхъ были устроены публичныя лекціи съ туманными картинами, показывавшими имъ, какъ надо приступить къ дѣлу и чего можно достигнуть. И въ результатѣ «South Park» теперь начинаетъ оправдывать свое названіе. Видъ мѣстности совершенно измѣнился, появилась зелень, виноградники, цвѣтники и главная улица, которая ведетъ къ фабрикѣ, считается теперь одною изъ самыхъ красивыхъ улицъ,—такъ привѣтливо выглядываютъ изъза зелени и цвѣтовъ хорошенькіе чистенькіе домики, окруженные палисадниками.

Компанія пріобрѣла коттеджъ, гдѣ помѣщаютст всякаго рода союзы и клубы, устроенъ и дѣтскій садъ, воскресная школа и т. д. По словамъ автора, фабрика совершенно измѣнила свой внѣшній видъ и превратилась въ то, что теперь называютъ «Social Settlement».

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ниже мы помѣщаемъ крайне интересную статью проф. *И. Мечникова*, одного изъ директоровъ Пастеровскаго института въ Парижѣ, рисующую намъ современное состояніе вопроса объ *иммунитетѣ*. Редакція сочла небезполезнымъ—съ одной стороны сдѣлать къ этой статьѣ нѣкоторыя примѣчанія и предпослать небольшое введеніе, выясняющее читателю, что такое инфекціонныя болѣзни и иммунитетъ, съ другой—опустить нѣкоторыя мѣста данной статьи, интересныя и понятныя только для спеціалистовъ.

I.

Инфекціонными заразными болѣзнями называютъ такія, которыя являются слѣдствіемъ вторженія паразитическихъ организмовъ, болѣе или менѣе повреждающихъ тѣло своихъ хозяевъ и существующихъ на счетъ составныхъ частей этого тѣла. Самую крупную роль между возбудителями инфекціонныхъ болѣзней играютъ *бактеріи*, которыя производятъ важнѣйшія заразныя болѣзни: туберкулезъ, дифтеритъ, холеру, бубонную чуму, сапъ, рожу и т. д. Бактеріями называютъ группу мельчайшихъ одноклѣточныхъ организмовъ, которыя въ физіологическомъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ, стоятъ близко къ грибамъ и размножаются дѣленіемъ. Какъ синонимъ слова бактеріи употребляютъ также названіе микробы. Въ болѣе широкомъ смыслѣ къ микробамъ причисляютъ еще различныя плѣсени, дрожжевые грибки и нѣкоторыя изъ низшихъ водорослей. Съ другой стороны существуютъ также и животные паразиты, какъ, напр., низшія Protozoa—возбудители маляріи и нѣкоторые глисты, какъ, напр., трихины. Болѣзни, вызываемыя различными бактеріями, различны, смотря по роду бактерій—опредѣленная болѣзнь вызывается только опредѣленнымъ, специфическимъ видомъ бактерій. По отношенію къ каждому виду паразитовъ имѣются «воспріимчивые» и «невоспріимчивые» виды животныхъ. Такъ, мыши и крысы очень невоспріимчивы къ дифтериту, собаки къ сибиреязвенной бациллѣ, лошади къ брюшному тифу, морскія свинки чрезвычайно воспріимчивы къ туберкулезу и т. д. Болѣзнь, вызванная вслѣдствіе введенія въ организмъ опредѣленнаго болѣзнетворнаго микроба, можетъ принимать различныя формы, въ зависимости отъ возраста животнаго, состоянія его до зараженія, внѣшнихъ условій послѣ зараженія, а также отъ качества и количества заразнаго матеріала.

Вступленіе возбудителей болѣзни въ организмъ можетъ происходить различными путями: черезъ ротъ и пищеводъ—въ желудокъ и кишечникъ, съ воздухомъ въ легкія, наконецъ, черезъ мѣста, гдѣ нарушена цѣлость кожи или слизистыхъ оболочекъ. Приэтомъ, напр., холерная запятая можетъ произвести

свое болѣзнетворное дѣйствіе лишь со стороны кишечника, будучи же введена въ подкожную клѣтчатку человѣка, вызываетъ только незначительныя, быстро исчезающія разстройства. Наоборотъ, сибиреязвенная бацилла, можетъ быть проглочена безъ дурныхъ послѣдствій для организма, со стороны же подкожной клѣтчатки, вызываетъ злокачественную, часто ведущую къ смерти, сибирскую язву. Есть паразиты, въ нѣсколько часовъ убивающіе своего хозяина, (бактеріи куриной холеры у птицъ и у кроликовъ), но съ другой стороны есть много возбудителей инфекціи, каковы, напр., трихины или бациллы проказы и отчасти бугорчатки, которые могутъ десятки лѣтъ жить въ организмѣ, не убивая его. На ряду съ паразитами, которые поселяются на короткое время въ одномъ пунктѣ хозяина и отсюда производятъ свое болѣзнетворное дѣйствіе (какъ, напр., бациллы столбняка), существуютъ другіе микробы, которые распространяются по всему тѣлу (спириллы возвратнаго тифа, гноекровія—піэміи и др.), и тогда вызываютъ болѣзненныя явленія. Наконецъ, есть бактеріи, которыя проявляютъ свое болѣзнетворное дѣйствіе посредствомъ образованія особыхъ ядовитыхъ веществъ, такъ назыв. *токсиновъ*. Дѣйствіе этихъ, химически еще не вполнѣ опредѣленныхъ, страшныхъ специфическихъ ядовъ носятъ печать настоящаго отравленія, очень близкаго къ дѣйствію нѣкоторыхъ растительныхъ и животныхъ ядовъ (змѣй, скорпіона). Но въ большинствѣ случаевъ въ зараженіи принимаютъ участіе и бактеріи и токсины.

Всякая болѣзнь, произведенная специфическимъ микробомъ, заразна; заразное начало какимъ-либо путемъ проникаетъ въ тѣло. *Контагіозными* (прилипчивыми) называютъ такія болѣзни, при которыхъ заразное начало обыкновенно выдѣляется изъ зараженнаго организма въ состояніи, способномъ къ зараженію другихъ организмовъ, такъ что оно, при помощи ли воздуха (напр., при оспѣ), или чрезъ посредство опредѣленныхъ предметовъ, къ которымъ пристало (напр., при холерѣ) переносится въ новый организмъ и заражаетъ его. Не контагіозна (не прилипчива), напр., малярія, такъ какъ заразное начало не выдѣляется здѣсь изъ тѣла въ состояніи, способномъ къ зараженію, и потому одинъ человѣкъ отъ другого маляріей заразиться не можетъ. Но и въ неконтагіозныхъ болѣзняхъ возможно искусственно перенести заразу отъ одного человѣка на другого и заразить здороваго; въ частности,—при маляріи это происходитъ путемъ внесенія въ кровь здороваго крови больного, благодаря, напримѣръ, укусамъ комаровъ.

До сихъ поръ не удалось еще найти возбудителя всѣхъ заразныхъ болѣзней. Про возбудителей кори, скарлатины, сыпного тифа, оспы, собачьяго бѣшенства, желтой лихорадки, коклюша, трахомы, чумы рогатаго скота и пр.,—еще ничего не извѣстно. И все-таки при этихъ болѣзняхъ должны быть микроорганизмы, производящіе ихъ.

Инфекціонныя болѣзни распространены не только у высшихъ организмовъ, но обнаружены и у одноклѣточныхъ животныхъ и растеній.

Мы уже упоминали выше, что по отношенію къ данному виду микробовъ организмъ можетъ быть «воспріимчивымъ» или «невоспріимчивымъ». Невоспріимчивость организма къ заразнымъ болѣзнямъ носитъ названіе *иммунитета*. Иммунитетъ можетъ проявляться какъ по отношенію къ микробамъ, какъ и къ ихъ токсинамъ.

Оба рода иммунитета—къ ядамъ и къ микробамъ—являются или прирожденнымъ свойствомъ даннаго вида,—такъ называемый «*естественный иммунитетъ*» (напр., существуютъ животныя совершенно невоспріимчивыя къ проказѣ, скарлатинѣ), или же невоспріимчивость является слѣдствіемъ приспособленія организма къ данной заразной болѣзни—можетъ быть пріобрѣтена, благодаря предварительному перенесенію болѣзней (человѣкъ, разъ перенесшій скарлатину, въ большинствѣ случаевъ становится невоспріимчивъ къ ней на

всю жизнь — такъ наз. *пріобрѣтенный иммунитетъ*), благодаря передачѣ естественно пріобрѣтеннаго такимъ путемъ иммунитета отъ матери къ плоду, или, наконецъ, благодаря искусственнымъ пріемамъ (такъ наз. *искусственно-пріобрѣтенный иммунитетъ*). Уже прошло болѣе 100 лѣтъ, какъ Дженнеръ началъ примѣнять предохранительную прививку людямъ коровьей оспы. Но значительныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи достигли только со времени выясненія Давэномъ и Кохомъ роли микробовъ при заразныхъ болѣзняхъ и открытія Пастеромъ и его сотрудниковъ предохранительныхъ прививокъ животнымъ культуръ ослабленныхъ бактерій (куриной холеры, сибирской язвы, свиной рожи). Создать искусственный иммунитетъ можно также и введеніемъ въ организмъ жидкостей, отфильтрованныхъ изъ культуръ бактерій и освобожденныхъ отъ послѣднихъ. Этимъ способомъ удалось сдѣлать голубей невосприимчивыми къ «Hog cholera»—повальной болѣзни свиней въ С. Америкѣ, морскихъ свинокъ—къ злокачественному отеку, кроликовъ — къ зараженію синегнойной палочкой.

Части органовъ, взятыхъ отъ живыхъ животныхъ, которымъ были привиты бактеріи или ихъ токсины также оказываютъ предохранительное дѣйствіе (высушенные кусочки спинного мозга, погибшихъ отъ бѣшенства кроликовъ и содержащіе неизвѣстный еще ядъ бѣшенства предохраняютъ отъ бѣшенства); кровь и кровяная сыворотка искусственно иммунизированныхъ къ бактеріальнымъ ядамъ животныхъ можетъ предохранить и другихъ животныхъ отъ соотвѣтствующихъ токсиновъ. Такая *антитоксическая* кровь, вспрыснутая раньше токсина, оказываетъ предохраняющее дѣйствіе, а введенная въ тѣло позже токсина проявляетъ болѣе или менѣе сильное цѣлебное дѣйствіе. Это важное открытіе Беринга легло въ основу *серотерапіи*. Еще въ 1877 г. Пастеръ показалъ, что послѣ прививки воспріимчивымъ животнымъ сибиреязвенныхъ бациллъ вмѣстѣ съ другими бактеріями, сибирская язва не развивается, такое же задерживающее вліяніе на развитіе сибирской язвы оказываютъ и стрептококки и бацилла синяго гноя. Наконецъ, предохранительныя прививки могутъ быть сдѣланы вспрыскиваніемъ туберкулина, нуклеиновой кислоты, мочи, бульона и даже раствора поваренной соли. Искусственный иммунитетъ такимъ образомъ пріобрѣтенный былъ констатированъ по отношенію къ холерной и др. запятымъ, а также и для тифозной бациллы; онъ объясняется повышеніемъ дѣятельности фагоцитовъ, вызваннымъ введеніемъ этихъ жидкостей. Ко всему этому нужно прибавить, что естественная невосприимчивость къ бактеріальнымъ токсинамъ встрѣчается гораздо рѣже естественнаго иммунитета къ самимъ микробамъ. Такъ, бацилла синяго гноя встрѣчается у 50% здоровыхъ людей въ подмышечной впадинѣ, въ паховой области, часто ее находили и въ кишечникѣ—и все же эта бацилла очень рѣдко вызываетъ серьезныя патологическія явленія, продукты же этой бактеріи рѣшительно ядовиты. Точно также млекопитающія, въ томъ числѣ и морскія свинки, невосприимчивы къ бациллѣ столбняка, но минимальныхъ количествъ токсина этой бациллы достаточно, чтобы вызвать у морской свинки смертельный столбнякъ.

Ред.

II.

Современное состояніе вопроса объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Проф. **Мечникова.**

Перев. съ французскаго.

Въ настоящее время матеріалы, собранные по вопросу объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ, сильно разрослись. Я постараюсь обрисовать въ общихъ чертахъ современное состояніе этой крайне важной научной проблемы.

I.

Прошло ровно 20 лѣтъ со времени открытія предохранительныхъ прививокъ посредствомъ инфекціи ослабленныхъ культуръ *) различныхъ микробовъ. Открытіе это, сдѣланное *Пастеромъ* въ сотрудничествѣ съ *Шамберланомъ* и *Ру*, положило начало научному изученію вопроса объ иммунитетѣ.

Раньше удовлетворялись весьма простымъ объясненіемъ противодѣйствія организма инфекціоннымъ началамъ. Предполагали, что въ невоспріимчивомъ организмѣ микробы не находятъ подходящей среды для своего развитія.

Сравнивали, такимъ образомъ, противодѣйствіе организма съ тѣмъ, которое наблюдается въ питательной средѣ, служившей уже для развитія извѣстныхъ бактерій или дрожжевыхъ грибковъ и неспособной вскормить новой свѣжей культуры. Думали, что невоспріимчивый организмъ избавляется отъ патогенныхъ **) микробовъ, выдѣляя ихъ преимущественно черезъ почки, также какъ и нѣкоторые растворимые яды.

Гипотеза эта была предложена Флюгге, но Высоковичъ своими работами, сдѣланными въ лабораторіи Флюгге, доказалъ всю несостоятельность такого объясненія.

Когда дѣло идетъ о больномъ организмѣ, микробы, дѣйствительно, иногда выдѣляются вмѣстѣ съ мочей, но въ невоспріимчивомъ, здоровомъ организмѣ такого выдѣленія никогда не происходитъ. Еще недавно нѣкоторые ученые не признавали этихъ фактовъ, установленныхъ Высоковичемъ, но всестороннее изученіе показало всю неточность сдѣланныхъ возраженій. Метэнъ (Metin) изучалъ этотъ вопросъ въ институтѣ Пастера. Его выводы вполнѣ совпадаютъ съ выводами, сдѣланными Высоковичемъ: въ невоспріимчивомъ организмѣ микробы никогда не выдѣляются черезъ выдѣлительные органы.

Но что же происходитъ съ микробами въ организмѣ, которому удалось побѣдоносно противодѣйствовать ихъ нападенію? Въ этихъ случаяхъ микробы

---

*) Для того, чтобы животное пріобрѣло искусственный иммунитетъ, ему впрыскиваютъ ослабленную культуру данной бактеріи. Ослабленіе ядовитости разводокъ бактерій достигается различными способами: долгимъ стояніемъ разводокъ, выращиваніемъ бактерій долгое время въ искусственныхъ питательныхъ средахъ безъ пропусканія ихъ время отъ времени черезъ организмъ животнаго, вліяніемъ разныхъ химическихъ веществъ, солнечнаго свѣта, высушиваніемъ, нагрѣваніемъ. Пастеръ нашелъ, что палочки свиной краснухи теряютъ свою губительную ядовитость для свиней, если разводками ихъ заразить сначала кролика, а затѣмъ разводками, полученными отъ этого кролика, заразить свиней. Уменьшеніе ядовитости бактерій во всѣхъ этихъ случаяхъ объясняется перерожденіемъ ихъ, выражающимся въ болѣе слабомъ ростѣ, въ медленномъ образованіи споръ, въ меньшей стойкости разводокъ. *Примѣч. редак.*

**) Патогенные микробы, т.-е. болѣзнетворные, производящіе инфекціонныя болѣзни. *Ред.*

подвергаются поглощенію и частичному или полному истребленію какъ въ крови, такъ и въ другихъ органахъ, но не выдѣленію. Эти явленія исчезновенія микробовъ въ невоспріимчивомъ организмѣ близко соприкасаются съ процессами поглощенія вообще и клѣточекъ въ частности; обѣ эти категоріи явленій подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ. Такимъ образомъ, вопросъ объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ цѣликомъ входитъ въ главу общей физіологіи, изучающей поглощеніе клѣточекъ.

Всѣмъ извѣстно, что какъ въ больномъ, такъ и въ здоровомъ организмѣ постоянно происходятъ явленія поглощенія и исчезновенія клѣточныхъ элементовъ. Такъ, напр., красные и бѣлые кровяные шарики поглощаются въ селезенкѣ и лимфатическихъ железахъ. Очень часто въ организмѣ, повидимому, здоровомъ, можно найти сперматозоидовъ и яички на пути къ полному исчезновенію. Многіе изъ клѣточныхъ элементовъ матки поглощаются послѣ родовъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Но несравненно въ большихъ размѣрахъ всѣ эти явленія происходятъ въ больномъ организмѣ, гдѣ наблюдается, напр., поглощеніе элементовъ гноя, эксудатовъ *) и различныхъ другихъ болѣзнетворныхъ продуктовъ.

Иногда нѣкоторыя клѣточки могутъ быть поглощены, не подвергаясь разрушенію.

Это наблюдается, между прочимъ, при нѣкоторыхъ кровоизліяніяхъ; если, напр., кровь впрыскивать въ полость брюшины, то красные кровяные шарики просто увлекаются кровянымъ или лимфатическимъ потокомъ, не претерпѣвая рѣшительно никакого разрушенія. Переходъ красныхъ шариковъ изъ полости брюшины сначала въ систему лимфатическихъ, а затѣмъ кровяныхъ сосудовъ, былъ недавно описанъ Лезажемъ и наблюдался имъ на собакахъ. Но подобные факты являются скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Въ большинствѣ же случаевъ поглощеніе клѣточныхъ элементовъ сопровождается разрушеніемъ ихъ внутри фагоцитовъ, **) благодаря процессамъ внутриклѣточнаго пищеваренія. Мы переносимся такимъ образомъ въ главу о пищеваренія, что, конечно, должно упростить намъ изученіе вопроса объ иммунитетѣ.

Внутриклѣточное пищевареніе, какъ и обыкновенное—внѣклѣточное, совершается благодаря дѣйствію ферментовъ, въ данномъ случаѣ заключающихся въ фагоцитахъ. Детальное изученіе этого процесса у высшихъ организмовъ представляетъ обыкновенно большія затрудненія. Поэтому Месниль обратился къ низшимъ животнымъ—къ актиніямъ (морскимъ анемонамъ). Работа эта была поставлена въ моей лабораторіи, но еще не издана. У вышеупомянутыхъ кишечнополостныхъ животныхъ пищевареніе происходитъ внутри клѣтокъ кишечника при посредствѣ растворимаго фермента; ферментъ этотъ почти совершенно разлагается при температурѣ между 55—58° и представляетъ большое сходство съ бактерицидным ферментомъ, ***) находящимся въ кровяной сывороткѣ ****) высшихъ животныхъ.

---

*) Эксудатомъ называется жидкость, выпотѣвающая изъ крови при воспалительныхъ процессахъ и содержащая много лейкоцитовъ и фибринъ. *Ред.*

**) *Фагоцитами* наз. клѣтки, пожирающія инородныя тѣла. Фагоциты могутъ быть подвижными и неподвижными. Одно и многоядерные бѣлыя кровяныя тѣльца (лейкоциты), за немногими исключеніями, равно какъ и бродячія клѣтки тканей принадлежатъ къ подвижнымъ фагоцитамъ. Неподвижными же фагоцитами являются малыя эндотеліальныя клѣтки, клѣтки селезеночной мякоти, костнаго мозга, нѣкоторыя соединительнотканныя клѣтки и иногда нервныя и мышечныя. Нѣсколько одноядерныхъ фагоцитовъ могутъ сливаться въ болѣе или менѣе большіе плазмодіи, такъ наз. *гигантскія клѣтки*, которыя играютъ также роль фагоцитовъ. *Ред.*

***) *Бактерицидные* ферменты—ферменты, убивающіе бактеріи. *Ред.*

****) Выпущенная изъ организма кровь быстро свертывается (въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ кровь свертывается и въ самомъ организмѣ). При свер-

Растворимые внутриклѣточные ферменты, благодаря которымъ совершается пищевареніе—разсасываніе клѣтокъ внутри фагоцитовъ высшихъ животныхъ и человѣка, изучены гораздо меньше, но, по всей вѣроятности, они вмѣстѣ съ ферментами актиній, принадлежатъ къ одной и той же группѣ. Среди ферментовъ, которыми обладаютъ фагоциты, наиболѣе важнымъ является ферментъ, растворяющій клѣточные элементы вообще и микробовъ въ частности, и принадлежащій къ веществамъ, названнымъ Бюхнеромъ—*алексинами* или защитными веществами. По моему мнѣнію, эти растворимые ферменты, похожіе очень и на другіе энцимы, слѣдуетъ объединить подъ однимъ общимъ именемъ *цитазъ*.

Дѣйствіе цитазъ на элементы, поглощаемые фагоцитами, еще очень мало извѣстно; въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть даже всегда, оно можетъ проявиться только въ присутствіи другихъ веществъ, природа которыхъ еще менѣе изучена.

Что цитазы образуются въ фагоцитахъ вытекаетъ изъ фактовъ, твердо установленныхъ и въ настоящее время въ мало кѣмъ оспариваемыхъ.

Эмульсія, приготовленная изъ сальника брыжжечныхъ железъ или селезенки млекопитающихъ, растворяетъ нѣкоторыя клѣточки, напр., красные кровяные шарики; такимъ дѣйствіемъ жидкость эта обязана присутствію въ ней *цитазъ*, ферментовъ, разлагающихся при нагрѣваніи ихъ отъ 55—56°. Цитазы эти тѣсно связаны съ фагоцитами и могутъ быть выдѣлены изъ нихъ только въ небольшомъ количествѣ, и то часто съ большимъ трудомъ.

II.

Нѣкоторыми авторами признается, что *цитазы* дѣйствуютъ не только внутри фагоцитовъ, но и внѣ ихъ, т.-е. въ кровяной плазмѣ и въ эксудатахъ, гдѣ присутствіе ихъ объясняется извѣстнаго рода выдѣленіемъ. Но это мнѣніе ничѣмъ не доказано; наоборотъ, большимъ количествомъ хорошо провѣренныхъ фактовъ твердо установлено, что въ живомъ организмѣ цитазы заключаются въ фагоцитахъ и если они встрѣчаются въ вышеупомянутыхъ жидкостяхъ, то только въ исключительныхъ случаяхъ.

Среди экспериментальныхъ данныхъ, которыя могутъ лучше всего послужить въ рѣшеніи этого важнаго вопроса, я остановлюсь ненадолго на явленіяхъ поглощенія собственныхъ клѣточекъ организма.

Послѣ того, какъ стало извѣстнымъ, что введеніемъ клѣточекъ, принадлежащихъ другому виду животнаго, производятся большія измѣненія въ кровяной сывороткѣ того животнаго, которое получило и поглотило эти элементы, Эрлихомъ и Моргенротомъ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: поглощеніе собственныхъ клѣтокъ организмомъ не вызываетъ ли появленія въ кровяной сывороткѣ вещества, которое растворяло бы эти самыя клѣточки? Извѣстно, что при впрыскиваніи, напр., козамъ крови барана, въ кровяной сывороткѣ козъ, образуется вещество *(гемотоксинъ)*, способное растворять красные шарики барана. Если же козѣ инъектировать кровь индивидуума того же вида, то, по мнѣнію цитированныхъ мною выше ученыхъ, образуется *изогемотоксинъ* — ферментъ, растворяющій красные кровяные шарики козъ, хотя и не того самого индивидуума, которому была инъектирована кровь, но всякаго другого, принадлежащаго къ одному съ нимъ виду. Эрлихъ и Моргенротъ считаютъ, что на основаніи только факта поглощенія организмомъ собственныхъ кровя-

---

тываніи выпущенной крови изъ нея выпадаетъ нерастворимое или трудно растворимое бѣлковое тѣло—*фибринъ*, образующій вмѣстѣ съ бѣлыми и кровяными шариками, кровяной сгустокъ; остающаяся же жидкая часть крови, обыкновенно свѣтло-желтаго цвѣта, носитъ названіе *кровяной сыворотки*. *Ред.*

ныхъ шариковъ невозможно еще предполагать образованія *аутогемстоксина*— фермента, который растворялъ бы красные шарики того же самого индивидуума. Такое предположеніе кажется имъ противорѣчащимъ общимъ законамъ природы, которая стремится сохранять собственныя созданія. Но оказывается все же, что *аутогемотоксины* существуютъ, какъ это доказалъ Метальниковъ еще неизданными работами, вышедшими изъ моей лабораторіи. Вмѣсто того, чтобы впрыскивать кровь, онъ вводилъ въ организмъ морскихъ свинокъ сперму животнаго того же вида. Послѣ нѣсколькихъ инъекцій, кровяная сыворотка животныхъ, такимъ образомъ приготовленныхъ, становится чрезвычайно ядовитой не только для сперматозоидовъ другихъ морскихъ свинокъ, но также и для собственныхъ сперматозоидовъ индивидуума, дающаго такую сыворотку. Если смѣшать небольшое количество кровяной сыворотки животнаго, которому были сдѣланы подобныя инъекціи, съ спермой ему же принадлежащей, то ужъ черезъ нѣсколько минутъ (отъ 3-хъ до 5-ти мин.) можно констатировать, что сперматозоиды сдѣлались неподвижными. Слѣдовательно, несомнѣнно, что кровяная сыворотка сдѣлалась сильно аутоспермотоксичной. Но *внутри* организма такого дѣйствія кровяной сыворотки на сперматозоиды не наблюдается; такъ сперматозоиды, извлеченные изъ придатка сѣмянной желѣзы животнаго, дающаго аутоспермотоксичную сыворотку, и помѣщенные въ физіологическій растворъ поваренной соли, сохраняютъ свои движенія въ теченіе многихъ часовъ. Они, слѣдовательно, остались живыми въ организмѣ морской свинки, послужившей для опыта.

Какъ же объяснить это кажущееся противорѣчіе? Не иначе, какъ тѣмъ, что *спермотоксинъ* или, по крайней мѣрѣ, одна изъ частей составляющихъ его,— цитаза, находились въ фагоцитахъ, какъ бы въ связанномъ состояніи, и только послѣ ихъ разрушенія, при образованіи кровяного сгустка и кровяной сыворотки, выдѣлились и начали производить свое дѣйствіе.

Выводъ, который только что былъ мною формулированъ, подтверждается цѣлой серіей другихъ фактовъ, заслуживающихъ упоминанія. Такъ, по опытамъ Метальникова, сперматозоиды морскихъ свинокъ, инъектированные подъ кожу животнымъ того же вида, кровяная сыворотка которыхъ сильно аутоспермотоксична, сохраняютъ свою подвижность въ теченіе многихъ часовъ, не смотря на быстрое образованіе эксудата на мѣстѣ инъекціи. Слѣдовательно, цитазы не проникли въ эксудатъ. Наоборотъ, если впрыскивать ту же самую сперму въ полость брюшины той свиньи, которой была сдѣлана подкожная инъекція, то ужъ черезъ нѣсколько минутъ сперматозоиды станутъ неподвижными; другими словами, въ лимфѣ брюшины находятся цитазы. Изслѣдованіе этой жидкости показываетъ, что, дѣйствительно, фагоциты въ ней заключающіеся подверглись «*фаголизу*» *), т.-е. находятся въ болѣе или менѣе поврежденномъ состояніи, потеряли свою подвижность и собраны въ кучки. Изъ этого нужно заключить, что поврежденные лейкоциты выдѣлили изъ себя нѣкоторую часть заключающейся въ нихъ цитазы, достаточную для того, чтобы сдѣлать сперматозоидовъ неподвижными. Дѣйствительно, если уничтожить явленія «фаголиза» путемъ предварительныхъ инъекцій веществъ, которыя производятъ *химіотаксію* **) лейкоцитовъ, а затѣмъ впрыснуть то же самое ко-

*) Мечниковъ называетъ *фаголизомъ* измѣненія лейкоцитовъ, ведущія къ ослабленію ихъ фагоцитирной дѣятельности. Такія измѣненія происходятъ и при вспрыскиваніи неядовитыхъ веществъ, наприм., бульона, раствора поваренной соли. и др. *Ред.*

**) *Химіотаксіей* называютъ способность фагоцитовъ ощущать химическій составъ окружающей среды, благодаря чему къ однимъ веществамъ фагоциты приближаются (положительная химіотаксія), отъ другихъ же, наоборотъ, удаляются (отрицательная химіотаксія). Фагоциты животныхъ, владѣющихъ естественнымъ иммунитетомъ, обнаруживаютъ положительную химіотаксію по отношенію къ микробамъ. *Ред.*

личество спермы, то сперматозоиды сохраняютъ свои движенія, какъ и въ подкожной ткани.

Всѣ эти данныя находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ фактомъ, что сперматозоиды, инъектированные въ полость брюшины морской свинки, не подвергавшейся до того никакимъ опытамъ, захватываются всегда лейкоцитами и растворяются только внутри этихъ клѣтокъ, что и является лучшимъ доказательствомъ присутствія пищеварительныхъ ферментовъ внутри лейкоцитовъ. Такое же поглощеніе лейкоцитами наблюдается и по отношенію къ другимъ клѣточкамъ, инъектированнымъ въ полость брюшины морскихъ свинокъ, напр., съ красными кровяными шариками млекопитающихъ другихъ видовъ, птицъ и т. д.

Слѣдовательно, въ нормальныхъ условіяхъ цитаза заключена въ фагоцитахъ, откуда выдѣляется только въ случаяхъ «фаголиза» ихъ.

Если сравнить судьбу сперматозоидовъ морской свинки, инъектированныхъ въ полость брюшины такихъ индивидуумовъ, кровяная сыворотка которыхъ аутоспермотоксична, съ судьбой сперматозоидовъ, инъектированныхъ въ полость брюшины нормальной свинки, то поражаешься разницею въ продолжительности жизни сперматозоидовъ въ обоихъ случаяхъ. У аутоспермотоксинныхъ свинокъ сперматозоиды уже черезъ нѣсколько минутъ теряютъ свою подвижность, тогда какъ въ брюшинѣ нормальныхъ морскихъ свинокъ они сохраняютъ ее часъ или два. Эта разница объясняется присутствіемъ у аутоспермотоксинныхъ морскихъ свинокъ еще другого вещества, дѣйствующаго опредѣленнымъ образомъ на сперматозоиды Это второе вещество, названное Эрлихомъ *посредствующимъ веществомъ*, выноситъ болѣе высокую температуру, чѣмъ цитазы и, кромѣ того, отличается отъ этой послѣдней тѣмъ, что оно само по себѣ неспособно растворить красныхъ кровяныхъ шариковъ и сдѣлать сперматозоидовъ неподвижными; существеннымъ признакомъ его является свойство дѣлать клѣточки чувствительными къ растворяющему дѣйствію цитазъ.

Эрлихъ, который является въ этой области большимъ авторитетомъ, показалъ вмѣстѣ съ Моргенротомъ, что *посредствующее вещество* соединяется съ красными кровяными шариками и сперматозоидами. Это-то соединеніе и благопріятствуетъ вліянію цитазы на эти элементы. Но въ своихъ попыткахъ проникнуть въ самый механизмъ дѣйствія посредствующаго вещества, Эрлихъ и Моргенротъ не пришли еще къ положительнымъ результатамъ. Остается многое еще сдѣлать въ этой области.

Но уже и теперь мы вправѣ утверждать, что *посредствующее вещество*, которое я предлагаю назвать, вслѣдствіе большого сродства его къ цитазамъ, *филоцитазой*, циркулируетъ въ кровяной плазмѣ и эксудатахъ. Метальниковъ, работая надъ аутоспермотоксиномъ, констатировалъ, что если ввести сперму морской свинки, кровяная сыворотка которой сильно аутоспермотоксична, въ кровяную сыворотку нормальной свинки, то сперматозоиды становятся неподвижными гораздо скорѣе, чѣмъ сперматозоиды нормальной свинки. Фактъ этотъ доказываетъ, что сперматозоиды аутоспермотоксинной морской свинки фиксировали внутри живого организма *филоцитазу*, а потому и находятся въ состояніи особенной чувствительности къ дѣйствію цитазы, заключенной въ кровяной сыворотки нормальной свинки. Изъ этого слѣдуетъ, что *филоцитаза* нормально циркулируетъ въ плазмѣ и вовсе не навсегда соединено съ клѣточками, которыя ее производятъ. Этими клѣточками являются опять-таки тѣ же фагоциты, поглощающіе сперматозоидовъ и вообще всякаго рода клѣточки. Болѣе подробное изученіе поглощенія красныхъ кровяныхъ шариковъ гуся фагоцитами морской свинки заставляетъ насъ предполагать, что *филоцитаза* является однимъ изъ тѣхъ веществъ, благодаря которымъ совершается внутриклѣточное пищевареніе и что фагоциты выдѣляютъ

нѣкоторое количество ея въ кровь. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, существуетъ нѣкоторая аналогія съ пепсиномъ, который какъ у человѣка, такъ и животныхъ, во время желудочнаго пищеваренія проходитъ въ кровь, а оттуда въ мочу; во время же продолжительнаго поста пепсинъ въ мочѣ исчезаетъ и появляется только послѣ принятія пищи. Съ другой стороны образованіе фагоцитами двухъ веществъ, служащихъ для внутриклѣточнаго пищеваренія, до нѣкоторой степени можно сравнить съ образованіемъ въ клѣточкѣ дрожжевыхъ грибковъ двухъ ферментовъ, одинъ изъ которыхъ,—*цимаза*, Е. Бюхнера, остается тѣсно связаннымъ съ клѣточкой, тогда какъ другой—*сюкраза* или *инвертинъ* легко выдѣляется въ окружающую среду.

Аутоспермaтоксинъ, на который должно быть обращено особенное вниманіе, даетъ намъ очень важный аргументъ въ пользу положенія, защищаемаго мною. Если впрыскивать въ полость брюшины нормальной морской свинки сперму животнаго того же вида, то очень скоро сперматозоиды становятся добычею фагоцитовъ, которые ихъ захватываютъ и совершенно переваривaютъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ этого появляется *филоцитаза*. Наоборотъ, если впрыскивать въ полость брюшины морской свинки дефибринированную кровь*) другой свинки, то красные кровяные шарики остаются нетронутыми впродолженіи многихъ дней,—поглощенія ихъ фагоцитами почти не происходитъ, они, не разрушаясь, проходятъ въ общій кровяной потокъ,—слѣдовательно, внутриклѣточнаго пищеваренія почти не совершается, а потому не образуется и филоцитазы, и жидкости организма морской свинки не пріобрѣтаютъ никакого новаго свойства.

Изъ всѣхъ фактовъ, касающихся поглощенія сперматозоидовъ въ организмѣ морской свинки вытекаютъ слѣдующіе выводы: элементы спермы схватываются и перевариваются фагоцитами, благодаря двумъ находящимся въ нихъ веществамъ, причемъ одно изъ нихъ—*цитази* постоянно заключена въ содержимомъ клѣточекъ фагоцитовъ, тогда какъ другое—*филоцитаза* или *посредствующее вещество* развивается въ нихъ только во время самаго акта пищеваренія и часто выдѣляется въ среду, окружающую фагоцитовъ. Въ живомъ организмѣ это вторрe вещество исключительно одно только и дѣйствуетъ на сперматозоиды въ половыхъ органахъ, тогда какъ цитаза остается внутри фагоцитовъ и потому не можетъ препятствовать движеніямъ сперматозоидовъ. Но какъ только нѣкоторое количество фагоцитовъ почему-либо повреждается, часть цитазъ выдѣляется изъ нихъ и движенія сперматозоидовъ быстро останавливаются.

III.

Меня безъ сомнѣнія упрекнутъ въ томъ, что я такъ долго остановился на поглощеніи клѣтокъ вмѣсто того, чтобы говорить объ иммунитетѣ по отношенію къ микробамъ. Но вѣдь этотъ иммунитетъ есть ничто иное, какъ поглощеніе болѣзнетворныхъ агентовъ, и механизмъ поглощенія въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

Если микробы проникаютъ въ организмъ и попадаютъ неповрежденными непосредственно въ кровяной потокъ, то они производятъ инфекціонную болѣзнь, большею частью смертельную. Но если поглощеніе микробовъ совершается такъ, какъ поглощеніе сперматозоидовъ или кровяныхъ шариковъ другого вида, т.-е. при посредствѣ фагоцитовъ, до тогда обыкновенно наблюдается иммунитетъ,—болѣзнь же и смерть являются исключеніями. Въ большинствѣ случаевъ фаго-

*) Дефибринированною кровью называется кровь, состоящая изъ кровяной сыворотки, красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, но изъ которой сбиваніемъ ея извлеченъ фибринъ. *Ред.*

циты поступаютъ съ микробами точно такъ же, какъ и съ сперматозоидами и съ кровяными шариками, т.-е. они ихъ убиваютъ и переваривaютъ. При этомъ ими употребляются оба пищеварительныхъ вещества, *цитаза* или *цитазы*, которые растворяютъ микробовъ, и *филоцитаза* которая ихъ дѣлаетъ чувствительными.

Изученіе явленій иммунитета, производимаго микробами, на каждомъ шагу показываетъ намъ, что они сходны съ явленіями, на которыя мы указывали, говоря о поглощеніи клѣточекъ.

Цитазы, служащія невоспріимчивому организму въ борьбѣ его съ микробами, тѣ же, что и употребляемыя имъ для перевариванія собственныхъ клѣтокъ. Такой организмъ равнымъ образомъ и при равныхъ условіяхъ производитъ также и *филоцитазу*. И опять-таки эта послѣдняя приготовляется фагоцитами, какъ это доказано опытами Пфейфера и Маркса надъ иммунитетомъ кроликовъ по отношенію къ холерной бациллѣ. Дѣйствительно, ученые эти доказали, что филоцитаза, раньше чѣмъ появиться въ жидкостяхъ организма, наблюдается въ селезенкѣ, лимфатическихъ железахъ и костномъ мозгу. Затѣмъ Дейчъ занялся изученіемъ того же вопроса, работая надъ тифозной бациллой. Общіе выводы оказались тѣ же, что и у Пфейфера и Маркса: филоцитаза появляется въ органахъ, производящихъ фагоцитовъ и приготовляется самими фагоцитами. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи наблюдается полное соотвѣтствіе съ механизмомъ поглощенія клѣточекъ. Филоцитаза, приготовленная фагоцитами, отчасти выдѣляется въ окружающія жидкости, гдѣ ее можно легко найти. Она всюду настигаетъ микробовъ и можетъ ихъ дѣлать чувствительными, но сама по себѣ она неспособна сдѣлать ихъ безвредными. Послѣдній результатъ можетъ быть достигнутъ только съ помощью цитазъ. Но такое дѣйствіе цитазъ на микробовъ проявляется только внутри фагоцитовъ или же въ жидкостяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ цитазы, вышедшія изъ поврежденныхъ фагоцитовъ. Но даже и въ послѣднемъ случаѣ, послѣ короткаго періода фаголиза, вновь пришедшіе фагоциты схватываютъ и перевариваютъ нетронутыхъ микробовъ или ихъ остатки.

Чѣмъ глубже изучаются явленія, какъ искусственнаго, такъ и пріобрѣтеннаго иммунитета, тѣмъ больше убѣждаются, что эти явленія совершаются при постоянномъ участіи въ нихъ фагоцитовъ. Какъ желудочно-кишечное пищевареніе можетъ совершаться нормально безъ выдѣленія пепсина и другихъ энцимовъ въ кровь и мочу, такъ точно и внутриклѣточное пищевареніе, имѣющее дѣло съ клѣтками или микробами, можетъ происходить и безъ выдѣленія въ жидкость организма филоцитазы. Но не рѣдки и тѣ случаи, гдѣ, несмотря на фактъ несомнѣнно пріобрѣтеннаго иммунитета, жидкости невоспріимчивыхъ субъектовъ не содержатъ вовсе или очень незначительное количество этого послѣдняго вещества. Извѣстно также, какъ трудно его найти у животныхъ сильно иммунизированныхъ противъ бациллы сибирской язвы; бываютъ случаи, когда фагоциты развиваютъ чрезвычайную силу въ перевариваніи бациллъ сибирской язвы и вмѣстѣ съ тѣмъ жидкости организма не пріобрѣтаютъ никакого бактерициднаго свойства. Въ послѣднее время занимаются много изученіемъ пріобрѣтеннаго иммунитета противъ микробовъ, принадлежащихъ къ животному царству, причемъ пришли къ тѣмъ же выводамъ, какъ при изученіи растительныхъ микробовъ. Селли констатировалъ у субъектовъ, невоспріимчивыхъ къ болотной лихорадкѣ, отсутствіе какого бы то ни было дѣйствія кровяной сыворотки на микробовъ. Линьеръ наблюдалъ тотъ же фактъ у подсемейства Bovinae *) по отношенію къ protozoa техаской лихорадки.

---

*) Къ подсемейству Bovinae принадлежатъ: бизонъ, зубръ, буйволъ, якъ, гаудеръ, гайялъ и домашній быкъ; вѣроятно изслѣдованія Линьера касались, главнымъ образомъ, послѣдняго.

IV.

Учеными достаточно оцѣнена вся важность открытія, *Беринга*, доказавшаго присутствіе *антитоксина* въ крови животныхъ, иммунизированныхъ противъ токсиновъ, и практическое примѣненіе этого открытія для предупрежденія и лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней. Разсмотримъ отношенія, существующія между антитоксинами и иммунитетомъ при инфекціонныхъ болѣзняхъ. Нѣкоторое время думали, что естественный иммунитетъ самъ по себѣ можетъ быть объясняемъ существованіемъ естественныхъ антитоксиновъ, которые и отнимаютъ у патогенныхъ микробовъ главное ихъ оружіе въ борьбѣ съ организмомъ.

Но это мнѣніе долго не продержалось, въ виду многочисленныхъ фактовъ, показавшихъ, что иммунитетъ противъ токсиновъ можетъ проявиться безъ всякаго слѣда какой бы то ни было антитоксической способности соковъ организма. Даже больше, во многихъ случаяхъ, какъ естественнаго, такъ и пріобрѣтеннаго иммунитета, невоспріимчивость организма къ дѣйствію микробовъ совпадаетъ съ чрезвычайной чувствительностью къ ихъ токсинамъ.

Слѣдовательно, невозможно объяснять иммунитетъ присутствіемъ антитоксиновъ въ сокахъ тѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что антитоксическая способность этихъ соковъ во многихъ случаяхъ все же существуетъ. Антитоксины растворены въ кровяной плазмѣ и эксудатахъ, какъ и филоцитаза, съ которой они имѣютъ много общаго. Антитоксины проявляютъ такую же устойчивость по отношенію къ температурѣ, какъ и филоцитазы.

Имѣемъ ли мы право, въ виду сходства двухъ этихъ веществъ, приписать имъ одно и то же происхожденіе? *A priori* гипотеза эта едва ли можетъ быть принята, такъ какъ въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ веществами, производящими пищевареніе и образующимися въ фагоцитахъ послѣ поглощенія ими клѣточекъ, тогда какъ въ другомъ — съ послѣдствіями поглощенія токсиновъ, веществъ растворимыхъ, которыя поэтому каждая клѣточка организма можетъ всасывать. Естественно, что начали искать образованія антитоксиновъ въ самыхъ разнообразныхъ клѣточкахъ. Такъ Эрлихъ, развилъ теорію, по которой органъ, подвергшійся дѣйствію специфическаго яда, производитъ соотвѣтствующій антитоксинъ. При тетанусѣ такимъ органомъ является центральная нервная система. Продолжая свои изслѣдованія по этому вопросу вмѣстѣ съ Моргенротомъ, Эрлихъ пришелъ къ тому выводу, что антитоксины могутъ быть образованы независимо отъ токсическаго дѣйствія ядовъ. Такъ, если примѣнить выводъ этотъ къ тетанусу, то антитоксинъ тетануса можетъ быть образованъ тою клѣточкою, которая фиксируетъ только ядъ, не будучи въ то же время отравленной имъ. Изъ этого вытекаетъ, что источникъ антитоксина можно искать и не въ нервныхъ клѣточкахъ. Мои опыты, дѣйствительно, показали, что у курицы часть токсина тетануса поглощается лейкоцитами,—фактъ, находящійся въ полномъ соотвѣтствіи съ сильно выраженнымъ лейкоцитозомъ *), который наблюдается такъ часто послѣ вспрыскиванія различныхъ ядовъ (токсиновъ, мышьяку и пр.).

Въ виду большой сложности вопроса о происхожденіи антитоксиновъ и трудностей которыя, при этомъ встрѣчаются, я занялся изученіемъ *антиспермотоксина*. Мнѣ удалось установить, что сперматозоиды, хотя и очень чувствительны къ токсическому дѣйствію спермотоксина, все же не производятъ антисперма-

---

*) *Лейкоцитозомъ* называется увеличеніе бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ. Въ нормальной крови человѣка бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ приходится приблизительно отъ 8.000—12.000 на 1 куб. милим.; при лейкоцитозѣ количество ихъ возрастаетъ до 30.000—40.000 на 1 куб. милим. Такого рода увеличеніе бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ наблюдается при нормальныхъ условіяхъ во время пищеваренія, затѣмъ у беременныхъ и новорожденныхъ, а также и при инфекціонныхъ болѣзняхъ—крупозномъ воспаленіи легкихъ, рожѣ и пр.

Ред.

токсина. Самцы кроликовъ, взрослые или всего нѣсколькихъ недѣль, подвергнутые кастраціи и совершенно лишенные поэтому сперматозоидовъ или материнскихъ клѣточекъ ихъ, тѣмъ не менѣе оказываются способными къ образованію въ своемъ организмѣ антисперматоксина. Самки обладаютъ тою же способностью. Такъ какъ кровяная сыворотка нормальныхъ морскихъ свинокъ содержитъ извѣстное количество природнаго сперматоксина (можетъ быть и отличающагося отъ того, который получается послѣ вспрыскиванія имъ спермы кролика), то я рѣшилъ поставить параллельные опыты. Я вспрыснулъ нѣсколькимъ кастрированнымъ кроликамъ кровяную сыворотку нормальной морской свинки, другимъ же кровяную сыворотку морскихъ свинокъ, которымъ раньше были сдѣланы вспрыскиванія спермы кроликовъ. Антисперматоксинъ вторыхъ былъ гораздо болѣе активенъ, чѣмъ первыхъ. Этотъ опытъ въ то же время показываетъ намъ, что антисперматоксинъ кроликовъ второй категоріи содержитъ не только *антицитазы*, но также и *антифилоцитазы*.

Послѣ этого я началъ искать, въ какихъ органахъ фиксируется у кролика сперматоксинъ. Если этотъ послѣдній вспрыснуть въ полость брюшины, то значительное количество его оказывается въ лимфатическихъ железахъ сальника. Но большая часть яда входитъ въ кровяной потокъ и фиксируется во многихъ органахъ, въ особенности же въ селезенкѣ. И въ то время, какъ сперматоксинъ находится въ крови, часть его поглощается лейкоцитами. Я вывожу это заключеніе изъ того факта, что кровяная плазма во всякомъ случаѣ менѣе, иногда даже значительно менѣе, сперматоксична, чѣмъ кровяная сыворотка той же крови.

Часть сперматоксина проходитъ также въ почки и въ надпочечныя железы. Возможно, что сперматоксинъ, наряду съ многими растворимыми ядами, выдѣляется отчасти этими органами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что часть сперматоксина, инъектированнаго некастрированнымъ кроликамъ, какъ самцамъ, такъ и самкамъ, оказывается въ половыхъ железахъ.

Отыскиваніе же органа, производящаго антитоксинъ, привело къ отрицательному результату. Антисперматоксинъ появляется сначала въ кровяной плазмѣ; жидкость эта остается болѣе сперматоксичной, чѣмъ какой бы то ни было органъ. Изъ всѣхъ органовъ, фиксирующихъ сперматоксинъ, половыя железы не играютъ никакой роли въ образованіи антисперматоксина. Наоборотъ, становится все болѣе вѣроятнымъ, что это лейкоциты и вообще вся фагоцитная система вырабатываютъ антитоксическое вещество. Фиксація сперматоксина лейкоцитами крови и макрофагами сальника даетъ намъ на то очень цѣнное указаніе. Отсутствіе органа, который спеціально фиксировалъ бы сперматоксинъ, и который затѣмъ содержалъ бы наибольшее количество антисперматоксина, также говоритъ въ пользу фагоцитарнаго происхожденія этого антитоксина. Наконецъ, можно провести аналогію между этимъ веществомъ и филоцитазой, которая должна быть разсматриваема, какъ продуктъ выдѣленія фагоцитовъ. Даже въ томъ случаѣ, если найдутъ, что антисперматоксинъ производится многими органами, не будетъ никакихъ основаній исключить роль фагоцитовъ.

Такимъ образомъ, теперь нельзя уже придерживаться гипотезы, по которой антимикробное дѣйствіе фагоцитовъ находится въ зависимости отъ предварительной дѣятельности антитоксиновъ, вышедшихъ изъ клѣточекъ, ничего общаго не имѣющихъ съ фагоцитами. Весьма часто повторяютъ ту мысль, что первый актъ противодѣйствія невоспріимчиваго организма заключается въ истребленіи токсиновъ, выработанныхъ потогенными микробами; когда же такимъ образомъ, эти послѣдніе лишаются своего главнаго оружія въ борьбѣ съ организмомъ, то они становятся добычею фагоцитовъ. Но вѣдь фагоциты поглощаютъ такъ часто и такъ легко различные растворимые яды, что свободно могутъ

обойтись. въ борьбѣ съ токсинами и безъ помощи, болѣе или менѣе гипотетической, другихъ клѣточекъ; кромѣ того, извѣстны случаи, какъ естественнаго, такъ и пріобрѣтеннаго иммунитета, когда организмъ, противодѣйствующій микробной инфекціи, остается, тѣмъ не менѣе, чувствительнымъ къ дѣйствію токсиновъ.

V.

Нѣкоторые ученые ссылаются на преобладающее дѣйствіе антиинфекціоннаго вещества, циркулирующаго въ сокахъ тѣла и аттакующаго микробовъ. Но при подробномъ анализѣ фактовъ мы пришли къ выводу, изложенному выше, а именно, что антиинфекціонное или бактерицидное вещество соковъ тѣла есть ни что иное, какъ *филоцитаза*, которая появляется сначала въ селезенкѣ, а затѣмъ и въ другихъ фагоцитарныхъ органахъ. Это вещество—продуктъ выдѣленія фагоцитовъ—принимаетъ также участіе во внутриклѣточномъ пищевареніи. Понятно теперь, что филоцитаза, встрѣчая въ невоспріимчивомъ организмѣ специфическихъ микробовъ, можетъ дѣлать ихъ чувствительными или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ фаголиза, умерщвлять. Но понятно и то, что невоспріимчивый организмъ можетъ избавиться отъ патогенныхъ микробовъ даже и тогда, когда филоцитазы совсѣмъ нѣтъ въ сокахъ тѣла.

Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, *что соки тѣла играютъ незначительную роль въ совокупности явленій иммунитета, преобладающая же роль здѣсь принадлежитъ клѣточкамъ*, которыя и проявляютъ эти свои свойства почти всегда, какъ при естественномъ, такъ и при пріобрѣтенномъ иммунитетѣ. Среди клѣточекъ, играющихъ преобладающую роль въ борьбѣ организма съ микробами, фагоциты занимаютъ первое мѣсто. Такъ какъ они (фагоциты) являются единственными элементами, способными поглощать клѣточки (все равно принадлежатъ ли эти клѣточки организму, или, какъ микробы, чужды ему), то очевидно, что они будутъ въ этомъ отношеніи наиболѣе дѣятельными. Благодаря сильно развитой чувствительности фагоциты, приближаются и схватываютъ микробовъ, а затѣмъ, болѣе или менѣе совершенно, перевариваютъ эти чуждые организму элементы. Если всѣ эти свойства развиты въ фагоцитахъ въ достаточной степени, чтобы противостоять инфекціи, то организмъ обладаетъ естественнымъ иммунитетомъ. Когда же, наоборотъ, чувствительность и пищеварительная способность развиваются постепенно, то въ результатѣ получается пріобрѣтенный иммунитетъ.

Способность усиливать или измѣнять функціи клѣточекъ, очевидно, составляетъ одно изъ основныхъ свойствъ живой протоплазмы.

Такъ, мы видимъ, что и у самыхъ низшихъ организмовъ существуетъ приспособленіе къ условіямъ внѣшней среды, которое можно сравнить съ функціональнымъ измѣненіемъ фогоцитовъ при пріобрѣтенномъ иммунитетѣ. Съ другой стороны, у высшихъ организмовъ, встрѣчаются клѣточки, не принадлежащія къ фагоцитамъ, но которыя также проявляютъ извѣстную способность къ приспособленію. Такъ, красные кровяные шарики кроликовъ, иммунизированныхъ противъ токсическаго дѣйствія кровяной сыворотки угря, пріобрѣтаютъ способность противостоять растворяющему дѣйствію ихтіотоксина. Недавно, Эрлихъ и Моргенротъ указали еще на одинъ примѣръ иммунитета красныхъ шариковъ безъ всякаго участія антитоксина. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пріобрѣтеннымъ иммунитетомъ чисто клѣточнаго происхожденія.

Въ физіологіи кишечнаго пищеваренія, которое насъ особенно интересуетъ своими отношеніями къ явленіямъ поглощенія и внутриклѣточнаго пищеваренія, мы встрѣчаемъ аналогичные факты. Такъ, ферментативная способность сока поджелудочной железы, какъ показалъ это Васильевъ, приспособляется и измѣняется, смотря по пищѣ, которую даютъ животнымъ, служащимъ для опыта.

Между всѣми клѣтками фагоциты отличаются легкостью, съ какой они приспособляются къ новымъ условіямъ. Они принадлежатъ къ наиболѣе пластичнымъ элементамъ. Иммунитетъ болѣе тонко организованныхъ клѣточекъ развивается гораздо труднѣе. Но даже клѣточки наиболѣе дифференцированныя, какими являются, напр., нервныя клѣточки, способны измѣняться въ смыслѣ приспособленія. Многочисленные случаи привычки должны быть отнесены къ той же категоріи, и очень возможно, что такія различныя явленія, какъ иммунитетъ по отношенію къ микробамъ, по отношенію къ растворимымъ ядамъ, по отношенію къ болевымъ ощущеніямъ и даже къ психическимъ актамъ зависятъ, въ концѣ концовъ, отъ одного общаго закона.

VI.

Изъ всего этого вытекаютъ, какъ намъ кажется, слѣдующія законости:

1) Иммунитетъ при инфекціонныхъ болѣзняхъ есть только частный случай поглощенія клѣтокъ вообще.

2) Явленіе наиболѣе общее, присущее, какъ естественному, такъ и искусственному иммунитету, заключается въ реакціи со стороны фагоцитовъ.

3) Реакція эта проявляется, благодаря чувствительности фагоцитовъ и ихъ способности захватывать и переваривать клѣточки.

4) Внутриклѣточное пищевареніе совершается съ помощью ферментовъ, среди которыхъ цитазы (алексины) занимаютъ первое мѣсто.

5) Въ живомъ организмѣ цитазы заключены внутри фагоцитовъ и не выдѣляются въ соки тѣла.

6) Пищеварительной функціи цитазъ содѣйствуетъ еще и другое вещество, выносящее болѣе высокую температуру и называемое филоцитазой или веществомъ, вызывающимъ чувствительность,—посредствующимъ веществомъ.

7) Филоцитаза является продуктомъ фагоцитовъ и очень часто выдѣляется въ соки тѣла.

8) Не только при естественномъ, но также во многихъ случаяхъ пріобрѣтеннаго иммунитета, организмъ можетъ противодѣйствовать и безъ присутствія филоцитазы въ своихъ сокахъ.

9) Антитоксины, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, отчасти вырабатываются фагоцитами.

10. Иммунитеты, естественный и пріобрѣтенный (активный), являются результатами функцій клѣточки.

„НАУЧНЫЯ НОВОСТИ“.

Газы аргонъ-геліевой группы и періодическая система элементовъ. За открытіемъ аргона въ атмосферномъ воздухѣ быстро послѣдовали одно за другимъ открытія нѣсколькихъ аналогичныхъ газовъ—*гелія*, *неона*, *крюптона* и *ксенона*, тоже входящихъ въ составъ нашей атмосферы. Одновременно съ этимъ газы аргонъ и гелій были найдены въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ минералахъ (клевеитъ, фергюссонитъ, итроцеритъ), содержащихъ уранъ. Въ воздухѣ въ значительномъ количествѣ находится изъ этихъ газовъ только аргонъ, именно на 100 ч. по вѣсу—кислорода приходится 23,2%, азота 75,5% и аргона 1,3%. Маленькій урокъ для нашего научнаго самомнѣнія: болѣе ста лѣтъ мы уже изучаемъ воздухъ, тысячи ученыхъ изслѣдовали его составъ и все же только «на дняхъ» познакомились мы съ элементомъ, который составляетъ болѣе одной сотой по вѣсу нашей атмосферы.

Гелія, неона, крюптона и ксенона въ воздухѣ находятся только слѣды. Для полученія наиболѣе тяжелыхъ изъ этихъ газовъ — крюптона и ксенона *Рамзай* и *Траверсъ* оставляютъ медленно испаряться значительное количество жидкаго воздуха. Послѣднія порціи этой жидкости не содержатъ уже болѣе ни кислорода, ни азота и состоятъ изъ смѣси крюптона, ксенона и аргона, причемъ преобладаетъ послѣдній. Снова подвергаютъ этотъ остатокъ ожиженію, пропуская его чрезъ трубку, окруженную жидкимъ воздухомъ. Затѣмъ, при незначительномъ повышеніи температуры, начинаетъ испаряться аргонъ, который и собирается въ отдѣльный пріемникъ. Остается только смѣсь крюптона и ксенона. При температурѣ кипѣнія воздуха крюптонъ имѣетъ уже весьма высокое давленіе паровъ, ксенонъ же крайне незначительное; на этомъ различіи основано раздѣленіе крюптона и ксенона. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ отдѣленія неона, аргона и гелія, упомянемъ только, что гелій и неонъ отдѣляютъ отъ аргона при посредствѣ дробной перегонки. Наибольшая трудность представляетъ отдѣленіе неона отъ гелія, которое можетъ быть осуществлено только при посредствѣ жидкаго водорода: при такомъ испареніи жидкаго водорода неонъ переходитъ въ жидкость (и даже частью затвердѣваетъ), тогда какъ гелій остается все еще въ газообразномъ состояніи и потому, можетъ быть, отдѣленъ отъ перваго. Для всѣхъ этихъ новыхъ газовъ, которые преобладающимъ большинствомъ ученыхъ признаются за простые тѣла — элементы, характерна ихъ химическая недѣятельность (откуда и названіе *аргонъ*—отъ греческаго слова ἀργός—недѣятельный): до сихъ поръ не удалось получить ни одного химическаго соединенія какого-либо изъ этихъ газовъ съ какимъ-нибудь другимъ элементомъ.

Рамзай и *Траверсъ*, благодаря работамъ которыхъ (и лорда Рэлея) открыты и изучены газы аргонъ-геліевой группы, опредѣлили многія физическія по-

стоянныя этихъ новыхъ элементовъ, каковы, напримѣръ, показатель преломленія, плотность, температура кипѣнія, критическая температура и т. д. Въ виду спеціальности этихъ изслѣдованій, мы не станемъ на нихъ останавливаться, скажемъ только, что величины эти послѣдовательно наростаютъ отъ гелія къ ксенону (гелій, неонъ, аргонъ, крюптонъ, ксенонъ). Изъ отношенія величинъ теплоемкостей, при постоянномъ объемѣ и давленіи, авторы заключаютъ, что всѣ эти газы одноатомны, т.-е., что частица ихъ состоитъ изъ одного атома, а это, равно какъ и нѣкоторыя другія соображенія, приводятъ Рамзая и Траверса къ выводу, что гелій, неонъ, аргонъ, крюптонъ, ксенонъ образуютъ въ періодической системѣ новую группу, стоящую послѣ VII-й группы.

Такимъ образомъ, при допущеніи одноатомности этихъ газовъ можно составить слѣдующую таблицу атомныхъ вѣсовъ:

Водородъ	Гелій	Литій	Бериллій
1	4	7	9
Фторъ	Неонъ	Натрій	Магній
18	20	23	24
Хлоръ	Аргонъ	Калій	Кальцій
35,5	40	39	40
Бромъ	Крюптонъ	Рубидій	Стронцій
80	82	85	87
Іодъ	Ксенонъ	Цезій	Барій
127	128	133	137

Но несмотря на эту правильность, подобную той, которая наблюдается и въ другихъ группахъ элементовъ, Рамзай и Траверсъ не могли вывести ни одного свойства новыхъ газовъ изъ свойствъ другихъ элементовъ, что проф. Менделѣевымъ было сдѣлано, благодаря періодическому закону, для многихъ элементовъ, еще неизвѣстныхъ во время установленія этого закона (галлій, германій, скандій); поэтому вышеупомянутые англійскіе химики думаютъ, что «періодическая система представляетъ загадку, которая еще ждетъ своего разрѣшенія». Во всякомъ случаѣ, уже и въ этомъ мы видимъ уступку новыхъ пришельцевъ періодическому закону, такъ какъ въ началѣ своего появленія эти новые газы совершенно не хотѣли укладываться въ рамки періодической системы.

Напомнимъ еще читателю, что нѣкоторые, положимъ, весьма немногочисленные, химики (напр., Б. Браунеръ) еще до сихъ поръ сомнѣваются въ томъ, что газы аргонъ-геліевой группы—элементы и считаютъ ихъ сложными тѣлами. По ихъ мнѣнію, въ пользу такого предположенія говоритъ, напримѣръ, то, что спектръ аргона нѣсколько сходенъ со спектромъ углерода; разъ эти газы—вещества сложныя, то, конечно, нѣтъ вопроса, о помѣщеніи ихъ въ періодическую систему проф. Менделѣева. Другіе (Пиччини) полагаютъ, что періодическій законъ не теряетъ еще своего значенія, благодаря тому, что вновь открытыя простыя тѣла не входятъ въ систему; основы періодическаго закона стоятъ нерушимо, но это, конечно, не исключаетъ возможности дальнѣйшаго развитія системы.

Золото въ растеніяхъ. Въ «Zeitschrift für praktische Geologie» *Лунвицъ* сообщаетъ объ открытіи золота въ стволахъ деревьевъ. Количество золота, правда, не велико: всего на сумму отъ 20 копѣекъ до 2 руб. 50 коп. на 60 пудовъ золы. Такое количество золота соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Лунгвица, тому, которое можетъ быть растворено окружающей водой. Повидимому, золото собирается въ верхней части ствола. Выводъ, который можно сдѣлать изъ этого сообщенія, тотъ, что благодаря продолжительному дѣйствію водъ во-

лотоносныя земли будутъ содержать все меньшее и меньшее количество золота. По Лунгвицу, золото, растворенное въ этихъ водахъ, по всей вѣроятности, находится въ нихъ въ видѣ органическихъ солей. Труднѣе объяснить, какимъ образомъ образуются эти соли. Можно, напримѣръ, допустить, что золото растворится въ присутствіи хлористаго натрія, азотно-кислыхъ солей и сѣрной кислоты и что хлорное золото такимъ образомъ образованное можетъ соединиться съ тѣми или другими органическими веществами почвенной воды; но, конечно, процессъ образованія этихъ органическихъ соединеній золота, можетъ быть, гораздо болѣе сложнымъ.

В. Агафоновъ.

---

† Потэнъ (Potain).

4-го января н. ст. умеръ 75 лѣтъ отъ роду знаменитый клиницистъ Потэнъ, директоръ Парижскаго госпиталя Charité. Работая по преимуществу надъ методами клиническихъ изслѣдованій — область, куда за послѣднюю половину минувшаго вѣка устремлялись лучшія медицинскія силы, Потэнъ оставилъ тамъ прочный слѣдъ и его труды долго еще будутъ отмѣчать, словно межевые столбы, различные этапы въ развитіи этой важнѣйшей изъ отраслей медицины. Не одна только научная точность изслѣдованія и осторожность выводовъ, находившихъ еще при жизни Потэна всеобщее признаніе и достойную оцѣнку со стороны медицинскаго ученаго міра, характеризуютъ его какъ ученаго. При своихъ огромныхъ заслугахъ, онъ отличался рѣдкой скромностью, беззавѣтной преданностью интересамъ науки и высокою гуманностью. «Maître de la Charité» — такъ называли заочно Потэна парижскіе корифеи медицины, желая выразить въ этомъ нарицательномъ имени свое особенное къ нему уваженіе.

Въ скромной аудиторіи и клиникахъ исторически знаменитаго госпиталя Charité ничто не было разсчитано на эффектъ, ни въ чемъ не чувствовалось и слѣда характерной для французовъ и не чуждой даже и ихъ ученому міру — «mise en scène». Массивныя зданія Charité мало поддавались неоднократнымъ попыткамъ передѣлать ихъ сообразно требованіямъ современной госпитальной архитектуры и сохранили и по нынѣ свой мрачный, угрюмый видъ. Но всякій, посѣтившій за послѣдніе годы, хотя одинъ разъ, Charité, не могъ не замѣтить разницы, выгодно отличавшей его отъ другихъ госпиталей Парижа. Здѣсь прежде всего нельзя было встрѣтить такой толчеи, такого безпрестаннаго «va et vient», какое существуетъ въ другихъ большихъ клиникахъ Парижа, напр. въ Hôtel-Dieu, гдѣ съ утра до вечера толпятся посѣтители, болѣе или менѣе причастные медицинѣ. Въ клиникахъ Charité, напротивъ, все направлено къ тому, чтобы оградить спокойствіе больныхъ, насколько, конечно, позволяютъ преслѣдующіяся при этомъ цѣли научныхъ изслѣдованій и преподаванія. Потэнъ не дозволялъ никому изслѣдовать больныхъ внѣ опредѣленныхъ для этого часовъ, когда онъ обходилъ клиники.

При обходѣ больныхъ, Потэнъ заботливо, внимательно выслушивалъ всякія ихъ заявленія и жалобы и всегда умѣлъ найти для нихъ доброе слово утѣшенія и одобренія. Казалось, что его разспросы, внимательный осмотръ и изслѣдованія больного и даже краткія поясненія студентамъ, не имѣли другой цѣли, кромѣ здоровья или облегченія страданій паціента. И больные, обласканные и успокоенные, довѣрчиво и безъ малѣйшаго неудовольствія предоставляли себя для изслѣдованія сопровождавшимъ Потэна студентамъ и врачамъ.

Я никогда не забуду впечатлѣнія полученнаго мною на первой лекціи Потэна, въ одно изъ моихъ немногихъ, къ сожалѣнію, посѣщеній госпиталя Charité. Въ мрачной аудиторіи, окна которой смотрѣли въ какія-то огромныя стѣны, собралось небольшое число слушателей. Потэнъ не былъ блестящимъ лекторомъ. Голосъ его былъ тихъ и сидящіе не на первыхъ скамьяхъ должны были сильно напрягать слухъ, что бы уловить его рѣчь. Въ первыя мгновенія я, было, раскаялся, что пришелъ на лекцію. Потэнъ началъ читать по поводу одной изъ самыхъ обычныхъ болѣзней, какія выбираютъ, обыкновено, предметомъ лекціи, когда въ клиникахъ не случится «интереснаго» больного. Мнѣ, тогда еще вновь испеченому врачу, казалось, что много разъ видѣнное мною въ клиникахъ и вычитанное въ книгахъ исчерпывало вполнѣ всѣ возможные вопросы по поводу этой несложной болѣзни. Но почти съ первыхъ же словъ Потэна, я былъ заинтересованъ совершенно новымъ для меня критическимъ разборомъ главныхъ признаковъ болѣзни. Подъ ударами безпощаднаго, разрушительнаго анализа, производимаго Потэномъ, предо мной вставала картина необычайной сложности болѣзненнаго процесса, многочисленности формъ его проявленій и симптомовъ, которыя такъ легко было смѣшать съ многими другими родами болѣзней. Едва ли не впервые съ такой поразительной ясностью я постигалъ ту страшную сложность и запутанность явленій, въ которыхъ приходится разбираться медику. На мгновеніе малодушное чувство отчаянія и недовѣрія къ своимъ силамъ овладѣло мною. Но вотъ анализъ кончился и Потэнъ приступилъ къ выясненію методовъ, съ помощью которыхъ можно въ этомъ хаосѣ взаимно исключающихъ симптомовъ и признаковъ распознать подлинную болѣзнь. Предъ умственными взорами слушателей возникла иная картина. Потэнъ, какъ-будто, подалъ намъ руку и направилъ насъ на вѣрный путь въ этомъ, казалось, безвыходномъ лабиринтѣ.

Такое сильное впечатленіе производили на слушателей почти всегда клиническія лекціи Потэна. Секретъ ихъ обаянія, какъ мнѣ кажется, заключался въ томъ, что онѣ заставляли слушателя до нѣкоторой степени переживать и участвовать въ тѣхъ усиліяхъ, въ тѣхъ мукахъ мысли, которыми могучій умъ доходитъ до познанія глубоко скрытыхъ истинныхъ отношеній вещей. Потэнъ словно забывалъ объ аудиторіи и только вслухъ повѣрялъ ей свои мысли. Увлекаемый ихъ теченіемъ, слушатель забывалъ, что его собственная мысль только слѣдуетъ за мыслью лектора.

Потэнъ, какъ діагностъ, самъ усовершенствовавшій многіе изъ методовъ клиническаго изслѣдованія, едва-ли имѣлъ соперниковъ между современными ему клиницистами. Нѣкоторые изъ его діагнозовъ поразительны. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи упомянуть объ одномъ его діагнозѣ, изумившемъ три года тому назадъ весь медицинскій міръ Парижа. Въ Charité поступила одна больная женщина. Послѣ перваго осмотра Потэнъ велѣлъ помѣстить ее въ отдѣленіе сердечныхъ больныхъ, не сказавъ ничего о родѣ ея болѣзни. Ассистенты опредѣлили у ней одинъ изъ обыкновенныхъ случаевъ порока сердца и довольно самоувѣренно говорили изслѣдовавшимъ студентамъ: «Не правда-ли, какой характерный сердечный шумъ?» Но прошло нѣсколько дней. Потэнъ при каждомъ своемъ посѣщеніи клиники подходилъ къ новой больной и подолгу ее изслѣдовалъ. Ассистенты недоумѣвали. При самомъ тщательномъ изслѣдованіи, случай, казалось имъ, не представлялъ ничего особеннаго. Но, разумѣется, они не высказывались уже болѣе съ такою опредѣленностью, какъ раньше. Прошло недѣли двѣ. Потэнъ, сохранявшій попрежнему молчаніе о больной, велитъ перенести ее въ аудиторію и посвящаетъ ей лекцію. Слушатели ошеломлены. Предъ ними рѣдкій, за всю клиническую исторію одинъ разъ распознанный при жизни паціента, случай прирожденной инверсіи главныхъ сосудовъ сердца,

состоящій въ томъ, что аорта выходитъ изъ праваго желудочка сердца, а легочная артерія изъ лѣваго, а не наоборотъ. Діагнозъ обставленъ такими неотразимыми доводами, что у слушателей не остается и тѣни сомнѣнія въ его вѣрности, подтвержденной, впрочемъ, вскрытіемъ вскорѣ умершей больной. Впечатлѣніе этой лекціи было таково, что у одного ассистента невольно вырвалось: «Стоитъ-ли намъ послѣ этого изучать медицину!»

Работы Потэна многочисленны и извѣстны всему ученому міру. Мы не можемъ дать о нихъ здѣсь и приблизительнаго отчета, о главнѣйшихъ же его трудахъ упомянуто въ нижеслѣдующихъ прекрасныхъ словахъ, произнесенныхъ на смерть Потэна его знаменитымъ коллегой и другомъ Ж. Мареемъ (J. Marey).

«...Потэнъ вошелъ въ составъ нашей корпораціи въ 1883 году, уже и тогда извѣстный не только, какъ выдающійся ученый медикъ, но и какъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ.

«Мнѣ нѣтъ нужды напоминать вамъ о его трудахъ: они извѣстны каждому изъ васъ. Вы знаете, чѣмъ обязаны ему симптоматологія (семіотика) и методы клиническихъ изслѣдованій.

«Потэнъ довелъ всѣ способы діагноза до степени совершенства. Никто лучше его не умѣлъ истолковать значеніе шумовъ, которыми сопровождаются различныя болѣзни сердца. Онъ первый указалъ на фактъ, что иногда шумы, весьма похожіе на сердечные, происходятъ внѣ этого органа и предостерегалъ своихъ учениковъ отъ возможныхъ въ такихъ случаяхъ ошибокъ. Формы венознаго пульса яремныхъ венъ, біенія сердца и пульсація печени сдѣлались, благодаря ему, драгоцѣннѣйшими средствами діагноза. Но какъ ни велики были умѣнье и точность, съ которыми Потэнъ распознавалъ и опредѣлялъ болѣзненныя измѣненія органовъ, онъ не ограничивался только этимъ. Онъ доказалъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, что солидарность, существующая между различными отправленіями органовъ, обнаруживается и въ ихъ болѣзненномъ состояніи. Такъ, напримѣръ, заболѣванія печени и почекъ отражаются на сердцѣ, туберкулезное пораженіе легкихъ замедляетъ развитіе сердечныхъ болѣзней и т. п.

«Замѣчательный клиницистъ, превосходный физіологъ, Потэнъ былъ въ то же время не менѣе замѣчательнымъ физикомъ. Всякій разъ, какъ ему требовался для какой-нибудь намѣченной имъ цѣли инструментъ или приборъ, онъ изобрѣталъ и создавалъ его самъ. Всѣмъ извѣстенъ остроумный приборъ, изобрѣтенный имъ для опорожниванія грудной клѣтки отъ плевритическаго экссудата, а также его приспособленія и аппараты для исчисленія кровяныхъ тѣлецъ, для дозированія нѣкоторыхъ веществъ посредствомъ колориметріи. Его сфигмоманометръ еще и до сихъ поръ остается лучшимъ приборомъ для измѣренія артеріальнаго давленія у человѣка.

«Потэнъ—физіологъ былъ извѣстенъ только тѣмъ, кто посѣщалъ его небольшую лабораторію въ Charité. Всякій разъ, какъ его профессіональныя обязанности оставляли ему минуты свободнаго времени, онъ проводилъ ихъ въ этой крошечной комнаткѣ. Тамъ онъ производилъ различные опыты, всегда сложные и чрезвычайно остроумные, съ цѣлью пролить свѣтъ на нѣкоторые вопросы патологіи. Такъ, еще недавно онъ изучалъ неодинаковую степень поглощенія различныхъ газовъ, введенныхъ въ полости плевры или брюшины. Погруженный въ свои изысканія, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и не замѣчалъ какъ проходитъ время и его ученикамъ приходилось напоминать ему, что онъ долженъ оторваться отъ своихъ работъ.

«Въ прошломъ году, достигнувъ предѣльнаго возраста профессуры, Потэнъ долженъ былъ покинуть госпиталь и учениковъ. И онъ сдѣлалъ это съ глубокимъ сожалѣніемъ. Друзья, присутствовавшіе на послѣдней его лекціи, не могли не понять его чувствъ по тому волненію, съ которымъ онъ ее прочи-

талъ. Но онъ не предназначалъ еще себя къ покою, вѣдь онъ могъ еще служить наукѣ, посвятивъ свое свободное время любимымъ изслѣдованіямъ. Его привлекала физіологія, отчего бы ему не посвятить ей то время, которымъ онъ теперь располагалъ и тотъ душевный пылъ, который не умѣрилъ даже преклонный возрастъ. Потэнъ лѣлѣялъ эту мысль и, къ моей величайшей радости, мы условились вмѣстѣ изучать нѣкоторые интересовавшіе насъ обоихъ вопросы.

«Еще не прошло и недѣли, какъ нашъ коллега былъ въ біологическомъ обществѣ. Его горячо привѣтствовали, ему поднесли во время засѣданія званіе почетнаго члена. Увы! его новымъ коллегамъ больше не суждено было его увидѣть. Сколько сожалѣній оставляетъ за собой смерть нашего возлюбленнаго коллеги! Какое благородное существованіе прекратилось! Потэнъ никогда не заботился о самомъ себѣ, онъ былъ всецѣло преданъ своему долгу, своимъ обязанностямъ. Мягкій, почти робкій по натурѣ, онъ проявлялъ недюжинную энергію, когда нужно было защищать интересы науки, факультета или больныхъ...»

Д-ръ Левашовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль. 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія всеобщая. — Философія. — Учебныя книги. — Естествознаніе и путешествія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Русская лира».—*П. Б. Хвостовъ.* «Собраніе стихотвореній».—*И. Даниловъ.* «Очерки и разсказы».—*Н. Новичъ.* «Французскіе поэты».—*Торквато Тассо.* «Освобожденный Іерусалимъ».

«Русская лира». Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Составилъ М. Л. Б. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Изящно изданный сборникъ «Русской лирики» заключаетъ до трехсотъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ, среди которыхъ встрѣчаемъ имена почти всѣхъ наиболѣе любимыхъ отъ Пушкина и до П. Я. включительно. Правда, нѣсколько придирчивая критика отмѣтила пропускъ такихъ, какъ Подолинскій и другіе, и выразила недоумѣніе по поводу гг. Минскаго и Мережковскаго. Что касается перваго упрека составителю, то, конечно, у Подолинскаго онъ могъ найти нѣсколько задушевныхъ вещицъ, которыя вполнѣ подошли бы къ общему тону сборника. Но такой пропускъ не настолько существенъ, чтобы стоило его нарочито подчеркивать. Относительно же новѣйшихъ поэтовъ, какъ вышеупомянутые, было бы непростительнымъ промахомъ не дать имъ мѣста въ такомъ сборникѣ. Уже по одному тому, что они—наши современники, они близки намъ и въ своей лирикѣ отражаютъ гораздо болѣе родственныя намъ настроенія, чѣмъ Подолинскій или другой изъ старыхъ второ- или даже третьестепенныхъ поэтовъ.

Кромѣ сравнительной полноты, настоящій сборникъ отличается и выдержанностью тона Всѣ вошедшія въ него стихотворенія несомнѣнно принадлежатъ къ перламъ русской лирической поэзіи, что обнаруживаетъ въ составителѣ извѣстный вкусъ и любовь къ истинной поэзіи. Правда, составитель нѣсколько искусственно разбилъ свой сборникъ на девять книгъ, желая подобрать по разрядамъ стихотворенія болѣе или менѣе одного типа, что, однако, ему не удалось, и порой недоумѣваешь, почему стихотвореніе чисто любовное отнесено въ одинъ рядъ съ навѣянными природой, и наоборотъ. Но такое, мѣстами вполнѣ формальное, дѣленіе не лишаетъ, конечно, избранныхъ вещей красоты и ни мало не мѣшаетъ наслаждаться ею, хотя бы самое дѣленіе и было натянуто. Составителя, видимо, соблазнило число—девяти музъ, и онъ попытался разбить русскую лирику на девять разрядовъ, напр., книга первая—поэтъ, его опредѣленіе у Пушкина, Майкова, Толстого, Лермонтова; книга вторая—настроенія, вызванныя природой, и тутъ же «Вакхическая пѣсня», и т. д. Повторяемъ, однако, что это чисто формальный недостатокъ, не имѣющій никакого отношенія къ существу сборника. Гораздо болѣе существенный упрекъ можно сдѣлать составителю въ томъ, что онъ всецѣло обошелъ лирику гражданскую, которая имѣетъ такое же право на мѣсто въ русской лирикѣ, какъ любовная, или всякое другое искренно выраженное личное чувство. Именно эта

сторона русской лирики очень богата и разнообразна, и отсутствіе ея въ настоящемъ сборникѣ лишаетъ его цѣльности. *А. Б.*

Н. Б. Хвостовъ (Н. Борисовичъ). Собраніе стихотвореній. Въ двухъ книгахъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. Два тома произведеній г. Хвостова даютъ образчики его творчества во всѣхъ видахъ и родахъ поэзіи. Тутъ есть и лирика, и поэмы, и басни, и драматическія сцены, письма и оды, воспоминанія и проч. Все это аккуратно и тщательно расположено по годамъ, каждая вещица снабжена датой, дабы читатели могли слѣдить за ростомъ этого таланта и сравнивать его успѣхи, начиная съ 1865 г. и по 1900 г. включительно. Съ трогательнымъ вниманіемъ относится авторъ ко всѣмъ ближайшимъ и дальнимъ родственникамъ, къ друзьямъ и сотоварищамъ по службѣ, посвящая имъ плоды своего вдохновенія, отмѣчая въ стихахъ на память потомству разныя событія, любезныя ихъ сердцу. Авторъ, повидимому, принадлежалъ, а, можетъ быть, принадлежитъ и теперь къ досточтимому сословію судебной магистратуры, о чемъ можно судить по цѣлому отдѣлу его стихотвореній, посвященному «товарищамъ по слѣдственному коридору». Этотъ коридоръ играетъ въ нихъ видную роль, какъ мѣсто, гдѣ происходили, надо полагать, весьма важныя для автора событія. Не столько тронутые, сколько приведенные въ нѣкое изумленіе, — въ томъ смыслѣ, какъ говорится въ старыхъ судебныхъ актахъ о подвергаемыхъ пыткѣ: «отчего оный изумленнымъ бываетъ»,—мы приводимъ малый образчикъ этой коридорной музы:

Не сошлась дружина князя величать,
Не встрѣчаетъ въ полѣ воеводу рать,
Не приспѣшники къ опричнику въ чести
Собрались—ему поклоны принести: —
Предъ товарищемъ по духу *коридоръ*
Льетъ рѣкой свободной чувства на просторъ!
Охъ ты гой еси, Кондратьичъ, чудо дѣдъ!
Послужилъ ты *коридору* много лѣтъ —
Тридцать годиковъ да три года радѣлъ,
Въ передрягахъ *коридорныхъ* посѣдѣлъ! — и т. д.

Не желая, чтобы и читатели стали отъ такой поэзіи тоже «изумленными», удовольствуемся этимъ образчикомъ. Тѣмъ болѣе, что разнообразіе таланта досточтимаго автора велико и намъ необходимо для полноты отзыва остановиться еще на его переводахъ, которые составляютъ добрую треть его книжекъ. Авторъ выбираетъ преимущественно поэтовъ извѣстныхъ, какъ Гёте, Гейне, Сюлли Прюдомъ, и беретъ изъ нихъ вещи, тоже заслужившія общее одобреніе, что несомнѣнно дѣлаетъ честь его вкусу. Кто, напримѣръ, не знаетъ, гётевскаго «Ueber allen Gipfeln ist Ruh?» Если же кто не знаетъ оригинала, то, навѣрное, помнитъ лермонтовскій переводъ: «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной». Не одобряя этого перевода, авторъ пытается перевести дословно оригиналъ, и получилось слѣдующее несравненное произведеніе:

Стихли въ ночи горы
И спятъ.
Птицъ веселыхъ хоры
Молчатъ
Въ чащѣ лѣсной.
Вздохъ въ темнотѣ замираетъ.
Жди — наступаетъ
Отдыхъ и твой.

Благодарные за такое исправленіе неудачной лермонтовской попытки, мы хотѣли бы порадовать читателя еще многочисленными поправками въ томъ же родѣ, но для этого пришлось бы привести всѣ переводы г. Хвостова, а это, пожалуй, онъ бы счелъ за контрафакцію и могъ бы привлечь насъ къ суду чести. Поэтому, еще одинъ только маленькій, но премиленькій образчикъ его перево-

довъ изъ Гейне. Всѣ эти переводы не уступаютъ другъ другу по достоинству, и беремъ первое, что намъ бросилось въ глаза. Кто не знаетъ извѣстнаго романса «Былъ старый король», гдѣ поется о томъ, какъ пажъ молодой, носившій шлейфъ королевы, молодой и прекрасной, влюбился въ нее? Вотъ какъ рисуется пажъ въ переводѣ нашего автора: «Жилъ пажъ, красавецъ стройный; не сердце—воскъ; не кудри—ленъ!» Второй стихъ такъ тонокъ и красивъ, что для удученія Гейне не можемъ не привести оригинала: «Blond war sein Haupt, leicht war sein Sinn».

Своеобразіе поэзіи г. Хвостова вызываетъ невольное сближеніе съ знаменитымъ графомъ Хвостовымъ, соперникомъ Пушкина, и наводитъ на мысль, не есть ли нашъ поэтъ отрасль отъ этого пресловутаго древа поэзіи? Если же нѣтъ, то тѣмъ большую цѣнность должна имѣть въ глазахъ критиковъ его несомнѣнная оригинальность. *А. Б.*

И. Данилинъ. Очерки и разсказы. Изд. ред. журнала «Русская Мысль». Москва. 1901 г. Ц. 1 р. Очерки и разсказы г. Данилина, большая часть которыхъ была напечатана въ «Рус. Мысли», не блещутъ особымъ талантомъ, но не лишены интереса, какъ очерки быта ремесленниковъ и рабочихъ мелкой промышленности. Авторъ, повидимому, стоялъ довольно близко къ жизни мастерскихъ средней руки, преимущественно къ печатному дѣлу. По крайней мѣрѣ, среда, имъ описываемая, состоитъ исключительно изъ рабочихъ при типографіяхъ и мастерскихъ, связанныхъ съ ними. Самый большой и содержательный очеркъ «Въ мастерской» знакомитъ читателя съ оригинальнымъ міромъ рисовальщиковъ, приготовляющихъ товаръ для невзыскательныхъ любителей лубочныхъ картинъ. Авторъ съ полнымъ знаніемъ описываемаго имъ быта вводитъ насъ въ кругъ этихъ оригинальныхъ художниковъ, которые, какъ-никакъ, а воспитываютъ вкусъ простого народа къ красотѣ и изящному. Жизнь рисовальщиковъ проходитъ предъ читателями въ простыхъ, иногда примитивно написанныхъ картинахъ, безъ яркой окраски, но подкупающихъ правдивостью, что и составляетъ лучшую сторону очерка. Отдѣльные типы не даютъ художественнаго представленія, и попытки автора въ этомъ направленіи терпятъ полнѣйшее крушеніе. Но зато они знакомятъ съ различными представителями этой профессіи, начиная отъ простого вертельщика колеса у печатной машины и до высшаго представителя рисовальнаго мастерства, сочиняющаго оригиналы картинъ, которыя затѣмъ переводятся подручными мастерами на камень, размалевываются и идутъ въ обращеніе въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Рисовальщикъ оригиналовъ Коптевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ неудачниковъ-художниковъ, которымъ судьба не дала возможности развить свой талантъ и выбиться на торную дорогу настоящаго высокаго искусства. Въ очеркѣ не видно, что заставило одареннаго несомнѣннымъ талантомъ Коптева спуститься до простого мастерства. Онъ цѣлой головой выше своихъ товарищей какъ по таланту, такъ и по развитію, и признается ими за человѣка изъ высшей среды. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ стоитъ съ ними на равной ногѣ, хорошій товарищъ и пользуется ихъ уваженіемъ и дружбой. Особаго вліянія на нихъ онъ не оказываетъ, и самъ пьянствуетъ съ ними въ свободные часы, хотя и не испытываетъ особаго влеченія къ такому времяпрепровожденію. Остальные его товарищи сплошь только мастера, отдѣлывающіе ту или иную деталь картинокъ, и ничѣмъ особымъ не выдѣляются изъ рабочей среды. Хорошо очерченъ также тотъ духъ товарищества, какой развивается въ мастерской при взаимной работѣ. Мастерская дружно стоитъ за товарища, простого мужика, когда его постигла бѣда, заступается за провинившихся предъ хозяиномъ и умѣетъ сдержать властные порывы послѣдняго. Какихъ-либо высшихъ стремленій, однако, въ этой дружной средѣ не замѣчается, и однообразная жизнь тяжелаго труда прерывается только грандіозными выпивками въ дни получекъ,

съ тяжелымъ похмельемъ на слѣдующій день. Въ другихъ очеркахъ («Выборы», «Изъ записокъ чернорабочаго») описанъ бытъ болѣе низкой среды. Рисовальщики — это своего рода аристократія труда, какъ по размѣрамъ заработка, такъ и по сравнительной легкости работы, не требующей тяжкаго напряженія физическихъ силъ. Не то мы видимъ среди низшаго персонала типографскихъ и литографскихъ мастерскихъ, гдѣ тяжесть труда доведена до отупляющаго максимума и эксплуатація рабочихъ до того предѣла, за которымъ начинается уже уголовщина, въ видѣ грубаго нарушенія обязательныхъ санитарныхъ правилъ и проч. Тяжелое впечатлѣніе этихъ очерковъ усиливается отъ простоты и безъискусственности описанія. И здѣсь также разсказчикъ отмѣчаетъ товарищество рабочихъ, помогающее имъ выносить всю грубость и тяжесть работы. Къ сожалѣнію, недостатокъ художественнаго таланта мѣшаетъ автору дать полную картину описываемаго имъ быта. Получаются въ общемъ довольно блѣдные очерки, не дающіе ни цѣльнаго представленія о самихъ рабочихъ, ни яркаго изображенія ихъ жизни. Впрочемъ, г. Даниловъ и не претендуетъ на художественность, назвавъ большую часть своихъ разсказовъ «бытовыми очерками». *А. Б.*

Французскіе поэты. Изданы подъ редакціей Н. Новича. С.-Петербургъ. 1900 г. Г. Новичъ издалъ уже нѣсколько сборниковъ стихотворныхъ переводовъ съ различныхъ языковъ, и антилогіи эти находили не разъ оцѣнку въ библіографіи «Міра Божія». Настоящій сборникъ представляется наиболѣе объемистымъ изъ всѣхъ предыдущихъ, но при этомъ едва ли не наименѣе удовлетворительнымъ. Такіе сборники могутъ имѣть значеніе лишь при извѣстныхъ условіяхъ: прежде всего подборъ поэтовъ долженъ быть достачно полнымъ и во всякомъ случаѣ не произвольнымъ; затѣмъ каждый изъ поэтовъ долженъ быть представленъ самыми характерными своими стихотвореніями; наконецъ, нечего и говорить о томъ, что качество переводовъ должно хоть сколько-нибудь соотвѣтствовать поэтическимъ достоинствамъ подлинниковъ.

Ни одно изъ этихъ условій не соблюдено въ сборникѣ г. Новича. Такъ, французскіе лирики прежнихъ вѣковъ представлены весьма бѣдно, и повидимому, совершенно случайно, но и изъ числа поэтовъ XIX вѣка пропущены нѣкоторыя такіе, отсутствіе которыхъ весьма ощутительно: Эмиль Дешанъ, одинъ изъ главныхъ основателей «романтическаго кружка», затѣмъ Сентъ-Бёвъ, какъ поэтъ-предшественникъ Готье и парнассцевъ, философъ и республиканецъ—Эдгаръ Кине, первый по времени поэтъ въ народномъ духѣ—Пьеръ Дюпонъ и многіе другіе, которые ни въ какомъ случаѣ не менѣе заслуживали вниманія, чѣмъ помѣщенные въ сборникѣ Суме, Арно, Дебро, Ребуль, Сулари, Пате и пр. Еще важнѣе то, что даже крупные писатели далеко не всегда достаточно и правильно характеризованы. Такъ, изъ произведеній Беранже приведено восемь стихотвореній исключительно меланхолическаго или элегическаго содержанія и не дано ни одного образчика его игривыхъ сатирическихъ пѣсенъ, которыя именно и характерны для его музы. Тоже самое нужно сказать и о Парни, извѣстномъ своими эротическими стихотвореніями и циничными сатирами, тогда какъ у г. Новича приведены три совершенно незначительныя, крошечныя элегіи. Изъ Ронсара приведено только одно незначительное стихотвореніе; г-жа Дебордъ-Вальморъ, Катюль Мандесъ, Верленъ, Ришпенъ, Эредіа также выступаютъ съ однимъ-двумя стихотвореніями, иногда вовсе не лучшими и не характерными для нихъ. Болѣе полный выборъ сдѣланъ только изъ Виктора Гюго и отчасти изъ Ламартина и А. де-Мюссе, хотя изъ знаменитыхъ «Ночей» послѣдняго взято только два нелѣпо оборванныхъ куска и еще «Декабрская ночь» въ плачевномъ переводѣ В. Курочкина, начинающемся стихомъ: «Когда я былъ еще дитей...» За достоинства переводовъ, конечно, нельзя возлагать всю отвѣтственность на г. Новича; хорошихъ переводовъ такъ мало, что поневолѣ приходится порою быть

снисходительнымъ, но при всемъ томъ нельзя было включать въ сборникъ совсѣмъ негодныхъ вещей; слѣдовало также повнимательнѣе поискать,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуютъ несомнѣнно лучшіе переводы, чѣмъ выбранные г. Новичемъ. Конечно, и у него встрѣчаются удачные переводы, напр. г. М. Рамшева и П. Я. изъ Бодлера, нѣсколько вещей Плещеева, Мея, а также г. Мережковскаго, г-жи О. Чюминой изъ А. де-Мюссе и нѣкоторые другіе, но въ общей массѣ выборъ надо признать весьма плохимъ. Напр. прекрасное стихотвореніе В. Гюго

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!
Dieu sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe...

помѣщено въ невозможномъ переводѣ В. Бенедиктова, который начинается такъ:

Нѣтъ! Падшей женщины не порицай открыто.
Кто вѣдаетъ весь грузъ ея земного быта?

А. Шенье приведенъ въ довольно посредственныхъ переводахъ Дубровина, Грекова, того же Бенедиктова и почему-то совсѣмъ забыты образцовые переводы гр. А. Толстого. Но всего непозволительнѣе поступлено съ Виллономъ. Его извѣстная «Баллада о повѣшенныхъ», одно изъ крупнѣйшихъ произведеній всей французской лирики, помѣщена въ совершенно искаженномъ видѣ, съ ремаркой «по Демелю» (Демель—современный нѣмецкій поэтъ). Когда г. Новичъ переводилъ китайскихъ и японскихъ поэтовъ «съ нѣмецкаго», это еще можно было понять, но переводить съ нѣмецкаго общеизвѣстныхъ французскихъ писателей, къ тому же, въ урѣзанномъ и скомканномъ видѣ, чего издатель, повидимому, и не подозрѣваетъ,—это болѣе чѣмъ странно.

Небрежность издателя сказывается и въ другихъ случаяхъ. Въ концѣ книжки приведены краткія критико-біографическія справки о каждомъ поэтѣ. Эти свѣдѣнія были бы весьма полезны для читателей, если бы они не были уже черезчуръ кратки и отрывочны, а нерѣдко и неточны. Поэты здѣсь, какъ и во всемъ сборникѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и раздѣлены по вѣкамъ; при этомъ извѣстный стихотворецъ Жанъ-Батистъ Руссо, умершій въ 1741 году, попалъ почему-то въ XVII вѣкъ, а Андре Шенье, гильотинированный, какъ извѣстно, въ 1794 году, отнесенъ къ XIX вѣку. Къ французскимъ поэтамъ присоединено нѣсколько швейцарскихъ и трое бельгійскихъ поэтовъ, а въ заключеніе читатель находитъ, къ своему удивленію, одно изъ французскихъ стихотвореній Лермонтова въ вымученномъ переводѣ г. Шуфа. Для чего это понадобилось, угадать нельзя. *Е. Дегенъ.*

Торквато Тассо. Освобожденный Іерусалимъ. Поэма. Перевелъ съ итальянскаго Димитрій Минъ. 3 т. «Дешевая библіотека», изд. А. С. Суворина. 1900 г. Еще не такъ далеко время, когда поэмой Тассо зачитывались романтическіе юноши, которыхъ увлекали средневѣковыя доблести, рыцарская любовь, блескъ и грохотъ мечей, копій, шлемовъ и латъ. Благодаря особенностямъ русскаго романтизма, впрочемъ, у насъ Тассо никогда не пользовался широкой популярностью, несмотря на то, что его чтили Батюшковъ, Пушкинъ, И. Козловъ и другіе, болѣе или менѣе крупные поэты той эпохи. Теперь и подавно «Освобожденный Іерусалимъ» едва ли способенъ вызвать непосредственный интересъ читателя, если онъ не будетъ разсматривать эту эпопею, какъ одну изъ иллюстрацій культурной исторіи итальянскаго общества конца XVI вѣка. Какою безконечно молодою кажется послѣ этого «Иліада»! И по психологіи героевъ, и по реальной картинности изображенія, и по жизненному драматизму борьбы древній эпосъ почти такъ же близокъ и понятенъ намъ, какъ итальянцамъ XV вѣка, римлянамъ императорской эпохи, а можетъ быть, и аѳинянамъ временъ Солона. Насколько человѣчнѣе и интереснѣе, напр., семейныя распри и интриги олимпійскихъ боговъ, нежели безцвѣтные ангелы и демоны, принимающіе участіе въ борьбѣ крестоносцевъ и сарацинъ у Тассо. Или сцены рукопашныхъ

битвъ: какъ онѣ у Гомера захватываютъ своимъ художественнымъ реализмомъ, и какъ онѣ однообразны въ своемъ напыщенномъ громогласіи у Тассо. И даже любовные эпизоды, которые больше всего вызывали восхищенія у современниковъ и позднѣйшихъ поклонниковъ его, пламенно или мечтательно влюбленныя пары, какъ Танкредъ и Эрминія, Ринальдъ и Армида, теперь производятъ уже сравнительно мало впечатлѣнія своею многорѣчивостью и условною красотою.

Все это объясняетъ въ достаточной степени, почему «Освобожденный Іерусалимъ» такъ мало привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ. Изданный въ настоящее время г. Суворинымъ переводъ покойнаго Мина есть единственно полный. Въ виду обширности поэмы (больше 15.000 стиховъ) и сравнительной трудности строфической формы (октавы), переводъ этотъ можно назвать истиннымъ подвигомъ терпѣнія. Нельзя сказать, чтобы Минъ не владѣлъ стихомъ; напротивъ, онъ умѣлъ передавать подлинникъ весьма близко, часто дословно, причемъ внимательнаго читателя постоянно поражаютъ неожиданныя богатыя риемы, описательныя ухищренія и смѣлые обороты. Но зато о правильности и красотѣ языка, о легкости слога и стиха переводчикъ нисколько не заботится, такъ что его переводъ нерѣдко напоминаетъ языкъ и просодію до-пушкинскаго періода. Употребить устарѣвшее слово или весьма отдаленный синонимъ, сократить или вставить слогъ (очень часто, напр., встрѣчается «срацинъ» вмѣсто сарацинъ), переставить удареніе или даже вставить совсѣмъ ненужное слово,— все это переводчику ничего не стоитъ. Само собою разумѣется, что блестящія внѣшнія качества, которыми безспорно отличается поэма Тассо, въ такомъ переводѣ совершенно утрачиваются. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣста, надъ которыми переводчикъ, повидимому, больше поработалъ, удались недурно; къ нимъ принадлежитъ и знаменитый идиллическій эпизодъ о невинномъ и счастливомъ бытѣ пастуховъ, къ которымъ попала Эрминія, а также пѣсня нимфы въ саду Армиды, изъ которой мы приведемъ одну строфу.

Здѣсь пристань міра; здѣсь одну лишь радость
И счастіе вкушаетъ человѣкъ.
Здѣсь никогда вамъ не измѣнитъ младость,
Какъ въ золотой давно минувшій вѣкъ.
И здѣсь, вкусивъ блаженной жизни сладость,
Покинете доспѣхи вы навѣкъ,
Ихъ посвятивъ подъ тѣнью сей покою:
Вы здѣсь любви назначены,—не бою!

Положимъ, здѣсь нѣсколько ослабленъ подлинникъ, гдѣ сказано: «здѣсь царятъ радости, которыя когда-то въ золотой вѣкъ испытывалъ древній и безгранично свободный родъ человѣческій»... Но во всякомъ случаѣ въ этомъ мѣстѣ и переводъ имѣетъ вполнѣ самостоятельное поэтическое значеніе, языкъ не натянутъ и стихъ благозвученъ. Такихъ мѣстъ однако въ переводѣ Мина весьма немного, и можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что читатель, который захочетъ познакомиться съ поэмой Тассо не съ учебными, а исключительно съ эстетическими цѣлями, не найдетъ много удовольствія въ переводѣ Мина. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. С. Хомяковъ. «Полное собраніе сочиненій».—*И. Хрущовъ.* «Бесѣды о древней русской литературѣ».—*Джонъ Рескинъ.* «Лекціи объ искусствѣ».

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Томъ VIII. Письма. Москва 1900. Въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Хомякова печатались только его богословскія письма. Новое изданіе дополнено, между прочимъ, цѣлымъ томомъ частныхъ писемъ знаменитаго славянофила, первоначально напечатан-

ныхъ, большею частью, въ «Русскомъ Архивѣ» за разные года. Въ этихъ письмахъ, писанныхъ ближайшимъ друзьямъ Хомякова: А. В. Веневитинову, поэту Языкову, Кошелеву, Юрію Самарину, Александру Попову, Гильфердингу, Аксаковымъ и другимъ, такъ полно и всесторонне отразилась личность Хомякова и его разнообразная литературная и практическая дѣятельность, что, за неимѣніемъ полной и обстоятельной біографіи этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, его письма могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ личностью и взглядами писателя и общественнаго дѣятеля, который большинству средней читающей публики извѣстенъ только по рѣзко-противоположнымъ отзывамъ его друзей и принципіальныхъ враговъ. Въ этихъ письмахъ передъ нами проходитъ и богословъ, брошюры котораго обратили на себя вниманіе даже за границей, и философъ, всю жизнь работавшій надъ «Записками о всемірной исторіи», гдѣ историческій процессъ представленъ, какъ борьба иранства съ кушитствомъ, и публицистъ, писавшій о всевозможныхъ вопросахъ, начиная съ вселенскихъ соборовъ и кончая псовой охотой, и филологъ, изучавшій санскритъ и сравнивавшій русскія слова съ санскритскими, и медикъ, лѣчившій гомеопатіей своихъ дѣтей и друзей и спасшій тысячи народа отъ холеры усовершенствованнымъ народнымъ средствомъ—смѣсью чистаго дегтя и коноплянаго масла, и изобрѣтатель, мечтавшій произвести переворотъ въ сахоровареніи и изобрѣтшій паровую машину особой конструкціи, и ружье для стрѣльбы съ подставки.

Еще болѣе важное значеніе имѣютъ тѣ письма Хомякова, гдѣ онъ является однимъ изъ отцовъ славянофильства съ его превознесеніемъ православія, которое есть «спасеніе человѣчества», и славянства, которое хранитъ для того же человѣчества «зародышъ обновленія». Между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Хомяковъ объясняетъ причины, заставившія его выступить съ богословскими трактатами на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. «Богословіе, какъ наука, такъ далеко отстала или такъ страшно запутана». Сочиненія профессіональныхъ нашихъ богослововъ «провоняли схоластикой». «Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи» (сс. 188—189).

Не допуская никакихъ уступокъ на почвѣ религіи, доказывая, что «западныя ученія... безусловны ложны», что «всѣ общины христіанскія должны къ намъ придти съ смиреннымъ покаяніемъ» (с. 138), что «только явное, сознательное и полное торжество православія откроетъ возможность всякаго другого развитія» (с. 178), Хомяковъ въ другихъ пунктахъ славянофильскаго ученія является гораздо умѣреннѣе и терпимѣе не только представителей того дикаго славянофильства, которое провозгласило, напримѣръ, «гніеніе Запада», но и нѣкоторыхъ настоящихъ славянофиловъ. Такъ, Хомяковъ допускалъ «во многомъ огромное превосходство Запада, особенно протестантскаго, надъ нами» (с. 136); Англію онъ ставилъ «выше Россіи въ жизни физической и общественной... и въ приложеніи своихъ нравственныхъ законовъ» (с. 363), причемъ онъ строго различалъ Англію *внутреннюю*, которой «нельзя не любить», и Англію *внѣшнюю*, которой «нельзя любить». Хотя въ качествѣ славянофила, Хомяковъ и доказывалъ, что чужой воздухъ—«сквозной вѣтеръ», но самъ стремился «подышать воздухомъ многодвижущей Европы» и даже тосковалъ по чужбинѣ. «Я увѣренъ,—писалъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Муромцову,—что вамъ очень нескучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему славянофильскому званію, но отъ которой и я не прочь» (с. 477).

Относительно древней Россіи Хомяковъ не раздѣляетъ восторженныхъ взглядовъ Константина Аксакова и не хочетъ видѣть тамъ золотого вѣка (с. 133).

Реформу Петра Великаго Хомяковъ колебался признать лишней и даже оправдываетъ «ошибки» преобразователя «страшнымъ безсмыслiемъ московской Руси» (с. 367). И къ отдѣльнымъ представителямъ враждебнаго славянофильству направленія Хомяковъ умѣлъ отнестись съ полнымъ уваженіемъ. Особенно уважалъ и цѣнилъ онъ Грановскаго. Онъ восторгался его публичными лекціями 1844 г. и признавалъ ихъ достойными лучшаго европейскаго университета; онъ жалѣлъ, что Грановскій—не славянофилъ; узнавъ о его смерти, Хомяковъ писалъ: «Жаль въ немъ прекраснаго таланта, благороднаго сердца и любви къ просвѣщенію и способности согрѣвать другихъ; жаль добраго врага» (с. 288). Но къ Бѣлинскому Хомяковъ относился крайне пренебрежительно: онъ избѣгалъ даже называть его по фамиліи не только въ печатныхъ статьяхъ, но и въ интимныхъ письмахъ.

Особенный интересъ представляютъ тѣ письма, въ которыхъ Хомяковъ является врагомъ крѣпостного права. Придя къ убѣжденію, что крѣпостное право несовмѣстимо съ христіанствомъ, Хомяковъ еще въ сороковыхъ годахъ пропагандировалъ возможно-скорѣйшее освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей посредствомъ одновременнаго по всей Россіи выкупа. Въ этомъ направленіи онъ настраивалъ и Ростовцева въ 1858 г., и графа Блудова въ 1860 г. Еще въ сороковыхъ годахъ Хомяковъ началъ уничтожать барщину въ собственныхъ имѣніяхъ и переводить крестьянъ на оброкъ, а также вводить вольнонаемный трудъ при обработкѣ земли и на свеклосахарномъ заводѣ. «Живо чувствую—писалъ онъ въ 1852 г.—то утѣшеніе, которое доставили мнѣ полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ крестьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру. Одинъ даже принялся за дѣло. Если это пойдетъ, то не даромъ я трудился, и думаю, что пользу я принесъ большую, чѣмъ всѣми возможными писанными мною статьями» (с. 210). Какъ ни скромна была дѣятельность Хомякова по части перевода крѣпостныхъ съ барщины на оброкъ «съ выгодою для себя и для крестьянъ», эта дѣятельность вызывала гораздо больше озлобленія, чѣмъ одобренія. Нерасположеніе къ Хомякову тульскаго дворянства сказалось особенно сильно, когда онъ явился на выборы 1858 г. «Въ первые день,—писалъ онъ И. Аксакову,—встрѣча мнѣ была свирѣпа до комизма; во второй придрались къ тому, что я во фракѣ, и потребовали моего удаленія; я возвратился въ чужомъ мундирѣ» (с. 372).

Еще интереснѣе тѣ письма Хомякова, въ которыхъ сказалось его отрицательное отношеніе къ дореформенному режиму. Въ 1854 г. Хомяковъ пустилъ въ обращеніе въ спискахъ свое знаменитое посланіе къ Россіи, заклейменной «игомъ рабства» и исполненной «всякой мерзости» въ родѣ «неправды черной въ судахъ», «безбожной лести, лжи тлетворной, и лѣни мертвой и позорной». Въ письмахъ Хомякова мы встрѣчаемъ такія же рѣзко-обличительныя строки, какъ и въ его посланіи, за которое онъ едва не былъ высланъ изъ Москвы. Особенно громитъ Хомяковъ дореформенную цензуру, съ которою ему часто приходилось сталкиваться. «Неужели не понимаютъ,—писалъ онъ Попову,—что налагать молчаніе на самодѣльную мысль то же, что готовиться къ войнѣ и запретить всякую выдѣлку пороха для того, чтобы онъ не сдѣлался орудіемъ мятежа» (с. 180). «Теперешняя цензура,—писалъ Хомяковъ въ 1850 г.,—вредна и религіи, и даже правительству» (с. 202). Вредъ этотъ особенно ясно сказался въ эпоху Крымской войны. «Двадцать лѣтъ,—говорится въ письмѣ 1854 г., — душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безсмыслiе» (с. 218). «Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть), — писалъ Хомяковъ въ 1855 г. по поводу военныхъ неудачъ,—и не храбрость (намъ ея не искать), насъ бьютъ и рѣшительно бьютъ мысль и умъ» (с. 221). «Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милостя одного—умственнаго сна» (с. 325). Ника-

кихъ жертвъ Хомяковъ не жалѣетъ, только бы эти жертвы убѣдили правительство и общество въ ложности прежней внѣшней и внутренней политики и въ необходимости радикальныхъ перемѣнъ. «Если бы воздухъ освѣжился внутри Россіи, если бы перестали бояться правды, то, конечно, не было бы такой дорогой цѣны, которую нельзя бы было заплатить» (с. 227). Въ той ложной политикѣ, которая привела Россію къ севастопольской катастрофѣ, Хомяковъ обвинялъ политическую систему и общество. «Смерть царя,—писалъ онъ по смерти императора,—меня оправдала въ моемъ о немъ сужденіи: я не ошибался. Его ошибки были ошибки въ понятіяхъ и въ ложной системѣ; но онъ былъ честный труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно-приложеннымъ нравственнымъ закономъ, и, слѣдовательно, онъ правъ передъ судомъ совѣсти. Человѣкъ отвѣчаетъ только за свою волю. Дай Богъ такой же доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому государю! Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозрѣваетъ всякое умственное движеніе» (с. 325).

Въ краткой рецензіи невозможно исчерпать все богатое содержаніе писемъ Хомякова, гдѣ на каждой страницѣ можно встрѣтить оригинальныя мысли и характерные отзывы о государственныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ и о выдающихся событіяхъ политической и общественной жизни. Но и сдѣланныхъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть, какой богатый біографическій и историческій матеріалъ представляютъ эти письма. Остается пожалѣть только, что пользованіе ими затрудняется отсутствіемъ указателя именъ. *С. Ашевскій.*

И. П. Хрущовъ. Бесѣды о древней русской литературѣ. Спб. 1900 г. Стр. 330. Цѣна 1 р. 25 к. Книга эта представляетъ переработку бесѣдъ о древне-русской литературѣ, впервые напечатанныхъ въ 1872 году въ приложеніи къ журналу «Семейные вечера». «Предлагаемая книга,—по заявленію самого автора,—не учебникъ». И, дѣйствительно, «Бесѣдамъ» недостаетъ полноты, сжатости, систематичности, послѣдовательности и равномѣрности въ изложеніи матеріала — качествъ, которымъ долженъ удовлетворять хорошій учебникъ. Но если «Бесѣды» не могутъ быть учебникомъ, зато онѣ представляютъ хорошее пособіе для первоначальнаго ознакомленія съ общимъ характеромъ и съ отдѣльными произведеніями народной словесности и до-петровской литературы.

«Передъ авторомъ,—говорится въ предисловіи, — былъ раскрытъ матеріалъ ученыхъ изданій источниковъ и наиболѣе замѣтныхъ трудовъ изслѣдователей по наукѣ нашей». «Болѣе всего почерпнулъ» авторъ изъ «Очерковъ» Буслаева, изъ «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина и «Исторіи Россіи» Соловьева. Указанные источники и пособія, а также самостоятельныя изслѣдованія автора въ области древне-русской литературы, даютъ ему право думать, что въ его «Бесѣдахъ» найдется въ должной ясности и на твердомъ основаніи самая *догма* выдающихся литературныхъ явленій» (с. IV). Написана книга увлекательнымъ и простымъ языкомъ. Изложеніе сопровождается обширными выписками изъ памятниковъ народной словесности и древне-русской литературы, частью въ подлинныхъ выраженіяхъ, частью въ переводѣ на современный языкъ. Не смотря на всѣ свои симпатіи къ древне-русской литературѣ, авторъ «Бесѣдъ» чуждъ пристрастнаго отношенія къ до-петровской Россіи, столь характернаго для ранняго славянофильства и для нѣкоторыхъ его эпигоновъ. Правда, онъ нѣсколько идеализируетъ древнѣйшій, до-монгольскій и даже до-христіанскій періодъ; но зато къ московскому періоду отношеніе безусловно отрицательное. «Если вчитаться,—говорится на стр. 302,—въ поученія противъ различныхъ случаевъ пьянства, противъ лукавства женщинъ, въ поученія, которыми наполнялись сборники XVI и XVII столѣтій, да еще присоединить къ этому всѣ мрачныя представленія о мукахъ загробныхъ, о борьбѣ жизни со смертью, о дьяволахъ въ разныхъ видахъ и образахъ, то поневолѣ

содрогнешься при мысли о міросозерцаніи русскихъ грамотниковъ и объ общественной жизни Руси въ послѣ-татарскую эпоху».

«Бесѣды о древней русской литературѣ», по всей вѣроятности, получатъ широкое распространеніе какъ среди учащихся, для которыхъ книга г. Хрущова будетъ прекраснымъ дополненіемъ къ сухимъ школьнымъ руководствамъ, такъ и среди лицъ, стремящихся къ самообразованію. Поэтому нельзя не пожалѣть, что, не смотря на переработку «Бесѣдъ», въ нихъ остались нѣкоторые устарѣлые взгляды и вкрались недосмотры. Такъ, напримѣръ, авторъ «Бесѣдъ» еще не окончательно разстался съ миѳологической теоріей, доведенной до нелѣпостей нѣкоторыми русскими послѣдователями Я. Гримма, особенно Аѳанасьевымъ и Ор. Миллеромъ. Г. Хрущовъ все еще считаетъ основой богатырскихъ пѣсенъ «древнее миѳическое сказаніе», а Илью Муромца—«богомъ грома и молніи» (сс. 252 и 258). Пѣсенныя припѣвки *дидъ* и *ладо* по старой памяти считаются божествами (с. 219). Извѣстная пѣсня: «Ужъ я золото хороню» почему-то считается не игорною, а подблюдною, и поется она, будто бы, при погруженіи колецъ и серегъ въ блюдо съ водою (с. 220). Въ началѣ своей книжки авторъ повторяетъ старое мнѣніе о крещеніи болгарскаго царя Бориса Кирилломъ и Меѳодіемъ (с. 7). Въ сборникахъ Святослава авторъ находитъ только статьи богословскаго содержанія и т. д.

Кромѣ историко-литературныхъ и историческихъ неточностей, встрѣчаются и такія преувеличенія, какъ сравненіе съ Лютеромъ, переведшимъ библію на нѣмецкій языкъ, новгородскаго архіепископа Геннадія, собравшаго полный списокъ библіи. Геннадій,—по мнѣнію автора «Бесѣдъ», — «совершилъ подвигъ, подобный тому, за который прославляютъ Лютера: онъ составилъ первую русскую Библію» (с. 157—158). Но составить Библію изъ готовыхъ, большею частью, списковъ и перевести ее—далеко не одно и то же. Нельзя не отмѣтить и противорѣчій, которыя мѣстами рѣзко бросаются въ глаза. Напр., на стр. 18 говорится: «сжато, немногословно и безъ примѣси собственныхъ разсужденій передаетъ лѣтописецъ то, что дошло до него по слуху». И тутъ же (стр. 18—24) заявляется, что лѣтописецъ «влагаетъ теплыя слова» въ уста св. Ольги и «прекрасныя молитвы за народъ свой» въ уста св. Владиміра, что тотъ же лѣтописецъ неоднократно выводитъ на сцену діавола и заставляетъ его радоваться гибели христіанъ, а потомъ стонать при видѣ крещенія русскаго народа и т. д. На стр. 58 сказано, что идеалъ древне-русскаго лѣтописца «изображенъ художественно и вѣрно Пушкинымъ въ превосходной сценѣ въ кельѣ Пимена». А на слѣдующей страницѣ мы находимъ такія строки: «Однако же нашъ лѣтописецъ не всегда оставался въ своемъ разсказѣ монахомъ, стоящимъ на высотѣ духовнаго и чисто-нравственнаго отношенія къ описываемому событію грѣшнаго, суетнаго міра. Въ его приговорахъ начинаемъ замѣчать пристрастіе къ лично извѣстному ему человѣку; въ сужденіяхъ видно сочувствіе къ интересамъ извѣстной партіи и, что всего важнѣе, къ интересамъ своей земли... Текстомъ изъ св. Писанія онъ иногда подкрѣпляетъ свое личное воззрѣніе на событіе. Призываніе благословенія Божія и воззваніе къ Его праведному суду часто въ связи съ такимъ же личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ лѣтописца». Далеко не всегда, слѣдовательно, лѣтописецъ

> Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
> Добру и злу внимая добродушно,
> Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Наконецъ, встрѣчаются въ «Бесѣдахъ» и грамматическія погрѣшности. Напр.: «Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ стиховъ—стихъ о Егоріи Храбромъ» (с. 283). Или: «Онъ (стихъ о Горѣ-Злосчастіи) найденъ въ рукописи XVII вѣка проф. А. Н. Пыпинымъ, но первоначальную народную редакцію *котораго* подарилъ намъ сборникъ Рыбникова» (с. 295). Всѣ указанныя и

*

имъ подобныя мелочи нѣсколько портятъ впечатлѣніе, получаемое отъ «Бесѣдъ о древней русской литературѣ». *С. Ашевскій.*

Джонъ Рескинъ. Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году. Переводъ съ девятаго англійскаго изданія П. С. Когана. Москва. 1900. Лекціи эти служили введеніемъ къ практическимъ занятіямъ по рисованію, лѣпкѣ и другимъ отраслямъ искусства для студентовъ, не предназначавшихъ себя къ художественной карьерѣ. Въ подкрѣпленіе своихъ разсужденій авторъ на каждомъ шагу ссылался на демонстрируемыя художественныя произведенія въ гравюрахъ или фотографіяхъ. Лишенныя этихъ иллюстрацій, лекціи Рёскина въ значительной степени теряютъ свою доступность для лицъ малоподготовленныхъ въ данной области. Напрасно было бы искать здѣсь систематическаго освѣщенія важнѣйшихъ эстетическихъ проблемъ или историческаго очерка пластики. Читатель, не имѣющій довольно детальныхъ свѣдѣній о предметѣ, не въ состояніи былъ бы вполнѣ оцѣнить многіе изъ афоризмовъ автора и часто долженъ былъ бы недоумѣвать относительно связи между отдѣльными частями изложенія. Зато люди, знакомые уже съ исторіей и философіей искусства, а также хоть нѣсколько причастные къ техникѣ художественнаго творчества, найдутъ въ лекціяхъ Рескина цѣлую сокровищницу блестящимъ образомъ изложенныхъ мыслей, часто глубокихъ и истинныхъ, иногда спорныхъ или прямо неправильныхъ, но всегда интересныхъ по своему основанію и примѣненію.

Читатели нашего журнала знакомы съ системой общественныхъ и эстетическихъ идей Рескина изъ прекраснаго труда Сизерана, поэтому мы считаемъ возможнымъ ограничиться только тѣми особенностями его взглядовъ, которыя характеризуютъ данное, разсматриваемое нами сочиненіе. Здѣсь именно, ставя себѣ цѣлью не столько развитіе техническихъ способностей своихъ слушателей, сколько внушеніе имъ опредѣленнаго взгляда на отношеніе искусства къ жизни, Рескинъ излагаетъ во вступленіи, какъ онъ понимаетъ характеръ и задачи англійскаго искусства. Онъ думаетъ, что оно никогда не достигнетъ «выдающихся успѣховъ въ декоративныхъ рисункахъ. Такіе рисунки обыкновенно производятъ народы, обладающіе отъ природы великими умственными силами, но не занятые массой разнообразныхъ предметовъ и обременительныхъ заботъ, народы, живущіе при этомъ среди естественныхъ красотъ природы или въ такихъ условіяхъ повседневной жизни, которыя возбуждаютъ пріятныя эмоціи». «Давно замѣчено, какъ мало дѣйствительныхъ тревогъ существуетъ въ умахъ полудикихъ расъ, которыя славятся декоративнымъ искусствомъ»... И вотъ при этихъ условіяхъ «вся свободная энергія и фантазія устремляются на ручныя издѣлія, и тотъ интеллектуальный запасъ, котораго хватило бы для управленія въ теченіе цѣлаго дня огромнымъ торговымъ дѣломъ, тратится сразу совершенно безсознательно на изобрѣтеніе одной замысловатой спирали».

Предсказаніе Рескина относительно неуспѣшности попытокъ англичанъ въ декоративномъ искусствѣ блестящимъ образомъ не оправдалось. Тотъ новый, совершенно оригинальный декоративный стиль, который теперь при посредствѣ Франціи сталъ общеевропейскимъ достояніемъ и создалъ уже безчисленныя изящныя произведенія во всѣхъ отрасляхъ прикладного искусства, создался именно въ Англіи; и что всего любопытнѣе, самъ Рескинъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ его, настойчиво внушая своимъ соотечественникамъ словомъ и дѣломъ, что искусство не должно ограничиваться созданіемъ монументальныхъ произведеній, предназначенныхъ исключительно для музеевъ, а должно вводить облагораживающій элементъ красоты въ обстановку обыденной жизни. При этомъ Рескинъ мечталъ о самой широкой демократизаціи красоты. «Нѣтъ предѣловъ тому добру,—говоритъ онъ,—которое можно было бы принести, если бы мы надлежащимъ образомъ воспользовались имѣющимися у насъ талантами для

того, чтобы сдѣлать доступнымъ для бѣднѣйшихъ классовъ хорошее и прекрасное искусство». Въ этомъ направленіи мечты великаго англійскаго эстетика еще весьма далеки отъ осуществленія. Другое предсказаніе Рескина, что что Англія не достигнетъ успѣха также и «въ высшихъ областяхъ отвлеченнаго или теологическаго искусства», также опровергнуто дѣйствительностью. И тутъ движеніе совершилось приблизительно по той же схемѣ. Самъ же Рескинъ усиленно пропагандировалъ вкусъ къ итальянской живописи XV вѣка. Не безъ вліянія этой пропаганды развилась знаменитая впослѣдствіи плеяда англійскихъ «прерафаелитовъ»; между ними достаточно назвать Россетти, Миллеса (Maillais), Уаттса и наконецъ Бернъ-Джонса, чтобы показать, насколько ошибочно было предсказывать неудачу англичанъ въ символическомъ искусствѣ. Извѣстно далѣе, какое сильное вліяніе имѣли англійскіе «прерафаелиты» на европейское искусство, хотя надо признать, что вліяніе это весьма часто приводило къ отрицательнымъ результатамъ.

Предостерегая своихъ учениковъ отъ безплодныхъ, по его мнѣнію, попытокъ въ двухъ указанныхъ направленіяхъ, Рескинъ видитъ будущность родного искусства въ развитіи портретной, пейзажной и жанровой живописи, понимая послѣднюю въ широкомъ смыслѣ, какъ изображеніе интимной психологіи въ драматическихъ или комическихъ положеніяхъ. Признавая законность и значеніе всѣхъ видовъ искусства, Рескинъ такъ формулируетъ его величайшую цѣль: «Высшее, что можетъ сдѣлать искусство, — это представить истинный образъ *благороднаго* человѣческаго существа. Оно никогда не дѣлало больше этого; оно не должно дѣлать меньше этого». Теперь не смотрятъ уже такъ исключительно на задачи искусства, но эта формула весьма характерна для англійскаго гуманиста. Сравнимъ ее съ формулой Тэна, который высшей задачей искусства ставитъ изображеніе *здороваго* человѣка, и вспомнимъ, что понимаетъ Рескинъ подъ истиннымъ благородствомъ. Люди, по его мнѣнію, ошибочно увѣрены, что «при помощи механическихъ процессовъ образованія» можно сдѣлаться благороднымъ и мудрымъ и этимъ путемъ достигнуть высшаго блага— богатства. Послѣднее дѣйствительно доступно всѣмъ при помощи указанныхъ средствъ, но «мудрость не служитъ орудіемъ накопленія богатствъ: ея первое правило есть, напротивъ, презрѣніе къ нимъ, а первое правило благородства— распредѣленіе ихъ повсюду». «Вотъ почему,—прибавляетъ онъ,—насколько я могу судить, всѣмъ людямъ невозможно стать благородными и учеными. Даже при самой тщательной тренировкѣ одни останутся слишкомъ эгоистичными, чтобы отказаться отъ богатства, другіе слишкомъ тупыми, чтобы желать досуга для занятій». Въ свою очередь, изобразить благородное человѣческое существо можетъ только благородный человѣкъ. И съ этой точки зрѣнія Рескинъ разсматриваетъ, напр., отношеніе искусства къ религіи. Онъ говоритъ довольно подробно о томъ, можетъ ли религіозная живопись помочь человѣку познать Бога. Отвѣтивъ отрицательно на этотъ вопросъ, онъ спрашиваетъ далѣе, не служитъ ли религіозное искусство къ прославленію Бога. На это онъ отвѣчаетъ въ прежнемъ смыслѣ, что въ художественной дѣятельности для этой цѣли служатъ не религіозные сюжеты, не церковное назначеніе данныхъ произведеній, а благородство художника. «Выдѣлывая купели и воздвигая колонны въ честь того, кто пролагаетъ путь рѣкамъ черезъ скалы,... мы воображаемъ, что намъ простится постыдное пренебреженіе къ холмамъ и къ потокамъ, которыми онъ надѣлилъ наше обиталище—землю,... простится этотъ позоръ смѣшенія роскоши и нищеты на нашей родной землѣ». «Мы можемъ обладать блестящимъ искусствомъ, можемъ при помощи его славить и чтить Творца, можемъ правдиво прославлять красоту и святость всего, что создано имъ; но только тогда, когда мы отъ всего сердца постарались сперва освятить храмъ тѣла и духа каждаго

ребенка Англіи, у котораго нѣтъ крови, чтобы укрыться отъ стужи, нѣтъ стѣны, за которой онъ могъ бы уберечь отъ порчи свою душу».

Проблему отношенія искусства къ нравственности Рескинъ разрѣшаетъ съ глубокой проницательностью слѣдующимъ образомъ: «красота искусства является показателемъ нравственной чистоты и величія того чувства, которое выражается имъ». И въ болѣе широкомъ масштабѣ «съ математическою точностью, не поддающейся ни уклоненіямъ, ни исключеніямъ, искусство націи всегда является показателемъ ея нравственнаго уровня. Замѣтьте: показателемъ и возвышающимъ стимуломъ, но не корнемъ или причиной. Вы не можете рисованіемъ или пѣніемъ достигнуть того, чтобы стать хорошими людьми. Вы должны быть такими прежде, чѣмъ будете въ состояніи рисовать или пѣть, и только въ такомъ случаѣ краска и голосъ завершитъ все, что есть въ васъ хорошаго».

Наконецъ, Рескинъ разбираетъ и третій «проклятый вопросъ» эстетики объ отношеніи искусства къ пользѣ, и высказывается за вполнѣ утилитарное рѣшеніе его: главною функціею искусства онъ считаетъ «служеніе дѣйствительнымъ потребностямъ повседневной жизни». Изъ дальнѣйшихъ его разсужденій однако вытекаетъ, что дѣло идетъ исключительно о декоративномъ искусствѣ, но и въ этомъ ограниченіи правильнѣе было сказать, что искусство порождается потребностями жизни, а не служитъ имъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Рескинъ такъ широко понимаетъ потребности жизни, что онѣ сливаются съ задачею возрожденія народа къ счастливой жизни. Онъ увѣряетъ, что ему «никогда не удавалось увѣрить ни одного человѣка въ слѣдующей истинѣ: начало искусства заключается въ томъ, чтобы сдѣлать нашу страну чистой, а нашъ народъ прекраснымъ». То или другое условіе необходимо. Искусство еще можетъ существовать тамъ, «гдѣ народъ и въ грязи умѣетъ служить Богу, но его не было въ странахъ, гдѣ народъ проводилъ жизнь въ грязи, служа дьяволу. Оно существовало въ странахъ, гдѣ народъ не вполнѣ красивъ: губы его были толсты, кожа черна, но надъ нимъ свѣтило солнце. И никогда не было искусства въ странахъ, гдѣ народъ былъ блѣденъ, изнуренъ трудомъ, погибалъ отъ отсутствія свѣта, гдѣ уста юноши, вмѣсто того, чтобы быть яркими отъ обилія крови, сжимались отъ голода и морщились отъ отравы». Къ сожалѣнію, это далеко невѣрно. Рескинъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ ошибку, постоянно встрѣчающуюся у старыхъ изслѣдователей: онъ видитъ въ искусствѣ продуктъ творчества цѣлаго народа, тогда какъ часто, особенно въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, оно принадлежало извѣстному общественному слою и могло достигать извѣстной высоты въ то время, какъ другіе, наиболѣе многочисленные, слои находились въ вышеописанномъ состояніи и были неспособны ни къ какому художественному творчеству.

Большая часть книги Рескина посвящена соображеніямъ по поводу указанныхъ вопросовъ, затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣніе трехъ основныхъ элементовъ живописи—линіи, свѣта и цвѣта. Эта часть имѣетъ болѣе спеціальный интересъ для тѣхъ, кого занимаютъ вопросы художественной техники. Несмотря на то, что и тутъ встрѣчается много произвольнаго и парадоксальнаго, большинство сужденій обнаруживаетъ глубокую продуманность, и каждое изъ нихъ отвѣчаетъ на одинъ изъ вопросовъ, которые возникаютъ передъ всякимъ, кто добивался передачи явленій природы живописными средствами. Немалое количество изъ высказываемыхъ Рескиномъ мнѣній въ то время, когда онъ читалъ свои лекціи, казались спорными и еретическими, а теперь вполнѣ оправданы практикой живописи и входятъ въ кодексъ правилъ, преподаваемыхъ во всѣхъ порядочныхъ художественныхъ школахъ. Переводъ этой интересной книжки сдѣланъ вполнѣ литературнымъ языкомъ, какимъ насъ не часто балуютъ гг. переводчики, за незначительными исключеніями: такъ, напр., довольно часто употребляются выраженія «краска» вмѣсто «цвѣтъ», «красить» вмѣсто «наклады-

вать краски», сохраняется итальянскій терминъ chiaroscuro, тогда какъ въ русскомъ языкѣ слово «свѣтотѣнь» давно уже получило право гражданства, и т. п. мелкіе промахи. Въ общемъ же чтеніе этой книги доставитъ удовольствіе всякому, кто принимаетъ близко къ сердцу самое искусство и связь его съ жизнью. *Е. Деген.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Дж. Гринъ. «Краткая исторія. англійскаго народа».—*Фридрихъ Бецольдъ.* «Исторія реформаціи въ Германіи». *Гиббинсъ.* «Англійскій народъ въ XIX в.».

Дж. Рич. Гринъ. Краткая исторія янглійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Выпускъ III. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Шамонина Цѣна 80 к. (Цѣна всей книги 2 р.). Настоящимъ выпускомъ заканчивается переводъ «Short history ot englisli people» Дж. Рич. Грина, и русская читающая публика имѣетъ всѣ основанія благодарить ея переводчика. У насъ уже имѣется переводъ большого курса «Исторіи англійскаго народа» того же автора, но это отнюдь не дѣлаетъ лишнимъ появленіе «Краткой исторіи». Причинъ этому нѣсколько. Во-первыхъ, переводъ курса, принадлежащій г. Николаеву, весьма неудовлетворителенъ; во-вторыхъ, цѣна его крайне высока; наконецъ, что самое важное, курсъ положительно уступаетъ литературными достоинствами краткому обзору. Расположеніе матеріала и основные взгляды автора, конечно, остаются одинаковы и тамъ и здѣсь, но въ интересующей насъ, книгѣ изложеніе, разсчитанное на самый широкій кругъ читателей, ярче, связнѣе и вся книга даетъ цѣльную картину историческаго развитія Англіи отъ ея возникновенія до начала XIX вѣка.

Гринъ имѣлъ много основаній назвать свой обзоръ «исторіей англійскаго народа». У него дѣйствительно фигурируетъ народъ, какъ активный дѣятель въ исторіи и самая исторія не превращается, какъ это нерѣдко случается именно въ краткихъ обзорахъ, въ сухой каталогъ королей, безсвязное перечисленіе битвъ, украшенное живописными подробностями, договоровъ, анекдотовъ и прочихъ аксесуаровъ «трубно-барабанной» исторіи. Ростъ народа, созоанныхъ имъ учрежденій, его общественной и экономической жизни, его нравовъ и вѣрованій, твореній его художественнаго генія—вотъ что интересуетъ Грина. Для обрисовки всего этого онъ пользуется незначительными на первый взглядъ фактами, обыкновенно игнорируемыми, но у него каждый изъ нихъ находитъ мѣсто и содѣйствуетъ цѣльности той или иной изъ его широкихъ, увѣренной рукой набросанныхъ картинъ англійской жизни. Громадный талантъ историка, стремящагося съ одинаковой полнотой освѣтить всѣ стороны эволюціи англійскаго народа, помогъ ему оцѣнить всю важность соціально-экономическихъ движеній. Ему прекрасно удались картины возстанія Уота Тайлера, оцѣнка промышленнаго переворота. Большое значеніе придаетъ онъ явленіямъ литературнымъ и научнымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятся въ непосредственной связи съ соціальной жизнью. Роджеръ Бэконъ, схоластика, гуманизмъ, скромная дѣятельность печатника Кэкстона—все это для него важно и интересно, не говоря уже о томъ, какъ внимательно онъ останавливается на проповѣди Виклифа или Джона Болля, на «Петрѣ Пахарѣ» Лонгленда, на памфлетахъ Мильтона и Свифта. Въ сферѣ политической эволюціи—это великая хартія вольностей, это постепенный ростъ парламента, начиная отъ Монфора и кончая эпохой французской революціи, это—революція англійская, уничтожившая въ корнѣ деспотическія поползновенія Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ. Громаднымъ достоинствомъ книги является то, что факты англійской исторіи трактуются не изолированно, и ихъ связь съ общей исторіей Европы и Америки ни разу не

исчезаетъ изъ глазъ читателя. Наконецъ, постоянное стремленіе сохранить объективный тонъ и не увлекаться патріотизмомъ въ оцѣнкѣ международныхъ явленій дѣлаетъ чтеніе книги Грина особенно пріятнымъ.

Книга вышла въ 1874 г., Гринъ умеръ въ 1883 г. и до самой смерти пересматривалъ и отдѣлывалъ каждое новое изданіе; послѣ его смерти эта обязанность перешла къ многочисленнымъ друзьямъ и главнымъ образомъ къ женѣ Грина, Алисѣ Гринъ, которая и сама пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе почетное имя среди англійскихъ историковъ. Поэтому, книга, выдержавшая со времени своего появленія нѣсколько десятковъ изданій, въ общемъ не устарѣла до сихъ поръ и успѣшно выдерживаетъ конкуренцію съ тоже превосходной «Students history of England», принадлежащій С. Гардинеру.

Въ ней есть, конечно, и недостатки, но большинство изъ нихъ легко находятъ оправданіе въ объемѣ. Такъ, была бы, быть можетъ, желательна большая отчетливость въ изложеніи политическаго и соціальнаго строя саксонскаго и начальнаго норманнскаго періодовъ; не лишней была бы болѣе подробная разработка исторіи городовъ въ средніе вѣка,—задача, которую легко могла бы выполнить миссисъ Гринъ, знатокъ исторіи городовъ въ Англіи. Наконецъ, было бы очень хорошо, если бы исторія XIX вѣка была изложена въ масштабѣ всей книги. Но послѣдній недочетъ для русскаго читателя является несущественнымъ, благодаря изобилію обработокъ послѣдняго періода европейской исторіи и благодаря выходу въ свѣтъ книжки Гиббинса.

Послѣдній выпускъ перевода начинается съ того момента, когда нація, побѣдившая короля, приступаетъ къ самостоятельному управленію (1646); заканчивается книга, какъ было указано выше, коротенькимъ обзоромъ исторіи Англіи въ XIX в. Послѣдній годъ, о которомъ въ ней упоминается—1872-й. Для русскаго изданія переводчикъ, вообще превосходно справившійся со своей задачей, составилъ очень полезный для читателей книги Грина указатель, по образцу приложеннаго къ оригиналу. Отмѣтимъ, что цѣна русскаго перевода въ $2^1/_2$ раза ниже цѣны подлинника. *А. Дживелеговъ.*

Исторія современной Англіи. І. Б. Гиббинсъ. Англійскій народъ въ XIX вѣкѣ. Переводъ съ англійскаго М. А. Шишмаревой. II. Д. Сатуринъ. Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа. Съ портретами политическихъ дѣятелей. Цѣна 1 р. 20 коп. Изданіе товарищества «Знаніе», редакція В. А. Поссе. Спб. 1901 г. Англійскій народъ въ XIX вѣкѣ! Трудно себѣ представить болѣе заманчивую и болѣе благодарную тему для историка-популяризатора. Упорная борьба новыхъ формъ хозяйства со средневѣковыми переживаніями, ихъ блестящая побѣда, появленіе класса крупныхъ предпринимателей, усиленіе рабочихъ, ростъ ихъ организаціи, развитіе торговли, демократизація парламента, мощный подъемъ внутренней жизни колоній и пр., и пр. Если остановиться только на фактахъ соціально экономической жизни и разсматривать политическія отношенія лишь по стольку, по скольку ихъ двигало усложненіе общественной среды, то и тогда получится цѣльная картина роста могучаго организма, картина, если не цѣликомъ, то въ значительной степени типичная и—да простится слово—напрашивающаяся въ соціологическую схему. Развитіе Англіи въ XIX вѣкѣ—процессъ дорогой для современнаго человѣка, одинаково дорогой какъ въ своихъ свѣтлыхъ, такъ и въ темныхъ сторонахъ. Вѣдь джингоизмъ и его экономическіе стимулы подчеркиваютъ и съ большей яркостью выставляютъ противоположныя, болѣе постоянныя явленія.

Читатель, конечно, ждетъ у Гиббинса научнаго освѣщенія этого процесса. Но, къ сожалѣнію, онъ не найдетъ тамъ даже слабаго намека на научность. Это какая-то на-скоро состряпанная, вдобавокъ еще тенденціозная, каша, гдѣ неподготовленный читатель потеряетъ голову. Конечно, онъ «не заразится англійскимъ шовинизмомъ», какъ справедливо замѣчаетъ почтенный редакторъ пере-

вода. Но искупятся ли вообще чѣмъ-нибудь тѣ часы, которые онъ потратитъ на ознакомленіе съ книжкой? Не думаемъ. Редакторъ увѣряетъ, что читатель найдетъ въ ней «сравнительно много интересныхъ и точныхъ фактовъ, касающихся промышленнаго прогресса и расширенія колоніальныхъ владѣній Англіи за послѣднія сто лѣтъ». Подъ этимъ заявленіемъ почтеннаго собрата мы можемъ подписаться лишь съ большой оговоркой. Такихъ фактовъ, правда, *сравнительно* много, они точны и интересны, но вѣдь эти факты общеизвѣстны, они во всѣ словари вошли; вѣдь и у Гиббинса главный источникъ *этихъ* фактовъ—словарь, Мюльголлевскій статистическій словарь. И помимо всего прочаго, тотъ, кто интересуется только этими фактами, найдетъ ихъ въ изобиліи въ книжкѣ того же Гиббинса о промышленной исторіи Англіи. Такимъ образомъ это достоинство оказывается проблематичнымъ, а другихъ положительно не имѣется; зато недостатковъ хоть отбавляй. Это даже не популяризація; это—вульгаризація, написанная съ опредѣленною цѣлью, съ наукой ничего общаго не имѣющей, русскому читателю завѣдомо чуждой. Самая тенденція проводится съ такой наивностью, что получается почти комическое впечатлѣніе. Разсказъ идетъ, напр., объ очень опредѣленныхъ фактахъ, въ которыхъ даже мало подготовленный читатель легко усмотритъ противорѣчіе съ основами эволюціи англійскаго народа. А Гиббинсъ поясняетъ, что это—молъ фактъ, доказывающій еще разъ все величіе могучаго народа. Какая нибудь незначительная экспедиція противъ безоружныхъ дикарей возводится на степень подвига, единственнаго въ военной исторіи. Наоборотъ, тамъ, гдѣ торжествуютъ принципы, создавшіе Англіи столь исключительное положеніе въ культурномъ мірѣ, Гиббинсъ видитъ сплошное недоразумѣніе. Поэтому его герой—Пальмерстонъ, поэтому онъ преклоняется передъ Дизраэли и поетъ дифирамбы англійскимъ генераламъ, а Гладстона третируетъ, какъ какого-то политическаго недоноска.

Читатель, составившій себѣ взглядъ на исторію, какъ на эволюцію, въ книжкѣ Гиббинса найдетъ блестящее опроверженіе такому взгляду. Въ ней нѣтъ рѣшительно никакой системы, никакого намека на то, что Англія развивалась закономѣрно. Въ ней 10 главъ, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности не имѣетъ никакого отношенія къ остальнымъ. Войны начала вѣка, напр.,—сами по себѣ, промышленная революція—сама по себѣ, какъ будто можно отдѣлять одно отъ другого; и этотъ сепаратизмъ, если можно такъ выразиться, выдержанъ съ послѣдовательностью, достойной лучшей цѣли.

Распредѣленіе матеріала крайне неравномѣрно. Война съ ашантіями, доставляющая дешевые лавры какому-нибудь генералу, интересуетъ Гиббинса гораздо больше, чѣмъ все чартистское движеніе; битва при Ватерлоо занимаетъ страницу, кандагарскій походъ Робертса—немногимъ меньше, а на промышленные кризисы начала вѣка—какіе-то неопредѣленные туманные намеки. Словомъ, книжка Гиббинса представляетъ превосходный образецъ того, какъ не слѣдуетъ популяризировать исторію Англіи въ XIX вѣкѣ. Приходится только пожалѣть о добросовѣстной работѣ переводчицы.

Статьи г. Сатурина только отчасти спасаютъ книгу. Въ нихъ нѣтъ того, что составляетъ коренной недостатокъ Гиббинса, и есть до извѣстной степени то, чего у его случайнаго сосѣда съ огнемъ не сыщешь. Это недурно написанные этюды объ англо-бурской войнѣ, о федераціи австралійскихъ колоній и о голодѣ въ Индіи. Они какъ бы дополняютъ книжку Гиббинса, напечатанную въ 1898 году. Съ нѣкоторыми фактическими точками зрѣнія Сатурина можно спорить, но это не лишаетъ его статей извѣстнаго интереса. Книгу украшаютъ восемь недурно исполненныхъ портретовъ. *А. Живелеговъ.*

Фридрихъ фонъ-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ II. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Цѣна 2 р. 50 к. Въ апрѣльской книжкѣ «Міра Божія» за прошлый годъ была дана оцѣнка книги Бецольда

по случаю выхода ея перваго тома въ русскомъ переводѣ *). Въ первомъ томѣ были разсмотрѣны наиболѣе интересные моменты движенія: подготовка реформаціи, непосредственныя причины ея, ея первоначальный ходъ, полный глубокаго значенія и глубокаго драматизма, крестьянская война, проливающая такъ много свѣта на экономическія отношенія эпохи. Второй томъ—это исторія распространенія движенія и исторія дифференціаціи первоначальный догмы, поскольку этотъ послѣдній процессъ ограничивался германской почвой. Тутъ задача историка, которому, какъ Бецольду, приходилось работать на плечахъ крупныхъ мастеровъ, гораздо менѣе сложна. Распространеніе реформація которое стояло въ связи главнымъ образомъ съ политическими условіями, разработано, какъ извѣстно, очень обстоятельно Леопольдомъ Ранке. Дифференціація догмы неоднократно служило предметомъ богословскихъ изслѣдованій. Въ частности существуетъ большая литература о Цвингли. Здѣсь Бецольду приходилось вносить частичныя поправки къ установленнымъ объясненіямъ. Ранке, повидимому, съ дополненіями и исправленіями по Эгельгафу, былъ главнымъ руководителемъ нашего историка въ политической исторіи. Но это не значитъ, что Бецольдъ является компиляторомъ. Самостоятельное изслѣдованіе замѣтно повсюду и построенія предшественниковъ всегда подвергаются тщательной провѣркѣ. Есть во второмъ томѣ такіе вопросы, которые требовали и болѣе интенсивной самостоятельной работы. Вопросъ объ анабаптизмѣ до сихъ поръ не вполнѣ выясненъ и блестящая глава, посвященная радикальнымъ видоизмѣненіямъ лютеранской догмы, у Бецольда принадлежитъ къ лучшему, что было написано по этому вопросу.

Словомъ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ книга Бецольда является лучшимъ трудомъ по реформаціи, наиболѣе свѣжимъ по своимъ основнымъ точкамъ зрѣнія, наиболѣе широкимъ по научному кругозору.

Внѣшнія достоинства книги также очень значительны. Настоящій томъ подтверждаетъ это съ новою силою. Разсматривая политическія осложненія съ середины 20-хъ до средины 50-хъ годовъ XVI столѣтія, Бецольдъ сумѣлъ сохранить полное безпристрастіе, и личности Карла V, Морица Саксонскаго, протестантскихъ князей вышли изъ подъ его пера совершенно живыми образами. Блестящее изложеніе, огромный талантъ популяризаціи, столь рѣдкій въ нѣмецкой исторіографіи вообще и въ онкеновской коллекціи въ частности, дѣлаетъ книгу боннскаго историка не только полезнымъ вкладомъ въ нашу переводную литературу, но и увлекательнымъ чтеніемъ для неспеціалистовъ.

Переводъ, если не говорить о мелкихъ терминологическихъ недочетахъ, роковымъ образомъ сопутствующихъ у насъ переводу всякаго научнаго труда, удовлетворителенъ. Но цѣна очень высока. За два тома нужно заплатить 5 р. 50 к. Это подъ силу далеко не всѣмъ. *А. Дживелеговъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Г. Геффдингъ. «Исторія нынѣшней философіи».—*Г. Джоржъ.* «Синтетическая философіи Герберта Спенсера».

Г. Геффдингъ. Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе ред. журн. «Образованіе». С.-Петербургъ. 1900. стр. 496. Ц. 2 руб. При бѣдности нашей

*) Раздѣленіе на томы принадлежитъ русскому переводчику или русскому издателю. Въ подлинникѣ Бецольдъ—однотомный. Онъ вышелъ въ коллекціи Онкена и является однимъ изъ немногихъ ея украшеній.

философской литературы переводъ «Исторіи новѣйшей философіи» Геффдинга является очень важнымъ вкладомъ въ нее. Переведенный томъ составляетъ только вторую часть труда Г—а, охватывая ровно 125 лѣтъ, считая со смежныхъ годовъ смерти Хр. Вольфа и появленія перваго значительнаго произведенія Канта до восьмидесятаго года истекающаго столѣтія, который авторъ дѣлаетъ гранью для своего изслѣдованія. Переводчики вполнѣ справедливо полагали, что второй томъ представляетъ больше интереса для русскихъ читателей.

Г., какъ датчанинъ, по географическому положенію своей страны стоитъ между и внѣ націй, для которыхъ развитіе философскаго мышленія связано съ вопросомъ о прогрессѣ роднаго народа. Со стороны онъ можетъ объективнѣе, безпристрастнѣе и равномѣрнѣе оцѣнивать вкладъ въ общую сокровищницу человѣческаго духа той или другой націи. Это преимущество во внѣшнемъ положеніи автора въ значительной мѣрѣ отразилось на его трудѣ. Онъ не сосредоточиваетъ своего исключительнаго вниманія на одномъ или нѣсколькихъ какихъ-нибудь теченіяхъ, лишь бѣгло касаясь другихъ, какъ это иногда бываетъ, а довольно равномѣрно распредѣляетъ имѣющееся въ его распоряженіи мѣсто между различными школами. Наибольшее количество страницъ онъ посвящаетъ двумъ крайнимъ противоположностямъ—позитивизму (170 стр.) и философіи романтизма (120 стр.); критической философіи и философіи послѣднихъ тридцати лѣтъ въ Германіи онъ отводитъ сравнительно меньше мѣста (90 и 60 стр.); наконецъ, на долю философіи просвѣщенія XVIII ст. и философіи на Сѣверѣ выпадаетъ всего 20 и 6 страницъ.

Тѣмъ не менѣе, эта равномѣрность и безпристрастность при воздаяніи каждому по его заслугамъ, конечно, только относительна. На самомъ дѣлѣ Г. сторонникъ извѣстнаго направленія и имѣетъ вполнѣ опредѣленныя симпатіи. Это настолько естественно, что никто не можетъ быть на него въ претензіи за это, тѣмъ болѣе, что въ общемъ онъ остается весьма объективнымъ изслѣдователемъ. Но въ одномъ случаѣ Г., несомнѣнно, нарушилъ общее равновѣсіе между отдѣльными частями своего труда. Пострадалъ отъ этого Кантъ. Ту философію, которую Г. излагаетъ подъ именемъ философіи Канта, можно признать кантовской только съ большими оговорками, такъ какъ это очень спенсеризированный Кантъ.

Само по себѣ нельзя признать предосудительнымъ изложеніе взглядовъ какого-нибудь мыслителя въ той или иной, своеобразной, не вполнѣ ему принадлежащей окраскѣ. Даже прилаживаніе мыслей одного изъ современныхъ или модныхъ философовъ къ проблемамъ и запросамъ, по существу ему чуждымъ, вполнѣ законный литературный пріемъ. Такъ поступали, напр., Лессингъ и Гердеръ со Спинозой или наши публицисты съ Дарвиномъ и Спенсеромъ. Еще болѣе часто отступаютъ отъ идей учителя сторонники извѣстнаго направленія, составляющіе школу, какъ, напр., кантіанцы, дарвинисты, марксисты. Но различные роды литературы требуютъ и различныхъ литературныхъ пріемовъ. Въ «Исторіи философіи» неумѣстна чуждая философу окраска его взглядовъ. Особенно это надо признать по отношенію къ философу, дѣйствовавшему болѣе ста лѣтъ тому назадъ и занимающему центральное мѣсто, философу, критическая литература о которомъ, составляющая цѣлую библіотеку, главнымъ образомъ задавалась цѣлью очистить его міросозерцаніе отъ всѣхъ наносныхъ и чуждыхъ ему элементовъ.

Излагая философію Канта въ своеобразномъ освѣщеніи, заимствованномъ у Спенсера, котораго Г., впрочемъ, не называетъ, онъ, повидимому, думаетъ оказать этимъ услугу Канту, дѣлая его болѣе понятнымъ, доступнымъ и современнымъ. Вѣроятно, съ нимъ согласятся и наши спенсеріанцы. Съ безпартійной точки зрѣнія однако Кантъ только проигрываетъ отъ этого новаго покушенія на его оригинальный и самобытный обликъ. Конечно, нельзя не при-

знать чрезвычайно удачной и мѣткой формулу Спенсера, по которой апріорнымъ для индивидуума является то, что для рода служитъ a posteriori. Но она не заключаетъ въ себѣ ничего больше, чѣмъ превращеніе опыта изъ индивидуальнаго въ родовой и въ такомъ видѣ можетъ быть согласована съ Кантомъ. Вѣдь, кантовское a priori проявляется главнымъ образомъ на опытѣ, составляя часть его, и внѣ опыта мы познаемъ его только благодаря отвлекающей и изолирующей дѣятельности нашей мысли. Подстановка родового опыта на мѣсто индивидуальнаго не только не противорѣчитъ идеямъ Канта, но отчасти даже намѣчена имъ самимъ. Однако, спенсеровское родовое a posteriori, превращающееся для индивидуума въ a priori, должно откуда-нибудь браться. Утверждаютъ, что оно является накопленнымъ опытомъ рода, унаслѣдованнымъ индивидуумомъ. Но опытъ въ томъ значеніи, какое ему придаютъ эмпиристы, т.-е. какъ рядъ впечатлѣній, воспринятыхъ извнѣ, не заключаетъ въ себѣ тѣхъ объединяющихъ элементовъ, о которыхъ собственно и идетъ рѣчь. Притомъ признавать, что именно такой опытъ передается путемъ наслѣдственности, это значило бы являться сторонникомъ самой грубой теоріи врожденныхъ идей, такъ какъ этотъ опытъ не что иное, какъ содержаніе нашихъ представленій. Слѣдовательно, приходится придти къ заключенію, что этимъ a posteriori могутъ быть только тѣ объединяющія душевныя функціи, которыя человѣчество творитъ изъ себя или которыя развиваются въ человѣчествѣ, но только въ опредѣленномъ направленіи и точныхъ границахъ, такъ что это развитіе—творчество сводится къ уясненію или къ постепенному проникновенію въ сознаніе тѣхъ задатковъ, которые заложены въ человѣческомъ сознаніи.

Спенсеровское освѣщеніе, т. е. объясненіе всего исключительно однимъ развитіемъ, при изложеніи кантовскихъ апріорныхъ началъ выступаетъ наиболѣе ярко, конечно, въ отношеніи Геффдинга къ этикѣ Канта. Изложенію ея онъ предпосылаетъ разсмотрѣніе культурно-историческихъ трудовъ Канта—причемъ слабой опорой ему служитъ хронологія появленія этихъ сочиненій: уже давно доказано, что послѣдняя не совпадаетъ съ хронологіей возникновенія отдѣльныхъ идей и заключительныхъ звеньевъ системы Канта. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія Спенсера Канта слѣдуетъ именно такъ понимать, какъ будто бы его моральный законъ *историческая* цѣль рода, дѣйствующая наравнѣ съ *другими* родовыми инстинктами, а не единственное въ своемъ родѣ, такъ сказать, безвременное сознаніе долга. Но это не историческій Кантъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Г. истолковываетъ кантовскія понятія «человѣчества» и «человѣческаго рода» въ эмпирическомъ и историческомъ смыслѣ. Это несомнѣнное недоразумѣніе: у Канта «человѣчество» и «человѣческій родъ» имѣютъ не эмпирическое и историческое, а трансцендентальное значеніе, т. е. для Канта они означаютъ не то, что существуетъ и создаетъ въ человѣчествѣ, а что безусловно осязательно для него.

Верхомъ непозволительнаго отношенія къ Канту со стороны Г—а надо признать пропускъ четвертой антиноміи Канта, заключающей въ себѣ ученіе о томъ, что одинаково логично можно доказать какъ бытіе, такъ и небытіе Необходимаго Существа. Это приводитъ автора даже къ извращенію Канта, такъ какъ онъ противопоставляетъ первымъ двумъ антиноміямъ третью, совсѣмъ не упоминая даже о существованіи четвертой (стр. 52—53), между тѣмъ какъ Кантъ противопоставляетъ первыя двѣ антиноміи двумъ послѣднимъ. Неожиданность такого извращенія настолько поражаетъ, что можно даже заподозрить какой-нибудь курьезъ, обусловленный «независящими отъ редакціи обстоятельствами». Но при сравненіи русскій текстъ оказывается дословнымъ переводомъ съ нѣмецкаго. Отъ какихъ бы причинъ, однако, ни произошелъ этотъ недочетъ, онъ настолько важенъ, что редакція, если она только преслѣдуетъ общеобразовательныя цѣли, обязана была справиться съ датскимъ

оригиналомъ и въ крайнемъ случаѣ оговорить этотъ пропускъ въ особомъ примѣчаніи.

На основаніи всего вышесказаннаго нужно придти къ заключенію, что нельзя рекомендовать знакомство съ Кантомъ по Г—у. Къ счастью, этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ чтеніемъ одного изъ имѣющихся въ русскомъ переводѣ изслѣдованій о Кантѣ Паульсена и особенно Виндельбанда *).

Лучшій отдѣлъ въ сочиненіи Г—а третій, посвященный позитивизму. Кто желаетъ по книгѣ Г—а познакомиться со взглядами автора, а не изучать по ней исторіи философіи, тотъ долженъ начать именно съ этого отдѣла. Въ немъ Г. излагаетъ не только позитивизмъ, а всю философію Франціи и Англіи за послѣднее столѣтіе, такъ что сюда входятъ и Де-Местръ, и Биронъ, и Кузенъ, и Кольриджъ, и Карлейль, и Гамильтонъ и другіе мыслители, не имѣющіе ничего общаго съ позитивизмомъ. Но они совершенно теряются въ широкомъ потокѣ позитивнаго мышленія, выдвинувшемъ во Франціи и Англіи самыхъ крупныхъ философовъ этого столѣтія. Особенно подробно Г. останавливается на Контѣ, Дж. Ст. Миллѣ и Спенсерѣ. Изложеніе идей этихъ трехъ философовъ одинаково хорошо и полно, но предпочтеніе, несомнѣнно, надо отдать изложенію философіи Спенсера, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ въ своихъ симпатіяхъ сильнѣе всего склоняется къ нему.

Въ противоположность французской и англійской философіи, или позитивизму, авторъ не сочувствуетъ нѣмецкой философіи отъ Канта до разложенія гегелевской школы или «философіи романтизма», какъ онъ ее называетъ. Свой общій рѣзкій приговоръ надъ спекулятивными системами Г. самъ опровергаетъ изложеніемъ этихъ системъ въ отдѣльности. Надо отдать ему справедливость, что онъ сумѣлъ очень удачно и въ довольно краткой формѣ извлечь существенное содержаніе изъ этихъ системъ. При этомъ идейное богатство ихъ выступаетъ, можетъ быть, противъ его воли, съ поразительною яркостью.

Послѣдняя часть сочиненія Г—а, посвящена нѣмецкой философіи отъ 1850 до 1880 г. нѣсколько короче другихъ и носитъ какъ бы отрывочный характеръ. Причина этого заключается въ томъ, что авторъ, положивъ себѣ предѣломъ восьмидесятый годъ истекающаго столѣтія, на что онъ имѣлъ полное право, захотѣлъ придумать внутреннее объясненіе для своего рѣшенія и мотивировалъ его тѣмъ, что съ этого времени начинается коллективная разработка философскихъ проблемъ. Объясненіе это нѣсколько натянуто и не вполнѣ вѣрно, такъ какъ возникновеніе коллективной разработки философіи надо отнести къ концу шестидесятыхъ и къ началу семидесятыхъ годовъ. Поэтому-то, Г. не считая матеріализма, трактуетъ только о пяти наиболѣе видныхъ и не связанныхъ между собою философахъ этой эпохи, что оказывается недостаточнымъ. Даже неокантіанствомъ онъ занятъ только въ лицѣ Фр. А. Ланге. Въ дѣйствительности же Фр. А. Ланге настолько связанъ со всею неокантіанскою литературой, что положительно трудно рѣшить, онъ ли больше повліялъ на быстрое развитіе ея, или она вызвала его къ дѣятельности и сразу сообщила ему крупное значеніе. Удѣляя здѣсь такъ мало мѣста неокантіанству, Г. нѣсколько непослѣдователенъ, такъ какъ раньше онъ самъ доказывалъ, что даже «во время кажущагося единодержавія романтическаго умозрѣнія онъ (Кантъ) всегда имѣлъ кругъ вѣрныхъ и вдумчивыхъ послѣдователей» (стр. 198). Что касается разбора идей другихъ философовъ этого періода, то Г., несомнѣнно, очень односторонне изобразилъ Лотце лишь какъ создателя метафизической системы, которому онъ дѣлаетъ упрекъ въ томъ, что «Лотце вообще не понималъ значенія теоріи познанія» (стр. 450). Послѣднее было бы совершенно вѣрно по отно-

*) Въ мартовской книгѣ «Міра Божія» будетъ помѣщена статья проф. Г. И. Челпанова о Кантѣ и его значеніи для современной философіи. *Ред.*

шенію къ Лотце перваго періода. Но во второмъ изданіи своей «Логики» онъ посвящаетъ «познанію» третью часть ея, которая принадлежитъ къ лучшему, что мы имѣемъ по теоріи познанія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Впрочемъ, нельзя отрицать, что по своему своеобразному положенію Лотце не подходитъ къ другимъ изслѣдователямъ, создавшимъ широкій интересъ къ теоріи познанія, и что у него навсегда сохранилось очень странное и несправедливое отношеніе къ Канту. Лучшимъ очеркомъ въ послѣдней части сочиненія Г—а является очеркъ философіи Дюринга, служащій заключеніемъ для всей книги.

Переводъ сочиненія Г—а надо признать въ общемъ удовлетворительнымъ. При чтеніи книги, однако, бросается въ глаза крайняя неровность его. Такъ, въ началѣ, въ концѣ и въ одномъ отрывкѣ въ серединѣ книги часто встрѣчаются нѣмецкіе обороты и неупотребительныя въ литературномъ русскомъ языкѣ слова и выраженія, какъ, напр., «пребывающее значеніе» (стр. 106. 239), «прицѣпляться за букву догмата» (стр. 157), «его критической интеллигенціей» (162), «провизорно» (170), «идейной авантюрой» (198), «красивое и теплое чествованіе» (199), «конфессіональныхъ рамокъ» (201), «прилѣпляли ихъ къ божественному существу» (234). Вопросъ терминологіи въ переводныхъ сочиненіяхъ, несомнѣнно, очень важный, такъ какъ, благодаря переводамъ, въ выработкѣ терминовъ могутъ участвовать болѣе широкіе круги писателей. Тѣ изъ писателей, которые не рѣшатся въ оригинальномъ сочиненіи употребить новый терминъ, бываютъ принуждены при переводѣ иностранныхъ книгъ употреблять и создавать таковые. При переводѣ книги Г—а не всѣ термины переданы удачно. Такъ кантовское «Anschauung» очень неудачно переведено словомъ «воззрѣніе» (стр. 40), хотя въ книгѣ Паульсена о Кантѣ, вышедшей въ изданіи того же журнала, этотъ терминъ вполнѣ правильно переведенъ словомъ «интуиція». Если переводчикъ стремился къ русскому термину, то правильнѣе было бы употребить слово «созерцаніе» или создать новый терминъ «умосозерцаніе». Не менѣе неудачно для «Wissenschaftslehre» Фихте употреблено слово «наукоученіе» (стр. 122, 124, 127), являющееся удвоеніемъ одного и того же корня, т. е., какъ бы тавтологіей, но и терминъ «наукословіе», введенный при переводѣ «Исторіи новой философіи» Фалькенберга, мало подходитъ; поэтому наиболѣе соотвѣтствующимъ терминомъ; вѣроятно, будетъ слово «наковѣдѣніе». Также неправиленъ переводъ слова «Inhärenz» терминомъ «пребываемость» (стр. 210, 212), такъ какъ его надо переводить словомъ «принадлежность». Въ заключеніе необходимо указать на нѣсколько ошибокъ, вкравшихся въ переводъ. На стр. 69 названо «юношескимъ» произведеніе Канта, которое онъ выпустилъ, когда ему было сорокъ лѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 187) желчь названа выдѣленіемъ почекъ, хотя въ нѣмецкомъ текстѣ, конечно, стоитъ слово «Leber»—печень. Также ошибочно названа философія Краузе «пантеизмомъ» (стр. 224), между тѣмъ какъ онъ, въ противоположность пантеизму, называлъ ее «панентеизмомъ», объединяя въ одномъ словѣ формулу древнихъ «ἓν καὶ πᾶν»—«единое все». Наконецъ, по поводу проблемы «принадлежности» Гербарта сказано, что «она возникаетъ потому, что одна и та же вещь какъ будто обладаетъ нѣсколькими свойствами» (стр. 210), а въ нѣмецкомъ текстѣ говорится, «что одной и той же вещи должны быть приписаны нѣсколько свойствъ». *Б. К—скій.*

Генри Джорджъ. Синтетическая философія Герберта Спенсера. Критическій очеркъ. Пер. С. Д. Николаева, Москва. 1900. Стр. 36. Ц. 20 к. «Критическій очеркъ» Генри Джорджа, вопреки своему заглавію, не является критическимъ очеркомъ въ точномъ значеніи этого слова, т.-е. разборомъ философіи Спенсера путемъ анализа основныхъ положеній и формулъ ея. Вмѣсто такого разбора Генри Джорджъ, изложивъ въ общихъ чертахъ философскую систему Спенсера, только противопоставляетъ точкѣ зрѣнія опровергаемаго имъ

философа свою собственную. Сущность точки зрѣнія Г. Джорджа сводится къ тому, что эволюцію нельзя объяснить и понять, какъ результатъ ряда причинныхъ соотношеній между матеріальными явленіями, а необходимо предположить участіе духа, дѣйствующаго по опредѣленному плану и осуществляющаго извѣстную цѣль. Для доказательства своей мысли авторъ прибѣгаетъ главнымъ образомъ къ аналогіи между міровымъ процессомъ и дѣятельностью человѣка. Не претендуя на особенную оригинальность и самостоятельность своей точки зрѣнія, онъ однако критикуетъ Спенсера съ такимъ видомъ, какъ будто бы тотъ просмотрѣлъ чрезвычайно простую, ясную и само собой очевидную мысль, подсказываемую здравымъ разсудкомъ. Въ этой манерѣ опираться на требованія здраваго разсудка обнаруживаются характерные признаки самоучки, каковымъ Г. Джорджъ является въ философіи. Люди, мало знакомые съ историческимъ развитіемъ философской мысли, часто хотятъ рѣшать основныя философскія проблемы современности своимъ «вѣскимъ словомъ», не подозрѣвая того, что въ безконечномъ разнообразіи мотивовъ человѣческаго мышленія, проявившемся въ исторіи, ихъ точка зрѣнія уже давно была гораздо глубже и разностороннѣе развита и обоснована, чтобы затѣмъ, однако, какъ не удовлетворяющая болѣе широкимъ запросамъ, быть совершенно оставленной. То же надо сказать о точкѣ зрѣнія Г. Джорджа. Его мысль наиболѣе полно и законченно была использована еще Аристотелемъ. Все свое міропониманіе Аристотель построилъ тоже по аналогіи съ дѣятельностью человѣка.

Въ виду этой крайней поверхностности философскихъ взглядовъ Г. Джорджа, было бы очень нежелательно, чтобы знакомство съ критическимъ очеркомъ Г. Джорджа вело къ замѣнѣ спенсеровской точки зрѣнія точкой зрѣнія автора, такъ какъ даже при несогласіи со взглядами Спенсера надо признать, что его философія глубже, продуманнѣе и болѣе согласована съ современнымъ уровнемъ знаній. Какъ простое сопоставленіе двухъ точекъ зрѣнія, недостаточно наталкивающее на критическое отношеніе къ обѣимъ, очеркъ Г. Джорджа имѣетъ тоже мало значенія. Поэтому переводчикъ оказалъ плохую услугу автору, вырвавъ для перевода одну главу изъ его болѣе обширнаго сочиненія, посвященнаго разбору мнѣній Спенсера по земельному вопросу. Если Г. Джорджъ въ своемъ сочиненіи сумѣлъ доказать, «что люди должны заботиться не о результатахъ, а о принципахъ» (стр. 6), и, положивъ въ основу его «идею неизмѣннаго различія между правдой и неправдой, справедливостью и несправедливостью» (стр. 8), всесторонне изслѣдовалъ вопросъ: «можетъ ли быть найдено въ этой философіи (Спенсера) какое-либо основаніе для нравственныхъ понятій того или другого рода» (стр. 31) (что, повидимому, являлось главной цѣлью его), то естественно было бы отнестись снисходительнѣе къ промахамъ теоретическаго мышленія въ главѣ, имѣющей второстепенное значеніе для книги въ ея цѣломъ. *Б. К—скій.*

УЧЕБНЫЯ КНИГИ.

Ев. Ветнекъ. «Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ». — *С. Майкапаръ.* «Музыкальный слухъ». — *Д. Коровяковъ.* «Искусство выразительнаго чтенія». — *Д. Коровяковъ.* «Этюды выразительнаго чтенія»

Ев. Ветнекъ (учитель одесской 4-й гимназіи). Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ 24 рисунками. Спб. 1900 г. (VIII+141 стр. 8°). Цѣна 1 р. Не смотря на достаточно продолжительное существованіе у насъ такъ наз. классическаго образованія, только въ самое послѣднее время стали появляться руководства, имѣющія въ

виду познакомить читателя съ культурой Греціи и Рима, съ ихъ государственными учрежденіями, религіей, общественной и частною жизнью. До самаго послѣдняго времени знакомство съ этими сторонами жизни подавлялось изученіемъ грамматики, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вся почти учебная литература было запружена грамматиками, словарями и сборниками статей для перевода, по преимуществу съ русскаго языка. Теперь этотъ грамматическій періодъ классическаго воспитанія, къ счастью, уже прошелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться и такія руководства, какъ книга г. Ветнека, имѣющая цѣлью дать ученикамъ старшихъ классовъ гимназіи «*пособіе для систематическаго объединенія* пріобрѣтенныхъ при чтеніи авторовъ миѳологическихъ свѣдѣній». Авторъ имѣетъ при этомъ въ виду дать и схему «происхожденія и развитія религіозныхъ представленій языческой древности». Уже самое распредѣленіе матеріала показываетъ, что авторъ желаетъ дать не простой сводъ необходимыхъ свѣдѣній по миѳологіи, а представить религію древнихъ народовъ въ системѣ. Какъ греческую, такъ и римскую религію онъ излагаетъ, начиная съ почитанія умершихъ, которые «были нѣкогда единственными сверхъестественными силами», признаваемыми человѣкомъ (стр. 2). Небесные и земные боги являются представителями различныхъ явленій природы и сгруппированы авторомъ по этимъ явленіямъ: представители грозныхъ явленій природы, вѣтра, свѣта, огня, водъ, растительности. Послѣдній отдѣлъ составляютъ олицетворенія отвлеченныхъ понятій. Наконецъ, въ видѣ приложенія, сообщены миѳы о герояхъ-полубогахъ.

Конечно, при современномъ состояніи научной разработки исторіи религіи ни одна система не можетъ быть безупречна, а противъ системы автора можно было бы сдѣлать нѣсколько возраженій, но для педагогическихъ цѣлей его система можетъ быть признана вполнѣ пригодной. На мой взглядъ не слѣдуетъ только слишкомъ педантично ее проводить, имѣя въ виду то, что объясненіе божествъ явленіями природы въ послѣднее время значительно пошатнулось. Слишкомъ искусственны и субъективны такія, напр., объясненія функцій Гермеса исключительно свойствами вѣтра: «Гермесъ вѣстникъ Зевса, такъ какъ кажется, будто вѣтеръ дуетъ съ неба... Вслѣдствіе быстроты и силы вѣтра Гермесъ сталъ богомъ—покровителемъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій... Вѣтеръ свищетъ, и Гермесъ изобрѣтатель флейты и свирѣли... По направленію вѣтра путникъ опредѣляетъ дорогу, и Гермесъ является защитникомъ и проводникомъ странниковъ... Вѣтеръ часто... мѣняетъ свое направленіе, и Гермесъ—богъ... непостояннаго счастья»... (стр. 29 сл.). Мнѣ лично никогда не кажется, чтобы вѣтеръ дулъ съ неба, не думаю я, чтобы кому-либо удалось когда-нибудь по направленію вѣтра опредѣлить дорогу: идь и по признанію автора вѣтеръ—измѣнчивъ. Такія объясненія слишкомъ натянуты и на мой взглядъ непригодны даже и для цѣлей систематизаціи. Въ такихъ случаяхъ лучше выбрать какой-нибудь чисто внѣшній принципъ дѣленія функцій божества. Но, конечно, это частное неудобство всякой системы, проводимой строго, и я не ставлю этого въ упрекъ автору, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходится выбирать изъ двухъ золъ то, которое кажется меньшимъ, система или ея нарушеніе.

Болѣе общій и болѣе важный упрекъ можно было бы сдѣлать автору въ томъ, что самый предметъ миѳологіи у него не выясненъ. Обыкновенно подъ миѳологіей въ строгомъ смыслѣ слова разумѣются миѳы, т.-е. сказанія о божествахъ. Въ этомъ смыслѣ миѳологія есть только часть исторіи религіи. Авторъ, повидимому, понимаетъ свою задачу шире, говоря о «происхожденіи и развитіи религіозныхъ представленій». Если такъ, то нельзя не пожалѣть, что авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на формы культа, который несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ миѳомъ и весьма важенъ для уясненія развитія религіозныхъ представленій.

Вообще же книга г. Ветнека производитъ очень благопріятное впечатлѣніе. Издана она хорошо и снабжена хорошими рисунками. Опечатокъ почти нѣтъ. Мы замѣтили только одну, за то дважды повторенную, въ греческомъ названіи праздника анѳестеріи (стр. 6 и 64; въ указателѣ напечатано, однако, правильно). Приложенный указатель даетъ возможность пользоваться книгою и для справокъ. Отъ души желаемъ книжкѣ полнаго успѣха. *Д. Кудрявскій*

С. М. Майкапаръ. Музыкальный слухъ, его значеніе, природа и особенности и методъ правильнаго развитія. Москва 1900. Ц. 1 р. 50 к. (250 стр.). Сочиненія, посвященныя научной разработкѣ какого-нибудь музыкальнаго вопроса, представляютъ собою столь рѣдкое явленіе въ русской литературѣ, что даже изумляешься, когда видишь передъ собою такого рода книгу, и притомъ не переводную, а оригинальную. Гдѣ у насъ читатели для такой книги? Увы! Наши музыканты серьезныхъ книгъ не читаютъ; они читаютъ только музыкальныя рецензіи, и то преимущественно тѣ, въ которыхъ хвалятъ ихъ самихъ или ругаютъ ихъ друзей.

А между тѣмъ книга, заглавіе которой приведено выше, могла бы принести большую пользу музыкальному развитію учащихъ, учащихся и не выучившихся музыкѣ. Авторъ книги—воспитанникъ С.-Петербургской консерваторіи по теоріи музыки и фортепіано—получилъ высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Книга написана очень яснымъ языкомъ, хотя излагаетъ довольно трудные вопросы о слухѣ съ физической и физіологической точки зрѣнія. Главная цѣль книги—установить новый методъ въ системѣ развитія музыкальнаго слуха, методъ, основанный на научныхъ данныхъ и отличающійся отъ общепринятаго консерваторскаго.

Чтобы научно обосновать предлагаемый имъ методъ, Майкапаръ предварительно излагаетъ: 1) *ученіе объ акустикѣ*: физическая сторона (объективная) звука; теорія колебаній, музыкальный звукъ и шумъ, сила звука, высота звука, тембръ (краски) звука (обертоны и унтертоны), комбинаціонные тоны; 2) *устройство и отправленія слухового органа* (подробное объясненіе съ рисунками).

Изложенныя въ этихъ главахъ свѣдѣнія очень важны для музыкантовъ, а для преподающихъ музыку необходимы; а между тѣмъ огромное большинство музыкантовъ, даже извѣстныхъ, не имѣютъ о нихъ понятія.

Многіе ли изъ нихъ знаютъ, напримѣръ, что мажорное трезвучіе потому кажется намъ столь знакомымъ и пріятнымъ для слуха, что составляющіе его звуки уже физически даны въ основномъ тонѣ (басовой нотѣ) въ видѣ обертоновъ; многіе ли знаютъ, что фортепіано настраивается преднамѣренно фальшиво и въ чемъ состоитъ отличіе этой настройки (темперированной) отъ чистой, и т. д.

Переходя къ спеціальной задачѣ своей книги, Майкапаръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ основѣ музыкальной дѣятельности во всѣхъ областяхъ музыки лежитъ правильно и всесторонне развитой музыкальный слухъ. Въ консерваторіяхъ развитіе слуха спеціально поручено преподавателямъ сольфеджіо. Преподаваніе сольфеджіо состоитъ въ томъ, что ученика заставляютъ пѣть по нотамъ (по особымъ хрестоматіямъ), а когда онъ нѣсколько научится этому, то заставляютъ его записывать нотами то, что ему поется или играется. Главный недостатокъ этой методы тотъ, что при этомъ приходится пользоваться несовершеннымъ голосомъ учащагося, вслѣдствіе чего, хотя при этой методѣ ученикъ и усваиваетъ интервалы, но совершенно упускается изъ виду роль тембра и нюансировки звука (динамическіе оттѣнки), которые имѣютъ очень важное значеніе для музыкальнаго развитія. Для восполненія этого недостатка Майкапаръ предлагаетъ воспользоваться для развитія слуха скрипкой, какъ инструментомъ наиболѣе богатымъ тембромъ, наиболѣе подвижнымъ и способнымъ къ нюансировкѣ.

Практически предложеніе Майкапара встрѣчаетъ много возраженій, изъ нихъ главное то, что изъ активно занимающагося, поющаго, ученикъ превратится въ слушающаго скрипку, что въ педагогическомъ отношеніи можетъ оказаться очень неудобнымъ въ смыслѣ разсѣянія вниманія и т. п. Кромѣ того, нюансировка и изученіе тембра проходятся особо въ спеціальныхъ классахъ. Въ отношеніи тембра и интонаціи наиболѣе въ убыткѣ оказываются піанисты и пѣвцы, и для нихъ было-бы очень полезно учиться на скрипкѣ, какъ это введено для изучающихъ спеціально теорію.

Вообще, практическіе выводы Майкапара встрѣчаются съ серьезными возраженіями, но его изложеніе сущности музыкальнаго слуха и роли его въ музыкальномъ развитіи заслуживаетъ полнаго вниманія музыкантовъ.

В. Вальтеръ.

Искусство выразительнаго чтенія. Опытъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и пріемовъ преподаванія. Д. Коровяковъ. Изд. 3-е. Ц. 1 руб. Спб. Изд. Н. П. Карбасникова. 1900 г. (стр. 160).—Д. Коровяковъ. Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній. Изд. 2-е. Ц. 1 р. Спб. Изд Н. П. Карбасникова. 1900 г. (стр. 176). Первое изданіе первой изъ разбираемыхъ книгъ, съ котораго и перепечатано безъ перемѣнъ третье, вышло въ 1892 году, а «Этюды» въ 1893 году, еще при жизни автора. Объ книги—публичный курсъ, прочитанный покойнымъ въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, въ 1891 и 1892 гг., и до сихъ поръ, по серьезности и богатству матеріала, обоснованнаго на лучшихъ иностранныхъ источникахъ, представляютъ лучшее у насъ, а по полнотѣ и строгой систематичности, пока *единственное* пособіе для всякаго, кто бы хотѣлъ познакомиться съ выразительнымъ чтеніемъ основательно. Разбираемыя книги—плодъ почти десятилѣтняго, практическаго и теоретическаго, труда автора въ существовавшей въ Петербургѣ, съ 1882 г. почти до 1892 г., *первой частной школѣ дикціи и сценическаго искусства*, основанной въ 1882 году П. Д. Боборыкинымъ, скоро передавшимъ ее въ вѣдѣніе покойнаго, и пишущимъ эти строки, работавшимъ въ ней также нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ Д. Д. Коровяковымъ и извѣстнымъ бывшимъ редакторомъ журналовъ «Знаніе» и «Слово» (нынѣ профессоромъ) Д. А. Коропчевскимъ. Этимъ то двумъ лицамъ, особенно Д. Д. Коровякову, принадлежитъ честь перваго опыта постановки на научную и практическую почву совершенно новаго для Россіи предмета—*выразительное чтеніе*, точно также какъ П. Д. Боборыкину принадлежитъ иниціатива указанія на *выразительное чтеніе*, какъ на необходимый и важный *школьный предметъ*, что сдѣлано имъ въ 1882 году въ публичной лекціи, прочитанной въ Петербургѣ въ залѣ Александровской гимназіи, въ пользу женскихъ педагогическихъ курсовъ, и изданной въ томъ же году брошюрой подъ заглавіемъ «Искусство чтенія». Съ этой-то лекціи, если не считать вышедшаго въ 1879 году въ Москвѣ перевода прекрасной книги Э. Легуве «Чтеніе какъ искусство», гдѣ прямо поставленъ вопросъ о томъ, что чтенію долженъ и можетъ учиться всякій,—и начинается у насъ краткая исторія попытокъ ввести искусство чтенія въ школу, какъ учебный обязательный предметъ *). За лекціей, уже въ слѣдующемъ, 1883 году, въ «Педагогическомъ Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» явились статьи В. Острогорскаго «Выразительное чтеніе, какъ учебный предметъ средняго образованія», вошедшія въ томъ же году съ дополненіями и въ переработкѣ, вмѣстѣ со многими школьными разборами и примѣрами, въ отдѣльную *элементарную* книжку для родителей и учителей «Выразительное чтеніе» (изд. 4-е 1898 г. Москва, изд. Д. И. Тихомирова).

*) Интересующихся этой исторіей и оцѣнкой существующихъ руководствъ позволяемъ себѣ обратить къ статьямъ нашимъ «Выразительное чтеніе какъ предметъ обученія» въ «Педагогическомъ Листкѣ» 1895 г. №№ 3 и 4. *Викт. Остр.*

Въ 1887 г. явился уже опытъ систематическаго руководства для обученія чтенію—«Искусство устнаго изложенія», М. Бродовскаго, составленный по нѣмецкимъ трудамъ Бенедикса, Ретчера и др., особенно интересный по главѣ о недостаткахъ произношенія, ихъ исправленіи и разсмотрѣнію голосовыхъ средствъ. Книги Д. Д. Коровякова дѣлаютъ значительный шагъ впередъ. Это уже не сжатый, сухой кодексъ главныхъ основъ искусства, какъ у Г. Бродовскаго,—это—живой, подробный курсъ,—въ первой книгѣ («Искусство выразительнаго чтенія») *теоретическій*, во второй—*практическій*, написанный съ любовью и, особенно въ «Этюдахъ», прямо-таки интересно, по которому, въ связи съ изученіемъ физіологической части у Г. Бродовскаго и примѣровъ въ книжкѣ автора этой рецензіи, мать, воспитатель, учитель могутъ въ значительной степени ознакомиться съ важностью вопроса и подготовиться на разнообразномъ матеріалѣ къ преподаванію выразительному чтенію.

Въ первой книгѣ («Искусство выразительнаго чтенія») всѣхъ главъ 16. Имъ предшествуетъ обширное введеніе—обстоятельный и интересный очеркъ исторіи искусства декламаціи и подробное выясненіе значенія выразительнаго чтенія въ отношеніи общественномъ, педагогическомъ и художественно-литературномъ, а также указаніе задачъ декламаціи и литературы предмета. А чтобы читатель заранѣе имѣлъ строго опредѣленный планъ занятій, указываются *три* рода условій чтенія: *техническія*—сторона звуковая, рѣчь слышимая, *логическія*—передающія логическій смыслъ рѣчи, которая не только должна быть вполнѣ ясно, отчетливо и пріятно слышима, но и понимаема, и *художественныя*, т.-е. заставляющія насъ не только слышать и понимать, но и чувствовать, живо воображать слышимое. Отсюда и три чтенія: 1) *механическое*, т.-е. ясное, отчетливое, звучное, пріятное для слуха; 2) *толковое* или *логическое*, и 3) *художественное*. Первымъ двумъ чтеніямъ можно и должно обязательно обучить всякаго въ связи съ обученіемъ грамотѣ и объяснительнымъ чтеніемъ. Мы позволяемъ себѣ высказать прямо, что такимъ чтеніямъ можетъ обучиться каждый ребенокъ, если онъ не страдаетъ только органическими недостатками произношенія и физическою болѣзнью слуховыхъ органовъ; что плоха школа, которая этимъ чтеніямъ не выучиваетъ, и что мы знаемъ по опыту, что, къ великому нашему стыду, только у насъ въ Россіи, не говоря уже о народной школѣ, даже изъ гимназій зачастую выходятъ люди грамотные, но читать не умѣющіе; что, наконецъ, не умѣютъ читать у насъ большинство самихъ учителей, и дѣти хорошаго чтенія почти не слышатъ. Овладѣть третьимъ чтеніемъ—*художественнымъ*—конечно, можно только стремиться, но и здѣсь, если хорошо развить упражненіями голосъ и дыханіе и образовать на художественныхъ образцахъ вкусъ, можно достичь успѣховъ весьма значительныхъ. Сообразно этимъ тремъ группамъ условій чтенія, книга распадается на *три* части. Первыя *шесть* главъ (стр. 22—73) спеціально посвящены техникѣ (произношеніе, голосъ, тонъ, рычаги и дыханіе). Эта часть заканчивается общимъ сведеніемъ всѣхъ техническихъ условій рѣчи, что очень удобно систематизируетъ пріобрѣтенныя знанія, и перечисленіемъ *шестнадцати* упражненій въ техникѣ, опредѣленныхъ и практичныхъ, которыя можетъ продѣлать каждый (стр. 70—74). Слѣдующая, *седьмая*, глава вся посвящена, такъ называемымъ, *логическимъ ударсніямъ*, грамматическимъ *знакамъ препинанія* и *логическимъ паузамъ*, и заканчивается *примѣненіемъ рычаговъ* къ логическому тонированію. Остальныя *девять* главъ посвящены разсмотрѣнію чтенія *художественнаго*, причемъ это разсмотрѣніе примѣняется не только къ родамъ поэзіи (эпосъ, лира, драма), но и къ отдѣльнымъ видамъ (баллада, басня, поэма, романъ), и подробно говорится объ особыхъ условіяхъ устнаго произношенія (стр. 137) и о чтеніи пьесъ. Множество удачно подобранныхъ примѣровъ и ясныхъ и простыхъ объясненій придаетъ книгѣ практическое значеніе,

*

и широкое одобреніе и рекомендація разныхъ учебныхъ вѣдомствъ обезпечиваютъ книгѣ весьма желательное распространеніе во всѣхъ школахъ, особенно учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

«Этюды выраз. чтенія»—предсмертный трудъ, обработанъ авторомъ съ особенной любовью. Если первая книга, по нашему мнѣнію, должна быть настольнымъ теоретико-практическимъ курсомъ, то «Этюды»—не только рядъ систематически расположенныхъ примѣровъ примѣненія теоріи, но и цѣлый рядъ тонкихъ анализовъ художественныхъ произведеній литературныхъ, большею частью, у насъ въ школахъ неразбираемыхъ, анализовъ очень полезныхъ для всякаго учителя родного языка и словесности, и могущихъ образовать эстетическій вкусъ учащихся (анализы басни «Два голубя», «Тучки небесныя», Лермонтова, прелестныя вещи А. Толстого, изъ Виктора Гюго и др.). Такихъ «примѣровъ здѣсь множество, причемъ авторъ самый процессъ чтенія вызываетъ анализомъ, раскрывая въ литературномъ произведеніи тѣ данныя, которыя руководятъ примѣненіемъ тѣхъ или другихъ видовъ выразительности» (стр. 7). Книга начинается обширнымъ введеніемъ, гдѣ говорится о хорошемъ чтеніи вообще, приводятся слова профессора Легуве о, такъ сказать, *«декламаціонныхъ прогулкахъ»*, и выясняется *польза* художественнаго чтенія *для себя лично* (удовольствіе, наслажденіе), *для другихъ* (школа, семья), на что обратили бы мы особое вниманіе читателей, и наконецъ, въ смыслѣ *критическаго изученія произведенія или автора вообще*, причемъ горячо защищаются публичныя чтенія,—прибавимъ отъ себя,—столь важныя для народа по могущественному дѣйствію на него даже сколько нибудь порядочно прочитанныхъ провзведеній поэтическихъ. Что же касается системы обученія художественному чтенію, то, предполагая техническія и логическія условія чтенія уже извѣстными изъ первой своей книги, авторъ въ первой части «Этюдовъ» на примѣрахъ излагаетъ *общія условія чтенія*, т.-е. *рельефность*, *колоритность* и *мелодичность*, а во второй предлагаетъ условія особаго вида чтенія, *характернаго*, т. е. эпическаго, героическаго, античнаго, трагическаго, возвышенно-приподнятаго, былевого, разнородно-лирическаго, до романа и драмы включительно, причемъ предлагаетъ, хоть, пожалуй, и нѣсколько спорное, но остроумное дѣленіе Легуве всѣхъ тоновъ чтенія на основные *четыре*, подъ которые, болѣе или менѣе, подходитъ всякое художественное чтеніе: *золотой* (торжественный, важный, мажорный), *серебряный* (свѣтлый, живой, веселый, легкій), *мѣдный* (мрачный, угрюмый, минорный) и *бархатный* (задушевный, элегическій, грустный), чему дается въ книгѣ не мало разъясненныхъ примѣровъ.

Таково въ общихъ чертахъ сжатое содержаніе этихъ двухъ, пока единственныхъ, толково и научно изложенныхъ руководствъ у насъ по выразительному чтенію, важность обученія которому признается нынѣ всѣми программами учебныхъ заведеній, къ сожалѣнію, совершенно игнорирующихъ то, что еще нигдѣ обученіе это у насъ оффиціально не введено и учителей этому предмету, кромѣ самозванныхъ учителей декламаціи, преимущественно сценической, открывающихъ на свою совѣсть даже особые спеціальные курсы, у насъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, потребность обученія выразительному чтенію за послѣдніе 18—20 лѣтъ въ Россіи уже созрѣла; есть уже, какъ мы указали и кое-какія руководства, по которымъ можно начинать учиться. *). Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ даже введено неоффиціально обученіе выразительному чтенію (кромѣ, однако, учительскихъ институтовъ и семинарій). Были и попытки устрой-

*) Въ 1896 г. вышла еще книга артиста Имп. СПБ. театровъ и преподавателя драм. курсовъ Имп. СПБ. театральнаго училища Ю. Э. Озаровскаго «Вопросы выразит. чтенія» съ критическимъ отношеніемъ къ покойному Д. Д. Коровякову, а въ прошломъ 1900 году вышла и вторая книга того же автора подъ тѣмъ же заглавіемъ. *Викт. Остр*

ства кое-гдѣ временныхъ курсовъ для учителей. Такъ, въ 1897 г. авторъ этой рецензіи неоффиціально ознакомилъ народныхъ учителей съ выразительнымъ чтеніемъ на учительскихъ курсахъ въ Валдаѣ (Новг. губ.); въ 1898 г. прочиталъ четыре лекціи для учителей и учительницъ въ Гатчинѣ, а въ 1900 году уже оффиціально былъ приглашенъ владимірскимъ губернскимъ земствомъ прочитать практическій курсъ на учительскихъ курсахъ, съ 23-го іюля по 1-го августа.*).

Отсылая читателя къ указаннымъ книгамъ, гдѣ выясняется и педагогическое, и общественное значеніе обученія выразительному чтенію, которое имѣетъ у насъ особую важность, такъ какъ оно одинъ изъ могущественнѣйшихъ проводниковъ въ столь мало грамотной Россіи, позволяю себѣ высказать, кому бы этимъ предметомъ слѣдовало заняться. На первомъ планѣ семья и образованная и крестьянская, гдѣ *мать* должна заложить въ своихъ дѣтяхъ, путемъ литературы, основы любви, пониманія и вкуса къ родной поэзіи. Учительскій институтъ, учительская семинарія, семинарія духовная, гдѣ образуются пастыри-проповѣдники. Наставники не могутъ, кончая курсъ, читать «какъ пономарь», а должны быть обязательно ознакомлены съ пріемами обученія выразительному чтенію: вѣдь эти педагогическіе питомцы пойдутъ въ народъ, должны будутъ не только обучать народъ «*грамматикѣ*», но, вести объяснительное чтеніе въ школѣ въ классѣ, уча читать ясно, отчетливо, пріятно и разумно логически, что такъ народъ любитъ и цѣнитъ. Не говорю уже, что все болѣе и болѣе распространяющіяся *народныя чтенія съ фонаремъ* требуютъ чтецовъ искусныхъ. Наконецъ, мы твердо вѣримъ, что съ усиливающеюся повсемѣстно въ Россіи потребностью въ просвѣщеніи, будетъ расширенъ списокъ допущенныхъ для чтенія народу сочиненій русскихъ авторовъ и другихъ книгъ, и тогда, рядомъ съ учителемъ народится въ Россіи и особый *народный чтецъ*, который, толково подготовленный къ выразительному чтенію теоретически и практически, будетъ, въ самые глухіе углы Руси вносить свѣтъ знанія путемъ «пріятнаго и толковаго» чтенія. Но къ такому чтенію надо готовиться; ему можно и нужно учиться, и въ этомъ отношеніи книги покойнаго Дмитрія Дмитріевича Коровякова помогутъ не мало. Предметъ новъ, но важность его сознана и кое-что сдѣлано, такъ что сдѣланнымъ только нужно воспользоваться, а кто можетъ, то вести дѣло и дальше. *В. Острогорскій.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Руководство для практическаго изученія химіи проф. Гаттермана. Переводъ съ нѣмецкаго Смирнова, подъ редакціей прив.-доц. Московскаго университета Реформатскаго. Москва 1900. Цѣна 2 р. Книга Гаттермана, не представляя собою систематическаго учебника органической химіи, является лишь пособіемъ для практическихъ работъ по этому отдѣлу химіи. Въ университетахъ и вообще тамъ, гдѣ читаются спеціальные курсы органической химіи, отъ учащихся требуется, между прочимъ, практическое знакомство съ методами синтетическаго построенія важнѣйшихъ группъ органическихъ соединеній. Средствомъ для этого служатъ работа по приготовленію такъ называемыхъ «органическихъ препаратовъ». Познакомить съ пріемами и сознательнымъ веденіемъ такихъ работъ и имѣетъ въ виду руководство Гаттермана. На русскомъ языкѣ, какъ это ни странно, подобныхъ руководствъ до сихъ поръ не существовало;

*) См. статью мою «Недѣля на Владимірскихъ учительскихъ курсахъ» «Пед. Листокъ» при «Дѣтскомъ Чтеніи» 1900 г. Сентябрь, и «Вѣстникъ Владимірскаго земства» 1900 г. *Викт. Остр.*

изъ многочисленныхъ же нѣмецкихъ пособій по этому предмету (Levy, E. Fischer, Erdmann, Lassar-Kohn и др.) книга Гаттермана является несомнѣнно лучшимъ, какъ по раціональности дидактическихъ пріемовъ, такъ и по своимъ научнымъ достоинствамъ. Въ то время, какъ большинство упомянутыхъ руководствъ ограничивается лишь голымъ описаніемъ операцій и указаніемъ «рецептовъ», необходимыхъ для приготовленія даннаго препарата, у Гаттермана лабораторная практика идетъ параллельно съ теоретическимъ изученіемъ предмета. При каждой отдѣльной операціи авторъ подробно выясняетъ сущность и механизмъ тѣхъ реакцій, при участіи которыхъ совершается извѣстное превращеніе, а также общее и теоретическое значеніе даннаго метода и его примѣнимость въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Самый матеріалъ работъ расположенъ у Гаттермана такимъ образомъ, что работающій по его книгѣ можетъ послѣдовательно приготовить препараты важнѣйшихъ представителей органическихъ соединеній, исходя изъ наименѣе сложныхъ; такимъ образомъ представляется возможность прослѣдить, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ моментахъ, логическую связь идей и фактовъ, совокупность которыхъ составляетъ стройную систему органической химіи. Такая система не только дѣлаетъ работу учащихся вполнѣ сознательной, но и «пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣдѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, удерживаются въ памяти гораздо лучше, чѣмъ если бы они были получены при одномъ только чтеніи теоретической книги».

Спеціальной части книги предшествуетъ общая часть; въ ней авторъ знакомитъ съ техническими пріемами лабораторныхъ работъ и съ методами анализовъ органическихъ соединеній. Кромѣ чисто органическихъ препаратовъ, изъ которыхъ соединеніямъ ароматическаго ряда отведено, сообразно съ ихъ важностью, вдвое больше мѣста, нежели соединеніямъ жирнаго ряда, въ концѣ книги даны способы приготовленія и нѣкоторыхъ неорганическихъ препаратовъ, наичаще встрѣчающихся при работахъ съ органическими препаратами.

Переводъ книги выполненъ весьма добросовѣстно. Намъ только кажется, что русское заглавіе не совсѣмъ точно передаетъ заглавіе нѣмецкаго оригинала («Die Praxis des organischen Chemikers») и не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію книги: выше мы уже упоминали, что книга Гаттермана не представляетъ собою ни учебника органической химіи, ни руководства для практическаго изученія ея, могущаго замѣнить учебникъ. Издана книга хорошо, рисунки почти не уступаютъ рисункамъ оригинала. Цѣна сравнительно не высока. *Г. Барщ.*

Ремсенъ. Введеніе въ изученіе химіи (неорганическая химія). Переводъ, исправленный по послѣднему нѣмецкому изданію, подъ редакціей М. И. Коновалова. Библіотека для самообразованія. Москва. Оригинальная особенность учебниковъ химіи Ремсена *) въ томъ, что они предназначаются, главнымъ образомъ, для лицъ, начинающихъ *систематическое* знакомство съ химіей *вполнѣ самостоятельно* и въ то же время не имѣющихъ возможности пользоваться хорошими лабораторными пособіями. Дать учебникъ, который, при прохожденіи элементарнаго курса химіи, могъ бы замѣнить руководительство преподавателя и, по возможности, устранить необходимость лекціонныхъ демонстрацій и правильныхъ практическихъ работъ, — такова задача автора, задача чрезвычайно не легкая, требующая, помимо таланта, большой педагогической опытности и навыка. Насколько удаченъ въ этомъ отношеніи опытъ Ремсена, объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ широкое распространеніе и популярность, которыми пользуются учебники американскаго профессора

*) Ремсеномъ изданы три руководства по химіи: одно — по неорганической, другое—по органической и третье—по физической. Всѣ они переведены на русскій языкъ и отчеты о двухъ послѣднихъ книгахъ въ свое время были даны на страницахъ «Міра Божія».

за предѣлами его отечества; учебники эти переведены почти на всѣ европейскіе языки, а въ Германіи, не смотря на то, что учебная литература по химіи тамъ особенно богата, они выдержали нѣсколько изданій.

Разумный выборъ матеріала, простота и ясность изложенія, отсутствіе догматизма, прекрасный подборъ простыхъ и въ большинствѣ случаевъ всѣмъ доступныхъ опытовъ—таковы основныя достоинства учебниковъ Ремсена вообще и разбираемой нами книжки въ частности.

«Введеніе въ изученіе химіи (неорганической)» состоитъ изъ 27 главъ; изъ нихъ первыя 13 (т.-е. почти половина книги) посвящены элементарному изложенію теоретической части предмета. На небольшомъ количествѣ удачно выбранныхъ фактовъ авторъ знакомитъ читателя съ важнѣйшими химическими явленіями, устанавливаетъ ихъ взаимную связь и постепенно приводитъ читателя къ усвоенію основныхъ законовъ и воззрѣній химіи. Изложеніе—строго индуктивное и фактическій матеріалъ, на основаніи котораго дѣлаются выводы и обобщенія, всегда подкрѣпленъ опытами, крайне несложными и ясно описанными. Тамъ, гдѣ это необходимо, опыты иллюстрируются хорошими рисунками. Чтобы сдѣлать изученіе книги болѣе сознательнымъ, во многихъ мѣстахъ ея помѣщены вопросы и задачи, а главы, отчетливое усвоеніе которыхъ представляется особенно важнымъ для пониманія дальнѣйшаго, заканчиваются ясными и краткими «обзорами изложеннаго». Вообще во всемъ видна та добросовѣстность и заботливость о читателѣ, которыя показываютъ, что авторъ ни на минуту не забываетъ всей трудности, принятой на себя задачи. Вторая половина книги посвящена систематическому разсмотрѣнію элементовъ и ихъ свойствъ и заканчивается подробнымъ изложеніемъ періодическаго закона.

Въ заключеніе мы должны сказать, что, помимо того круга читателей, который прежде всего имѣетъ въ виду эту книгу, она можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ и для всякаго приступающаго къ изученію химіи. Издана книга, какъ и всѣ изданія московской коммиссіи, весьма тщательно, переводъ хорошъ и цѣна (1 р. 75 к. въ изящномъ переплетѣ) недорогая. *Г. Баршъ.*

Дм. Каигородовъ. Начальная ботаника для городскихъ училищъ со многими рисунками. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 60 к., въ папкѣ 70 к. Книга эта представляетъ собою новое изданіе давно уже вышедшей изъ продажи книги того же автора: «Краткій обзоръ растительнаго царства по климатическимъ поясамъ», которая во многихъ городскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ была принята, какъ руководство по ботаникѣ.

Появленіе новаго изданія можно только привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что въ немъ сдѣланы необходимыя измѣненія и довольно существенныя дополненія, въ особенности въ описаніи сельско-хозяйственныхъ и огородныхъ растеній.

Послѣ небольшого введенія авторъ переходитъ къ описанію внѣшняго и внутренняго строенія растеній и главнѣйшихъ явленій ихъ жизни. Эти главы составляютъ первую часть книги. Къ сожалѣнію, авторъ здѣсь умалчиваетъ о многихъ весьма интересныхъ и важныхъ фактахъ, а въ другихъ случаяхъ выражается не точно,—такъ о ядрѣ-клѣтки говоритъ, что оно находится «нерѣдко», тогда какъ на самомъ дѣлѣ ядра неизвѣстны лишь у нѣкоторыхъ низшихъ водорослей и бактерій. Страннымъ является также утвержденіе, будто споры (безцвѣтковыхъ) соотвѣтствуютъ сѣмянамъ цвѣтковыхъ растеній.

Во второй части своей книги авторъ переходитъ къ описанію растеній и здѣсь примѣняетъ свой оригинальный методъ: онъ описываетъ растительность земного шара по климатическимъ поясамъ (холодный, умѣренный и жаркій). Это было бы вполнѣ правильно и удобно для преподаванія, если бы авторъ не соединилъ бы съ такимъ климатическимъ раздѣленіемъ и систематическаго дѣленія; такъ, въ главѣ о растительности холоднаго пояса авторъ описываетъ исключительно безцвѣтковыя растенія (папоротники, хвощи, мхи,

лишаи, грибы, водоросли) и утверждаетъ, будто въ холодномъ поясѣ климатическія условія даютъ возможность расти лишь растеніямъ безцвѣтковымъ! Даже и съ такими оговорками, которыя дѣлаетъ авторъ, такое утвержденіе является черезчуръ смѣлымъ. Такъ, даже въ Гренландіи встрѣчается три съ половиной сотни видовъ цвѣтковыхъ растеній!

Всѣ эти недосмотры и неточности не могутъ, конечно, помѣшать намъ отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ этой книгѣ, написанной извѣстнымъ знатокомъ и любителемъ русской природы, тѣмъ болѣе, что книга эта отличается живымъ и образнымъ языкомъ, рѣзко выдѣляющимъ ее въ массѣ краткихъ учебниковъ ботаники, среди которыхъ лишь очень немногіе удовлетворяютъ своему назначенію. *Б. Федченко.*

А. М. Никольскій (докторъ зоологіи). Лѣтнія поѣздки натуралиста: 1) Въ Туркестанѣ.—2) На Ледовитомъ океанѣ. —3) Въ Сѣверной Персіи.—4) На Сахалинѣ. 155 рисунковъ въ текстѣ, 24 на отдѣльныхъ таблицахъ. 240 стр. Цѣна 2 р. С.-Петербургъ. 1900 г. Изданіе товарищества «Знаніе» (Иллюстрированная библіотека естествознанія и географія). Книга проф. Никольскаго содержитъ описаніе его четырехъ поѣздокъ по окраинамъ Россіи. Каждый, собирающійся сообщить широкой публикѣ свои научныя наблюденія или воспоминанія о путешествіи, долженъ бояться двухъ столь обычныхъ крайностей—сухости разсказа или же, наоборотъ, преувеличеннаго его уснащенія литературными и поэтическими прикрасами. Г. Никольскій удачно избѣжалъ и того, и другого: его выручаетъ простота изложенія и непосредственность чувства. Чтобы писать такъ просто, надо любить то, что описываешь, любить самое воспоминаніе о пережитомъ. Видно, что авторъ, дѣйствительно, счастливъ, вырвавшись изъ душнаго города на экскурсію, и что экскурсіи оставили въ немъ навсегда отрадныя воспоминанія.

При чтеніи книги г. Никольскаго приходится дѣлать рѣзкіе географическіе скачки, дважды мѣнять жаркую обстановку прикаспійскихъ областей на холодные берега Ледовитаго океана и тайгу мрачнаго Сахалина. Вотъ, напримѣръ, картина Мурмана:

«Отъ кита, закинувъ ружья за спину, мы отправились въ Териберку пѣшкомъ. Неясная тропинка ведетъ черезъ горы, мѣстами спускаясь въ тундристыя долины, мѣстами поднимаясь на вершины мелкихъ жребіевъ. Вотъ она настоящая Лапландія, эта обиженная Богомъ страна! Что за унылая, тоску наводящая природа! Синее небо, осенній воздухъ, кругомъ скалы, скалы мѣстами голыя, мѣстами покрытыя ворницей или пятнами снѣга. Тихо и пустынно, птицъ никакихъ, нѣтъ и насѣкомыхъ, не слышно даже писка комаровъ, которыхъ тамъ много на тундрѣ и которымъ нечего дѣлать на безжизненныхъ скалахъ. Подъ защитой горъ не слышно и рева моря; одинъ вѣтеръ уныло гудитъ въ дулѣ ружья, мѣняя тоны на поворотахъ тропинки. При одной мысли о возможности заблудиться въ этой странѣ камня становится жутко и ноги сами собой начинаютъ шагать быстрѣе» (стр. 124).

Еще болѣе безнадежную пустыню—тайгу рисуетъ авторъ въ своихъ очеркахъ о Сахалинѣ.

Г. Никольскій вводитъ читателя во всѣ мелочныя подробности своихъ путешествій, знакомитъ его со своими спутниками и случайными встрѣчными. Разсказъ автора всегда окрашенъ тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который почти всегда царитъ среди дружной компаніи путешественниковъ. Попутно, въ перемежку съ описаніемъ ландшафта и эпизодовъ путешествія, г. Никольскій сообщаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, преимущественно біологическаго характера.

Книга прекрасно иллюстрирована, жаль только, что къ ней не приложено карты. *Вл. Гердъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го декабря 1900 г. по 15-ое января 1901 г.).

Антонъ Чеховъ. Пьесы. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. М. Минскій. Новыя пѣсни. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Весь Кіевъ на 1901 г. Изд. Радоминскаго. Ц. 1 руб.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Перев. съ англ. Шамонина. Вып. III. М. 1900 г.

А. Н. Будищевъ. Лучшій другъ. Изд. Т-ва «Трудъ». Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Отчетъ о состояніи и дѣят. О-ва взаимопом. учащ. и учивш. Томской губ. за 1899 г. Томскъ. 1900 г.

Н. В. Азовецъ. Подневольные. Разсказы. 1901 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

Н. Н. Бурнашевъ. Способъ сбыта меда. Спб. 1900 г.

Ф. А. Ярыгина. Изъ огня выхватила. Въ 4-хъ дѣйств. М. 1901 г.

А. Ульяновъ. Старый башмакъ. Изд. «Курнинъ и К°». М. 1901 г. Ц. 10 к.

Н. Лукашевичъ. Баринъ и слуга. Изд. «Курнинъ и К°». М. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Ульяновъ. Корноушка. Изд. тоже Ц. 15 коп.

Н. Позняковъ. Канцеляристъ. Изд. тоже. Ц. 25 коп.

Н. Лукашевичъ. Старый Памфилычъ. Изд. тоже. Ц. 25 коп.

Уйда. Снѣгирь. Изд. тоже. Ц. 30 коп.

Тифлис. настольн. календарь на 1901 г. Изд. Герценштейна.

Статистическое описаніе Яросл. губ. Мышкинск. уѣзда. Ярославль. 1900 г.

Матеріалы для выраб. прогр. текущей статист. въ Вятск. земствѣ. Вятка. 1900 г.

Гинзбургъ и Марекъ. Еврейскія пѣсни въ Россіи. Изд. ред. «Всходы». Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сельскохоз. обзоръ Вятской губ. за 1900 г. Вып. II. Вятка. 1900 г.

С. Вальтеръ. Печальные разсказы. М. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Ульяновъ. Заячья елка. Изд. «Курнинъ и К°». М. 1901 г. Ц. 15 коп.

А. Кизеветтеръ. Петръ Великій за границей. Изд. тоже. Ц. 10 коп.

В. Фромъ. Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. Изд. тоже. Ц. 5 коп.

С. Князьковъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Подъ ред. Кизеветтеръ. Спб. 1900 г. 15 коп.

Я. А. Ф—инъ. Генрихъ Ибсенъ. Критич. этюдъ. М. 1901 г. Ц. 50 коп.

Джонатанъ Свифтъ. Путешествіе Гулливера по многимъ отдален. и неизв. странамъ свѣта. М. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Отчетъ Совѣта Об-ва попеченія о начальн. образов. въ г. Омскѣ за 1899 г. Омскъ. 1900 г.

25 Отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышл. тов-вахъ. Спб. 1900 г.

П. П. Гнѣдичъ. Купальные огни. Романъ. Изд. Т-ва «Трудъ». Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Лермонтовъ. Бэла. Изд. Вят. губ. земства. Вятка. 1900 г. Ц. 5 коп.

Памятная книжка Семипалат. обл. на 1901 г. Вып. V. Семипалатинскъ. 1901 г.

Статистич. сборникъ по Яросл. губ. Вып. IX. Ярославль. 1900 г.

Денежный отчетъ Невскаго Об-ва устр. нар. развлеч. за 1898—1899 г.

С. В. Курнинъ. Что читать дѣтямъ. М. 1900 г. Изд. «Курнинъ и К°». Ц. 60 к.

А. Осиповъ. Бобыль. Истор. повѣсть. Спб. 1901 г. Изд. Лавровой и Попова.

К. М. Станюковичъ. Исторія одного матроса. М. 1901 г. Изд. «Курнинъ и К°».

В. Короленко. Рѣка играетъ. М. 1901 г. Изд. тоже. Ц. 12 коп.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Изд. Солдатенкова. М. 1901 г. Ц. 2 руб.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Ч. I и II. Изд. Солдатенкова. М. 1901 г. Ц. 3 руб.

Соч. Л. Лори. Приключенія на сушѣ и на морѣ. Въ 9-ти том. для юношей. Изд.

О. Н. Поповой, въ роскошн. перепл. Ц. 4 руб.

Докладъ школьной коммиссіи Яросл. губ. земск. собр. сессіи 1900 г. о работ. по составл. проекта нормальн. сѣти учил. для Яросл. губ. Ярославль. 1900 г.

Доклады очередному губ. зем. собр. 1900 г. по народному образованію. Ярославль. 1900 г.

Прив.-доц. М. П. Чубинскій. Мотивъ преступной дѣят. и его значеніе въ уголовн. правѣ. Ярославль. 1900 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

Докладъ Вятск. губ. земск. управы о книжн. складѣ. Вятка. 1900 г.

Сообщ. С. А. Мокржецкій. Защита цѣнныхъ культуръ отъ заморозковъ. Симферополь. 1900 г.

Его-же. Энтомолог. календарь для садоводовъ. Изд. Таврич. губ. зем. упр. Симферополь. 1900 г. Ц. 20 коп.

Отчетъ по естественно-историческ. музею Таврич. губ. земства за 1909 г. Симферополь. 1900 г.

А. Горовцевъ. Трудовая помощь. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

О. Петерсонъ. Сервантесъ и его произведенія. Біографическій очеркъ. Изд. Лавровой и Попова. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

А. Брилліантовъ. Досужій получасъ. Разсказы. М. 1900 г. Ц. 90 коп.

А. Майзель. Евреи въ Китаѣ. Съ нѣмец. Варшава. 1901 г. Ц. 35 коп.

С. Поспѣловъ. Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи. Изданіе Лавровой и Попова. Спб. 1901 г. Ц. 15 коп.

Родныя картинки. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Изд. тоже. Ц. 35 коп.

Викторъ Анри. Воспитаніе памяти. Изданіе журн. «Вѣстникъ Воспитанія». М. 1901 г. Ц. 40 коп.

Т. С. Пеппинъ. Страна рабочихъ клубовъ. Изд. Линдъ и Байкова. М. 1901 г. 50 к.

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи. Изд. тоже. Ц. 80 коп.

Матеріалы для оцѣнки земель Владимірск. губ. Т. III. Меленковск. уѣзда. Вып. II. Владиміръ на Кл. 1900 г. Ц. 50 коп.

Сборникъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію во Владимірской губ. Вып. 4-й. Владиміръ на Клязмѣ. Ц. 25 коп.

Обзоръ Владимірской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи за 1899 годъ. Вып. III. Владиміръ на Клязмѣ. 1900 г. Ц. 40 коп.

П. Засодимскій. Сара Гольбирхъ. Повѣсть. Изд. Лавровой и Попова. Спб. 1901 г. Ц. 75 коп.

В. Харузина. Царевна каменное сердечко. Изд. тоже. Ц. 30 коп.

К. Лукашевичъ. Красный цвѣточекъ. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Изд. тоже. Ц. 20 коп.

Н. Раменскій. Замужъ. Разсказъ. М. 1901 г. 40 коп.

Крестьянское скотоведеніе въ Вятской губ. 1898—1899 гг. Вятка. 1900 г.

И. И. Перелыгинъ. Божья мысль. Разсказъ. Изд. кн. скл. Ефимова. М. 1901 г. Ц. 30 коп.

Его-же. Статистика производствъ, облагаем. акцив. и гербов. знаковъ за 1897 и 1898 г. Изд. главн. управ. неокл. сбор. и казен. прод. питей.

— Почтово-телегр. календарь на 1901 г. Изд. М. Петрова. Ц. 50 коп.

— Спутникъ офицера. Военный календарь 1901 г. М. Петровъ. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.

— Отчетъ правленія попечительн. Об-ва о домѣ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ. Спб. 1900 г.

І. Гиббинсъ. Исторіи торговли Европы Спб. 1900 г. Ц. 85 коп.

Д. Д. Семеновъ. Городское самоуправленіе. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

А. П. Лукинъ. Отголоски жизни. М. 1901 г. 2 руб. 50 коп.

В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. Письмо седьмое. Спб. 1900 г.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Изд. П. Юргенсона. М. 1901 г. Ц. отд. тома 40 коп.

К. М. Станюковичъ. Вокругъ свѣта на «Коршунѣ». Изд. «М. Курнинъ и К°». М. 1901 г.

А. Полянскій. Русская женщина на госуд. и общ. службѣ. Изд. С. Скирмунта. М. 1901 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. И. Перелыгинъ. Жизнь на валѣ. Разсказъ изъ естественной исторіи. Изд. Ефимова. М. 1901 г. Ц. 30 коп.

Его-же. Въ своемъ гнѣздышкѣ. Разсказъ изъ естественной исторіи. Изд. то-же. Ц. 45 коп.

Поливановой перев. Исторія одного котенка. Изд. тоже. Ц. 55 коп.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Немоевскій. Листопадъ. Изд. Ненашева. М. 1900 г. Ц. 25 коп.

Н. И. Перелыгинъ. Лѣтней порою. Изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растеній. Изд. Ефимова. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Его-же. Огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Изд. тоже. Ц. 45 коп.

Джонъ Рёскинъ. Современные художники. Перев. съ англ. П. С. Когана. М. 1901 г. Ц. 2 руб. 25 коп.

Элизе Реклю. Земля Перев. Д. А. Коропчевскаго. Вып. V. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901 г. Ц 1 руб.

И. Котловъ. Шагъ за шагомъ. Изъ записокъ учителя. М. 1901 г. Ц. 70 коп.

Изданія М. Д. ОРѢХОВА.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли въ свѣтъ и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги, иллюстрированныя художникомъ М. Е. Малышевымъ.

Лѣсъ шумитъ. В. Г. Короленко (съ 7 рис.). Ц. 6 к.
Сонъ Макара. Его-же (съ 6 рис.). Ц. 8 к.
Озорникъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка (съ 4 рис.). Ц. 8 к.
Маттео Фальконе. Проспера Мериме (съ 5 рис.). Ц. 5 к.
Удружилъ. Старый панъ. Осѣдлость. А. А. Яблоновскаго (съ 5 рис.). Цѣна 8 коп.
Великій грѣшникъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка (безъ рис.). Ц 8 к.
Страшные дни. Послѣднее искушеніе. Его-же (съ 4 рис.). Ц. 5 к.
Рѣдкій праздникъ. И. Н. Потапенко (съ 7 рис.). Ц. 10 к.
Якимъ Мачукъ. Изъ жизни галиційскихъ крестьянъ. Н. Кобринской, перев. Л. Василевскаго (съ 7 рис.). Ц. 10 к.
Освобожденіе негровъ въ Америкѣ. Герштеккера (съ 7 рис.). Ц. 10 к.

Мордовцевъ Д. **Знаменія времени.** Романъ. Ц. 2 р.
Гербертсонъ. **Человѣкъ и его трудъ.** Съ 97 рис. Ц. 1 р.
Повѣсть Ежа: На разсвѣтѣ. Ц. 60 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ковальскій, Я. И. «Сборникъ первоначальныхъ опытовъ по физикѣ и химіи». 2-е изданіе.
Франко «Въ потѣ лица». Съ предисловіемъ М. Горькаго.
Либкнехтъ. «Карлъ Марксъ». Біографія и воспоминанія.

Въ ближайшую серію «**Новой библіотеки**», между прочимъ, войдутъ: **Короленко В. Г.** — «На Волгѣ»; **Федьковича.** — «Сафатъ Зиничъ» и изъ научно-популярныхъ: **Ковальскаго Я. И.** — «Объ обманахъ зрѣнія».

Складъ изданій М. Д. Орѣхова: С.-Петербургъ, Невскій просп., 54, въ книжномъ магазинѣ О. Н. Поповой.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Slavery as an Industrial System*» *by D-r H. J. Nieboer* (*the Hague, Nijhoff*). (*Рабство какъ промышленная система*). Превосходное этнологическое изслѣдованіе, авторъ котораго ограничивается изученіемъ жизни дикарей и первобытныхъ народовъ, стараясь найти всѣ соціологическіе законы, которые лежатъ въ основѣ даннаго соціальнаго явленія. Прежде всего онъ старается строго отдѣлить собственно рабство отъ другихъ аналогичныхъ ему явленій. Онъ отыскиваетъ географическія границы рабства и обсуждаетъ тѣ выводы и заключенія, которыя были сдѣланы на основаніи географическаго распредѣленія рабства. Трудъ автора носитъ вполнѣ научный характеръ; хотя онъ и примѣняетъ термины политической экономіи: капиталъ, трудъ, доходъ, рента и т. д., къ первобытнымъ условіямъ жизни, но результаты такого нововведенія получаются хорошіе. Во всякомъ случаѣ авторъ доказалъ, что можно привести въ извѣстную систему тѣ экономическіе законы, источникомъ которыхъ явилась первобытная культура.

(Athaeneum).

«*Popular studies in Mythology, Romance and Folklore*» (*Niett*). (*Популярныя очерки по миѳологіи, романической литературѣ и фольклору*). Подъ этимъ общимъ заглавіемъ изданы девять маленькихъ книжекъ, заслуживающихъ вниманія. Содерженіе ихъ разнообразно и каждый изъ авторовъ говоритъ объ отдѣльномъ предметѣ въ своей книгѣ, стараясь изложить его въ наивозможно болѣе популярной занимательной формѣ. Названія этихъ книжекъ слѣдующія: «Кельтическій и средневѣковый романъ» «Что такое фальклоръ и что хорошаго въ немъ?» «Оссіанъ и оссіановская литература». «Король Артуръ и его рыцари». «Народная поэзія финновъ». «Сказочная миѳологія Шекспира». «Миѳологія и народныя сказки». «Кукулайнъ—ирландскій Ахиллесъ».

(Athaeneum).

«*Wooings and weddings in many climes*» *by Louise Lordin Mdn* (*Pearson*). (*Свадебные обряды въ разныхъ климатахъ*). Интересная книга; авторъ ея много путешествовалъ и жилъ среди народовъ, которыхъ онъ описываетъ, такъ что былъ свидѣтелемъ и даже участвовалъ во многихъ свадебныхъ церемоніяхъ. Описанія автора представляютъ научный интересъ, но такъ какъ авторъ имѣетъ, повидимому, въ виду, главнымъ образомъ, обыкновеннаго читателя, то и старается говорить какъ можно болѣе популярнымъ языкомъ. Впрочемъ книга отъ этого нисколько не проигрываетъ. Авторъ увлекаетъ за собою читателя на Малайскій полуостровъ, въ Китай, Японію, Кантонъ и Мандалай, Австралію, Марокко, Бирманію, Аравію, Гренландію и, наконецъ, въ европейскія страны, Германію, Норвегію, Великобританію, Венгрію, Швейцарію, Италію, Россію, Швецію, Испанію и Грецію.

(Athaeneum).

«*The origins of Arts*» *by Hirn* (*Macmillan and C°*). (*Происхожденіе искусствъ*). Очень интересное психологическое и соціологическое изслѣдованіе, авторъ котораго профессоръ эстетики и современной литературы въ Гельсингфорскомъ университетѣ.

(Literary World).

«*From the Cape to Cairo*» *by Ewart S. Grogan and Arthus H. Sparp, with the introductory Letter from Cecil Rhodes* (*Harst and Blacketts*). (*Отъ Капа до Каира*). Это первое путешествіе по Африкѣ съ юга на сѣверъ описано очень увлекательно и знакомитъ читателя съ весьма мало извѣстными областями центральной Африки. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Daily News).

«*Among the Berbers of Algeria by Anthony Wilkin* (*Fisher Unwin*). (*Среди берберовъ Алжира*). Какъ и всѣ путешественники, познакомившіеся съ берберами въ Алжирѣ и Марокко, авторъ очень высокаго мнѣнія объ ихъ честности, гостепріимствѣ и нравахъ, тогда какъ обыкновенныхъ арабовъ онъ называетъ грубыми и невѣ-

жественными лѣтиями. Авторъ очень живо описываетъ свое путешествіе въ горы, свою жизнь среди берберовъ и разныя дорожныя приключенія, такъ что книга его читается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что она даетъ понятіе о странѣ и ея обитателяхъ.

(Literary World).

«*Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker*». *1 Band.* «*Die Kunst der vor-und ausserchristlichen Völker*». *Leipzig und Wien. Bibliographisches Institut.* (*Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ*). Въ своемъ прекрасно задуманномъ трудѣ авторъ утилизируетъ какъ старую, такъ и новѣйшую литературу объ искусствѣ и даетъ наивозможно болѣе полное представленіе о ходѣ развитія искусства въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Книга его дополняетъ всѣ предшествовавшія сочиненія по исторіи искусства и составляетъ цѣнный взглядъ въ литературу этого ро а. Она прекрасно иллюстрирована.

(Berliner Tageblatt).

«*Himmelsbild und Weltanschauung in Wandel der Zeiten*» *von Froels-Lund. Leipzig* (*Teubner*). (*Представленіе о небѣ и міросозерцаніе въ разныя времена*). Въ этой книгѣ авторъ поставилъ себѣ задачей изобразить эволюцію религіознаго человѣческаго міросозерцанія вплоть до XVI вѣка, поскольку развитіе этого міросозерцанія находилось въ зависимости отъ естественныхъ вліяній. Представленіе о небѣ, землѣ, адѣ, о божествахъ, людяхъ и дьяволахъ складывалось подъ вліяніемъ природы, затѣмъ постепенно оно измѣнялось подъ вліяніемъ новыхъ условій и расширенія міросозерцанія. Весьма тонкими штрихами авторъ обрисовываетъ эволюцію религіозныхъ міровоззрѣній и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на реформаціи. Книга написана такимъ образомъ, что ее прочтутъ съ одинаковымъ интересомъ какъ раціоналисты, такъ и ортодоксальные вѣрующіе. Очень хорошо также описаніе развитія идеи папства.

(Berliner Tageblatt).

«*Bilder aus der Irrenanstalt*» *von Julius Reisner, Berlin* (*Otto Salle*). (*Картины изъ жизни въ домѣ сумасшедшихъ*). Исходя изъ того убѣжденія, что въ публикѣ распространились самыя ложныя представленія объ условіяхъ жизни въ домѣ сумасшедшихъ, авторъ написалъ свой разсказъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ и испыталъ въ одной изъ большихъ психіатрическихъ лѣчебницъ въ Германіи.

(Berliner Tageblatt).

«*University of Oxford.—College Histories,—by William Keattey stride. With eight illustrations. Two volumes T. s. each volume.*—(*Оксфордскій университетъ и его колледжи*). Эта интересная исторія знаменитаго англійскаго университета и его колледжей знакомитъ читателя съ чрезвычайно любопытными и важными сторонами англійской жизни.

(Morning Post).

«*The Story my captivity during the Transvaal war*» *by Adrian Hofmeyr. London.* (*Edward Arnold*). (*Исторія моего плѣна въ теченіе Трансваальской войны*). Авторъ этой интересной книги въ началѣ Трансваальской войны былъ взятъ въ плѣнъ. Онъ описываетъ свое пребываніе въ Преторіи въ качествѣ плѣннаго и то непріятное чувство, которое овладѣло имъ вслѣдствіе лишенія свободы. О бурахъ авторъ старается судить безпристрастно и даже доброжелательно, но, тѣмъ не менѣе, досада на нихъ часто увлекаетъ его и заставляетъ даже высказывать довольно рѣзкія сужденія.

(Manchester Guardian).

«*Foundations of Knowledge*» *by Alexander T. Ormond, prof. of phylosophy in Princeton University. London* (*Macmillan and C°*). (*Основы знанія*). Эта книга написана не для начинающихъ, а для читателей съ достаточно уже развитымъ критическимъ философскимъ мышленіемъ. Въ исторіи англійской философской мысли авторъ разсматриваетъ отношенія нео-эмпиризма къ нео-позитивизму и синтетической философіи Спенсера, а также развитіе нео-раціонализма (школы, основанной Гриномъ и англійскими гегеліанцами). Авторъ раздѣляетъ свою книгу на три части: въ первой онъ излагаетъ свои основныя положенія. Во второй онъ говоритъ объ эволюціи категорій знанія, а третью часть посвящаетъ изслѣдованію трансцендентальнаго фактора въ знаніи. Несмотря на трудность темы и на то, что она предназначается для читателей съ уже развитымъ философскимъ мышленіемъ, книга эта написана все же настолько понятнымъ языкомъ, что ее могутъ прочитать съ удовольствіемъ люди и безъ всякой подготовки къ подобному чтенію.

(Morning Post).

«*A Vezier's Daughter*» *by d-r Lilias Hamilton* (*Murray*). (*Дочь визиря*). Авторъ этой очень занимательной книги, миссъ Гамильтонъ, давно уже состоитъ придворнымъ врачемъ афганскаго эмира и живя при дворѣ азіатскаго властителя столько лѣтъ, миссъ Гамильтонъ, конечно, имѣла возможность изучить страну, въ которой ей приходится жить и работать. Свои очерки афганской жизни она написала въ формѣ повѣсти, причемъ главныя дѣйствующія лица этой повѣсти заимствованы ею прямо изъ жизни.

(Review of Rewiews).

«*De la question Sociale*» *par M. Mirveaux* (*Giard et Brière*). *Paris.* (*О социаль-*

номъ вопросъ). Авторъ ищетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса и анализируетъ способы, предлагаемые для его рѣшенія. Его собственная теорія, впрочемъ, мало отличается отъ тѣхъ, которыя предлагались уже другими авторами, обсуждавшими соціальный вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

(Journal des Débats).

«*Institutions politiques de l'Europe contemporaine*» *par E. Flandin. Paris.* (*Le Soudier*). (*Политическія учрежденія современной Европы*). Въ этой книгѣ описываются политическія учрежденія Англіи и Бельгіи: конституція, правительство, парламентскія собранія, мѣстная администрація и правосудія. Читатель можетъ получить полное знакомство съ политическимъ устройствомъ двухъ названныхъ странъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Buchder Erfindungen, Gewerbe und Industrien*» *Gesammtdarstellung aller Gebiete der Gewerblichen und industriellen Arbeit, so wie von Weltverkehr und Weltwirthschaft.* (*Verlag von Otto Spamer*). *Leipzig.* (*Книга изобрѣтеній; ремесла и промышленность*). Обширный трудъ, затѣянный издателемъ, заканчивается этою книгою, представляющей обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ изобрѣтеній и усовершенствованій въ области ремеслъ и промышленностей, прославившихъ закончившійся вѣкъ. Въ этомъ послѣднемъ томѣ собранъ громадный матеріалъ. прекрасно сгруппированный и дающій полное понятіе объ успѣхахъ человѣчества. Первая глава книги посвящена развитію почтовыхъ учрежденій и сношеній во всѣ времена. Масса иллюстрацій знакомитъ читателя съ различными способами почтовыхъ сношеній, отъ гонца и курьера вплоть до почтоваго вагона. Послѣ почты слѣдуетъ телеграфъ, затѣмъ типографское и графическое искусство, изобрѣтеніе фотографіи и, наконецъ, въ заключеніе помѣщена статья доктора Ридля, который въ общихъ чертахъ рисуетъ ходъ развитія экономической жизни и даже старается при этомъ приподнять слегка завѣсу будущаго.

(Frankfurter Zeitung).

«*A literary History of America*» *by Barrett Wendell* (*Fisher Unwin*). (*Литературная исторія Америки*). Въ своей прекрасно написанной книгѣ авторъ старается прослѣдить связь, существующую между англійской и американской исторіей не въ одной только литературѣ. По мнѣнію автора, американцы не должны отказываться отъ англійскаго наслѣдства, такъ какъ оба народа раздѣляютъ только политическія заблужденія. Мнѣніе, высказываемое объ американской литературѣ, не очень лестное, но, тѣмъ не менѣе, авторъ находитъ, что въ этой литературѣ отражается вся исторія Америки. Въ заключеніе авторъ выражаетъ надежду, что американская литература станетъ развиваться на ряду съ англійскою литературою и Англія перестанетъ смотрѣть на Америку, какъ на врага, а отнесется къ ней, какъ къ родному ей народу, литература котораго уже потому должна имѣть много точекъ соприкосновенія съ англійскою литературою. Авторъ, между прочимъ, старается доказать, что литература всякого народа служитъ болѣе или менѣе отраженіемъ его исторіи.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

X-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** X-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 28 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1901 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Колтоновскаго, Ладыженскаго, Маковскаго, Тана, Чюминой; «Сирота», повѣсть **М. Альбова**; «Инженеры», романъ **Н. Гарина**; «Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство», деревенскіе очерки **Лид. Нелидовой**; «Янгъ-Хунъ-цзы» («Заморскій чортъ»), разск. **А. В. Потаниной** и **Вацл. Сѣрошевскаго**; «Изъ гимназической жизни» (очерки недавняго прошлаго), **А. Яблоновскаго**; «Записки студента Павлова», разск. **С. Юшкевича**; повѣсть **И. Потапенки**. Разсказы **Бунина, Тана, Яблоновскаго, Потапенко, Станюковича** и др.—Переводные романы: «Незамѣтныя жизни», **Сам. Гордона**, изъ общ. жизни, Англіи, пер. съ англ.; «Неудачникъ», съ датскаго, **Іонаса Ли**.

Отдѣлъ II. Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Атомъ и кристаллъ», **В. Агафонова**; «Палеонтологическія раскопки на сѣверѣ Россіи», проф. **Амалицкаго**; «Историческій очеркъ геологическихъ знаній», проф. **Павлова**.—ИСТОРІЯ: «Очерки исторической мысли въ XIX в.», проф. **Виппера**; «Возрожденіе и гуманизмъ», историческій очеркъ, **А. Дживелегова**; «Очерки по исторіи русской культуры»(продолженіе ч. III), **П. Милюкова**; «Адольфъ Тьеръ», историко-біографическій очеркъ **Ев. Тарле**; «Умственная жизнь во Франціи отъ эпохи Возрожденія до XIX в.», историческій очеркъ **Ев. Тарле**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Польская молодая литература» (современные польскіе беллетристы), **Ев. Дегена**; «Новалисъ—поэтъ голубого цвѣтка» и «Гофманъ—поэтъ-сказочникъ», два очерка изъ исторіи романтизма, **Ев. Дегена**; «На рубежѣ столѣтій» (просвѣтительное движеніе русской литературы XIX в.) **В. Острогорскаго**; «Искусство на всемірной выставкѣ въ Парижѣ», **Вл. Стасова**; «Актеры, театръ и публика въ изображеніи Островскаго», **А. Ѳомина**; «Эволюція нѣмецкой художественной литературы въ XIX в.», **М. Г.**—ФИЛОСОФІЯ: «Очеркъ первобытной философіи», **Л. Кржвицкаго**; «Кантъ и его значеніе для современной философіи», проф. **Г. Челпанова**.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ: «Портреты изъ общественной исторіи Англіи», **Л. Давыдовой**; «Аграрный вопросъ на Западѣ», **І. Давыдова**; «Историческій матеріализмъ», **П. Струве**; «Очерки изъ исторіи политической экономіи», **М. Туганъ-Барановскаго**; «Еврейскій пролетаріатъ въ Галиціи и Англіи», **Б. Вольфензона**.—ПУБЛИЦИСТИКА И РАЗНЫЯ СТАТЬИ: «Наканунѣ

реформы» (по поводу реформы средней школы), мысли и наблюденія педагога, Н. П
«Англія и Индія», Т. Богдановичъ. — ПЕРЕВОДНЫЯ ЦѢЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ:
«Исторія хозяйственнаго быта въ связи съ соціальными ученіями до французской революціи 1789 г.», проф. Георга Адлера, пер. съ нѣм. подъ ред. П. Струве; «Въ страну ламъ» (путешествіе по Китаю и Тибету), Вильяма Рокхилла, пер. съ англ. подъ ред. В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Отчеты о болѣе выдающихся произведеніяхъ и книгахъ, русскихъ и иностранныхъ.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности разныхъ обществъ, и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Содержаніе болѣе выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ и т. п. на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ для русскихъ читателей статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный обзоръ. Статьи и сообщенія по разнымъ вопросамъ естествознанія и техники, написанныя спеціалистами. Дополненіемъ къ нему служатъ **научныя новости**, составляемыя по иностраннымъ и русскимъ журналамъ.

Библіографическій Отдѣлъ. Рецензіи и отзывы о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованныхъ читателей. — **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о болѣе важныхъ или интересныхъ книгахъ, появляющихся за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:		По третямъ года:	
Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.	Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ	3 р.
За границу	5 »	» апрѣлѣ	3 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.		» августѣ	2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

Тип. И. Фирсакова, Надежд. наб.

стр.

мы.—Причины экономическаго упадка крестьянства по земскимъ отзывамъ.—Несчастный край.—Положеніе горнорабочихъ на югѣ Россіи.—Новая община сестеръ милосердія.—За мѣсяцъ. 14

16. **Изъ русскихъ журналовъ.** Устройство подвижныхъ школьныхъ музеевъ.— Влад. Серг. Соловьевъ.— Смѣна общественныхъ настроеніи въ XIX вѣкѣ.—«Новая женщина» въ современной западно-европейской литературѣ.—Новыя вѣянія въ сценическомъ искусствѣ. — «Русскій Манчестеръ». — Возрожденіе ирландской національной борьбы. 28

17. **За границей.** Королева Викторія.— Университетскіе дебаты въ Англіи.—Австралійская федерація. —Новая школа во Франціи и общество соціальнаго воспитанія.— Арнольдъ Беклинъ. . . 37

18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Антимилиратизмъ въ Германіи.— Современный китайскій романъ.—Новый переворотъ въ промышлености 50

19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ Современное состояніе вопроса объ иммунитетѣ при инфекціонныхъ болѣзняхъ. Проф. **Мечникова.** Переводъ съ французскаго 54

20. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Газы аргонъ геліевой группы и періодическая система элементовъ.—Золото въ растеніяхъ. В. **Агафонова.**—† Потэнъ (Potain). Д-ра Левашева 68

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы — Исторія всеобщая.—Философія.—Учебныя книги.— Естествознаніе и путешествія.—Новыя книги поступившія редакцію. 74

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОБЕЗДОЛЕННЫЕ. Романъ **Самуэля Гордона.** Перев. съ англ. **А. Каррикъ.** (Продолженіе) 33

24. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. **В. В. Рокхиля.** Перев. съ англійскаго подъ редакціей **В. К. Агафонова** съ предисловіемъ и примѣчаніями **Г. Е. Грумъ-Гржимайло.** Съ рисунками и картой 33

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(23 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25 — 8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы — въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час. *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

60ct'55 JL

OCT 13 1955 LM

1Jun'56LM

SEP 09 1993

AUTO DISC CIRC OCT 05 '93

LD 21–100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C022830206